

Филиппа Грегори Избранное дитя, или Любовь всей ее жизни

Вайдекр – 2

www.megabook.do.am

Аннотация

Джулия и Ричард с самого детства живут в поместье Вайдекр. Джулия — дочь умершего владельца поместья и единственная наследница. Больше всего на свете она любит своего кузена Ричарда, ее близкого друга и товарища по играм. Она прощает ему любые прегрешения, не желает замечать очевидное — как жесток он к ней, как часто предает ее. Джулии неведома подлинная история их рождения, окутанная ужасной тайной. Однако в своих снах она видит события, которые происходили не с ней и которые еще только должны произойти, и подозревает, что унаследовала дар предвидения от своей тетки Беатрис, убитой в поместье много лет назад...

Филиппа Грегори — одна из самых популярных современных английских писательниц. Ее блистательные исторические романы об английских королях и королевах переведены на многие языки, а роман «Еще одна из рода Болейн» стал мировым бестселлером и экранизирован (в главных ролях Скарлетт Йохансон и Натали Портман).

Филиппа Грегори Избранное дитя, или Любовь всей ее жизни

Сон

Сначала был сон. Это было первое, что я запомнила в жизни. Я видела этот сон даже прежде, чем узнала Ричарда, прежде чем я увидела Вайдекр, родные пологие холмы, окружающие и охраняющие мой дом. Этот сон я помню всегда. Сначала был сон.

Но это не был сон ребенка, это не был мой сон. Он принадлежал кому-то другому. Только я не знала, кому.

Во сне я испытывала боль, жестокую нечеловеческую боль, которую я надеялась не

испытать никогда в жизни. Ноги мои болели от долгого бега по острым, холодным камням, они были покрыты грязью и кровью от тысячи порезов и ран. Спотыкаясь, я бежала к реке через лес и в кромешной тьме зимней ночи уже слышала грозный рев реки.

Я бежала бы еще быстрее, если б не моя ноша, сухой и теплый сверток, спрятанный у меня под накидкой. Это было новорожденное дитя. Мое дитя, моя девочка. Она принадлежала мне, и я должна убить ее. Мне нужно опустить ее крошечное тельце под воду и держать его там, пока не захлебнется. А потом отпустить его, и пусть оно несется вниз по волнам, переворачиваясь и стучаясь о камни, пока не исчезнет из виду. Я должна это сделать.

Внезапно шум реки стал еще громче, деревья передо мной расступились, и у меня от страха даже остановилось дыхание. Безобидная Фенни превратилась в грозный, бушующий поток, неся поваленные деревья словно соломинки. Ствол дерева, обычно служивший нам мостиком, снесло, и он исчез в ревуших волнах. Кажется, я закричала от страха, но сама не слышала своего крика. Мне нужно спуститься к воде, потому что я должна утопить этого ребенка. Я должна. Это мой долг перед всеми поколениями Лейси.

Та жестокая боль, от которой, казалось, разорвется мое сердце, была невыносима, и я начинала выкарабкиваться из этого сна. Я не видела, как опустила теплое тельце в воду, как выполнила свой долг. Какая-то часть моего разума осознавала, что это всего только сон, и старалась стряхнуть его. Но он цепко держал меня. Мне казалось, что я раздваиваюсь: одна часть моего сознания принадлежала маленькой девочке, старающейся проснуться и плачущей от страха, а другая — женщине, бегущей к реке, чтобы утопить собственного ребенка, как щенка. Чтобы волны реки вынесли его тельце далеко-далеко за пределы Вайдекра.

Глава 1

Сейчас я — старая женщина. В своем собственном сердце я — стара, устала и жду смерти. Но когда-то я была ребенком, малышкой, которая знала все и, одновременно, не знала ничего. Девочкой, которая могла видеть прошлое и видела его смутно, словно подернутым какой-то дымкой. И могла видеть будущее, будто смотрела в него при свете молнии. Эта мозаика осколков времен сформировала мое детство, как падающие капли воды формируют странные формы сталактита.

О! Теперь я все знаю. Как глупа я была! Я была так безобразно глупа все эти годы. Но сейчас я стряхнула с себя наваждение и разломала раковину лжи и полуправды, в которой жила всю жизнь. Пелена с моих глаз упала, и я наконец стала понимать правду, стала единственным человеком, понимающим ее. Единственным. Я осталась одна. Только я и моя земля.

Это была не просто земля. Это было объяснение моей жизни и мое оправдание. Это — Вайдекр, расположенный в самой южной точке Англии, прекрасный и богатый, как сад, самый первый сад на земле. Гряда Южных Холмов защищает его с севера подобно сложенным вместе ладоням, высокие округлые холмы покрыты пахучей травой, луговыми цветами, с вьющимся над ними целым сонмом синих бабочек. Эти холмы заключали в себе весь мой мир. Мир, центром которого был Холл. Почерневшие руины, к которым вела мощеная дорога через лес и разросшийся розовый сад. В прежние дни экипажи, подъезжавшие к парадному входу, проезжали мимо плодородных полей, мимо высоких чугунных ворот. Слева от дороги белела опрятная деревушка Экр, домик викария и церковь со стройным шпилем. Поодаль пролегла дорога на Лондон, по которой дилижансы из Мидхерста ехали напрямик на север, в столицу.

Меня зовут Джулия Лейси, я дочь сквайра Вайдекра и его жены Селии Хаверинг. Я была их единственным ребенком, единственной наследницей. Росли мы вместе с моим кузеном Ричардом, сыном папиной сестры Беатрис. Папа и его сестра ввели нас с Ричардом в совместное владение Вайдекром. Мы должны были управлять им вместе.

Таковы факты. Но была еще и другая правда. Правда, в которой Беатрис отчаянно

мечтала управлять поместьем своего брата одна, и ради этого она лгала, строила козни, губила землю и убивала — о да, Лейси всегда были убийцами на своей земле. Она не останавливалась ни перед чем ради своей выгоды. Она отняла у крестьян общинную землю и приказала выкорчевать их деревья, она подняла арендную плату и засадила всю землю пшеницей. Она свела своего мужа с ума и украла его состояние. Она властвовала над своим братом всеми доступными женщине способами. Она год за годом разоряла людей и землю, пока они не отчаялись и не явились к ней с зажженными факелами и безногим предводителем на вороном коне.

Они убили ее.

Убили и разрушили ее дом. Они разорили Лейси и поставили себя вне закона.

Мой папа, сквайр, умер в ту же ночь от разрыва сердца. Муж Беатрис, доктор Джон Мак-Эндрю, уехал в Индию, чтобы заработать денег и расплатиться с кредиторами. В Вайдекре остались только мы троим: моя мама, мой кузен Ричард и я. Жили мы в маленьком Дауэр-Хаусе, на полпути между разрушенным Холлом и разоренной деревней. Нас трое, двое слуг и целый сонм привидений.

Постепенно я узнала их всех. Я видела их. Конечно, не очень ясно. Иногда по ночам до меня доносились отголоски чьих-то слов или журчанье чьего-то смеха. Однажды я проснулась от гула приближающейся толпы и увидела, что моя спальня освещена заревом пожара от горящего Вайдекр Холла. Это была та толпа, которая убила моего папу и Беатрис. Которая оставила в живых только нас троих.

Самой реальной в реальной жизни была моя мама. Ее бледное лицо в форме сердечка с бархатистыми карими глазами. Когда она была молода, ее волосы были белокурыми, но теперь тусклые серые нити виднелись в них там и сям, словно горе и заботы запустили свои цепкие пальцы в эту массу золота. Она овдовела, когда мне было всего два года, и я помню ее только в лиловом или черном. Когда мы были маленькими, она потешалась над тусклыми цветами и клялась, что выйдет замуж за торговца тканями из-за его тюков ярких разноцветных шелков. Но шли годы, мы росли, богатый торговец не являлся, птицы не несли золотых яиц, на деревьях не росли бриллианты, и она не смеялась больше над своими старыми темными платьями, поношенными и вытертыми на швах.

И еще в реальной жизни был Ричард. Мой кузен Ричард. Мой самый близкий друг, мой маленький тиран, мой лучший союзник, мой худший враг, предатель, товарищ, соперник, жених. Я не помню времени, когда бы я не любила его. Так же как я не помню времени, когда бы я не любила Вайдекр. Он был частью меня самой, такой же частью, как высокие деревья в парке, холмы и заросли вереска. Я не помышляла никогда ни о чем другом. Я не могла вообразить себя без Ричарда или без этого дома. Это было бы все равно, что не быть Лейси.

Я была счастлива в своей любви. Потому что Ричард, мой любимый брат, был одним из тех счастливых детей, которые притягивают к себе любовь так же естественно, как растет трава. На улицах Чичестера люди с улыбкой оборачивались ему вслед при виде его легкой походки, копны черных кудрей, тревожно сияющих голубых глаз и прелестной улыбки. А тот, кто слышал его пение, готов был полюбить его только за это. У него был один из тех чудесных мальчишеских голосов, которые словно парят высоко-высоко в небе и кажутся звуками арфы, долетающими из рая. Я так любила его пение, что добровольно обрекала себя на муки вечных фортепианных гамм, чтобы только научиться аккомпанировать ему.

Он любил петь дуэты, но ни угрозами, ни лестью не мог заставить меня верно держать мелодию. «Слушай, Джулия! Слушай же!» — кричал он мне, выводя чистую как журчание весеннего ручейка ноту, повторить которую мне не удавалось. Вместо этого я барабанила свою партию на фортепиано, мама пыталась тихонько подпеть ему, а его чистый голос поднимался все выше и выше, заполняя собой гостиную, и сквозь приоткрытое окно лился на свободу, в вечерние сумерки, соперничая с пением птиц.

И в такие минуты, когда весь дом затихал, слушая его, я чувствовала, как они появляются. Привидения обступали нас, словно выскальзывая из тумана и подступая все

ближе. Я знала, что они рядом, мама Ричарда, Беатрис, и мой папа, сквайр, как они всегда были рядом во времена триумфа и разрушений Вайдекра.

Голос Ричарда звенел и звенел, я барабанила по клавишам фортепиано, мама, забывшись, роняла шитье на колени, а они стояли рядом, словно ожидая чего-то. Чего-то, что должно было произойти. Что опять должно случиться в Вайдекре.

Я была старше на год, но Ричард был выше и плотнее меня. Я была дочерью сквайра и единственной из Лейси, он же был мальчиком и прирожденным повелителем. Нас воспитывали как деревенских детей, но при этом никогда не разрешали ходить в деревню. Мы росли изолированно, словно на островке, запрятанном в густом лесу Вайдекрского парка, будто двое заколдованных ребятишек из сказки.

Ричард всегда был лидером. Это он придумывал игры и изобретал правила для них, а я вечно восставала против. Ричард злился и брал на себя функции и судьи и экзекутора, а я, бледная и заплаканная, отправлялась к маме с жалобами, чем непременно обеспечивала нам обоим наказание. Нам часто доставалось от мамы, поскольку мы были недружной парой заядлых грешников. Ричард бывал непослушным, а я не могла противиться искушению.

Однажды я заслужила нагоняй от мамы, которая заметила мой выпачканный передничек и уличила нас в похищении компота из кладовой. Ричард нагло отрицал все, широко раскрыв для убедительности глаза, я же призналась сразу в похищении не только этого компота, но еще и банки джема, пропажа которой не была обнаружена.

Ричард ничего не сказал, когда мы покидали мамину гостиную, уставив глаза в пол и виновато шаркая ногами. Он не говорил ничего весь день. И только к вечеру, когда мы играли у реки и он шлепал босиком по воде, он вдруг остановился и поманил меня.

— Тише, смотри, там гнездо зимородка, — показал он куда-то, но когда я подошла и встала, подобрав юбки, рядом с ним, то ничего не увидела. Тут он схватил меня за руки и, крепко сжав их, держал так, чтобы я не могла вырваться. Его улыбка в то же мгновение превратилась в злую гримасу, и он прошипел:

— В этой реке водятся водяные змеи, Джулия, и они сейчас плывут сюда, чтобы укусить тебя.

Больше ему ничего не нужно было говорить. Сразу же рябь на воде показалась мне волнами, расходящимися от их коричневых широких голов, а прикосновение водорослей к лодыжке — их скользкими телами. И пока я не разрыдалась от страха, а мои запястья не стали красными от хватки Ричарда, маленький тиран не отпускал меня.

Но при виде моих слез его гнев сразу улетучился, и он простил меня. Он вынул платок из кармана и вытер мне глаза. Он обнял меня и стал утешать, называя всякими уменьшительными именами. А затем он запел и стал петь мне все любимые мои песни, пока не устал.

Когда мы вернулись домой в золотых летних сумерках долгого дня и мама всплеснула руками при виде моего испачканного платья, грязных волос и мокрых башмаков, я сказала ей, что упала в реку, и выслушала ее упреки без малейшего слова жалобы. За это я была вознаграждена. Позже, когда мама сидела одна в гостиной, Ричард пришел ко мне в спальню с полными руками всяких сладостей, частью выпрошенных им, частью стащенных у миссис Гау, нашей кухарки. И, усевшись рядом, он стал совать мне в рот все самые лучшие, самые сладкие из своих трофеев.

— Я так люблю, когда ты хорошая, Джулия, — сказал он, поднося к моим губам засахаренную вишню, за которой я поворачивала голову, как комнатная собачонка.

— Нет, — сказала я грустно, выплевывая косточку в его грязную ладошку. — Нет, ты любишь, когда я плохая. Врать маме совсем не хорошо, но если бы я рассказала ей, что ты пугал меня водяными змеями, она бы велела выпороть тебя.

В ответ на это Ричард беззаботно расхохотался, будто он был не на год моложе, а на несколько лет старше.

— Ш-ш-ш, — прошептала я, услышав мамины шаги в гостиной.

Он быстро сгреб остатки нашего пиршества и выскользнул из комнаты. Мама шла медленно-медленно, останавливаясь на каждой ступеньке, словно она очень устала. Когда скрипнула дверь в мою комнату, я поплотнее зажмурила глаза, но обмануть ее мне никогда не удавалось.

— Ах, Джулия, — любяще пожурила она меня, — если ты не будешь засыпать вовремя, ты будешь плохо расти.

Я быстро села в кровати и протянула к ней руки. От нее всегда так чудесно пахло лилиями и чистотой. Ее волосы стали тусклыми от седины, а вокруг глаз пролегли морщинки. Денежные заботы рано состарили ее, но она нежно улыбалась мне, и любовь делала ее лицо прекрасным. Она носила старые поношенные платья и заштопанные воротнички, но походка и запах мамы говорили о том, что она леди с головы до пят. Я вздохнула от восторга и обняла ее покрепче.

— Ты писала письмо дяде Джону? — спросила я, когда она поправила и подоткнула поплотнее мое одеяло.

— Да.

— А ты написала ему, что Ричард хочет брать уроки пения?

— Написала, — улыбнулась она, но я видела, что ее глаза остались грустными.

— Ты думаешь, он пришлет деньги на это? — продолжала расспрашивать я.

Моя привязанность к Ричарду заставляла меня быть настойчивой.

— Я сомневаюсь, — ровно сказала она. — У нас есть много более важных расходов, Джулия. Нам следует расплатиться с кредиторами. И откладывать на образование Ричарда. А у нас ведь не так много денег.

Да, их было не очень много. Миссис Гау и Страйд работали скорее из преданности, чем за жалованье. Питались мы только дичью из поместья Хаверинг и рыбой из нашей Фенни. Овощи росли на нашем огороде, а фрукты нам присылала моя бабушка из Хаверинг Холла, вино было редкой роскошью на нашем столе. Мои платья переходили мне по наследству от моих троюродных сестер, а воротнички на рубашках Ричарда перелицовывались снова и снова, пока не оставалось ни рубашки, ни воротничка. Мама соглашалась принимать одежду и еду от своей матери, но она никогда не позволила бы себе обратиться к ней с просьбой о деньгах. Она была очень горда, моя мама.

— Спи, детка, — прошептала мама и направилась к двери.

— Доброй ночи, — отозвалась я и послушно закрыла глаза. Но сон не шел ко мне, и я лежала, вслушиваясь в ночные звуки дома. Вот мамин шаг в спальне и легкий скрип кровати, когда она быстро прыгнула в нее, замерзнув на холодном полу. Вот шаг Страйда, запиравшего заднюю дверь и проверявшего парадный вход так тщательно, будто у нас было что красть. А вот он тяжело взбирается по черной лестнице в свою спальню на верхнем этаже.

Дом затих, и послышались шумы снаружи. Вот скрипнула ставня, вот раздался отдаленный крик совы, низко летящей над уснувшими полями. Вот далеко в лесу послышался короткий лай лисицы. Я воображала себя совой, летящей над темной, словно пиратский корабль, деревней, и над заросшей вереском пустошью, и над широкой аллеей, ведущей к Холлу. Если бы я на самом деле была совой, я бы полетела к единственной стене, уцелевшей в пожаре, погубившем и дом, и семью, и теперь гордо возвышающейся над почерневшими руинами.

Уже тогда, будучи совсем ребенком, я понимала, что на земле должно существовать какое-то равновесие. Люди, имевшие так много, должны испытать и бедность. Плодородное поле должно иногда отдыхать. Земля тоже имеет свои права. Моя теть Беатрис была самой лучшей хозяйкой на многие мили вокруг, и тем не менее все пошло плохо, хотя мне никто не говорил почему. Когда она умерла (в ту же ночь умер и мой папа), пожар погубил все и почти вся семья погибла.

С того дня все пошло кривь и вкось в Вайдекре. Люди в деревне жили в грязи и бедности, как цыгане, мама и я, единственные оставшиеся в живых представители семьи

Лейси, ходили в поношенных платьях и не имели кареты. Но что было хуже всего, особенно для мамы, это то, что у нас не было власти. Нет, не той власти, которой обладают сквайры. Но той, что позволила бы поправить непоправимое. Никто не мог спасти сейчас Экр.

Однажды жарким летним днем к нам приехал доктор Пирс, он вошел в гостиную следом за Страйдом. Мне в тот год было десять лет. Я сидела у окна, листая партитуры песен Ричарда, он сам лениво наигрывал гаммы на фортепиано, мама шила.

— Простите мне это вторжение, леди Лейси, — стараясь перевести дыхание, торопливо заговорил доктор Пирс. — Но в Экре творится что-то невообразимое. У них забирают детей.

— Что? — непонимающе переспросила мама, невольно бросив испуганный взгляд в окно. Это слово «забирают», что бы оно ни значило, мгновенно испугало и меня.

— Там приходский надзиратель из Чичестера, — попытался объяснить священник, снимая и вновь надевая перчатки. Он даже не замечал, что делает. — У него есть приказ от какого-то владельца мануфактур на севере. Им требуются для работы дети из неимущих семей.

Мама кивнула, машинально наблюдая за возней с перчатками.

— Но это натуральная продажа в рабство! — воскликнул доктор Пирс. — Они даже не спрашивают у людей согласия. Леди Лейси! Они могут забрать любого ребенка. Ни одна семья в Экре не имеет работы. А эти приехали в громадной повозке и отбирают самых здоровых и крупных ребятешек. Когда я был там, они забрали уже троих.

Я взглянула на маму. Она стояла выпрямившись, слегка опираясь на стул, а ее лицо отсвечивало желтым в вечернем сумраке дня.

— Зачем вы приехали ко мне? — тихо спросила она.

— Я подумал, — и он опять скомкал перчатки в одной руке, — я подумал, что вы, должно быть, знаете, как поступить. И что вы могли бы остановить их.

Мама медленным безвольным жестом обвела пустую гостиную, покосившийся стол, старое разбитое фортепиано, одинокий коврик у камина.

— Я — просто женщина, не имеющая ни власти, ни влияния, — медленно проговорила она.

— Но ведь вы вдова сквайра! — воскликнул доктор Пирс.

— А вы — священник! — горько заметила она. — И ни один из нас не в состоянии остановить того, что происходит.

— А ваш отец? Лорд Хаверинг?

— Он считает, что там живут одни преступники, и не шевельнет пальцем, даже если их всех сотрут с лица земли, — махнула она рукой. — Кроме того, он верит в эти новые фабрики. Он даже вложил в них деньги.

Доктор Пирс без приглашения опустился на стул и стал скатывать перчатки в тугой комок.

— Значит, мы ничего не можем сделать? — беспомощно переспросил он.

— У меня нет возможности остановить их, — мама тоже села и взяла в руки шитье. — Все это делается законно?

— С точки зрения юридической — да, но морально ли это?

— Тогда я ничем не в состоянии помочь им, — продолжала тихо мама. — Может быть, вам следует настоять, чтобы родителям сообщили адреса детей, и они могли бы забрать их, если времена улучшатся.

— Если времена улучшатся... — как эхо отозвался доктор Пирс и поднялся на ноги.

Мама сидела не поднимая головы, и я чувствовала, что на глазах у нее появились слезы.

Видимо, доктор Пирс тоже почувствовал ее волнение, потому что он низко склонился в поклоне, будто перед королевой.

— Я зайду к вам на днях, — сказал он. — Положение в деревне очень тяжелое, но я постараюсь сделать что в моих силах.

— А они прислушаются к вашим советам? — спросила мама.

Впервые за этот день доктор Пирс улыбнулся своей слабой, беспомощной улыбкой.

— Сомневаюсь, — усмехнулся он. — Во всяком случае, прежде они этого не делали. Но я должен выполнить свой долг.

Сделать он мог очень мало. Самые сметливые из взрослых попрытали своих детей, как только телега показалась в конце улицы. Таким образом, приходским чиновникам удалось увезти только шестерых ребят. Они объявили потрясенным родителям, что дети будут работать на больших мельницах где-то на севере, там они получают надлежащее религиозное и ремесленное образование и позднее смогут даже помогать своим родителям. Экр выслушал эти обещания в скорбном молчании, и дети уехали.

Каждое воскресенье моя бабушка возила нас в своем экипаже в чичестерский кафедральный собор на службу. Мама теперь не хотела, чтобы мы появлялись в нашей деревенской церкви, но доктор Пирс написал ей успокаивающее письмо и заверил, что в деревне все совсем как прежде и мы будем в полной безопасности.

Но я заметила, что все обстоит совсем не так, как прежде.

Дети, которые раньше приходили к нашим воротам поглазеть на домик, больше не появлялись. Девочки, приседавшие перед нами, когда мы проходили в церкви к нашей скамье, сидели неподвижно, не поднимая глаз. И каждый ребенок научился стремглав убегать в заросли вереска на общинной земле и прятаться там при виде незнакомой коляски, сворачивающей в деревню.

Но в Экре все действительно было спокойно и тихо, словно из нее увезли не шестерых детей, а саму жизнь.

Лето в том году стояло очень жаркое, жаркое и безветренное. Мама страдала от головных болей и не позволяла нам гулять за пределами нашего поместья. Однажды я спросила ее, уже не в первый раз, почему мы такие бедные, почему эти люди сожгли Холл и почему она — самая главная в нашем маленьком мире — не может ничего сделать там, за порогом нашего дома. В ответ на это ее лицо, тоже уже не в первый раз, приняло мрачное выражение, которого мы с Ричардом привыкли бояться, и она тихо сказала:

— Не сейчас, дорогая. Я объясню тебе все, когда ты станешь постарше.

Такой ответ вполне удовлетворил нас с Ричардом, ибо двигало нами лишь ленивое любопытство детей. На протяжении всей нашей жизни мы видели Холл стоящим в развалинах, а землю — невозделанной, и мы даже представить себе не могли, что когда-то все было иначе. Предоставленные в то изнурительное лето самим себе, мы без конца бродили по парку, играли, мечтали, болтали.

— Я хотел бы носить фамилию Лейси, — сказал мне однажды Ричард, когда мы, растянувшись в траве, лениво разглядывали бледное небо над нами.

— Почему? — спросила я так же лениво, как он. Между моими большими пальцами была зажата узкая травинка, и я все дула в нее и дула, пытаюсь извлечь мелодичный свист.

— Чтобы быть Лейси из Вайдекра, — объяснил он. — Чтобы меня все знали. И чтобы никто не мог соревноваться со мной в богатстве и могуществе.

Я бросила свое бесполезное занятие и, перевернувшись на живот, подвинулась к нему.

— Когда мы поженимся, ты можешь взять мое имя, — предложила я. — И станешь Лейси, если захочешь.

— Хорошо, — польщенно согласился Ричард. — И мы отстроим заново Холл и устроим тут все, как было раньше. И я стану сквайром, как хотела моя мама.

Я беспрекословно кивнула.

— Давай по дороге домой зайдём в Холл, — сказала я, и он поднялся на ноги.

Пригнувшись, чтобы не зацепиться за низкие ветви, мы гуськом побежали по едва заметной тропинке, ведущей к бреши в густой изгороди парка. Эта тропинка была известна только нам двоим да еще, наверное, оленям, кроликам и лисам.

Браконьеры творили в Экре что им только могло заблагорассудится. Беллингс, наш

геймкипер, был ничуть не лучше большинства из них. Но все они избегали появляться вблизи закопченных развалин Холла. Здесь по-прежнему единственными хозяевами были Лейси.

— Давай играть, будто мы — сарацины, — с бесстрашием ребенка предложил Ричард, и мы тут же сломали по длинной орешине, превратив их в мечи и держа наготове. По быстрой команде Ричарда мы оба плюхнулись на животы и, извиваясь как черви, поползли в огород, который уже не был огородом и весь зарос таволгой и бурьяном.

Около Холла все тоже пришло в запустение, между булыжниками дороги проросла трава, насос подле конюшни заржавел, а вода стояла зеленым болотцем у стока водосточной трубы.

— Мы — сквайры Лейси, — отдал новый приказ Ричард и с церемонным поклоном предложил мне согнутую калачиком руку. Расправив свое испачканное муслиновое платье, я сделала реверанс, жеманно улыбнулась и приняла ее. Мы прошли по двору, задрав подбородки и изображая людей, которыми нам следовало быть.

— Чертовски хорошая была сегодня охота, — светски заговорил со мной Ричард.

— Чертовски хорошая, — эхом отозвалась я.

Оглянувшись в эту минуту на дом, мы невольно забыли про игру. Он словно смотрел на нас пустыми глазницами окон, над его единственной уцелевшей стеной возвышался, будто плюмаж, плющ и превращал дом в какого-то безглазого гиганта, одиноко стоявшего среди деревьев. Парадная дверь исчезла, видимо, ее украли на растопку, обветшала терраса, на которой мама учила меня ходить, постепенно исчезли даже обломки разломанных стен.

Таково было наше владение. Руины дома, пригоршня невозделанной земли и полная горсть невыплаченных долгов. Леса Вайдекра тоже принадлежали нам, но дядя Джон не разрешал рубить в них деревья. Кроме того, мы владели несколькими фермами, но арендаторы медлили с выплатой ренты, а мама не решалась торопить их. Все, чем мы могли располагать с уверенностью, — это развалины дома и земля под нашими ногами.

И все же это доставляло мне так много радости!

Я думаю, что любила это место с самых первых дней моей жизни. И как бы ни сложилась она в дальнейшем, я надеялась каждое утро, просыпаясь, видеть любимые холмы и вдыхать родной воздух. Когда мои ноги ступали по этой земле, я знала, зачем живу. Когда мои легкие наполнял соленый воздух с моря, я ничего не боялась. Стоило мне прижаться ладонями к одному из громадных, древних буков или прильнуть щекой к земле, и мне казалось, я слышу пульс Вайдекра, биение его сердца.

Взглянув на солнце, я поняла, что мы безнадежно опаздываем к обеду. Без слов поняв друг друга, мы стремглав побежали к Дауэр-Хаусу. Пусть Ричард был худым, как мальчишка из самой бедной семьи, а я высокой и костлявой, словно «ручка от метлы», как говаривала миссис Гау, бегали мы не хуже борзых собак. Подбежав к дому и даже не запыхавшись, мы глянули на окна гостиной и, не сговариваясь, кинулись к кухонной двери, где маячила распаренная и сердитая миссис Гау.

— Не поздно ли вы явились? — грозно осведомилась она, уперев руки в бока. — Мистер Страйд как раз собирается пригласить всех к столу, а вы выглядите как пара нищих на паперти.

Я воровато проскользнула мимо нее, надеясь поскорей добраться в свою комнату и переодеться к обеду, но Ричард знал, что может положиться на свое обаяние.

— О, миссис Гау, миссис Гау, — вкрадчиво начал он и приобнял своей детской ручонкой ее пухлую талию. — Мы совсем забыли о времени, а я с таким нетерпением ждал ваш чудный крестьянский пирог. Пожалуйста, не говорите мне, что он остынет, если Страйд объявит обед на десять минут позже.

— Объявит, объявит, не беспокойтесь, успеете переодеться и притвориться, что вы давно уже дома, — ворчливо, но уже меняя гнев на милость, отозвалась миссис Гау.

— Спасибо, — просиял Ричард, — вы ведь не хотите, чтобы нас ругали, не правда ли,

миссис Гау?

— Ладно уж, ступайте, мастер Ричард, и постарайтесь хоть немного пригладить свои кудри, а то вы похожи на огородное пугало. А я уж задержу обед минут на десять, никого от этого не убудет.

Нам не пришлось заставлять ее ждать, и, умытые и причесанные, мы успели спуститься в гостиную за несколько минут до того, как в дверях появился Страйд. Миссис Гау всегда была снисходительна к Ричарду, он умел обезоруживать ее одной-единственной проказливой улыбкой. Он вообще был любимцем в доме, и ему все прощалось. Но дело было не только в его обаянии, он был единственной надеждой на возрождение былого великолепия Лейси. Мы оба были наследниками, но все надежды возлагались на него. При нашей бедности Ричард обязательно должен был получить образование, а затем, когда вернется его папа, взять в руки управление поместьем, отстроить заново дом, дать работу и деньги людям из деревни, — одним словом, устроить рай в нашем маленьком уголке Суссекса. И тогда Ричард женится на мне.

Мама была против нашей детской помолвки. Она никогда не говорила почему, но мы своим детским чутьем понимали, что она даже слышать об этом не хочет. И, старательно избегая разговоров на эту тему, держали наши планы при себе.

Лишь однажды, когда мне было шесть лет и нам с Ричардом разрешалось еще купаться вместе в одном деревянном чане, который Страйд приносил на кухню, она разговорилась на эту тему. На минутку выйдя за расческой и вернувшись, она застала следующую картину: я в своей длинной ночной рубашке и с головой, обмотанной полотенцем, изображала невесту, а Ричард, тоже с полотенцем, завязанным в виде тюрбана, изображал жениха.

Увидев нас, мама сначала рассмеялась, но, поняв, в какую игру мы играем, нахмурилась.

— Есть много достаточно серьезных причин, по которым вы не можете пожениться, — несколько торжественно заговорила она. — В очень древних и благородных фамилиях, таких, например, как Лейси, были приняты браки между кузенами и кузинами. И это ни к чему хорошему не привело, попозже я объясню почему. И сейчас в наш старинный род необходимо добавить свежей крови. Страсть Лейси к земле не всегда была счастливой и безобидной. Поэтому мы с дядей Джоном пришли к выводу, что вы не можете пожениться. Так что, пожалуйста, не играйте в такие игры и не думайте об этом. Для вас обоих будет лучше сочетаться браком с людьми, не имеющими ни капли крови Лейси и, следовательно, лишеными их недостатков.

Мы оба кивнули, и Ричард взобрался к маме на колени, требуя, чтобы она поцеловала и высушила его «отметину», как мы говорили. Мама взяла полотенце и осторожно промокнула маленький круглый шрамик на его горле.

— А теперь расскажите нам его историю, — требовательно попросил он. Я тоже завернулась в теплое полотенце и, присев в ногах мамы, положила голову ей на колени. Было очень уютно, несмотря на то что иногда в такт рассказу Ричард постукивал босой пяткой по моему затылку.

— Это случилось, когда ты был совсем крошечным, — начала мама давно знакомыми словами. — Твой папа и я сидели в домике викария вместе с доктором Пирсом. Это были тяжелые времена для Вайдкра, и все мы пытались найти какой-нибудь способ прокормить людей. Твоя мама в тот день отправилась с тобой на прогулку, ты сидел в коляске на коленях у няни. И вдруг твоя мама увидела, что ты проглотил маленький серебряный колокольчик от своей игрушки.

— Да, — взволнованно подтвердил Ричард.

— Быстро, как только могла, она привезла тебя в деревню. А твоя мама умела очень хорошо править лошадьми и доставила тебя действительно быстро и как раз вовремя.

— Да, да, — подтвердил Ричард. Мы оба знали эту историю так же хорошо, как мама.

— Она схватила тебя на руки и вбежала в гостиную викария. И там, положив тебя на письменный стол, твой папа взял острый ножичек и разрезал тебе горло, а затем моим

крючком для ботинок вытащил маленький колокольчик. И ты смог наконец дышать!

Ричард и я удовлетворенно вздохнули. Мама не смотрела на нас. Она не отводила глаз от пылающего камина, словно видела там старинную комнату и человека, который имел храбрость разрезать горло маленькому ребенку, чтобы спасти его жизнь.

— Это была самая изумительная вещь, которую я видела в своей жизни, — задумчиво проговорила она. — По-своему, это даже загадочней чуда рождения.

— А вы тогда сумели накормить бедных? — спросила я.

Тень скользнула по ее лицу, и я почувствовала досаду на себя, что прервала ее размышления.

— Нет, — медленно сказала она. — Не сумели. Тот год был очень тяжелым для Экра.

— Это был год мятежа и пожара? — наседала я. — И поэтому они были бедные?

— Да, поэтому, — словно очнувшись, совсем другим голосом сказала она. — Но это все было очень давно, и, кроме того, вам обоим пора идти спать, — Меня совсем не волнует то плохое, что было когда-то, — прижимаясь головой к ее плечу, сказал Ричард. — Лучше расскажите мне о том дне, когда я родился.

— Хорошо, но только в постели, — твердо ответила мама. — И сначала я уложу Джулию.

Я улыбнулась ей. При моей безоглядной любви к Ричарду мне даже не надо было делать никаких усилий, чтобы пожертвовать своими интересами.

— Я подожду, — предложила я.

Моя любовь оказывала нам хорошую услугу. Она поддерживала мир и спокойствие в нашем домике. Я видела его любовь к моей маме и ее любовь к нему, и я совсем не ревновала. Ее любовь грела нас обоих одинаково, и думаю, что если б у мамы было десять детей, они все были бы для нее драгоценны. Впервые я ощутила некоторые привилегии Ричарда лет в одиннадцать, когда он приступил к занятиям с доктором Пирсом.

Я попросила маму позволить мне тоже брать уроки, но она ответила, что для этого у нас нет денег, и я помню, что почувствовала первый укол обиды.

— Это невозможно, Джулия, — сказала тогда мама. — Я знаю, как ты любишь учиться, моя девочка, и, действительно, ты такая умненькая, что мне хотелось бы самой знать латынь, чтобы заниматься с тобой. Но для будущей леди это всего лишь развлечение, а для джентльмена, каким станет Ричард, это необходимость.

— Но он даже не хочет учиться, мама! Все, чего он хочет, это учиться пению... — начала я, но, встретив ее строгий взгляд, замолчала.

— Тем более важно приучать его к занятиям, — сказала она мягко. — А если он станет делать свои домашние задания при тебе, ты сможешь многому научиться таким образом. Но ты не должна заставлять его заниматься с тобой, Джулия. Джон присылает деньги из своего жалованья на образование Ричарда, а не на твое.

Все это я поняла прекрасно и, видимо, в качестве компенсации, стала заниматься очень хорошо. Ричард был великодушен и щедро делился со мной своими домашними заданиями. Вернувшись домой и разложив на столе книжки доктора Пирса, он разрешал мне почтительно стоять у его локтя и слушать, как он пытается выучить латинские глаголы и спряжения.

— Что за скука, — бывало, говорил он и подвигал ко мне книги.

— Мне нужно это перевести, а я не могу даже отличить головы этого глагола от его хвоста.

Дрожа от волнения, я хватала книжку и, лишь иногда справляясь в словаре, нацарапывала свой перевод.

— Ну-ка, дай мне взглянуть, — произносил Ричард и отбирал у меня свои книги. — Я уже сам все понял. — Он уверенно заканчивал предложение, и мы, сияя, смотрели друг на друга в немом восторге.

Мама радовалась нашему согласию и плодам, которые приносило ее воспитание. Она старалась быть с нами одинаково заботливой, но не могла не давать больше Ричарду,

поскольку он в большем нуждался. Ему доставались большие и самые лакомые кусочки за обедом, поскольку он рос быстрее. Ему постоянно требовалась новая одежда, для меня же мама всегда могла перекроить свои платья. Его требовалось учить. Если бы я любила его хоть чуточку меньше, я бы, наверное, завидовала ему. Но этого никогда не случалось. Лишь один раз в жизни я позавидовала тому, что было у него и чего не имела я. Но чего я не могла не хотеть. Это была Шехеразада.

Так звали чудесную кобылку Ричарда, которую давно обещал и наконец купил мой дедушка, лорд Хаверинг, наезжавший едва ли чаще трех-четырёх раз в год из Лондона. Это произошло в один из его приездов, когда мне было уже двенадцать, а Ричарду одиннадцать лет. Я впервые услышала об этом событии, сидя летним вечером с мамой в гостиной, лениво разглядывая в окно колышущиеся купы деревьев и поджидая, когда Ричард наконец выучит урок. Страйд вошел в гостиную и протянул маме поднос с письмом. Она неторопливо сломала печать и вдруг опустила письмо непрочитанным.

— Где это поет Ричард? — спросила она.

Страйд в смущении кашлянул.

— На кухне. Мистер Ричард вошел через кухню, и миссис Гау попросила его спеть. Она так любит его пение.

Мама кивнула и замолчала, прислушиваясь. Чистый, звонкий голос лился, словно заполняя собой весь дом. Ричард пел одну из тех итальянских песен, которым он отчаялся выучить меня. Но зато я переложила эти стихи на английский язык, и они стали всем понятны.

Страйд, мама и я сидели, замерев, словно статуи, пока не стихла последняя нота. Только тогда мы зашевелились, и Страйд убрал со стола и вышел, тихо прикрыв за собой дверь.

— Это великий дар, — сказала мама. — Как щедро боги одарили Ричарда!

— А дядя Джон знает, как прекрасно поет наш Ричард? — тут же спросила я. — Может, он найдет где-нибудь денег для учителя музыки?

Мама покачала головой и стала разворачивать письмо.

— Музыка — роскошь, которую мы не можем себе позволить, — объяснила она. — Главное для Ричарда — поступить в университет и получить степень, которая обеспечит ему положение в обществе. После этого он сможет заняться шлифовкой своего музыкального таланта.

— Но если он будет давать концерты, он заработает много денег, и тогда дядя Джон вернется наконец домой, — упрямо стояла я на своем.

— Если бы все были такими неприсохлыми слушателями, как мы с тобой или миссис Гау, — улыбнулась она, — то мы бы, конечно, сразу разбогатели. Но Ричарду нужно еще долго, долго учиться, прежде чем он сможет выступать. И к тому же ни его папа, ни я не хотели бы этого. Пение в гостиных это одно, Джулия, и совсем другое выступать на сцене. Это не занятие для джентльмена.

Я помолчала. Новое возражение требовало размышлений.

— Тогда он мог бы петь в церкви. Или дирижировать церковным хором.

Мама опять опустила письмо и, повернувшись ко мне, погладила меня по щеке.

— Послушай, Джулия, — сказала она. — Ричард очень дорог мне, так же как и ты. Но мы не должны позволять нашим привязанностям ослеплять нас. Голос у него прекрасный, но Ричард забавляется им, как игрушкой. Он так же упражнялся в рисовании, но потом забросил его. В этом он похож на своего дядю, твоего отца, который имел много прекрасных талантов, но не обладал главным — умением работать. Ричард никогда не сумеет тренироваться и репетировать столько, сколько должен репетировать настоящий музыкант. Он любит только то, что легко ему дается. Из вас двоих ты большая труженица, поскольку ты часами сидишь за пианино, чтобы научиться аккомпанировать ему. Ричард занимается только когда ему заблагорассудится.

Я внимательно изучала мамино лицо, обдумывая ее слова. Я давно уже слышала, что,

когда мой папа играл в джентльмена-фермера, его сестра управляла всем имением сама.

Дверь отворилась, и вошел Ричард, раскрасневшийся и сияющий от похвал, которые он получил на кухне.

— Вам было слышно, как я пел? — спросил он счастливым голосом. — Страйд сказал, что да. А ведь дверь на кухню была плотно закрыта. Фантастика!

— Да, мы тебя слышали, — и мама улыбнулась его сияющему лицу. — Ты чудесно пел, Ричард. Я бы хотела послушать тебя еще после обеда. А сейчас ступай вымой руки, мой дорогой, а я пока прочту письмо от дедушки Джулии.

Мы вместе вышли из комнаты, и до самого конца обеда мама не рассказала нам, о чем было письмо.

— Я прочла письмо от лорда Хаверинга, — сообщила она наконец, когда Страйд разливал суп. — Он пишет, что у него есть лошадь, которая подошла бы вам обоим.

Ричард чуть не подпрыгнул от радости, и мама улыбнулась ему.

— Я велела передать, что завтра мы приедем взглянуть на нее, — продолжала она. — Ты сможешь скакать верхом в своих повседневных сапогах, Ричард?

— О да, конечно, — воскликнул он. — Разумеется.

— Но где мы возьмем амазонку для тебя, Джулия? — и мама обернулась ко мне. — А я знаю, как ты хочешь учиться верховой езде.

— Ничего страшного, мама, — спокойно сказала я. — Это неважно. Ричард намного больше хочет научиться кататься, чем я. Пусть сначала учится он, а потом я.

Мама послала мне теплую улыбку в ответ на этот жест великодушия, но Ричард его даже не заметил.

— А это кобыла или жеребец, тетушка Селия? — спросил он. — И сколько лошади лет, вы не знаете?

— Не знаю, — рассмеялась мама. — Мне известно только то, что я вам уже рассказала. Вам придется подождать до завтра. Но я знаю совершенно точно, что мой отчим — прекрасный знаток лошадей, и это наверняка изумительное животное.

— Как хорошо! — радовался Ричард. — Готов спорить, что это кобыла.

— Возможно, — согласилась мама и жестом велела Страйду переменить тарелки, а затем, обратившись ко мне, спросила, какие у меня планы на вечер, пока она будет писать письма.

Остаток обеденного времени Ричард вертелся как на иголках, и я совсем не удивилась, когда он, едва обед кончился, отозвал меня в сторонку и заговорщицки прошептал:

— Джулия, я не могу ждать до завтра. Мне совершенно необходимо увидеть лошадь сегодня. Пойдем со мной! Мы успеем вернуться до ужина.

— Мама сказала... — начала я.

— Мама сказала, мама сказала... — передразнил он меня. — Я иду. Ты пойдешь со мной? Или останешься дома?

Я пошла. Конечно, я пошла, как шла всегда, стоило Ричарду позвать меня.

— Нам следует сказать маме, — нерешительно возразила я по дороге. — Она может хватиться меня.

— Говори, — беззаботно согласился Ричард и открыл дверь на кухню.

— Подожди меня, — попросила я, но он не оглянулся, и я заторопилась за ним следом.

Страйд сидел за кухонным столом, обедая и попивая пиво. На Ричарда он глянул без удовольствия.

— Куда это вы собрались, мастер Ричард?

— Подышать свежим воздухом, — величественно ответил тот. — Можете не открывать дверей из-за нас, — и он прошествовал к двери походкой старого лорда Хаверинга.

Идя за ним, я увидела, что Страйд укоризненно покачал головой, но мне он ничего не сказал.

Оказавшись на улице, я сразу забыла, что колебалась. Магия земли охватила меня, я почувствовала себя другим человеком.

Однажды мама заказала художнику наш портрет. Мне в то время было семь лет, Ричарду, стало быть, шесть. Она ожидала получить традиционную акварель для гостиной: мы вдвоем с Ричардом сидим на голубом диване в комнате для рисования. На единственно приличном предмете обстановки в единственной респектабельной комнате нашего бедного жилища.

Угодить маме было бы нетрудно, но художник оказался человеком, умеющим видеть, и перед тем, как сделать набросок, попросил нас погулять с ним по лесу и рассказать о нашей жизни. Он внимательно наблюдал за нами, видел, как бесшумно мы пробираемся под деревьями, не тревожа даже птиц, распевających на верхних ветвях. Он почувствовал, что мы относимся к земле как к живому существу. И что Ричард, земля и я составляем друг с другом неразрывное целое.

Поэтому он написал пейзаж нашего вайдекрского леса и меня, маленькую девочку, сидящую под огромным каштаном. Был май, и дерево стояло все покрытое раскрытыми алыми свечами, которые роняли лепестки, и они кружились вокруг меня и падали на землю, становясь похожими на капли крови. Ричард стоял немного позади в позе маленького героя. Я же странно смотрела широко распахнутыми глазами куда-то вдаль, за художника, за раму картины, за маленький, безопасный остров детства.

Казалось, что загадочный мир Вайдекра сообщил моему образу немного дикости и непонятности. Я постоянно слышала зов моей земли, меня тянуло бегать и бегать по ней — хотелось никогда не расставаться со знакомыми запахами и картинами. Когда мне приходилось подолгу оставаться дома, я часто подходила к окну, прижималась лбом к холодному стеклу и выглядывала наружу.

Это расстраивало мою маму. Она рано заметила мою странную любовь к земле и мягко, неназойливо, но достаточно упорно пыталась превратить меня в обычного ребенка. Ей это не удавалось.

Стоило земле покрыться тонкой корочкой первого инея или задуть весенним ветром, меня становилось невозможно удержать дома. Я должна была уйти, и только беспокойство в глазах мамы заставляло меня медлить.

— Я знаю, как ты любишь гулять, Джулия, — мягко говорила она мне. — Но юные леди не всегда могут делать то, что им хочется. Пожалуйста, займись шитьем, которое ожидает тебя уже неделю, вот твоя штопка. А после обеда можешь немного погулять.

— Ах, мама, я хочу не прогулки, — пытаюсь выразить словами свою тоску по пению птиц, отвечала я. — Мне необходимо быть там, где цветут деревья и поют птицы. Там пришла весна, а я едва видела ее в этом году. — Внезапно поймав ее странный, устремленный на меня взгляд, я виновато замолкала.

— Понимаю, — положив руку на мое худенькое плечо, говорила она. — Я вижу, как ты любишь землю. Но это потерянная любовь, Джулия. Ты бы лучше любила Бога и тех, кто любит тебя. Любовь к земле приносит мало удовольствия и может принести много боли.

В знак согласия я кивала, пытаюсь скрыть мгновенно возникшее чувство противоречия. Я не могла не любить землю и не любить моего Ричарда.

Но я знала, что мама права, говоря о потерянной любви. Когда я видела пустующие поля Вайдекра и луга с травой по колено, потому что никто не косил их и не пас здесь животных, у меня начинало болеть сердце и я понимала, что любовь к земле, не подкрепленная деньгами и здравым смыслом, — вообще не любовь. И когда Ричард доводил меня до слез поддразниванием и злобой, я начинала бояться, что моя любовь к нему — тоже потерянная любовь.

Но не было другой земли, кроме Вайдекра.

И не было никого в целом свете, кроме Ричарда.

Поэтому, когда Ричард звал меня, я шла без размышлений. Даже когда я знала, что не должна этого делать. И он так был уверен в моем всегдашнем послушании и моей преданности, что уходил не оглядываясь, точно зная, что услышит позади себя стук моих башмаков.

До Хаверинг Холла было довольно далеко, даже если бежать по самой короткой дороге через мостик на Фен-ни. Когда мы наконец добежали до конюшен, задыхающиеся и мокрые, лорд Хаверинг был там собственной персоной, осматривая своих лошадей перед ужином.

— Мой Бог! — воскликнул он голосом, теплым, как портер, и бархатным, как дымок его сигары. — Посмотрите, Денч, кого занесло к нам попутным ветром.

Грум Хаверингов выглянул из приоткрытой двери и улыбнулся нам.

— Пришли взглянуть на новую кобылку? — в его голосе явственно чувствовался протяжный суссекский выговор.

— Да, если можно, — по ангельскому виду Ричарда невозможно было вообразить, что этот мальчик способен на непослушание. — Тетушка-мама рассказала о ней за обедом, и, к моему стыду, лорд Хаверинг, я не мог вытерпеть до завтра.

Мой дедушка тепло усмехнулся своему любимцу.

— Выведи-ка ее, — кивнул он Денчу и обернулся ко мне. — А что ты, маленькая мисс Джулия? Как всегда, держишься в тени Ричарда?

Я вспыхнула, но ничего не сказала. Мне явно не хватало легкости Ричарда в обращении со взрослыми. Я хотела объяснить, что тоже прибежала посмотреть на лошадь. И что бежать из одного поместья до другого очень далеко. И что не надо винить Ричарда за мой приход. Но ничего из этого я не осмелилась сказать. Я только стояла, глупо разглядывая свои башмаки, и молчала.

И тут Денч вывел кобылу. О, она была очаровательна. Красивой, рыжеватой масти с чуть более темными гривой и хвостом. Она спокойно стояла рядом с Денчем и внимательно смотрела на нас.

Ее глаза, темные, как расплавленный шоколад, казалось, звали меня, и, не дожидаясь разрешения Ричарда, я прошла мимо всех и протянула к ней руку.

Она тихонько заржала и стала обнюхивать мой карман. У меня с собой, конечно, ничего не было, но я взяла у Денча горсть овса, и ее губы коснулись моей ладони. Они были такие невинные и мягкие, как ладошки ребенка. Я протянула руку и погладила ее за ушами — там, где матери обычно облизывают своего жеребенка. Она вытянула голову и стала обнюхивать перед моего платья. Совершенно не думая о том, что делаю, я нагнулась и тоже понюхала ее нос. Это была любовь с первого взгляда.

— Поторопитесь, мастер Ричард, или вы лишитесь своей лошади, — дедушка следил за мной с одобрением. — Твоя кузина может опередить тебя. Нужно сказать, что Беатрис была редкой наездницей, да и твой папа, Джулия, смотрелся на лошади хоть куда. А что касается вашего дедушки, то мы с ним такие устраивали скачки, что они до сих пор сняты мне в ночных кошмарах. Все Лейси были помешаны на лошадях.

Сделав шаг назад, я пропустила вперед Ричарда, но осмелилась спросить:

— А как ее зовут?

— Шехеразада, — ответил мой дедушка тоном глубокого отвращения. — Я зову ее Салли.

— Шехеразада, — прошептала я про себя. — Принцесса из арабских сказок.

— В ней действительно есть примесь арабских кровей, — продолжал говорить дедушка. — Отличная лошадь. Я сам выбрал ее на распродаже у бедняги Таила. На ней ездила его дочь. Между прочим, эта кобылка ходила под дамским седлом, и нет причин не учиться тебе тоже скакать на ней, моя дорогая. Будешь учиться одновременно с Ричардом.

— У Джулии нет амазонки, — твердо заявил Ричард, пытаясь скормить Шехеразаде пару зеленых яблок из нашего сада. Но он явно старался держаться подальше от нее. — Мама Джулии ни за что не позволит ей скакать без амазонки.

— Жаль, — проговорил дедушка. — Но, я думаю, мы найдем какой-нибудь выход из положения.

Ричард бросил на меня взгляд. Только один взгляд.

— Нет, — с сожалением произнесла я. — Спасибо, не надо, дедушка.

Больше я ничего не могла выговорить. Дедушка с удивлением поднял бровь при моем

странном отказе от его предложения, обернулся к лошади и стал придерживать ее чудную голову, когда Ричард садился на нее.

— Какова она? — прокричал он, отпустив лошадь. Шехеразада медленно направилась к конюшне, а Ричард пригнулся, судорожно вцепившись в ее гриву.

— Великолепна, — ответил Ричард, но лицо его побледнело.

Тут дедушка бросил взгляд на часы в конюшне и заторопился.

— Достанется мне от вашей мамы, — сокрушенно заметил он. — Денч, пожалуйста, заложи маленькую коляску и доставь этих молодых людей домой. Если они вернутся домой после того, как стемнеет, Селия оторвет мне голову.

Денч без церемоний ссадил Ричарда на землю и повел Шехеразadu в конюшню. Я невольно последовала за ним, чтобы еще побыть с лошадыю.

— А вы когда же будете учиться, мисс Джулия? — спросил меня Денч, следя за выражением моего лица, когда я давала сено лошади.

— После того как научится Ричард, — ответила я, понимая, что Ричард хочет иметь свою собственную лошадь. И я также знала, что уступи я ему в этом, и у меня не будет более преданного друга, чем он. Мы всегда делились нашими игрушками, и если я быстро возвращала их и уступала свою очередь Ричарду, то мы никогда не ссорились. Он разрешит мне сколько угодно скакать на Шехеразаде, когда поймет, что она принадлежит только ему и я не претендую на нее.

— Мастер Ричард любит быть всегда первым, а? — Денч бросил на меня внимательный взгляд. — А вы не возражаете, мисс Джулия?

— О нет! — я даже улыбнулась при этой мысли. — Я очень хочу, чтобы Ричард научился ездить верхом.

Денч пробормотал что-то себе под нос и вывел коляску из конюшни. Мы с Ричардом уселись поудобнее, и дедушка помахал нам на прощанье сигарой.

— До завтра, мои дорогие! — весело попрощался он. — И передайте вашей матушке мои извинения.

Нам не потребовалось ни в чем признаваться. Мама сразу догадалась, где мы, и сидела в торжественном одиночестве за ужином. Когда мы, крадучись, вошли в обеденную комнату, она даже не подняла на нас глаз.

— Вы можете поужинать на кухне, — холодно сказала она. — Дети, которые ведут себя как конюхи, вполне достойны есть на кухне.

Что мы могли на это возразить? Я присела и приготовилась выйти из комнаты, но Ричард шагнул вперед и положил около маминой тарелки красную розу, открыто сорванную в саду Хаверингов.

Ее глаза сразу потеплели.

— Ох, Ричард! — воскликнула она. — Ты бываешь таким непослушным! А теперь ступайте есть, а потом быстро в ванну, иначе не будет вам завтра никаких прогулок.

Я ложилась спать в ту ночь счастливая оттого, что мы прощены. Двое самых дорогих для меня людей не сердятся на меня.

— У тебя будет амазонка, — тихо сказала мне мама, зайдя поцеловать меня на ночь. — Я разыщу что-нибудь подходящее в Хаверинг Холле. Или куплю тебе новую.

— Ты будешь учиться скакать верхом, — пообещал мне Ричард на ступеньках лестницы по дороге в наши спальни. — Как только я научусь, я сразу стану учить тебя, дорогая маленькая Джулия.

— О, спасибо большое, — и я повернула к нему лицо для традиционного вечернего поцелуя. Но в этот раз он, неожиданно миновав подставленную щеку, поцеловал меня в губы.

— Милая Джулия, — ласково произнес он, и я поняла, что мой отказ от дедушкиных уроков не прошел незамеченным и заслужил награду. Лучшую из наград, поскольку любовь Ричарда была для меня дороже всего в мире.

Глава 2

Долгожданный урок Ричарда оказался чрезвычайно утомительным для бабушки, унижительным для него самого и нескончаемой скукой для меня. Сначала я просто не могла понять, что происходит.

Уже когда Ричард отправился в конюшню за лошадью, его лицо было таким бледным, что веснушки на носу казались какой-то болезненной сыпью, а глаза горели лихорадочным блеском. Я решила, что он просто взволнован приятным ожиданием.

В отличие от меня, Шехеразада все поняла гораздо лучше. Пока Ричард пытался взгромоздиться в седло, она нервничала, испуганно похрапывала и то и дело пыталась убежать. Ричард так и прыгал вокруг нее, одной ногой стоя в стремях, а другой — на земле.

Бабушка с неодобрением наблюдал за этой картиной и наконец обратился к Денчу:

— Подсади, пожалуйста, мастера Ричарда. Иначе он никогда не окажется в седле.

Денч подставил грязные ладони и без всяких церемоний закинул Ричарда в седло, будто мешок с овсом.

Сам бабушка одним движением оказался верхом на своем прекрасном жеребце, стоявшем спокойно, как будто это была не живая лошадь, а статуя, высеченная из камня и установленная на фоне сочной зелени выгона и отдаленных лесов наших поместий.

— Всегда помни, что рот у нее очень нежный, — растолковывал бабушка Ричарду. — Думай, что поводья — это шелковые ленты и что ты не должен ни слишком натягивать, ни отпускать их. Пользуйся ими для того, чтобы дать ей понять, что ты хочешь, но никогда не тяни их изо всех сил. Не тяни, я сказал, — закричал он, так как Шехеразада метнулась в сторону, а Ричард дернул поводья.

Успокоить лошадь удалось Денчу — он одним легким жестом остановил ее, не проронив ни слова. Я наблюдала за всем происходящим с полным восторгом, находя, что Ричард выглядит верхом на лошади в точности как любой из рыцарей короля Артура. В моих глазах он всегда был воплощением совершенства, а верхом на собственной лошади он становился полубогом.

— Давай выедем на паaddock, — предложил бабушка. В его голосе уже сквозило раздражение.

Денч взял лошадь под уздцы и повел ее на выгон. По дороге он что-то ласково говорил ей, и, когда они проходили мимо меня, я почувствовала, как беспокоится и боится чего-то Шехеразада. Милая и такая доверчивая Шехеразада.

Я подождала, пока они отойдут подальше, чтобы не нервировать ее звуком своих шагов еще больше, и отправилась следом. Во время первого урока Ричарда ничто не должно было мешать ему.

Но ему мешало все. Я уселась на забор и стала следить, как мой бабушка сделал верхом несколько кругов по выгону и жестом пригласил Ричарда повторить то же самое.

Но Шехеразада не двинулась с места. Она только вскидывала беспокойно голову, словно руки Ричарда, державшие поводья, были слишком тяжелы для нее. Когда он чуть сжал ее бока ногами, она присела, испуганная. Стоило ему коснуться — о, только коснуться — ее спины кнутом, как она начала пятиться, и бледность Ричарда мгновенно сменилась краской гнева. Она не слушалась его ни в чем.

Бабушка гарцевал на своем сером и выкрикивал инструкции Ричарду:

— Будь помягче с ней! Отпусти руки! Не травмируй ее рот. Нет, не так! Отпусти руки, Ричард, говорю же тебе! Сядь крепче в седло, чувствуй себя уверенно. Говори ей, что ты хочешь. О, все черти и дьяволы!

Не вытерпев, он спрыгнул со своего жеребца и бросился к Ричарду. Одним движением он скинул его с лошади, как рассерженный сквайр стряхивает деревенского сорванца с яблони, и, проворный как юноша, прыгнул в седло.

— Не беспокойся, Салли, девочка, — его голос звучал ласково и спокойно. — Я не позволю, чтобы тебя обижали. — И она мгновенно успокоилась. Ее прижатые назад уши,

делавшие морду костистой и некрасивой, встали торчком, она перестала выкатывать белки и стала прежней милой лошадкой.

— Слушай, Ричард, — дедушка явно старался говорить спокойно. — Я уже говорил тебе там, во дворе, что, когда ты натягиваешь поводья, это означает «назад» или «стой». — Он чуть приподнял пальцы, и Шехеразада послушно двинулась вперед. Когда он немного согнул руки в локтях, она остановилась, почувствовав это легкое движение. Стоило ему опять отпустить поводья, и она легкими шагами, будто танцуя, пошла, переставляя ножку за ножкой.

— Если ты сжимаешь ее бока коленями, это означает «вперед», — учил дедушка. Он опустил руки и заметно напряг мускулы ног. И сразу же Шехеразада поплыла вперед красивой, элегантной поступью. Она была прекрасна, как фонтан, сверкающий на солнце. Я любовалась ею, мне было даже по-настоящему больно от ее совершенства. В жизни я не видела ничего более прекрасного.

— Но если ты одновременно говоришь ей «стой» и «вперед», то ты сбиваешь ее с толку. Противоречивые команды нервируют лошадь. С лошадьми ты всегда должен быть предельно четок. Как, впрочем, и с людьми, — добавил дедушка с сухой насмешкой. — Шехеразада — превосходная лошадь. И у нее добрый нрав. Но она требует мягкости в обращении. Сиди в седле поглубже, чтобы она чувствовала тебя. И ясно говори ей, что ты хочешь. Она сделает все на свете, если будет чувствовать твою любовь.

Он подскакал к Ричарду и спрыгнул с лошади.

— Садись, парень, — мягко обратился он к моему кузену. — Она знает свое дело. Тебе следует научиться своему. — Он стал помогать Ричарду усесться в седло, тот поспешил вставить одну ногу в стремя и уже перекинул вторую, но никак не мог найти другого стремени и тыкал носком ботинка в бок лошади. Шехеразада испуганно шарахнулась и толкнула дедушку, который тут же выругался.

— Успокойтесь-ка, оба! — прикрикнул он и на лошадь, и на всадника. — Вам надо притереться друг к другу. Вы — словно пара струн, натянутых слишком сильно. Что, черт побери, случилось с твоим стремнем, Ричард?

— Ничего, сэр, — голос Ричарда звучал тонко и жалобно. Я с удивлением поняла, что он боится. — Я не мог сначала найти его. Но теперь все в порядке.

— Впредь постарайся делать это не тыча ботинком ей в бок, — сердито посоветовал дедушка. — Не беспокой животное. С ней нужна ласка. — Забирая поводья у Денча, он бросил ему многозначительный взгляд, значения которого я не поняла. — А теперь, — дедушка уже сидел в седле, — скачи ко мне.

Ричард напряженным жестом опустил руки, и Шехеразада двинулась вперед, ступая так осторожно, словно видела впереди себя пропасть. Наблюдая за ней, я буквально кожей чувствовала ее страх и внезапно поняла причину сегодняшних неудач.

Она невзлюбила Ричарда.

Вот почему она вздрагивала и переступала на месте, когда Ричард садился в седло. Вот почему он сидел на ней так неловко и был таким бледным. Что-то в нем тревожило благородное животное. Я даже чувствовала запах пота, выступившего у нее от страха.

Я не могла больше видеть это. Когда Ричард остановил ее коротким рывком, я вздрогнула, будто от боли. Когда дедушка подхватил повод и повел ее с поля, с Ричардом, неловко сидящим в седле, я невольно подняла плечи, будто желая облегчить ее ношу.

Ричард не был больше похож на рыцарей из детской сказки.

Он пугал меня. Я соскользнула с забора, тщательно отряхнула мое муслиновое платье и, не оглядываясь, пошла к дому.

Я знала, что первый урок верховой езды, полученный Ричардом, прошел далеко не блистательно, поскольку сама была тому свидетелем, но я никогда не узнала бы этого от Ричарда. Когда он пришел к обеду, вымытый и переодетый, его лицо сияло улыбкой, а ответы на мамины вопросы дышали уверенностью. И я подумала, что после того, как я покинула свой наблюдательный пост, дела пошли много лучше.

— У него довольно тяжелая рука, — кислым тоном ответил дедушка на мамин вопрос. — Но, думаю, верховая езда у него в крови. Он скоро научится держаться в седле. Гарри Лейси, я имею в виду старого сквайра, тоже имел руки как бараньи копыта, мы даже, бывало, смеялись над ним, но он и сам был превосходным наездником и научил великолепно скакать Беатрис и Гарри. А какой она была наездницей! — тут он внезапно замолчал, возможно вспомнив рыжеволосую девушку на белом скакуне. — Странно даже, что ее сын такой неловкий! Но, я думаю, он привыкнет.

Однако Ричард не привык. Разумеется, получив несколько уроков от дедушки, он научился держаться в седле, но никогда не чувствовал себя уверенно. Он и Шехеразада не питали друг к другу теплых чувств, и он сидел на ней так, будто ожидал какого-то подвоха с ее стороны.

— Шотландская кровь, — презрительно бросил дедушка. — Должен признать, что его отец, Джон Мак-Эндрю, держался на лошади довольно прилично, но все равно эти шотландцы никуда не годятся как наездники. Вот и у Ричарда нет ни желания к этому делу, ни сноровки. Он никогда не научится ездить как его мать. Упокой, Господи, ее душу!

— Не могу сказать, что меня это огорчает, — улыбнулась мама и повернула голову в сторону Ричарда. — Наблюдать за скачками Беатрис, может, и было приятно, но своей семье она доставляла немало беспокойства. И к тому же я никогда не забуду, что ее отец погиб, упав с лошади.

— Что за чепуху ты говоришь, Селия! — нетерпеливо воскликнул ее отчим. — На лошади вы в большей безопасности, чем на ваших лестницах. Впрочем, ладно, оставим это. Мальчик никогда не станет настоящим всадником, да и Бог с ним. Я научил этого сорванца всему, чему мог. Содержать его лошадь я стану на свои деньги.

— Спасибо, — благодарно произнесла мама. — Мы с Ричардом очень признательны тебе.

Дедушка удовлетворенно кивнул и выпустил кольцо дыма.

— А как там насчет маленькой мисс? — Я стояла спиной к ним и, не поворачиваясь, ждала, что ответит мама.

— Думаю, мы оставим эту мысль, пока она не станет немного постарше. Да у нас ни амазонки сейчас нет, ни дамского седла.

Дедушка беспечно махнул рукой.

— Джулия и так растет слишком свободолюбивой, — понизив голос, продолжала мама. — Ей уже двенадцать, и пора прививать ей манеры леди, а верховая езда может и подождать. Я буду счастлива, если она станет больше времени проводить со мной.

Я продолжала стоять молча. Если только дедушка не заступится за меня и не скажет им всем, что я — Лейси и что любовь к лошадям у меня в крови, я не смогу учиться ездить верхом. Я буду сидеть как пришибленная в гостиной и видеть Шехеразadu только под седлом Ричарда. Конечно, я очень рада за него, но голос внутри меня неслышно кричал: «Это несправедливо! Мама, это несправедливо!»

Наконец решение было принято.

— Как ты скажешь, дорогая, — произнес лорд Хаверинг.

Я лишилась шанса научиться скакать на лошади, и мне оставалось только ждать милостей Ричарда. Но к тому времени, когда лето повернуло на осень, Ричарда постигла большая потеря. Гораздо большая, чем я даже могла вообразить. У него началась ломка голоса.

Сначала это даже забавляло его. Иногда его голос звучал как прежде, иногда — низко и хрипло. Мы с ним разучили пьесу, в которой действовали два негодяя и невинное дитя, и он изображал все эти роли, а я аккомпанировала ему на фортепиано. Мама, слушая нас, смеялась до слез.

Но она бы смеялась намного меньше, если бы узнала, что эту пьесу мы прочли, потому что Ричард ухитрился заказать книгу в библиотеке нашего графства от имени леди Хаверинг

и подписавшись ее именем.

Словом, сначала Ричард играл новыми смешными модуляциями как игрушкой, и ему даже в голову не приходило, что голос изменился навсегда.

Однажды, когда он пел под мой аккомпанемент итальянскую арию, он вдруг пустил петуха. Слегка нахмурившись, будто произошла малозначащая досадная ошибка, он попросил меня повторить этот кусок снова.

Я заиграла опять, но мои пальцы потеряли уверенность, и полился целый каскад неверных нот. Там было верхнее соль, и снова Ричард не взял его. Три раза мы пытались пройти этот момент, и с каждым разом получалось все хуже и хуже. Ричард даже забыл рассердиться и только смотрел на меня в замешательстве. Затем отвернулся и уставился в окно.

— Кажется, у меня ничего не получается, — недоуменно протянул он.

Он вышел из комнаты и стал подниматься к себе.

Эти медленные шаги не имели ничего общего с обычной походкой. Я слышала, как он пытается повторить музыкальную фразу, и снова у него ничего не получалось. Его дар, редкий дар, уходил от него.

После обеда, когда мы все сидели в гостиной, Ричард подошел ко мне и уверенно сказал:

— Я бы хотел попытаться опять, Джулия. Ну, спеть ту арию, что у меня не получилась утром. Сейчас все будет в порядке!

Я открыла фортепиано и установила пюпитр. Пальцы плохо слушались меня, и я довольно скверно отыграла вступление.

— В чем дело, Джулия?.. — мама, нахмурившись, подняла голову.

Ричард, сидя у окна, набрал полную грудь воздуха и... сфальшивил. Затем снова... И опять...

Мои руки упали с клавиш, я даже не знала, что мне сказать или сделать. Еще секунду назад великолепный голос Ричарда был здесь, а сейчас он сипит так, будто искупался в водах Фенни.

Ричард в полном изумлении взглянул сначала на меня, потом на маму.

— У тебя ломается голос, Ричард, — улыбаясь, успокоила она его. — Ты становишься мужчиной.

Ричард явно не понимал, в чем дело.

— Конечно, рановато, — продолжала она. — Тебе ведь только одиннадцать. Но твой голос определенно ломается. Теперь ты не сможешь петь партии сопрано.

— Его голос станет низким? — мне даже не приходил в голову такой поворот событий. Золотой голос Ричарда казался мне неотъемлемой частью его самого, и, судя по его ошарашенному виду, сам он думал точно так же.

— Конечно, — улыбнулась мама. — Ведь не поют же мужчины вместе с мальчиками в церковном хоре.

— Но что же я буду петь? — казалось, он готов заплакать. Его голубые глаза стали совсем темными от огорчения. — Что же я буду петь?

— Партии тенора, — ровно ответила мама. — А партии сопрано будут принадлежать Джулии.

— Кому? Джулии? — Ричард словно выплюнул мое имя в гнев. — Да она поет как ворона. Она не может петь сопрано!

Мама нахмурилась, услышав его слова, но осталась спокойной.

— Тише, тише, Ричард. Я согласна, ни у кого из нас нет твоего чудесного дара. Но пение тенором тоже может доставить много радости. Твой дядя, папа Джулии, пел тенором, и у нас выходили чудесные дуэты. Я поищу ноты для новых партий в Хаверинг Холле.

— Я не хочу их петь! — выкрикнул Ричард в негодовании. — Я не стану петь тенором! Это такой обычный голос! А я не хочу петь обычным голосом. Если я не смогу петь как раньше, я лучше совсем заброшу пение! — И он выскочил из гостиной, хлопнув дверью. В

комнате воцарилось молчание.

— Для Ричарда важна не музыка, — тихо сказала мама, принимаясь за шитье. — Ему важно быть не таким, как все. Бедный мальчик, — вздохнула она.

Прежде Ричард изредка пел во время торжественной службы в кафедральном соборе в Чичестере. Теперь это было мучительно для всех нас. Мы с мамой помнили, как лился его голос и люди поворачивали головы, чтобы, взглянуть на юного певца. Сейчас никто не смотрел на него. Только я бросила украдкой взгляд на Ричарда и отвернулась. Если бы он увидел, что я жалею его, он бы расстроился еще больше.

Мы молча вернулись домой. Мама поднялась к себе наверх снять шляпку, а я подошла к фортепиано и открыла крышку.

— Давай споем вместе, — как можно безразличнее предложила я. Взяв несколько аккордов, я подняла глаза. Лицо Ричарда было торжественным.

— Я никогда больше не буду петь. Конечно, я могу иногда поломаться, как сегодня в церкви, но петь в гостиных, или на кухне, или даже в ванне, когда купаюсь, я не стану больше никогда. У меня был голос, который мне нравился, теперь его нет.

— Но у тебя и сейчас очень миленький голос... — начала было я.

— Миленький! — вскричал он. Но тут же взял себя в руки. — Очень миленький, не правда ли? Раньше у меня был голос, равного которому, может, не было нигде в Европе, но мне не дали развить его. Даже не наняли для меня учителей. Теперь его нет, осталось только то, что можно назвать «очень миленьким». Такой голос лучше вообще не иметь.

— Что же ты будешь делать, Ричард? — спросила я. Мои губы дрожали, будто он нанес мне смертельную рану. По-своему, это так и было.

— Я не буду делать ничего, — спокойно ответил мой кузен. — Я постараюсь забыть о нем, словно его и не было. Я забуду о том, что хотел быть музыкантом. Вместо этого я стану учиться быть сквайром. Сквайром Вайдекра. Это все, что мне осталось.

Больше я никогда не просила Ричарда спеть. Мама продолжала заниматься со мной музыкой, Ричарда же, казалось, это совсем не занимало, он каждый день отправлялся на прогулки верхом, пытаясь побороть свой страх перед лошадью и узнать что-нибудь о земле. Земле, его земле, единственном, что отличало его от других нищих, плохо образованных парней в округе.

Он не сумел покорить Шехеразаду, но она была мягкой, чуткой кобылкой, и, когда он научился ясно выражать свои команды, она прекрасно слушалась его. Молодой племянник Денча, Джем, стал служить у нас на конюшне, и каждый день после обеда Ричард выезжал кататься и возвращался всегда поздно.

Мы с мамой часто сидели в гостиной, я читала ей вслух, а она шила. В ту осень я прочла два тома стихов и даже не заметила, как пожелтели листья на каштанах, а буки стали пурпурными. Я всегда старалась садиться спиной к окну, чтобы лучше видеть строчки и чтобы мое сердце не так болело по лесам Вайдекра.

Иногда мы ездили в Хаверинг Холл в маленькой коляске, которую запрягал для нас Джем. Морозный воздух румянил наши щеки, а стук копыт по твердой земле заставлял меня сжиматься от предчувствия чего-то неизвестного, что ожидало меня за поворотом аллеи. Но когда мы подъезжали к дому, там оказывалась только бабушка, великолепная в своем одиночестве и значительная в пустоте своих дней.

Однажды она пригласила меня пожить у нее, и, уставшая от немого покоя Дауэр-Хауса, я согласилась. Как, оказалось, приятно быть единственным ребенком в семье. Без ежедневных сражений с Ричардом. Я многому научилась у бабушки в ту осень. Главное — смотреть в темное прошлое без упрека и в безрадостное будущее — без жалоб. Оставаясь при этом внутренне свободной, независимой и отважной.

Утром она отдавала приказания дворецкому и другим слугам, и затем мы выходили на прогулку в сад. Он был почти в таком же ужасном состоянии, как наш сад в Вайдекре, но бабушка гуляла здесь словно королева в Версале. Положив одну руку на мое плечо, а в другой держа корзинку для цветов, которые только случайно могли вырасти в этом царстве

сорняков, она учила меня элегантности, показывала, как составлять прекрасные букеты из одного-двух цветков в окружении нескольких листьев.

— Искусство быть счастливым состоит в умении наслаждаться тем, что мы имеем, — говорила она. — И хорошие манеры заключаются в том, чтобы показать это умение.

И я, неизменно вежливая (в этом я была истинной дочерью своей мамы), послушно кивала и старалась красивее разместить хризантему в громадной хрустальной вазе.

Той осенью бабушка научила меня значительно большему, чем умение составлять букеты. Она научила меня внутреннему спокойствию, которое приходит с осознанием своей силы и своей слабости. Она внушила мне, не допустив даже тени возражения, что я больше уже не диковатый подросток, а будущая молодая леди, и что именно я, а не кто другой, должна еще многому научиться, чтобы с честью справиться с этой ролью. И пока Ричард учился скакать, я училась внутренней дисциплине.

Думаю, что из нас двоих я получила более ценный урок.

Ричард все же оказался трусом.

Я видела, что он сам это понял, — по его лицу, бледневшему каждый раз, когда он входил в конюшню. Шехеразада тоже боялась его. Она не была старой, привыкшей ко всякому обращению, клячей. Она была нервной, тонко чувствующей кобылкой, и, когда они с Ричардом оставались наедине, он пугал ее. Он все время боялся упасть, ушибиться. Но еще больше он боялся ее самой — ее яркой масти, блестящих глаз, трепещущих ноздрей.

Три недели я провела в доме моей бабушки и вернулась домой только когда приблизился приезд из Лондона лорда Хаверинга. Ни бабушка, ни мама не хотели, чтобы я оставалась в Хаверинг Холле, когда дедушка и его друзья нахлынут в дом, кляня плохие дороги и выгружая ящики с портвейном.

Бабушка помогла мне собраться и подарила на прощанье отрез нарядного муслина на новое платье.

— Ты можешь быть сколько угодно Лейси, — говорила она, стоя со мной на крыльце и следя за тем, как Денч укладывает мой скромный багаж под сиденье коляски, — но ты также и моя внучка. — Она произнесла это так, словно это были явления одинаковой важности, способные вызвать только трепет в восхищенном мире. — Лейси, или Хаверинг, или будь ты замужем за кем угодно, надеюсь, ты всегда будешь помнить, что ты прежде всего леди.

Я кивнула, честно пытаюсь понять эти слова. Но мне было всего двенадцать лет, и больше всего я думала о том, что возвращаюсь домой к маме и Ричарду. И что он, возможно, разрешит мне кататься на Шехера-заде. Я едва слышала, как бабушка говорит мне, что быть леди гораздо более важно, чем иметь деньги и землю, даже важнее, чем иметь любящего мужа. Более важно, чем сама жизнь.

— Ты хочешь поскорее домой, к маме? — мягко спросила она.

— Да, бабушка, — правдиво ответила я.

— И к Ричарду? — под ее понимающим взглядом я покраснела и опустила глаза.

— Что ж, это совсем неплохо, — задумчиво проговорила она. — Вы — оба наследники и при этом кузены. Это был бы самый разумный путь разрешить проблему совместного владения и управления Вайдекром. К тому же он очень мил. Он добр с тобою?

Я просияла в ответ, ибо, конечно, все наши детские ссоры были в то же мгновение забыты.

— О да, — с энтузиазмом воскликнула я. — Когда мы были еще маленькими, он сказал, что женится на мне и что мы вместе возродим Вайдекр.

Бабушка кивнула.

— Если Джон Мак-Эндрю возвратится домой зажиточным человеком, то это будет совсем неплохой брак, — тут она притянула меня к себе, и ее лицо смягчилось. — Но должна сказать, что Ричард не позволит одержать верх над собой женщине. Он слишком избалован твоей мамой и привык командовать тобой. В своем доме он, безусловно, будет хозяином, и тебе придется слушаться его, Джулия.

Я, кивнув, промолчала, хотя могла бы сказать ей, что тяжелую школу уступок Ричарду

я уже прошла. Я привыкла подчиняться ему, еще когда мы были совсем маленькими. Другого варианта для меня просто не существовало.

— Не всегда легко во всем слушаться мужа, — тихо сказала бабушка и вздохнула. Этот вздох сказал мне многое о целой жизни самодисциплины, подавленного и никогда не высказанного гнева. Об обидах, легком пренебрежении и случайных жестокостях. — В церкви скажут тебе, что брак — это таинство. Но это и тяжкие оковы, Джулия.

Денч уложил мою коробку и теперь отошел якобы поправить сбрую у лошади, чтобы оказаться подальше от нашего разговора.

— Ты, может быть, выйдешь замуж по любви, — грустно продолжала бабушка, — но я бы хотела, чтобы ты помнила: это такое же деловое соглашение, и после того, как любовь пройдет, тебе придется выполнять свои обязательства.

Я непонимающе взглянула на нее.

— Когда любовь оставит вас, ты все еще будешь продолжать жить с мужем, — сдержанно говорила она. — От этого никуда не денешься. Долги надо платить. И сделать тебя счастливой сможет тогда только то, что ты с полным правом скажешь себе: «Я — леди» или «Я — Лейси». Это напомнит тебе, что ты достойная уважения личность, даже если вынуждена вести жизнь рабы.

При этих словах я вздрогнула, несмотря на теплое октябрьское солнце. Они звучали каким-то зловещим предсказанием. Но мое любящее, доверчивое сердце твердило мне, что бабушка не права. Она вышла замуж пятьдесят лет назад по воле своего отца и, вскоре овдовев, была вынуждена вновь вступить в брак, чтобы дать кров своему ребенку и себе. Но мы с Ричардом — совсем другое дело. Брак будет естественным продолжением нашей детской привязанности. Все, что мне нужно, — это любить Ричарда и знать, что он любит меня. Это чувство проведет меня через все невзгоды. Большого я не прошу у жизни.

Видимо, что-то из этих мыслей отразилось на моем лице, потому что бабушка рассмеялась и поцеловала меня еще раз.

— Да, научить этому невозможно, — сказала она будто про себя. — Каждый должен сделать свои собственные ошибки. До свидания, моя дорогая. Не забудь передать эти рецепты твоей маме.

Я обняла бабушку и прыгнула в коляску. Затем я помахала ей и улыбнулась. Я знала, что она изумительная, мудрая и храбрая женщина. Но об истоках ее храбрости я не задумывалась. Я не подозревала, что храбрость понадобится мне самой.

— Уже домой? — спросил Денч, когда мы тронулись.

— Да, — ответила я. Было так интересно сидеть рядом с Денчем высоко в коляске и видеть колышущиеся под ветром поля Вайдекра. Мне нравился Денч, его тягучий суссекский выговор и всегда спокойное лицо, по которому совершенно невозможно было догадаться о его чувствах. Я безошибочно знала, как это всегда знают дети, что он ко мне очень хорошо относится.

— Рады вернуться к маме? — ласково поинтересовался он.

— Конечно, и к моему кузену тоже. Вы не знаете, он много ездил верхом эти дни?

— Кажется, много, — ответил он. — Но мой племянник говорит, что у него ужасно неповоротливые руки. Мистер Ричард может испортить лошадку. Не знаю, о чем думает милорд.

— Но это лошадь Ричарда, — немедленно ринулась я на его защиту.

— Вроде как, — намеренно не понимая моего восклицания, отозвался Денч. — А вы не пробовали на ней кататься, мисс Джулия?

— Леди часто до самой свадьбы не умеют ездить верхом, — повторила я слова моей мамы. — Пока их не научит муж.

— И вы даже не сажались на нее никогда? И не заходили в конюшню?

— Садилась, — честно ответила я. — Но Ричард поймал меня.

— И что? — Денч явно ждал моего ответа, но я молчала.

Ричард вошел в конюшню как раз в тот момент, когда я попыталась взобраться на

Шехеразату, предварительно поманив ее яблоками-паданцами из нашего сада. Сначала она встревожилась, но, почувствовав мой вес, успокоилась и снова сунула морду к корзинке. Я едва держалась на ее спине, но ощущать под собой ее теплую кожу и тугую сеть мускулов было невыразимым блаженством. Когда она подняла голову, я увидела ее стройную шею и блестящий водопад гривы. Я просто обожала ее и, зарывшись носом в гриву, с наслаждением вдыхала ее чудный запах.

Я не услышала шагов около конюшни и даже не заметила, как дверь открылась.

— Слезай, — голос Ричарда звучал угрожающе. Я выпрямилась и с испугом оглянулась. Ричард вошел в конюшню и закрыл за собой дверь. В руках он держал седло и упряжь. — Слезай, — повторил он. Теперь в его голосе появились ласковые нотки, но меня ему было не обмануть. Я видела, как зло блестят его глаза.

Ухватившись за гриву, я соскользнула с лошади и, стоя на соломе, встретила с ним глазами.

— Ричард... — извиняющимся тоном начала я.

Отложив в сторону седло, он отпихнул меня подальше от лошади и с силой сжал мое запястье. Ше-херазада вскинула голову и испуганно заржала. Тогда он резко повернул меня так, чтобы я оказалась между ним и напуганным животным.

— Шехеразада — моя лошадь, — прошипел он, приблизив свое лицо к моему. — Лорд Хаверинг подарил ее мне. И он меня учил кататься на ней. Ты можешь сколько угодно быть Лейси, но здесь за все платит мой папа. Может быть, лорд Хаверинг и дедушка тебе, но лошадь он подарил мне. И я предупреждал, что нельзя ее трогать, правда?

Мои губы дрожали так сильно, что я даже не могла говорить. Это было хуже того случая с водяными змеями в нашем детстве. Это было хуже всего, что случалось до сих пор.

— Ричард... пожалуйста, — жалобно попросила я.

— Я предупреждал тебя? — настойчиво переспросил он.

— Д-д-да, — заикалась я. — Но, Ричард...

— Итак, я предупреждал тебя, Джулия, — нетерпеливо повторил он. — Я сказал тебе, что ты станешь кататься на ней, когда я сам смогу научить тебя. И просил тебя держаться подальше от моей лошади.

Я не могла сдержать нахлынувших слез. Они потекли по щекам, и мое лицо мгновенно стало мокрым, словно я попала под дождь. Я не сводила с Ричарда глаз, надеясь, что он увидит, как я напугана, перестанет так больно сжимать мою руку и заговорит со мной добрым голосом, как он делал всегда после наших ссор.

— Я говорил тебе это? — закричал он.

— Да, да, — прорыдала я. Я не видела спасения. Мама была далеко в доме, Джем, наверное, сидел на кухне. Я находилась во власти Ричарда, а эта власть была немилосердна. Он действительно предупреждал меня. Он не разрешал мне прикасаться к его лошади, и я не послушалась его. Он предупреждал меня, что рассердится. А я имела глупость прийти к Шехеразаде. Что же теперь будет?

Внезапно во мне пробудилось чувство протеста.

— Но ты даже не любишь ее! — заговорила я. — Ты никогда не любил ее, так же как никогда не любил меня. Ты обещал, что научишь меня скакать верхом, но я не верю тебе! Все, чему ты научился, — это твое дурацкое пение! И больше ты ни на что не способен. Ты никогда не научишься ездить верхом!

Ричард схватил меня и, крутанув, поставил лицом к стене. Потом всей тяжестью навалился на меня.

— Я убью тебя! — прошипел он злобно.

Обе мои руки были прижаты к стене, и я буквально не могла шевельнуться. Он схватил с пола кнут и, опять зажав меня одной рукой, изо всей силы стегнул меня по спине.

Он намеревался задать мне порку, как задавал ему Страйд, что, впрочем, бывало крайне редко. Но я вывернулась из его рук, и удар пришелся мне по бедру. Хотя на мне был теплый жакет, я вскрикнула от боли и неожиданности. Три раза Ричард успел стегнуть меня, пока я

не вырвалась окончательно и, нырнув под брюхо Шехеразады, не укрылась за ней. Она была напугана происходящим, била копытами и выкатывала белки.

Гнев оставил Ричарда, казалось, он сам готов был расплакаться.

— О, Джулия! — всхлипнул он.

Но я была далека от прощения. Чувствуя себя в безопасности, я кинулась к двери, отворила ее и выбежала наружу. Я не побежала в дом, хотя его окна приветливо светились в вечернем сумраке. Вместо этого я кинулась туда, где была бы совершенно одна, — на сеновал над конюшней. Там я бросилась на пол и, зарывшись лицом в сено, разрыдалась. Я рыдала от боли и унижения, а также от того, что моя собственная вспышка довела Ричарда до такого бешенства, что он даже пожелал моей смерти.

Я плакала, зажимая рукой рот, и не могла остановиться. Он ударил меня так больно! Он, видно, совсем не любит меня, раз может так обращаться со мной. Я тоже не стану больше любить его. Мы никогда больше не будем друзьями. Он слишком долго третировал меня. Эта злобная атака будет последней!

Сено щекотало мою щеку и постепенно становилось влажным и горячим. Я плакала, будто стараясь навсегда выплакать все слезы... И вдруг я почувствовала самое нежное в мире прикосновение — прикосновение руки Ричарда к моему плечу.

Он бережно — так бережно! — повернул меня к себе и заглянул в мои глаза.

— О, малышка Джулия, — жалобно проговорил он и взял мое лицо в обе ладони. Он стал нежно и бережно целовать меня, осушая мои слезы.

Но я продолжала рыдать и не могла остановиться.

— Ричард, ты не должен так обращаться со мной, — заикаясь, еле выговорила я. — Это несправедливо. И я не буду больше любить тебя. Ты очень жестокий, Ричард.

— Я знаю, — виновато проговорил он. — Я знаю, что не должен был так делать. Но, Джулия, ты должна простить меня. Ты же знаешь, что я не имел в виду ничего плохого. Это вышло случайно.

— Случайно! — вскрикнула я. — Это было совсем не случайно! Ты ударил меня изо всей силы. Целых три раза, Ричард! Даже моя мама никогда меня так не била! И ты сказал, что хочешь убить меня!

— Я знаю, — повторил он своим полным обаяния голосом. — Я прошу у тебя прощения, Джулия. И клянусь, что никогда больше не обижу тебя! — С этими словами он опустился на колени. — Видишь, я на коленях умоляю тебя простить меня.

Я заколебалась. Боль от ударов стала проходить, и вид страдающего Ричарда был непереносим для меня.

— Скажи, что ты простила меня, — прошептал он, протягивая ко мне руки.

— Нет, — упрямо ответила я. — Ты был ужасно жесток, Ричард, ведь я же ничего плохого тебе не сделала, только села на твою лошадь.

Он помолчал минутку, все еще стоя на коленях.

— Настоящие леди должны прощать, когда перед ними извиняются, — наконец выпалил он. — Я же сказал, что я сожалею. И я действительно сожалею. И прошу у тебя прощения.

Долгие уроки моей мамы, объяснения бабушки, весь мир, в котором мы жили, и мое собственное любящее сердце смягчили мою обиду.

— Ох, Ричард, ладно, — и слезы без всякой причины снова хлынули из моих глаз. Он ласково обнял меня и стал вытирать их своим носовым платком.

Потом мы долго сидели в молчании, пока первые звезды не показались на небе.

— Я не люблю, когда другие трогают мои вещи, — тихо и примирительно заговорил Ричард.

— Я знаю, — этими словами я полностью приняла вину на себя, — и обещаю никогда больше не прикасаться к Шехеразаде.

Я могла бы пообещать и больше, но тонкий серп месяца выглянул из-за тучки и заглянул мне в глаза. Мне послышался тот странный поющий звук, который я всегда

принимала за музыку сердца Вайдекра. Эта ночь не казалась мне мирной и покойной, она была какой-то зловещей. Свет луны словно предупреждал меня о том, что любовь Ричарда к своей собственности заходит слишком далеко и я не должна так охотно уступать ему.

Но странный момент прошел, и снова я сидела на сеновале с товарищем моих детских игр.

— Мастер Ричард не любит, когда трогают его лошадь, не правда ли? — с любопытством спросил Денч.

— Не любит, — ответила я, отрываясь от дум. Я больше никогда не подходила к Шехеразаде, и Ричард забыл свой гнев. Впрочем, последние дни я мало видела его.

— Собака на сене, — пробормотал себе под нос Денч. — Я считаю, что вы и безо всякой учебы научитесь скакать верхом, мисс Джулия. В конце концов, вы ведь прирожденная Лейси.

— Нет, — твердо сказала я и выпрямилась. — Я не стану учиться скакать верхом, пока не вырасту, Денч.

— Ну и ладно, — услышав упрек в моем голосе, спокойно согласился он. Мы въезжали в великий покой вайдекрского леса.

— Хотите подержать поводья? — предложил он мне.

— О, еще бы! — с жаром согласилась я. Джем иногда позволял мне править нашей старой двуколкой, но сейчас впервые мне довелось держать поводья великолепной лошади Хаверингов.

— Берите, — великодушно разрешил Денч и стал следить, как мои маленькие руки бережно взяли за поводья, словно это были дорогие ленты.

— Умелые руки, — одобрительно пробормотал он. — У вас руки как у миссис Беатрис.

Я кивнула, едва слыша его. Солнечный свет скользил по моему лицу, ветер, ласковый, как пение птиц, дул мне навстречу. Целая стая скворцов на все лады распевала над нами в ветвях деревьев, а за лесом на заброшенном поле виднелись грачи.

— Мы могли бы не ехать прямо домой, — предложил Денч, глядя на мое счастливое лицо. — Давайте пообедем вокруг мельницы и вернемся домой через деревню.

Я заколебалась, потому что все еще помнила историю о том, как забирали детей. Но, в конце концов, Ричард ходил через деревню к викарию на уроки, и мама никогда не запрещала мне там бывать.

— Хорошо, — согласилась я, и мы свернули на деревенскую улицу, проехав мимо заржавленных, всегда открытых ворот Вайдекра. Деревенская улица была пуста, лишь несколько бледных лиц виднелись сквозь закрытые окна. Денч кивнул сапожнику и кузнецу, они помахали в ответ, и мы свернули на поросшую травой дорогу, которая вела к общинной земле. Неподвижно замерло в воде мельничное колесо, на нем повисла давно высохшая травинка.

— Можно пустить лошадь галопом, если вы хотите, — снова сказал Денч, и, совсем ни о чем не тревожась, я ослабила поводья и почувствовала, как коляска поехала быстрее и стук копыт по земле участился.

— Нравится?

— О да! — прокричала я, перекрывая стук копыт, и лошадь, словно поняв мой восторг, понеслась во весь опор.

— Тпру! — неожиданно тревожно закричал Денч и выхватил у меня поводья. От неожиданности я чуть не упала со своего сиденья, но он успел подхватить меня и водворить обратно.

«Что?..» — хотела спросить я, но, проследив за его взглядом, увидела стоящую невдалеке Шехеразаду, без седока, с болтающимися поводьями. Увидев коляску, она вскинула голову и поскакала к нам.

— Черт побери! — негромко произнес Денч. — Где же этот криворукий?

Шехеразада подошла поближе. Я выскочила из коляски и подхватила волочащиеся по

земле поводья.

— Ричард! — прокричала я в сторону леса. — Ричард, где ты?

Никакого ответа. Только тревожно вскрикнула сойка, да дятел вспорхнул с дерева и полетел прочь.

Я вопросительно оглянулась на Денча, его лицо было озабоченным.

— Криворукий, — опять пробормотал он и стал осматривать Шехеразаду. — С ней все в порядке. Он, видно, просто упал. А где он обычно катался?

— Не знаю, — беспомощно пожала я плечами. — На общинной земле, среди холмов. В лесу. Везде.

— Значит, и искать придется везде, — хмуро ответил Денч и оглянулся на покрытый пурпурным вереском простор общинной земли.

— Мастер Ричард вполне мог отправиться домой, — продолжил он более спокойно. — Поднялся после падения и пошел. — Затем его лицо опять омрачилось, и он, подойдя к лошади, стал выпрягать ее из коляски.

— Дайте-ка, — коротко попросил он и взял у меня из рук поводья Шехеразады. Затем поправил на ней седло и, оценивающе взглянув на меня, принялся укорачивать стремяна.

— Вам придется скакать на ней домой, — велел он мне. — По дороге загляните на мельницу и, если там есть кто, скажите им, что Ричард упал с лошади и надо отправляться на поиски. Затем скачите к кузнецу Неду, он сам поймет, что надо делать. А я коротким путем доберусь до Дауэр-Хауса, узнаю, не вернулся ли ваш кузен домой.

Я даже задохнулась от удивления.

— Но я не умею скакать верхом! Я же говорила вам. Ричард еще не научил меня.

Денч выругался сквозь зубы и посадил меня в седло, как он сделал бы это с любимым деревенским парнем. Я оказалась в седле, сидя по-мужски, с задранной чуть не до колен юбкой и непривычно раздвинутыми лодыжками.

— Вы отлично справитесь, — уверенно произнес Денч. — Вы же Лейси.

Он вручил мне поводья и спокойно повернулся спиной, словно потерял интерес ко мне или был уверен в моей безопасности. Я сидела не дыша. Но уши Шехеразады смотрели вперед, и она стояла подо мной как каменная. Земля в первую минуту показалась мне очень далекой, но я знала, что это родная мягкая земля моего Вайдекра, и немного осмелела. Наклонившись, я поправила юбки, попытавшись чуть прикрыть ноги, и выпрямилась. Шехеразада своим легким танцующим шагом тихонько двинулась вперед вдоль улицы. И тут я совершенно успокоилась. Мне показалось, что после долгого отсутствия я вернулась домой.

Что-то подсказывало мне, как надо сидеть на ней, как держать поводья и как направлять ее шаг. Возможно, я просто очень внимательно слушала тот первый урок, который преподавал Ричарду дедушка. Но в глубине души я знала, что дело не только в этом. Я происходила из семьи, многие поколения которой были превосходными наездниками, и скакать верхом на лошади по земле Вайдекра казалось мне чем-то знакомым. Править лошадьми, сидя в коляске, тоже очень приятно, но скакать верхом было просто верхом блаженства.

Странно, что Ричард... И тут я вспомнила, что Ричард пропал, что он лежит где-то раненый. Даже не думая, я тронула бока лошади пятками, и она прибавила шагу. Мои зубы застучали, и я ухватилась за луку седла, но это не помешало мне беспомощно соскальзывать то в одну, то в другую сторону. Я вспомнила, как дедушка учил Ричарда слегка приподниматься на стремянах в такт бегу лошади. Без особой надежды я попыталась делать так же и сразу же поймала ритм ее шагов, мои зубы перестали стучать, и я почувствовала себя спокойно и уверенно. Мы быстро скакали, и вот уже показались очертания мельницы; я уселась покрепче в седло и потянула поводья. Шехеразада послушно остановилась.

— Мельник Грин, мельник Грин, — позвала я, награждая мельника титулом, которого он не слышал уже, наверное, лет десять, с того дня, когда у него в амбаре нашли несколько спрятанных мешков пшеницы.

Дверь бесшумно отворилась, и старая миссис Грин выглянула во двор.

— Его нет, — неохотно ответила она. — Все уехали на ярмарку искать работу.

Когда-то она была полной достоинства, гордой женщиной, хозяйкой мельницы, семья которой имела свою собственную скамью в церкви. Но потеря средств к существованию сломила ее дух. Прокормить четырех взрослых сыновей и мужа требовало немалых денег, а заработка ни у кого из них не было. Никто из них в течение этих лет не видел в супе мяса и не ел фруктов, за исключением разве что диких ягод.

— Произошел несчастный случай, — обратилась я к ней. — Мой кузен Ричард упал с лошади и, возможно, лежит где-то в лесу или на общинной земле. Когда ваши мужчины вернуться домой, попросите их отправиться на его поиски, хорошо, миссис Грин?

Она мрачно смотрела на меня.

— Сын миссис Беатрис? Нет, — произнесла она с мрачным удовлетворением. — Я не сделаю этого. Мы не станем делать ничего в угоду Лейси. И тем более после тяжелого дня, проведенного в бесплодных поисках работы.

Я смотрела на нее, и внутри меня рос страх. Если Ричард лежит сейчас где-то раненый, возможно, со сломанными костями и совершенно один, он нуждается в помощи. Его надо побыстрее отыскать. А если миссис Грин не поможет мне, если я не подниму весь Экр, то понадобятся часы, чтобы найти его. Не думая ни о чем, кроме отчаянного положения Ричарда, я соскользнула со спины Шехеразады и бросила поводья на забор. Затем я подошла к мрачной старухе и умоляюще сложила руки.

— Да, он сын Беатрис, но он — мой кузен. И я люблю его больше всего в мире. Пожалуйста, помогите ему.

Взгляд ее потеплел, когда она увидела меня не хозяйкой Вайдекра, возвышающейся перед ней на лошади, а умоляющей о помощи девочкой на голову ниже ее.

— Ладно, — уступила она. — Они вернуться примерно через час. И я попрошу их сразу же отправиться на поиски.

Я почувствовала, как мои глаза наполнились слезами.

— Благодарю вас, — хрипло ответила я и пошла к оставленной лошади. Используя выступ каменной ограды в качестве опоры, я взобралась на Шехеразду и повернула лошадь к Экру. Я чувствовала, что миссис Грин провожает меня взглядом, в котором светятся симпатия и сочувствие.

Когда мы свернули к Экру, я уселась поглубже в седло и пустила Шехеразду в галоп. Я приподнималась на стремянах в такт ее бегу и не чувствовала ни малейшего страха, а только восторг от ветра, дующего в лицо, от ритмичного стука ее копыт, от ощущения скорости. В Экр мы ворвались с грохотом отряда кавалерии, и около кузницы я остановила мою кобылку ликующим возгласом.

— Нед Смит! — позвала я, и он мгновенно вынырнул из темной кузницы, на ходу надевая кожаный передник. В его лице светилась радость. Он думал, что я приехала предложить ему какую-то работу.

— Нет, нет, у меня нет для вас работы, — заторопилась я. — Извините, пожалуйста. Ричард упал с лошади во время прогулки. Джон Денч отправился искать его и сказал, чтобы я попросила вас помочь ему.

Кузнец снял передник и бросил его на пустую наковальню.

— Отчего же нет, — угрюмо ответил он. — Многие согласятся помочь вам, если вы заплатите им пенни.

— Да, — я неловко кивнула. — Я сожалею, что не могу предложить вам сегодня работу. Вы, наверное, услышали стук копыт и обрадовались. Боюсь, мы вряд ли сможем заплатить больше одного пенса на человека.

При этих словах он вскинул на меня глаза.

— А вы почему беспокоитесь о работе? — холодно спросил он.

— Потому что я — Лейси, — ответила я и, рассерженная его взглядом, продолжала: — Я знаю, что сейчас все идет у вас плохо, но мы были здесь сквайрами, и то, что плохо для

вас, плохо и для нас. И мне очень жаль, что все так произошло.

Лицо кузнеца смягчилось, но он по-прежнему смотрел на меня сурово. Казалось, его глаза забыли, что такое улыбка.

— А, — отмахнулся он, но, желая быть великодушным, добавил: — Вы-то были тогда совсем грудным ребенком, и вас никто ни в чем не винит. Я соберу людей, и мы найдем вашего кузена. Не тревожьтесь.

— Спасибо, — сказала я.

— Вам понравилось ездить верхом? — спросил он, вдруг заметив, что я сижу в седле по-мужски и опираюсь на укороченные стремена.

— Очень, — просияла я в ответ. — Я попробовала и рысью, и галопом. И теперь не испытываю никакого страха.

— Вы скачете как мисс Беатрис, — негромко, будто про себя, продолжал кузнец. — И у вас такая же, как у нее, улыбка. В первую минуту, увидев вас, я вспомнил ее, когда она еще не сошла с ума.

«Когда она еще не сошла с ума» — в моем мозгу эти слова прозвучали как заклинание, объясняющее мне все.

— Она сошла с ума, — повторила я их вслух. — Что вы имеете в виду? Моя тетя Беатрис никогда не сходила с ума.

Он бросил на меня иронический взгляд из-под косматых бровей.

— Это вам так говорят, осмелюсь возразить. Мы здесь, в Экре, видели совсем другое. Но эта старая история, и мало толку ее рассказывать.

— А что вы такое видели в Экре? — настойчиво спросила я, нагнувшись с седла и вопросительно глядя в глаза кузнецу. Мне казалось, что одно слово об улыбке Беатрис могло бы объяснить мне все. И почему мы теперь такие бедные, и почему земля вокруг пустует и не родит ничего, кроме сорняков.

— Не сейчас, — отрывисто сказал он, и я заметила то же замкнутое выражение, которое видела у мамы, когда разговор заходил о Лейси и о страшном пожаре, лишившем нас всего. — Сейчас в вашей голове только заботы о кузене.

Да, он был прав. Я потрясла головой, чтобы отогнать тревогу, и повернула лошадь.

Улица Экра представляла собой сплошное месиво грязи и не подходила для галопа, поэтому Шехеразада преодолела ее веселой рысью. Но дорога к Холлу и Дауэр-Хаусу сильно заросла травой, и я ослабила поводья и дала лошади перейти в быстрый галоп. В таком темпе мы доскакали до дома, и я увидела в окне тревожно глядящую на меня маму. Несомненно, я представляла собой непривычное зрелище: волосы растрепались, шляпка сполза и болталась на спине, глаза сияли восторгом.

— Джулия! — воскликнула она в ужасе. — Ради Бога...

— Денч вез меня домой, и по дороге мы увидели Шехеразаду, — одним духом выпалила я. — Сам он отправился искать Ричарда, а меня посадил на лошадь и попросил поехать в Экр за людьми. Мама, а Ричарда нет дома? Он не вернулся?

— Нет, и я уже начала беспокоиться, — ответила мама. — Господи, что могло с ним случиться? Но, Джулия! Ты скачешь верхом? Откуда ты этому научилась?

— Я просто села и поехала, мама, — с триумфом объяснила я. — Как только я оказалась на ее спине, я сразу поняла, что надо делать. Шехеразада такая милая и добрая! Я знала, что на нее можно надеяться.

— Но эти люди из Экра... — растерянно проговорила мама. — С кем ты там говорила?

— С миссис Грин на мельнице, потом еще с кузнецом Недом. Они оба сказали, что помогут.

— О, моя дорогая, — простионала мама, переполненная впечатлениями: я, скачущая верхом на лошади, я, отдающая приказы в Экре, и, конечно, раненый Ричард.

Но тут же я увидела, как распрямились ее плечи, и услышала твердый голос:

— Отведи лошадь в конюшню и вели Джему скакать в Хаверинг Холл. Пусть передаст ее милости, что Ричард, возможно, ранен и нам понадобится экипаж. И потом мигом

возвращайся.

Мама повернулась и бросилась к дому, и я тут же услышала, как она зовет Страйда. Я чуть наклонилась вперед, и умненькая лошадка поняла, чего я хочу, и направилась к конюшне. Около дверей я спрыгнула с нее и почувствовала, как земля плывет у меня под ногами. Мои колени подогнулись, и вместо того, чтобы небрежно бросить поводья Джем, я осела на землю, полусмеясь, полуплача от боли. Джем подхватил меня и помог сесть, облокотившись о стену, а сам тут же стал удлинять стремяна у лошади, чтобы скакать в Хаверинг Холл.

— Может быть, вам помочь? — спросил он. — Я могу проводить вас в дом.

— Не надо, все в порядке, — солгала я. По правде сказать, мои руки и ноги дрожали, как желе. У меня болела каждая косточка, и, воспользовавшись тем, что Джем стоит ко мне спиной, я украдкой осмотрела свои ноги. Они так болели, что показались мне стертymi в кровь, но, к счастью, кожа на них была просто немного раздражена грубыми швами седла.

— Господи, помилуй! — завопила миссис Гау, уперев руки в бока и возвышаясь надо мной как гора. — В каком вы состоянии, мисс Джулия! Сейчас же отправляйтесь в дом!

Я послушно попыталась подняться, но не смогла. Подняв глаза на суровое лицо миссис Гау, я протянула к ней руки:

— Я не очень хорошо себя чувствую, — виновато выговорила я и потеряла сознание.

На этом мои приключения в тот день и окончились. Миссис Гау была не слишком доброжелательна, но свое дело она знала. Она тут же велела Страйду отнести меня наверх и принесла ко мне в комнату тарелку супа, в который капнула бренди, и немного хлеба. Несмотря на мою тревогу за Ричарда, мои глаза слипались, и я тут же заснула.

И тогда я увидела сон.

Это был очень забавный сон, в котором все события прошедшего дня смешались и перепутались. Мне снилось, что все это происходило не со мной, а с девочкой, очень похожей на меня. С девочкой, которая никогда бы не потерпела жестокости от своего товарища по играм, с девочкой, которая ничего не боялась. С девочкой не очень спокойной и не слишком застенчивой. И совсем не тихоней. Этой девочкой могла бы быть я, если б я не была дочерью своей мамы. Если бы у меня не было похищено немного свободы.

Она сидела верхом на пони, он был гнедой масти и в свете октябрьского солнца отливал золотом, как наша Шехеразада. Она скакала на нем не по лесу, где я была сегодня, а по склонам дальних холмов. Она была мной, и это свой смех я услышала, когда она гнала пони на самый верх, и это мой крик восторга вырвался из груди, когда они достигли вершины. Я посмотрела направо и увидела отару овец, — я знала: это мои овцы, — и пастух поднял руку в ленивом приветствии. Я подскакала к нему и велела ему выкупать овец в реке сегодня после обеда, и он кивнул и улыбнулся, будто я была сквайром и могла отдавать приказы и ослушаться меня было невозможно.

Я прищурила глаза и оглядела небосвод, будто и он также принадлежал мне, и сказала, что к вечеру разразится дождь. И пастух кивнул в ответ, будто я была, как всегда, права, и послушно сказал: «Да, мисс Беатрис» и помахал на прощанье.

Я перевернулась во сне на другой бок и услышала чей-то голос, произнесший странные слова: «Привилегированное дитя. Привилегированное дитя. Она всегда была избранным ребенком».

Тут я проснулась и открыла глаза. Мою комнату заливал яркий солнечный свет. Тени на полу говорили мне, что я спала всего несколько минут. Я протянула руку и потрогала тарелку с супом, она все еще была теплой. Я вспомнила о Ричарде и хотела встать и пойти узнать, нашли ли его, но моя голова кружилась, я легла обратно и провалилась в крепкий сон.

В этот раз я спала до самого полудня и пропустила возвращение Ричарда домой. Его нашел и доставил в Экр Денч, уложив в коляску и ведя лошадь на поводу. У Ричарда были сломаны ключица и левая рука, и Денч разорвал свою рубашку, чтобы наложить временную повязку. Мама, узнав о происшедшем, прислала в Экр карету Хаверингов, и Нед с одним из

сыновей мельника положили Ричарда на коврик и подняли в карету. Он не испытывал никакой боли, так как Денч дал ему лауданума. Лекарство нашлось у миссис Грин, она берегла его уже много лет и даже не соглашалась продать, чтобы купить еды, а теперь отдала его просто так.

Дома Ричарда уложили в постель и послали в Мидхерст за хирургом. Прибыв, он туго забинтовал руку и ключицу и похвалил повязку, сделанную Денчем. Ричарду он велел оставаться в постели по крайней мере неделю.

Эти дни мы провели с моим кузенком в мире и согласии. Некоторое время у него была лихорадка, и я сидела с ним, протирала его лоб губкой, смоченной в уксусе с водой, и читала ему вслух, чтобы развлечь его. На четвертый день ему стало лучше, и он смог спросить меня, что все-таки произошло. Я рассказала ему о миссис Грин, о Неде Смите, о решении Денча послать меня за людьми в деревню.

— Как же ты добралась до Экра? — поинтересовался Ричард. Он лежал на спине такой бледный, что его веснушки казались пятнышками шоколада на белой коже, и не смотрел на меня.

— Верхом, — ответила я и тут же почувствовала, как мое сердце покатило куда-то вниз. Я испугалась, что скакала на лошади Ричарда без его разрешения.

Я ничего не могла сказать о настроении Ричарда, поскольку он не поднимал на меня глаз и мне видны были только его темные ресницы.

— Денч велел мне взять Шехеразаду и скакать в деревню, пока он ищет тебя в лесу. Это был единственный выход, Ричард.

Он по-прежнему не поднимал глаз.

— Денч велел тебе взять мою лошадь, — тихо повторил он. — Но, Джулия... — тут он опять помолчал, — ты же не умеешь ездить верхом.

— Я знаю, — с нервным смехом ответила я. — Я знаю, что я не умею. Но Денч посадил меня в седло, и Шехеразада была такая милая! Это, должно быть, ты так хорошо вышколил ее, — тут я бросила короткий взгляд на Ричарда. Его лицо оставалось по-прежнему непроницаемым. — Она сама нашла дорогу домой. Я просто сидела на ней. Это было не по-настоящему. Я не правила ею, как правишь ты.

— Не по-настоящему, — опять повторил он. — Она что, шла шагом?

— Не весь путь.

— Не весь путь, — он повторял слова за мной так, будто записывал их в какую-то книгу. — Она не шла шагом весь путь. Значит, некоторое время она шла рысью?

— Да, — быстро ответила я. Слишком быстро. — Мы ведь торопились.

— Она шла рысью. Ты сидела на лошади правильно или болталась из стороны в сторону, ухватившись за гриву?

— Я правильно сидела, — обиделась я. — И я даже пустила ее галопом.

Тут Ричард поднял голову и взглянул на меня. Его глаза показались мне темными, как центр грозовой тучи.

— Ты взяла без разрешения мою лошадь и скакала на ней галопом?

— Ричард! — отчаянно воскликнула я. — Я должна была! Должна была это сделать! Денч велел мне! Он пошел искать тебя, а я должна была позвать людей из Экра и потом ехать домой, чтобы рассказать обо всем маме. Я просто не могла отказаться. Денч знал, что надо делать, и он приказал мне!

— Денч, говоришь ты? — спросил Ричард.

— Да.

— Тебе следовало отказаться, — и маленькая морщинка прорезала его лоб.

— Но я не знала, что делать. А Денч знал, Ричард, и я сделала так, как он приказал мне.

— Он никогда не любил меня, — процедил Ричард, откинувшись на подушку и уставившись на голую стену напротив. Он словно видел перед собой бесстрастное лицо Денча, когда тот наблюдал его первый урок верховой езды. — С того самого первого урока. И даже еще раньше. Он хотел, чтобы Шехеразада принадлежала тебе. И он воспользовался

первым же предложением, чтобы усадить тебя на нее.

Я ничего не говорила, потому что знала: все это неправда. Хотя гнев Ричарда так и не разразился, ледяной холод внутри и подступившая к горлу тошнота пугали меня. Я сидела у окна, прижавшись щекой к прохладному стеклу, и мечтала убежать из этой душной комнаты, убежать от навалившегося на меня страха.

— Это вина Денча, — сказал он.

— Да. Да, — в эту минуту я думала только о себе. Ричард замолчал, и я тоже замерла.

Он повернулся ко мне, и я с облегчением увидела счастливое выражение в его глазах. Он улыбался мне словно лучший из друзей.

— Не смотри так испуганно, Джулия, — сказал он, будто в этом было что-то забавное. — Я не сержусь на тебя больше. Сначала я думал, что это твоя вина. Теперь я вижу, что виноват был Денч.

Я улыбнулась в ответ.

— Но ты уверена, что он приказал тебе? Он действительно приказал тебе взять мою лошадь? Ты не хитришь со мной?

— Нет! Нет! — заторопилась я. — Это была его идея.

— Хорошо, — и он улыбнулся мне своей ангельской улыбкой. Он протянул мне руку, и я благодарно сжала ее своими ледяными пальцами. Послушная его движению, я соскользнула на колени рядом с его кроватью, и он, положив руку на мое лицо, стал гладить мне щеку. Затем поцеловал мой лоб как раз там, где начиналась головная боль, и при этом прикосновении я почувствовала, что мой страх и напряжение оставляют меня и боль куда-то отодвигается.

— Сейчас тебе лучше, правда? — спросил Ричард.

— Да, — покорно согласилась я.

— Я ненавижу, когда мы ссоримся. — Его голос звучал тихо и печально. — Для меня нет ничего хуже мысли о том, что ты эгоистична и любишь только себя. Ты должна любить меня как истинная леди, Джулия. Ты должна быть чистой и не себялюбивой.

Я сморгнула слезы.

— Но я стараюсь, я все время стараюсь, Ричард.

Он улыбнулся тепло и ласково.

— Я знаю. Так и должно быть.

Тогда я положила голову на его подушку и вдохнула сладкий ореховый запах его волос. Ричард не сердился больше на меня.

Между нами был мир.

Глава 3

Выздоровление Ричарда и после лихорадки и после перелома шло без всяких осложнений. Хирург, приехавший к нам еще раз из Мидхерста, заверил, что дела пошли на поправку и в его услугах больше нет нужды. Пока Ричард был прикован к постели, он вел себя довольно капризно, но, когда он впервые спустился к обеду, одетый в дедушкин шлафрок, он снова был прежним ласковым мальчиком. И я решила, что его гнев из-за Шехеразады утих, поскольку был вызван болезнью, болью и задетым самолюбием. Все-таки я скакала верхом на лошади, которая только что сбросила его.

Обольщаясь этим, я продолжала свои визиты на конюшню с корочками хлеба для Шехеразады, хотя и не мечтала скакать на ней снова. Поэтому я неприветливо глянула на Денча, болтавшего со своим племянником во дворе нашей конюшни, когда он сказал мне, что знает, где продается недорого дамское седло.

— Мне не позволяют ездить на ней, — объяснила я, — Это лошадь принадлежит Ричарду, а не мне.

— Но он не умеет на ней даже держаться, — сердито возразил Денч. — Он боится ее, да и лошадь не любит его. Скажите ему, что вы будете скакать на ней, пока его рука не

заживет. Джем научит вас ухаживать за лошастью. — Джем просиял и радостно кивнул. — Она нуждается в тренировках. Лошади не любят, когда ими пренебрегают. Запертая в конюшне все время, она будет скучать и беспокоиться. Скажите об этом мастеру Ричарду. Он может следить за вашими прогулками, если ему так хочется.

Слова Денча звучали так, будто это я делала одолжение Ричарду, катаясь на его лошади.

— Я скажу маме, что Шехеразаде нужны тренировки, — нерешительно согласилась я, — но сомневаюсь, что мне позволят скакать на ней.

— Жаль, — коротко бросил Денч.

— Но вы должны уметь постоять за себя, мисс Джулия, — заговорил Джем. — Вы все-таки Лейси.

Я ничего не ответила.

— Хотите повести ее во фруктовый сад? — предложил Джем.

— О да! — воскликнула я, и Джем пошел в конюшню. И сейчас же оттуда выбежала Шехеразада, Денч торопливо отступил с дороги, но я осталась стоять на месте. Тогда она, подойдя ко мне, остановилась рядом и стала обнюхивать перед моего платья, будто именно за тем и спешила. Я наклонилась и прижалась к ее прекрасной умной морде щекой.

В это мгновение я уловила какое-то движение в окне библиотеки и замерла. Ричард наблюдал за нами. Инстинктивно я отодвинулась от лошади и, пристыженная, помахала ему рукой. Не ответив, Ричард отошел от окна.

— Он видел меня, — слабо сказала я. — Я не поведу ее в сад, Джем. Сделайте это сами.

Джем разочарованно присвистнул сквозь зубы, и они с Денчем обменялись недовольным взглядом, но ничего не сказали.

— Мне надо идти, — я отвернулась от них, от чудесной ласковой лошадки и побрела к дому.

Это был спокойный, обычный день, единственным волнующим моментом которого стала наша партия в пикет, когда я на пуговицы выиграла у Ричарда сто четырнадцать фунтов. Он объявил себя банкротом и смешал карты. Затем, искоса глянув на маму, обратился к ней с вопросом, который будто только что пришел ему в голову.

— Тетушка-мама, а что лорд Хаверинг собирается делать с Денчем?

— С Денчем? — повторила мама в удивлении. — А что с Денчем?

Ричард выглядел пораженным.

— Естественно, он должен быть наказан, — уверенно заявил он, — после того как он подверг жизнь Джулии такому ужасному риску.

Мама немного помолчала.

— Я действительно была несколько шокирована в тот день. Но когда он привез тебя домой, я почувствовала такое облегчение, что ничего не стала говорить ему. Все делалось в такой спешке.

— Я ожидал, что вы больше заботитесь о Джулии, — продолжал Ричард все еще удивленно. — Разве она не упала в обморок, когда вернулась домой?

— Д-да...

— А если бы это случилось, когда она скакала верхом? Она могла сломать себе шею, — прервал маму Ричард. — Денч не должен был сажать ее на Шехеразadu. Она только что сбросила меня, а я все-таки учился и езжу верхом уже несколько месяцев.

Мама выглядела напуганной.

— Да, мне следовало подумать об этом, — виновато заговорила она и повернулась ко мне. — Но ты выглядела такой уверенной на лошади и скакала на ней так хорошо! Было совершенно очевидно, что ты полностью контролируешь ее. Я даже подумала, что ты каталась верхом по паддоку, стоило только Ричарду отвернуться.

— Нет! — вскричала я. — Я никогда не делала этого! Денч велел мне сесть на нее, и я послушалась его.

— Он поступил неправильно, отправив Джулию одну верхом на опасной взрослой

лошади, — вмешался Ричард. — К тому же сидя по-мужски... И через Экр...

Мама нахмурилась.

— Должна признать, что я отнеслась к этому несколько беспечно, — призналась она. — Но я была так рада, что вы оба дома и в безопасности... Ты прав, Ричард. Я поговорю с мамой об этом.

И она наклонилась перекусить нитку на шитье. Затем подняла глаза и улыбнулась Ричарду.

— Что за светлая головушка у тебя, Ричард! Ты оказался совершенно прав.

Я тоже улыбнулась, отдавая должное уму и сердцу Ричарда, и он просиял в ответ уверенной улыбкой взрослого мужчины.

Мы увидели леди Хаверинг на следующий день, когда она по дороге в Чичестер заехала к нам осведомиться, не нужно ли для нас что-нибудь купить. Я видела, что мама подошла к экипажу и долго и взволнованно говорила что-то в окошко, и знала, как будет недовольна леди Хаверинг. Я только надеялась, что Денча не ожидает ничего более страшного, чем многословные тирады лорда Хаверинга. А к ним он относился совершенно спокойно.

Но все обернулось намного хуже. Дедушки еще не было дома, и в его отсутствие всем заправляла леди Хаверинг. Она тут же отменила поездку в Чичестер, вернулась обратно в Холл и прямо во дворе рассчитала Денча, выдав ему недельное жалованье и отказав в рекомендациях. От него она не пожелала выслушать ни единого слова.

Он сложил свои вещи и оставил комнату над конюшней, в которой прожил двадцать лет. В тот же день он ушел в Экр к своему брату, жившему там в отчаянной бедности. После обеда — куска ржаного хлеба и тарелки жидкой каши — он пошел в Дауэр-Хаус, куда совсем недавно привез в коляске Ричарда и где мама благословляла и благодарила его.

Страйда не было, и миссис Гау вошла в гостиную с сообщением, что Денч дожидается у заднего входа. Мама смотрела нерешительно.

— Надеюсь, он не пьян и не станет буйнить, — озабоченно сказал Ричард.

Эти слова подействовали на маму, и она, подойдя к письменному столу, вынула завернутый в бумагу флорин.

— Скажите ему, что я сожалею о том, что произошло, — неловко произнесла она. — Но я не могу вмешиваться в чужие дела. Передайте ему это от моего имени.

— Я скажу ему, — агрессивно отвечала миссис Гау. — Как он смеет надоедать вам в вашем собственном доме!

Она вышла, и, хотя обитая войлоком дверь в кухню была плотно закрыта, мы слышали ее визгливый голос, поносивший Денча, а затем и его крик. Я взглянула на маму. Ее лицо было пепельного цвета, и я поняла, что она боится.

— Ничего страшного, мама, — успокоительно заговорила я. — У нашей миссис Гау острый язычок, а Денч не дал ей спуска. Не надо бояться.

— Он злой человек, — возразил мне Ричард. — Мне совсем не нравится, что он пришел сюда. Может быть, он станет настраивать против нас деревню. Лорд Хаверинг говорит, что там и так живут одни бунтовщики. А тут еще Денч станет подливать масла в огонь.

Кухонная дверь громко хлопнула, и я увидела, как вздрогнула мама. Но я думала лишь о Денче, который хотел только добра и теперь остался без работы. Сейчас, потеряв последнюю надежду, он бредет домой в Экр, глядя на носки прохудившихся ботинок. В этих ботинках ему даже не дойти до ярмарки, чтобы поискать работу.

Извинившись, я выскользнула из комнаты. Быстро накинув плащ, я открыла дверь и выбежала на улицу. Далеко впереди маячила спина Денча, и я даже на расстоянии видела, как понуро сгорблены его плечи. Я побежала за ним.

— Денч, мне так жаль! — воскликнула я. Заслышав мои шаги, он остановился. — Когда вернется дедушка, я поговорю с ним. Бабушка просто не поняла, что произошло, и вы

же знаете, как она вечно боится за меня.

Денч кивнул.

— Не надо ничего говорить, — остановил он меня. — Я никогда не подверг бы вас ни малейшей опасности, и ваш дедушка знает это. Но ее милость права, я не должен был позволять вам ездить на лошади по-мужски. Я совсем не подумал об этом. Но черт меня побери, если я знал, что нужно было делать. — Тут он оборвал себя. — Когда его милость вернется, он найдет для меня место. Но это плохая награда за двадцать лет службы.

— Извините нас, — повторила я. — Это несправедливо.

— А, ладно, — и впервые в его обычно бесстрастном голосе прозвучала горечь. — Я знаю, кого мне нужно благодарить за это. Мне не стоило отпрапляться искать его, когда он свалился с лошади, тогда и не было бы всей этой чепухи. И моей сестре не пришлось бы кормить еще и меня, когда у нее полон дом своих голодных ртов... Да вы не поймете, мисс Джулия. Идите-ка лучше домой. Я ни в чем не виню вас.

Я взглянула ему прямо в глаза, повернулась и пошла к дому, к нашей гостиной, залитой светом свечей, и к беззаботной карточной игре.

Но я не забыла, что Шехеразаде нужны прогулки, и вечером того же дня, когда мы с Ричардом отпраплялись спать, я остановила его на лестнице.

— Ричард, ты не станешь возражать, если я попрошу у мамы разрешения прогуливать Шехеразаду по выгону и, может быть, немножко в лесу или по дороге? Я не буду, конечно, на ней скакать, просто погуляю с ней. Джем сегодня утром сказал, что ее нужно тренировать все время, чтобы она была готова к тому времени, когда ты поправишься.

— Ты хочешь этого? — глухо спросил Ричард.

— Очень, — начала я, но тут же спохватилась. — Но только если ты не возражаешь.

— А ты хочешь научиться скакать по-настоящему? Как только моя рука заживет, я смогу учить тебя.

— О, Ричард, это правда? — воскликнула я и, схватив его за руку, принялась трясти, не помня себя от счастья. — Я так мечтала об этом! Я знала, что ты разрешишь мне это! О, Ричард, какой ты милый, милый со мной! Когда твоя рука совсем пройдет, может быть, дедушка найдет для меня пони, и мы сможем кататься вместе каждый день! И будем устраивать скачки! И... о, Ричард!, возможно, он возьмет нас на охоту. И мы станем знаменитыми всадниками-сорвиголова, как была твоя мама!

Ричард рассмеялся, но смех его звучал несколько натянуто.

— Конечно, конечно, — отвечал он. — Не будем же мы с тобой сидеть дома. Ох, оставь, пожалуйста, мою бедную руку. Не обнимай меня! Что ты делаешь?

Я отступила и исполнила небольшой танец на освещенном пяточке площадки.

— О, Ричард! — снова и снова восклицала я. — Как я тебе благодарна!

— Ладно, ладно, я всегда знал, что ты хочешь ездить на ней.

— Ричард, ты лучше всех на свете, — продолжала в восторге тарыхтеть я. Но тут мы услышали мамины шаги и разбежались по своим спальням.

Я едва смогла заснуть от волнения, и мой сон был легким. Что-то окончательно разбудило меня перед рассветом. Я подняла голову и услышала шаги у самой двери.

— Кто там? — спросила я громко.

— Ш-ш-ш, — и Ричард заглянул ко мне в спальню. — Это я. Кто-то бродил около конюшни, и я встал, чтобы выглянуть из окна библиотеки.

— И кто там был? — сквозь сон поинтересовалась я.

— Слишком темно на улице, и я ничего не разглядел, — ответил Ричард. — Я открыл окно и окликнул его, но он убежал. Не знаю, кто это мог быть.

— А что он мог делать около конюшни? — встревожилась я. — О, Ричард, а лошади в порядке? Может, нам разбудить маму?

— Я видел, что их головы торчат в стойлах, — успокоил меня он. — Наверное, это был Денч. Во всяком случае, очень похож на него. Он, наверное, приходил к Дjemu и убежал, услышав мой голос. Он знал, какой прием его ожидает тут после той сцены, которую он

устроил вчера.

— А что нам делать? — мне было так тепло и уютно в моей постельке. Раз с Шехеразадой все было в порядке, больше меня ничего не беспокоило.

Ричард широко зевнул.

— Спать, я думаю, так как все спокойно. Если это действительно был Денч, то он уже убежал. Завтра утром я расскажу о нем тетушке-маме. Сейчас не стоит ее будить.

— И утром я буду кататься верхом, — пролепетала я в сонном оцепенении. — Ты выйдешь учить меня?

— Конечно, выйду, — снисходительно ответил он. — Сразу после завтрака. А теперь спи, малышка Джулия.

И я немедленно провалилась в глубокий сон. Но беспокойство за Шехеразadu рано подняло меня, и, едва вскочив с постели, я накинула на себя платье и сбежала вниз по лестнице. Миссис Гау уже встала и готовила на кухне наш утренний шоколад. Я сказала, что сама приду за своей чашкой, но сначала проведу лошадей.

— Шехеразада, — тихонько позвала я у двери конюшни, но ее головы в стойле не увидела. Я опять окликнула ее и ощутила легкое беспокойство оттого, что не вижу и не слышу ее. Тут мои глаза привыкли к темноте, и я увидела, что она лежит неподвижно на соломенной подстилке. В первую минуту я подумала, что бедняжка заболела, но тут же увидела кровь на соломе. Глупенькая Шехеразада поранила себя.

— О, Шехеразада, — с испугом сказала я и вошла к ней в стойло. Она засучила передними ногами, пытаясь приподняться, но задние ноги отказывались служить ей. Я поняла, что ей плохо. Вся соломенная подстилка была пропитана кровью и мочой и казалась красной, о, такой страшно красной в свете наступающего дня. Она, должно быть, истекала кровью всю прошедшую ночь. Прекрасный хвост яркого медного цвета весь слипся от засохшей крови. Когда она опять попыталась приподняться, я увидела ее раны. На обеих задних ногах виднелись ровные кровавые разрезы. Будто от ножа. Я дико оглянулась вокруг, ожидая увидеть что-то острое в ее стойле — забытый плуг или разломанное ведро, которые могли оставить такие раны. Но ничего не обнаружила. Было похоже, что ее поранили ножом.

Ее ранили ножом.

Кто-то вошел в конюшню и поранил ножом самую лучшую нашу лошадь, лошадь Ричарда, чтобы он никогда не мог скакать на ней.

Я не плакала, но меня сотрясала страшная дрожь.

Затем я поднялась и медленно-медленно, едва волоча ноги, пошла к дому. Кто-то должен сообщить ему эту весть. Я так сильно любила Ричарда, что не допускала и тени сомнения, что сделать это должна я сама. И никто, кроме меня.

Это совершил Денч.

Ричард так сразу и сказал: «Это сделал Денч».

Денч, который знал, что жизнь устроена несправедливо.

В моей голове не укладывалось, как мог так поступить с беззащитным животным человек, проработавший всю жизнь с лошадьми. Но мама, чье лицо было бледным и каким-то опрокинутым, объяснила мне, что бедность заставляет людей совершать странные и жестокие поступки.

Он кружил возле конюшни прошлой ночью, как сказал Ричард. Он затаил в душе злобу против Хаверингов и против нас. Он проклинал нас в нашей собственной кухне. Даже я должна была признать, что он в самом деле злой человек.

Мама послала Джема к Неду Смиту, и тот, осмотрев Шехеразadu, сказал, что сухожилия никогда не заживают и что она не сможет больше стоять на ногах. Она не сможет больше стоять на ногах.

— Лучше убить ее, ваша милость, — говорил он, неловко стоя в холле, его грязные ботинки оставляли мокрые следы на полу.

— Нет! — быстро крикнул Ричард. Слишком быстро. — Нет! Не убивайте ее! Я знаю, что она останется калекой, но только не убивайте ее!

Широкое темное лицо Неда было каменным, когда он повернулся к Ричарду.

— Она ни на что не годится, — жестко сказал он. — Это рабочее животное, а не комнатная собачонка. Если на ней нельзя скакать, то лучше убить ее сразу.

— Нет! — повторял Ричард, и в его голосе звучала паника. — Я не хочу этого. Это моя лошадь. И я имею право решать, будет ли она жить.

Мама покачала головой и, взяв Ричарда за здоровую руку, повела его из гостиной.

— Нед прав, Ричард, — увещающим тоном говорила она и, обернувшись, кивнула Неду. — Она не сможет жить калеккой.

Ричарда увели, а я осталась в холле. Нед бросил на меня грустный взгляд.

— Я сожалею, мисс Джулия.

— Это не моя лошадь, — жалобно пробормотала я. — Я только один раз скакала на ней.

— Угу, но я знаю, что вы любили ее. Она была славной лошадкой.

И он, неловкий в своих огромных ботинках, пошел к двери, около которой оставил свой деревянный молот. Взяв его, он вошел в конюшню, где лежала Шехеразада, слабая, словно новорожденный жеребенок, и убил ее одним сильным ударом молота между доверчивых карих глаз. Затем явились какие-то люди из Экра, погрузили ее неподвижное тело на телегу и увезли прочь.

— Что они сделают с ней? — я стояла у окна гостиной и не могла заставить себя не смотреть на происходящее. Что-то говорило мне, что я должна видеть все это. И неподвижное тело на телеге, и нелепо задранные и растопыренные ноги.

Лицо мамы было угрюмым.

— Думаю, что они съедят ее, — с отвращением в голосе сказала она.

У меня вырвался крик ужаса, и я бросилась наверх, в свою комнату. Лучше было бы пойти к Ричарду, но я знала, что ему сейчас нужно побыть одному. Он оставался в библиотеке, сидя спиной к окну, которое выходило во двор конюшни, чтобы не видеть, как моет опустевшее стойло Джем.

В Экре никто ничего не знал о Денче.

Так сказал Нед, подойдя к задней двери помыть руки и получить плату за свой труд. Наверное, это доказывает его вину, подумала я. Нед рассказал миссис Гау, что Денч исчез сразу, как только услышал, что лошадь убита.

— Он понял, на кого падет вина, — объяснил он.

— Конечно, а кто другой мог сделать это? — тут же перешла в наступление миссис Гау. — У кого еще в графстве могла подняться рука убить лошадь бедного крошки? Это разбило его сердце. Где теперь он возьмет другую? Я понятия не имею. Он же не может быть джентльменом, не имея лошади, не так ли?

— Он не может быть джентльменом, потому что не умеет ездить на ней, — раздраженно буркнул Нед.

— А ну, вон из моей кухни, — закричала кухарка. — Убирайся обратно в Экр к остальным бандитам! Все вы там преступники и убийцы!

Нед повернулся с кривой улыбкой и пошел в деревню, которую мой дедушка называл деревней безза-конников и которая находилась всего в полумиле от нашего дома, затерявшегося в парке.

Дедушка Хаверинг громко выругался прямо при нас всех, когда мама рассказала ему эту историю. Затем он повернулся к Ричарду и торжественно пообещал ему новую лошадь. Совсем новую, его собственную лошадь.

Но Ричард был безутешен. Он улыбнулся и поблагодарил моего дедушку, но спокойно сказал, что он не хочет другой лошади. Ни за что на свете.

— Она не могла бы заменить мне Шехеразату, — объяснил он.

Взрослые переглянулись и согласились с ним. Мое сердце опять заныло от тоски по милой лошадке. Единственная прогулка на ней оставила у меня ощущение счастья.

Но больше всего мне было жалко Ричарда, ведь это его лошадь, которую он так любил,

погибла.

Дедушка поместил объявление в газете, предлагающее награду за поимку Денча. Нанести вред лошади лорда было серьезным преступлением, и его могли послать на каторгу либо, что вероятней, повесить. Но никто не сообщил сведений о нем, а его семья клялась, что понятия не имеет, где он.

— Так я им и поверил, — саркастически заметил дедушка. — И вообще, чем скорее вернется наш драгоценный доктор Мак Эндрю, тем спокойней я буду спать. Никакой джентльмен не может вести счастливую жизнь, имея такую команду висельников под боком.

Мама кивнула, явно стыдясь за Экр. Я почувствовала, как ей неприятно, что дедушка так отзывается о нашей деревне в моем присутствии. Она хотела, чтобы я не знала о глубокой вражде между деревней и Лейси.

Но я не могла не знать об этом. Мама никогда не бывала в деревне. Она использовала каждую возможность съездить в собор в Чичестере, чтобы не ходить в нашу приходскую церковь в Экре. Ботинки для нас заказывали в Мидхерсте, в то время как сапожник в Экре сидел без работы. Наше белье отсылали в стирку в Левингтон. Все это было очень странно, хотя и объяснялось только той фразой Неда, что Беатрис когда-то сошла с ума.

Ричард знал о наших напряженных отношениях с деревней. И говорил об этом открыто.

— Они просто подонки. Грязные, как свиньи в хлеву. Они не хотят работать даже на собственных огородах. И все, как на подбор, браконьеры и воры. Когда я стану сквайром, я велю очистить от них землю, а саму деревню сотру с лица земли.

Я кивала головой, молчаливо соглашаясь с ним, но знала, что говорит в Ричарде только бравада. Он боялся. Ему было всего-навсего одиннадцать лет, и он имел повод для страха.

Деревенские дети преследовали его. Им, так же как и нам, было прекрасно известно, что деревня и Лейси — заклятые враги. А после того, как сбежал Денч, дела пошли еще хуже. Они улюлюкали и свистели, когда он проходил мимо с книжками под мышкой. Они насмеялись над его старым пальто, над рваными и слишком тесными ботинками. А если они ничего больше не могли придумать, то кричали друг другу, что тут есть кое-кто, кто называет себя сквайром, а сам не может усидеть на лошади.

Ричард молча проходил мимо, и глаза его сверкали ненавистью, как у кота. Он видел, что их целая толпа, и понимал, что, если он схватится с одним из них, остальные тут же придут товарищу на выручку, а взрослые тем временем будут с удовольствием наблюдать, как зверски избивают сына Беатрис.

Обо всем этом я только догадывалась. Ричард был слишком горд, чтобы рассказывать об обидчиках. Однажды он, правда, признался, что ненавидит ходить через деревню. И я сама заметила, что, если день стоит погожий и, значит, все деревенские дети гуляют на улице, Ричард выходит пораньше, чтобы пройти через общинную землю и подойти к дому викария с другой стороны деревни.

Маме он никогда об этом не говорил. Только однажды спросил у нее, что такое «маменькин сынок». Она в это время причесывалась, а Ричард сидел рядом, играя ее лентами. Я же, по обыкновению, примостилась у окна и наблюдала за игрой последних листьев на зимнем ветру. Но при вопросе Ричарда я повернулась и внимательно посмотрела на маму.

— А где ты слышал эту фразу, мой дорогой? — ровным голосом спросила она.

— Они кричали ее мне вслед сегодня, когда я проходил через деревню, — пожал плечами Ричард. — Но я не обращаю на них внимания. Я никогда не обращаю на них внимания.

Мама протянула руку и погладила его по щеке.

— Все еще наладится, — тихо проговорила она. — Когда вернется твой папа, все сразу наладится.

Ричард поймал ее руку и поцеловал с галантностью взрослого кавалера.

— Я совсем не против его отсутствия, мне очень нравится, как мы тут живем.

В тот раз я промолчала. Промолчала я и потом. Но когда он однажды пришел домой с

разорванным воротником, я поняла, что дела совсем плохи.

Я не боялась Экра, как мама и Ричард, и решила помочь своему кузену. Я чувствовала себя в деревне как дома и знала, что это часть моей земли. К тому же я не забыла улыбку Неда и то, как миссис Грин пожертвовала для Ричарда драгоценным флаконом ла-уданума.

Этот флакон я и использовала в качестве предлога, сказав маме, что должна отнести его обратно, а потом я подожду у викария, пока не закончится урок Ричарда.

На эти слова мама отозвалась удивленным взглядом, а Ричард благодарной улыбкой.

— Ты пойдешь через Экр? — испытующе спросила она.

— Почему бы нет? — бодро ответила я. — Я только навещу миссис Грин, а потом посижу с домоправительницей викария. И мы вдвоем с Ричардом вернемся домой.

— Что ж, хорошо, — согласилась мама. Целый мир сомнений стоял за этими словами. Может быть, мама не хотела, чтобы я тоже боялась Экра. Может быть, не совсем отдавая себе отчет в этом, она стремилась вернуть прежние времена, когда Лейси и Экр доверяли друг другу. Но она согласилась, и я побежала надевать пальто и шляпку.

Это было прошлогоднее зимнее пальто, и мама всегда хмурилась, когда видела его. Оно стало ужасно коротким и тесным под мышками и в спине. А рукава были такими кургузыми, что мои руки вечно краснели от холода и мерзли.

— Прошу прощения, я, кажется опять немного подросла, — стремясь обратить все в шутку, сказала я.

— Расти, я не возражаю, — подхватила мама, и ее лицо просветлело. Затем мы с Ричардом вышли, и она помахала нам в окошко.

Как только мы приблизились к деревне, я почувствовала беспокойство Ричарда. Он боялся за нас обоих. Переложив связку книг в другую руку, он ухватил меня покрепче за руку, и так, уцепившись друг за друга, мы и пошли по деревенской улице, где каждый коттедж смотрел на нас, словно не доверяя, темными окнами.

Слева от нас был дом сапожника, и он, как всегда, лениво сидел у окна. Дальше располагался дом тележного мастера, во дворе стоял тот фургон, на котором они увезли нашу Шехеразату. Они голодали, но оставались здесь, потому что им некуда было идти. В чужом приходе они не имели бы прав на работу, и потому вынуждены были оставаться в своих холодных домах у погасших очагов.

Следующей стояла кузница с давно потухшим очагом. Да и кто мог привести сюда лошадь, когда ни у кого не осталось и курицы. Пока мы шли по улице, я глазела по сторонам, осматривая каждый коттедж и удивляясь, что так много людей могут жить в заброшенной деревне. Из еды у них была только дичь из леса и кролики с общинной земли. Но они даже не могли засеять свои грядки, поскольку у них не было семян. К тому же деньги требовались на одежду и на инструменты. Я так задумалась, как люди могут жить без денег — ну просто совсем без денег, — что даже не заметила подстерегавшей нас опасности.

Это была небольшая группа оборванных подростков. Их было не очень много — примерно дюжина, — но для нас с Ричардом они представляли серьезную угрозу. Они преследовали нас, как стая голодных волков, и смотрели на книжки Ричарда и мое старое пальтишко как на предметы невообразимой роскоши.

Когда мы дошли до двери викария, Ричард тяжело дышал.

— Никуда не ходи, Джулия, — вполголоса бросил он мне, пока мы ожидали, чтобы нам открыли дверь. — Подожди здесь, пока у меня не закончится урок. Эти дети смотрели на тебя очень странно, они могут сказать тебе что-нибудь плохое.

Мои колени дрожали, но я улыбнулась ему.

— Это просто маленькие детишки, и я должна повидать миссис Грин. Я недолго. Если они будут грубы, я сразу убегу. Могу поспорить, что ни один из них не догонит меня.

Ричард согласно кивнул. Он знал, что я бегаю как заяц и босоногим голодным ребятишкам за мной действительно не угнаться.

— Но я бы все-таки хотел, чтобы ты подождала меня здесь, — нерешительно сказал он.

— Нет, я пойду. — Тут дверь отворилась, и мы расстались. Он не поцеловал меня в

щеку на глазах прислуги викария и ватаги ребят, но его пожатие было теплым и заботливым, и это много значило для меня. Один этот жест придал мне храбрости встретиться с мучителями Ричарда, и я пошла по тропинке к воротам.

Там я остановилась и взглянула на детей оценивающим взглядом. Я была выше большинства из них, кроме троих самых взрослых: двух мальчиков и девочки с косичкой. Их лица были замкнутыми и угрюмыми, но девочка смотрела на меня во все глаза. Она разглядывала мое старенькое пальтишко так, будто я была принцессой, одетой на бал. Засунув руки в карманы, я так же спокойно рассматривала ее. Затем, выждав, я отворила калитку и вышла на улицу.

Это удивило их. Они не ожидали, что я расстанусь с такой защитой, и пропустили меня вперед. Но затем пришли в себя и пошли за мной шаг в шаг. Когда мы свернули на тропинку, ведущую к новой мельнице, и молчание леса окружило нас, они осмелели и начали улюлюкать мне вслед. Затем я услышала голос старшей девочки:

— Джулия Лейси! Джулия Лейси! Госпожа без кареты, госпожа без кареты!

Я сжала зубы, но заставила себя идти тем же ровным шагом.

Тогда она запела громче:

— Джулия Лейси, Джулия Лейси! Госпожа без лошади, госпожа без лошади!

Напоминание о милой Шехеразаде вызвало новую вспышку гнева во мне, но я продолжала идти так, будто ничего не слышу.

Тогда она завела новую частушку:

— Джулия Лейси, Джулия Лейси! Госпожа без отца, госпожа без отца!

Конечно, мне было немного страшно. Так же, как было страшно Ричарду. Но я знала то, чего он при всем своем обаянии и уме не знал. Что с ними нужно встретиться лицом к лицу и даже сразиться, иначе мы никогда не сможем жить в мире с деревней. Ричард мечтал о том, как он плугом пройдет по этой земле и отомстит за свои обиды. Но я хотела другого: жить в мире с этими людьми, которые тут прожили так же долго, как моя семья. Я не хотела стирать Экр с лица земли, я просто хотела мира. Вернется ли дядя Джон богатым или таким же бедным, как был, я хотела приходить в Экр без чувства вины. И не испытывать страха.

Я прошла мимо мельницы и в конце тропинки, где была глубокая яма от старого дуба, который приказала выкорчевать тетя Беатрис, остановилась и повернулась к подросткам лицом. Они чуть подались назад.

— Как твое имя? — спросила я у девочки. Она смотрела на меня злыми черными глазами.

— Клари Денч, — с вызовом ответила она, и я поняла, что она племянница Денча.

— А твое? — спросила я у мальчика, стоявшего рядом.

— М-М-М-Мэтью Мерри, — ответил он, заикаясь.

Мне пришлось прикусить язычок, чтобы не рассмеяться. Это заикание было таким смешным и ребяческим в устах большого мальчика. И я перестала бояться его.

— А тебя как зовут? — обратилась я к другому мальчику.

— Тед Тайк, — и он мрачно посмотрел на меня, ожидая, скажет ли что-нибудь мне его имя. И хоть я никогда не слышала его прежде, дрожь пробежала по моей спине. Когда-то в прошлом Лейси сильно обидели его семью. Я не знала, в чем было дело, но этот плотный крепыш явно отдавал себе отчет в том, что мы с ним заклятые враги.

— А я — Джулия Лейси, — объявила я, словно не слышала только что, как они тянули на все лады мое имя. Слово «мисс» я сознательно пропустила. — Вы недобры к моему кузену, — обвиняющим голосом сказала я. — Почему вы обижаете его?

— А он послал тебя заступиться за него? — усмехнулась старшая девочка.

— Нет, — спокойно ответила я, — он пошел заниматься, как он ходит каждый день. А я пришла сюда навестить миссис Грин. Но вы преследуете меня, и я решила поговорить с вами. Скажите, что вы хотите?

— Мы ничего не хотим от Лейси, — со внезапным взрывом ненависти заговорил мальчик, назвавший себя Тедом Тайком. — И не надо разговаривать таким сладким

голоском. Мы вас хорошо изучили. — Все остальные закивали, и я немного испугалась.

— Но я не сделала вам ничего плохого, — попыталась защититься я, и мой голос предательски дрогнул. Моя слабость придала им уверенности, и они подошли ближе.

— Мы прекрасно знаем Лейси, — зло заговорила Клари. — Мы все знаем о вас. Вы отняли права несчастных жнецов. Вы не даете нам работу. Вы прислали солдат в деревню. А все женщины Лейси — ведьмы.

Она словно выплюнула это слово, и я увидела, как все дети, даже самый маленький, скрестили пальцы в знак защиты от нечистой силы.

— Но это неправда! — я старалась говорить твердо. — Я совсем не ведьма, и Ричард тоже. Вы болтаете чепуху. У вас нет причины обижать нас. Вы просто — лжецы.

При этих словах Клари прыгнула на меня и сильно ударила в грудь. От неожиданного толчка я потеряла равновесие и упала в яму. Маленькие дети от радости засвистели, а грязное лицо Клари просияло от злого восторга.

Я тоже расвирепела и, как развернувшаяся пружина, бросилась на Клари. Она не ждала от меня такой стремительности, я сбила ее с ног, и мы покатались по земле, царапаясь и щипаясь. Я почувствовала, как ее пальцы впились мне в рот, и он наполнился кровью. Тогда я ухватила ее за косичку и дернула изо всех сил. Вскрикнув от боли, она отпрянула назад, и я оседлала ее, на мгновение удивившись, какая она худая.

— Сдаешься? — требовательно спросила я, незаметно для самой себя повторяя манеру Ричарда в наших полудружеских, полусерьезных потасовках.

— Угу, — ответила она, и я тут же вскочила и подала ей руку. Она, не думая, приняла ее и, оказавшись на ногах, к собственному удивлению, поняла, что мы стоим взявшись за руки, словно бы подтверждая какую-то сделку.

— Итак, вы не дразните больше Ричарда, — изложила я свое первое требование. Клари улыбнулась медленной скупой улыбкой, обнажившей почерневшие гнилые зубы.

— Ладно, — и протяжный суссекский выговор напомнил мне Денча и его доброту ко мне. — Пусть живет.

Мы смущенно расцепили руки. Она указала на мой кровоточащий рот и сказала безразличным тоном:

— У тебя идет кровь.

— Да? — я постаралась говорить так же безразлично.

— Пойдем к Фенни, — предложила она. И мы все отправились в глубь леса умыться и заодно охладить наши разгоряченные головы. В этот раз я шла окруженная не враждебной толпой, а как своя в их компании. Я поняла, что добилась не только безопасности Ричарда, но и завоевала себе друзей.

Там были трое детей Смита: плотный восьмилетний Гарри, его сестра Джилли и младший братишка, который изо всех сил семенил позади нас, чтобы не отстать. Все называли его Малыш. Ему было четыре года. Когда он родился, никто не ожидал, что он выживет, и не позаботился дать ему имя. Так он и остался без имени. Просто Малыш.

Но это неважно, сухо пояснила мне Клари. Следующую зиму он наверняка не переживет. Он кашляет кровью в точности как его мать, которая уже умерла. Она умерла вскоре после родов, дав ему жизнь, и ее долго не хоронили, ожидая, что он умрет тоже и их положат в один гроб. Но Малыш выкарабкался.

Я посмотрела на него. Его кожа была бледная, как снятое молоко. Почувствовав мой взгляд, он улыбнулся мне такой светлой и доброй улыбкой, что мне показалось, будто в его глазах зажглись маленькие свечки.

— Ты можешь называть меня Малыш, — разрешил он мне.

— Ты можешь называть меня Джулия, — предложила я. Меня вдруг охватила такая безнадежность, что заболело сердце.

— А я — Джейн Картер, — сказала другая девочка. — У меня есть сестра Эмили. Есть и еще одна сестра, но она сидит дома с ребенком. Еще у нас есть два брата. Один из них дурачок.

Я кивнула, пытаюсь справиться с этим потоком сведений.

— Они ушли воровать кроликов, — дерзко заявила она. Все остальные обменялись при этом быстрыми взглядами, ожидая, как я отреагирую на эти слова.

— Надеюсь, им повезет, — искренно сказала я. — Чтобы прокормить шестерых, нужно много еды.

Джейн кивнула, подтверждая этот очевидный вывод.

— Мы также ворует фазанов, — добавила она. — И зайцев, и куропаток.

Это уже был открытый вызов.

— На здоровье, — сказала я. — Я правда хочу, чтобы вам повезло.

Они кивнули, будто бы я прошла какое-то испытание и выдержала его с честью. Двое маленьких детишек сапожника подошли ко мне и сунули свои холодные ручонки в мои руки.

Клари и я взглянули на яркое солнце в вышине и не сговариваясь побежали по тропинке на вершину холма. Она бежала довольно быстро для такой худенькой девочки, и остальные дети скоро отстали от нас, остались только Мэтью Мерри и Тед Тайк. Я старалась сдерживать дыхание, чтобы они не заметили, что я задыхаюсь, но тут Клари начала отставать, и я поняла, что она тоже устала.

Тропинка была сплошь усеяна камнями, и если мне было трудно бежать в моих прохудившихся башмаках, то каково было им босиком. Когда мы добежали до вершины, я уже еле дышала, неудобное пальто немилосердно жало мне под мышками и давило шею. Но я была первой.

— О-о-отлично бегаешь, — едва выговорил Мэтью, присоединившись ко мне.

— Мой кузен Ричард бегает еще быстрее, — сказала я и свалилась на землю, чтобы отдышаться, пока мы ждали Клари и всех остальных.

Мэтью сплюнул на землю.

— Мы н-н-не любим его.

Я хотела тут же ринуться на защиту Ричарда, но что-то подсказало мне, что лучше промолчать и сохранить мир в едва возникшей дружбе.

— Он очень хороший. Он мой лучший друг.

Мэтью кивнул.

— А наших лучших друзей уже нет в Экре.

— Почему? — непонимающе переспросила я.

Добежавшая Клари рухнула на землю рядом со мной, и рядом плюхнулся Тед. Девочка перекатилась на спину и устала в безоблачное зимнее небо.

— Они умерли, — холодно объяснила она. — Прошлой зимой умерла моя лучшая подруга Рэчел. Она долго болела.

— И мой друг Майк, — добавил Тед.

— И моя подруга, только я забыл, как ее звали, — вставил Мэтью.

— Салли, — сказала Клари. — Но она умерла не здесь. Приходский надзиратель увез всех детей, которых отобрал для работ в мастерских. Вот почему мы теперь самые старшие в Экре.

— Я слышала об этом, — кивнула я. — Но я не поняла, как это произошло. Куда их забрали?

Тед смотрел на меня, будто я была полной невеждой.

— На север. Даже дальше, чем Лондон. Там нужны дети для работы на огромных машинах, и приходский надзиратель пришел и отобрал самых крепких и здоровых ребят. Никто из них не вернулся, но мы слышали, что Салли умерла.

Я чуть было не сказала: «Как жаль», но поняла, что для настоящего горя пустые слова ничего не значат.

— Н-н-н-но меня они не забрали, — с гордостью сказал Мэтью.

Клари улыбнулась ему с почти материнской гордостью.

— Они подумали, что Мэтью дурачок, — объяснила она. — Когда он боится, он заикается еще больше, а они начали задавать ему вопросы громкими голосами, и он вообще

не смог ничего ответить. И они оставили его здесь.

— С-с-с тобой, — слова Мэтью сопровождал полный обожания взгляд.

— Да, я присматриваю за ним. И за всеми малышами тоже.

— Ты здесь прямо как сквайр, — улыбнулась я.

Тед сплюнул на землю так же грубо, как Мэтью.

— Никаких сквайров нам не надо, — сказал он. — Лейси не любили наших. И сквайры ни о ком никогда не заботятся.

— Почему ты так говоришь? — покачала головой я. — Ведь раньше, когда Лейси были богаты, все шло хорошо. Когда были живы мой папа и Беатрис. Только после пожара и их смерти все изменилось к худшему.

Стоило мне упомянуть имя Беатрис, и я увидела, как их пальцы сами складываются в старинное заклятие от нечистой силы. Я схватила Клари за руку.

— Зачем вы это делаете?

— Разве ты не знаешь? — изумленно спросила она.

— Что я должна знать?

— Не знаешь о колдовстве Лейси? И о Беатрис? — Это имя она произнесла шепотом.

— Что за ерунда... — начала я, но, оглянувшись вокруг и увидев внимательные лица, почувствовала, как по моей спине пробежал холодок.

— Беатрис была ведьма, — Клари говорила очень тихо. — Она знала, как заставить землю плодоносить, как заговорить погоду. Она могла вызывать бурю. Она могла насыпать проклятия на деревья, и они падали как подкошенные. Каждую весну она брала одного юношу в мужа и каждую осень убивала его.

— Но это не так... — попыталась возразить я, но магия ее голоса подействовала и на меня.

— Это так, — настойчиво повторила Клари. — Один из тех, кого она взяла, был Джон Тайк.

— Мой дядя, — вставил Тед.

— И где он сейчас? — продолжала Клари. — Его нет.

— А Сэм Фростерли? Или Нед Хантер? Спроси про них в Экре и увидишь, что тебе скажут. Всех их убила Беатрис.

Я была слишком поражена, чтобы отвечать.

— Но самый первый юноша, которого она взяла себе в мужа, когда была совсем еще девушкой, оказался не обычный человек. Его мать была цыганкой, а отец — один из старых богов. Его даже никто не видел в человеческом облике. И ей не удалось погубить его. Он вернулся в другой мир и выждал, пока она забудет про него. И тогда он пришел за ней.

— Как? — спросила я пересохшими губами. Я понимала, что это всего лишь сказка, из тех, что рассказывают долгими зимними вечерами, но я должна была дослушать ее до конца.

— Он явился в своем настоящем облике получело-века-полуконя, — голос Клари был едва слышен. — И каждый его шаг вызывал огонь. Он проскакал по деревянным ступеням Вайдекр Холла, и там начался пожар. Он достиг Беатрис, схватил ее, перебросил через плечо и умчался с ней в другой мир. А дом весь сгорел. И земля перестала рожать.

Дети сидели притихшие, хотя они слышали эту историю не в первый раз. У меня слегка закружилась голова.

— Это все? — спросила я Клари.

Она покачала головой.

— Они оставили наследника. Этот ребенок должен унаследовать их могущество. Он заставит землю вновь плодоносить. Это будет привилегированное дитя.

— Кто же им будет? — я и вправду забыла, что являюсь в некотором роде действующим лицом этой сказки.

— Мы не знаем. Все мы должны ожидать знамения. Это может быть твой кузен Ричард, а может быть, это ты. Ричард сын Беатрис. Но ты похожа на нее, и ты дочь сквайра Лейси. Да и Нед Смит сказал, что лошадь признала тебя.

Я покачала головой. Только теперь я заметила, что сильно похолодало и земля, на которой я сижу, совсем сырая.

— Все это чепуха, — упрямо повторила я.

Я ожидала взрыва негодования от Клари, но она лишь опустила глаза.

— Ты сама знаешь, что это правда.

И замолчала.

Я поднялась на ноги.

— Мне нужно идти.

— Домой обедать? — Клари тоже вернулась в привычный мир.

— Да, — ответила я, вспомнив о двух-трех блюдах, полагавшихся к обеду, а потом еще о пудинге и сыре.

— А что вы едите? — с тоской спросил Мэтью.

— Ничего особенного, обычную пищу.

— Вы пьете чай? — грустно поинтересовался Малыш.

— Да, — ответила я, не понимая причины этой грусти. — А вы что, нет?

— Нет, мы пьем только воду.

— И вы едите мясо? — спросила одна из дочек тележника.

— Да, — внезапно мне стало стыдно, что всего в двух милях от нас живут вечно голодные люди. Я знала, что в Экре живут плохо, но не подозревала, что они голодают годами. Я не понимала, что эти дети никогда не испытывали чувства сытости и всегда хотели есть. Если я мечтала о садах и скачках, о балах и нарядах, то они мечтали только о еде.

Я повернулась и медленно направилась к деревне, следом стали подниматься на ноги Клари, Мэтью и другие. Клари догнала меня, и мы пошли рядом, словно старые друзья.

— До свидания, — сказала я, когда мы дошли до угла улицы.

— У доктора Пирса в саду есть яблоки, — вдруг произнесла она.

— Я видела, — кивнула я.

Она выжидающе смотрела на меня.

— Они еще на деревьях, он их не все собрал.

Я не понимала, к чему она клонит. Да, летние яблоки все еще висят на дереве, сморщенные и совсем невкусные.

Тут выступил вперед Малыш и сунул свою худенькую ручку в мою.

— Я все время смотрю на них, — протянул он своим тоненьким голоском. — Они мне так нравятся.

— Если бы мы посадили тебя на стену, — продолжала Клари, — ты могла бы стряхнуть их для нас... А потом пробежишь через сад и выйдешь, как обычно, через калитку.

— А почему ты сама этого не сделаешь? — спросила я.

— Потому что если меня поймают, то сразу повесят, — с жестокой откровенностью объяснила Клари. — А если поймают тебя, то это даже не будет считаться воровством.

Я все-таки колебалась.

— Джулия не сделает этого, — заявил Тед. — Ненависть ко мне, ко всем сквайрам делала его голос злым. — Она пришла, чтобы заступиться за своего кузена, а не для того, чтобы подружиться с нами.

— Нет, я полезу, — решительно возразила я.

— Ты перелезешь через стенку и украдешь яблоки викария? — недоверчиво переспросил он.

— Да, украду, — вызывающе подтвердила я.

Лицо Теда вытянулось от удивления. Мы все рассмеялись и гурьбой отправились к саду. Тед и Мэтью сцепили руки, а Клари помогла мне забраться на них. Выпрямившись, я ухватилась за верх стены и немного подтянулась. И под самым своим носом неожиданно увидела самого доктора Пирса. Он стоял у стены и изумленно смотрел на меня.

— Мисс Лейси? — он явно не верил своим глазам. — Что вы тут делаете?

Я растерялась и молча постаралась быстрее ретироваться.

— Мэтью, Тед, ловите меня, — прошипела я сдавленным голосом и сверзилась вниз. Я свалилась прямо на ребят, они тоже попадали в разные стороны, и мы принялись смеяться. Я хохотала до того, что уже не могла остановиться.

— Что ты там увидела? — нетерпеливо спрашивала Клари, заранее улыбаясь.

— Там стоял сам доктор Пирс, — едва выговорила я. — Прямо у стены. Он посмотрел вверх... и сказал... «Мисс Лейси! Что вы тут делаете?»

Клари прямо покатила со смеху. Ей даже пришлось сесть на землю. Мы все продолжали хохотать, даже маленькие ребяташки, явно не понимавшие, в чем дело.

— Мне... надо... идти... — наконец выговорила я. — Только теперь к калитке.

Эти слова вызвали новый приступ смеха, и мы повалились друг на друга, как пьянчужки.

— Пожалуйста, не ходите со мной, — попросила я, утирая слезы, выступившие от смеха. — Мне надо немного успокоиться.

— Приходи к нам опять, — произнесла Клари, все еще улыбаясь.

По ее грязному личику пролегли полоски, она тоже дохохоталась до слез. — Мы принимаем тебя в свою банду, из тебя выйдет отличный воришка, Джулия Лейси.

Я кивнула им на прощанье и, открыв калитку, пошла по тропинке к опрятному домику vicar. На полдороге я остановилась и набрала в грудь побольше воздуха, чтобы перестать смеяться. Я не знала толком, что за человек доктор Пирс, и не предполагала, что меня могут ожидать неприятности.

На мой стук дверь приоткрылась. Увидев меня, домоправительница гостеприимно распахнула ее. И я ступила в тот мир, к которому принадлежала.

Навстречу мне вышел доктор Пирс и приветливо кивнул мне, словно видел меня сегодня впервые.

— Добрый день, мисс Лейси. Пришли за вашим братиком? Как раз вовремя. Мы только что закончили занятия.

Я непонимающе уставилась на него, но тут же поняла, в чем дело. Доктор Пирс был человеком, избегающим в жизни неприятностей. Если он мог не замечать их, то он предпочитал так и делать. Его действительно не интересовало, зачем я пыталась забраться на стену его сада и что означали взрывы смеха, доносившиеся с другой стороны.

— День добрый, мистер Пирс, — вежливо присела я. Из дверей библиотеки появился Ричард, быстро оделся, мы попрощались с vicar и пошли домой.

Дети уже разбежались по домам, погода изменилась, солнечное утро превратилось в пасмурный ветреный день. И мы с Ричардом, не сговариваясь, припустили в Дауэр-Хаус.

— Ты повидалась с миссис Грин? — спросил он меня на бегу.

— Нет, — задыхаясь, ответила я, так как очень устала после беспокойного и радостного утра.

— Почему? — требовательно спросил Ричард. Как только я появилась на пороге дома доктора Пирса, он сразу заметил и царапины на моем лице, и растрепавшиеся волосы. И, конечно, догадался, что произошло нечто необычное. Но спросить меня прямо не захотел.

— Я все расскажу тебе позже, — задыхаясь, ответила я. Мне нужно было обдумать, что рассказать Ричарду, а о чем стоит умолчать. Подспудно я чувствовала, что не надо пересказывать ему истории, которые сочиняли в деревне про его маму, это могло бы расстроить его. И сама не знаю почему, но я не хотела передавать ему ту сказку об избранном ребенке, которую ребята сложили о нас с ним. О том, кто будет истинным наследником.

Ричард уловил колебание в моем голосе и резко остановился. Схватив за руку, он с силой повернул меня лицом к себе и заглянул мне в глаза.

— Рассказывай сейчас же, — приказал он.

Я услышала грозные нотки в его голосе и беспрекословно подчинилась. Стоя под дождем, я рассказала Ричарду обо всех событиях сегодняшнего утра, о прогулке в лес и драке с Клари. Я передала ему каждое слово, сказанное ребятами, но умолчала обо всем, что

было связано с Беатрис. Я также не упомянула о том, что, победив Клари, поставила условие, чтобы Ричарда оставили в покое. И о том, как Мэтью презрительно сплюнул, услышав его имя. И о том, как я собиралась стянуть яблоки.

Ричард выслушал меня внимательно и не перебивая, хотя дождь поливал его кудрявую голову так же немилосердно, как и мою, от чего он стал еще больше, чем обычно, похож на падшего ангела.

— Хорошо, Джулия! — тепло улыбнулся он, когда я закончила свой рассказ. — Ты — храбрая девочка. Я рад, что ты больше не боишься Экра и сможешь всегда ходить со мной в деревню.

Я просияла от его похвалы.

— Я, конечно, не стал бы обращать внимания на их выходки, но хорошо, что ты теперь будешь чувствовать себя спокойно.

С этими словами он подхватил меня за руку, и мы побежали дальше. Я хотела было возразить ему, сказать, что это он боялся, что я подралась с ребятами из-за него, но что-то удержало меня. Я вспомнила слова бабушки о том, что воспитанные люди всегда должны держаться в тени и вести себя скромно, и промолчала. В моей душе царили мир и спокойная гордость за себя. Дождь продолжал поливать нас всю обратную дорогу, и когда мы ворвались на кухню, мокрые с ног до головы и в грязной обуви, то схлопотали нагоняй от разгневанной миссис Гау за то, что наследили на ее безукоризненно чистом полу.

Глава 4

Таким было начало нашей дружбы с Клари Денч. Знакомство с ней излечило меня от суетных стараний стать юной совершенной леди. Не потому, что Клари разоблачила передо мной пустоту этого желания, но лишь потому, что в дружбе с ней я нашла убежище и спасение от догматов моей мамы и от моих намерений быть безупречной дочерью в настоящем и такой же безупречной женой в будущем.

С Клари я могла быть самой собой. Мне нравилось ее полное равнодушие к различиям в нашем образе жизни, равнодушие к нашей первой драке и ко всем последующим стычкам. Мы находили огромное удовольствие в общении друг с другом и не задавались вопросом, почему это так. Было чрезвычайно приятно выходить по утрам из дому вместе с Ричардом и, придя в деревню, оставлять его заниматься с викарием, а самой бежать к Клари и проводить два-три великолепных часа в ее компании.

Мы часто спускались к Фенни, и, когда мы проходили мимо мельницы, старая миссис Грин теперь встречала меня улыбкой. Иногда мне удавалось принести с нашей кухни щепотку чая, и она заваривала нам чудесный горячий напиток, а потом даже пыталась предсказать нашу судьбу по чайным листьям. Это делалось, конечно, в шутку, я не думаю, что она умела ворожить по-настоящему. Скорее, она копировала манеры цыган, которые каждую зиму разбивали табор на общинной земле и обязательно наведывались в деревню, предлагая на продажу вырезанные из дерева цветы и самодельные игрушки.

Если погода была теплой, мы срывали с себя одежду и бросались в реку. Ни одна из нас не умела толком плавать, но если Клари придерживала мой подбородок над водой, то мне удавалось проплыть несколько ярдов, отчаянно фыркая и оглашая округу далеко не изысканным хохотом.

У Клари дела с плаванием обстояли несколько лучше. Уже через неделю после наших первых занятий она могла переплыть Фенни, а вскоре научилась плавать под водой.

— Я, должно быть, родилась с жабрами, — сказала она как-то со смехом, — мне кажется, я никогда не утону.

Хотя в это время я грелась на солнцепеке, при этих словах меня охватила странная дрожь, мне показалось, что какая-то огромная тень загородила солнце, и мурашки побежали у меня по коже.

— Что с тобой? — спросила Клари, стоя по пояс в воде. — У тебя сейчас такое

странное и испуганное лицо.

— Ничего, — торопливо пробормотала я. Перед моими глазами вдруг возник образ утонувшей Клари, будто она лежит глубоко под водой и волны шевелят ее распущенные волосы. — Ф-ф-фу, какая ужасная картина мне представилась. Клари, Клари, выходи скорей из воды.

— Выхожу, выхожу, — успокоила она меня и, выбравшись на берег, улеглась рядом со мной.

— Пообещай мне одну вещь, — серьезно обратилась я к ней. Перед моими глазами все еще стояла та страшная картина. — Пообещай, что ты никогда не станешь плавать одна.

— Почему, Джулия? — моя подруга повернулась ко мне и оперлась на локоть. — Почему ты так странно смотришь на меня? — Но, увидев выражение моего лица, тут же закричала: — Хорошо, хорошо, обещаю. Но мне хотелось бы знать, почему?

— Я видела... — начала я, но тут напряжение оставило меня и страшную картину будто смыло из моей памяти. — Мне показалось, будто я что-то увидела.

— Это предвидение, — важно произнесла Клари. — Один раз я слышала, как моя мама разговаривала с миссис Грин о тебе и Ричарде. Они сказали, что тот из вас, кто будет настоящим наследником, и будет обладать даром предвидения. Этот дар снизойдет на него, когда он вырастет.

— Настоящим наследником будет Ричард, — заявила я и, перекатившись на живот, сорвала и принялась жевать травинку. Ее сок был сладким, как нектар.

— В деревне говорят, что это будешь ты, — сказала Клари. — Потому что ты просто копия Беатрис, когда она была девочкой и приезжала сюда со своим отцом. Ты ужасно похожа на нее.

Я села и стала натягивать платье.

— Нет, — твердо проговорила я, пытаюсь застегнуть пуговицы. — Я не хочу этого, даже если мне подадут на тарелочке богатое наследство. Ричард — сын Беатрис, вот пусть он и хозяйничает в Вайдекр Холле. Ричард будет сквайром, а я — его леди. Я выйду за него замуж. Вот как я себе представляю наше будущее.

— А-а, — протянула Клари и медленно улыбнулась. — Скажи, Джулия, а вы уже целовались?

— Нет, по-настоящему нет, — ответила я. — Думаю, что у знатных людей все происходит иначе, Клари. Он мне просто как брат. Иногда мы очень дружны с ним, иногда ненавидим друг друга. Но это совсем не так, как в книжках.

— Тогда жизнь знатных не для меня, — разочарованно заявила Клари. — Мы с Мэтью вечно ходим держась за руки и постоянно целуемся. И мы всем рассказали о нашей помолвке и даже вырезали наши имена на дереве. Но он такой слабенький, — в ее голосе прозвучала заботливость взрослой женщины. — Я бы так хотела, чтобы в деревне было много денег. Я боюсь за него. Все прошлую зиму он сильно кашлял, и его бабушка сказала, что она вряд ли вылечит его.

— Но, может, он найдет работу полегче? — попыталась я утешить подругу. — Ты говоришь, что он очень умный. Вдруг он станет клерком в Мидхерсте! Или даже в Чичестере! Я бы хотела, чтобы ты жила в красивом городском доме, Клари.

Мы обе рассмеялись, но Клари покачала головой:

— Я ни за что не брошу Вайдекр. Но мой Мэтью и вправду очень умный и мог бы стать даже клерком. Когда мы были еще маленькими, он сам научился читать и всегда читал своим неграмотным соседям и писал для них письма. Еще он умеет сочинять стихи, и они такие же прекрасные, как в книгах.

Я охотно согласилась с ней и повернулась, чтобы Клари наконец застегнула мне платье. Подходило время моего визита к викарию, и мне следовало выглядеть более или менее прилично.

Клари была очень наивна. Я посмеялась над тем, как простодушно она поверила, что я истинная наследница и обладаю даром предвидения. Но легенда о хозяйке Вайдекра и

взгляды, которыми смотрели на меня в деревне, сопровождали меня все мое детство, пока я росла и старалась быть самой обычной девочкой. Все эти годы меня не оставляла мысль о Беатрис и о боге тьмы, который явился за ней.

Я старалась выбросить из головы эту историю, не сомневаясь, что это всего лишь значительно приукрашенный народной фантазией рассказ о пожаре в Вайдекр Холле. Но легенда словно притягивала меня. Я не могла не верить словам о старом мудром божестве, которое единственное могло справиться с Беатрис.

С Беатрис, которая была прекрасной и жестокой богиней-разрушительницей. Эти образы не имели ничего общего с мамиными рассказами о тех днях, когда Гарри и Беатрис — брат и сестра — работали на земле в гармоничном союзе. Я приказывала себе забыть легенду, но образ лошади, оставляющей пламенеющие следы на полу террасы, вставал в моих снах каждую ночь.

Именно тогда я впервые увидела совсем новый, необычный сон.

Раньше я видела во сне только себя, хоть и надеялась, что наяву ничего из того, что мне снилось, со мной не случится. Но в этот раз героиня моего сна не была мной. Я чувствовала, что смотрю ее глазами, но это была посторонняя женщина.

Впервые я увидела этот сон вскоре после того, как Клари рассказала мне легенду. Но затем я видела его снова и снова, и каждый раз все ярче и ярче становились его цвета, все громче и отчетливее звуки. С каждым разом мое сердце билось чуточку быстрее от ужаса и восторга. И однажды, накануне моего шестнадцатилетия, я увидела мой сон так ясно и отчетливо, что это почти граничило с явью.

Во сне я шла по пустому дому. Большому, прекрасному дому. Мне он был совершенно незнаком, но, несмотря на это, я ощущала его самым родным, драгоценным местом в мире. Он, без сомнения, принадлежал знатым людям, жившим на богатой, плодородной земле. Но сейчас в нем царил безмолвие, и единственным звуком, нарушавшим глубокую тишину, были мои собственные шаги.

Я переходила из комнаты в комнату, как привидение, даже как тень привидения. И смотрела на все вокруг немигающим кошачьим взором, словно стараясь запомнить каждый дюйм моего возлюбленного дома и не надеясь когда-нибудь увидеть его снова. Каждая мелочь впечатывалась в мое сознание, будто я готовилась отправиться в изгнание.

Все было тихо, но это молчание на самом деле было наполнено голосами давно ушедших людей, только я не могла понять, кто они такие. В воздухе было эхо горьких слов и обидных упреков, иногда слышался хлопок закрываемой двери. И вот весь дом снова стоял пустой. Он принадлежал мне.

Проходя из комнаты в комнату, я притрагивалась к вещам, осторожно, как жрица в храме. Вот мои пальцы погладили резные перила на полукруглой лестнице, сладко пахшей воском и деревом. Чуть поодаль стояло в золоченой раме зеркало, и я повернулась, чтобы взглянуть в него. Но в темном старинном стекле возникло чужое отражение.

Это было лицо незнакомки, женщины, которую я прежде никогда не встречала. И, несмотря на это, мне были знакомы рыжевато-каштановые волосы, и раскосые зеленые глаза, и странная полусумасшедшая улыбка. Я долго глядела на отражение незнакомки и потом с тайной удовлетворенной улыбкой опустила глаза.

Далее я увидела огромный, махагонового дерева стол. Положив на его холодную полированную поверхность ладони, я почувствовала, как дерево согревается от моего живого тепла. В центре стола стояла красивая серебряная ваза с увядшими чайными розами. Едва я коснулась цветка пальцем, как лепестки осыпались на стол, словно хлопья снега. Вдруг послышался голос — он напоминал голос моей мамы, но я никогда не слышала от нее такого тона. Он произнес: «Ты разрушительница, Беатрис» с выражением глубочайшего презрения.

В стороне на полу стояла огромная китайская ваза, наполненная сухими розовыми лепестками и заостренными зернышками лаванды. Наклонившись, я зачерпнула ладонью горсть лепестков и понюхала их. Затем опустила руку, и они просыпались на пол. Это было

не важно. Скоро все это не будет иметь никакого значения.

Вдалеке давно уже слышался шум бури, теперь она перевалила через округлые спины холмов и подступила к нашим лесам. Я подумала о двух детях, маленькой девочке и малыше-мальчике, которых увозят в страшной спешке из этого дома, а дождь барабанит по крыше кареты и лошади в страхе ржут и задирают головы. Я знала, что они будут в безопасности. Плоть от плоти моей, кость от моей кости. Они унаследуют Вайдекра, и один из них сумеет совершить то, что не удалось мне. Он научится слышать биение великого сердца Вайдекра. Он овладеет магией земли. Это будет привилегированное дитя.

Тисненные обои мягко подались под моими пальцами. Бархатные драпри на окнах были шелковистыми и нежными, как шерсть новорожденного теленка. Я прижалась лбом к толстому стеклу окна и улыбнулась.

В доме царствовала тишина. Я слышала, как в гостиной часы тонко и мелодично вели свою песню: тик... тик... тик... А в холле старинные дедушкины часы басовито поддакивали: ток... ток... ток... Теперь я услышала еще один новый звук. И я насторожилась, как крыса в норе.

Это был топот ног, многочисленных босых ног, бегущих к дому. Я так и думала, что услышу его. Я ждала этого. Я знала этот сон и знала, что случится потом. И я ничего не могла предотвратить. Для меня не было спасения. То, что ждало меня, было моей судьбой, жестокой, но справедливой. Поскольку я была Беатрис. Беатрис Лейси из Вайдекра, женщиной с дикой улыбкой на искривленных губах, напряженно всматривающейся в темноту. Я осталась одна в доме, ожидая людей, которых приведет получеловек-полубожество, скачущий на огромном вороном коне, оставляющем пылающие следы. Он заберет меня с собой в другой, таинственный мир.

Я в ужасе проснулась и непонимающе огляделась вокруг. Сон оставил после себя чувство странного удовлетворения. Та женщина, Беатрис, была довольна, потому что хотя окружающая жизнь гибла, но гибла по ее воле. Постепенно я пришла в себя, я не была больше медноволосой красавицей, я была просто Джулией Лейси в ветхой ночной рубашке, лежащей в знакомой холодной комнате.

Тогда я успокоилась и удобней устроилась в постели. Сон ускользнул от меня, а вместе с ним и богатство красок и восторг ощущений. Это был сон и ничего, кроме сна. Но он оставил по себе тоску и странную неудовлетворенность моей покорностью Ричарду и маминым догмам. Женщина по имени Беатрис никогда бы не позволила запереть себя в четырех стенах, она забрала бы себе Шехеразаду и скакала на ней каждый день. Она не стала бы наблюдать, как ее собственность пропадет втуне, она взяла бы займы денег и начала работать. И ее опыт и уверенность в своих силах сотворили бы чудо.

Я вздохнула. Я была другой. Я была слишком спокойной и податливой, мне даже в голову не приходило ослушаться маму. И я слишком всерьез воспринимала нашу детскую помолвку с Ричардом, чтобы позволить себе независимость в решениях.

Но тут я вспомнила, какой сегодня день, и забыла все свое недовольство. Я мигом спрыгнула с кровати и подбежала к окну, посмотреть, что там за погода. Затем я уселась, завернувшись в шаль, и стала ждать свою порцию утреннего шоколада и то, что за этим последует.

Я предвидела некоторые перемены в своей жизни. После завтрака мама вошла ко мне в комнату, неся свои черепаховые гребни и коробочку со шпильками. Усадив меня перед зеркалом, она стала расчесывать копну моих русых кудрей. А я размышляла о том, что теперь мои платья станут чуточку длиннее и я превращусь в настоящую молодую леди. Насколько это, конечно, будет соответствовать нашим возможностям: без денег, без лондонского сезона, без балов.

Ричард нетерпеливо забарабанил в дверь.

— Можно мне посмотреть?

— Конечно, нет, — смеющимся голосом ответила мама. — Ты должен терпеливо сидеть в гостиной и в почтительном молчании ожидать нашего выхода.

— Я не хочу, чтобы Джулия выглядела по-новому, — требовательным тоном сказал он.

— Но она должна выглядеть как леди, а не как сорванец, — твердо объявила мама. — А теперь уходи-ка отсюда, Ричард.

Услышав медленные шаги по лестнице, мы с мамой встретились в зеркале глазами и улыbnулись друг другу.

— К сожалению, я не смогу причесать тебя как положено, — сказала мама, словно извиняясь. — Но парикмахеры все очень дорогие. Я бы так хотела, чтобы у тебя был свой первый бал и торжество, но на это не приходится рассчитывать. Так что давай будем рассматривать сегодняшнюю вечеринку у нас в доме как торжественный выезд.

Я кивнула, совершенно не огорченная. Меня больше занимало то, что я видела в зеркале перед собой. Мама заплела мои волосы и уложила их круглой косой вокруг головы. С каждой стороны она выпустила по густой пряди и подстригла их, уложив затем с помощью пальцев мягкими волнами. Она трудилась над моими волосами не поднимая глаз и не видела результата, пока не заколола последнюю шпильку. Но когда мама взглянула на меня, улыбка исчезла с ее лица и она побледнела.

— Что случилось? — спросила я, улыбаясь и чувствуя себя на вершине блаженства.

— Ничего, — выдохнула мама. — Ты как-то очень быстро выросла, а я даже не заметила этого. Когда я была молоденькой девушкой, было принято пудрить волосы. Но мне кажется, что красивей оставлять их естественными. Особенно красиво это смотрится летом, когда волосы немного выгорают и делаются светлее. — И, поцеловав меня, она торопливо вышла из комнаты, будто спешила. Взглянув еще раз в зеркало, я прекрасно поняла, чем вызван ее внезапный уход.

Я знала, кого она увидела перед собой.

Она видела Беатрис.

Передо мной было лицо из моего сна. Волосы, обычно уложенные на уши, скрывали чистые линии моего профиля и овал лица. Теперь же ничто не мешало разглядеть высокие скулы и странно раскосые глаза, которые я унаследовала от своей тети. Но пока еще мое лицо было по-детски округлым и неопределенным. «Пожалуй, только через несколько лет, — подумала я, глядя в зеркало, — я стану по-настоящему хорошенькой. Но если так случится, то это будет красота Беатрис».

Меня это ничуть не встревожило, ибо мне было всего только шестнадцать лет и больше всего на свете я хотела быть красивой. Если я унаследую знаменитую красоту Беатрис, то о чем же еще можно мечтать.

В мой день рождения мне не хотелось думать ни о чем грустном. Я ждала обычных, простых радостей. Мне нравилось, что я стала достаточно взрослой, чтобы носить волосы зачесанными наверх.

— Джулия! Ты еще не готова? — донесся до меня голос Ричарда. — Если ты не поторопишься, мы не успеем к обеду вернуться из Хаверинг Холла.

— Иду! — откликнулась я и выбежала из комнаты.

Конечно, в глубине души я надеялась, что Ричард упадет в обморок от восторга при моем появлении. Для этого я была достаточно молода, глупа и тщеславна. Но, увидев меня, он только нахмурился.

— Очень мило. Но уж больно взросло. Наверное, теперь мы не сможем бегать к дедушке через лес, а станем ездить туда в коляске, как все скучные взрослые?

Я усмехнулась, и мое разочарование растаяло, как первый снег.

— Нет, — сказала я. — Мы еще можем бегать через лес. Но если моя прическа распадется, то тебе придется помочь мне закалывать волосы шпильками, поскольку сама я еще не умею этого делать.

— Думаю, это не труднее, чем завязывать узлы, — рассмеялся Ричард, и мы шагнули в утро, искрящееся словно персиковое вино.

Вайдекр блистал, как драгоценный подарок для меня. Ночью прошел дождь, и сейчас каждая травинка и каждый лист искрились капельками росы. Изгороди стояли покрытые

первой ажурной зеленью, будто кто-то набросил легкую газовую вуаль на черные ветки. Бледные облака виднелись на горизонте, и благоухающий ветер Вайдекра дул мне в лицо. Слева вздымались до самого неба холмы, покрытые молодой травой и испещренные меловыми тропками. А впереди сплошной стеной стоял густой лес Вайдекра.

Без единого слова мы с Ричардом направились к лесу и стали спускаться вниз к реке. Фенни шумела и бурлила от весеннего половодья, мимо стремительно мчались ветки, прошлогодние листья и сучья. Мы помедлили на ее берегу, бросив по небольшой ветке и проследив, как мгновенно унесла их река сначала к мельнице, затем мимо плотины, мимо деревни и дальше на юг, к самому морю.

Мостом нам всегда служил ствол поваленного дерева, но сейчас его захлестывала вода, и мне пришлось подобрать юбки, чтобы не замочить их. Как и предупреждала меня мама, к новым длинным платьям еще предстояло привыкнуть.

— Подожди, Ричард, — нетерпеливо окликнула я своего кузена. — Помоги-ка мне управиться.

Он хмыкнул и подержал мое пальто, пока я подоткнула повыше юбку.

— Ты все-таки сорванец, — улыбаясь, сказал он, — а не молодая леди.

— Нет, я — леди, — рассердилась я, и перед моими глазами встали картины из сна. — Но не могу же я каждую минуту быть ею.

Теперь идти мне стало значительно легче, и скоро мы уже стояли на террасе Хаверинг Холла, и бабушка поздравляла меня и хвалила мою новую прическу, и была так великодушна, что ничего не сказала по поводу моего забрызганного грязью подола. Затем мы все вместе выпили чаю, и бабушка велела приготовить для нас карету.

— Мы можем вернуться пешком, леди Хаверинг, — вежливо предложил Ричард.

Бабушка улыбнулась.

— Моя внучка стала сегодня совершеннолетней, — сказала она. — И ей следует вернуться домой только в карете.

Поэтому к нашим дверям мы подкатили в некогда роскошной, но сейчас несколько обветшавшей карете Хаверингов с фамильным гербом на дверях.

— Вы — мои вторые важные посетители за сегодняшний день, — воскликнула мама, выйдя нас встретить. Ее глаза сияли. — У нас гости. Марш наверх переодеться, да поживее! И ни в коем случае не появляйтесь в моей гостиной в таком виде.

И она со смехом скрылась за дверью, спасаясь от наших расспросов.

Ричард ринулся на кухню. Там царил хаос. Яркое пламя пылало в камине, белый чепец миссис Гау съехал набок, а лицо ее было распаренным и встревоженным.

— Кто к нам приехал? — осведомился Ричард. — Миссис Гау, кто у нас сегодня обедает?

— Потерпите и увидите! — поддразнила она его, шлепая огромный кусок теста на посыпанный мукой стол. — Мисс Джулия, ваша мама велела вам переодеться в лучшее платье, да и вам, мастер Ричард, велено надеть воскресный костюм.

— Наверное, лорд Хаверинг, — предположила я. Но миссис Гау, словно не обратив внимания на эту догадку, покрепче сжала губы и принялась раскатывать тесто.

— Леди де Курси, — настал черед Ричарда.

— Отправляйтесь-ка к себе, — в ее голосе зазвучали мягкие нотки, которые появлялись всегда, когда она говорила с Ричардом. — Разве вы не видите, что я просто с ног сбилась. Ступайте переодеться, мастер Ричард, а вы, мисс Джулия, будьте хорошей девочкой, выгляните во двор посмотреть, не вернулся ли Джем из Мидхерста, он должен привезти фрукты, овощи и дичь с рынка. Мне они уже скоро понадобятся.

Я послушно вышла во двор, а Ричард остался на кухне и продолжил свои расспросы. Джем еще не возвратился, и миссис Гау настолько рассвирепела, что и Ричарду пришлось поскорее убраться с кухни. Тогда мы заглянули в холл. Там на столике лежала мужская шляпа и рыжевато-коричневые дорогие кожаные перчатки. Мы прислушались к голосам, доносившимся из гостиной, и услышали смех мамы. Я никогда прежде не слышала, чтобы

она так смеялась, ее голос звучал как флейта.

Ричард нагнулся было к замочной скважине, но тут на лестнице возник Страйд, и нам пришлось срочно ретироваться.

— Кто там, Страйд? — шепотом спросила я, бочком пробираясь мимо него.

— Чем скорее вы оба переоденетесь к обеду, тем скорее вы все узнаете, — дал он холодный ответ.

У себя в спальне я быстро сбросила запачканный наряд и достала из комода новое шелковое платье кремового цвета. «Новое для тебя», — сокрушенно сказала про него мама. Оно было перекроено из платья одной из ее сводных сестер и уже слегка поблекло на швах. Но спереди оно еще было совершенно новым и блестящим, того прекрасного кремового цвета, какой имеет самая сердцевинка цветка первоцвета. Я казалась в нем выше и немного старше, и оно волнующе шелестело на каждом шагу. Я встала на цыпочки, чтобы получше разглядеть все это великолепие в своем маленьком зеркале. Мне даже показалось, что в этом платье глаза у меня стали зеленее и еще более вздернулись к вискам. Тут Ричард стукнул ко мне в дверь, я повернулась на каблуках, и мы поспешили вниз.

Нашим гостем оказался Джон Мак-Эндрю.

Я догадалась об этом в первую же секунду, как только дверь открылась. Не потому, что он, высокий и слегка сутулый, стоял очень близко к камину, будто ему было холодно после индийского солнца. Нет, скорее по маминому лицу, которое раскраснелось и сияло от счастья, словно у девочки. Такой я ее никогда прежде не видела.

— Джулия! Это...

— Мой дядя Джон! — прервала я маму и вбежала в комнату, протягивая к нему руки. Он просиял в ответ на мою радость и, схватив меня за плечи, притянул к себе для объятия. Затем поцеловал меня в лоб и отстранился, чтобы как следует рассмотреть.

И вдруг его улыбка растаяла, а глаза стали холодными. Он смотрел на меня так, будто видел перед собой врага, а не племянницу. Поверх моей головы он бросил взгляд на маму, которая даже привстала со стула, на ее лице был написан страх.

— Что случилось, Джон? — тревожно спросила она.

— Она напомнила мне... она напоминает мне... — пытался объяснить он, подбирая слова и не отводя от меня глаз. Я невольно будто в поисках защиты, отступила к маме.

— Нет! — резко сказала мама. Я даже вздрогнула от такого тона. — Она совершенно не похожа на Беатрис!

При звуке этого имени дядя Джон незаметно выдохнул.

— Ничуть не похожа! — повторила мама упрямо. — У нее совсем другого цвета волосы, другие глаза. Все совершенно другое. Вы просто слишком долго отсутствовали, Джон, и образ Беатрис запечатлелся в вашем мозгу. Джулия ни капли не напоминает Беатрис. Она моя дочь. Она совершенно такая же, как я. Временами слишком избалованная, но все дети одинаковы. И это ничего не значит. Джулия моя маленькая дочка! Если бы вы видели ее вчера, когда у нее была другая прическа, вы бы вовсе не заметили никакого сходства.

Дядя Джон пожал плечами.

— Конечно, — согласился он, убежденный силой здравого смысла, звучащего в словах мамы. — Конечно. Просто то, как она вбежала в гостиную... И ее голос, и улыбка, и посадка головы... Но она научилась грациозности от вас, Селия, я уверен.

— Мне приятно слышать это, — благодарно отозвалась мама, — но я лично считаю эту девочку далеко не образцом хороших манер.

Он улыбнулся, и тепло, заблеставшее в его глазах, заставило меня порадоваться за маму. Я сразу поняла, что он любит ее. И если в самую первую минуту этот усталый, с желтым лицом, нездоровый человек разочаровал меня своим видом, то теперь передо мной предстал веселый и умный дядя Джон, старающийся казаться серьезным, — такой, каким я знала его по рассказам мамы.

— Дядя Джон, — лукаво сказала я, — тут у нас еще кто-то...

Он резко повернулся к своему сыну, и его плечи поднялись, словно готовясь принять давно обещанную самому себе ношу. Он приветливо протянул руку вошедшему за мной Ричарду и улыбнулся ему.

— Ричард, — сказал он. — Я так раз видеть тебя. — И он обнял сына за плечи, крепко прижал его к себе, а затем повернулся к маме и рассмеялся.

— Селия, все эти годы я представлял вас себе в сопровождении маленьких детей. А теперь вижу, что Ричард, оказывается, почти с меня ростом, а Джулия достаёт мне до плеча.

Мама с готовностью рассмеялась, но я видела, что небольшое колебание дяди Джона не прошло незамеченным для нее.

— А сколько одежды они износили за эти годы! — смеясь, воскликнула она. — А сколько башмаков стоптали!

— Да, я вижу, что мне для их воспитания понадобятся все мои рубины и бриллианты! — просиял дядя Джон.

— А у вас, сэр, есть рубины и бриллианты? — быстро спросил Ричард.

— Целые копи, — был ответ.

— Мы их быстренько потратим, — пообещала мама. — Присядьте, Джон, отдохните, пока Страйд не пригласит нас к обеду. И рассказывайте ваши новости. Своих слонов можете распаковать позже.

Обед был лучшим из того, что могла приготовить миссис Гау в такой спешке, и его подали на фамильном серебре Хаверингов с их монограммой, и пили мы из наших лучших хрустальных бокалов. Посуду прислала с Джемом леди Хаверинг, когда тот во второй раз был отправлен к ней с известием, что вернулся Джон Мак-Эндрю. Она даже передала с ним бутылку охлажденного шампанского, которое мы пили за наше будущее.

— Нам следует поговорить, Селия, — сказал дядя Джон в конце обеда, когда мама приказала Страйду убрать со стола.

— Мы можем поговорить попозже, — и она с теплой и заботливой улыбкой взглянула на его утомленное лицо.

— Не стоит, — улыбнулся в ответ Джон. — Я действительно устал и не могу не признать это. В Индии у меня бывали приступы лихорадки, и я сильно ослабел после них. Но есть вопросы, касающиеся всей нашей семьи, и я хотел бы, чтобы мы обсудили их без промедления. Давайте перейдем в гостиную и устроим военный совет.

— Против кого мы собираемся воевать, дядя Джон? — спросила я, пока мама распорядилась, чтобы принесли свежих поленьев для камина, и мы все расселись вокруг стола.

— Думаю, что мы объявим войну прошлому, — серьезно ответил он. — Прежним неправильным идеям и прежним неправильным поступкам. Я хочу, чтобы мы восстановили Вайдекр, и это было бы нашей серьезной победой.

В Индии мне, должен признать, посчастливилось, — начал дядя Джон вместо вступления. — Мне удалось оказать серьезную услугу одному из независимых раджей. — Тут он криво улыбнулся. — Так сложились обстоятельства, что селения, вверенные моему попечению, миновала серьезная эпидемия, которая прошла по Индии. И раджа подарил мне за это огромный участок земли, где растет превосходный чай и различные растения, из которых делают специи. Кроме того, там имеется маленький рудник, который теперь является весьма прибыльным.

— Рудник? — поднял голову Ричард. — А что там добывают?

— Опалы, — ответил дядя Джон. И с иронией добавил: — Судьба предоставила мне еще одну возможность стать богатым человеком. Первое свое состояние я потерял в Вайдекре. Вторым надо будет распорядиться получше.

— Опалы! — тихо повторил Ричард и облизнул губы, словно съел что-то вкусное.

— Я вернулся домой, чтобы начать работать, — уверенно продолжал дядя Джон. — Чтобы принести пользу и земле и людям. Вайдекр имеет плохую репутацию, а его жители известны как смутьяны и не могут нигде найти работу. Никто не станет держать у себя

поджигателей. Но это не их вина. Это вина Беатрис, — продолжал он спокойно. — Нищета в Экре, ненависть между нами и ими — недоброе наследство для детей.

— Дядя Джон, — прервала я его. — Я ничего не понимаю.

Он взглянул на маму.

— Вы ничего им не рассказывали?

— Как мы и договорились, — ровно ответила она. — Мы с вами договорились, что не станем отягощать их этими заботами, пока они маленькие. Я не рассказывала им только о пожаре и разорении Лейси, хотя они много раз просили меня об этом. Я думаю, что сейчас им можно рассказать нашу историю в общих чертах.

Мне показалось, что последние слова она произнесла с ударением.

— Что ж, очень хорошо, — кивнул Джон. — Вы, должно быть, слышали, что имением в полном согласии совместно управляли сквайр, отец Джулии, и его сестра, Беатрис. Но это не совсем так. Они отяготили поместье долгами, сделанными для того, чтобы изменить майорат в вашу, дети, пользу. Селия и я не были согласны с этим.

Крестьяне разорились, и целые семьи стали голодать. Они взбунтовались, и однажды ночью огромная толпа двинулась на Вайдекр Холл. Мы получили предупреждение и, взяв вас, покинули дом. Но Беатрис предпочла остаться. Она погибла в пожаре. Отец Джулии умер в ту же ночь от апоплексического удара. У него всегда было слабое сердце, это было наследственной болезнью.

Ричард и я обменялись изумленными взглядами.

— О... — проговорил Ричард. — Мою маму оставили совсем одну в пустом доме, лицом к лицу с бунтовщиками?

— Да, — ровно ответил дядя Джон. — Таков был ее выбор. Мы с ней уже довольно давно перед тем не жили как муж с женой, и я не считал своим долгом остаться с ней и защищать ее. Я должен был думать о вас. Если бы Беатрис захотела, она могла бы взять экипаж и уехать следом за нами. Но она предпочла остаться.

На столе стояла ваза с увядающими подснежниками, и они напомнили мне мой сон, осыпающиеся чайные розы в серебряной вазе на огромном столе и голос моей мамы: «Ты разрушительница, Беатрис».

Они оставили ее в порыве ненависти. Я знала это. Я только не понимала, почему. Но я помнила ощущение покоя и мира в брошенном доме, радость оттого, что все наконец уехали и дом пуст. Что вся бесконечная работа, ложь и обманы более не нужны. И я помнила, как жадно глядела Беатрис на дорогу, ожидая прихода толпы.

— У них был предводитель? — спросила я вдруг, вспомнив легенду о полубоге-получеловеке.

— Никого не нашли, — последовал ответ.

Я подняла глаза и встретила взгляд дяди Джона, устремленный на меня. Я поняла, что он открыл нам не всю правду. Беатрис все знала, она знала и того человека, которого сейчас называют в Экре полубогом. Но меня приучили с уважением относиться к тайнам взрослых, и мне ничего не было известно наверняка.

— Что это означает для нас? — спросила я.

— Это означает, что я хочу дать нашему имению еще один шанс, а всем нам — новую жизнь. У меня есть некоторые идеи о выращивании здесь новых культур — овощей и фруктов, которые мы могли бы продавать в Чичестере или Лондоне. И я хотел бы, чтобы мы делились прибылями с крестьянами. Пусть они встретят наступающий век новыми людьми.

— Я видел революцию во Франции, — продолжал дядя Джон с энтузиазмом, его глаза заблестели. — И я верю, что действительно наступает другое время, время науки и прогресса, время, когда люди отбросят прочь прежние суеверия и страхи. Когда они станут вместе работать и прибыль делить поровну. Эти дни уже не за горами, и пусть Вайдекр встретит их одним из первых.

Пораженные услышанным, мы долго сидели молча.

— Джулии нужен настоящий первый сезон в Лондоне, — тихо заговорила мама. Джон

кивнул.

— И мы должны отстроить Вайдекр заново, — добавил Ричард.

— Отстроить поместье, заново разбить парк и снова сделать эту землю плодородной, — подтвердил Джон.

— И в деревне больше не должно быть бедных, — вставила я, думая о детях Экра.

— Это наша первая задача.

И мы опять все замолчали, захваченные грандиозными мечтами, которые могли скоро стать явью.

— В этом я рассчитываю на всех вас, — снова заговорил Джон. — Я, конечно, найду управляющего, но мне понадобятся ваши помощь и поддержка. Ведь это ваше наследство, дети.

— Значит, я не буду учиться в университете, сэр? — жадно поинтересовался Ричард.

Джон улыбнулся, и его глаза неожиданно потеплели.

— Обязательно будешь, — твердо ответил он. — Прошли те времена, когда сквайры знали только, когда сажать пшеницу и когда убирать ее. Ты поступишь учиться в Оксфорд, Джулия проведет свой сезон в Бате, а потом в Лондоне. Учиться хозяйствовать ты сможешь в течение летних месяцев.

— Хорошо, — ответил Ричард.

Дядя Джон посмотрел на меня.

— А вас это устраивает, мисс Джулия? — спросил он шутливым, дружеским тоном.

— Да, — просияла я в ответ. — Конечно. У меня есть друзья в деревне, и я мечтаю о том, чтобы они не жили больше в такой ужасной бедности. Я буду очень, очень счастлива, если это случится.

Дядя Джон обменялся взглядом с мамой.

— Отлично, — сказал он. — Тогда я могу распаковать мои сумки и посмотреть, не забыл ли я привезти вам подарки из моих странствий.

За ужином мы снова собрались вместе. Мы все еще чувствовали себя неловко с дядей Джоном, мама была нервной и влюбленной, я — смущенной и замкнутой, только Ричард оставался, как всегда, обворожительным и раскованным. Дядя Джон уселся во главе стола на место Ричарда и с любовью улыбнулся нам. Он наконец распаковал свои вещи и вручил нам с мамой несколько ярдов чудесных светлых шелков на платье.

Когда Страйд закончил убирать со стола и вышел, он достал из кармана изящную бархатную коробочку и с поклоном протянул маме.

— Что это, Джон? — спросила мама и открыла ее. Там оказалось ожерелье из прелестных одинаковых жемчужин, выловленных где-то в южных морях далеко от Вайдекра.

— Ах, какая прелесть! Они розовые! — воскликнула мама, поднеся ожерелье к свече.

— Да, это розовый жемчуг, — удовлетворенный произведенным впечатлением, сказал дядя Джон. — Я помнил, что вы любите жемчуг, Селия. И не мог устоять перед искушением и не купить его. Там еще лежит пара таких же серег.

— Где вы раздобыли такую прелесть? — спросила мама. — В Индии?

— Это была чертовски трудная работа, — лицо дяди Джона оставалось совершенно серьезным. — Нырять каждое воскресенье после службы в церкви в кишасшее акулами море.

Мама звонко рассмеялась, как девушка, и приложила ожерелье к своей шее. Мне было интересно, не захочет ли дядя Джон помочь маме застегнуть его. Но он предпочел сидеть спокойно, а не разыгрывать роль влюбленного перед нашими блестящими от любопытства глазами.

— Жемчуг великолепен, — сказала мама с восторгом. — Может быть, мне лучше спрятать его до лучших времен?

— Нет! — ответил дядя Джон. — Со временем у вас появятся украшения гораздо красивее, я обещаю вам это. А этот подарок должен радовать вас каждый день.

Мама улыбнулась ему светлой улыбкой.

— Тогда я и буду носить его каждый день, — ответила она. — А если ожерелье не будет гармонировать с моим нарядом, я стану носить его под воротником. Самый большой подарок для меня — это то, что вы наконец с нами.

Их глаза встретились, и они замолчали.

— Я слышал, что ловля жемчуга — чрезвычайно опасное занятие, — заметил Ричард.

— Совершенно верно, — взглянул на него дядя Джон. — Но иногда жемчуг бывает на мелководье, и ныряльщики достают его безо всякого риска для жизни. В противном случае я не купил бы его.

Ричард не отводил глаз от стола, словно видел перед собой что-то новое и чрезвычайно интересное.

— Дядя Джон, — обратилась я к нему. — А что там за коробка?

— И в самом деле, что это за коробка? — улыбнулся он. — Будто бы ты не видишь, малышка, что на ней написано твое имя? — Он передал мне коробку, и я развернула ее. Там оказался прекрасный набор акварельных красок, и я поблагодарила дядю Джона, а мама заметила, что лучше бы он поберег деньги, ибо рисовальщица из меня никудышная.

— Зато Ричард рисует прекрасно, — мягко добавила она. — Он очень интересуется архитектурой и античной скульптурой.

— В самом деле? — и дядя Джон поощрительно улыбнулся своему сыну.

— Но, возможно, такие великолепные краски и мольберт вдохновят тебя, Джулия, — добавила мама.

— Вполне возможно, — пообещала я. — Встав с места, я подошла к дяде Джону и поцеловала его в лоб, в знак благодарности и в качестве извинения, что я не совсем такая племянница, какой он меня воображал.

— А что дядя Джон подарил тебе, Ричард? — спросила я его, увидев в его руках огромную коробку, высотой до плеча. Он разорвал обертку, и там оказались какие-то странные палки и дюжина тяжелых мячей.

Ричард непонимающе вертел их в руках, вопросительно глядя на отца.

— Это палки и мячи для поло, — ответил на его невысказанный вопрос тот. — Ты видел когда-нибудь, как в него играют, Ричард?

Мой кузен покачал головой.

— О, это замечательная игра для хорошего наездника и чертовски опасная для неважного! Мы найдем пару лошадей, пока не купим что-нибудь подходящее для тебя, и сразимся!

Не думаю, что кто-нибудь, кроме меня, заметил внезапную бледность Ричарда. Глаза дяди Джона сверкали, когда он объяснял Ричарду правила игры, в это время Страйд уже водрузил на стол фрукты, десерт и портер. Мама тихо улыбнулась, подала мне знак, и мы вышли.

Мама сразу направилась к зеркалу над камином и стала поправлять волосы, улыбаясь своему отражению. Это были первые следы тщеславия, которые я заметила в ней, и я тихонько улыбнулась. В зеркале, освещенном лучшими восковыми свечами из Хаверинг Холла, отражалось очаровательное, сияющее счастьем лицо. Радость от приезда дяди Джона разгладила морщинки на ее лбу и вокруг глаз, и только серебряные нити в волосах выдавали ее возраст. Она увидела, что я наблюдаю за ней, и, смущенно покраснев, отвела взгляд.

— Я так рада, что они наконец заговорили о лошадях, — сказала мама. — Я боялась, что они не найдут общего языка. Так хотелось бы, чтобы они стали друзьями.

Я кивнула и подошла к окну. Раздвинув тяжелые занавеси, я взглянула на залитую загадочным лунным светом дорогу, на темный лес. Ветер завывал над деревьями, словно плакал о жизни, прошедшей зря.

Я замерла, прижавшись лицом к холодному стеклу. Я чувствовала, что дядя Джон рассказал нам не всю правду. Беатрис прекрасно знала — я поняла это из своего сна — человека, приведшего сюда толпу с факелами. Они пришли из Экра, и она заслужила их гнев.

Но мне также было известно, что теперь их ненависть к Холлу угасла. Они забыли то

время, когда тень Беатрис, упавшая на человека, означала смерть и когда все молодые люди боялись ее. Они помнили только улыбающуюся девочку, благословившую их поля и луга. И, глядя в залитый лунным светом сад, я мечтала быть той девочкой. Всем сердцем я стремилась вернуть Экр к жизни и сделать землю плодородной. В этот вечер я впервые хотела стать избранным ребенком.

Когда дверь открылась и вошли дядя Джон и Ричард, я даже вздрогнула от неожиданности. Ричард вопросительно поднял бровь и выглянул в окно. Но он ничего там не увидел.

Мы поздно пошли спать в тот вечер. И мне не снились ни Холл, ни бунтовщики, крадущиеся в темноте к поместью. Я видела во сне новые наряды и бальный зал. Я была обычной девочкой, которая становится молодой леди.

Глава 5

Жизнь с дядей Джоном оказалась далеко не сплошным праздником, что мы с Ричардом и обнаружили в ближайшие же несколько дней. Он вызвал нас обоих в гостиную и устроил нам небольшой экзамен, чтобы выяснить наши знания. Когда я хвастливо сообщила, что выучила латынь и греческий из-за плеча Ричарда, то тут же, к своему огорчению, получила две страницы перевода. В своем прекрасном французском я была совершенно уверена, но из фраз, которыми забросал меня дядя Джон, я едва поняла одну двадцатую и с трудом, запинаясь, пролепетала ответ. Успехи бедного Ричарда были еще менее ощутимыми, и он вышел из гостиной весь красный, бормоча что-то о людях, которые вспоминают о тебе через десять лет и сразу начинают вести себя словно индийские набобы. Он тут же куда-то исчез, а я пошла с его учебниками в гостиную с чувством удовлетворенной гордости.

В тот же вечер дядя Джон объявил, что собирается поехать в Лондон поработать у своего отца, старшего директора корабельной компании «Линии Мак-Эндрю».

— Я дам там несколько консультаций, касающихся торговых связей с Индией, — объявил он. — Но до отъезда я хотел бы назначить управляющего в Вайдекре. — Тут он обратился к моей маме: — Селия, мне привезти вам что-нибудь из Лондона? Может быть, ткани на платье?

Мама сокрушенно глянула на свое поношенное черное платье.

— Да, в новых платьях у меня действительно отчаянная нужда. Да и Джулия, бедняжка, не имела ни одного нарядного платья в своей жизни. Но я не вполне доверяю вашей осведомленности в вопросах моды, Джон.

— Может быть, привести вам малиновое сари? — предложил без улыбки дядя Джон. — В Индии женщины только их и носят. Вы с Джулией были бы в них совершенно восхитительны, уверяю вас.

— Возможно, — рассмеялась мама. — Но я, пожалуй, предпочту что-нибудь более традиционное и для себя и для Джулии. Пожалуй, я лучше обращусь к моей прежней портнихе в Чичестере. А вы, Джон, поскорее возвращайтесь. И не слишком утомляйтесь на работе.

Уже на следующее утро после завтрака дядя Джон объявил о своем отъезде.

— Не могу сказать, как долго я пробуду в Лондоне, — сказал он, одеваясь. — Но думаю, что вы найдете, чем заняться без меня. Ричард, если ты не станешь заниматься более усердно, у тебя не будет шансов поступить в Оксфорд. И винить за это тебе будет некого, кроме самого себя. — Он открыл дверь, и все мы вышли на весеннее солнышко. — До сих пор ты занимался недостаточно серьезно. Не могу сказать, что я доволен твоими успехами. Джулия знает латынь ничуть не хуже, чем ты, а она не брала никаких уроков.

Ричард улыбнулся отцу своей ангельской улыбкой и сказал:

— Мне очень жаль, сэр. Теперь я стану работать серьезнее. Пример моей кузины послужит мне укором. Но она всегда отличалась умом и сообразительностью.

Дядя Джон улыбнулся великодушной похвале Ричарда, уселся в коляску, помахал нам

на прощанье рукой и уехал в Лондон.

Но доброе настроение Ричарда продолжалось только пока коляска не исчезла из виду. Тогда он объявил, что идет заниматься в гостиную, и я собралась было идти за ним вслед.

— Но уж не с тобой, — грубо возразил он. — Ты все время болтаешь и отвлекаешь меня. Ступай к своей маме. Ты же слышала, что сказал папа, а сама собираешься мешать мне.

— Ричард! — изумленно воскликнула я. — Но я хотела помочь тебе.

— Я в твоей помощи не нуждаюсь, — хвастливо заявил он. — Хорош бы я был, если бы знал меньше тебя. Не ходи за мной, Джулия. Мне надо заниматься. Так велел мой папа.

Я ушла, не сказав ни слова, но страшно обидевшись. Я знала, что учить слова без меня он будет вдвое дольше. Маме я ничего не стала рассказывать, но, когда мы закончили шить, я попросила разрешения пойти на кухню и приготовить любимые сладости Ричарда в награду за его неожиданное усердие. За обедом я подала ему приготовленные собственными руками взбитые сливки и заслужила горячую благодарность и ласковое объятие. Спать я пошла согретая его улыбкой и довольная собой. Я чувствовала, что поступила как настоящая леди, ответив добром на обидные слова. Так всегда и нужно поступать. И в доме тогда воцарится мир. Но не в душе.

Джона не было в течение долгих трех дней, но в пятницу утром, вынырнув из тумана, его коляска подкатила к нашему дому. Мы с мамой торопливо бросились ему навстречу.

— Селия! — только и воскликнул дядя Джон, и они так просияли, увидев друг друга, что все мгновенно стало ясно.

Затем он увидел меня и улыбнулся.

— И мисс Джулия здесь! — радостно сказал он. — Пойдемте-ка скорее в дом! Вы замерзнете на улице. Сегодня утром такой ужасный туман. Мне пришлось заночевать в Петерсфильде, поскольку не было видно дороги. Еси бы не это, я вернулся бы домой еще вчера.

Мама поскорее увела его в гостиную и велела затопить пожарче камин и подать горячий кофе. Дядя Джон протянул ладони к огню и слегка вздрогнул.

— Я полагал, что возвращаюсь домой весной, а здесь холоднее, чем в Индии в сезон муссонов.

— Джулия, пойдти, пожалуйста, наверх и принеси вязаный жакет дяди Джона, — попросила мама. — Может быть, капельку бренди, Джон?

Я побежала к нему в спальню за жакетом, а потом на кухню к Страйду, сказать тому насчет бренди, но, когда я возвратилась в гостиную, дядя Джон уже повеселел и краска возвратилась на его щеки.

— А где Ричард? — поинтересовался он, попивая кофе.

— На занятиях, — ответила мама. — С тех пор как вы уехали, он занимается очень серьезно. Не забудьте похвалить его, Джон! Он воспринял ваш упрек близко к сердцу.

— Может быть, мне сходить позвать его? — предложила я. — Иногда он задерживается, но сегодня он захочет вернуться пораньше.

— Да, пожалуйста, — ответил дядя Джон. — Я привез наброски нового Вайдекр Холла, и мне не терпится поскорее показать их вам. И это еще не все! — воскликнул он, обращаясь к маме. — У нас есть управляющий! Я высадил его по дороге в деревне. Ты, вероятно, встретишь его, Джулия. Его зовут Мэгсон, Ральф Мэгсон.

При этом имени в моей голове послышался странный шум, словно хрустальный звон, будто на деревьях выросли стеклянные листочки и звенят на ветру. Казалось, это поет туман и сами холмы подступают к нашему дому с песней. Я потрясла головой, но шум не исчез.

— Как быстро! — удивилась мама. — Как вам это удалось?

— У меня необыкновенный талант к найму работников, — хвастливо заявил дядя Джон, и мама рассмеялась. — Просто повезло, — признался он. — Я поместил объявление в газете, и два человека откликнулись на него. Но Вайдекр все еще пользуется плохой

репутацией, и предложения не были интересными. И тут вдруг является еще один желающий и учиняет мне буквально допрос. — Да, да, — улыбнулся дядя Джон. — Он принялся расспрашивать меня о моих намерениях относительно Вайдекра. Когда же я сообщил ему, что не преследую цель быстрого обогащения и получения прибылей любой ценой, а наоборот, заинтересован в разумном ведении хозяйства и участии всех в прибылях, он благосклонно объявил мне, что согласен занять этот пост. Я было заколебался, но он сказал: «Доктор Мак-Эндрю, я единственный человек, который вам нужен».

— Довольно странно! — заметила мама. — Что он имел в виду?

— Когда-то он жил в Экре, хоть и уехал отсюда еще ребенком, — принялся объяснять дядя Джон. — Похоже, что у него остались здесь друзья, и он заявляет — и должен признаться, я ему верю, — что он сумеет убедить крестьян работать на Лейси. Но он подчеркнул, что не стал бы работать на кого угодно, и именно поэтому так пристрасно расспрашивал меня о моих намерениях.

Мама все еще колебалась.

— А когда он уехал отсюда? — спросила она.

Дядя Джон услышал в ее голосе тревогу и успокаивающе улыбнулся.

— Я спросил его об этом, дорогая. Он приблизительно нашего возраста, а уехал отсюда ребенком, еще до инцидента, в котором погиб старый сквайр. Его не было в Экре, когда здесь хозяйничала Беатрис и когда начался мятеж. Кроме того, — добавил он, — хоть он и радикал, но далеко не безрассудный. Он имеет предубеждение против частной собственности и богатых, но так рассуждают многие разумные люди. Он много путешествовал, и у него широкий кругозор. Мне кажется, что он мечтает вернуться на свою родину и хотел бы жить в процветающей деревне. Мы нашли между собой много общего.

— Где он будет жить? — спросила я.

— Там есть семья по фамилии Тайк? — ответил он вопросом на вопрос.

— Да.

— Он интересовался именно их коттеджем, — сказал дядя Джон. — Наверное, когда он был ребенком, это был самый лучший коттедж в деревне, и он сохранил память о нем. Ты знаешь Тайков, Джулия?

— Там остались только Тед Тайк и его мать, — сказала я. — Коттедж для них слишком велик. Отец Теда погиб в прошлом году от несчастного случая: он был убит падающим деревом. И сейчас они еле сводят концы с концами. Если предложить им коттедж поменьше, тот, что у церкви, и немного денег в придачу, то они с удовольствием согласятся.

Дядя Джон внимательно смотрел на меня, будто что-то взвешивая.

— А чей коттедж стоит у церкви? — спросил он тем же тоном, каким спрашивал у нас латынь.

— Раньше там жили Льюисы, — ответила я, — но год назад они уехали в Петворд, где их брат держит магазин.

— Обычная история для Экра, — заметил дядя Джон маме вполголоса.

— Джулия знает деревню лучше, чем любой из нас, — сказала она.

— Итак, если ты встретишь мистера Мэгсона, расскажи ему все, что ты только что рассказала нам, — обратился ко мне дядя Джон. — И если он сумеет уладить это ко всеобщему удовольствию, то пускай селится у Тайков.

— Можно я пойду, мама? — спросила я.

— Иди, дорогая. Только надень пальто с капюшоном, на улице сильный туман. Кто бы мог поверить, что уже весна.

Я надела шляпку и зимнее пальто с капюшоном и вышла на улицу. Из окна казалось, что снаружи уже стемнело, но на самом деле было светло. Мне нравилось идти в тумане, все звуки вокруг были приглушены, я даже не слышала своих шагов. Еще вчера листья громко шелестели на ветру, а сегодня они молчали, мокрые и тяжелые. Тихо шумела Фенни, и самым громким звуком было: кап... кап... кап... Это падала вода с веток деревьев. Ни справа, ни слева не было видно полей, подступающих к дороге, и я только догадывалась об

их огромном сером пространстве. Даже очертания холмов тонули в тумане, все сливалось с низко нависшим над землей пасмурным небом. Казалось, что мир опустел и остались только я да капли, падающие с деревьев.

Эта прогулка была словно маленькой экскурсией в сон, в одиночество, которое страшит каждого. В мир, где единственным живым существом являетесь вы сами и нет никого кроме вас. Но меня это, как ни странно, совсем не пугало. Я не боялась оставаться одна в Вайдекре. Какой бы глупой девочкой ни казалась я своей маме, как бы ни раздражала я Ричарда, здесь я твердо стояла на земле.

Здесь были неуместны слова, а я обычно была так неловка с ними. Здесь можно было только понимать либо не понимать землю. Когда я оставалась в Вайдекре одна, я чувствовала себя Лейси.

Я почти сожалела, что туман растаял и показались первые домики Экра. Вдруг из тумана выскользнула какая-то тень, и я чуть не вскрикнула от неожиданности.

— Это я, — прозвучал голос Клари. Она говорила несколько невнятно из-за овсяного печенья, которое было зажато у нее в кулаке и которым она набила рот. — Привет, Джулия. Ты пришла посмотреть на него? — Ее глаза блестели от волнения. — Он уехал в Мидхерст купить кое-что на рынке.

— О ком ты говоришь? — спросила я, почти зная ответ.

— О Ральфе. Вернулся Ральф. Он купил большую корзину всякой еды для наших людей, но сказал, чтобы мы несли все сразу, а то заболеем. А каждому ребенку он дал по овсяному печенью. Сейчас он поехал в Мидхерст купить молока, бекона, сыру и эля. Когда он вернется, у нас будет праздник. Мой папа сказал, что с приездом Ральфа в Вайдекре все пойдет по-другому.

— Он приехал с дядей Джоном, — сообщила я. — И будет управлять поместьем. А кто он, Клари? И почему он так долго здесь не жил?

Ее глаза озорно блеснули.

— Ты не знаешь, кто он? И не знаешь, что он сделал? — недоверчиво спросила она. — О! О! — и она чуть взвизгнула от восторга. — Джулия, не смотри на меня так, пожалуйста. Я не могу тебе все рассказать. Спроси у него самого.

— Это что-нибудь, связанное с прежними днями? — интуитивно догадалась я. — Он знал Беатрис или Гарри? Он работал здесь раньше?

Клари подавилась смехом и последним кусочком печенья.

— И не спрашивай, я все равно ничего не расскажу.

— А где он был все это время? — продолжала я расспрашивать ее. — Дядя Джон сказал, что он из Экра.

— Он был контрабандистом, — сообщила Клари страшным голосом. — И он был предводителем хлебного бунта. Он много лет прожил с цыганами и умеет колдовать и предсказывать судьбу. Когда дела в деревне были совсем плохи, он присылал сюда деньги. И он... — тут она оборвала себя. — Больше я тебе ничего не скажу. Спроси у него сама.

— И спрошу, — решительно сказала я. — Мне надоели твои загадки.

Мы уже дошли до ворот домика викария, и я протянула руку к звонку.

— Подожди меня, — попросила я Клари. — Я схожу за Ричардом, и мы погуляем втроем.

— Не-а, — покачала она головой. — Я не хочу с ним гулять. Увидимся в следующий раз, когда ты придешь к нам.

Я кивнула. Конечно, я не могла отрицать, что Ричард вел себя высокомерно. Я пыталась познакомить его с нашими сверстниками в деревне, чтобы мы дружили все вместе, но он задирал нос и держался барином. Меня удивляло, что манеры Ричарда, такие обворожительные у нас дома, здесь делали его смешным и безобразным. Я думала, что он совсем не пытается понравиться ребятам. Он смотрел на них так, словно прикидывал в уме, что плохого они могут ему сделать.

— И к тому же я буду помогать Ральфу в подготовке праздничного обеда, — добавила

Клари.

Она кивнула в сторону деревни, и я увидела, как около одного из домов суетятся люди, ставят там столы и скамейки. И тут я впервые заметила, как вьется дымок над одной из труб. Экра.

Я замедлила шаги, и Клари шутливо подтолкнула меня к дому.

— Ступай, ступай, хоть это и не твой праздник. Ты ведь у нас принадлежишь к знати.

В ответ я скорчила ей рожу и пошла по тропинке к деревне.

На мой стук дверь отворилась, и экономка впустила меня внутрь. Ричард все еще занимался, и я подождала его, угощаясь горячим кофе и сладкими бисквитами. При этом я думала, что, пожалуй, мне ясно, почему у доктора Пирса седые волосы и почему он так редко улыбается. Есть сладкие бисквиты, когда всего в нескольких шагах от тебя умирают от голода люди, было, конечно, нелегко. Смерть каждого прихожанина он отмечал в церковной книге, каждый гроб опускали в могилу в его присутствии. И на неизбывное горе этих людей не находилось ответа в его теологических книгах.

В Дауэр-Хаусе мы жили все-таки изолированно от Экра, его же дом стоял в самом сердце деревни, и от жестокости Лейси — и жестокости всех, кто разделил страну на богатых и бедных, — ему было не убежать.

Дверь открылась, и вошел Ричард.

— Джулия! — обрадовался он. — Я не ждал тебя сегодня.

— Я решила встретить тебя, потому что вернулся дядя Джон. Он привез рисунки нашего будущего дома! И еще он привез нового управляющего!

— А ты уже видела его? — с любопытством спросил Ричард. — Что он из себя представляет?

— Он еще не был у нас. Дядя Джон высадил его в деревне. Этот новый управляющий когда-то жил здесь, и Клари сказала мне, что они устраивают праздник по случаю его возвращения. Он сейчас в Мидхерсте покупает продукты для всей деревни, а детям он дал по овсяному печенью. Они, кажется, сразу полюбили его.

— Думаю, они полюбили бы всякого, кто стал бы раздавать им бесплатно еду, — презрительно сказал Ричард. — Иначе с этой деревней не управиться. Надеюсь, мой папа выбрал нужного человека.

— Мы можем на него посмотреть, — предложила я. — Клари сказала, что он скоро должен вернуться назад.

Ричард кивнул и открыл передо мной калитку. И мы пошли вдоль улицы, с удивлением глядя, как до неузнаваемости изменился Экр всего за один день. Мне пришла на ум сказка о волшебном поцелуе принца, оживившем Спящую Красавицу и все королевство. Ральф Мэгсон, видимо, был волшебником, если оживил деревню одним своим появлением.

Жители деревни составили из нескольких столов один огромный стол позади дома миссис Мерри, и теперь почти все женщины суетились вокруг него. Впервые я услышала в Экре смех.

Двери коттеджей хлопали, люди то вбегали, то выбегали оттуда, кто с деревянной тарелкой, кто с парой ложек. Дорожный сундук, который, как я догадалась, принадлежал Мэгсону, стоял позади дома открытый, и в нем виднелись коробки чая, сахара, большой круг сыра и окорок. Это было большим соблазном для людей, но я знала, что воров в Экре нет. Трубы печей в домах дымились и будто посылали небесам сообщение: «Ральф Мэгсон вернулся домой». И среди всей этой суеты, командуя, распоряжаясь и смеясь, стоял новый управляющий именем, стоял неподвижно, как древнее божество.

Это был мужчина лет сорока с темными, поседевшими на висках волосами, заплетенными сзади в короткую косичку. Он был похож на моряка или даже, скорее, на пирата. Кожа у него была смуглой, как у цыгана, а множество белых морщинок около глаз свидетельствовало о том, что он провел долгие годы под открытым небом и привык зорко всматриваться в даль.

У меня в голове вдруг зашумело, и я не могла отвести от него глаз.

— О Господи, — произнес позади меня Ричард. — Все это похоже на майский праздник.

В эту минуту новый управляющий наклонился и жестом показал какому-то мужчине на сумку с продуктами, чтобы тот отнес ее к столу. И тут я поняла, почему так неподвижно стоял он все время. Мэгсон оказался калекой. У него не было ног, они были отрезаны чуть ниже колен, и дальше были приделаны деревянные протезы. Он обладал необыкновенно широкими плечами и грудью, оттого, вероятно, что ему все время приходилось удерживать равновесие. Я не слышала ничего, кроме поющего голоса у меня в голове, и не видела ничего, кроме него. Я забыла, о чем хотела его спросить, и вдруг произнесла голосом ужасно жалобным и, что еще хуже, очень громко:

— О, Ральф!

Он повернулся на мой голос и неожиданно страшно побледнел. Наши глаза встретились, и шум у меня в голове стал таким громким, что я не слышала даже голоса Ричарда, спрашивающего меня, в чем дело. Сейчас я была Беатрис. Толпа между нами поредела, и я видела только Ральфа и смотрела на него любящими глазами.

— О, Ральф! — повторила я снова.

Странная, почти виноватая улыбка появилась на его лице, когда он услышал этот голос. Мэгсон быстро, с привычной сноровкой заковылял ко мне на своих деревянных ногах, и толпа расступилась перед ним, словно это был принц Стюарт, вернувшийся из изгнания.

Он смотрел на меня так тревожно, будто от меня зависела его судьба, будто ему пришлось собрать всю свою храбрость, чтобы подойти ко мне.

— Кто вы? — спросил он, не отводя глаз от моего лица.

Его голос вдруг разрушил то очарование, которое владело мной, и я осознала, что стою в центре огромной толпы, а рядом стоит разгневанный Ричард и дергает меня за рукав.

— Я — Лейси, мисс Джулия Лейси, — ответила я. Слова были обычными, и говорила я вновь своим собственным голосом, совсем не похожим на тот грудной, чувственный голос, который только что произнес: «О, Ральф!»

— Лейси? — переспросил он.

— Дочь сквайра Гарри Лейси из Вайдекр Холла, — церемонно представилась я. — А это мой кузен, Ричард Мак-Эндрю.

Мэгсон медленно наклонил голову.

— Дочь Гарри, — повторил он и недоверчиво глянул на меня. — Кто бы подумал, что у этого болвана может быть такая дочь? Но вы — Лейси, и это главное. Но как вы похожи... — Тут он оборвал себя, но я прекрасно поняла, что он подумал о Беатрис.

Потом Мэгсон повернулся к Ричарду.

— А вы, значит, сын Беатрис? — спросил он.

Ричард напрягся, и я положила руку на его рукав. Я не хотела, чтобы он ссорился с мистером Мэгсоном. Никто не умел лучше, чем Ричард, очаровывать людей одной своей улыбкой. Но ему также прекрасно удавалось быстро наживать себе врагов. Он был заносчивым мальчиком, страдающим от нашей бедности и всегда готовым вступить за свою честь. Меня это восхищало, но сейчас мне совсем не хотелось, чтобы он высокомерно говорил с мистером Мэгсоном.

Мистер Мэгсон не был похож на человека, который безропотно стерпит бесцеремонный тон.

— Ричард, — тихо сказала я. — Это мистер Мэгсон, новый управляющий твоего отца.

Ричард кивнул.

— Я — сын доктора Мак-Эндрю, вашего работодателя, — высокомерно сказал он Ральфу.

— Вы совершенно не похожи на Лейси, — задумчиво ответил тот. — Все они были гораздо светлее.

— Откуда вы знаете Лейси? — отрывисто спросил Ричард. — И что привело вас в Экр? Ральф небрежно улыбнулся, будто не сочтя вопрос Ричарда заслуживающим ответа.

— Прошу прощения, — бросил он Ричарду. — Меня ждут.

И, повернувшись спиной к моему кузену, стал забираться на телегу. Там тоже лежали съестные припасы. Он взял поднос с белыми булочками и с доброй улыбкой передал его жене возчика. «Осторожно, Маргарет, он тяжелый».

Ричард издал гневный возглас и, оттолкнув одного из сыновей Грина, вскочил следом.

— Слушай, ты, — прошипел он. Слышали его лишь немногие, но все уставились в нашу сторону. Я не успела остановить Ричарда и теперь не решалась вмешаться.

— Это моя земля, — взбешенно продолжал он. — И мои люди, и если ты попытаешься встать между мной и ими, то ты пожалеешь об этом. Я — наследник Вайдекра, и я буду здесь сквайром. Когда я задаю вопросы, то требую, чтобы на них отвечали. И чтобы меня называли по имени. Понял, Мэгсон?

Во время этой гневной речи Ральф продолжал передавать женщинам снедь, и теперь в его руках оказалось блюдо с овсяным печеньем. Поворачиваясь, он ненароком толкнул им Ричарда, и тот упал с телеги. Я кинулась было помочь ему подняться, но Сонни Грин схватил меня за руку. Ральф сам мгновенно прыгнул с телеги и, почтительно придерживая Ричарда за локоть, помог ему встать. Лицо моего кузена было багровым, и он даже не находил подходящих слов, чтобы выразить свой гнев.

— Извини, парень, — безмятежно произнес Ральф. — Я не видел, что ты стоишь сзади меня. — Он все еще продолжал держать Ричарда за локоть и при этих словах чуть придвинул его к себе. — Ты можешь стать наследником, но ты никогда не будешь здесь сквайром, если жители не полюбят тебя.

Ричард смотрел на него с каким-то странным выражением, которого я не могла понять.

— Пожалуйста, давай уйдем, — я вырвала у Сонни руку и подошла к Ричарду. Но он даже не слышал меня, не сводя горящих злобой глаз с Ральфа.

— Вы оскорбили меня! — воскликнул он.

Лицо Ральфа на мгновение напряглось, но потом приняло обычное выражение.

— Нет, что ты, — спокойно ответил он. — Сейчас ты немного разгорячен, но когда успокоишься, то поймешь, что был не прав. — И он повернулся спиной к Ричарду, словно наследник Вайдекра был просто расшалившимся школьником и не заслуживал долгих разговоров.

Ричард ринулся за ним, но я все же успела удержать его за руку. Он был вне себя от гнева.

— Ричард, на тебя все смотрят, — прошептала я.

Это на него подействовало. Он сбросил мою руку, но не стал нагонять мистера Мэгсона. Оглянувшись вокруг, он увидел любопытные взгляды, устремленные на него. Тогда, сделав глубокий вдох, он взял меня за руку, и мы стали пробираться вперед. Толпа расступалась перед нами, и мы выглядели, словно король и королева в бродячем театре. Ричард шел, ничего не видя перед собой, я же бросала на людей извиняющиеся взгляды.

Клари Денч открыто рассмеялась, и я поняла, до чего смешны мы оба со стороны. Если бы я была меньше встревожена за Ричарда, я бы и сама громко расхохоталась. Мы шли точно знатные особы в горностаях, но как только оказались на пустынной дороге, Ричард тут же выпустил мою руку.

Я ожидала, что он разразится гневной тирадой, но он оставался спокоен.

— Ричард, я уверена, что Мэгсон это сделал не нарочно, — начала я.

Ричард бросил на меня ледяной взгляд.

— Он сбросил меня с телеги, — тихо сказал он. — Я никогда не прощу ему этого.

— Мэгсон просто случайно задел тебя, — возразила я. — И тут же прыгнул сам, чтобы помочь тебе подняться. Кроме того, он сразу же извинился.

Но Ричард был поглощен своей обидой.

— Этот тип оскорбил меня, — пробормотал он вполголоса. — Мэгсон еще пожалеет об этом.

— Но он — новый управляющий, которого нанял твой отец, — предупреждающе

напомнила я. — Мэгсон нужен дяде Джону. И если он окажется подходящим человеком, то будет нужен нам всем. Мы же видели сегодня, какой переполох он произвел в Экре. По-моему, он единственный человек, который может спасти нас.

— Мне это безразлично, — сказал Ричард. — На свете есть более важные вещи. Он оскорбил меня на глазах всего Экра. Он должен быть наказан.

С этим я не могла согласиться.

— Нет ничего более важного, чем Вайдкр, — тихо сказала я. — И труд Экра.

Ричард на минуту замедлил шаги и посмотрел на меня. Туман по-прежнему клубился вокруг, пряча вершины деревьев. Я дрожала от холода и сырости. Глаза Ричарда словно горели в темноте.

— Он оскорбил меня, — повторил он снова. — Перед Экром. И я этого так не оставлю. Ему придется извиниться передо мной.

— Ричард! — продолжала я свои попытки утихомирить его. — Все обстоит совсем не так трагично, как тебе представляется.

— Это дело чести. Ты не понимаешь этого, потому что ты девочка. Но мы с папой знаем, как важно держать в руках толпу. Я сразу же все ему расскажу.

Пока я размышляла, можно ли считать Экр «толпой», а мистера Мэгсона частью этой «толпы», Ричард быстро пробежал через сад, рывком открыл дверь и исчез в доме. Я сделала все, что могла, чтобы смягчить его гнев, но теперь я могла дать волю своим чувствам. Я доверяла людям Экра. Я доверяла своему первому впечатлению о мистере Мэгсоне. Я не считала, что Ричарда оскорбили. Он вел себя как дурак. И я совсем не думала, что его драгоценная честь нуждается в отмщении.

Но затем ход моих мыслей переменялся. Я вспомнила советы бабушки и пример моей мамы, которые всегда руководствовались тем, что долг настоящей леди быть на стороне своего мужа. Есть много вещей, которые мужчины понимают, а женщины нет. Если Ричард действительно думает, что затронута его честь, то не мое дело спорить с ним. И если я стремлюсь быть истинной леди — а я стремлюсь к этому, — то мне лучше оставить мои независимые рассуждения. И если я хочу быть хорошей женой Ричарду — а я хотела быть ею больше всего на свете, — то я должна научиться безоговорочно держать его сторону, что бы я там ни думала.

И пока я стояла в саду, погружившись в размышления, я вдруг почувствовала, что моя рука замерзла. Я потеряла одну перчатку в Экре. По дороге назад Ричард держал меня за руку, и я не заметила этого. А это были мои единственные теплые перчатки — красновато-рыжей кожи, — раньше принадлежавшие одной из маминих сестер и почти новые. Леди Хаверинг нашла их среди вещей дочери и отдала мне, и я не должна их терять. Я быстро повернулась и побежала обратно.

Едва я успела пройти несколько ярдов, как услышала, что меня зовут, и мое сердце подпрыгнуло от мысли, что это может быть Ричард. Но это оказался дядя Джон. Я остановилась, поджидая его.

— Мне нужно вернуться в деревню, я потеряла перчатку, — объяснила я.

— Я тоже собираюсь в Экр, — ответил он. — Ричард говорит, что они несколько повздорили с мистером Мэгсоном.

— Да, — коротко подтвердила я.

— Ты была в Экре? Что ты могла там делать, Джулия? — удивился дядя Джон. — Там же чуть ли не произошла драка. Что ты могла там делать, Джулия?

— Ничего подобного там не было, — возразила я. Дядя Джон совершенно не понял Ричарда, мой кузен не мог сказать ему такую очевидную ложь. — Ричард задал мистеру Мэгсону вопрос, а тот не ответил. Тогда Ричард вспрыгнул на телегу, а наш новый управляющий, не заметив этого, нечаянно столкнул его на землю. Но затем сразу же спрыгнул сам, помог Ричарду встать и извинился. Вот и все.

Джон испытующе смотрел на меня.

— Это правда, Джулия? Все было именно так?

— Конечно, — ответила я. — Мистер Мэгсон, может, был немного непочтителен, и Ричард расстроился из-за этого. Ничего более серьезного не случилось.

Дядя Джон заметно повеселел.

— Слава Богу, — сказал он. — Ричард преподнес все это так, будто в Экре поселился какой-то неистовый якобинец. Ральф Мэгсон показался мне вполне надежным человеком, но если он не умеет вести себя мирно, то ему не место в Вайдекре.

— Он сразу нашел общий язык с людьми, — сказала я, вспомнив о том, как Мэгсон мягко говорил с Маргарет Картер. — Они с Ричардом просто не поняли друг друга. Вот и все.

— Отлично, раз так, я просто прогуляюсь с тобой, Джулия, — дружелюбно предложил дядя Джон. — Я дал мистеру Мэгсону немного денег на самые неотложные нужды Экра. Ты не знаешь, он справедливо распределил их между всеми?

Не сумев сдержаться, я громко расхохоталась.

— Так он же устроил для них пир!

Дядя Джон сам уже мог убедиться в этом, поскольку мы подошли к деревне и перед нашими глазами предстала суматоха праздничных приготовлений.

Внезапно я замерла. Дверь коттеджа Денчей открылась, и оттуда вышел высокий человек с огромной кастрюлей дымящего супа в руках. Я не могла сдержать изумленного возгласа, когда он поравнялся с нами.

Это был исчезнувший Джон Денч, дядя Клари, человек, убивший лошадь Ричарда, Шехеразаду, грум Хаверингов, доверивший мне скакать на ней. Я узнала его в ту же секунду, когда увидела его.

Но я не знала, что делать.

— Эй, смотри под ноги, — предостерег его дядя Джон, и тут Денч остановился и удивленно глянул на нас.

Он, конечно, сразу же узнал меня и по великолепному пальто дяди Джона понял, что перед ним стоит знатный человек. Он испуганно огляделся по сторонам, словно собирался бросить кастрюлю и бежать. Но потом опять посмотрел на нас и увидел, что мы с дядей Джоном одни. Он смотрел как раненый зверь, и краска сбежала с его лица.

— Кто это? — требовательно спросил дядя Джон.

Конечно, ему была отлично известна вся история о Шехеразаде. И он мог запомнить имя преступника и теперь задержать его, а затем отправить в Чичестер. Денч впился взглядом в мое лицо, все вокруг притихли и, затаив дыхание, ожидали моего ответа. Внезапно Денч попытался что-то сказать, но не смог выдать из себя ни звука.

— Это Дэн Тейлер, — сказала я. Мой голос звучал громко и уверенно. — Раньше он жил здесь, но теперь работает в поместье... поместье... э, в Петерсфильде.

Тут Клари возникла рядом со своим дядей и слегка подтолкнула его.

— Там уже заждались супа, — объяснила она и послала мне прямой не улыбающийся взгляд.

— А это Клари Денч, — продолжала я без остановки. — Вон там Сонни Грин, мистер и миссис Грин, Нед Смит с Генри, Джилли и Малыш. Вот Мэтью Мерри и его бабушка, миссис Мерри, а рядом с ней миссис Тайк и ее сын Тед. Вон сапожник Питер с женой и своими двойняшками. Вы, наверное, знаете Джорджа-тележника, а вот его девочки Джейн и Эмили.

Я перечислила по именам их всех. Дядя Джон кивал и улыбался, женщины приседали перед ним, а мужчины стягивали свои картузы. Многие имена были знакомы ему, но он улыбался и тем, кто приехал в последние годы, и тем молодым людям, которых он помнил детьми.

Я оглянулась вокруг. Денч исчез.

— Не присоединитесь ли и вы к нашему обеду, мистер Мак-Эндрю? — вежливо спросил подошедший к нам Ральф. — Мы приглашаем вас и мисс Лейси.

— Спасибо, мы уже отобедали, — так же вежливо ответил дядя Джон. — Мы

вернулись из-за перчатки мисс Джулии. Она потеряла ее где-то здесь.

Одна из малышек Денча вынырнула из-под стола, держа мою перчатку как трофей, и подала ее мне.

— Спасибо, Салли, — улыбаясь, поблагодарила я.

— Вижу, что вы тут уже освоились, — обратился дядя Джон к Ральфу. — Я, конечно, предполагал, что вам здесь обрадуются, но не думал, что станут встречать как вернувшегося героя.

— Люди в Экре никогда не забывают своих друзей, — улыбнулся Ральф, и мне показалось, что его слова адресованы мне. — У них хорошая память.

— Очень рад, — искренне сказал дядя Джон. — Вам будет легче работать, если люди будут вам доверять. — Тут он немного помолчал. — Я предполагал, что вы распределите между всеми те скромные средства, что я вам дал, а вы устроили пир на всю деревню.

Ральф Мэгсон откинул назад свою темноволосую голову и рассмеялся.

— Я знал, что вы будете недовольны, доктор Мак-Эндрю, — весело воскликнул он. — Но, прошу вас, предоставьте некоторые вещи мне. Я ведь не собираюсь учить вас лечить людей, а вы, пожалуйста, не учите меня управлять Экром. Для них важны не деньги. И даже, может, не пища. Все это время они испытывали тоску по радости, осмелюсь выразить уверенность, что вам знакомо это чувство. И работать с ними мы сможем только когда пойдем их проблемы. Самое главное сейчас — это дать им немного надежды на будущее.

Дядя Джон помолчал, затем, оглянувшись вокруг и увидев радостные лица, рассмеялся.

— Это не совсем то, что я планировал, — признался он. — Но, может быть, вы и правы.

— Вы должны доверять мне, — просто ответил Ральф. — Мне очень дорог Экр, и, пока ваши интересы не расходятся с его интересами, вы можете доверять мне.

И они улыбнулись друг другу.

— А сейчас мы оставляем вас, — сказал дядя Джон. — Не заглянете ли вы, мистер Мэгсон, в Дауэр-Хаус после обеда?

Ральф кивнул, и мы повернулись, чтобы уйти. Но тут дядя Джон остановился переброситься парой слов с миссис Грин, и Ральф тихо обратился ко мне:

— Вы — умница, мисс Джулия. Умница.

Я подняла на него глаза и увидела теплую улыбку, заставившую меня смутиться и заняться разглядыванием собственных ботинок. Мне не следовало лгать, и теперь я не собиралась радоваться этому. Поэтому я ничего не ответила, и мы постояли некоторое время в молчании, при этом я совсем не испытывала неловкости, а наоборот, чувствовала какой-то восторг. Я могла бы стоять рядом с этим человеком целый день.

— Мистер Мэгсон, — вопросительно обратилась я к нему.

— Да, мисс Джулия.

— Почему вас так любят в Экре, мистер Мэгсон? — Рискнув поднять на него взгляд, я увидела, что он озорно усмехается.

— Мне кажется, что вам это должно быть известно, мисс Джулия, — последовал ответ. — Зная каждого в Экре и имея дар предвидения, вы не должны задавать мне такие вопросы, мисс Джулия.

Я недоуменно посмотрела на него.

— Мне сказали, что вы обладаете даром предвидения. Разве это не так?

Я опять покачала головой.

— Чей это был голос, когда вы впервые увидели меня? — резко спросил он.

— Не знаю, — сказала я. Его глаза сузились, словно бы он знал, что я лгу, и я покраснела. — Вернее, я знаю, но это звучит так глупо... Я бы не хотела говорить об этом.

Он удовлетворенно рассмеялся, что заставило дядю Джона обернуться и с улыбкой посмотреть на нас обоих.

— Никто в мире не заставит вас отвечать на мой вопрос, если вы сами не хотите, — уверенно сказал Ральф. — Но на ваш вопрос я дам вам правдивый ответ.

Его голос звучал так легко, будто мы говорили о самых обычных вещах.

— Я был здесь в ту ночь пожара, и это я привел бунтовщиков в Холл, и это я поджег его и убил Беатрис. Меня зовут Ральф Мэгсон, я был ее первым любовником и ее убийцей. В те дни меня звали Каллер.

Я громко охнула, но улыбка Ральфа Мэгсона не стала от этого менее уверенной. Он с поклоном отвернулся от меня и пошел к своему месту во главе стола, где его уже ждали.

Я стояла там, где Мэгсон оставил меня, словно в столбняке, и дяде Джону пришлось дважды окликнуть меня и тронуть мой локоть, прежде чем я услышала его.

Мэгсон наблюдал за мной. Уже уходя домой, я чувствовала его взгляд и почти виноватую улыбку, предназначенную для меня, только для меня одной. Когда мы вышли на улицу, освещенную слабым, едва пробивающимся сквозь туман солнцем, я вздрогнула, будто оказалась в грозовой ночи под дождем.

Я знала эту улыбку. Я видела ее прежде. Она была в том сне, в котором я даже не видела его лица. Но я не сомневалась, что в следующий раз я увижу Мэгсона на огромной вороной лошади и он поднимет меня и вонзит нож мне под ребра, но сделает это так нежно, словно совершает акт любви. И хотя маленькая девочка проснулась в своей постели с криком ужаса, я знала, что женщина из моего сна не боялась его. Она улыбкой ответила на его улыбку.

Глава 6

— Итак, каков он? — спросила мама с вежливым интересом.

Страйд поставил на стол перед дядей Джоном графинчик с портвейном, но мы с мамой все еще медлили и не вставали из-за стола. — Я имею в виду вашего нового управляющего. Он сможет принести нам пользу?

— Надеюсь на это, — ответил дядя Джон, наливая в рюмку темно-коричневый портвейн. — В номере отеля он мне казался гораздо зауряднее, чем в Экре. Я думаю, он вам понравится, Селия. Он очень своеобразный человек, и я могу всецело довериться ему как в денежных вопросах, так и в управлении хозяйством.

— Очень хорошо, — сказала мама, улыбаясь, — поскольку я рассчитываю на то, что вы все трое будете проводить много времени дома. И если у нас будет хороший управляющий, то вы, Джон, сможете заняться своим здоровьем и я увезу Джулию в Бат со спокойной совестью.

— Он был груб. со мной, — угрюмо сказал Ричард. Он произнес эти слова, полуотвернувшись от своего отца в сторону мамы, которая всегда так преданно защищала его интересы. — Он столкнул меня с телеги прямо на дорогу на глазах всего Экра.

Мама подняла взгляд на Джона.

— Забудь это, — невозмутимо посоветовал тот и, подняв свой стакан, посмотрел на Ричарда сквозь вино.

Ричард сразу опять обернулся к маме.

— Перед всем Экром, — повторил он.

Мама открыла было рот, чтобы что-то сказать, но промолчала.

— Забудь, — Джон наклонился вперед, и его голос прозвучал строже. — Вы с мистером Мэгсоном не поняли друг друга, а в Экре никто ничего и не заметил. Я специально поинтересовался, не случилось ли там чего-то неприятного. Никто даже ничего не видел.

Мне пришлось опустить голову, чтобы скрыть свое выражение лица. В Экре никогда не замечали неприятностей.

— Ральф Мэгсон — человек с широким кругозором, и я прислушиваюсь к его суждениям, — продолжал дядя Джон. — Он не станет заострять на этом внимание. Потому я советую тебе забыть этот инцидент скорее. Тебе нужно наладить с ним хорошие отношения.

Ричард кинул гневный взгляд на своего отца и повернулся к моей маме.

— Мне он не нравится, — каким-то чужим голосом проговорил он. — Он оскорбил меня, и он не должен здесь работать.

Мама посмотрела на Ричарда, и ее лицо приняло необыкновенно нежное выражение.

— Я знаю, что ты беспокоишься о нас, — сказала она мягко. И перевела глаза с его юного рассерженного лица на Джона. — Ричард очень ответственен для своих лет. Он думает о нашем спокойствии.

— Это замечательно, что он так ответственен, — добрым голосом ответил Джон. — Но теперь я здесь и обеспечивать ваше благополучие стану сам.

Мама согласно кивнула и улыбнулась Ричарду. Он послал ей ровный немигающий взгляд, и я поняла, что он чувствует себя преданным. Мама, которая всегда так рьяно охраняла его интересы, вдруг открыто последовала совету дяди Джона.

— Хорошо ли новый управляющий разбирается в хозяйстве? — спросила она, попивая ратафию. — Кто он в прошлом?

— Он арендовал землю в Кенте, — объяснил дядя Джон. — Но лендлорд лишил его этой аренды и выгнал с земли. — Разговор продолжался так, будто Ричарда за столом не было. — Эта потеря заставила его задуматься, он стал размышлять о правах богатых людей и о правах арендаторов и бедняков. Конечно, он придерживается радикальных взглядов, но я и не возражаю против этого. Я рад, что у меня будет работать человек, которого заботят не только прибыли, но и благополучие людей. Другой человек, я думаю, и не задержался бы в Экре.

— Возможно, — охотно согласилась мама. — Если он сделает столько, сколько обещает...

Дядя Джон через стол успокаивающе улыбнулся ей:

— Жители Экра прямо сбились с ног, стараясь угодить ему. И если его популярность не уменьшится, то, думаю, он сумеет убедить их засадить свои огороды пшеницей для Лейси. Правда, Джулия?

— Да, — коротко ответила я.

— Странно, что я прежде не слышала о нем, — задумалась мама. — Он, должно быть, оставил Экр много лет назад, раз его имя мне незнакомо. Но если он уехал совсем молодым юношей, то откуда же у него такая популярность среди людей?

Я начала ерзать на стуле, и Ричард, выйдя из своей угрюмой задумчивости, бросил на меня внимательный взгляд. Тот самый вопрос, которого я так боялась, возник в первый же вечер. Я держала жизнь Ральфа в своих руках. Стоит мне только повторить то, что он рассказал мне в Экре, и его тут же увезут в Чичестер и повесят. Неважно, что пожар произошел четырнадцать лет назад. Он был поджигателем и до сих пор разгуливает на свободе. Все зависело только от меня.

Он выдал мне тайну, которая грозила смертью не только ему, но и многим жителям Экра. Он поставил меня в положение, в котором я должна была выбирать между преданностью интересам моей семьи и любовью к Экру. И он говорил со мной так свободно и ничего не боясь, словно знал заранее, какую позицию я займу.

На глазах всего Экра Ральф признался, что он поджигатель и убийца, и я не закричала и не выдала его. Я не бросилась к дяде Джону. И я не отвела дядю Джона потом в сторонку, чтобы сообщить ему ошеломляющую новость. Теплая улыбка Мэгсона, его спокойная доверчивость и любовь к нему Экра покорили меня. И сейчас я должна была выбрать: солгать ли моей маме или выдать мистера Мэгсона, чужака и убийцу.

Я никогда не лгала маме.

И я надеялась никогда не лгать ей впредь.

— Я слышала, что он уехал совсем молодым, — ответила я. — Причина же его популярности в том, что он часто посылал деньги голодающей деревне. Когда служил моряком.

Ричард смотрел на меня, храня безучастное выражение лица. По моей бледности, по тому, как я теребила скатерть, он, конечно, понимал, что я вру. И вру из рук вон плохо, руководимая желанием защитить мистера Мэгсона. Человека, которого он только что назвал своим врагом.

— Как благородно, — легко заметила мама, кутаясь в шаль.

— Да, и очень не похоже на правду, — отозвался в тон ей дядя Джон.

Я резко повернулась и взглянула ему в лицо.

— Что вы имеете в виду? — побледнев, спросила я.

— Ровным счетом ничего, моя дорогая Джулия, — слегка удивленно протянул дядя Джон. — Всего лишь то, что это весьма респектабельная версия нереспектабельной жизни. Думаю, что он был не моряком, а контрабандистом. И услуги, которые он оказал родной деревне, действительно были значительны. — Тут он улыбнулся, заметив мой испуг. — Не надо так пугаться. Это не имеет значения. Пока у нас в стране действуют абсурдные законы, контрабанда была, есть и будет впредь. И если он успешно командовал отрядом отчаянных контрабандистов, то справится и с группой жнецов, не правда ли?

— О! — сказала я. — Я только повторила то, что слышала в деревне. Но если он раньше и был контрабандистом, то, наверное, сейчас его уже не могут наказать за это?

Дядя Джон поднялся, чтобы открыть дверь перед нами с мамой.

— Не думаю, что законы очень благосклонны к тем, кто имел серьезные провинности в прошлом, — сказал он, пройдя вместе с нами в гостиную. — Но вряд ли в Экре найдется кто-нибудь, кто захочет выдать его. Я тоже не стану этого делать. Все, что я, пожалуй, предприму, это в частном порядке поинтересуюсь у лорда Хаверинга и двух-трех судей в Чичестере, нет ли описания мистера Мэгсона среди тех, кто разыскивается властями. Я ничего не имею против отставного контрабандиста, но не потерплю на своей земле разбойника или бунтовщика.

— Спасибо и на этом, — насмешливо сказала мама, усаживаясь в кресло у камина. — Почему Экр не может жить нормальной жизнью? Действительно, Джон, вы не могли найти нормального управляющего, которого не надо было бы опасаться?

— Лучший сторож получается из заядлого браконьера, — улыбнулся дядя Джон. — Наш Экр всегда был весьма необычным местом, моя дорогая. И я боюсь, что так будет всегда. Но если здесь станут распоряжаться по справедливости, то думаю, его лучшие сыны вернутся сюда. Сегодня мы видели тому пример, да, Джулия? Тот человек, который приехал из Петерсфильда ради сегодняшнего праздника?

От Ричарда не ускользнул мой виноватый вид. Я поняла это, едва наши глаза встретились. Но я сидела напротив камина у маминых ног и мне некуда было спрятать лицо.

— Кто там был из Петерсфильда? — тут же заинтересовался он.

— Я не запомнил его имени, — ответил дядя Джон. Но тут же вспомнил — Тейлер. Дэн Тейлер, не так ли, Джулия?

— Да, — односложно бросила я, не отводя глаз от огня.

— Кто это? — резко спросил Ричард.

— Разве ты не знаешь? — удивился дядя Джон. — Я было подумал, что вы двое прямо специалисты по нашей деревне. По крайней мере, Джулия кажется настоящим экспертом. Кто это был, Джулия?

— Это... это... — мямлила я под тяжелым взглядом Ричарда.

— В деревне нет никакого Тейлера, — уверенно сказал он.

— Нет есть, — быстро возразила я. — Среди батраков, которые живут далеко от деревни, в лачугах. — Я была уверена, что Ричард никого не знает среди батраков, которые жили на самой окраине общинной земли. Он ни разу там не бывал.

— Никогда не слышал о таком, — упрямо стоял он на своем. — Кто этот человек?

Глаза всех были устремлены на меня. Солгав однажды, теперь я должна была громоздить одну ложь на другую. Если они узнают, кем на самом деле был тот человек с кастрюлей, Ричард никогда не простит мне этой лжи. Но если я скажу правду, для Денча не будет спасения.

Гнев Ричарда я смогу пережить, я даже вынесу молчаливое разочарование мамы, но если я произнесу имя Денча, дядя Джон немедленно пошлет своего кучера, чтобы арестовать его. И его будут судить, а потом повесят. Я не могла допустить, чтобы такое случилось.

Хотя я довольно слабо защищала мистера Мэгсона, сейчас я должна была справиться лучше. И я, откинув назад голову, прижалась к маминым коленям, чтобы набраться сил. Ричард почувствовал мою растерянность и забросал меня вопросами.

— Где вы встретили этого батрака, Джулия? — при этом он многозначительно смотрел на маму, как бы напоминая ей, что мне нельзя разрешать гулять по деревне, полной бандитов. — Он подходил к тебе, когда я был у викария? Он дружит с кем-нибудь из деревенских детей? Почему ты никогда не рассказывала нам о нем?

— Я встретила его, когда гуляла с Клари, Мэтью и другими ребятами, — спокойно сказала я. Дядя Джон удовлетворенно кивнул, но Ричард чуял запах лжи, как гончие чуют запах крови.

— Когда это было? — требовательно спросил он. — Ты никогда прежде не рассказывала мне о нем. И с каких это пор дети из Экра болтают с батраками?

— Ох, я не знаю! Не помню! — с внезапным раздражением вскричала я. И, испугавшись, что они вот-вот добьются от меня правды, я заставила себя встать и сделать несколько торопливых шагов к двери.

— Что он делал там сегодня, этот загадочный Тейлер? — наседа на меня Ричард. — И как он сумел так быстро добраться до Экра?

— Может быть, мы наконец оставим эту тему! — вскричала я недовольно, поскольку уже не помнила себя от страха. Я боялась, что не выдержу и проговорюсь маме и дяде Джону. А когда я увидела изумленный взгляд мамы и тот виноватый вид, с которым она посмотрела на дядю Джона, я ринулась вперед очертя голову.

— Хватит, Ричард! Ты и мама обращаетесь со мной, будто я ребенок! Вы прямо допрашиваете меня! Мама! Извини, пожалуйста, можно я оставлю вас?

Как раз в эту минуту в дверях возник Страйд с чайным подносом в руках и, увидев меня, торопливо выходящую из комнаты, остановился, недоумевая, то ли ему придержать передо мной дверь, то ли продолжать нести поднос.

— Мисс Джулия! — тоном упрека тихо проговорил он. Я бросила на него яростный взгляд и увидела, как вытянулось его доброе лицо.

Тогда я вихрем вылетела из комнаты и захлопнула за собой дверь.

Тут я остановилась и без сил прислонилась головой к косяку. Никогда прежде я не разговаривала с мамой таким тоном. Утверждение, что она допрашивает меня, было полной нелепостью! А грубость на глазах у дяди Джона! Ох! И я тяжело вздохнула.

Не успела я отойти от двери, как услышала голос Ричарда, звучавший мягко и просительно:

— Пожалуйста, не расстраивайтесь, тетушка-мама! Не обижайтесь, сэр! Джулия прежде никогда не вела себя так. Тетушка-мама может подтвердить это. Нет на свете более воспитанной девочки, чем моя кузина. Я никогда не видел ее такой.

Я тихо вздохнула, услышав заступничество Ричарда. Я накричала на него, а он тут же принялся меня защищать. Тут я вспомнила, что подслушивать некрасиво, и отошла прочь от двери.

Я могла бы пойти в свою комнату или посидеть в пустом обеденном зале, но там мне все равно было бы беспокойно. Мне необходимо было видеть небо Вай-декра, и только ветер наших лесов мог остудить мой гнев и утешить мое смущение. Я открыла входную дверь и выскользнула на улицу.

Безразличная к своему наряду, я уселась на каменные ступеньки крыльца и жадно вдохнула свежий воздух. Всю весну вечера стояли жемужно-палевые, и только сегодня после туманного и промозглого дня наступал такой же туманный и темный вечер. Но птицы безудержно пели и пели в вышине, не смущаясь ни холодом, ни темнотой, зная своими отважными сердцами, что все равно наступила весна и пришло время их песен.

Гнев и смущение потихоньку оставляли меня. Все было правильно. Да, я солгала, и солгала не один раз. Но я сделала это в защиту Экра и человека, обратившегося к Лейси за помощью. Пусть все плохое останется в прошлом. Ни Ричард, ни я не станем вспоминать

его. Ральф Мэгсон обещал возродить новую жизнь в Вайдекре, и, если моя маленькая ложь — пусть даже она не такая уж маленькая, — поможет этому, значит, я поступила правильно.

Я простила себе мою ложь насчет Денча, и то, что я скрыла от дяди Джона прошлое Мэгсона, я тоже не посчитала за вину. Я доверяла суждению дяди Джона, и, если он считал мистера Мэгсона подходящим управляющим для Экра, значит, так оно и было. Он похвалил характер Ральфа и собирался проигнорировать некоторые грехи его молодости. Я не могла выдать мистера Мэгсона и не смела судить о нем. И я почувствовала, что тяжесть в моем сердце тает и растворяется, как утренний туман над полями Вайдекра.

Должно быть, я проявила себя как грубая, плохо воспитанная девчонка, и это перед мамой и человеком, которого она уважала больше всего на свете. Я извинюсь перед мамой и дядей Джоном, а Ричарду я скажу всю правду. Он сможет понять меня. И если он не станет на меня сердиться, то все остальное я приму с легкостью.

Так я сидела, и мир Вайдекра словно омывал меня, неся покой моей душе. И снова я была Лейси из Вайдекра, осознающая, где ее дом.

Дверь позади меня отворилась, и на улицу вышел Ричард. Он почти наткнулся на меня, ничего не видя в темноте.

— А, вот ты где, — произнес он. — Тебе придется пойти и извиниться перед ними.

— Знаю, — спокойно сказала я и улыбнулась ему. — Ну, не скандалистка ли я? Но я прямо не знала, что мне отвечать.

— Я чувствовал, что ты совсем запуталась в своем вранье, но не мог понять, в чем дело, — с этими словами Ричард опустился рядом со мной на ступеньки, и я прильнула к его плечу. Его присутствие сразу словно согрело меня.

— Что это за таинственный Дэн Тейлер? — спросил он. — Ты несла полную околесицу, каждый, кто знает тебя, сразу бы догадался, что ты врешь. Что ты пыталась скрыть?

— О, Ричард, — вздохнула я. — Я знаю, что нехорошо врать тебе. Или обманывать маму и дядю Джона. Но я боялась сказать им правду.

Он тихонько сжал мою руку.

— Какую правду? Что за великая тайна у тебя на сердце, Джулия?

— Это был Денч, — торопливо проговорила я. — Джон Денч, грум Хаверингов. Он, видно, прятался все это время в Экре или где-то поблизости. Может быть, в Мидхерсте. А сегодня пришел на праздник. Мы почти столкнулись с ним на улице! Это было ужасно! Я так испугалась, что дядя Джон велит арестовать его.

Ричард обнял меня за плечи, и я уютно положила голову ему на плечо. Его теплый запах успокаивал меня, как напуганного зверька.

— Но дедушка Хаверинг предложил за него награду, — тихо сказал Ричард. — Ты сама маленькая преступница, Джулия, потому что помогаешь укрывать его.

Я безмятежно кивнула. Рука Ричарда стала гладить мою щеку, и я почти мурлыкала от удовольствия.

— Знаю, — проговорила я. — Но ведь он был так добр с тобой, он учил тебя скакать на лошади, тревожился в тот ужасный день, когда с тобой случилось несчастье. К тому же теперь я знакома с Клари Денч и знаю, как любит она своего дядю. И я просто не смогла назвать его имя дяде Джону и смотреть, как его забирают в тюрьму.

— Значит, ты солгала, — попыток Ричард. Его голос оставался нежным.

— Да, — согласилась я. Но я больше не таяла от его прикосновений. И в моем голосе послышалась тревога. — Это все было так давно. Я не смогу вынести, если эти ужасы начнутся в Вайдекре снова.

— И ты назвала моему папе фальшивое имя, — голос Ричарда был мягким как шелк. — И солгала тетюшке-маме и мне?

— Да. Но я знала, что ты поймешь, Ричард. И я рассказала тебе правду, как только смогла. Сейчас я рассказала тебе все. Я не лгала тебе, Ричард.

— Это правда, — справедливо заметил он. — Ты сказала мне правду, как только

смогла. Но одного ты не сказала.

— Чего, Ричард? — мой голос звучал очень тоненько. — Я все расскажу тебе. Ты же знаешь, у меня нет секретов от тебя.

Рука Ричарда больше не ласкала меня. Она держала меня так, чтобы я не могла вырваться. И хоть голос его был нежным и ласковым, я чувствовала себя так, как чувствует кролик перед удавом.

— Джулия, ты что забыла, почему дедушка Хаверинг хотел арестовать Денча? Ты разве не помнишь, что он сделал с моей лошадью?

— О нет, Ричард! — вскричала я. — Как я могла забыть это? Я целую неделю плакала из-за Шехеразады и из-за тебя. Ты помнишь, как я была расстроена? Конечно же, я ничего не забыла. — И я тут же оборвала себя, почувствовав, что от моего ответа все стало еще хуже. — Я ничего не забыла, но не могу сказать, что все время помнила об этом, — попыталась я исправиться. — Я могла думать только о бедной Клари и о Денче, который должен был все время где-то прятаться. Все в деревне были сегодня так веселы и беззаботны, что я чувствовала бы себя ужасно, если бы испортила этот праздник. И все слушали меня и смотрели на меня, Ричард! Я не могла в тот момент сказать правду.

Пальцы Ричарда на моем плече стали словно стальными и впились в мягкую плоть моего тела, как клещи. Но он ничего не говорил.

— Ричард, ты делаешь мне больно. Не держи меня так крепко.

— Хорошо, — ответил он с улыбкой, но эта улыбка была страшной. В темноте я не видела его лица, но чувствовала, что оно горит от гнева. Я сделала ошибку, когда солгала, но я была вдвойне не права, когда попыталась объяснить все Ричарду. Я чувствовала, как земля ускользает из-под моих ног, и знала, что нет пути к спасению.

— Ты заслужила, чтобы я наказал тебя, — негромко сказал Ричард. — Ты помогла скрыться человеку, который искалечил мою лошадь, искалечил так сильно, что ее пришлось убить. Ты увидела его и обманула моего папу, чтобы дать ему возможность скрыться. Я знаю, почему ты так сделала, мисс Лейси из Вайдекра. Чтобы, чувствовать себя там королевой! Ты сама сейчас сказала, что все смотрели на тебя и слушали тебя. Ты хотела, чтобы они думали: «Ах, какая милая, какая славная и добрая, настоящая принцесса!» И ты совсем не думала обо мне и о том, что сделал Денч с моей лошадью?

— Но, Ричард! — пораженная, сказала я. — Ты все искажаешь. Это было совсем не так!

— Ты хочешь быть любимицей Вайдекра! — Его хватка на моем плече жгла меня, как раскаленное железо. — Ты хочешь превратиться в драгоценную маленькую мисс Лейси из Вайдекра, в надежде, что они полюбят тебя и станут считать сквайром, а обо мне забудут! Вот о чем ты думаешь! Я знаю!

— Нет, Ричард! Нет! — повторяла я снова и снова.

— Ты пытаешься украсть у меня Вайдекр! — обвиняющим тоном сказал он.

— Да нет же, Ричард! Мне это даже в голову не приходило! Когда меня спрашивают об этом, я всегда говорю, что ты будешь сквайром! И что это ты избранное дитя.

— Что? — его голос моментально изменился.

— Ничего, ничего, — торопливо продолжала я. — Это только легенда, глупая деревенская легенда. — Ричард смотрел на меня и ждал, и мне пришлось продолжать. — У них есть такая легенда. Они верят, что один из нас настоящий наследник Беатрис и обладает ее даром предвидения и ее властью над землей. И они не знают, кто из нас им станет. Но я всегда говорю, что это ты.

Ричард внезапно отпустил меня, но так сильно при этом толкнул, что я упала навзничь и ударилась головой о каменную ступеньку. На мгновение я будто ослепла и не слышала ничего, кроме шума в ушах.

— Ричард!

— Это я! — прошипел он в страсти. — Это я им буду! Пока я сижу как приклеенный у доктора Пирса, ты бегаешь по всей деревне, заводишь себе там друзей и внушаешь им, что

ты настоящая наследница. Прежде ты никогда мне об этом не говорила! Ты обманщица, Джулия! И ты посягаешь на мои права! Это моя земля! Я — сын Беатрис и настоящий наследник!

Я не могла вымолвить ни одного слова. Я была потрясена, что Ричард так обращается со мной, и у меня от удара кружилась голова. Запустив пальцы в волосы, я нащупала растущую шишку. Мне было больно от удара и от обиды, но я ничего не могла сказать в свою защиту. Ричард был не прав, совершенно не прав, но он имел веские основания для своего гнева. Помочь в укрывательстве Денча было именно тем, что могло бы привлечь ко мне сердца всех жителей Экра. И я действительно не рассказала Ричарду легенду об избранном ребенке.

— Извини, Ричард... — начала я.

Но ничего хорошего это мне не принесло. Он повернулся на каблуках, рывком открыл дверь и исчез в доме, захлопнув ее за собой. Пытаясь подняться, я нечаянно засунула пальцы в дверную щель, и, когда она захлопнулась, их так больно прищемило, что я даже вскрикнула. Я ухватила распухшие пальцы, сжала их так сильно, как могла, чтобы прекратить боль, и зарыдала как ребенок. Он, конечно, не хотел причинить мне боль, я знала, что он не хотел. Просто он захлопнул дверь слишком быстро. Но боль заставляла меня рыдать от жалости к себе.

Я долго сидела одна, баюкая пальцы, но боль не проходила, и я боялась, что она никогда не пройдет. Слезы уже перестали течь, и боль в ушибленном затылке мало-помалу стихала. Я оставалась здесь, на холодном камне ступеней, выискивая в глубине своего существа силы успокоиться и примириться с происшедшим. Ричард был моим женихом, и бабушка сама сказала, что он не всегда будет любить меня. Я пообещала себя ему, и он получил право — почти законное право — обращаться со мной как ему заблагорассудится. Шишка на голове и распухшие пальцы не были чем-то непоправимым. И я старалась убедить себя, что я не оскорблена, что я не ранена и что меня ни в чем не обвинили. И если я хочу выйти замуж за Ричарда — а я именно этого хотела, — тогда я должна научиться с покорностью принимать самые грубые черты его характера. Он право на грубость.

Так я говорила себе, постепенно успокаиваясь. Месяц показался на небе и залил все вокруг бледным призрачным светом. Внезапно я услышала стук копыт, и затем калитка в сад отворилась и вошел мистер Мэгсон, балансируя без костылей. Увидев меня с красными, опухшими глазами и мокрыми от слез щеками он удивленно остановился. Наверное, я была похожа на нищенку, хоть и сидела на пороге собственного дома.

— Что случилось? — мягко спросил он и бросил взгляд на уютно освещенные окна гостиной. — Выставили за дверь? Или дуется?

Я помолчала минутку и затем с коротким смешком, больше, впрочем, похожим на рыдание, ответила:

— Видимо, дуюсь, поскольку меня никто не выставял.

Мистер Мэгсон понимающе кивнул и взялся за ручку двери для опоры. Другую руку он протянул мне, чтобы помочь подняться, и я, не подумав, подала ему больные пальцы. Но при первом же его прикосновении я с криком боли отдернула их назад.

— Я прищемила руку дверью, — объяснила я.

Он помог мне встать и придержал за локоть, потому что я зашаталась.

— Голова закружилась? — спросил он.

— Я стукнулась о ступеньки, — сообщила я ему еще одну новость и пощупала ушибленное место. Шишка выросла еще больше и стала очень мягкой на ощупь.

— Да уж, когда вы дуется, то делаете это на совесть! — с удивлением заметил он. — Вы что, в гневе бились головой о ступени?

— Конечно, нет, — отрезала я. — Это вышло случайно.

— А ваши пальцы?

— Это тоже вышло случайно, — невольно выдала себя я.

— Каким образом вы умудрились стукнуться затылком? — продолжал расспрашивать

он.

Я чувствовала, что краснею до корней волос.

— Я уже сказала вам, что это была случайность, — упорствовала я. Ричард — мой будущий муж, и мой долг беречь его репутацию и свою гордость. Даже если он будет бить меня, я никому об этом не расскажу.

— Ричард дома?

— Нет, — быстро ответила я. — Это была случайность. — Мне пришлось опереться о стену, чтобы привести мысли в порядок. — Прошу прощения, мистер Мэгсон, я не совсем поняла вас. Конечно, Ричард дома, дома и мама, и дядя Джон. Могу ли я пригласить вас в гостиную?

Мистер Мэгсон кивнул. Он не поклонился мне, подобно джентльмену, но подал руку с грацией, которой мог бы позавидовать настоящий аристократ. Я с легкой улыбкой приняла ее, и мы вошли в дом.

В холле был один Страйд.

— Мисс Джулия! — тоном упрека сказал он. — Что это на вас нашло в гостиной? И что вы с собой сделали?

Я бледно улыбнулась, смущенная его тревогой обо мне.

— Я не очень хорошо себя чувствую, Страйд, — ответила я. — И пойду спать. Пожалуйста, извинитесь за меня перед мамой и дядей Джоном. Сегодня я больше не стану спускаться вниз. И пожалуйста, передайте дяде Джону, что к нему пришел мистер Мэгсон.

Страйд кивнул и провел мистера Мэгсона в библиотеку. А я медленно поплелась к себе в комнату.

Я скинула одежду и легла. Холодное полотно подушки приятно остужало голову, и мне сразу стало будто бы легче. Я лежала на спине, придерживая больные пальцы, ожидая, когда пройдет головная боль и когда перестанет страдать сердце. Мне было очень одиноко и очень грустно.

Затем я заснула.

Мне кажется, этот сон начался в ту же минуту, как я уснула.

Я знала, точно знала, что это был сон. Но некоторые моменты в жизни кажутся менее реальными, чем был он.

Широко раскрытыми глазами я следила за огнем в камине. Здесь, в этой комнате, я никогда не бывала раньше, но все здесь казалось знакомым до мелочей. За окном сгустились сумерки, небо было темным, и где-то гроыхала гроза. Поблизости гремел гром, сверкали вспышки молний, но я не боялась, совсем не боялась. Будто бы я уже умерла и мне нечего больше бояться.

Вдруг послышался треск открываемого окна, и чья-то тень заслонила очередную вспышку молнии. Я неторопливо повернула в ту сторону голову, но не стала звать на помощь. Открыла рот, но не стала кричать. Вместо этого я замерла, продолжая следить за пламенем в камине и ожидая того, кто пришел ко мне.

Он медленно подошел ко мне и отодвинул стул, на который я опиралась, чтобы я могла свободно лечь на пол. Я дрожала от каждого его прикосновения, но не двигалась.

Этот странный знакомый незнакомец моего сна наклонился и поцеловал меня в ключицу. Он расстегнул на мне платье и поцеловал сначала одну грудь, ее темный, как смородина, сосок, потом стал целовать другую. Я застонала от наслаждения, совершенно незнакомого спящей в кровати девочке.

Во сне опытные руки женщины гладили его грудь, затем живот, пока она не ощутила тяжесть этого человека на себе. Но он отвел ее руку в сторону и стал целовать ее живот, опуская черноволосую голову все ниже и ниже и царапая ее нежную кожу колючей щетиной. Затем он стал ласкать ее языком.

Женщина во сне выгибала от наслаждения спину и стонала, а девочка металась головой по подушке и вскрикивала — она хотела позвать маму. Но этот сон никак не удавалось

сбросить, и девочка была полна непонятного страха. Одежда свалилась на пол, этот приглушенный звук разбудил ее, и она села в кровати. В пустой комнате раздалось только одно слово.

— Ральф! — простонала она.
Это был голос Беатрис.

Улегшись снова, я отвернулась к стене и сразу заснула. Снов я больше не видела. Но утром я взглянула на потолок и стены моей спальни, как будто никогда не просыпалась здесь прежде. Сама не знаю почему, я ожидала увидеть над головой огромный балдахин. Я едва могла узнать свою комнату, я не узнавала себя.

Я знала, что видела ночью какой-то сон, но помнила только то, что мне совсем не было страшно. Ужас каким-то странным образом перешел в наслаждение. Я видела свою подушку на полу и сброшенное одеяло. Это означало, что я металась и беспокоилась во сне, но страха я не могла припомнить. И мне пришла в голову мысль, что страха не было потому, что я встретила человека по имени Каллер, человека с самой теплой на свете улыбкой и самыми добрыми глазами.

Я знала: что бы он ни сделал, он делал это с любовью.

Я подняла с пола подушку и засунула ее под голову. Раздался стук в дверь, и кухарка принесла мне утренний шоколад. Я медленно выпила его, глядя через окно на утреннее небо.

Вчерашний туман исчез, и вместо него по небу плыли легкие полосы светлых облаков. Солнце светило сквозь них ярко и весело. Наконец-то дядя Джон почувствует вкус любимого им английского лета, подумала я с радостью, но тут же скорчила легкую гримаску неудовольствия. Я вспомнила вчерашний вечер.

Должно быть, он сердится на меня из-за моей грубости. Я была невыносимо груба с мамой, Ричард обиделся на меня. И вся радость — от колышущихся верхушек деревьев, ровного свежего ветерка, высокого неба — померкла так же быстро, как растаял туман на солнце. Я встала с кровати и пощупала шишку на голове. Она была величиной с голубиное яйцо, и даже легкое прикосновение к ней заставило меня сморщиться от боли. Но я взяла себя в руки и осторожно причесалась, собрав волосы на затылке. Затем я накинула пеньюар, подошла к двери спальни и прислушалась.

Было очень рано. Прислуга уже работала на кухне, но мамин утренний шоколад еще стоял на подносе. Я спустилась по лестнице и подошла к двери на кухню. Не успев войти, я услышала голос миссис Гау, раскатывавшей тесто для булочек на посыпанном мукой столе.

— Я всегда говорила, что эта девочка очень своевольна, — она обращалась к Страйду, который, стоя рядом, полировал суконкой подносы и столовые приборы. — Она была так близка со своей мамой, и теперь, когда хозяин вернулся домой, она ревнует ее.

Тут я поняла, что они говорят обо мне.

— Но зато наш мальчуган — просто золото, — продолжала миссис Гау. — Вот будет славно, когда он войдет в возраст и станет сквайром. Наверняка он отстроит Холл заново, и вернутся прежние светлые денечки.

— Но он не Лейси, — отрезал Страйд. — И Холл — это дом мисс Джулии.

Я на цыпочках отошла назад и хлопнула дверью, чтобы они подумали, что я только что вошла. Я совсем не собиралась подслушивать, это получилось случайно. Быстро пройдя по коридору, я вошла на кухню.

— Доброе утро, — сдержанно поздоровалась со мной миссис Гау.

— Я хотела бы сама отнести маме ее поднос с шоколадом.

— Вот и хорошо, — улыбнулся мне Страйд. — Миссис Лейси не будет сердиться. Она уже вчера вечером не сердилась на вас.

Миссис Гау пробормотала что-то себе под нос и, отвернувшись к плите, попробовала пальцем, нагрелось ли молоко. Затем налила его в кувшинчик и поставила его рядом с шоколадом. Страйд критически оглядел поднос, проверяя, все ли на месте, и позволил мне взять его. Затем он открыл передо мной дверь и проследил, как я медленно поднимаюсь по

лестнице и, удерживая поднос одной рукой, стучу к маме в дверь. Она уже проснулась и сидела в постели, глядя в окно на свежую листву, подступающую к самому стеклу, и яркое голубое небо.

— Джулия! — радостно сказала она. Но затем ее лицо омрачилось — она вспомнила, что я виновата.

— Доброе утро, мама! — я поставила поднос рядом с кроватью и наклонилась, чтобы поцеловать ее. — Я пришла сказать, что виновата перед тобой.

И сразу же она протянула мне руки для объятия.

— О, моя дорогая, — ласково сказала мама. — Я рада, что ты все поняла.

Ей больше не требовалось извинений. Моего искреннего раскаяния ей было довольно.

Я уселась в ногах кровати и стала следить, как она пьет шоколад.

— Что-нибудь тревожит тебя? — спросила мама. — Может быть, ты хочешь мне что-нибудь рассказать?

Мгновенно меня охватило желание во всем ей признаться: и в том, что мы встретили Денча, и в моей лжи, и в том, что мы поссорились с Ричардом. Теперь я была уверена, что Денч опять в безопасности, и чувствовала потребность объяснить все маме.

Но трех вещей я не могла бы рассказать ей. Ни слова о мистере Мэгсоне не должно было сорваться с моих губ. Эту тайну я должна была похоронить в себе навсегда, словно ее и не было.

Мне также не следовало рассказывать маме, что Ричард обвинил меня в том, будто я пытаюсь завоевать себе дешевую репутацию в Экре. Обвинение было столь грубым и несправедливым, что мне было противно говорить об этом. Я хотела забыть о нашей размолвке.

И я не могла рассказать маме, что Ричард ударил меня. Я считала, что будет лучше, если она никогда не узнает об этом.

Я была права. Выслушав мой рассказ о Денче, мама только кивнула и заговорила о том, что и меня волновало больше всего.

— Ричард очень сердится на тебя?

— Да, — призналась я.

Мама вздохнула.

— Я знаю, что это всегда огорчает тебя, Джулия, — попыталась она меня утешить. — Но мне кажется, что все ваши размолвки с Ричардом — это результат того, что вы росли бок о бок друг с другом.

Я промолчала, не зная, что на это сказать.

— Все будет хорошо, — уверенно продолжала мама. — Сейчас, когда мы восстановим свои права на землю, Ричард будет больше занят вне дома. А затем ты отправишься в Бат на свой первый сезон. Мы уедем с тобой осенью и вернемся домой к Рождеству. — Она помедлила, с улыбкой глядя на меня. — Не смотри, пожалуйста, так удрученно! Я уверена, скоро Ричард перестанет сердиться на тебя, его гнев никогда не бывает долгим. И ты должна научиться не перечить ему.

Я улыбнулась, в душе согласившись с ней, но, когда я позже услышала шаги Ричарда на лестнице, мое сердце упало при мысли, что я должна разговаривать с ним как ни в чем не бывало. Я оставила маму одеваться и сошла вниз.

Ричард стоял у стола, укладывая книжки, и посмотрел на меня без улыбки. По его виду я поняла, что меня еще не простили.

Я тихо подошла к столу и молча стала возле него, ожидая, что Ричард заговорит первым. Я надеялась, что он хотя бы улыбнется мне, чтобы я знала: если он и не простил меня, то гнев его уже прошел.

— Ты можешь стоять тут хоть целый день, Джулия, — сказал он тихо. — Но ни слова не дожدهшься от меня.

Его тон подействовал на меня словно пощечина.

— Ты не прав, если полагаешь, что я хочу быть единовластной хозяйкой Вайдекра. —

Я старалась говорить спокойно. — Я никогда не думала, что он будет принадлежать одному из нас. Я считала, что он будет нашим общим, когда мы поженимся.

При упоминании о наших свадебных планах мой голос дрогнул, и я почувствовала, как слезы подступили к горлу.

— Впрочем, неважно, женишься ли ты на мне или нет, все равно ты будешь сквайром, — прибавила я поспешно.

Ричард продолжал бесстрастно смотреть на меня.

— Я знаю, ты сын Беатрис, — тихо продолжала я, — и ты унаследовал ее таланты. Я уверена, что это ты избранное дитя.

— Это действительно так, — резко заговорил он. — Я унаследовал все ее таланты. Я — ее истинный наследник, и весь Экр может убедиться в этом.

— Конечно, конечно. — Я помолчала, не зная, станет ли Ричард продолжать. Но он не говорил ни слова. — И я очень сожалею насчет Денча. Мне не следовало вводить в заблуждение твоего отца. Но я сделала это совсем не для того, чтобы стать главной в Экре, и ты знаешь это, Ричард.

— Очень хорошо, — значительно вставил он. — Я верю тебе, Джулия. — Но тон его свидетельствовал об обратном. Он дал мне понять, что великодушно закрывает глаза на мою ошибку. Я виновато опустила голову. — Я работаю, — продолжал Ричард. — Мы с папой решили, что время до завтрака я должен использовать для углубленных занятий.

Я кивнула, не отводя глаз от его книг. Он делал грамматический разбор отрывка из учебника доктора Джонсона. Разбирая крупный, наклонный почерк Ричарда, я заметила, что он сделал ошибку. Но вряд ли он очень обрадуется, если я укажу ему на нее.

— Тогда я пойду гулять, — сказала я.

Он ничего не ответил, и я молча вышла из комнаты и направилась в спальню переодеться в простое платье и накинуть на плечи шаль. Дань прохладному утру и условностям.

Выйдя на порог, я остановилась в недоумении. Я не знала, куда идти. И не знала, чего мне хочется. Короткий разговор с Ричардом оставил у меня впечатление, что стать для него идеальной женой потребует значительно больше сил, чем я думала. Мне придется проглотить еще много обидных упреков и горьких слов. И в первый раз я подумала об одиночестве моей мамы без жалости и сострадания. Как бы ни горевала она по моему отцу, но по вечерам она спокойно могла сидеть и заниматься тем, к чему лежала ее душа. К обеду она могла заказывать блюда по своему вкусу и планировать жизнь по своему усмотрению. Ей не нужно было следить за своими словами, извиняться за каждую допущенную ошибку и рассматривать каждое слово или действие с оглядкой на мужские предрассудки. Я с сомнением покачала головой. Сейчас мне приходилось платить за то, что я стремилась к самостоятельности. Мне надо узнать у Ричарда, как должна поступать идеальная леди и идеальная невеста. А Ричард не самый терпеливый учитель на свете.

Вдохнув свежий утренний воздух, я почувствовала, как самый дух мой воспаряет к небу, подобно жаворонку. Запах ветерка, теплота наступающего лета, вид листьев, таких молоденьких и чисто вымытых ночным дождем, заставили мое сердце забиться чаще. Я почти слышала, как расцветает природа, расцветает со сладким тихим звоном, похожим на звуки арфы, колеблемой ветром.

Я понятия не имела, куда пойти на прогулку. Я должна была вернуться к завтраку, чтобы заслужить похвалу мамы и вернуть себе расположение дяди Джона. Поэтому я выбрала маршрут, не слишком утомительный для моих ног, но зато самый приятный для сердца.

Легкий звон в ушах говорил мне, что колдовство Вайдекра разлито вокруг меня и что Беатрис совсем рядом. Пройдя через сад, я вышла на дорогу и пошла вперед, как будто меня вел волшебный клубок. Ворота в сад отворились без обычного скрипа, когда я открыла их, куст ежевики зацепил мое платье, но не разорвал его. Я шла будто привидение, и даже воздух вокруг казался застывшим.

В ушах слышался неумолкающий звон, и я знала, что взгляд у меня сейчас отсутствующий и рассеянный. Мы с Беатрис были одни этим свежим утром. Мы шли, подгоняемые ветерком, по родной земле, и шаги мои были легки, как у богини.

Я свернула направо и пошла к развалинам Холла. Солнце играло на моем лице сквозь кружевную листву деревьев, боярышник распространял сладкий аромат, пчелы с низким гуденьем кружились над его цветами.

Я ни о чем не думала.

Ни о чем.

Совсем ни о чем.

Лишь нежный шепот звал меня, подгоняя идти и идти вперед. Этот звук был единственной чистой нотой, которая вскоре растворится в шуме и гаме многолюдного, полного забот дня. Это был голос Вайдекра. Это он выманил меня из дома и направил в Холл.

Впереди на дороге стоял большой каштан, с которого белка нечаянно уронила пятипалый лист. Я подняла его и пошла дальше, обмахиваясь им как веером. Все явственней стал доноситься до меня аромат далеких лугов, и я почувствовала намек на дождь, который разразится не далее как к концу утра.

Гравий скрипел под моими башмаками, и я вспомнила топот босых ног по этой аллее, слышанный мной во сне, и свет факелов, освещавших толпу, и Ральфа Мэгсона, скакавшего впереди на вороном коне.

Я грезила наяву. Воздух был таким же сладким, как и в тех пустых комнатах, по которым бродила женщина моего сна. Я подняла голову к небу и удивилась, не ощутив на своих губах падающих дождевых капель, намочивших лицо Беатрис.

Дождя все еще не было. Сегодняшний день был совершенно другим. Это был не сон. Я вышла на прогулку и бесцельно отправилась в сторону Холла, перед тем как засесть за утреннюю работу с мамой или заняться разглядыванием чертежей нового дома с дядей Джоном. Но почему я так упрямо шла к развалинам, рискуя попасть под дождь, я не знала. И откуда возникло это чувство какой-то подчиненности чужой воле? И что за звук слышу я в ушах, и что это за боль под самыми ребрами?

И так, ничего не зная, я продолжала идти вперед. Я ступала, как лунатик, довольно быстро, миновав розовый сад, заросший сорняками высотой с розовые кусты. Они одичали и распускались сейчас крохотными малиновыми, алыми, белыми и розовыми бутончиками, а вокруг стоял лес молоденьких рябин и высокого розового лихниса. Я помедлила, чтобы сорвать одну из его веток, и стала разглядывать очаровательное созвездие цветов, похожих на раковины и совершенных по форме. Затем я подняла глаза и поднялась по ступеням белой летней беседки.

Он был здесь.

Услышав мои шаги, он вышел и встал в дверях, поджидая меня. Его смуглое лицо светилось радостью, и моя собственная боль улетучилась в одно мгновение при виде него. А поющий звон в ушах умолк, словно кто-то мягко положил руку на струны арфы. Из-за туч неожиданно выглянуло солнце и залило все вокруг золотым волшебным светом, заставив сад сверкать и искриться, точно по мановению волшебной палочки. Я легко, словно танцуя, взошла по ступенькам, и он протянул мне навстречу руки, а я подняла лицо для поцелуя.

Его рот жадно прижался к моим губам. Я отклонилась назад под его тяжестью, но руки мои обхватили его голову, и я прижала его к себе. Ветка лихниса выпала из моих пальцев, Ральф крепко прильнул ко мне, и я почувствовала все его теплое стройное тело, такое гладкое и упругое, как у юноши. Он уверенно поднял меня на руки, будто мы были давнишними влюбленными, и нежно опустил на пол, точно принцессу на ее ложе. Сам он тоже лег рядом со мной, и я притянула его голову, чтобы поцеловать его рот, и закрытые веки, и гладкий лоб, и мысок волос над ним. Я слегка взъерошила их пальцами в немом экстазе счастья, моей любви к нему и сумасшествия этого дня.

Затем я почувствовала, как он растегивает на моей спине платье торопливыми

неловкими пальцами, и чуть приподняла плечи, чтобы облегчить ему эту задачу. Его лицо стало чуть печальным от сосредоточенности. Расстегнув каждую пуговичку, он стал с меня снимать платье и я, поднимая поочередно колени, а потом плечи и руки, позволила платью соскользнуть с меня и осталась в одном тонком белье на полу летней беседки.

Он накатился на меня как волна, целуя мое лицо и шею, сжимая и снова целуя мою грудь, теплый живот. Сняв постепенно с меня белье, он стал целовать меня между ногами так, что я распростерлась под ним, парализованная и ошеломленная наслаждением.

— Ральф! — застонала я, и он поднял на меня глаза, ставшие еще более темными от желания.

— Любовь моя! — тихо сказал он, будто у меня не было другого имени. И он снова опустил голову и стал ласкать меня своим острым твердым языком, а я сжимала пальцами его руку и стонала на каждом выдохе.

Он поднял голову с сокрушенной, несколько виноватой, от нашей неосмотрительности, улыбкой. И он стянул с себя рубашку, скинул ботинки и затем бриджи. При виде его прекрасного обнаженного тела я даже задохнулась от незнакомого мне чувства. Он упал на меня, будто не мог больше выносить бездействия, и я почувствовала на себе его поросшую волосами грудь, широкую шею у моего лба, спрятала лицо на его плече и с наслаждением вдохнула волнующий запах его кожи.

— Ральф! — простонала я опять, и весь мир вокруг, весь мир Вайдекра эхом отозвался на его имя. Беседка, сад, дом были полны его именем, так же как была полна им вся земля. — Ральф! — и он вошел в меня. Это было похоже на удар ножа в том сне, и когда я взглянула вверх, то опять увидела виноватую улыбку, какую видела у него тогда. И он смотрел на меня темными влюбленными глазами.

— Мисс Лейси, — мягко произнес он и поцеловал мои веки, и завитки волос на висках, и нежную кожу под глазами, и слизнул слезинку с моей щеки.

Он был так нежен, будто боялся сделать мне больно. И действительно, несколько раз я испытывала боль, но каждый раз она приносила с собой наслаждение, каждый головокружительный момент был восторгом, и я выгибала спину и стремилась навстречу его телу, словно заждавшаяся супруга. Наслаждение становилось все более и более интенсивным, а его движения — все более и более быстрыми, пока они не превратились в ослепление восторга, и я перестала понимать, где я, кто я и что я. Был только Ральф.

Потом мы долго лежали в молчании.

Через некоторое время он приподнялся и, потянувшись за своим сюртуком и моей шалью, укрыл нас ими словно одеялом, и я прижалась к нему крепче.

Облокотившись на руку, он держал меня словно какой-то драгоценный предмет, порученный его заботам. А я прижалась лицом к его шее и с наслаждением вдыхала знакомый запах его кожи и какой-то странный, более глубокий запах, напоминающий мускус.

Для меня существовало только «сейчас». И только это место. Все, что я видела, это профиль Ральфа, когда он смотрел на полуоткрытую дверь. Все, что я ощущала, — это тепло его тела на мне и легкую боль там, где он только что был. И какой-то странный покой, который воцарился в моей душе. Я хотела бы уснуть в его руках и проснуться, когда он разбудит меня. Я закрыла глаза и почти задремала, вдыхая запах вереска и старого дыма.

— Идет дождь, — тихо сказал Ральф.

Я открыла глаза. Сквозь полуоткрытую дверь мы видели, как стена дождя обрушилась на общинную землю, ветер наклонял тонкие березки к земле, и капли серебряными копьями пронзали каждый лист.

Буря грохотала по крыше, как по барабану, и беседка скрипела, как баржа в море. Мы прижались друг к другу в своем укрытии, защищенные от остального опасного мира.

— Ты простудишься, — озабоченно сказал Ральф.

Он подал мне платье и стал натягивать на себя рубашку. Я кое-как оделась и обернулась к нему. Он сидел, облокотившись на стену, широко раскинув ноги.

— Посидишь со мной еще? — нежно предложил он.

Я уселась рядом, и мы стали молча наблюдать за дождем. Так прошло много долгих минут. Тучи, собравшиеся над нами, были темными и тяжелыми, какого-то странного фиолетового оттенка. Но пока мы наблюдали за ними, поднявшийся ветер погнал их к развалинам дома, потом дальше к Экру и унес, наконец, к морю, где дождь обрушился в соленую воду. Ветер разорвал пелену туч, и между ними мелькнули просветы голубого неба. Стук капель по крыше стал затихать и наконец совсем прекратился, и ничто больше не мешало нам смотреть на сад. Зелень вокруг сияла бриллиантами капель, каждый лист сверкал, как королевская корона. Чудесный запах омывал Вайдекр: запах свежей влажной земли и молодых листьев. Я слышала, как вдалеке бубнит громче обычного Фенни, напоенная мелкими потоками и ручьями.

Мои волосы распустились, и, отделив одну прядь, я стала бездумно наматывать ее на палец. И вдруг я замерла. Звон в ушах усилился, прядь волос вокруг моего указательного пальца была рыжей. Рыжей, как у лисицы. Это были волосы Беатрис.

И Холл рядом с нами не был разрушен. И не носился в воздухе запах старого пожара. Сад был великолепен, весь засаженный ухоженными кустами роз. Камни террасы были ровными и идеально гладкими. Стены дома сверкали, словно желтая жемчужина, колыхались тяжелые занавеси в окнах, высокая деревянная дверь была приветливо приоткрыта, и дым курился над крышей.

Я в ужасе отвела взгляд и приложила руки к полу. Мне казалось, что я падаю, что земля уходит из-под моих ног и что я качусь в сумасшествие, в котором сны можно принимать за реальную жизнь, где я могу в любой момент стать Беатрис.

Пол был чистым и твердым, весь из свежеструганных дощечек. Окна беседки, белая свежая краска блестели на солнце.

Неверяще глядя за дверь, я обернулась, чтобы сказать:

«Ральф! Помоги мне! Неважно, Беатрис я или Джулия, все равно ты не обидишь меня. Помоги мне, пожалуйста! По-моему, я сошла с ума и уже сама не понимаю, кто я».

Кучка пыли и сухих листьев в углу слегка зашуршала от моего прикосновения. Полностью одетая, я сидела прислонившись к стене. Подняв руку к волосам, я выбрала и поднесла к глазам одну прядь. Она была русой.

Я глубоко вдохнула и выглянула в сад. В нем царила привычная запущенность моего детства, виднелись закопченные руины Холла, разрушенная кирпичная кладка стен. Я была Джулией.

Мои колени подогнулись, и я спрятала лицо в ладонях.

Я чувствовала, что мне надо обдумать все и понять, что случилось со мной. Я вспомнила о шишке у меня на голове — сейчас мне казалось, что это случилось не вчера, а много лет назад, — и подумала, что это из-за нее все произошло. Может быть, я ударилась, и от этого мой разум повредился? Но я сразу вспомнила сон и тот звон, который услышала, когда впервые увидела Ральфа, и поняла, что вчерашнее падение тут ни при чем. Сейчас мне следовало бы испугаться и встревожиться. Но я не чувствовала ни малейшего беспокойства.

Я не могла не быть довольной.

Я видела Холл таким, каким он был. Я видела красоту сада и живое тепло стен. Я видела неразрушенную террасу и дым от каминов и кухонной плиты, на которой готовился обед.

И я лежала с Ральфом, как, бывало, лежала Беатрис. И я любила его. И он звал меня — с любящей пародией на почтительность — мисс Лейси. Это было ее имя.

И мое тоже.

Это были ее любовник, ее земля и ее дом.

Они также были моими.

Я взглянула на солнце, пора было идти домой завтракать. Я легко поднялась на ноги и, словно скользя, спустилась по ступенькам в сад. Бутоны сильнее запахло от дождя, а трава зазеленела еще больше. Я шла ничего не боясь. Я была наследницей Беатрис, и иногда я

была ею самой. Я могла вернуться к себе домой и вести жизнь маминой дочки, той девочки, которой я была до сих пор, но внутри меня зрела тайная сила, которая шла от Беатрис, от моей тети, от моего другого «я». Я готова была понять мою землю так, как понимала и любила ее сама Беатрис. И я буду работать на ее земле вместе с ее любимым, которого я любила так же, как она сама много лет назад.

Я шла домой. Ветер, подгонявший меня на моем пути к беседке, теперь стих и только слабо овеивал мое лицо. Я ни о чем не думала. Это было так легко. Я чувствовала, что должна воспринимать все, что сейчас случилось со мной, столь же просто, как воспринимает форель потоки омывающей ее воды. Я надеялась, что я права.

Глава 7

Я бегом поднялась по ступенькам и обнаружила, что входная дверь закрыта на защелку. Заглянув через окно в столовую, я увидела, что стол уже накрыт, значит, я не опоздала к завтраку. Но дверь определенно не поддавалась моим усилиям, и я решила, что Ричард продолжает упорно заниматься.

Подол моего платья оказался запачканным пылью дороги, и я, зайдя с черного хода, поднялась к себе переодеться. Одно из новых платьев, заказанных мамой в Чичестере, уже прибыло, и я достала его из коробки.

Оно было того восхитительного светло-зеленого, почти серого цвета, который бывает у совсем молодых побегов пшеницы. Быстро надев чистое белье и платье, я повернулась к зеркалу и замерла.

Это было старое, с потрескавшейся амальгамой зеркало, но мое отражение вдруг заставило меня подойти поближе и взглянуться в него. Низкое декольте подчеркивало мою обозначившуюся грудь; высокие скулы, волосы, рассыпавшиеся по плечам, наклон головы, странный взгляд раскосых глаз — все это казалось мне незнакомым. Мама была права, ругая меня за прогулки без шляпы, — на моем носу рассыпалась горсть веснушек, словно пятнышек на перепелином яичке. Кожа гладкостью и цветом напоминала сливочный крем. Мое лицо действительно изменилось за одно сегодняшнее утро: оно потеряло свою детскую округлость и стало красивее и четче.

— Я влюбилась в возлюбленного Беатрис, — прошептала я своему отражению страшным шепотом. — И она завладела мной. Я ходила сегодня к ее дому и встретила ее любимого там, где, без сомнения, встречалась с ним она. И мы лежали с ним рядом, как делала она. Пока она владеет мной, я не могу не делать того, что делала она.

Но мне следовало скрыть эту тайную радость и спрятать свою секретную силу. Этим утром я должна вернуть расположение двух мужчин в нашем доме, а с таким незнакомым блеском в глазах и улыбкой на устах мне этого не добиться.

Прозвучал гонг к завтраку. Я встряхнула головой, чтобы прогнать наваждение, и, вколов последнюю шпильку в волосы, сбежала по лестнице.

Нам как раз доставили чертежи нового дома, заказанные дядей Джоном, и все мы после завтрака отправились посмотреть их, пока Ричарду не надо было идти на занятия. Архитектор изобразил великолепный трехэтажный дом в современном вкусе. Очаровательное спокойное здание с круглой башенкой с одной стороны, квадратным фронтоном, тяжелой парадной дверью и высокими французскими окнами.

— Дворец! — выдохнула мама.

— Но прежний Холл тоже был большим, — напомнил ей дядя Джон. — Просто вы так долго жили в стране Лилипутии, что забыли, какими бывают дома.

— Очень изящно, — слегка смущенно сказала я. — Каким замечательным будет этот дом, дядя Джон.

— И какими замечательными должны быть мы, чтобы соответствовать ему, — уверенно ответил он. — Как тебе нравится быть мисс Лейси из Вайдекра, Джулия?

— Очень нравится, — ответила я. Но тут же поправилась: — Но больше всего я хотела

бы увидеть нашего Ричарда сквайром в этом чудесном доме.

— Обещающим новую жизнь и новые планы, — улыбнулся дядя Джон. — Думаю, что вам обоим уже пора учиться скакать верхом по-настоящему. В Чичестере сегодня конная ярмарка, и я намерен туда съездить, чтобы присмотреть лошадь для себя и поискать что-нибудь подходящее для вас.

От радости я не могла вымолвить ни слова. Сжав руки под подбородком, я почти приподнялась на стуле, но ничего не говорила.

Ричард был тоже странно молчалив.

— Я могу расценить ваше молчание как знак согласия? — поддразнил нас дядя Джон.

— О да! О да! О да! — заговорила я наконец. — О да!

Дядя Джон рассмеялся, покосившись на маму.

— Они действительно очаровательны, Селия, — обратился он к ней поверх наших голов, словно мы были маленькими детьми. — И восхитительно не избалованны. Но все-таки им не мешало бы оставить на некоторое время Вайдекр, чтобы научиться вести себя в обществе и поступить в университет, чтобы завершить свое воспитание.

— Ужасно! — подтвердила мама. — Джулия, ты меня просто вгоняешь в краску. Перестань, пожалуйста, все время повторять: «О да» и скажи наконец: «Спасибо». А на тебя, Ричард, что-то совсем не похожа подобная молчаливость.

Ричард кашлянул.

— Благодарю вас, сэр, — вежливо сказал он. Но в его голосе явно не хватало радости, и я мгновенно прониклась к нему сочувствием, полагая, что он вспомнил о Шехеразаде.

— Спасибо, дядя Джон, — повторила я тихо. — Мама права, у меня не очень хорошие манеры. Я так... так... так...

Дядя Джон и мама с улыбкой переглянулись.

— Может, отправим ее в пансион? — в шутку предложил он.

— Или сразу в Бедлам? — ответила мама. — Если тебе нечего сказать, Джулия, то пойдешь принеси мне, пожалуйста, почтовую бумагу и чернила. А тебе, Ричард, пора отправляться к доктору Пирсу.

Поднявшись, Ричард отвесил ей церемонный поклон и, попрощавшись с нами, бросил тоскливый взгляд на изысканный чертеж, напоминающий взгляд, который голодный человек бросает на аппетитную еду. Затем он неохотно направился к двери.

Я ждала от Ричарда улыбки, но не дождалась ее. Он вышел из дома с опущенной головой и даже не взглянул на меня, хотя я стояла в холле, пока он надевал пальто. Из окна гостиной я проводила глазами его фигуру, надеясь, что он обернется и помашет мне рукой. Но так и не дождалась этого.

В гостиную вошла мама и увидела меня, без дела глядящую на улицу.

— Не напишешь ли ты несколько писем для меня, Дорогая? — спросила она мягко.

— Конечно, мама, — без колебания согласилась я.

— Ричард все еще сердится на тебя из-за Джона Денча?

В моих глазах не было слез. А в сердце не было боли. И я совсем не испытывала страха, который овладевал мной в детстве при одной мысли о гневе Ричарда. Я сделала недовольную гримаску.

— Он просто не в духе, — равнодушно объяснила я.

И, игнорируя внимательный мамин взгляд, я уселась за стол, обмакнула перо в чернильницу и принялась писать под ее диктовку, оставаясь такой равнодушной, будто я в жизни своей не плакала из-за Ричарда.

Дяде Джону посчастливилось на ярмарке купить для себя лошадь, но мы с Ричардом остались ни с чем.

— Я не мог найти ничего, что подошло бы вам обоим, — сказал он. — Мне досадно разочаровывать вас, хотя я и сам огорчен. Я уже предвкушал возвращение домой в экипаже, за которым следуют три хорошенькие лошадки, но не тут-то было.

— Вы затруднялись в выборе, сэр? — вежливо поинтересовался Ричард.

Мы сидели вокруг стола за обедом, а дядя Джон, стоя у своего места, разрезал жирного гуся на тоненькие, толщиной с вафлю, ломтики, которые Страйд раскладывал на общем блюде.

— Не было породистых лошадей, — кратко ответил дядя Джон. — Я намеревался купить каждому из вас по надежной, спокойной лошадке, но вместе с тем чтобы в ней чувствовалась капля горячей крови. Чтобы интересней было на ней скакать! Но ничего подобного я не встретил. На ярмарке были только запаленные лошади, которые после нескольких ярдов галопа будут задыхаться, как рыбы, вытасценные из воды.

Ричард весело рассмеялся. Я с удивлением следила за ним. Куда подавалось его плохое настроение? Наоборот, он выглядел расслабившимся и даже довольным. Этого я не понимала, потому что, как ни старалась, не могла скрыть разочарования и была почти близка к слезам.

— Зато вы сэкономили деньги, сэр, — сказал Ричард рассудительно. — Я много думал об этом и решил, что, раз я поступаю в этом году в университет, мне, пожалуй, не нужна лошадь. Ведь я же там не смогу на ней кататься?

— Разумеется, нет, — ответил дядя Джон, отрезая последний кусочек и усаживаясь на место. Страйд принялся обносить нас всех хрустящим жареным картофелем, сочной морковью с огорода Хаверингов и поджаренным пастернаком. Дядя Джон отказался от подливки, но положил себе взбитого лимонного соуса. — Я собирался держать твою лошадь здесь, чтобы ты, приезжая на каникулы, мог кататься верхом.

Ричард сладко улыбнулся.

— Вы так добры ко мне, сэр, — произнес он. — Но я прошу вас не беспокоиться и не покупать для меня лошадь. Я всю жизнь ходил по Вайдекру пешком и думаю впредь делать это с большим удовольствием. Я уверен, что Джулия придерживается такого же мнения.

Я открыла было рот, чтобы выразить свое несогласие, но бешеный взгляд Ричарда заставил меня молчать.

— И уж во всяком случае, — поспешно продолжал он, — нет никакой необходимости покупать лошадь в этом сезоне. Бабушка Джулии возражает против верховой езды летом, и я буду счастлив сопровождать мою кузину в ее прогулках пешком.

— Как это мило с твоей стороны, Ричард, — улыбнулась довольная мама, а дядя Джон кивнул. — Лето действительно не лучшее время для того, чтобы учиться скакать верхом. По-моему, вполне можно подождать с этим до рождественских каникул.

Дядя Джон пожал плечами.

— Как вы решите. Можно и подождать, но я по-прежнему буду высматривать для вас хорошую лошадку. Если же ничего не найдется, то можно будет ездить в коляске.

Я прикусила губу и сидела не поднимая глаз. Впервые в жизни я была так близка к тому, чтобы иметь собственную лошадь, и меня тут же постигло горькое разочарование.

Мама увидела мое лицо и постаралась меня утешить.

— Не расстраивайся, Джулия, — улыбнулась она. — В следующую поездку в Чичестер мы закажем для тебя амазонку, и, когда у тебя появится лошадь, ты сможешь сразу учиться на ней скакать.

— Спасибо, мама, — вежливо ответила я и сосредоточила все свое внимание на гусе.

— В Чичестере я встретил лорда Хаверинга и рассказал ему о моих идеях относительно новой жизни нашего поместья, — заговорил дядя Джон. — Он был настолько любезен, что назвал их радикальным вздором.

— Вы не поссорились, я надеюсь? — тревожно спросила мама.

— Конечно, нет. Для того чтобы поссориться, нужны мнения обеих сторон, а его милость был совершенно уверен, что мне нечего возразить. Когда я поделился с ним некоторыми моими идеями об управлении Вай-декром, он, по-моему, разрывался между тягой расхохотаться над моей наивностью и желанием разорвать меня на части за мои революционные воззрения.

— А вы революционер, дядя Джон? — спросила я с некоторым страхом.

— В сравнении с твоим дедушкой я просто государственный изменник, — приветливо ответил он. — Но если говорить серьезно, Джулия, то я один из тех людей, которые считают, что наша страна была бы устроена лучше, если бы английская нация не делилась на огромную армию рабочих — около шести миллионов, — которые не имеют ничего, и крошечное меньшинство — около четырехсот семей, — которые владеют всем.

— А что бы вы сделали, — спросила я тут же, — чтобы изменить это?

— Если бы я завтра стал королем, — улыбаясь, сказал дядя Джон, — я бы издал закон, который дарует всем равные права на землю, и приказал бы людям работать сообща. Каждый имеет право на собственный дом, свой участок земли, свой сад и свою живность. Обратите внимание, Селия, я совсем не против частной собственности, что бы там ни говорил ваш отчим, но каждый должен работать столько же, сколько другие, и управлять землей надо совместно. Как водится в старых деревнях, когда совет решает, что и когда следует сажать на полях.

— Да здравствует королевство дяди Джона! — восхищенно воскликнула я, и дядя Джон улыбнулся моему обрадованному виду.

— У меня есть сторонник, — обратился он к маме. — Следовательно, за нами будущее.

— А что вы сделаете, прежде чем станете королем Англии? — поинтересовалась мама. — Как вы сумеете дать понять Экру, что возвратился золотой век?

— Сначала я должен посоветоваться с моим поверенным, — заявил дядя Джон торжественно и повернулся ко мне. — Господин премьер-министр мисс Джулия, как мы сумеем убедить Экр, что лучше работать вместе и иметь общую долю в прибылях?

— Вы это серьезно, дядя Джон? — спросила я на всякий случай. — Вы и вправду согласны делиться доходами с земли с Эгром?

— Есть такой соблазн, — признался он. — В Индии я часто задумывался над вопросом, почему Вайдекр постигла такая трагическая судьба. И мне кажется, единственный способ управлять поместьем заключается в том, чтобы каждый мог высказать мнение, что лучше для земли, и чтобы каждый имел свою долю в доходах. — Он замолчал и взглянул на нас: я слушала его с большим интересом, мама — с сомнением, Ричард — с привычной любезностью.

— Как я представляю себе жизнь, если каждый обитатель поместья, независимо от того, богатый ли он арендатор или бедный работник, будет располагать своей долей? Первый год все работают и прибыли поступают в общий фонд. Из средств фонда покупают семена, новое оборудование, скотину, если потребуется, а остальное делится равным образом между всеми и будет выплачено каждому работнику.

— А как же мы? — спросил Ричард. Он заговорил в первый раз за все время нашей беседы, и его голос прозвучал неожиданно пронзительно. — Мы, Лейси из Вайдекра? Какое место в этом мире занимаем мы? Что полагается нам?

— Мы тоже имеем свою долю в прибылях, — последовал ответ дяди Джона. — Деньги, вложенные нами в Вайдекр, рассматриваются как наша доля работы, и мы каждый год будем получать с них прибыль.

— Мы будем делиться прибылью с нашей земли с Эгром? — вопрос прозвучал так, словно Ричарда интересовал исключительно ответ на него, но что-то в его голосе заставило меня вздрогнуть и похолодеть. — Не станут ли они думать, что имеют какие-то права на нашу землю? И не станут ли они требовать большей Доли, чем та, которую они заработали?

— Вполне возможно, — согласился дядя Джон. — Но они сами будут себе судьями.

В это время появился Страйд, чтобы убрать со стола и поставить бокалы для вина перед мамой и дядей Джоном. Никто не смотрел на Ричарда, кроме меня. Его лицо побледнело, а глаза сверкали от гнева. Он весь дрожал, и я боялась, что он не сумеет совладать с собой, хотя обычно ему это хорошо удавалось, и выкрикнет, что он единовластный хозяин Вайдекра.

Но мне следовало бы знать его лучше. К тому времени, когда Страйд поставил на стол пудинг с меренгами и яблочным соусом, а также песочный джемовый торт, Ричард уже

улыбался и был совершенно спокоен.

— Это замечательная идея, сэр, — вежливо сказал он. — Вы считаете, что ее удастся претворить в жизнь?

Страйд обслужил сначала маму и меня, затем дядя Джон принял поданную ему тарелочку с тортом и кусочком пудинга.

— Думаю, что это зависит от многих факторов, — ответил он. — Людям должна понравиться эта идея. Они достаточно страдали от новшеств Лейси в прошлом и вряд ли сейчас захотят повторить эксперимент. Мистер Мэгсон уверяет меня, что они не станут работать, пока не поверят нам. — Тут он помолчал и улыбнулся через стол мне и Ричарду. — Во многом это зависит от вас двоих. Это ваше наследство. Либо вы выберете старый путь, который принес так много богатства и так много горя еще совсем недавно, либо вы захотите пойти новой дорогой.

Я глянула на Ричарда, его лицо сияло улыбкой, глаза сверкали.

— Я согласен с вами, сэр, — с энтузиазмом ответил он. — Я не мог бы выбрать лучший путь, чем тот, который предложили вы. Конечно, мы поделимся тем, что имеем, с людьми, которые работают на нашей земле.

Дядя Джон удовлетворенно кивнул и посмотрел на меня.

— А ты, Джулия? — спросил он.

— Я согласна, — тихо сказала я. Я не могла так хорошо изображать энтузиазм, как Ричард. Я даже не знала, как высказать мысли о том, что мне хотелось бы не чувствовать за собой вины перед Вайдекром. — Я согласна.

— Я рад это слышать, хоть вы оба еще слишком молоды, чтобы принимать такие ответственные решения, — сказал дядя Джон. — А сейчас я хотел бы, чтобы вы навестили мистера Мэгсона и рассказали ему о той поддержке, которую вы готовы ему оказать, и обсудили с ним некоторые его идеи. Для него это был бы хороший способ узнать вас обоих получше, а вы бы яснее поняли те препятствия, которые вам могут встретиться в Экре. Его нелегко в чем-либо убедить, он стреляный воробей. Но сходить вам к нему не мешает, вы узнаете, что он думает об этих планах.

— Я бы с удовольствием поговорил с ним, — сказал Ричард как будущий сквайр.

— Джулии тоже следует пойти, — напомнил ему дядя Джон.

— Хорошо, — согласилась я. — Я тоже пойду.

— Можно съездить прямо сегодня вечером, — подбодрила нас мама. — Я бы хотела, чтобы вы взяли коляску.

Дядя Джон улыбнулся.

— Почему бы и нет, — сказал он. — Мистер Мэгсон угостит вас чаем, и вы еще до наступления темноты вернетесь домой.

Я взглянула на Ричарда. Мы целый день были с ним в ссоре, я не собиралась навязывать ему свое общество. Но предстоящая задача вытеснила все другие проблемы из его головы.

Я побежала за шляпкой, а он отправился на конюшню распорядиться, чтобы для нас запрягли лошадь. Круглое розовое солнце весело смотрело нам вслед поверх гряды облаков, когда мы отправились по дороге в Экр. Я с радостью видела, как свободно и непринужденно правит лошадью Ричард.

— Надеюсь, что мы застанем дома мистера Мэгсона, — обратился он ко мне.

— Могу поспорить, что он ожидает нас, — лукаво произнесла я. — Они с дядей Джоном, наверное, немало времени провели вместе, размышляя над тем, как мы будем вдвоем здесь хозяйствовать.

— Может быть, — согласился Ричард. — Мистер Мэгсон чувствует себя в Экре довольно уверенно. — Он помолчал. — Надеюсь, я не должен напоминать тебе, чтобы ты там не высывалась.

— Не надо, я все помню, — спокойно ответила я.

Он бросил на меня косой взгляд, но ничего не сказал, и мы в молчании поехали вдоль

улицы. Около своего коттеджа играли детишки Денча, рядом на скамейке сидела Клари, приглядывавшая за ними. У ее ног стояло ведро воды и кастрюля с картофелем, который предстояло вымыть.

Я помахала ей, и Ричард любезно остановил коляску. Она встала с места и направилась к нам своим широким упругим шагом.

— Добрый день, — поприветствовала она нас обоих и обратилась ко мне: — Какие мы стали важные, да, Джулия?

— Ужасно важные, — в тон ей ответила я. — Пожалуй, мне и разговаривать с тобой не следует.

Она рассмеялась.

— У вас прекрасная коляска, мастер Ричард, — любезно сказала она Ричарду.

— Может быть, — после долгого молчания ответил он, — я и позволю тебе когда-нибудь покататься в ней. — Но ни в его глазах, ни в тоне, которым он произнес эти слова, не было того тепла, с которым он обычно обращался к людям. На Клари он смотрел так, будто мог купить ее в ближайшее воскресенье на ярмарке.

— Благодарю вас, — сказала Клари и отступила на шаг от коляски. — Вы приехали к мистеру Мэгсону?

— Да, — ответила я. — Он устроился в коттедже Тайков?

— Угу. И Бекки Майлз у него прислуживает и стирает на него. Он ждет вас.

Я кивнула ей на прощанье, Ричард стегнул лошадь, и мы направились к коттеджу, стоявшему несколько в стороне от деревни.

Ограды около него не осталось, сначала все листья объели от голода животные, а потом ушли на растопку и ветки. Как и в любом садике в Экре, земля здесь была голая и пыльная. На семена ни у кого не было денег, да и немногие уцелевшие куры мгновенно выклевали бы их из земли.

Мы пошли по тропинке к двери, и тут я вздрогнула при мысли, что сейчас увижу Ральфа. За дверью на огне пел чайник, но звон в моих ушах был ничуть не слабее. На мой стук дверь отворилась, но в дверях возник не он, а Бекки Майлз, служившая у него, видимо, горничной, домоправительницей и кухаркой.

Я остро взглянула на нее. Это была крупная глуповатая девочка с копной белокурых волос и большими голубыми глазами. Нищета ее семьи вполне могла служить предлогом носить слишком короткое и тесное платье. Мне она всегда нравилась, потому что она была из тех детей, которые по пятам ходили за Клари. Мне нравилась ее приветливая натура и то, как она, хохоча, откидывала назад голову. К тому же у нее было очень милое сопрано, которое я всегда выделяла в церковном хоре. Но почему-то сегодня она показалась мне слишком высокой, слишком яркой и вульгарной в этой маленькой комнате. И я удивилась, как это Ральф не чувствует себя подавленным ею и не выставит ее прочь.

Нет, он не был подавленным. Он чувствовал себя очень уверенно. Коттедж Тайков был лучшим в Экре, но и в нем было только две комнаты внизу и три крохотных спальни наверху. Самая большая комната первого этажа служила одновременно кухней, столовой и жилой комнатой. И зимой, и летом здесь всегда было жарко от топившейся печи.

В середине комнаты стоял колченогий деревянный стол, а у стены — скамья-ларь с высокой спинкой. Хотя слева от двери находилась гостиная, она обычно использовалась для самых торжественных случаев, и вряд ли соседям удавалось переступить ее порог чаще, чем пару раз в год. Поэтому мебель из нее продали в первый же тяжелый год, а поскольку голод давно уже не ослаблял своей хватки над Экром, комната стояла пустая и голая.

Видя Ральфа Мэгсона, я всегда вспоминала, что он не принадлежит к знати. Он — всего лишь один из крестьян и живет в коттедже из пяти комнат. Но по меркам Экра он был богатым человеком. У него были настоящий стол и стул, он имел фарфоровую, а не деревянную посуду. Стол в его доме был застелен скатертью, и он даже держал прислугу, хотя Бекки Майлз лишь с большой натяжкой могла так именоваться.

Он не принадлежал к знати, но я заметила, что дядя Джон всегда называл его мистером

Мэгсоном.

Когда мы вошли, он поднялся и приветствовал нас как равных. Сесть он предложил нам на скамейки, а сам уверенно опустился на стул, стоящий во главе стола, хотя я было подумала, что его предложат мне. Затем, он кивком велел Бекки подать чай, хотя я была уверена, что она ни разу в жизни не видела, как это делается.

Но управилась она сравнительно неплохо. Я старалась не смотреть на нее, но, когда она полезла в шкаф за посудой, я не выдержала и исподтишка бросила на нее взгляд, отчасти чтобы посмотреть, что она делает, отчасти интересуясь посудой. Это было чистое любопытство, и я надеялась, что мистер Мэгсон не заметил его. Но когда Бекки зазвенела ложками позади меня и я опять покосилась на нее, он поймал мой взгляд и слегка улыбнулся, прекрасно понимая, чем он вызван.

Я чувствовала себя очень неловко, мне казалось, что он догадывается о моем снe там, в беседке. Сама мысль об этом заставляла меня краснеть так, что мои глаза даже наполнялись слезами. И я все время держала голову опущенной, стараясь не смотреть на мистера Мэгсона.

Но я чувствовала, что он смотрит на меня, и один раз бросила на него осторожный взгляд.

Он знал что-то. Он что-то чувствовал, как чувствует умное, чуткое животное. Но улыбка, которую он послал мне, была ничего не значащей. Я не думала, что он догадывался о моих мыслях, но я понимала, что он очень сильно любил Беатрис и потому тепло относится ко мне. Поэтому я наконец успокоилась, краска сбежала с моих щек, и я нашла в себе силы поднять на него глаза и улыбнуться.

Некоторые вещи не нуждаются в словах, и Ральф знал это лучше, чем я. Поэтому я спокойно пила чай, не обращая внимания на возню Бекки за моей спиной, и даже передала Ричарду кусочек жирного пирога так, будто у меня и забот-то других не было.

Разговор начался с планов дяди Джона, которые Ральф попросил нас изложить в деталях.

— Идея заключается в том, что каждый человек в деревне будет иметь свою долю в прибылях, вместо того чтобы получать установленное жалованье, — стал объяснять Ричард, стараясь говорить равнодушно. — Все прибыли составляют один общий фонд, из которого ведется закупка семян и оборудования. Мы, лендлорды, вкладываем свою долю в виде инвестиций. Остаток фонда делится между всеми, в соответствии с количеством затраченного каждым труда.

— Это идея установить своего рода коммуну? — спросил Ральф. Я знала, что ответ ему прекрасно известен, но он хочет получше изучить отношение к этому Ричарда. А Ричард смотрел на него блестящими от восторга глазами, и каждый мог бы видеть в нем горячего сторонника земельной реформы.

— Да, таким образом устраняется разница между хозяевами и бедняками, — ответил он. — Мы все работаем вместе. И будем делить успехи и неудачи.

— Хороший план, — кивнул Ральф и изучающе взглянул на Ричарда. — Даже великодушный. А что получают от этого землевладельцы, как вы думаете, мастер Ричард?

— Очень мало, — честно ответил тот. — Эта идея принадлежит моему отцу. Чтобы вознаградить людей за то, что они перенесли при Лейси. Помочь бедным. — Помолчав, он испытующе взглянул на Ральфа. — Хотя, может быть, было бы лучше действовать по старинке, когда Лейси владели землей, платили людям жалованье и занимались благотворительностью.

— А какой путь избрали бы вы? — спросил Ральф.

Ричард осторожно взглянул на него.

— Я хочу быть уверенным, — заговорил он, — что в Экре хорошо будет жить каждый. Каким бы путем мы ни пошли, Экр должен получить свои права. По меньшей мере, те, что он имел в прежние дни.

Ральф кивнул, будто что-то выяснив для себя.

— А что думаете вы, мисс Джулия?

— Я согласна с Ричардом, — ровно ответила я, помня обещание «не высовываться».

Ральф будто опять все понял, понял, что я лгу, что на самом деле я хочу, чтобы деревня полностью получила права на землю.

Ричард нетерпеливо шевельнулся и нарушил наступившее молчание.

— Что я могу передать моему папе? — спросил он. — Он просил нас обсудить эту идею с вами. Передать ему, что вы предпочитаете прежние методы?

Ральф с треском отодвинул свой стул от стола, подошел к двери и распахнул ее.

— Посмотрите вокруг, — предложил он и облокотился о дверь. — Это превосходная идея. Я уважаю вас за это. Она свидетельствует о великодушии любого землевладельца, даже банкрота. Но при этом вы к каждому жителю деревни обращаетесь с просьбой изменить свою жизнь, отказаться от той свободы, которой они пользовались в течение четырнадцати лет. Конечно, они голодали, особенно зимой, но зато летом они вволю ловили рыбу и дичь. Они могли работать когда хотели, могли браконьерствовать, в общем, жили в свое удовольствие. А теперь вы предлагаете им поменять это все на рутину работы.

И ради чего? Вы не даете им даже ничтожного жалованья. А сулите лишь прибыли с того урожая, семена которого даже еще не посажены. Если доходы будут ничтожны, то большая часть денег будет потрачена на общие нужды, затем вы заберете вашу долю, и только остальное пойдет рабочим. А если прибыли не будет вообще, тогда вы можете продать землю. А людям останется опять голодать.

Вы, лендлорды, ничем не рискуете. Если кто и будет страдать, то это крестьяне. Богатые никогда не страдают. Они пишут законы и изобретают правила игры. Они сотворили этот мир таким, каков он есть, и ждут от нас благодарности даже за самую ничтожную милость.

Ральф прислонился к двери и улыбнулся нам. Я почувствовала себя так, словно мы были разбойниками.

— Вы даже не предлагаете никаких гарантий, — продолжал он. — Это Экр дает их вам. Каждый здесь настолько беден, что ему некуда податься, но вы-то находитесь в лучшем положении. Вы можете поиграть несколько лет в радикалов, а потом продать поместье и получить денежки. Для знати нет преград. И никогда не было, — добавил он, помолчав.

Ричард и я сидели подавленные. Мы никогда не слышали таких слов от дяди Джона. Только Ральф Мэгсон, этот необразованный человек, видел все как на ладони и мог предсказать возможное будущее. Я опустила глаза и чувствовала, как горят кончики моих ушей от стыда, что я принадлежу к тем, кто берет то, что ему не принадлежит, и пользуется тем, что он не сделал.

Ральф оставил дверь открытой, и вечернее солнце скользнуло к нам в комнату и заставио плясать в воздухе пылинки. Он медленно вернулся на свое место и, проходя позади меня, на секунду дотронулся до моих волос, как бы даруя мне прощение.

— Передайте доктору Мак-Эндрю, что я подумаю над этим, — неожиданно объявил он. — Это неплохая идея, и если можно будет доверять нашему землевладельцу, то все получится неплохо. Только требуются кое-какие гарантии от вас двоих, иначе никому не удастся убедить Экр начать работу. Вы обещаете не отступать от этой идеи?

— Если вы советуете придерживаться прежних методов в Экре, когда мы владели землей и платили рабочим хорошее жалованье, то, я думаю, мой папа согласится с вами, — быстро предложил Ричард.

Ральф пристально посмотрел на него.

— Вот как? — странным голосом переспросил он и больше ничего не сказал.

— Нам пора идти, — чтобы замять неловкую паузу, заговорила я. — Спасибо за чай, мистер Мэгсон.

— Не стоит благодарности, — вежливо ответил он. — Приходите в любое время. — И он глянул на Ричарда. — Если вы интересуетесь ястребиной охотой, сэр, то буду счастлив взять вас с собой. Мне должны на днях привезти из Лондона ястреба-тетеревятника.

— Спасибо, непременно приду, — воскликнул благодарно Ричард и в первый раз за сегодняшний день искренне улыбнулся.

Ральф проводил нас до ворот и помог мне сесть в коляску, пока Ричард отвязывал поводья.

— Всего доброго, мисс Джулия, — с теплой улыбкой сказал он и, наклонив свою гордую седеющую голову, поцеловал мне руку. При прикосновении его губ я задрожала, словно от ветра. Он отступил на шаг и помахал нам вслед.

Глава 8

Наш рассказ о визите к мистеру Мэгсону и о его реакции на наши предложения встревожил дядю Джона и заставил его после ужина скрыться в библиотеке с целью изучить вопрос о заключении временной аренды. На следующий день он приказал заложить экипаж, чтобы поехать в Чичестер и посоветоваться со своими юристами о возможности заключения контракта между работниками и сквайром.

Выйдя на ступени дома, он немного помедлил. В саду сидела я, само воплощение прилежной молодой леди, в белом платьице и широкополой шляпке. Правда, мои пальцы были предательски выпачканы грязью, и, когда дядя Джон подошел ко мне по тропинке, мне не удалось достаточно быстро спрятать их за спину.

— Садовничаем, да, Джулия? — спросил он, придавая голосу строгий тон. Но в глазах его играли смешинки. — Джулия! Моя племянница! Копается в земле! Что нам с тобой делать? И что скажет мама, если она это увидит?

— Она старается этого не замечать, — пристыженно отвечала я. — Дядя Джон, я знаю, что этого не полагается делать, но кто-то же должен этим заниматься! Страйд уже слишком стар, а все, что сажает Джем, тут же погибает. А вы же знаете, как мама любит цветы! — я постаралась сыграть на той единственной струне, которая могла бы убедить его.

— Мы с мамой договорились, что я буду заниматься садоводством, когда меня никто не видит. По утрам у нас не бывает гостей. После обеда же я никогда не садовничаю.

Как ни старался дядя Джон выглядеть суровым, но при этих словах он расхохотался.

— Мисс Джулия, вы, оказывается, ухитрились заключить тайную сделку с природой. Неплохо придумано! Но откуда ты знаешь, как это делается?

Я недоуменно пожала плечами:

— Просто знаю. Я видела мамины любимые цветы еще в Вайдекре и собирала их семена, когда была маленькая. Теперь я сажаю их в маленькие горшочки у себя в спальне, а когда они подрастут, высаживаю их сюда. Маму всегда окружают ее любимые цветы, и она не грустит по прежнему дому.

Выражение лица дяди Джона стало понимающим, и он кивнул.

— Ты хорошо это придумала, — заметил он. — Но откуда ты знаешь, как обращаться с цветами? Любят ли они свет или тень? Сухую почву или влажную?

Я пожала плечами, сама толком не понимая этого.

— Наверное, я видела, в каких условиях они росли в старом саду, — заговорила я, пытаюсь припомнить. — И вообще, когда я держу в руках луковицу или горсть семян, я чувствую, что им надо. — Тут я оборвала себя. — Это теряет смысл, когда начинаешь говорить об этом. Но мне кажется, я родилась, уже зная все о земле.

Дядя Джон прстально смотрел на меня, и глаза его стали серьезными.

— Они всегда у тебя хорошо растут? — неожиданно спросил он. — Не бывает заболевших растений? И рассада всегда принимается?

— Да, всегда, — удивленно ответила я. — Но, дядя Джон, здесь у нас хорошая почва. И всегда отличная погода. Я сажаю только то, что привыкло расти в Вайдекре. — Я сделала несколько шагов к нему и тронула его за рукав грязными пальцами. — Почему вы на меня так смотрите, дядя Джон? Я могу не делать этого теперь, когда вы дома. Наймите садовника, если хотите.

Дядя Джон покачал головой.

— Нет, — сказал он. — Это я не прав. Просто ты очень напомнила мне свою тетю Беатрис с ее страстью к земле. Это был настоящий дар Божий. К тому времени, когда она умерла, в деревне придумали какую-то сказку о черной магии и колдовстве, но я не хочу об этом говорить. На самом деле это был замечательный дар. И раз ты любишь садовничать, из тебя со временем может выйти отличный хозяин. А нам так нужны будут талантливые руки! Ты хотела бы работать на земле, Джулия? Если, конечно, твоя мама согласится?

Я даже задохнулась от радости.

— О, дядя Джон, я обожаю землю! — воскликнула я. — Вы доверили бы мне следить за сенокосом и сажать пшеницу? Дядя Джон, я обожаю это!

Он улыбнулся моей радости и потрепал меня по щеке.

— Ох уж эти девушки Лейси! — с любовью протянул он. — Они все помешаны на земле. Но я должен сделать все возможное, чтобы это не пошло никому во вред. Если твоя мама позволит, я буду рад видеть тебя на полях. Но запомни, пожалуйста: люди гораздо важнее, чем земля. Заботы Экра важнее всех урожаев в мире.

Я кивнула, едва ли понимая, что он имеет в виду.

— Но пока я стараюсь найти общий язык с моим своевольным управляющим, мы топчемся на месте, — с кислым видом продолжал дядя Джон, когда мы пошли к воротам. — Можно подумать, что это он меня нанял, а не я его. К тому же мне необходимо убедить адвокатов в том, что я не собираюсь обмануть тебя и Ричарда и лишит вас наследства. Но, на самом деле, я и вправду лишаю вас большей части ваших денег?

Я открыла перед ним ворота и подождала, пока он не подошел к экипажу. Я слышала здравый смысл в его словах, и мой собственный ум подсказывал мне, как важно получать высокие прибыли. Но тот сон, в котором я видела Ральфа, оставил во мне какую-то мелодию, которую напевала мне земля. Со вчерашнего утра в беседке я ощущала ветерок на своих щеках как ласку, солнце пригревало мое лицо теплее и нежнее, чем раньше, трава около Дауэр-Хауса была зеленее и мягче, чем еще вчера. Меня окружали могучие, непроходимые дубравы Вайдекра, а склоны холмов словно поднялись еще выше.

Слова Ральфа, сказанные им в лучшем из коттеджей Экра, который был жалкой лачугой даже в сравнении с нашим небольшим домом, объяснили мне, что мы богаты, потому что беден Экр. Мы были богаты и свободны, как никогда не будут они. И какими бы добрыми ни были наши намерения, мы не можем поступать так, как хотели бы, пока мы принадлежим к разным мирам. И мы никогда не сможем пригласить их к чаю.

— Тут дело не в том, кто работает на земле, — обратилась я к дяде Джону. — Дело во власти. Мы можем пообещать все, что угодно, но, если захотим, мы можем завтра же уехать из Вайдекра или продать его первому встречному. И жителям Экра известно это.

— С тобой так же трудно разговаривать, как с ними, — усмехнулся дядя Джон. — Они считают, что богатые не в состоянии отказаться от своих прав на землю. И они спорят и требуют гарантий, в то время как мы с вами хотим всего лишь дать землю.

Он улыбнулся мне, и я не смогла сдержать ответной улыбки. Я любила дядю Джона и знала, почему моя мама любит его. Он не чувствовал землю так, как чувствовали ее мы, он был здесь чужим. Но он был настолько честным человеком, что не мог оставить долг неоплаченным. А он чувствовал себя в долгу перед Экром за прошлое. Это был человек, которому можно доверять.

— Вы не должны ощущать себя должником Вайдекра, дядя Джон, — сказала я. — Перед его жителями в долгу лишь тот мир, к которому мы принадлежим. — Он благодарно улыбнулся мне. — Счастливой поездки, дядя Джон, и постарайтесь не слишком устать.

Дядя Джон шутливо отсалютовал мне и сел в коляску. Джем убрал за ним ступени, закрыл дверцы и уселся на козлы. Взмахнув кнутом, он стегнул лошадей, и коляска умчалась, подняв облако белой пыли.

Я обернулась к дому. Никто не махал из окна дяде Джону. Мама усердно трудилась над вышивкой занавесок, образцы которой пришли сегодня с утренней почтой из Чичестера, а

Ричард был на уроке.

Я оставалась одна.

Оставив корзинку с рассадой в тени цветущего куста смородины, я с удовольствием оглянулась вокруг. Ранняя пчела вилась и жужжала над алыми бутонами в поисках нектара и пыльцы, напоминая о скором лете. Солнце нежно ласкало мои щеки, каждая жилка в теле радовалась наступившему теплу. Бездумно я направилась к воротам, намереваясь найти где-нибудь укромное место и понежиться на солнце.

Дойдя до аллеи, я не стала сворачивать к Холлу, а пошла к Фенни. Мне хотелось услышать ее ласковое бормотание, понаблюдать за солнечными бликами на ее зеркальной поверхности.

По дороге я свернула на тропинку, проходящую мимо крохотного пруда. Сейчас, в начале лета, она почти заросла травой, и кусты ежевики цеплялись мне за платье, но, едва углубившись в лес, я пошла быстрее.

Лесные голуби вились над моей головой, без умолку воркуя весенние песни, словно бы в ветвях деревьев кто-то наигрывал на флейте. Влажная весенняя земля мягко пружинила под моими ногами и сверкала сотнями бледных головок лесных анемонов. Возле корней деревьев зеленым ковром стлались свежие острые листья, обещающая через месяц россыпь колокольчиков. Земля, на первый взгляд заброшенная и невозделанная, леса, превратившиеся в дикую чащу в течение четырнадцати лет, — все это сулило новую жизнь. Прикасаясь к каждому дереву рукой, трогая их теплую шероховатую кору, я направилась вперед и вскоре поравнялась с прудом, о котором никому не было известно, кроме меня и Ричарда.

Там был Ральф.

О, конечно, он был там.

Даже без участия моего сознания мои ноги сами принесли меня к нему. Ральф был здесь.

Он сидел на земле, прислонившись к громадной ели, самой высокой в этой части леса, словно вонзившей в небо свой шпиль. Ее лапы создавали своего рода крышу над прудом, делая его воды темными и непрозрачными. Ральф сидел в войлочной шляпе, низко надвинутой на глаза, и как будто спал. Он отстегнул свои деревянные протезы, и его тело казалось странным и смешно укороченным, будто он ради шутки зарылся по колени в листья.

Я стояла молча, боясь разбудить его, и с удивлением думала, что он, оказывается, не моложе дяди Джона, которого я только что проводила с напутствием не уставать, как вполне пожилого человека.

Он сдвинул назад шляпу и посмотрел на меня.

— Мисс Джулия, — сонно проговорил он. — Добрый день.

— Добрый день, мистер Мэгсон, — ответила я так же церемонно, но мой голос дрогнул и выдал мое смущение.

— Присаживайтесь, — галантно, словно мы были в гостиной, пригласил он меня. — Земля совсем не сырая.

Я осторожно подобрала светлую юбку и присела рядом, стараясь, впрочем, не садиться слишком близко. При этом мне показалось, что он измеряет взглядом это расстояние.

— Я тут, видите ли, браконьерствую, — улыбнулся Ральф. — Не хотите ли взглянуть, как ловится форель в вашем собственном пруду? Никто вас не учил ловить рыбу, когда вы с Ричардом были маленькими?

— Никто, разумеется, — удивилась я. — Тут жили только мама и слуги.

— Поблизости от вас живет целая деревня браконьеров, которые могли бы научить вас не только этому, — усмехнулся он. — Но они, конечно, не в счет.

— Когда мы были маленькими, мы там никогда не бывали, — объяснила я почти извиняющимся тоном. — Только подружившись с Клари, я начала узнавать людей Экра. А мама до сих пор почти не бывает там, даже на воскресной службе в церкви.

— Это из-за пожара? — небрежно поинтересовался он, словно этот факт не имел к нам никакого отношения.

— Да, — признала я. — Она стала бояться их после этого.

Лицо Мэгсона сохраняло невинное выражение.

— Вашей маме совершенно нечего бояться, — заявил он. — В Экре все очень ее уважают и прекрасно знают, как много она для них пыталась сделать. Пожар Холла должен был разрушить власть Лейси — Беатрис и Гарри — и совсем не был направлен против вашей мамы или дяди Джона.

— Видите ли, для нее было несколько сложно заметить такую тонкую грань, — колко ответила я. — Та ночь оставила ее вдовой с двумя детьми на руках и без всяких средств к существованию. Если они не преследовали таких целей, то следовало быть поаккуратней.

Ральф поднял на меня глаза, совсем не обескураженный моим неожиданно резким тоном.

— О знать! — протянул он. — Узнаю твой голос!

Я готова была извиниться, но Ральф тут же, казалось, забыл все, что я сказала, и, опираясь на руки, перебрался к краю пруда.

— Чтобы добиться успеха, надо заставить форель думать, что ваша рука — это какой-то безвредный предмет, — стал объяснять он, склонившись над прудом. — У них очень чувствительная кожа, и мне кажется, что они чувствуют запах в воде. Поэтому прежде всего надо, чтобы ваши руки были чистыми и холодными. Для этого подержите их немного в воде.

Ральф стянул с себя куртку и расстелил ее на земле между нами. Затем закатал рукава, тщательно сполоснул руки в воде пруда и даже растер между пальцами немного грязи, зачерпнутой со дна. Я тоже закатала свои кружевные манжеты до локтя, и мы улеглись рядышком, молча глядя в зеркальную поверхность воды.

Рябь на поверхности исчезла, и я обнаружила, что рассматриваю его лицо в воде. Сейчас оно казалось гораздо моложе, в темной воде не были видны скорбные морщинки у уголков рта и между бровями. Отражение не могло принадлежать ни старому, ни молодому человеку, оно будто бы принадлежало какому-то вечному существу, такому же вечному, как деревья вокруг нас, как земля, из которой они росли.

Я вспомнила легенду о Каллере, которая описывала его как какое-то темное божество, утащившее Беатрис в свой мир, и невольно вздрогнула при мысли, что нахожусь в самой глуши вайдекрских лесов наедине с убийцей. Ральф повернул голову в ответ на мое почти неумолимое движение и без улыбки взглянул на меня.

— Посмотрите на себя, — прошептал он, как будто понял, о чем я думаю.

Я послушно отвела взгляд и посмотрела на свое отражение. И вот тут я сразу поняла, почему дядя Джон побледнел, увидев меня, и почему не мог отвести от моего лица глаза Ральф в тот день в деревне.

Я никогда не видела портретов Беатрис и не слышала описания ее внешности, кроме разве что того, что у нее были рыжевато-каштановые волосы и зеленые раскосые глаза. Но я видела ее лицо в зеркале во время того сна и помнила ее улыбку. Поэтому сейчас, когда темная вода изменила цвет моих волос и глаз, сделав их немного темнее, я видела, что похожа на нее, словно дочь. Правда, мои глаза не были такими раскосыми, а подбородок таким твердо очерченным, как у нее, но, видя это отражение перед собой, никто не мог бы сказать, кому из нас оно принадлежит.

— Вам нечего бояться меня, — Ральф обращался к моему отражению и говорил очень нежно. — Я никогда не смогу забыть, что она умерла и что вы совсем другая — и чудесная — девушка. Вы очень сильно напоминаете ее, но я не из охотников за привидениями.

Мы помолчали несколько минут.

— Руки стали холодными? — по-деловому спросил он. Я кивнула. — Тогда, не поднимая ряби и не взба-ламучивая воду, вы заводите руки под берег. Держите их неподвижно, будто это рыба. — Он медленно подвигал руки к берегу, растопырив

пальцы. — Одна есть, — тихо проговорил он. — Не шевелитесь.

Я послушно замерла.

— Вы гладите ее живот, — снова тихо заговорил он. — Вы нежно-нежно проводите пальцем по ее животу. Форель очень любит это, она сразу будто засыпает. Потом, когда вы чувствуете, что рыба словно стала тяжелее в вашей руке, вы неожиданно быстро хватаете ее за жабры. И вытаскиваете из воды.

С этими словами Ральф отпрянул назад, и между нами на земле забились большая серебристая рыбина. Я инстинктивно вздрогнула, и он засмеялся, глядя на мое перепуганное лицо. Подняв с земли камень, он сильно стукнул форель по голове, та еще раз дернулась и замерла.

— По-моему, она еще жива, — с трудом проговорила я.

— Нет, можете быть уверены. В следующий раз сделайте то же самое сами. Мне нужно было и сейчас уступить вам, но так как с тех пор, как я браконьерствовал в последний раз, прошло много лет, я не смог противиться искушению.

Я улыбнулась и кивнула, но не совсем поняла его.

— Попробуйте теперь вы, — предложил он. — Или вам пора домой?

— Я должна быть дома к обеду в три часа, — ответила я.

Ральф перекатился на спину и сощурился на солнце.

— Тогда у вас есть еще полчаса, — уверенно сказал он.

— Дядя Джон вернется сегодня поздно, он уехал в Чичестер советоваться с юристами, — лениво заметила я. — Он очень заботится об Экре.

— Я знаю, — ответил Ральф. — Но меня пугает будущее его идеи.

— Я была уверена, что вам нравится эта идея, — удивилась я. — Что это дает шанс Экру освободиться не только от нищеты, но и от власти сквайров. Навсегда.

Ральф внимательно глянул на меня.

— Но это не совсем так, правда? Экр — это не остров. Многие из его жителей оставили деревню и уехали на заработки. И сейчас я не знаю, кто мог бы убедить их вложить заработанные деньги в какой-то общественный фонд. К тому же надо уговорить молодежь остаться в деревне, поверив в будущее. Да и богатые вокруг... Он помолчал.

— Не все они плохие, — попыталась вставить я.

— Не все, — улыбнулся мне Ральф. — Но у них есть власть. И если дела в Экре пойдут успешно, они употребят эту власть на то, чтобы прекратить эксперимент. Я не сомневаюсь в этом. С них станется отыскать в книжках какой-нибудь закон, который объявит эксперимент нелегальным. Если они не найдут такого закона, они изобретут его. Они держат в руках всю власть в стране, а Экр это всего лишь маленькая деревушка.

— Ну что ж — это только начало, — рассудительно сказала я, перевернувшись на живот и облокотившись подбородком на ладони, чтобы было удобнее разговаривать. — Если у нас что-нибудь выйдет, то люди и в других местах попытаются сделать то же самое.

— Угу, — согласился Ральф. — Даже если этот способ ведения хозяйства не привьется, мы будем знать причину, почему он не выжил. И если дворянство окажется сильнее нас, то это послужит уроком для тех, кто придет после нас со своими надеждами и идеями. — Он тяжело вздохнул и добавил откровенно: — Я просто разрываюсь на части. В душе я знаю, что ничего не получится, поскольку все зависит только от прихоти сквайра. До тех пор, пока земля не будет выкуплена деревней и не станет принадлежать им по закону, наш эксперимент будет висеть на волоске. И власть Лейси над Экром будет нерушима. А нельзя доверять никому, кто имеет такую власть. Ибо злоупотреблять ею так же естественно, как дышать. Это справедливо для каждого. Если вы с детства привыкли обладать властью, значит, вы уже насквозь ею развращены.

— Это я развращена? — с изумлением возопила я.

Ральф долго рассматривал ветки деревьев над нами и потом с улыбкой перевел взгляд на меня.

— Конечно, — он словно констатировал очевидный факт. — Нет, я не обвиняю вас. Но

вы вышли из знати и привыкли контролировать каждого, кто беднее. Представьте, что вы живете в Холле, у вас ребенок, которого нужно растить, а тут случился плохой урожай, и денег не хватает. Я не сомневаюсь, что вы сделаете то, что на вашем месте сделал бы каждый, — станете раздумывать, где бы раздобыть деньги. И тогда вы увидите Экр и людей, имеющих долю от прибыли, которую вы искренне считаете своею, поскольку этой землей ваша семья владела на протяжении многих поколений. Я понимаю, что вы не олицетворение зла, но вы и не святая. У вашего дяди полно благородных идей. Но я бы не доверился ему, если бы случилось так, что он разорился и стал бедствовать.

— Вы не доверяете ему? — спросила я.

Внезапно меня охватила жалость, жалость к дяде Джону с его высокими идеалами, жалость к Экру, который не станет местом, похоронившим жестокость богатых, и жалость к себе, поскольку я знала, что, если эксперимент не удастся, дядя Джон и мама решат продать Вайдекр.

Ральф уселся на земле и невесело рассмеялся.

— Я доверяю вашему дяде, — решительно сказал он. — Я разрушил власть Лейси над землей и должен попытаться улучшить положение людей. Конечно, ломать легче, чем строить, но пришло время созидания. Я попытаюсь сделать что в моих силах. И если меня постигнет неудача, если нас постигнет неудача, то, по крайней мере, у меня останется право сказать, что все это я предвидел.

Я вскочила и даже обняла его в восторге.

— О да! — воскликнула я. — Все будет хорошо! Вы думаете, что все сквайры плохие, но Ричард подтвердил, что он согласен на такие условия, и дядя Джон стоит за вас, и я тоже! А самое главное, что вы будете жить здесь, и все у нас будет хорошо!

Ральф рассмеялся моему энтузиазму и тепло, по-отечески обнял меня за талию.

— А что мне еще остается? — спросил он, но лицо его оставалось грустным.

Рядом с нами неожиданно мелькнул зимородок, словно сгусток ярко-синего оперения, и нырнул в крошечную невидимую норку на берегу. Мы сидели не шелохнувшись, и он снова показался из норки и уселся на краю ее. Посматривая на нас своими крошечными глазками-бусинками, он принялся быстро выклевывать что-то из песка. В воде подрагивало его отражение, казавшееся бирюзовым.

Ральф не шевелился, чтобы не спугнуть птичку, я тоже замерла, но мысли мои убежали далеко. Тепло от руки Ральфа распространилось по всему моему телу, я все еще держала его за плечи, наши тела соприкасались. И странное желание, желание пришедшее ко мне из сна, овладело мною. Я не могла оторваться от Ральфа, не могла, хотя знала, что мне следует это сделать.

Ральф убрал руку и взглянул на небо.

— Вам пора идти, — сказал он. — Если не хотите, чтобы вас начали разыскивать. Хотите взять форель?

— Но это вы поймали ее, — твердо сказала я. — Она ваша.

— Я поймал ее в пруду Лейси, под небом Лейси и на их земле. Впрочем, благодарю вас, я обожаю форель.

Он осторожно завернул ее в листья и спрятал в карман пиджака. Я поднялась на ноги, мои колени дрожали, лицо горело. Ральф по возрасту годился мне в отцы, а по положению был простым рабочим, однако я только что обнимала его и мне это было приятно.

Тихо стоя рядом, я увидела, как он пристегивает свои деревянные протезы. Его лицо исказила гримаса боли, и на лбу показались капли пота.

— Очень больно? — спросила я.

Короткий взгляд подсказал мне, что хотя раны давнишние, но кожа на обрубках ног красная и блестящая от постоянного ношения протезов.

— Дьявольски, — холодно ответил Ральф. — Но я рад, что мне вообще удалось тогда выжить.

Я хотела было расспросить его, как произошел несчастный случай, но какая-то

странная дрожь пробежала по моему позвоночнику, словно предупреждая меня не делать этого. И я просто стояла рядом, наблюдая, как он, подтягиваясь на руках, пытается встать прямо. Это было нелегко, и морщины на лице превратили его в маску.

— Приведите мне лошадь, — вдруг сказал он, и это звучало скорее приказанием, чем просьбой о помощи.

Я отвязала его кобылу и, подведя ее к Ральфу, неловко стала у ее головы. Я не хотела видеть, как он усаживается на нее. Она не была очень высокой, даже я могла бы усестись на нее без посторонней помощи, но я-то не была калекой.

У него было другое положение, и я, придерживая кобылу за повод, стояла рядом и ждала.

Ральф ухватился за луку седла и взвалил себя на лошадь, сначала свешиваясь с одной стороны как бревно, потом, подтянувшись, он перекинул одну ногу и выпрямился. И облегченно улыбнулся мне.

— Вы ласковы с лошадьми, — заметил он. — В деревне рассказали мне, что вы скачете на лошади, как скакала Беатрис.

Я пожалала плечами и слегка смутилась от этого нового напоминания о моем сходстве с вайдекрской ведьмой.

— Странно, что у вас до сих пор нет своей лошадки, — продолжил он.

— Дядя Джон собирался купить нам с Ричардом по верховой лошади, — горячо начала объяснять я. — Но на ярмарке в Чичестере ничего подходящего не нашлось, а теперь это все отложили до зимы.

Ральф скорчил смешную гримасу.

— Посмотрим, может, мне удастся помочь такому горю, — и я поняла, что это полуобещание, полученное от Ральфа Мэгсона, стоит больше, чем контракт, подписанный с кем-либо другим. — Благодарю вас за форель, мисс Лейси, — с легкой усмешкой сказал он.

Я подошла чуть поближе, притворяясь, что хочу погладить шею лошади, но на самом деле, чтобы быть ближе к нему. Он взял мою руку и поцеловал ее так нежно, словно это было прикосновение пера птицы.

— Всего доброго, — голос его звучал тоже ласково, почти нежно.

Затем он повернул лошадь и ускакал. Деревья сразу скрыли его из виду, только несколько минут еще слышалось глухое цоканье копыт по усыпанной листьями старой тропинке, о которой я думала, что она известна лишь Ричарду и мне. Немножко постояв глядя в пруд, я аккуратно отряхнула платье, поправила шляпку и направилась домой.

Но я не была счастлива. Ральф, может, и чувствует себя сейчас хорошо верхом на лошади и с форелью в кармане, но он простой человек. К тому же все сердечные бури для него миновали, когда-то давно он был возлюбленным Беатрис, убийцей, а теперь понимает, что я не могу отвести от него глаз, и, наверное, усмехается про себя. А я счастлива, когда нахожусь с ним рядом, но стоит ему уехать и оставить меня одну, и я уже не нахожу себе места.

Прежняя магия Вайдекра овладела мной. Но сейчас этот тихий звон звучал скорее как предупреждение. Я не могла жить в двух мирах. Я не могла быть ребенком моей мамы и одновременно страстной, беззаботной дочерью вайдекрских лесов. Я не могла принадлежать к знатной семье и обнимать простого человека. Я не могла жить взаперти и свободно существовать на нашей земле.

Я вернулась домой расстроенная и хмурая. Та золотая нить, которая привела меня в лес к Ральфу, превратилась в перепачканную паутину, где я начинала запутываться. Все было плохо.

Дядя Джон вернулся после своей поездки в Чичестер улыбающийся, но вконец изнуренный.

— Мне кажется, я нашел компромиссное решение, — объявил он.

— Не сейчас, — твердо сказала мама. — Сейчас вам следует отдохнуть.

Он рассмеялся ее авторитетному тону, но послушно направился к лестнице.

— Я бы хотел повидать мистера Мэгсона перед ужином, — обратился он к Ричарду, тяжело опираясь на перила рукой с побелевшими костяшками пальцев.

— Ричард может сходить за ним, — предложила мама. — Только будь добр, передай мистеру Мэгсону, чтобы он не приходил позже девяти, и предупреди, что Джон не сможет заниматься с ним долго.

— Не забудь намекнуть ему, что я беспомощное дитя, которое должно отправляться в кровать не позже одиннадцати, — дядя Джон бросил косой взгляд на маму. — И скажи, что во всех случаях, он должен прежде всего обращаться к доктору Селии.

Мама улыбнулась, но было ясно, что своего решения она не отменит.

Ричард проводил их кислым взглядом.

— Хочешь, пойдем вместе? — предложил он мне.

Я покачала головой. Своевольность и непокорность оставили меня. Сейчас я хотела быть послушной девочкой, разливающей чай, юной леди, вышивающей вечерком при свете свечей. Я уже забыла о раскаде, так бездумно брошенной днем и теперь, наверное, увядшей без воды. Мне хотелось спокойно посидеть и поболтать с мамой. Я словно бы устала от яркого солнца за окном, от накатывающего душистого аромата свежей травы, от сладости летнего тепла.

— Нет, — ответила я. — Мама хочет, чтобы я была дома. Я останусь здесь.

Ричард бросил на меня косой изучающий взгляд.

— Что-то непохоже на тебя, — сказал он, — чтобы ты не захотела прогуляться в Экр со мной.

— И тем не менее, — тоскливо ответила я. Я вдруг почувствовала себя такой усталой, что мне было даже безразлично, не обиделся ли на мой отказ Ричард. Если обиделся, ну и пусть. Я могу пойти с ним в другой день. А сейчас я просто не могла представить, что опять иду по пыльной дороге и опять окажусь в коттедже Ральфа, где меня встретят Бекки Майлз и всезнающие глаза хозяина дома.

— Сегодня я останусь дома, — повторила я. Гостиная казалась мне сейчас своего рода убежищем, в котором моя мама сможет защитить меня и от Беатрис, и от наваждения сна.

— Хорошо, — отозвался Ричард. — Если ты внезапно прониклась любовью к вышивке, я не стану разубеждать тебя. Я выпью чаю у мистера Мэгсона. Заодно узнаю, не получил ли он своего ястреба-тетеревятника из Лондона.

— Еще не получил, — ответила я, не подумав, и прикусила язычок. Разумеется, мне было ясно, что Ральф никогда бы не отправился на рыбную ловлю, если бы его ястреб был уже доставлен.

— Откуда тебе известно? — требовательно спросил Ричард. Он пристально смотрел на меня, и я почувствовала, как заливаюсь краской.

— Мне рассказала миссис Гау, — хватаясь за соломинку, придумала я. — Прошлой ночью она оставалась в Экре у сестры. И сказала, что почты из Лондона вчера не было.

Ричард кивнул, но я чувствовала, что червячок сомнения все еще точит его душу.

— Передай, пожалуйста, тетушке-маме, что я вернусь к ужину — попросил он и наклонился поцеловать меня на прощание. Но я невольно отстранилась, и его поцелуй пришелся на щеку. Он выпрямился и с любопытством глянул на меня, но ничего не сказал и вышел из гостиной.

Я подошла к окну и проводила взглядом его удаляющуюся фигуру. Теперь, когда Ричард вырос и его плечи стали шире, его походка стала более уверенной и спокойной.

В эту минуту в гостиную вошла мама и, увидев меня, обрадовалась.

— Как хорошо! Я как раз хотела, чтобы ты помогла мне выбрать занавеси для будущей столовой и обивку для стульев.

— Мама, — я медленно пересекла комнату и подошла к ней, чтобы обнять ее. — Ты же знаешь, что у меня совсем нет чувства цвета. Но я хотела бы остаться поработать с тобой дома. И завтра, если можно. Утром меня немного обожгло на солнце, и я хочу побыть дома. Хорошо?

Ее глаза внимательно остановились на моем лице.

— Я так и чувствовала, что ты какая-то сама не своя, — мягко сказала она. — Ты была очень раздраженной за обедом. Что случилось, моя дорогая?

— Это... — начала было я и остановилась. Но снова заговорила торопливо: — С тех пор как я начала носить новую прическу и дядя Джон вернулся домой, я заметила, что всем стала напоминать тетю Беатрис. И в деревне все так говорят. Миссис Гау и Страйд смотрят на меня, будто ожидают увидеть ее. И я чувствую себя из-за этого очень странно. Она не была очень красивой женщиной, правда?

— Нет, — быстро ответила мама, — она не была красавицей. Я чувствую, что мне надо многое рассказать тебе о ней, но не здесь, хорошо, дочка? Слишком многое в Вайдекре напоминает о прошлом. Пока мы живем здесь, я хочу только, чтобы ты помнила: ты родственница Беатрис, но ты и моя дочь. И сходство между вами больше всего заключается в том, что ты тоже принадлежишь к породе Лейси, гордой и древней породе. А все остальное — это фантазия и вымыслы крошечного мирка, в котором люди не ездят дальше Чичестера и видят так мало нового.

Ты — мой ребенок, — продолжала мама твердо, словно внушая мне это. — Хоть ты и принадлежишь к семье Лейси, но вырастила тебя я, а я совсем не поклонница ни Беатрис, ни Вайдекра. И ты тоже такой не будешь. Но как бы то ни было, — прозаически добавила она, — ты становишься молодой девушкой, а они самые своенравные создания в мире. Моя сводная сестра была в тысячу раз хуже, чем ты. Однажды она даже запустила тарелкой в лакея. Мама велела выпороть ее. Но ты должна научиться сдерживать свой нрав и тем более свой язычок, какие бы чувства тобой ни владели. А остальное — это всего лишь фантазии.

Я положила голову к ней на плечо, а она обняла меня, и мы сидели так в молчании долго-долго, пока солнце не коснулось верхушек деревьев в парке. И тогда моя боль по Ральфу, юному возлюбленному Беатрис, утихла и мысль о нем перестала пугать меня.

Ближе к вечеру, когда дядя Джон еще не спустился к нам, а Ричард еще находился в деревне, мама велела Страйду приготовить маленький поднос с ячменными лепешками, джемом, сливками, миндальным печеньем и заварить индийский чай, так, как любил дядя Джон. Он был крепким и черным, без лимона или сливок. Она поднялась в библиотеку вместе со Страйдом, и я услышала обрадованное восклицание дяди Джона при виде ее и чудесного подноса, а потом услышала негромкий убедительный говор мамы. Я была почти уверена, что говорят они обо мне. И поэтому оставалась в гостиной, избегая менять место, чтобы случайно не услышать их беседы. Чайник тихо пыхтел рядом со мной, а я сидела и мечтала быть той девочкой, которой считала меня мама, и чтобы я отличалась от других только тем, что никогда не ездила дальше Чичестера и дружила только с моим кузеном.

Я ненароком задремала и не открыла глаза, даже когда пришла служанка протереть чайные принадлежности. Это была Дженни Ходжет из сторожки. Ее родители охраняли въездные ворота еще при моем папе и даже при его папе. Когда Холл сгорел, а сквайр умер, никто даже не подумал уволить их. И они так и остались жить, охраняя открытые ворота, через которые никто не проходил, и следя за всегда пустынной подъездной аллеей. Девочка протирала всю посуду как могла тихонько, чтобы не разбудить меня. Затем я услышала, как тихо затворилась за ней дверь, и снова задремала. Когда я снова открыла глаза, рядом сидела мама.

— Устала, моя дорогая? — нежно спросила она.

— Немного, — призналась я и сама улыбнулась своему жалобному тону.

Мама села на свое обычное место у камина, на мраморной доске которого сегодня стояла ваза с бледными пионами. Я нарвала их утром около Холла, и они распустились за день в тепле комнаты.

— Я говорила с твоим дядей относительно всех нас, — заговорила мама. — И даже относительно меня.

— Консультация с поверенными в Чичестере была полезной? — вежливо

поинтересовалась я. — Они посоветовали, какие можно дать гарантии Экру?

— Да. Экр и оба наследника должны заключить между собой законный контракт, гарантирующий каждой стороне возмещение возможного ущерба. Имущественный фонд будет находиться в Экре, и если мы захотим продать поместье в течение первых пяти лет, то Экр получит за это компенсацию.

— И дядя Джон собирается спросить у... мистера Мэгсона его мнение об этом? — я не смогла без запинки произнести фамилию Ральфа, она прозвучала странно для моего слуха.

— Конечно, — отозвалась мама. — Джон считает, что только мистер Мэгсон в состоянии убедить Экр начать честно работать. Все получится, если мы — ты, я, Ричард — будем работать вместе с Экром. Джон хочет, чтобы я взяла на себя ответственность за здоровье и образование детей в деревне, чтобы Ричард руководил постройкой Холла и вы с ним помогли мистеру Мэгсону в хозяйстве.

Я смотрела на нее широко раскрытыми глазами.

— Я знаю, о чем ты думаешь, — чуть улыбнулась мама. — О том, что я никогда не бывала в Экре. Да, это правда, я боялась его и не хотела, чтобы ты там бывала. Но теперь все должно измениться. Если наш эксперимент удастся, то вся жизнь пойдет по-другому.

К тому же я не всегда боялась Экра, — честно продолжала она. — Был год, нет, даже два, когда я много занималась жизнью его жителей, и сейчас я могу предложить им не только симпатию и сочувствие. Я хочу вернуться к этим людям и сделать для них то, что должна была сделать раньше. И сделала бы, если б у нас были деньги.

Я смотрела на нее с уважением. С такой стороны я никогда не знала маму, всегда думая о ней как об испуганной слабой вдове из Дауэр-Хауса, целиком зависящей от своего отца и щедрости своих братьев. Видимо, какие-то из этих мыслей отразились на моем лице, поскольку она тихо рассмеялась.

— Я прекрасно понимаю, что единственными авторитетами ты считаешь себя и Ричарда, — сказала она. — Но, поверь, я тоже кое в чем разбираюсь.

— Нет, нет, мама, — торопливо и не вполне искренне заговорила я. — Но что конкретно хочет от нас дядя Джон? И когда мне можно начать?

— Хоть сегодня, — ответила мама спокойно. — Сегодня должен приехать мистер Мэгсон, и если он согласится на эти предложения, то завтра же я поеду в деревню к доктору Пирсу и переговорю с ним об открытии в Вайдекре школы. А ты, Ричард и мистер Мэгсон должны решить вопросы, связанные с сельским хозяйством. Я полагаю, это будут сев и вспашка?

— Нет, в этом году уже поздно сеять, — уверенно ответила я. — Но если дядя Джон намеревается сажать турнепс и некоторые фруктовые деревья, тогда нужно заняться ими сейчас, чтобы они были готовы к следующему году.

Мама хитро смотрела на меня. Она занималась моим образованием, учила меня читать и писать, называла мне имена птиц и цветов. Она видела, как я учу латынь и греческий из-за плеча Ричарда, и ей было прекрасно известно, что никто и никогда не учил меня хозяйствовать на земле.

— Откуда ты это знаешь? — спросила она мягко.

Я встретила ее взгляд не моргнув.

— Понятия не имею, — честно ответила я. — Просто знаю и все.

Она кивнула, будто слышала это уже прежде.

— Мы слишком много говорим об этом, — спокойно заговорила она, — но некоторое сходство между тобой и Беатрис, твоей тетей, разумеется, есть. Главное, Джулия, чтобы ты не думала об этом много. Дядя Джон верит, что ты унаследовала любовь Лейси к земле. То хорошее и сильное, чем они отличались. И не ломай голову над остальным. Ты — моя дочь, Джулия. И в следующем году мы с тобой обе станем работать для Вайдекра.

Я просияла в ответ. Мною владело замечательное чувство, мне казалось, будто я наконец иду домой и ясно вижу перед собой дорогу. И если я не стану бояться ни своих снов, ни Беатрис, ни работы, ни перемен в Вайдекре, то меня ждет поистине завидная жизнь.

Глава 9

День торжества лени, проведенный мною в саду, в лесу и потом в гостиной, оказался последним днем безделья. С того самого вечера, когда дядя Джон и Ральф Мэгсон пожали друг другу руки, подтверждая договоренность о справедливом разделе прибылей между хозяевами и работниками, ни один из нас не имел и часа свободного времени.

Меньше всего изменилась жизнь Ричарда, поскольку дядя Джон настоял, чтобы он продолжал свою учебу, и он каждое утро все так же отправлялся на занятия к доктору Пирсу.

— Вполне может быть, что ты решишь поступать в университет, — ответил дядя Джон на его жалобы, — да я и никогда не соглашусь на то, чтобы юноша, вверенный моему попечению, остался невеждой.

Поэтому Ричард трусцой отправлялся с книжками под мышкой на занятия и отсутствовал дома до обеда. Иногда он даже задерживался. Старая антипатия между ним и деревенской детворой, казалось, канула в Лету. Теперь Ричард воспринимался всеми как будущий сквайр. Деревенские девочки краснели как маков цвет, когда он проходил мимо, и, приседая в реверансе, скромно склоняли головы, но глаза их смеялись. Замурзанные приятели моего детства постепенно превратились в молоденьких девушек, охорашивающихся в новых платьях и непременно старающихся найти себе дело поблизости от возможного маршрута Ричарда.

Если ему случалось отправляться в Мидхерст, то в его коляске обязательно оказывалось две-три спутницы, которых неотложные дела звали туда же. А уж если он ездил в Чичестер, то возвращался оттуда не иначе как с охапкой разноцветных лент в качестве подарков для них. Деревенские парни тоже любили его. Старые обиды улетучились, будто приезд Ральфа был порывом свежего весеннего ветра, разогнавшим все тучи в отношениях между нами и деревней. И хотя девочки почти боготворили Ричарда, ребята его совсем не ревновали, поскольку он не выказывал явного интереса ни к одной из них. Я льстила себя мыслью, что он влюблен в меня и потому ведет себя так скромно. Но, наверное, дядя Джон был ближе к истине, когда утверждал, что Ричард слишком молод для романов с деревенскими девушками.

— Он не ведет себя высокомерно в деревне? — поинтересовалась мама.

Дядя Джон отрицательно покачал головой, но все-таки глянул в мою сторону.

— О нет, — ответила я. — Он очень старается, чтобы его любили. Кроме того, он ведь сын дяди Джона.

Это было правдой. В деревне, где из четырех детей трое умирали, доктор Мак Эндрю оказался посланником небес. Один раз в неделю он устраивал бесплатный прием больных прямо в деревне, и женщины приносили к нему своих плачущих детей.

— Он будет жить? — тихо спросила Марджори Шарп дядю Джона. Я сидела там же, в освещенной солнцем ризнице, в которой дядя Джон устроил себе временное пристанище.

— Будет, — успокоил он ее, и ее глаза мгновенно наполнились слезами, будто он сказал ей что-то плохое.

— Я боялась, что он умрет, как умерли все остальные.

— Сколько у вас было детей? — мягко спросил дядя Джон, сгибая маленькие ручки и ножки. Ребенок был совсем крохотный, наверное, месяцев восьми, и ужасно костлявый, все его ребрышки торчали наружу, обтянутые кожей. А сама кожа была покрыта укусами блох и клопов и расчесана до сыпи. К тому же от него пахло. И его пеленки, и само тельце пропахли экскрементами и мочой. Но дядя Джон прикасался к нему так, будто его кожа была из шелка, а ручки и ножки — из хрусталя.

— Четверо, — ответила она. — Нет, пятеро.

Я сидела, окаменев от ужаса, что может найтись женщина, которая не знает, скольких детей она похоронила.

— Последний из них — это была девочка — умер, не прожив и дня, — объяснила

она. — Я не успела даже дать ей имени.

— Ее не крестили? — спросил дядя Джон, зная, какое значение это имеет для глубоко верующих деревенских женщин.

— Крестили, — удовлетворенно ответила она. — Я упростила доктора Пирса, и он окрестил ее, потому что знал, как невыносимо для меня то, что она попадет в ад. Он крестил ее уже после смерти. Он добрый человек.

— Да, добрый, — согласился дядя Джон. — А теперь, миссис Шарп, я объясню, что вам нужно делать. Прежде всего, вы должны достать для этого парня чистое белье. Пойдите в школу и найдите там леди Лейси, она даст вам все необходимое. И ни в коем случае не пеленайте его слишком туго.

Она подняла было голову, чтобы начать протестовать, и дядя Джон устало улыбнулся.

— Я знаю, как вы все любите пеленать своих детей, — заговорил он. — Потому что от этого они перестают плакать. Но они не плачут только потому, что им не хватает воздуха, они не могут вдохнуть достаточно глубоко, чтобы начать плакать. Вы должны беречь этого ребенка, чтобы он выжил, миссис Шарп. Не отнимайте у него шанс на жизнь.

Она кивнула, отзываясь на нотки сочувствия в его голосе.

— И его необходимо купать, — продолжал дядя Джон. У нее вырвался вопль протеста, но дядя Джон проигнорировал его, и его голос стал звучать тверже. — Его необходимо купать каждый раз, когда он запачкается. Выкупать и перепеленать в чистые пеленки. Все лето его обязательно нужно выносить на солнышко. Попросите кого-нибудь из деревенских детей присматривать за ним.

Марджори Шарп едва удерживалась, чтобы не рассмеяться от таких смешных инструкций.

— Обязательно выносите его на улицу, ибо если он будет все время находиться в помещении, то он будет плохо есть. Свежий воздух улучшит его аппетит, и он станет крепко спать по ночам и перестанет капризничать.

— Но купать... — попыталась протестовать молодая женщина.

— Мисс Джулия как раз занимается снабжением деревни дровами, — ровным голосом прервал ее дядя Джон. — И теперь у вас в коттедже всегда будет чем топить очаг. Вы сможете постоянно держать на огне чайник с водой. И как только малыш запачкается, вы тут же его вымоете и перепеленаете. И так же сделаете в следующий раз.

— Но мне же придется целый день перепеленывать его, — возмутилась молодая женщина.

— Да, — согласился дядя Джон. — Я тоже ухаживал за маленьким ребенком, да будет вам известно. Если держать детей в чистоте, то у них не будет болячек, они станут меньше плакать и прекратят болеть. Я обещаю вам, что это поможет, миссис Шарп. Вы попытаетесь сделать так, как я говорю?

Женщина все еще колебалась, на ее лице было написано сомнение.

Голос дяди Джона стал еще более теплым и убеждающим.

— Вы попытаетесь сделать это, если я вас попрошу? — с нажимом спросил он очень тихо.

Она залилась краской и бросила на меня смущенный взгляд.

— Ох, доктор, — заговорила она, и я увидела, что в облике этой изнуренной, уставшей женщины все еще живет влюбчивая деревенская девчонка. — Хорошо. Раз вы говорите, что это поможет. Но если он заболит от мытья, я сразу же прекращу это, имейте в виду.

— Согласен, — легко сказал дядя Джон и принялся заворачивать малыша в его пеленки. — А теперь ступайте в школу, и леди Лейси разыщет для вашего ребенка пеленки, полотенце и все, что нужно. И покажет вам, как нужно его мыть. Вы же знаете, как ее милость любит малышей!

Женщина успокоенно улыбнулась дяде Джону, не отводя глаз от его лица.

— Как хорошо, что вы опять с нами, — сказала она убежденно, забирая своего малыша, единственного выжившего из ее шестерых детей, и ушла.

— Дядя Джон, вы кокетничали! — воскликнула я, как только за ней закрылась дверь.

Его лицо, когда он повернулся ко мне, светилось озорством.

— Исключительно чтобы научить Экр растить здоровых детей, — парировал он.

— Возмутительно! — продолжала наступать я. — Вы говорили таким сладким голосом и притворялись, что у вас такой сильный шотландский акцент, будто вы только вчера спустились с гор и на вас до сих пор надета шотландская юбочка. Вот я расскажу маме об этом. Пусть вам будет стыдно!

— Только не говори, пожалуйста, Селии, — громко рассмеялся дядя Джон. — А то она публично назовет меня шарлатаном. Честное слово, Джулия, это только в медицинских целях.

Мы оба рассмеялись, но тут раздался стук в дверь и вошла еще одна женщина, ведя ребенка за руку.

— Это миссис Майлз с ее сыном Питером, — объяснила я Джону, — Питер не совсем здоров, миссис Майлз?

— У него пища не держится в животе, — принялась объяснять женщина, обращаясь прямо к Джону. — Вся эта новая хорошая пища, которую вы с мистером Мэг-соном привозите к нам в деревню, проходит через него не задерживаясь. Это не глисты, и не понос, и не резь в желудке...

— Мне, пожалуй, пора идти, — заторопилась я при этом скорбном перечислении.

— Трусишка, — вполголоса бросил мне дядя Джон. — Пусть я кокетничаю, но это лучше, чем трусить, как ты.

— Вот и кокетничайте, — ответила я и направилась к двери.

— Одну минутку, миссис Майлз, — обратился к ней дядя Джон. — Джулия, если ты собираешься к мистеру Мэгсону, то он сейчас на лугу у Трех Ворот. Передай ему, пожалуйста, что яблони для посадки придут сегодня после обеда. Ему нужно собрать бригаду, чтобы посадить их.

— Но она уже готова, — возразила я. — Вчера закончили пахоту на общинной земле, я сейчас поеду проверю, не осталось ли там камней, и если все в порядке, то завтра уже можно заняться другой работой.

— Отлично, — и дядя Джон устремил все свое внимание на маленького бледного Питера, который тонким голоском утверждал, что теперь, когда настали хорошие времена, он не согласен есть ничего, кроме сладостей.

Снаружи ярко светило солнце. Я вышла из ризницы в церковный двор и огляделась, прищурясь. Ряд свежих могильных холмиков, появившихся этой зимой, покрылся зеленой травой, и работа дяди Джона служила обещанием, что такой безжалостной зимы и таких нелепых смертей больше не будет. Я прошла мимо фамильного склепа Лейси и мимо того уголка кладбища, который почему-то называли «уголком Беатрис». Именно там я оставила коляску, запряженную нашим новым пони по кличке Расти. Отвязав его, я подобрала юбки своей новой амазонки, уселась в коляску и направилась к школе.

В школу, по маминой воле, превратили старый амбар, около которого и стояла сейчас наша карета. Подъезжая, я уже издали услышала гул детских голосов и чистый мамин голос, перекрывающий их. Я едва могла поверить своим ушам. За все мое детство она повысила на меня голос только однажды. А сейчас я ясно слышала ее крик!

— Хватит, в конце концов! Джон Смит, Салли Купер и вы, двойняшки! Перестаньте драться и сядьте наконец спокойно!

Послышался новый всплеск шума, и я поняла, что дети рассаживаются по местам.

— Вот так-то лучше, — спокойно заговорила мама. — Итак, кто из вас скажет мне, что это такое? Кричать не надо, просто поднимите руки!

Я не стала больше слушать, имея довольно ясное представление о том, что она делала сейчас в этом классе с несколькими детьми, сидевшими перед ней на скамейке. Она учила их, как нужно умываться и причесывать волосы. Она собиралась в дальнейшем научить их шить, зажигать лампы так, чтобы не обжечься, готовить еду.

— Дети стремятся к знаниям, — говорил ей дядя Джон. — И они должны иметь стимулы, которые заставляли бы их учиться читать и писать. Их нужно учить задавать вопросы. Тогда они смогут понимать ответы на них. Все философы согласны...

— Философы, возможно, и согласны, — перебила его мама. — Но это деревенская школа для деревенских детей. И когда ваши философы будут править этой страной, пусть тогда и объясняют мне, что должны знать работающие люди. А пока что я собираюсь учить их, как надо ухаживать за собой, как надо питаться и как надо растить детей.

— Тори! — дядя Джон бросил маме наихудшее из обвинений.

— Радикал! — парировала она и продолжала управлять школой по своему разумению.

Я повернула коляску налево мимо коттеджей сквоттеров, туда, где лежала общинная земля. Сейчас она была ничьей. Когда-то Беатрис велела расчистить ее от деревьев, кустарников, от всего того, что росло там естественным порядком, одновременно оттуда ушла и вся живность: олени, зайцы, лисы. Как только Беатрис не стало, здесь перестали сеять, и о поле пшеницы больше ничего не напоминало.

Сейчас здесь стояла другая девушка из той же семьи, пришедшая изменить лицо земли, и я шепотом пообещала себе, что в этот раз изменения приведут к лучшему и продлятся дольше, чем один сезон.

Даже заброшенная, эта земля была прекрасна. Но я велела вспахать и огородить ее. Через три дня здесь уже не будет видно пологих склонов холмов, зеленеющих вереском. Они превратятся в сплошной массив вспаханной земли, испещренный острыми зубьями плуга. Я подошла к коляске к самому краю поля и внимательно взглянула на него.

Едва уловимый звон снова послышался мне.

— Все хорошо, — сказала я себе и сама удивилась своему голосу, так громко и незнакомо он звучал.

Это было так, будто сама земля говорила со мной. Говорила, что поле будет вспахано отлично, и что планы у меня хорошие, и что даже если тут не останется захватывающей дух красоты, то зато пшеница, выращенная на этом поле, накормит Экр.

Ветер тихонько налетел с холмов и обдул мое разгоряченное лицо. Беатрис буквально двигала горы, чтобы завоевать это поле. Она засеяла овраги и выкорчевала огромный старый дуб. Но чувствовалось, что работа эта делалась в большой спешке: всюду виднелись следы старых тропинок, и зияла огромная яма, оставшаяся от корней старого дуба. Именно в этой яме и произошла моя давнишняя стычка с Клари.

Я улыбнулась. Здесь творила историю не только Беатрис. Каждый из Лейси оставил свой след на этой земле, и я тоже оставлю свой. Экр помнит, как Беатрис боролась с людьми за это поле. Теперь он запомнит, что Джулия Лейси посадила здесь яблони. Следующим летом эта битва за поле может быть выиграна.

Я повернула пони и направилась через Экр домой. Около школы уже не было нашей кареты, и я предположила, что мама уехала домой, забрав с собой Ричарда и Джона. Теперь мне оставалось только одно дело, которое нужно было сделать до обеда, и я повернула к лугу у Трех Ворот.

Ральф сидел на скамье у изгороди вместе с рабочими, но, услышав цоканье копыт, тут же поднял голову. У них был сейчас обеденный перерыв, и остальные только приветственно помахали мне, продолжая есть. Я помахала в ответ, спрыгнула на дорогу и набросила поводья на плетень.

— День добрый, мисс Лейси, — поздоровался Ральф, подходя и улыбаясь мне.

— Добрый день, мистер Мэгсон, — ответила я. — Дядя Джон просил меня передать вам, что яблони будут доставлены сегодня после обеда. Я проверила поле, похоже, что оно хорошо вскопано и очищено от камней. Думаю, что завтра мы уже можем и засадить его.

Ральф нахмурился.

— У меня сегодня нет свободных рабочих, — сказал он. — А завтра я сам уезжаю в Питерсфильд купить несколько овец для новой отары. Так что рабочие-то здесь будут, но я не хочу, чтобы они занимались этим без меня. Не то чтобы я много понимал в посадке

фруктовых саженцев, но я хочу все делать по книгам Джона.

— Если дело только в этом, — возразила я, — то читать и я умею. Хоть и ничего не понимаю в сельском хозяйстве.

— Вы очень хорошо понимаете в сельском хозяйстве, не так ли, мисс Джулия? — с нажимом, но чрезвычайно ласково произнес он. — Как бы иначе вы определили, что поле готово к посадке деревьев?

— Да, правда, — коротко ответила я, не желая продолжать дискуссию. — Во сколько мне прийти завтра работать?

— Рабочие соберутся в поле часам к семи, — ответил Ральф. — Затем будет перерыв для завтрака в десять. К часу они разойдутся по домам на обед, затем будет небольшой перерыв в четыре, и дальше будете работать дотемна. Думаю, что раньше вам не справиться.

— Я тоже так думаю, — сказала я с чувством. — Это огромное поле. Я почти уверена, что работы там хватит на два дня, не меньше.

— Есть, сквайр, — шутливо согласился Ральф и притронулся к картузу.

— Никогда не зовите меня так, — нахмурилась я, — даже в шутку. Здесь будет сквайром Ричард. Мы оба — наследники, но он — мальчик.

— Но наследники все-таки вы оба, — сказал Ральф. — Вам следует настоять на своих правах.

Я вспомнила утверждение моей бабушки, что женщине никогда не следует ни на чем настаивать, и грустно покачала головой, но ничего не сказала.

Ральф улыбнулся.

— Тогда вы совсем не Лейси, — сказал он очень тепло, — ибо любой из них не задумываясь наступил бы на горло другому ради пяди земли. И Беатрис была хуже всех из них. Она ни перед чем не останавливалась, лишь бы владеть землей. А вы — законная наследница Лейси — толкуете о каких-то глупостях, будто кровь и плоть Вайдекра не поет в ваших жилах.

— Я — не Беатрис! — со внезапным нетерпением воскликнула я. — Меня воспитала моя мама, и я буду следовать ее советам. Доля женщины давать, а не брать. Кроме того, если я буду великодушна и справедлива с Ричардом, то он...

Тут я оборвала себя, ибо и так уже сказала слишком много.

— Вот в чем дело... — протянул Ральф вполголоса. Он подошел ближе к воротам, приоткрыл их и подошел ко мне.

— Земля и любовь, — в его устах эти обычные слова вдруг приобрели зловещее звучание, — вот то, что нужно Лейси. И женщинам Лейси в особенности. Беатрис выбрала землю. Я полагаю, что вы выберете любовь.

Я изучала его смуглое лицо, добрые глаза в сети морщинок.

— А любовь мастера Ричарда стоит того? — мягко поинтересовался он. — Стоит ли его любовь лоскутка этой земли, лучше которой не найти во всей Англии?

— О да, — ни минуты не колеблясь, ответила я. — Я любила Ричарда с самого детства. И я обещала любить его всегда.

— Ну, что ж, тогда вы сделали свой выбор, — кивнул Ральф. — Это любовь. Любовь, и затворническая жизнь, и все, что положено молодой леди, и не больше того. — Он издал короткий смешок. — Беатрис хорошенько бы вздула вас, если б была жива.

— Но быть молодой леди — мой долг, — начала я протестовать. — У меня нет другого выбора. Я рождена леди. Это часть меня самой.

— Вовсе нет, — уверенно произнес он. — Вы совсем не кисейная барышня. Но вы провели в затворничестве всю свою жизнь, словно молодой ястреб в клетке, и это сделало вас слабой и неуверенной в себе. И теперь вы воображаете, что влюблены в этого щенка, и позволяете ему третировать вас. Вы ведете себя как маленькая Дурочка и не знаете сами, что же вам нужно. Вы должны выбрать землю, только вы можете заставить ее плодоносить. Вы — наследница Беатрис. Ваша жизнь будет пустой и скучной, если вы намерены провести ее в гостинной, не думая ни о чем, кроме любви своего прекрасного кузена и других таких же

глупостях.

Ральф бросал слова подобно проповеднику, и я, слушая их, понимала, что эта истина всегда была мне известна, но никогда не была облечена в такие простые фразы. Внезапно Дауэр-Хаус представился мне темницей, в которой маленькую свobodную девочку насильно превращают в чопорную леди, на которую можно кричать, где можно грубо обращаться и которая будет гордиться тем, что она отвечает любовью на зло и жестокость. Я слегка нахмурилась, пытаясь понять, что же я сама думаю об этом всем.

— Что же мне в таком случае делать? — спросила я.

— Расти, — в голосе Ральфа не было и следа сочувствия. — Работайте над собой, Джулия. У вас есть мозги — пользуйтесь ими. У вас есть сердце, которое способно любить землю и говорить с людьми. Растите и старайтесь больше понять.

Я ответила укоризненным взглядом на его нервный тон. Но мой взгляд остался незамеченным. Ральф озорно усмехнулся мне и слегка подтолкнул к коляске.

— Поезжайте, мисс Джулия, — велел он. — Когда я голоден, я всегда бываю несколько раздражен. И запомните, пожалуйста, — никогда нельзя мешать рабочему человеку вовремя поесть. Ступайте домой — и не размышляйте слишком много. И не обещайте никому ничего, пока вы не уяснили для себя, что же вы хотите. — С этими словами он отвязал поводья и помог мне сесть в коляску.

— Извините, что была вынуждена оторвать вас от обеда, — сказала я тоненьким голоском, опустив глаза. — Я не собиралась сердить вас.

— Ничего, ничего, — воскликнул он, внезапно озадаченный. Но тут поймал мою улыбку и понял, что я смеюсь над ним. — Ступайте домой, Джулия Лейси, вам пора! — сердито заговорил он. — Ступайте дразнить кого-нибудь другого, кто больше подходит для этого. А я простой человек, да и голоден я сейчас.

Я громко расхохоталась, кликнула пони и, счастливо помахав Ральфу, отправилась домой.

Но мне было совсем не до смеха на следующее утро, когда Дженни разбудила меня в половине шестого с сообщением, что идет дождь и похоже, что он затянется на целый день.

— О нет! — простонала я и спрятала голову в подушку.

— К тому же там очень холодно, — добавила она с тайным злорадством человека, давно уже вставшего.

Я уселась и выглянула в окно. Да, день был действительно ненастный, с густым промозглым туманом и с мелким морозящим дождем.

— Сегодня слишком влажно, чтобы сажать яблони, — заявила я.

— Правда? — доверчиво переспросила она, тоже выглядывая в окно.

— Нет же, — рассердилась я. — Не слишком. Только затопите, пожалуйста, камин, я не могу вставать в такую погоду без огня.

Она кивнула и поспешила в кухню за растопкой. Я следила за ее работой, попивая свой утренний шоколад, и не стала вставать, пока комната достаточно не нагрелась. Только тогда я нашла в себе силы выпрыгнуть из кровати и быстро одеться.

Благодаря стараниям мамы у меня появилась еще одна новая амазонка, и сегодня я решила надеть ее в честь первого дня моей работы на полях. Она была из теплой шерсти светло-серого цвета, и к ней полагалась такая же шляпка. Мне шел этот цвет, поскольку он подчеркивал мои глаза, к тому же все последние дни у меня был зверский аппетит, и узкое платье делало меня стройнее, выше и элегантнее.

Растопив камин, Дженни одобрительно взглянула на меня.

— О, мисс Джулия, вы очаровательно выглядите в этом платье! — воскликнула она. — Вам идет серый цвет.

— Будем надеяться, что кто-нибудь разглядит меня в нем, — проворчала я, глядя на густой серый туман. — По-моему, я просто растворюсь в этом тумане и меня никто не заметит.

Она рассмеялась на мою мрачную шутку и спустилась на кухню. Миссис Гау и Страйд еще не встали, но меня ожидала на кухне корзинка с завтраком.

— Мы не знали, вернетесь ли вы домой к завтраку, — объяснила Дженни, — миссис Беатрис всегда брала завтрак с собой, так что миссис Гау оставила его для вас тоже. — Мы обе замолчали при этом неожиданном сравнении. — Миссис Гау просила узнать у вас, вернетесь ли вы домой к обеду.

— Если я не вернусь домой к двум, то не могли бы вы передать мне на поле что-нибудь поесть? Скорее всего, я вернусь. Погода явно не для пикника.

Я попрощалась с Дженни и вышла с заднего хода. Верхушка высокого кедра в нашем саду утопала в тучах, с листьев падали капельки дождя, все вокруг сочилось влагой, но дождь уже прекратился. Яблони должны были приняться. Я знала, что они примутся. Знала это так же хорошо, как знала свое собственное имя и линию холмов на горизонте.

Джем уже был в конюшне, он запрягал пони в коляску.

— Спасибо, — поблагодарила я его. Джем был совсем сонным, и я даже разглядела, что он накинул пальто прямо поверх ночной сорочки. — Если бы дядя Джон увидел вас в таком виде, вам бы пришлось распроститься с местом, — заметила я.

— Я проспал, — просто сказал он. — И решил, что будет лучше, если я запрягу вовремя лошадь, чем надену ливрею, но зато опоздаю на несколько минут.

— Я бы предпочла, чтобы вы запрягли лошадь вовремя, но при этом были в ливрее.

Он подал мне руку, и я улыбнулась ему. Это была моя первая попытка сделать выговор прислуге, и я не была уверена, что сделала его правильно.

— Вы не обиделись на меня, Джем?

Его грязное лицо расплылось в улыбке.

— Вы правы, мисс Джулия. Не переживайте, я совсем не обиделся.

— Спасибо, — еще раз зачем-то поблагодарила его я и с новой уверенностью отправилась в путь. Эта уверенность сопровождала меня весь день, и когда тележка с саженцами перевернулась и нам пришлось вытаскивать их из грязи, и когда первые ряды посадили слишком тесно и нам пришлось все переделывать заново, и даже когда мои работники отправились на обед слишком рано и вернулись слишком поздно.

— Нет, так не пойдет, — сердито заявила я Теду Тайку. — Я управилась за час, а мне ведь пришлось ехать в Дауэр-Хаус. Если между нами существует партнерство и сотрудничество, я не хочу быть здесь в качестве надзирателя и присматривать за вами. Вам следует приходить вовремя, поскольку это наше общее дело.

И Тед, давний товарищ моего детства, согласно кивнул и протянул мне руку, чтобы помочь выпрыгнуть из коляски.

— Ты права, — признал он. — Просто пока еще трудно в это поверить.

После этого короткого разговора работа пошла быстрее. И хотя половина поля была засажена безнадежно кривыми рядами, мы учились прямо по ходу дела, и я училась вместе со всеми. Поэтому, когда, после того как я дотошно рассчитала, сколько деревьев должно быть в каждом ряду и сколько рядов на поле, у нас осталось одно лишнее деревце, одиноко лежащее на повозке, все разразились таким гомерическим смехом, что у Теда на лице остались грязные полосы от слез.

— Фу, какая я глупая! — нетерпеливо воскликнула я. — Я все посчитала неправильно, и теперь для него нет места. Давайте посадим его в деревне на лужайке, и пусть детишки срывают с него яблоки. Может, это удержит их от этого сада.

— Н-н-ничего их не удержит, — возразил мне Мэтью Мерри. — Они просто р-р-разбойники. Помнишь, мы были точно такими же?

— Помню, — ответила я. — А посмотри на нас сейчас.

Клари, закончив работу, подошла к нам, и мы все посмотрели на поле. Ральф был не прав. И точно так же была не права я. Мы управились со всем всего за один день, и, хотя уже было темно и уже давно пора было вернуться домой, мы сделали то, что обещали себе. Мы сделали даже больше.

— Я устала, — простонала Клари.

Я глянула на нее с сочувствием. Ее мать только что родила еще одного ребенка, и Клари всю ночь нянчилась с ним, чтобы дать ей немного поспать.

— Давай я подвезу тебя, — предложила я, и они все вместе направились со мной к коляске.

— Мы пойдем следом, а то коляска будет перегружена и пони не сможет ее везти, — сказал Тед. — Увидимся завтра, Джулия.

Я молча кивнула и улыбнулась, слишком усталая для долгих разговоров. Но Мэттью придержал Клари за руку, когда она, усевшись, в изнеможении откинулась назад.

— Я забегу к вам сегодня вечером, — предложил он, — примерно около девяти. Я могу погулять с ребенком, когда он проснется.

Клари кивнула и потрепала его по щеке. Я тронула поводья, и коляска покатила по грязной дороге. Дождь давно перестал, но здесь, под деревьями, было темно и мокро.

— Мэттью помогает тебе нянчиться с ребятами? — спросила я Клари.

— Угу, — пробормотала она. — Он даже готовит им еду, когда я позволяю. Его уже поддразнивают из-за того, что он возится с нашими меньшими.

— Какой он добрый, — сказала я. — Но он всегда любил тебя.

— Да. Знаешь, Джулия, мы помолвлены. Теперь уже по-настоящему. И мы уже разговаривали с Ральфом Мэгсоном насчет коттеджа для нас. Он разрешил нам занять тот пустой дом возле лужайки.

Я сжала ее пальцы.

— Я рада за тебя, — тихо сказала я. — Мне всегда нравился Мэттью. И нравилось, как он относится к тебе. Но как же твоя мама справится без тебя?

— Я заберу двоих старших с собой, а Алиса пойдет служить в Мидхерст. Так что с мамой останутся только Джо и маленький.

Я кивнула. Клари нянчилась со своими братишками и сестренками так долго, что я даже не могла представить ее без них. Да и когда я говорила с ней, меня переполняло какое-то странное чувство. Такое же, как было, когда мы сажали эти яблони, когда я осматривала землю. Чувство, что все в Экре идет правильно. И для земли, и для людей.

— А как насчет тебя? — коротко спросила Клари. — Это будет Ричард?

Я кивнула.

— Но это секрет, — предупредила я.

— Ужасный секрет, — произнесла она с улыбкой. — Весь Экр знал, что вам предназначено пожениться, еще когда вы только родились.

— Экр, может, и знал, — сухо ответила я, — но если это дойдет до мамы или дяди Джона, то у меня будут неприятности.

— Они все еще против? — Клари метнула на меня косой вопросительный взгляд. — Даже теперь, когда появились деньги?

— Да, деньги здесь никакой роли не играют.

— Может быть, твоя мама хотела бы для тебя кого-нибудь получше? — испытующе спросила Клари.

— Едва ли может быть лучший вариант для поместья, — возразила я, но Клари покачала головой.

— Не для поместья, Джулия, а для тебя. Кто-то, кто больше бы подходил тебе, кто больше любил бы тебя, а не смотрел на тебя как на часть своего состояния. — Ее голос был так тих, что я едва слышала ее. — Кто-то, кто обращался бы с тобой лучше.

Тут мы добрались до ее коттеджа, и я остановила пони.

— Не у каждой из нас есть такой Мэттью, — ответила я. — Я люблю Ричарда и не жалею.

— Я знаю. — И мы обе помолчали.

— Черт возьми, — совсем другим голосом заговорила она. — Опять огонь в очаге потух.

— Давай я пойду с тобой и помогу, — предложила я.
— Не надо, — мягко отказалась она. — Ты тоже целый день работала. И, думаю, работала еще больше, чем мы, бегая все время и подсчитывая эти чертовы ряды.
— Да, и в конце концов ошиблась.
Клари весело расхохоталась:
— Это было самое смешное из всего, что я когда-либо видела. Мне показалось, что Тед даже икать начнет от смеха.
— Зато в Экре теперь будет собственная яблоня. Ты уверена, что мне не стоит заходить к тебе?
— Нет, нет, не надо. Чем скорее я начну, тем скорее закончу. — И она выпрямилась, поднявшись устало, словно была старухой, а не семнадцатилетней девушкой. — Ох, не хотела бы я танцевать сегодня вечером.
— Я тоже, — подтвердила я. Она повернула на тропинку к дому, а я, помахав ей на прощанье, направила пони домой.

Глава 10

— Джулия! Джу-улия! Где ты там? — послышался голос дяди Джона из холла. Быстро спрыгнув с постели, я подбежала к двери и открыла ее.
— Что случилось? — спросила я громко.
— Сюрприз! — был ответ. — Спускайся поскорей!
Я скинула ночную рубашку и натянула старенькое муслиновое платье, когда-то бывшее розовым, а теперь ставшее лиловым от многих стирок. Торопясь на зов дяди Джона, я не стала закалывать волосы наверху, а просто перехватила их лентой, будто бы была все еще маленькой девочкой. Затем сунула ноги в туфли и поспешила вниз по лестнице.
Парадная дверь была широко распахнута. На ступеньках стоял дядя Джон, с кем-то разговаривая.
Это был Ральф.
Он сидел верхом на огромном вороном коне, при виде которого у меня перехватило дыхание. Это был конь из моего сна. Сидя на нем, Ральф возглавил толпу, бегущую к Холлу. Я облокотилась рукой о притолоку двери, чтобы не упасть, и почти испуганно глянула на Ральфа. Он успокаивающе улыбался мне, будто понимая, о чем я подумала, и говоря: «Не будь глупенькой, Джулия».
И тут я увидела кое-что еще. Он вел на поводу другую лошадь. Чудесную кобылку, шкурка которой была такого светлого цвета, что казалась почти серебряной, а глаза были черными-пречерными. Грива и хвост, блестящие на солнце, сверкали белизной, напоминая морскую пену у берега.
— Посмотри-ка на это! — восторженно обратился ко мне дядя Джон. — Я говорил мистеру Мэгсону, что ищу лошадку для тебя, и взгляни, что он нашел.
Ральф Мэгсон улыбнулся мне.
— Это дамская лошадь, — объяснил он. — Один лорд неподалеку от Рогата продает ее, так как его дочь перестала заниматься верховой ездой. Он заплатил за нее хорошую цену и теперь тоже запрашивает немало. Но я решил, что вам будет интересно взглянуть на нее. Я видал ее прежде, по-моему, она отличная. Я забрал ее вчера после аукциона овец.
— Выглядит она замечательно, — с энтузиазмом подхватил дядя Джон. — У меня был когда-то конь точно такой же масти. Араб. Это была изумительная лошадь!
Ральф кивнул.
— О ней до сих пор говорят в деревне, — любезно подтвердил он. — Кажется, его звали Си Ферн.
— Надо же, помнят, — удивился дядя Джон. — Да, я его так называл, и он был такой же светлый и яркий, как эта красавица.
Я едва слушала их, спускаясь по ступенькам в полной растерянности. Дядя Джон и

Ральф обменялись смеющимися взглядами, и дядя Джон подошел ко мне, спрашивая:

— Ты, наверное, захочешь сразу прокатиться на ней, да, Джулия?

Я кивнула. Серая голова совершенной формы нырнула вниз, и лошадь обнюхала мои пальцы. Я подошла к ней, и дядя Джон подсадил меня в седло. Неловко опершись коленом о поммель седла, я попыталась расправить юбку. Я сидела в седле всего второй раз в жизни, причем в дамском седле первый раз.

— Проводите ее, пожалуйста, — попросил дядя Джон мистера Мэгсона. — Ты попробуешь скакать верхом? — спросил он меня.

— Да, — выдохнула я в полном восторге.

Ральф кивнул и, наклонившись вперед, дал мне поводья и показал, как надо их держать. Они послушно и легко легли в мои руки, и, когда лошадь Ральфа направилась к воротам, моя чудная серая кобылка шагнула следом за ней.

— Мне приятно, — отрывисто сказал Ральф, когда мы медленно двинулись вдоль дороги, — когда вы скачете рядом.

Я ничего не ответила, едва слыша его. Меня полностью поглотил ритм шагов лошади, и я испытала странное незнакомое чувство оторванности от земли.

— Я бы лучше села по-мужски, — заявила я. — А то я чувствую себя неуверенно.

Он хмыкнул:

— Я представляю лицо вашей мамы, когда вы попросите у нее бриджи. А про леди Хаверинг и говорить нечего.

Я тоже рассмеялась и сразу же вернулась в реальный мир. До этого я была как во сне.

— Беатрис держалась на лошади не хуже любого мужчины, а ведь она ездила в дамском седле, — утешил меня Ральф. — Я думаю, для леди действительно безопаснее скакать по-мужски, но мир, в котором мы живем, больше заботится о том, как леди выглядят, чем о том, что они делают.

Я вынуждена была согласиться с этим утверждением.

— Давайте поскачем рысью, — предложил он, и мы так и сделали. Сначала я не слишком грациозно наклонялась из стороны в сторону, пытаюсь сохранить равновесие, но потом мне удалось поймать ритм скачки и я уже сидела в седле достаточно твердо.

— Как ее зовут? — спросила я у Ральфа, когда мы поравнялись.

— Перри, — ответил тот. — Не думаю, что это имя вам понравится.

— Совсем не нравится, — согласилась я. — А давать новое имя лошади не значит навлекать на нее беду?

— Если бы вы скакали как Беатрис, — улыбаясь, сказал Ральф, — вам не было бы никакого дела до благополучия лошади, вас бы скорей заботила ваша собственная судьба.

— Значит, я могу дать ей имя? — спросила я.

— Если вы захотите оставить ее у себя, — поддразнил он меня.

Я минуту подумала.

— Как звали лошадь дяди Джона?

— Си Ферн¹, — ответил Ральф.

— Тогда я назову ее Си Мист², — решила я. — Ее грива и хвост такого же белого цвета, как бывает туман над морем.

— Будете звать ее Мисти? — предположил Ральф.

— Да, — улыбнулась я. Теперь, когда моя лошадь имела имя, мы скакали вперед в согласном молчании, затем повернули к дому.

— Хотите галопом? — подзадорил меня мой спутник. Когда я согласно кивнула, он послал своего жеребца вперед, и тот пошел, не останавливаясь, легким, широким шагом. С

¹ Си Ферн — морской папоротник (англ.).

² Си Мист — морской туман (англ.).

испугу я схватилась за поммель, но Си Мист рванулась вперед и я с удивлением ощутила, что сижу, даже не наклоняясь в сторону. Ральф оглянулся через плечо и рассмеялся при виде моей озадаченной физиономии. Мы с грохотом скакали по аллее, и солнечные блики играли на моем лице. Я думать забыла о страхе перед падением и, склонившись к гриве моей лошадки, все посылала и посылала ее вперед, все быстрее и быстрее, и Ральф смеялся и тоже подгонял своего жеребца.

— Отлично! — прокричал он. — И помните, даже если вы боитесь упасть, хватайтесь только за седло или за гриву. Смотрите не повредите ей рот. У этой лошади рот как атлас. Я бы не привел ее сюда, если бы не верил, что у вас легкая рука.

Я кивнула.

— А что Ричард? — спросил Ральф. — Он тоже хочет лошадь?

— Не думаю, — сказала я. — Он не хочет вводить Джона в этот расход, пока будет занят учебой. А если ему понадобится объезжать поместье, он всегда может воспользоваться лошадью Джона, Принцем.

— А что он вообще за парень? Что за сквайр из него выйдет? — неожиданно спросил Ральф.

— Он очень беспокоится о том, как быть Лейси, — ответила я, осторожно выбирая слова. У меня появилось ощущение, что вопрос задан серьезно и ответ должен быть точным. — Он все сделает для того, чтобы сохранить поместье.

— А что у него за характер? — продолжал свои расспросы Ральф.

— Очень хороший, — уверенно ответила я. — Он очень редко сердится и никогда не раздражается, особенно при свидетелях.

— Такой нрав не по мне, — протянул Ральф. — Не злой ли он человек? Что обычно сердит его?

Я задумалась. Никогда раньше я не пыталась понять причины вспышек гнева Ричарда. Я воспринимала их скорее как случайную бурю среди безооблачного лета.

— Он сердится... — попыталась я выразить свою мысль словами. — Это бывает, когда он боится, что не будет первым.

— Любит быть фаворитом, да? — спросил Ральф.

Это слово затронуло какую-то струну в моей душе.

— Он хочет быть избранным дитя. — Наши глаза встретились, и мы оба услышали в воздухе тихий звон, будто резонанс произнесенных слов. — Он говорит, что это он — избранное дитя, — повторила я.

Ральф помолчал несколько минут.

— Ох уж эта деревня и ее суеверия, — раздраженно произнес он. — Даже знать так же плоха, как худшие из них. — И он недовольно покрутил головой. — Может ли он держать свое слово? Если он станет первым в Вайдекре? Если он действительно привилегированное дитя?

— Да, — уверила его я. Я доверяла Ричарду всю жизнь, сколько знала и любила его.

— Я ведь не слепой, — откровенно объяснил Ральф. — И прекрасно вижу, что его мало привлекает система общих прибылей. Но если он пообещает придерживаться ее, пообещает вам и всем нам, то сдержит ли он свое слово? Или он способен нарушить обещание?

Я ответила не сомневаясь ни минуты:

— Если он даст слово, то обязательно сдержит его.

Ральф посмотрел на меня скептически, но потом удовлетворенно кивнул и, повернувшись в седле, взял у меня поводья.

Парадная дверь отворилась, и на ступени вышел Ричард. И сразу я будто бы замерла. Память сохранила мои детские воспоминания о той поездке на Шехеразаде, и мгновенно меня захлестнуло чувство вины перед Ричардом.

Я вынула ноги из стремян и соскользнула с лошади, даже не дожидаясь помощи Ральфа. Я хотела на всякий случай держаться подальше от лошади, от моей чудесной лошадки, боясь, как бы ее вид не рассердил Ричарда. Несмотря на мои уверения, что Ричард

не хочет лошади, я не очень представляла, какой будет его реакция на мои прогулки верхом.

— Ричард! — несколько нервно улыбнулась я. — Взгляни на эту чудесную кобылку, которую нам привез мистер Мэгсон.

Я подобострастно заглянула ему в лицо и, к своему облегчению, увидела, что Ричард улыбается и даже тени гнева нет в его глазах.

— Замечательное животное, — и он любезно кивнул Ральфу. — Она продается?

— Да, — лаконично бросил Ральф. — Она и мисс Джулия поладили друг с другом.

— Мне кажется, Джулия — прирожденный наездник, — галантно произнес мой кузен.

— Она — Лейси, — Ральф произнес это так, будто этими словами объяснил все. — Я отведу ее на конюшню, мисс Лейси. Пусть она постоит у вас пару дней, и затем вы решите, стоит ли ее покупать. Если вы передумаете, я отвезу лошадку обратно во время следующей поездки. Если же она вам понравится, то я уже сказал вашему дяде, сколько она стоит.

— Это дорогая лошадь? — вмешался Ричард.

Ральф смотрел на него сверху вниз с непроницаемым выражением лица.

— Мисс Джулии нужна хорошая лошадь, — сдержанно ответил он. — Она — наследница Вайдекра, так же как и вы, и ей нужно объезжать поля и все поместье. Да и само ее положение в обществе обязывает иметь хорошую верховую лошадь.

— Разумеется, — Ричард поспешил тут же согласиться. — Для мисс Джулии не может быть ничего слишком дорогого. — Что-то в его голосе предупредило меня, что он не так доволен, как кажется, но, когда он повернулся ко мне, глаза его улыбались. Он подал мне руку и повел вперед, словно подавая урок хороших манер. Я помедлила и обернулась к Ральфу.

— Благодарю вас, Ральф, — сказала я, и только он знал, как много искреннего чувства было в моих словах.

— Ты выглядела так элегантно верхом на этой лошади, что, наверное, теперь не захочешь со мной даже разговаривать, — говорил мне Ричард, пока мы шли к дому. — Ты сидела как настоящая молодая леди. Но для меня ты всегда будешь моей маленькой кузиной!

Мы вместе вошли в дом и остановились в холле. Там было полутемно из-за задернутых от жары занавесей. Лицо Ричарда показалось мне чужим и странным в этом полумраке, и я почувствовала, как забилося мое сердце, словно это был не мой кузен, а кто-то пугающе незнакомый. По моему телу пробежала дрожь — не то боли, не то страха, — и колени стали ватными.

Ричард подошел ко мне ближе и обнял меня за талию.

— Ты слегка побледнела, Джулия. Надеюсь, прогулка не утомила тебя?

— Нет, — испуганно сказала я. — Совсем не утомила.

— Это странно, — тихо продолжал он. — Ты такая хрупкая, Джулия. Ты, должно быть, похудела последнее время, или это я вырос. Ты тоже стала будто выше и тоньше, смотри, я даже могу обхватить твою талию двумя руками. — Он все еще стоял передо мной и держал руки у меня на талии. Даже сквозь платье я чувствовала горячее тепло его ладоней и силу его объятий.

— Мы оба выросли, — почти беззвучно произнесла я. Ричард приблизил свое лицо почти вплотную ко мне, я ощущала на щеке его дыхание. Его глаза стали совсем черными, но не от гнева. Некоторое время мы простояли совершенно неподвижно в пустом и полутемном холле, не осмеливаясь придвинуться ближе друг к другу и будучи не в силах разойтись.

Тут вдруг послышался мамин смех из гостиной, и мы отпрянули друг от друга, будто делали что-то плохое.

— Я, пожалуй, пойду, — пробормотала я тихо и двинулась к лестнице.

— Джулия, — позвал Ричард, и я остановилась.

Моя рука уже лежала на перилах лестницы, но я молча ждала, когда он подойдет ко мне. Голова моя кружилась от восторга и волнения.

Он не стал подходить вплотную, но, остановившись у первой ступеньки, низко

наклонил голову и поцеловал мою руку, лежавшую на перилах. Затем он поднял на меня совершенно непроницаемые глаза, внимательно глянул в мое лицо, круто повернулся на каблуках и вышел. Я осталась одна.

На минутку я прижала руку той стороной, которую он поцеловал, к щеке и стала тихо-тихо подниматься по лестнице. Я чувствовала, что мне следует побыть одной, совершенно одной, и все обдумать. Но когда я оказалась у себя и дверь за мной закрылась, я поняла, что голова у меня идет кругом. Меня одолевали противоположные чувства: я ощущала пробуждение странной чувственности, незнакомой мне прежде и пришедшей ко мне вместе со снами о Беатрис. Другим чувством было большое смущение и неловкость. Мы всегда жили с Ричардом как брат и сестра, и я привыкла так к нему и относиться. И хотя мы с детства болтали с ним о будущей свадьбе и о совместном владении землей, я никогда не задавалась мыслью, что когда-нибудь он станет ухаживать за мной. Прикосновение его ладоней к моей талии, тепло его дыхания на моей щеке — все это одновременно и наполняло меня волнением и заставляло содрогаться, будто в этом было что-то плохое.

Что-то ужасно плохое.

Это смущение не оставляло меня за завтраком, подогреваемое к тому же тайными взглядами Ричарда. Дядя Джон и мама смеялись над письмом, которое она получила, и не замечали моей неловкости.

— Какие у вас планы на сегодня, моя дорогая? — спросил дядя Джон у мамы, когда она разливала кофе.

— Сегодня я стану на один день белошвейкой, — ответила она с веселой улыбкой. — Девочки попросили научить их отделять платья и шляпки лентами. Боюсь, что наша нищая деревня станет самой кокетливой в графстве, доктор Пирс может не одобрить этого.

— Это еще не все, — подхватил дядя Джон, — Мистер Мэгсон предложил выделить девушкам приданое, чтобы они могли выйти замуж, когда захотят. Я согласился и теперь живу в ежечасном страхе, что нагрянет ваш отчим и уличит меня в радикализме.

— Это не радикализм, — немедленно ринулась я на защиту Ральфа. — Это обыкновенный здравый смысл. Если девушки смогут выйти замуж в Экре, то им не понадобится куда-то уезжать и поступать в услужение. Мы сохраним семьи, и люди будут больше работать здесь.

— Я понимаю, — сказал дядя Джон. — И я согласен с этим, Джулия. Больше того, если земля не может сделать молодых людей счастливее, то к чему тогда все наши хлопоты.

Мама согласно кивнула.

— Скоро мне пора отправляться в Экр, — сказала она и встала из-за стола. — А что ты собираешься делать сегодня, Джулия?

Я вопросительно взглянула на дядю Джона.

— Сегодня у меня будет своего рода выходной, — полувопросительно ответила я. — Можно? Я хотела бы поскакать на Мисти к холмам и взглянуть на новых овец, которых привез мистер Мэгсон. А потом почитать некоторые брошюры о фруктовых деревьях и о том, как их выращивать. Оказывается, бывают ужасные болезни, которыми болеют деревья, а я в них ничего не понимаю.

— Скажите, сэр, а вы не могли бы быть доктором для ее деревьев? — спросил Ричард отца. — Лечить их, правильно питать?

— Можно попытаться, — ответил тот. — Но сегодня мне нужно в Экр. Если тебе понадобится рецепт для твоих яблонь, Джулия, то дай мне, пожалуйста, знать.

Мы поднялись из-за стола, и я прошла с мамой в холл. Парадная дверь стояла открытой, и в комнату Щедрым потоком лился теплый воздух. Утренний туман наконец рассеялся, и Вайдекр весь сиял и переливался новыми красками свежей весны. Я даже моргнула от яркости первых листочков, словно заглядывавших к нам в дверь.

— Как зелено все сегодня, — невольно произнесла я.

— Да, сегодня первый погожий день, — согласилась мама, складывая в сумочку клубки шерсти. — Но, пожалуйста, будь осторожней на новой лошади. И обещай мне, что не будешь

скакать галопом и не отправишься дальше овечьего выгона. К обеду возвращайся вместе с Ричардом.

Я легко пообещала ей это и поцеловала на прощанье. Затем мы с Ричардом договорились встретиться в два часа у овечьего амбара, я проводила его взглядом и отправилась в библиотеку читать умные книги о фруктовых деревьях.

Среди них я обнаружила мамины романы из чичестерской окружной библиотеки, взглянула на заголовки, и следующее, что я услышала, были шаги Страйда, принесшего мне кофе. Было уже начало второго!

— О нет! — воскликнула я. — Я обещала Ричарду приехать к амбару к двум часам! Страйд, попросите, пожалуйста, Джема запрячь Мисти. Я прибегу как только переоденусь.

Чашку с кофе я взяла с собой в спальню и выпила его, пока переодевалась. Мама сдержала свое обещание. Теперь я могла надеть одну из новых амазонок. Она была чудесного кремового цвета, с отделкой у шеи плиссированной оборкой из бархата. К ней полагалась маленькая шляпка такого же тона, и по настоянию Джона мама купила мне новые ботинки для верховой езды с маленькими светло-желтыми пряжками, которые лично мне казались верхом элегантности. Я могла бы долго любоваться ими, но помнила, что Ричард будет ждать меня в два часа и что — это было даже более важно — у конюшни стоит запряженная Мисти.

Шкурка ее так лоснилась на солнце, что казалась почти белой. Джем почистил ее хвост и гриву, так что она вся просто сияла, как новенькая монетка. Он тепло улыбнулся моему обрадованному лицу и подставил сложенные ладони, чтобы я могла опереться на них ногой.

— Поезжайте медленнее, мисс, — серьезно предупредил он, и я тут же вспомнила его дядю, Джона Денча, который преподавал мне первый урок верховой езды. — Не скачите на ней галопом в первый же день. Мы хотим, чтобы вы вернулись верхом, а не пешком.

Я кивнула, почти его не слушая.

— Я буду осторожна, — пообещала я и тронула поводья. Мисти повернула свою чудесную голову к аллее. Мгновенно ее ушки насторожились, и она легким шагом, словно танцуя, побежала вперед.

Ветви над моей головой сверкали зеленью, каждый листочек трепетал от свежего ветра. По обеим сторонам дороги тянулись изгороди, сплошь покрытые светлыми цветами раннего шиповника, и повсюду царил аромат дикого чеснока. Небо то и дело перечеркивали стремительные полеты птиц, и воздух оглашался воркованием множества лесных голубей.

У ворот сторожки Дженни и два ее младших ребенка сажали картофель на грядки. Они помахали мне, и две младшие девочки, Нелл и Молли, подбежали к воротам.

— О, мисс Джулия! Какая чудесная лошадка! — наперебой заговорили они, прижав личики к ограде.

— Сегодня я не смогу покатаь вас, — ответила я на невысказанную просьбу. — Я сама еще сижу на ней не совсем уверенно, потому что только учусь скакать верхом. Но когда я освою верховую езду, то непременно посажу каждую из вас впереди себя и немножко покатаю.

Детишки просияли от радости, и мы с Мисти направились к деревне. Самая короткая тропинка к холмам пробегала позади деревни, мимо того поля, которым жители Экра владели совместно. Ральф Мэгсон настоял, чтобы каждая семья владела небольшой полоской земли, на которой бы она сажала для себя овощи. Но именно я предложила отвести эти полоски на том поле, которое Беатрис огородила под пшеницу. Мне было известно, что засеивалось оно только однажды и с тех пор все время простояло под паром. Кроме того, оно находилось ближе всего к деревне и к Фенни — обстоятельство немаловажное в случае, если потребуется много воды.

— Да, мисс Джулия, не хотел бы я видеть вас в числе моих врагов, — полушутливо заметил Ральф, когда я высказала это предложение. — Это умный шаг.

На это я улыбнулась.

— Надеюсь, мы никогда и не станем врагами, — ответила я. — Пока наши с вами

интересы и интересы Деревни совпадают, у нас не будет поводов для вражды.

Ральф откинул назад большую седеющую голову и расхохотался.

— Совсем никаких! И да здравствует всеобщее братство между хозяевами и работниками!

— Аминь! — улыбнулся дядя Джон, поглядывая на каждого из нас поочередно.

— Аминь? — переспросил Ральф, все еще улыбаясь. — Скорее — Аллилуйя! Наконец настало царство свободы! Совсем как во Франции!

Мы еще немного посмеялись, и Ральф с дядей Джоном согласились, что удобнее всего разместить участки на этом поле, а пока засадить его клевером, чтобы не уходила сила из земли. Попозже мы можем посадить рядом пшеницу или даже какие-нибудь фруктовые деревья.

До сих пор в высокой траве были видны межи, и кто-нибудь из деревенских стариков, указывая на участок, заросший не менее, чем соседний, мог сказать: «Это мое, когда-то я сажал здесь морковь и пастернак».

Си Мист так легко бежала вперед, трава так мягко стелилась ей под ноги, что я позабыла все данные мной обещания и послала ее в быстрый галоп, который был гораздо удобнее для меня, чем ее бег рысью. Я наклонилась к ее волнистой гриве, смещая вес, и все посылала и посылала ее вперед, быстрее и быстрее, пока мы не промчались по гребню холма в безудержном вихре, от которого ветер свистел в ушах и слышен был только топот ее копыт да мой крик: «Пошла! Но! Пошла!». И она шла все быстрее и быстрее, словно мы скакали наперегонки с ветром.

Моя лошадка по собственной воле выбрала правильную тропинку, которая вела через поле к выгону для овец. И это было очень кстати, так как я понятия не имела, как повернуть ее, если бы она пошла не в том направлении. Но это была умная и добрая лошадка, и начать взбираться на самый верх холма ей просто не пришло в голову. Я скакала бы на ней хоть весь день, но я помнила, что обещала Ричарду приехать за ним к двум часам; и когда, подскакав к амбару, я увидела привязанного около него Принца, я испытала угрызения совести. Я остановила Мисти и, соскочив с седла, вошла в открытую дверь амбара.

После яркого солнца мне было не разобрать, что творится внутри. А когда мои глаза привыкли к полумраку, я не смогла поверить тому, что вижу.

Ричард стоял прижавшись к дальней стене амбара. Его шляпа слетела на пол, и сам он выглядел так, словно увидел привидение: на бледном лице расширенные от ужаса глаза казались огромными.

Овцы столпились вокруг него огромным полукругом и стояли плотно прижавшись друг к другу. Я дико оглянулась вокруг в поисках пастуха или его собаки, ибо никогда прежде не видела, чтобы овцы сбивались в такую кучу, разве только если какой-нибудь ягненок был в опасности.

И они подходили к нему все ближе.

Не веря своим глазам, я увидела, как вожак переступил копытами и угрожающе наклонил голову. Остальные тоже шелохнулись, их крупы прижались один к другому еще плотнее, бессмысленные желтые глаза загорелись ярче, а узкие белые морды придвинулись туда, где стоял Ричард.

Они теснили его, как может теснить маленькую собачонку свора собак. Но эти овцы теснили человека.

На мгновение меня охватил тот же ужас, который заставил Ричарда прижаться к стене. Глубокий, первобытный страх человека перед необъяснимым, перед тем, чего не должно быть, перед тем, что противно самой природе. Если бы я была суеверной, я бы подумала, что наши овцы одержимы дьяволом, и, когда самый крупный баран еще раз переступил копытами и придвинулся к Ричарду, мне захотелось спастись бегством.

Но будто сам воздух Вайдекра вселил в меня мужество, и я сказала себе: «Нет!».

— Нет! — повторила я громко. Ричард повернул голову к двери и на фоне светлого дверного проема увидел меня.

— Джулия! — позвал он, и его голос был хриплым от страха. — Джулия! Помоги мне! Эти овцы сошли с ума.

— Нет! — сказала я снова и, подхватив одной рукой подол амазонки, видно для храбрости, я направилась к нему. Я шла в самую середину овечьего стада, уверенно ступая новыми ботинками с кокетливыми желтыми пряжками, и овцы расступались передо мной.

Да, конечно, они расступились. Так и должно было быть. Только вожак наклонил голову и наставил на меня рожки, но я снова повторила «Нет!», и он тоже отступил с моего пути.

Ричард не двигался, пока я не подошла к нему вплотную, тогда он ухватился за меня так сильно, будто бы мы тонули.

Я крепко держала его, и мы двинулись к выходу. Но стоило Ричарду приблизиться к порогу, как вожак и две матки двинулись за ним, не сводя с него янтарных глаз.

— Шу! — сказала я им, будто деревенская девчонка своим курам, и они остановились. Я обернулась, чтобы посмотреть, успел ли Ричард покормить их. Оказалось, что нет. Ведро, полное корма, стояло тут же у двери. Я быстро схватила его и высыпала траву в кормушку. Тогда они поспешили туда, не обращая больше на нас никакого внимания. И я метнулась к порогу следом за Ричардом.

Он сидел прямо тут же, подставив бледное лицо свету и теплу. Его глаза были закрыты. Я молча села рядом с ним. Я не имела понятия, что же произошло в амбаре, но то, что я видела, было невероятным.

— Овцы пошли за мной, — тихо заговорил Ричард. — Я вошел в амбар, чтобы накормить и напоить их, а они вдруг сгрудились вокруг меня и образовали кольцо. Я поставил ведро с кормом на землю, думая, что они голодные, но они и не смотрели на него. Им нужен был я.

— Где пастух? — спросила я.

— Он прислал ребенка сказать, что заболел, — Ричард потряс головой, словно он сам не верил в то, что произошло. — Я сказал ему, что сам могу покормить овец. Я собирался насыпать им травы. Но как только я очутился в амбаре, они окружили меня и стали надвигаться. Я все отходил и отходил, а они все надвигались и надвигались. Я отступал, пока они не оказались между мной и дверью. Так я оказался прижатым к стене, а они все подходили и подходили ко мне. — Тут он вздрогнул и опустил голову к коленям. — Обычно овцы так не ведут себя, — тихо закончил он.

Я ничего не говорила, только обняла его за плечи и стала успокаивающе поглаживать его щеку. Его рубашка была мокрой от пота. Смертельный страх не отпускал его. И неожиданно я вспомнила, как боялась, прядала ушами и отступала от Ричарда Шехеразада, когда впервые увидела его. Как она, в страхе заложив ушки назад, отходила неровными шагами, когда он направлялся к ней.

— Это не имеет значения, — мягко заговорила я. Что еще я могла бы сказать. Сцена в темном амбаре была словно из ночного кошмара, одного из тех болезненных ночных кошмаров, когда самые привычные предметы становятся неузнаваемыми и пугающими.

— Вот именно, — Ричард быстро согласился, будто старался побыстрее забыть эти минуты жалкого страха. — Совершенно никакого значения.

— Поедем домой? — Взглянув на солнце, я поняла, что уже больше половины третьего.

— Через минуту, — сказал Ричард. — Что мы будем делать с овцами?

— Я открою дверь и выпущу их в поле, — ответила я, вставая на ноги. — И пересчитаю их, когда они будут выходить. Пусть Жиль сам смотрит за ними, когда поправится.

— Хорошо, а я пока закрою ворота, — предложил Ричард. Он быстро направился за лошадьми, и я поймала испуганный взгляд, который он бросил на меня через плечо. Он беспокоился, чтобы я не открыла двери амбара раньше, чем он окажется за оградой выгона. Поэтому я спокойно подождала, пока он не заведет обеих лошадей на территорию выгона и

не закроет за собой ворота. Только когда он вспрыгнул в седло и кивнул мне, я двинулась к амбару.

В сумраке множество белых морд повернулись ко мне разом и уставились на меня бессмысленными глазами. Я опять ощутила приступ страха, страха, который испытывает одинокое существо перед враждебной толпой.

— Нет! — сказала себе я и, высоко вздернув голову, с высокомерием, присущим гордой рыжеволосой Беатрис, широко распахнула дверь и остановилась подле нее.

Овцы не торопились, но вид поросшего травой выгона был таким соблазнительным, что старый вожак наклонил голову и быстро пробежал мимо меня наружу. Остальные послушно направились за ним, лишь одна глупая овечка побоялась идти вперед и бросилась в мою сторону. Я схватила с пола старую сморщенную репку и бросила в нее. Тогда овца прошмыгнула мимо меня следом за всеми. Я была рада, что ударила ее. Я тоже боялась.

— Все сделано, — крикнула я Ричарду, выходя из амбара и направляясь к воротам. Он подвел Си Мист поближе, и я вскочила в седло.

— Ненавижу овец, — с облегчением сказал Ричард. — И скажу папе, что никогда не стану ими заниматься. Я лучше сосредоточусь на строительстве Холла. Там еще Бог знает сколько работы!

— Да? — переспросила я, радуясь, что можно увести разговор в сторону. — Ты нашел поблизости подходящую каменоломню?

— Думаю, что нам следует использовать каменоломни неподалеку от Бата, — ответил он. — Камень, который добывается здесь, по мнению архитектора, слишком мягок. Я надеялся отыскать что-нибудь подходящее поблизости, чтобы выиграть на транспортировке. Но по проекту для строительства дома годится только желтый песчаник.

— Мне нравится такой цвет камня, когда он новый, — заметила я. — А можно будет использовать старый камень прежнего здания?

— Это уже другой вопрос. Я стараюсь убедить архитектора сохранить остов прежнего Холла, чтобы нам не пришлось рыть заново погребов и место для фундамента. Это бы здорово облегчило труд и к тому же сэкономило уйму камня. Но он, разумеется, хочет все сделать по-своему.

Я кивнула, и, когда тропинка расширилась, мы поскакали бок о бок. Дорогой я все продолжала расспрашивать Ричарда о строительстве дома. Об отаре овец, оставленной нами на нижних склонах холма, мы больше не вспоминали. Ричард, правда, в тот же день улучил минуту и о чем-то тихо переговорил с отцом.

Дядя Джон — уроженец города и потомок многочисленных торговцев — не нашел отвращение Ричарда к скотоводству странным. Таким образом, овцы и маленькое стадо молочных коров стали с того дня моей заботой. Кто-то должен был делать и эту работу тоже. У мамы была ее школа, дядя Джон пекся о здоровье деревни и о деловой стороне нашей жизни, Ральф Мэгсон заботился о том, чтобы осваивать все новые и новые сельскохозяйственные культуры, Ричард взял на себя ответственность за строительство, а я целыми днями смотрела за живностью, за состоянием полей, за всходами. Я была очень занята, очень измотана... и чувствовала себя настоящей Лейси на своей земле.

Ричард не интересовался поголовьем скота.

Он не интересовался землей и урожаем.

Он не имел дела с арендаторами, с работниками, словом, не мог постичь премудрости обладания землей.

Самой большой его любовью, самым любимым занятием была постройка Холла. Все мы поняли, что он разбирается в этих делах с каждым днем все лучше и лучше. Только Ричард был способен — и делал это со страстью — в течение нескольких часов возиться с десятками образцов камней и наконец выбрать из них один подходящий.

— Этот камень чуть темнее, чем обычный песчаник, — объяснил он дяде Джону, Ральфу и мне, когда мы все собрались однажды утром в библиотеке обсудить вопрос о посадке ягод. — Но он подойдет к камню старых стен. Конечно, и архитектор, и строители

хотели строить все заново, но я уверен, что поступил правильно, выбрав этот камень, хоть его и придется возить издалека. Зато его потребуется почти в два раза меньше, поскольку можно будет использовать прежний. Мне нравится сама мысль возродить Холл из руин.

Ральф Мегсон недовольно приподнял брови, не поднимая головы от разостланного перед нами на столе плана.

— Но у меня нет лишних рабочих рук, — предупредил он. — И наши люди не имеют опыта строительства.

— Я уже говорил с архитектором, — кивнул Ричард. — И мы решили, что лучше всего нанять опытных строителей. Их можно будет поселить в Мидхерсте и каждый день привозить сюда в фургоне. Как вы думаете, это не вызовет недовольства в Экре?

Ральф надул щеки и пристально посмотрел на дядю Джона.

— Эти люди будут работать за жалованье, так я понимаю? Без всякого участия в прибылях?

Дядя Джон спокойно встретил ироничный взгляд Ральфа.

— Не станем из-за этого устраивать баталии, — ответил он. — Они будут работать за жалованье. Кроме того, осенью мы найдем бригаду жнецов, и они тоже будут работать за поденную плату. Экр не будет обижен.

— Обиды кончатся, как только наша доля в прибылях станет больше, чем их жалованье, — парировал Ральф.

— Перейдем к следующему вопросу, — продолжал дядя Джон, не обратив внимания на его замечание. — Мистер Мегсон, я бы хотел, чтобы вы взглянули сюда... — и он закрыл план Ричарда раскрашенной картой поместья, где различные цвета обозначали разные культуры. Мы с Ричардом обменялись сокрушенной улыбкой. Никто не вникал в дела строительства, как вникал в них Ричард. — Мне кажется, Вайдекр должен стать фермой с хорошо сбалансированным хозяйством. В котором каждая культура согласовывалась бы с нашим климатом. Я полагаю, что здесь можно вырастить великое множество различных растений.

— Все фрукты любят солнце, — заметил Ральф, разглядывая карту, окрашенную спектром различных цветов.

— Верно, — согласился дядя Джон. — Но некоторые из них не переносят дождей, а плоды других становятся от ливней только более сочными. И я найду хороший рынок их сбыта в растущих городах. Вайдекр мог бы обеспечивать фруктами и Чичестер, и Портсмут, и даже Лондон.

Ральф согласно кивнул:

— Думаю, вы понимаете будущее правильно. В городах скапливается все больше и больше людей, и кто-то должен их кормить. Но в случае, если начнется война с Францией, цена на хлеб взлетит до небес. Пшеница — это главная культура в военное время.

— А что скажет на это Экр? Они не будут против посевов пшеницы?

В комнате повисло гнетущее молчание. Я даже будто почувствовала запах старого пожара. Но тут Ральф улыбнулся.

— Почему бы и нет? — усмехнулся он. — Никто в Экре не возражает против разумных прибылей. И раньше никто не протестовал против вывоза зерна. Здесь никогда не было хлебных бунтов, пока люди были сыты.

— Вы так говорите, будто оправдываете бунтовщиков, — голос дяди Джона звучал ровно и словно подбадривающе. — Вы никогда не принимали личного участия в таких делах?

— Я видел бунты. — Косой взгляд, брошенный Ральфом на меня, свидетельствовал о том, что тема разговора настораживала его. — И никогда не встречал такого, который не был бы, в некоторой степени, оправдан.

— Оправдан? — переспросил дядя Джон. Он все-таки вырос в Эдинбурге и последние четырнадцать лет провел в Индии.

— Да, — подтвердил Ральф, — обычно их начинают женщины, а не

мятежники-мужчины. Я видел однажды такой бунт в Портсмуте, где женщины окружили хлебную лавку, в которой пекарь выпекал батоны меньше обычных размеров и продавал их по дорогой цене. Так вот, они взломали дверь, скрутили лавочника и сидели на нем до тех пор, пока кто-то не сбегал за мировым судьей. Тот пришел и сначала проверил весы в лавке, — они показывали неправильный вес. Тогда в магистратуре снова взвесили каждый батон из этого магазина и продали их женщинам по справедливой цене. Тогда они освободили лавочника и разошлись по домам. Все осталось целым и невредимым, даже наличность в кассе. Вот только дверь слегка пострадала.

Дядя Джон недоумевал, а мы с Ричардом улыбались.

— Мировой судья поддержал бунтовщиц? — недоверчиво спросил он.

Ральф пожал плечами и улыбнулся.

— Он, видимо, придерживался патриархальных взглядов. Никто не любит мошенников. А все эти женщины были вполне уважаемыми, честными дамами. Но, Бог мой, как они были разгневаны! Я бы своими руками отдал им половину магазина, если б они только бросили на меня взгляд.

— А они-таки бросили на вас взгляд, да, мистер Мэгсон? — лукаво поинтересовалась я. — Не может быть, чтобы вас там не было.

— Ну, предположим, был. Но я ровным счетом ничего не делал, — невинным голосом ответил Ральф. — Только стоял, придерживая дверь... и долото... и молоток...

Дядя Джон, Ричард и я громко расхохотались, да и сам Ральф не мог удержаться, чтобы не хмыкнуть.

— Те дни закончились, — снова становясь серьезным, продолжал он. — Дни, когда бедные люди могли требовать справедливых цен на рынке. Я только сейчас понял это. Вот почему я не возражаю, чтобы Вайдекр выращивал пшеницу и продавал ее с прибылью. Единственный путь для бедных в Англии заключается в том, чтобы на рынках было достаточно всякой еды и чтобы ни в одной деревне люди не голодали. Чтобы бедные не зависели от местного сквайра, а богатые не могли контролировать продажу зерна.

У дяди Джона эта идея нашла поддержку.

— При нашей системе дележа прибыли мы могли бы продавать излишек зерна в Лондоне, — сказал он важно. — Уж лучше получать большие прибыли с высоких лондонских цен, чем маленькие с низких цен в Мидхерсте.

— Вы правы, накормить Экр мы должны, но в Вайдекре можно засадить еще полдюжины полей пшеницей.

— Важно накормить не только Экр, — вмешалась я. — Когда наше зерно продается в Мидхерсте, покупать его съезжаются люди со всей округи. И самое разумное было бы договориться с другими торговцами продавать здесь зерно по невысоким ценам, а излишек везти в Лондон и получать основные прибыли с продажи его там.

— Заговор торговцев, чтобы накормить бедных, — с довольным смешком сказал Ральф. — Мисс Джулия, вам место на баррикадах. Я слышал о заговоре торговцев против бедных, но о таком, какой предлагаете вы, не слышал никогда! Это было бы великое новшество!

— И это вполне реально, — задумчиво проговорил дядя Джон. — Вас не было здесь, мистер Мэгсон, когда отец Джулии, сквайр, начал свои сельскохозяйственные эксперименты, а Беатрис управляла имением. Всего за несколько лет Вайдекр покорил целое графство. Об этом поместье знали все, и все его уважали. Он был примером для других. Если бы нам удалось доказать, что поместье способно прокормить своих работников, получая при этом еще и выгоду, нашему примеру захотели бы последовать многие другие.

— Вайдекр показал когда-то и другой пример — что погоня за одними только прибылями не приносит выгоды, — сказала я.

— Да, — улыбнулся Ральф, — вы правы, мисс Джулия.

— Я тоже с нею согласен, — воскликнул неожиданно Ричард, и все обернулись к нему, но он смотрел только на меня. — Процветание Экра зависит не только от выгодной торговли.

Этому способствуют также добрые отношения с соседями. Если мы будем продавать зерно на местном рынке по низким ценам, это будет справедливо.

— Договорились! — сказал дядя Джон, будто подтверждая сделку. — Но я все-таки хотел бы еще обзавестись несколькими плантациями малины и клубники.

— Ох, не знаю, не знаю, — кисло отозвался Ральф. — И что вы будете с ними делать, когда ягоды созреют в самый сенокос?

— Я буду убирать их! — великодушно пообещал Ричард. — Лучше я буду убирать ягоды, чем заниматься с овцами.

Мы весело рассмеялись, поскольку та страшная сцена в темном амбаре была не известна никому, кроме меня. Просто все знали, что молодой мастер Ричард не любит возиться с овцами. Этим занимались мистер Мэгсон и мисс Джулия. Итак, в эту осень Ральф нанял бригаду пахарей и сеятелей, чтобы снова засадить Вайдекр пшеницей.

Глава 11

Никто из нас не ожидал, что мы в первый же год получим хорошую прибыль в нашем хозяйстве. Но мы собрали неплохой урожай трав — «наполовину состоявший из цветов», как сердито отозвался о нем Ральф, — и это означало, что зимой нам намного дешевле обойдется корм для овец и коров. Плодовые деревья, разумеется, не плодоносили в этом году, но заросли малины вытянулись прямыми густыми рядами, что сулило хороший урожай на будущий год. Клубнику мы посадили на новом поле вдоль берега Фенни, где было больше солнца и где она имела естественную защиту от ветров, дующих с холмов. Мои яблони принялись, и теперь эти тонкие, стройные деревца радовали глаз. Они тоже оказались посаженными правильно, что для меня лично было маленьким чудом.

Ричард много занимался дома этой осенью, готовясь поступать в Оксфорд после Рождества. Вскоре дядя Джон увез его туда, а затем поехал в Лондон по делам компании Мак-Эндрю, связанным с обострением обстановки в Индии, вступившей в войну с Францией. Так что мы с мамой провели несколько одиноких недель, работая как рабы целыми днями и встречаясь только за обедом.

Мамины ученики сделали заметные успехи, и теперь они приступили к изучению букв. Теперь наша гостиная была по вечерам буквально завалена обрывками разноцветной бумаги, из которой мама вырезала буквы.

Я работала везде: в Экре, наблюдая за ремонтом коттеджей, которым слишком долго пренебрегали, на верхних полях, где возводили изгороди и ограды для овец, на общинной земле, следя за подрезкой деревьев и сбором топлива, и, конечно, в полях. Где бы я ни была, рядом со мной был Ральф.

Я не могла бы сказать, кем он был для меня. Иногда он казался мне отцом, иногда — возлюбленным, иногда — учителем. И всегда он был другом. По мере того как проходило время, укорачивались и становились холоднее ноябрьские дни и все труднее было работать на земле, между нами все крепла и крепла дружба, и нас все менее можно было назвать ученицей и учителем.

Однажды в начале декабря мы встретились на мосту через Фенни. Ральф спускался к реке с деревенской улицы, а я на минутку остановила Мисти, чтобы поглядеть на свинцовые воды, текущие под мостом.

— Вам, похоже, не холодно, — сказал он вместо приветствия.

Я кивнула. На мне была новая амазонка теплой шерсти сливового цвета, которую я застегнула до самого горла, поскольку день был ненастный и в воздухе веяло стужей.

— Овцы в порядке? — спросил Ральф. Он знал, что я собиралась побывать у них этим утром.

— Да, — ответила я. — Но мне кажется, что пастух Жиль слишком стар. Он очень часто болеет, а его сынишка еще мал, чтобы заменить его. Мама хочет, чтобы он ходил в школу.

— Я знаю, — коротко ответил Ральф. — Но в деревне нет никого, кто разобрался бы в овцах. Может быть, стоит нанять на пару сезонов пастуха, он поработал бы с нашими парнями и научил их всему.

— Но Джимми любит овец, лучше всего, чтобы ими занимался он. И его лучший друг Симон. Возможно, они вдвоем и освоили бы это дело.

Ральф неожиданно наклонился над водой и схватил меня за руку.

— Смотрите-ка! Молодой лосось! Плышет вверх по течению.

Я тоже пригнулась и вгляделась в воду. Очень медленно, будто устало, мимо плыла самка лосося. Она проделала долгое путешествие из моря вверх по реке, обойдя мельничную плотину и борясь с течением. Ее брюхо раздувалось от икры. Можно было надеяться, что все будущие маленькие лососята останутся в нашей Фенни, пока не вырастут, и только тогда они спустятся обратно в море.

— Я обожаю лосося, — с энтузиазмом воскликнул Ральф. — Мисс Джулия, пожалуйста, извините меня сегодня. Я хотел бы проследить, где она остановится на нерест, и через некоторое время выловить ее. Вы должны простить меня.

— Прощаю, прощаю, — улыбнулась я. — Вы можете передать пару кусков вырезки в Дауэр-Хаус, и миссис Гау приготовит их вам на обед, если вы примете приглашение и отобедаете с нами.

— Хорошо, — рассеянно согласился Ральф. — Я польщен. — И, положив два пальца в рот, он отчаянно свистнул.

Мгновенно из прибрежных кустов вынырнули двое парнишек, и он велел им бежать вдоль берега, чтобы знать, куда отправилась самка, но ни в коем случае не мешать ей, пока он сади отправится за лошастью и сетью. И без долгих слов он быстро, насколько позволяли ему протезы, пошел к деревне.

В тот же день попозже Малыш принес на нашу кухню три жирных куска лосося и застенчивым шепотом сообщил, что их передал мистер Мэгсон. К обеду у нас был отличный пирог с поджаристой румяной корочкой и чудной рыбной начинкой.

— Не устроить ли нам в этом году рождественский бал? — спросил мистер Мэгсон маму. — Мне хочется организовать что-нибудь подобное в деревне. У вас здесь несколько тесно.

— Я бы тоже хотела устроить вечеринку в Дауэр-Хаусе, — согласилась мама. — Может быть, вы организуете праздник Рождества, а мы устроим что-нибудь попозже, например, на Крещение. Я должна посоветоваться с доктором Мак-Эндрю.

— Когда он собирается домой? — поинтересовался мистер Мэгсон, передавая маме вазу с засахаренными фруктами.

— Еще неизвестно, — ответила она. — Дела компании Мак-Эндрю довольно сложные, а никто не знает Индию так, как знает ее Джон. Вам он здесь нужен?

— Совершенно не нужен, — сказал Ральф, глядя на меня и улыбаясь, — Он оставил здесь своего весьма компетентного представителя.

— Думаю, вы правы, — тепло отозвалась мама. — Я не могу добиться от Джулии ни слова о чем-либо, кроме как о полях и урожае. Не думаю, чтобы она хоть раз открыла книжку или подошла к фортепиано за эти месяцы.

Я опустила голову. Это была правда.

— Она — Лейси, — мягко заметил Ральф. — И очень похожа на своего папу.

— На Гарри? — мама остро заглянула ему в глаза. — Она напоминает вам Гарри?

Он кивнул. Я знала, что он лжет, и понимала почему. Он пытался защитить маму и меня от деревенских слухов, которые постепенно превращались в хор голосов. Согласно этим слухам, мы с Беатрис не только были похожи как две горошины в стручке, но я и была ею. Золотая девочка вернулась к ним в моем облике, чтобы заставить все на земле расти и плодоносить.

— В деревне говорят, что она очень похожа на Беатрис, — сказал Ральф с уверенностью, — но, по моему мнению, своего отца она напоминает гораздо больше. И мне

рассказывали, что, когда он вступил в наследство — это было примерно в возрасте Джулии, — он был так же помешан на хозяйстве, как впоследствии Беатрис.

Тревога и напряжение исчезли из маминых глаз, будто Ральф преподнес ей неожиданный подарок.

— Это и вправду так. Гарри бывал в полях почти каждый день в лето перед нашей свадьбой. И вы знаете, мистер Мэгсон, я почти забыла об этом! Все твердят, что вела хозяйство Беатрис, а ведь несколько лет это делал только Гарри!

Страйд внес поднос с портвейном, и мы с мамой поднялись, чтобы оставить мистера Мэгсона наедине с его графинчиком, но он жестом попросил нас не уходить.

— Пожалуйста, не оставляйте меня в торжественном одиночестве, — смущенно улыбнулся он. — Я простой человек, леди Лейси, и не люблю портвейн. Позвольте мне выпить с вами стаканчик ратафии, прежде чем я отправлюсь домой.

Итак, мистер Мэгсон сидел в нашей гостиной, смеялся вместе со мной, дружески улыбался маме. А потом он отправился под холодным чистым небом домой, и его путь был освещен ярким светом луны.

Он унес с собой секрет, который уже давно не был секретом ни для кого в деревне: с каждым днем я становилась все больше и больше похожа на Беатрис. Каждый день люди слышали ее чистый голос, отдающий приказы, слышали ее смех, если кто-то шутил со мной. Только из уважения к маме и мне никто не говорил об этом вслух. Но вся деревня знала, что Беатрис вернулась к ним. Вернулась в моем облике, облике последней девочки из рода Лейси.

Ею была я.

А меня это не радовало.

Часто я слышала тихий звон в моих ушах, означавший, что Беатрис пришла ко мне. И когда мне случалось отдавать приказ или отвечать на чей-то вопрос, у меня было странное ощущение, что все это когда-то уже происходило. И если кто-нибудь из стариков разговаривал в это время со мной, они замолкали и тепло улыбались мне. Я знала, что в этот момент они считали, будто рядом с ними стоит она и я говорю ее словами.

Это заставляло меня дрожать, несмотря на яркое зимнее солнце. Мне хотелось встряхнуться, как встряхивается щенок, вылезший из воды, и крикнуть: «Это я! Нет! Нет! Это я, Джулия Лейси! Не думайте больше ни о ком!»

А они спокойно улыбались мне, будто в их знании не было ничего сверхъестественного.

Рождество отпраздновали тихо, в традициях доброго старого времени. Из Лондо приехал дядя Джон, а из Оксфорда — Ричард, и мы с мамой были счастливы. Ральф собрался устроить рождественский бал в деревне, а мама запланировала праздник в крещенский сочельник в Дауэр-Хаусе.

Старый скрипач Экра давно умер, и мы все боялись, что не будет танцев. Но вдруг в один из дней на святках Ричард во время обеда сказал, что цыгане, раскинувшие недавно табор на общинной земле, пообещали играть целый вечер за ужин и мизерную плату. Так что дети Экра могли немного потанцевать и повеселиться.

Нас только беспокоила погода, всем хотелось, чтобы день был солнечным и дети смогли поесть, поплясать и побегать на свежем воздухе.

Но оказалось, что беспокоились мы напрасно. Дядя Джон, приветствуя маму утром, сказал:

— Солнце благосклонно к вам, и день сегодня на редкость ясный.

Поздно позавтракав, мы с мамой спустились на кухню и принялись поднос за подносом печь всякие сласти для праздника. Едва мы закончили работу, во дворе послышались звуки скрипки и пронзительный свист деревянной флейты, и, подбежав к окну, мы увидели, что цыгане играют джигу на лужайке перед самым домом.

— О! Они отличные музыканты! — радостно воскликнула мама и громко рассмеялась,

когда Ричард обхватил ее за талию и повлек в танце вокруг обеденного стола в опасной близости от посуды.

— Не здесь! — вырывалась мама. — Ричард! Ты сам словно цыган! Разве можно танцевать в комнатах? Если хочешь повеселиться, бери Джулию и идите на лужайку. У нас в доме не хватит места даже для менуэта, а не то что для ваших галопов!

Ричард рассмеялся, и мы, отворив входную дверь, ринулись плясать на лужайку. Страйд, миссис Гау и Джем накрывали столы и дети, чинно входя во двор, улыбались от неожиданности, видя нас танцующими, и махали нам.

Затем они так же чинно уселись за столы и начали аккуратно есть, не хватая больших кусков, не рассовывая их по карманам. Было ясно, что теперь в деревне никто не голодает и никто не пришел на этот пир, чтобы наесться. Джон радостно кивнул маме, и она улыбнулась ему в ответ, будто они оба поняли, что в Экре настал порядок.

Этот был последний солнечный денек, который мы видели в течение долгих, долгих недель. Нас одолевала снег и мороз и, что было хуже всего, ледяной туман, который по вечерам накатывался с Фенни и вымораживал наш дом до такой степени, что сами стены сочлились инеем, и казалось, что на них выступает холодный пот. Мы топили камин в каждой комнате, и мама все удивлялась, как это мы ухитрились не мерзнуть при одном камине в гостиной, а в спальнях разжигали их только по утрам.

Последние дни января были ничуть не лучше. С севера налетели сильные ветра, которые хоть и разогнали туман, но зато заставляли скрипеть весь дом, словно корабль в штормовую погоду.

Я проводила много времени в четырех стенах, бездумно глядя на улицу сквозь замерзшие окна или греясь у камина. Мне казалось: где бы я ни была и что бы ни делала, со мной всегда была Беатрис.

Однажды ночью мне приснился сон.

Он начался с того странного звука, который всегда предупреждал меня, что ко мне идет она, — пение без слов. К нему примешивался вой ветра. Испугавшись, я вдруг села в постели. Ветер выл в печных трубах, словно привидение, словно замерзшая брошенная хозяином собака. Я поскорее зарылась в подушку и накрылась с головой одеялом, чтобы только не слышать это странное сочетание звуков.

И тогда я заснула.

Мне сразу же приснилось, что я в Экре, но не в Экре времен Беатрис, а в Экре наших дней: коттеджи стояли с починенными крышами, вымытыми стенами, а садики были вскопаны и приготовлены под посадку семян. Я стояла на маленьком клочке земли около церкви, который они называли «Уголок мисс Беатрис». Домик викария белел впереди, шпиль церкви возвышался сзади. Дул сильный ветер, он ворошил мои волосы, рвал на мне платье, но все это происходило в полной тишине, в смертельной тишине. Кругом не раздавалось ни звука, хотя шел дождь, дождь хлестал надо мной, вокруг меня, и, когда я подняла голову к покрытому тучами небу, казалось, промочил меня насквозь. Но мне не было холодно.

Мне было очень страшно, поскольку я знала, что это не обычный сон. Я чувствовала, что должна что-то сделать, но не знала, что именно.

Я обернулась, чтобы взглянуть на церковь, и в то же мгновение раздался оглушительный удар грома, будто небо расколосось пополам, и сверкнула молния. Ослепительный белый шар выкатился из туч и, прочертив в небе дугу, вонзился прямо в церковный шпиль.

Молния вошла в шпиль словно гвоздь, забитый умелой рукой. И я в молчании наблюдала, как он вдруг стал медленно наклоняться, напоминая надломленную ветку. Он падал в абсолютной тишине, падал прямо на стоящие внизу дома. На хорошенький домик, в котором жили Тед Тайк и его мать, на соседний с ними дом Бруеров и на следующий коттедж в этом ряду, в котором жила семья Клеев. Все они находились под угрозой.

Я открыла было рот, чтобы закричать, чтобы предупредить их, но не могла издать ни звука. Шпиль упал на них, словно указующий перст разгневанного божества, и раздавил

дома в пыль.

Я стояла под дождем и наблюдала за происходящим в полном молчании.

И сразу же над руинами взметнулся костер, будто какой-то сумасшедший разжег там огонь. Жирные, короткие языки пламени охватили коттеджи и шипели под струями дождя, словно гнездо змей. Пламя лизало развалины только что целых домов и на глазах пожирало соломенные кровли, сухие деревянные полы, окна, двери. А я смотрела на все это в молчании, ибо знала, что ничего не могу сказать и ничего не могу сделать, пока не рухнет крыша над последним из строений.

Люди, крича, выскакивали из коттеджей, и я видела, как выбежала одна из девочек Картеров в горящей ночной рубашке. К ней кинулись люди, пытаясь затушить огонь, я видела ее рот, распахнутый в крике, но не слышала ничего. Я не слышала ни одного звука. Ее отец кинулся обратно в горящий дом за оставшимся там вторым ребенком, и я видела его искаженное отчаянием лицо, когда люди пытались удержать его.

Длинные языки пламени лизали коттеджи, и вот уже каждый дом полыхал огнем. Экр был разрушен.

Я проснулась в холодном поту, одеяло было сброшено на пол. Было слишком рано, чтобы встать. Только рассветало. Снаружи слышался шум ветра и стук дождя в оконное стекло. Сон был ужасный, самый ужасный из всех, что я когда-либо видела.

Я вздрогнула от холода и, подобрав одеяло с пола, поскорее закуталась в него.

И сразу же задремала снова.

И снова увидела себя на церковном дворе, и снова молния вонзилась в шпиль нашей церкви. Раздался оглушительный раскат грома, и снова шпиль стал валиться на соседние дома, и я начала звать Теда Тайка и его мать, пытаясь разбудить их, и снова ни звука не слетело с моих губ.

Я ворочалась в кровати, чтобы освободиться от сна, но он держал меня безжалостной хваткой, и я в который раз видела все ту же картину: пожар... горящий ребенок... конец Экра.

Затем все вроде прекратилось, и я повернулась к стене, чтобы заснуть наконец спокойно.

И все началось снова.

Я стояла у церкви в том месте, которое называют «Уголком мисс Беатрис». И тот же сон надвигался на меня снова и снова, и я металась в постели, как пойманный капканом хорек.

— Мисс Джулия? — у моей постели стояла Дженни с чашкой утреннего шоколада. — Вы больны?

Со сна я ничего не понимала.

— Ох, Дженни, я так рада, что вы разбудили меня, — наконец воскликнула я. — Вы даже не поверите, какой страшный сон я только что видела. И он снился мне всю ночь, снова и снова!

Усевшись в постели, я откинула волосы со лба. Они были влажные и спутанные, будто я металась в жару несколько часов.

— Это правда? — спросила она и направилась к камину. — Если вам несколько раз снился один и тот же сон, то это, скорее всего, предзнаменование.

Дженни облокотилась рукой на каминную полку, и я увидела, как она скрестила пальцы — большой палец между указательным и средним, — старинный знак против колдовства. Этот знак, ее слова, сон — все будто навалилось на меня разом, и я совсем потеряла голову.

— Дайте мне одежду, — это говорила я и словно не я. — Я должна одеться и пойти в Экр. — Мне было очень трудно говорить, во рту пересохло, и язык будто не помещался у меня во рту.

Дженни бросила на меня испуганный взгляд, но я не поняла, в чем дело.

— Идет дождь... — слабо возразила она.

— Если я не пойду туда, будет хуже, — и я выскользнула из постели и даже не почувствовала, как холоден пол под ногами. Она протянула мне белье, и я не почувствовала его прохладу на коже. Я позволила ей туго меня зашнуровать и даже не шелохнулась. Она молча надела на меня амазонку, и я так же молча стала ее застегивать. Затем Дженни быстро присела в поклоне и бегом спустилась по лестнице, пока я закалывала волосы и надевала шляпу.

Я знала, что она передаст Джему, чтобы он приготовил мне Мисти. И действительно, когда я спустилась к конюшне, он держал лошадь под уздцы и ждал меня.

— Дженни — дурочка, — отрывисто сказал он. — Куда вы собираетесь, ничего не сказав маме?

Я смотрела на него словно не видя.

— Мне нужно в Экр, — тихо проговорила я. — Людям грозит опасность.

Джем сердито нахмурился.

— Не верю я в эту чепуху. Что вы будете делать в деревне?

— Я повидаю Ральфа, — ответила я.

И сразу лицо его разгладилось, и из глаз исчезло тревожное выражение. Он подставил руки и помог мне сесть в седло.

— Ну, тогда ладно. Ральф Мэгсон знает, что надо делать.

Мисти стояла неподвижно, ожидая, пока я усядусь, ее шкурка потемнела под струями дождя. Я тронула поводья, и она пошла ровным шагом. Скакать было тяжело, но она ухитрилась перейти даже на галоп. И все это время, пока мое тело покачивалось в такт шагам лошади, мой разум был опутан видениями сна. Перед моими глазами все маячил шпиль, расколотый ударом молнии, словно топором.

Ральф уже проснулся, я заметила его силуэт в окне коттеджа. На звук копыт он повернул голову, и через пару секунд возник на пороге.

— Джулия! — в удивлении воскликнул он. — Что случилось?

Я возвышалась над ним на лошади, и у меня было лицо сумасшедшей, я не сомневалась в этом. Глаза смотрели без всякого выражения, и в них застыл ужас, причина которого была понятна только мне.

— Мы должны освободить коттеджи по северной стороне улицы, — мне по-прежнему тяжело было говорить, я едва проталкивала слова наружу. — В шпиль нашей церкви попадет молния, и он упадет на коттеджи Тайков, Бруеров и Клеев. Затем вспыхнет пожар. И Экр погибнет. — Мой голос был едва слышен. — Мы должны освободить эти коттеджи и сделать преграду от огня.

Ральф пристально смотрел на меня. Он открыл было рот, но ничего не сказал. Затем подошел ко мне поближе, и попытался прочесть что-нибудь на моем лице.

— Джулия?

— Это правда, — ответила я на его невысказанный вопрос. — Мне снился этот сон всю ночь. Я знаю, что это правда. И если вы не поможете мне, то я сама попытаюсь приказать им.

— Подождите, — с этими словами он скрылся за дверью, оставив меня подобно мокрой мраморной статуе на мокрой мраморной лошади.

Я собиралась подождать его. Кто бы в Экре мог послушаться приказа Ральфа Мэгсона? Но как только он повернулся ко мне спиной, я внезапно вонзила каблуки в бока лошади и поскакала к церкви.

Я не посмела остановиться там, где стояла во сне. Я боялась, что грянет гром и последует тот страшный удар молнии. Я не могла определить, в какое же время дня это происходило, и не знала, сколько у нас будет времени, чтобы спасти девочку Картеров от огня. Знала только, что не очень много.

Небо моего сна было серым, но был ли то сумрак раннего утра или позднего вечера — я так и не поняла. Я только помнила, что маленькая девочка была в ночной рубашке, а Картеры не привыкли нежиться по утрам в постели.

Я соскользнула с седла и, привязав Мисти к калитке викария — с южной стороны

улицы, — побежала короткой тропинкой к дому Теда и забарабанила в дверь.

— Джулия! Что такое? — он увидел меня в окне.

— Выходи скорей, Тед, — все, что могла я ответить. И остановилась на крыльце.

Через секунду он вышел из дома в бриджах и рубашке, но босиком.

— Входи, — пригласил он и взял меня за руку, чтобы я не мокла на крыльце. Но я шарахнулась, как испуганная лошадь, и бросила взгляд через плечо на церковь.

— Нет! — отрывисто отказалась я.

Страх, написанный на моем лице, видимо, заразил его, и он без единого вопроса выслушал мой рассказ. Потом он обернулся и окликнул свою мать, а сам стал обуваться.

— Я верю тебе, — коротко сказал Тед. — Сейчас мы начнем выносить наши вещи на улицу. Ступай, предупреди остальных.

Я вышла на улицу, там уже стоял Ральф Мэгсон. Его смуглое лицо было непроницаемым.

— Что будем делать? — спросил он меня, будто только я могла сейчас распоряжаться.

— Нам надо будить деревню, — объяснила я. — Первые три коттеджа будут разрушены, но если мы снесем следующие два — Смитов и Куперов — то мы сможем остановить пожар.

Ральф кивнул.

— Может, нужно позвонить в церковный колокол? — предложил он.

— Да, да, — обрадовалась я. Мне эта мысль не пришла в голову. Но, сделав было шаг в сторону церкви, я тут же остановилась в смертельном страхе. Войти в церковь и начать звонить в колокол сейчас, когда надвигается буря? И будто в ответ на мои колебания, раздался первый удар грома, и небо потемнело.

— Я боюсь, — прошептала я.

Ральф спокойно скрестил на груди руки.

— Это ваш сон, — холодно сказал он. — И ваше предчувствие. Если вы считаете, что поступаете правильно, подняв такой переполох, то вы должны сделать это. — И он спокойно повернулся ко мне спиной и стал расстегивать подпругу Мисти, будто бы я приехала в деревню со светским визитом и над нашими головами не грохотал гром и дождь не поливал наши головы.

— Ральф... — выговорила я, в первый раз назвав его по имени.

Он обернулся ко мне, и его улыбка показалась мне такой же древней, как мир.

— Если вы избранное дитя, то это не принесет вам вреда, — тихо сказал он. — Докажите это самой себе, Джулия.

Я набрала в легкие побольше воздуха и побежала к церкви. Отворив дверь, я очутилась внутри, прежде чем успела подумать, что же я делаю. И вот я уже держала в руке веревку колокола и тянула ее изо всех сил, но ни звука не раздалось в тишине. Я поджала под себя ноги, словно играя, и всем телом повисла, пытаюсь раскачать колокол. Тут раздался глубокий звон, и он поплыл над деревней, а я все раскачивала и раскачивала звенящий колокол.

Когда я выскочила наружу, небо потемнело еще больше и короткие зловещие вспышки молний делали лица собравшихся на улице людей белыми. Они столпились вокруг Ральфа, но он молча кивнул им на меня, и я знала, что он не объяснил им ничего. Я сошла с церковного крыльца и остановилась перед толпой.

— Я видела сон, — неловко начала я. Мой голос звучал тонко, совсем по-детски и без всякой силы. Я выглядела глупо. Достаточно раздаться одному смешку или быстрой шутке, и они все разойдутся по своим домам, проклиная тщеславие девчонки, которая посмела вытащить их из теплых постелей только потому, что ей, видите ли, что-то приснилось.

— Слушайте меня! — отчаянно заговорила я. — Мне приснилось, что буря сломала шпиль и он упал вот сюда. — Я махнула рукой в сторону коттеджа Теда. — Он разрушил три коттеджа, и от этого занялся пожар, который распространился на всю деревню.

Я замолчала. Нед Смит, еще не проснувшийся, потер руками лицо.

— Вы считаете, что это было видение? — спросил он.

— Да, я уверена. И мы должны снести два коттеджа: Куперов и... ваш, Нед.

Он нахмурился, и толпа что-то недовольно забормотала.

— Снести мой коттедж, чтобы преградить дорогу пожару, который еще не начался? — переспросил он требовательно.

Я оглянулась на Ральфа. Он стоял позади толпы около моей лошади. И не собирался помогать мне. И Тед был здесь, и Мэтью, и Клари уже бежала сюда по улице. Но никто из них не собирался приходить мне на выручку, даже эти трое, друзья моего детства. И я испугалась, что не смогу сама убедить людей. Я молчала. Мне нечего было сказать.

И вдруг, словно бы в ответ на мои молитвы, я услышала высокое пение без слов, заглушившее в моих ушах и шум ветра, и звук дождя, и грохотанье грома над нашими головами.

— Да. — В моем голосе появилось нечто, чему нельзя было противоречить. — Я знаю, что это необходимо. Я бы не стала приказывать вам, если бы это было не так.

По толпе пронесся вздох, словно дуновение ветра перед бурей. Я поняла, что произошло. Это вздохнули в удивлении старики, узнавшие мой голос. Ее голос.

— Я — наследница Беатрис, — продолжала я, бесстрашно называя ее имя. Я не была больше девочкой, живущей в четырех стенах гостиницы. — И я привилегированное дитя. У меня есть дар. Снесите дома.

И люди стали расходиться, они двигались будто во сне, будто мы все вместе сошли с ума. Они направились к указанным мною коттеджам, которые должен был разрушить упавший шпиль, и стали выносить оттуда мебель и складывать ее на улице. Они образовали цепочку и стали передавать друг другу вещи и заносить их в пустое стойло Смитов. И затем Нед Смит взял крюк и топор и стал рубить крышу своего собственного дома, и другие мужчины взяли топоры и стали рубить стропила соседнего дома.

Дверь домика викария отворилась, и я увидела доктора Пирса, бледного как смерть, в парике, надетом набекрень. Завязывая пояс теплого халата, он бегом бежал к нам по тропинке.

— Вы что, сошли с ума? Джулия! Что вы... — но тут Ральф предупреждающе поднял руку.

— Прочь, викарий, — тихо предупредил он. — Здесь не вы распоряжаетесь.

Все замерли при звуке голоса викария, голоса реального мира, мира, в котором не бывает пророчеств или же они никогда не сбываются. Но Экр сделал шаг в другой мир и сделал его уже давно, годы назад, и люди вернулись к начатой работе. Они разрушали свои дома.

— Что они делают? — обратился доктор Пирс к Ральфу. — О чем они думают?

— Ступайте к себе, викарий, и смотрите, что будет дальше.

Доктор Пирс непонимающе взглянул на Ральфа, потом на меня. Я попыталась улыбнуться ему, сказать несколько успокаивающих слов, но не смогла.

— Идите! — повторила я. Но это опять говорила не я. — Не пытайтесь нас остановить. У нас мало времени.

Доктор Пирс опять испытующе посмотрел на Ральфа, повернулся и медленно пошел к дому. После того как дверь за ним закрылась, я увидела, как шевельнулась занавеска на окне, и поняла, что он смотрит на нас.

Буря приближалась, и мне стало страшно. Гром гремел еще громче, а небо становилось еще темнее. Все работало очень быстро. Коттедж Смита уже лежал почти целиком на земле, кроме левой стены. Его деревянные половицы, стропила были сложены крест-накрест. Следующий коттедж, принадлежавший Куперам, был разобран только наполовину. Как только люди сбросили наземь его крышу, полыхнула молния, и за ней последовал такой сокрушительный удар грома, что я даже втянула голову в плечи. Мне было по-настоящему страшно.

— Сейчас это случится, — едва выговорила я Ральфу помертвевшими губами.

И Ральф — творение нереального мира — улыбнулся мне той улыбкой, какой он

улыбался Беатрис, когда пришел за ней в бурю.

— Что ж, мы готовы, — сказал он так, будто бы стоял в поле перед жатвой.

Я хотела сделать шаг к нему, но опять грянул гром, я в ужасе бросилась в сторону, а когда оглянулась, то увидела, что стою в той стороне кладбища, которую жители Экра называли «Уголок мисс Беатрис», и дождь поливает меня, словно водопад. Новый удар грома прозвучал тысячекратной канонадой, и, обернувшись назад, я увидела трезубец молнии, который, словно стрела демона мщения, вонзился в шпиль, и тот, расколотый надвое, упал. Я завизжала от ужаса, но сама не слышала своего голоса, оглохнув от грохота. Я видела, как шпиль рухнул на три опустевших дома и к небу поднялась туча пыли.

Это была не пыль, это был дым, тяжелый багровый дым, и над рухнувшими домами взметнулись высоко в небо языки пламени. Мисти испуганно заржала и поднялась на дыбы, но Ральф удержал ее твердой рукой. Я хотела подойти к ней, но вдруг обнаружила, что стою на коленях в мокрой траве, дрожа от страха, в ожидании, что вот сейчас из-под обломков выскочит горящий ребенок.

Люди передавали по цепочке друг другу ведра воды из Фенни. Они успели подумать об этом, а я — нет. И они заливали полыхающие руины трех коттеджей, так что жадному пламени некуда было деться. Оно рвалось к серому небу и шипело под струями воды. Огонь становился все более дымным, и люди принялись кашлять от запаха гари. Я смогла наконец встать на ноги и сквозь дождь и дым побрела к Ральфу. Он что-то сказал мне, но в моих ушах по-прежнему слышались раскаты грома, и до меня не донеслось ни одного его слова. Только я протянула к нему руки, как вдруг мои колени подогнулись, и прежде, чем он успел подхватить меня, я упала на землю.

Глава 12

— Я не совсем понимаю вас, мистер Мэгсон, — услышала я сквозь сон голос мамы, и нотка тревоги, звучащая в нем, разбудила меня окончательно. Я открыла глаза и приподнялась на локте. Это была чужая спальня, в чужом доме. Я с удивлением смотрела на незнакомые обои и цветные занавеси на окнах, не узнавая их. В воздухе чувствовался запах дыма.

— Мисс Лейси пришла ко мне и сказала, что видела сон, — Ральф говорил терпеливо и убеждающе. Я много раз слышала, как он разговаривал таким же тоном с испуганными лошадьми, и сейчас, слушая его, я даже видела их перед собой.

Я еще раз оглядела комнату. Это была спальня для гостей в домике викария. Я лежала на кушетке, укрытая теплым шерстяным пледом и все еще одетая в мокрую после дождя амазонку. Голос Ральфа доносился снизу из гостиной так ясно, будто мы находились в одной комнате.

— Ничего необычного здесь нет, — продолжал он мягко, — Джулия очень впечатлительная и тонкая натура.

— Вы считаете, что у нее было своего рода предчувствие? — Сейчас заговорил дядя Джон. Его голос звучал очень спокойно, но я знала, как он не любит всякие толки о том, что выходит за границы познаваемого и разумного. Он был человек железной логики.

Ральфу тоже это было известно.

— Почему бы и нет? — спросил он, — Всем известно, что животные могут предчувствовать приближение бури. Фермеры могли бы рассказать вам о лошадях, бьющихся от страха в своем стойле перед бурей или пожаром. Вероятно, мисс Джулия наделена даром предвидеть события, угрожающие Экру. Это, конечно, специфическая особенность, но ничего неслыханного здесь нет.

Внизу воцарилось молчание. Я села в кровати и прижала руку к голове, явно ощущая небольшое головокружение и слабость, но еще я чувствовала, что сильно перевозбуждена. Девочка Картеров не сгорела. Маленького ребенка не оставили в пылающем доме. Тед Тайк и его мать не погребены под тоннами горящих бревен.

— Это наследственное заболевание, — заговорил дядя Джон. — Джулия унаследовала большую природу Лейси. Они всегда слишком хорошо чувствовали землю, и это сказалось на них.

— Нет! — воскликнула мама. — Она моя дочь! И она не унаследовала их больной природы! Просто она слишком утомлена и подавлена. Она слишком много работала. Это наша вина, мы плохо заботились о ней, Джон!

— Мисс Джулия выглядела так странно... — тихо сказал доктор Пирс. — В первую минуту я не узнал ее и подумал, что это...

— Нет! — прервала его мама истерично. — Джулия просто слишком много работала последнее время. По моей вине, по нашей общей вине! Она стала такой бледненькой, да еще сильно выросла.

— Леди Лейси права, — послышался размеренный голос Ральфа. — К тому же мисс Джулия очень своеобразная девушка с необычайным даром. Она почувствовала приближение грозы и сделала правильные выводы. Это не более сверхъестественно, чем то, что каждый день делают капитаны судов в море.

Я выпрямилась и позвала: «Мама!»

И сразу же дверь гостиной распахнулась, и я услышала стук маминых каблучков по лестнице. Она влетела ко мне в комнату.

— О, моя ненаглядная! Проснулась наконец! Ты здесь совсем как Спящая Красавица в сказке. Но Джон настоял, чтобы мы не будили тебя, пока ты сама не проснешься. Как ты нас напугала! — Ее улыбка выглядела немного вымученной. — У тебя болит что-нибудь? Ты хорошо себя чувствуешь?

— Совсем хорошо, — сказала я, и это было правдой. — Но только... — и я потянулась, как кошка, — мама, я так устала...

— Мы сейчас же отвезем тебя домой, — заторопилась она. — Карета стоит у двери. Джон и я примчались сюда, как только Джем догадался сказать нам, что ты ускакала. Мы поедem домой и там переоденем тебя в сухую одежду и уложим в теплую кроватку. И спи тогда хоть весь день, если захочешь.

Я встала с постели, и мама обняла меня за талию. Я действительно сильно выросла и была такого же роста, как она. Это вселило в меня чувство, что я уже не ребенок, а взрослый и самостоятельный человек. На мамином лице было написано напряжение, и я попыталась немного успокоить ее.

— Ничего не произошло, мама. Это был сон, который возвращался снова и снова. Я совсем не испугалась, зная, что ничего плохого со мной не случится.

Она отвела глаза.

— Ты права, моя дорогая, — любовь подсказала моей правдивой маме эти лживые слова. — Никто и не думает, будто что-то произошло. Ты выручила из беды Экр и спасла много жизней! Они благословляют тебя за это! Мы поговорим об этом еще, когда ты отдохнешь, а сейчас нам пора домой.

Я слишком устала, чтобы спорить, и, опершись на руку мамы, стала спускаться вниз. Доктор Пирс стоял у лестницы, все еще в домашнем халате, и натянуто улыбался.

Дядя Джон шагнул вперед и, крепко обняв меня, тут же потрогал мой лоб, проверяя, нет ли у меня температуры.

— Я рад, что ты немного поспала, — спокойно проговорил он. — Мы скоро отправимся домой, и там ты как следует отдохнешь. Твой слабый умишко немного перевозбужден.

Я хотела было возразить ему, но не стала этого делать, поскольку в ту же минуту увидела лицо Ральфа Мэгсона, который просиял при виде меня. Такой же промокший под дождем, как я, он единственный из присутствующих в комнате светился неприкрытой радостью.

— Джулия! — воскликнул он, и в его голосе звенела любовь.

— Ральф, — отозвалась я и протянула ему обе руки.

Он поцеловал одну за другой, обнял меня за талию и повел к двери. Миссис Грин, экономка викария, распахнула ее перед нами, и я увидела все еще льющийся дождь, но небо посветлело и гроза ушла вдаль.

Перед домиком викария дымились развалины того, что еще недавно было тремя коттеджами, огня не было видно, но густой дым стлался по улице.

У калитки, около нашей кареты столпились все жители Экра, даже маленькие дети были здесь, и, когда Ральф вывел меня на улицу, раздалось такое громкое «ура!», что я на минутку даже оглохла. Ральф рассмеялся и покрепче сжал мою талию.

— А ну-ка, распряжем лошадей и отвезем мисс Джулию домой сами! — крикнул кто-то. Еще минута, и карета дяди Джона превратилась бы в триумфальную колесницу.

— Нет! — прокричал Ральф, словно отдавая приказ бригаде пахарей на другом конце поля. — Мисс Джулия очень устала, и ее нужно поскорее доставить домой. Мы окажем ей эту честь в другой раз. Она ведь просто маленькая девочка, вымокшая и замерзшая под дождем.

Я улыбнулась такому доводу — это говорил Ральф, который заставлял меня ездить проверять овец ежедневно, невзирая ни на какую погоду. И он, поняв это, улыбнулся мне в ответ. Подсадив меня в карету, он затем подал руку маме, дядя Джон уселся последним, и Джем, подняв ступеньки, закрыл дверь.

Жители Экра больше не кричали, но каждый — я видела это по губам — повторял шепотом мое имя, и они улыбались. И махали нам вслед. Непрошенная слеза упала с моих ресниц и сбежала по щеке, слеза благодарности и любви к этим людям и к этой земле. Затем медленно — утопая в грязи почти по ободья — наша карета покатила домой.

— Мисти, — вспомнила я, когда Джем помогал мне выйти из кареты у нашей двери. Он проводил меня в дом и довел, крепко поддерживая, до самой двери в спальню, следом шла мама, а замыкали процессию миссис Гау и Страйд, с горячим посетом и водой для умывания.

— О Мисти позаботится Ральф Мэгсон, — успокоил меня Джем. — Я съезжу за ней, когда распрягу лошадей.

Я молча кивнула, и мы с мамой ушли в спальню. Там она, словно ребенку, помогла мне раздеться, и я тут же заснула.

Я снова увидела сон. Тот прежний сон.

Должно быть, он пришел из этой грозы и этого дождя, но это была не та гроза, в которой женщина ждала Каллера. И не та гроза, при которой ударом молнии разрушило шпиль церкви. Это был странный сон, но я знала его, будто бы видела каждую ночь моей жизни. Он был наполнен невыносимой болью и чувством потери.

Я была подавлена, подавлена физически, но от этой боли страдало и мое сердце. У меня возникло ощущение, будто я потеряла все, что было дорого моему сердцу, все, что я когда-либо любила. Ноги мои болели от бега босиком по холодной мерзлой земле, они были мокры от грязи, грязи моего родного Вайдекра, и от крови, сочащейся из тысячи порезов и ран, нанесенных его острыми камнями. Я замерзала, так как была одета в одну тонкую ночную рубашку и шерстяную накидку, ставшие мокрыми и грязными. Я спотыкалась, но бежала изо всех сил через лес к Фенни, и вот уже впреди послышался ее страшный рев, раздававшийся громче завываний ветра. Я ничего не различала в кромешной тьме и все время била ноги о камни, задыхаясь от страха, что вот-вот упаду и не смогу подняться, больше напуганная, чем ободренная светом бесконечных молний.

Мне было бы много легче идти, если б не моя ноша. Я несла под накидкой новорожденного младенца, осторожно прижимая его к своему сердцу. Я знала, что этот ребенок — мой ответ перед Богом. Это мое дитя. Оно принадлежало только мне, и я же должна была погубить его. Мне нужно было опустить его крохотное тельце в воду и держать там до тех пор, пока ребенок не перестанет дышать. А затем отпустить, и пусть он плывет по течению, крутясь и стучаясь о камни, прочь от моих рук. Я должна утопить его.

Ревущий шум воды стал еще громче. Я начала, поскользываясь, спускаться по тропинке, но, оказавшись у реки, задохнулась от страха. Такой я никогда не видела ее прежде — она разлилась вширь, и ее уровень поднялся так высоко, что деревья росли, казалось, из самой воды. Ствол упавшего дерева, всегда служивший нам мостом, скрылся под бурлящими волнами. Я вскрикнула от ужаса, но даже не услышала своего крика. Мне нужно было спуститься к самой воде и окунуть в нее ребенка. Чтобы он захлебнулся. Это должна сделать именно я. Это мой долг. Долг Лейси.

Это было невыносимо. Новое препятствие окончательно истощило мои силы, боль в сердце и ногах переполняла меня, и я стала бороться с этим ужасным сном. Рыдая, я сделала еще один шаг к реке, она кипела, как котел в аду. И в то же время какая-то часть моего разума сознавала, что это сон. Я вырывалась из него, но он держал меня цепко и не отпускал. Я была схвачена им, как клещами, и вместе с тем понимала, что лежу в своей кровати и плачу, зовя маму. И я знала, что этот сон не вымысел, что этот день когда-нибудь придет: истерзанная болью женщина, прижимающая к сердцу теплое тельце ребенка, прибежит, спотыкаясь, к реке, несущей свои воды от пологих склонов зеленых холмов через неповторимый Вайдекр к самому морю, чтобы утопить в ней свое дитя.

Я проснулась и увидела, что яркое солнце светит в мое окно и по небу скользят легкие облака. Сон отчаяния и тьмы должен был исчезнуть при свете дня, но этого не случилось. Он застрял во мне тяжелой глыбой предчувствия. Выглядела я, несмотря на долгий отдых, вялой и уставшей, и мама настояла, чтобы я, словно больная, провела в постели несколько дней. Когда она гладила мой лоб, я схватила ее за руку и поцеловала. Мне вдруг стало ясно, что в назначенный день каждый из нас умрет. И мама не всегда будет со мной, когда я буду нуждаться в ней.

— Ни о чем не тревожься, — и она погладила меня по щеке. — Ты слишком много трудилась, и твой разум переутомлен. Немного отдохнешь и опять станешь такой, как была. Это будет очень скоро.

Я почувствовала, как слезы наворачиваются мне на глаза. Я была так слаба, будто и вправду заболела.

— Тот ужасный сон... — начала я. Но мама не стала меня слушать.

— Больше никаких снов, моя дорогая, — мягко сказала она и наклонилась поцеловать меня в лоб. — Я не хочу об этом слышать, и ты должна забыть об этих глупостях. Сны ничего не значат. Все это пустое. А теперь поспи, пожалуйста, ради меня, и пускай твой сон будет крепким. Я посижу здесь с шитьем, и если тебе приснится что-нибудь плохое, то сразу разбужу тебя.

Она подала мне небольшой стаканчик с моей тумбочки.

— Джон оставил это для тебя. Это поможет тебе хорошо спать без всяких снов. Выпей это разом.

Я послушно поднесла питье к губам, выпила и откинулась на подушки. Сквозь золотое сияние дремоты я видела, как мама подвинула стул к окну и уселась возле него с рабочей корзинкой в руках. Она была рядом, охраняя мой мир и покой, и я спокойно смежила веки и заснула.

Мама оставалась в комнате все время, пока я спала, просыпалась и снова засыпала. Лекарство дяди Джона погрузило меня в глубокий долгий сон, лишенный сновидений.

На второй день к нам заехала моя бабушка, леди Хаверинг, на чашку чая. Тяжело поднявшись ко мне в комнату по нашей крутой, деревянной лестнице, она вошла и придиричиво оглядела меня в лорнет.

— Не очень-то ты смахиваешь на больную, — строго сказала она. — Но некоторая эксцентричность всегда была присуща Лейси.

— Я совсем не эксцентрична, бабушка, — вежливо отозвалась я. — По крайней мере, не пытаюсь такой быть.

Она улыбнулась и ласково потрепала меня по щеке.

— Да уж, будь добра, моя дорогая, это было бы невыносимо.

С этими словами она удалилась из комнаты и отправилась на семейный совет, который собрался в гостиной в полном составе, включая даже Ричарда, прибывшего из Оксфорда в то же утро.

— Вы отправляетесь в Бат, — довольно объявил Ричард, возникая в дверях моей спальни с подносом, на котором был чай и кусочек абрикосового торта. — Они говорят об этом с самого обеда и решили отправить вас с мамой туда, как только ты поправишься. Твоя мама говорит, что ты очень устала и нуждаешься в отдыхе. А папа сказал, что на тебе сказывается дурная порода Лейси. А твоя бабушка добавила, что все Лейси испокон веку были несколько дикими и что лучше всего выдать тебя замуж за какого-нибудь уравновешенного состоятельного человека. Так что вы скоро должны уехать.

Моя чашка звякнула о поднос, я умоляюще протянула руки к Ричарду.

— Только не навсегда! — воскликнула я. — Ричард, ради Бога, не навсегда!

— Нет, — сказал он, — всего на пару месяцев. Твоя мама хочет, чтобы ты подлечилась на водах, мой папа — чтобы тебя осмотрел его коллега, с которым они вместе учились в Эдинбурге, а твоя бабушка — чтобы ты вернулась оттуда помолвленной. Они считают, что пары месяцев в Бате хватит на все это.

Я внимательно посмотрела на Ричарда. Он улыбался, но это была деланная, многозначительная улыбка. Он был рассержен, однако старался не показывать это.

— А ты, — спросила я едва слышно, — что там, внизу, сказал ты?

— Мне нечего было сказать. У меня, конечно, есть свое собственное мнение насчет того, что ты делаешь, но я предпочитаю держать его при себе.

— Я никуда не поеду, — решительно сказала я.

— Все уже решено, — весело отозвался Ричард. — Ты поедешь туда со своей мамой, и вы будете жить в каких-то ужасных меблированных комнатах. Я думаю, что это будет не очень скоро. Вы уедете, как только придет ответ о том, что комнаты сняты, и как только мой папа получит письмо от своего однокашника. Вы будете у него консультироваться. Он — специалист по особым недомоганиям. — Его улыбка, обращенная ко мне, стала прямо сияющей. — Ты знаешь, что это за особые недомогания?

Я заколебалась. Какое-то внутреннее чувство подсказывало мне, что я знать не хочу ничего об этом. Но я была такой слабой, что не могла противостоять Ричарду.

— Что? — послушно спросила я.

— Умопомешательство у молодых леди, — торжествующе объяснил он. — Он лечит тех девушек, у которых не все в порядке с головой. И именно у него ты будешь лечиться в Бате. Поскольку они считают, что ты сходишь с ума. Они думают, что твоя умная головка не совсем здорова.

Моя тарелка упала на пол и разбилась, когда я внезапно схватила его за руки.

— Нет, Ричард, — задыхнулась я. — Это не так. Они не правы. Ты же знаешь, они не правы.

Он увернулся от моих рук.

— Это еще не все, — продолжал он. — Пока ты не уедешь, тебе совсем нельзя бывать в Экре.

— Я что, впала в немилость? — я непонимающе уставилась на него. — Они рассердились на меня из-за того, что случилось в Экре?

— Они говорят, что боятся за тебя. В Экр сообщат, что ты просто нездорова. Но твоя мама думает, что ты сходишь с ума.

Я оперлась одной рукой на деревянное изголовье кровати, чтобы не упасть на подушку.

— Это чепуха, — слабо выговорила я. — Я всегда видела сны. Это был такой же сон, как и другие. Просто предчувствие. Все знают, что такое предчувствия.

— Только у старых грязных цыганок бывают предчувствия, — жестко бросил мне Ричард. — А не у молодых леди. Если, конечно, они не сумасшедшие. Ты всегда пыталась походить на мою маму, Беатрис, а всем известно, что под конец жизни она сошла с ума. И

теперь ты сходишь с ума тоже. У тебя это наследственное.

Комната поплыла у меня перед глазами.

— Нет, Ричард, — повторила я. — Это не так. Ты прекрасно знаешь, что они ошибаются.

— Я не знаю, — оборвал он меня. — Раньше я думал, что тебе можно верить, но с тех пор, как приехал мой папа, ты все время стараешься втереться к нему в доверие. Потом в деревне появился Ральф Мэгсон, и ты стала лезть к нему, да и ко всему Экру. Только потому, что ты подружилась с этими глупыми маленькими крестьянами, ты возомнила себя королевой. Я ходил на уроки, а ты тем временем пыталась разыгрывать сквайра. А как только я уехал в Оксфорд, ты стала пропадать там целыми днями, притворяясь, что работаешь на земле, будто ты — моя мама, которая вернулась к ним! Ты интригуешь против меня, пытаешься выдать себя за избранное дитя, но тебе никто не верит и все думают, что ты просто сумасшедшая.

— Я не сумасшедшая! — неожиданно рассердилась я, стяхнув с себя оцепенение, вызванное лекарством и усталостью. Я откинула одеяло и стала вставать. — У меня есть дар. Я предвидела пожар и помогла спасти деревню от него. Но я совсем не планировала это. И я не интриговала против тебя. Это было предвидение.

Ричард надавил мне руками на плечи и не дал мне встать с кровати.

— Так не бывает, — прошипел он, лицо его стало черным от бешенства. — Никакого предвидения у обычных людей не бывает, и все, что ты говоришь, означает только то, что мы нормальные, а ты сходишь с ума. Да, да, сходишь с ума, и мы должны заключить тебя в сумасшедший дом. И ты никогда не будешь жить в новом Вайдекр Холле и не будешь разыгрывать роль избранного дитя в Экре.

Я сжала руками его кулаки, чтобы заставить его замолчать. Но он не унимался.

— Ты уже почти ненормальная, и тебя отправляют в Бат. Твоя мама будет водить тебя к доктору, и он сразу поймет, что это за сны такие и предчувствия и что за пение раздается у тебя в ушах.

Тут я закричала.

Я уперлась в него руками и закричала ему прямо в лицо.

Но Ричард тут же зажал мой рот подушкой и держал так, пока я, полузадохшаяся, рвалась и отбивалась от него, пытаюсь вырваться. Но он держал меня крепко. Лишь когда я перестала сопротивляться и успокоилась, он ослабил свою хватку.

— Лучше лежи-ка спокойно, — прошептал он, и его шепот был неожиданно важным. — Если они услышат, что ты кричишь, или подумают, что ты ударила меня, то будет еще хуже. — Его лицо светилось радостью. — Ты и вправду похожа на сумасшедшую. И кричишь точно как они, совершенно не владея собой. И ты была груба со мной, ты ударила меня, и сейчас ты сама же плачешь. Каждый, кто увидел бы тебя, решил бы, что тебе место в сумасшедшем доме. Так что лучше оставайся-ка спокойной, Джулия. — И он убрал мои волосы со лба, пародируя трогательную заботу о больных.

Я вздрогнула от его прикосновения.

Он поднял мою голую ступню с пола и спрятал ее обратно под одеяло, а потом сердобольно поправил простыню у меня под подбородком.

— Лежи тихо, — прошептал он, приблизив рот к моему уху. — Твоя бабушка еще внизу, ты же не хочешь, чтобы она слышала, как ты визжишь, правда? Ах ты наше маленькое сокровище.

Я лежала неподвижно. Я даже не шелохнулась, когда он поцеловал меня в щеку, будто любя. Тогда он повернулся и легкой походкой пошел к двери, вышел и закрыл ее за собой.

Я лежала в той же позе, в которой он оставил меня, пусто глядя в потолок, мои щеки были мокры от слез, и внутри меня разрастался страх.

Следующие несколько дней напоминали ночной кошмар. Каждая любящая улыбка моей мамы, каждый взгляд и вопрос дяди Джона о том, как я себя чувствую, подтверждали слова Ричарда: они считали, что я схожу с ума. Я сама чувствовала, как натянуто выражение

моего лица и как тревожно смотрят глаза. Я очень старалась вести себя нормально и выглядеть как обычная здоровая девушка, но с каждым днем мое поведение становилось все более и более странным.

Погода тоже, казалось, испытывала мое терпение, каждое утро начиналось с ветра, дождя или промозглого тумана, но после обеда обычно показывалось яркое красное солнце. Мисти скучала в своем стойле, но мне не разрешали даже подходить к ней. Я едва осмеливалась выглянуть в окно из страха, что мама увидит в моем лице тоску, которой не должно быть у нормальной девушки. Я боялась даже сесть на табуреточку у ее ног и посмотреть на огонь, боясь, что дядя Джон спросит меня: «О чем ты думаешь сейчас, Джулия?»

Его глаза все время следили за мной, особенно в те минуты, когда я смотрела в камин. Я была под наблюдением.

Мисти давно стояла в нашей конюшне. Уже на следующий день после пожара Ральф привел ее домой, нагруженную маленькими подарками от детей Экра. Они сплели для меня венки из бумажных цветов, сделали несколько букетов из веточек с бутонами, как обещание скорой весны, и даже, собрав несколько фартингов, купили для меня в Мидхерсте коробку конфет. Но Ральф не позволял им прийти навестить меня. Мои домашние сказали ему, как и всем остальным посетителям из Экра, что сейчас я отдыхаю и вскоре отправлюсь в Бат.

Мое место на земле занял Ричард.

Каждый день он выводил Принца из конюшни и отправлялся в Экр посоветоваться с Ральфом о планах на этот день. И Ральф — непроницаемый и непостижимый Ральф — принял эту перемену как следствие моего желания. Он знал, что Ричард терпеть не может коров и овец, но январь спокойное время года, и на земле мало работы в эти дни. Самое срочное, что нужно было делать, — это отремонтировать западную стену церкви и затем как можно скорее восстанавливать пять разрушенных коттеджей.

Ричард был знаком с этими проблемами лучше, чем кто-либо другой. Он досконально изучил все каменоломни в округе и точно знал стоимость добычи камня в каждой из них и стоимость доставки. Ричард сам нарисовал планы новых построек, вернее, перерисовал их из одной своей книжки по архитектуре. Ричард был тем, в ком люди нуждались эти месяцы для того, чтобы вернуться к нормальной жизни.

Мой кузен назначил несколько человек восстанавливать крыши на домах Куперов и Смитов и каждый день приезжал из Дауэр-Хауса посмотреть, как подвигается дело. После обеда, когда уже начинало смеркаться, он отвозил рабочих в Буш, где выставлял им по кружке эля за свой счет.

Он также ни забывал ни женщин, ни детей. Когда заболел Малыш, Ричард в нашей карете отвез его, чтобы показать дяде Джону, и затем привез его обратно, тепло укутав от простуды и напоив лауданумом. В его карманах всегда были целые связки лент для хорошеньких девушек Экра, он вел себя как милостивый сквайр и никому не отдавал предпочтения. Клари все еще была лидером молодых людей в деревне, и самая красивая и яркая лента всегда доставалась ей. Только Тед Тайк был единственным, кто находил в себе силы противостоять обаянию Ричарда. Он отказывался пить с ним и никогда не снимал картуз перед моим кузенком.

— Он ужасно груб, — говаривал Ричард, его улыбка сияла вновь обретенной уверенностью. — Но это неважно. Я управлюсь с деревней и без благословения этого Теда Тайка.

Все было так, будто бы в ту ночь пожара я умерла. Я умерла, и мое место занял Ричард. Умерла и уже забыта.

Мама и дядя Джон велели Страйду отказывать всем посетителям. Им всем говорили, что я нездорова и нуждаюсь в отдыхе. Если кому-то требовалось что-то узнать о земле, его отправляли к Ральфу. Если требовалось узнать что-то о строительстве новых коттеджей, то — к Ричарду. Все делалось так, будто бы меня здесь уже не было, я уехала в Бат и никогда больше не вернусь.

Мама знала, что я несчастна, но она не пыталась мне ничего объяснить, а сама я была слишком обессилена, чтобы задавать ей вопросы. Самым худшим из всего этого было для меня видеть, как они следят за мной, но еще страшней была память о том сне. Словно я посмотрела в волшебное зеркало и увидела свое собственное лицо, искаженное болью страданий, и свое будущее, в котором не было ни нового Холла, ни восстановленного Экра, лишь только одиночество, боль и страх. И нежеланный ребенок, которого предстояло убить.

Если бы я могла отдохнуть, если бы они оставили меня одну, я бы воспряла духом и не была такой странной. Но за мной все время следили их тревожные, любящие глаза, и ни мама, ни дядя Джон не скрывали своего желания поскорей отправить меня отсюда, из моего дома, в изгнание. Я знала, что дядя Джон написал письмо своему другу доктору, и ответ пришел в тот же самый день, когда пришло сообщение о том, что комнаты для нас уже сняты.

— Мы можем ехать хоть завтра, — сказала мама дяде Джону за завтраком.

— И доктор Филлипс будет к вашим услугам, — подтвердил дядя Джон.

Оба они тщательно избегали смотреть на меня. Я, держа глаза опущенными, боялась сказать что-нибудь. В комнате повисло гнетущее молчание.

— Мне пора, — радостно объявил Ричард. И мы все посмотрели, как он отодвинул свой стул и пошел к двери, задержавшись, только чтобы поцеловать на прощание маму. — Куперы и Смиты могут сегодня же переезжать обратно, а я собираюсь начать работу над остальными тремя коттеджами. Сэр, вы не будете возражать, если я отложу возобновление занятий в университете до тех пор, пока не закончу здесь ремонт коттеджей?

— Разумеется, — одобрительно кивнул дядя Джон. — Никто не смог бы справиться с этой работой так быстро и успешно, как ты. Экр — это твоя забота.

Ричард радостно улыбнулся.

— Я так рад помочь этим несчастным людям, — сказал он. — Но думаю, мы не позволим Джулии вернуться домой из Бата, пока она не даст обещания не разрушать больше нашу деревню. Я согласен, были времена, когда я сам заявлял, что хочу стереть Экр с лица земли, но я не собирался делать это в середине января и в грозу.

Все трое рассмеялись, но только Ричарду доставила удовольствие эта шутка. Я же постаралась растянуть губы в неискреннюю улыбку, но сама понимала, как она нелепа, так как глаза мои были полны слез. Ричард был единственный, кто ничего не заметил. Послав мне воздушный поцелуй, он повернулся было к двери, но, глянув на меня, обратился снова к маме:

— Не могли бы мы сегодня пообедать попозже? Мне не управиться до вечера.

— Конечно, — и мама улыбнулась его энтузиазму. — Мы пообедаем позже, если ты так занят, Ричард.

— Дело прежде удовольствия, — рассмеялся он, не забывая следить, как я воспринимаю это. — Заставить Экр работать стоит мне целого состояния, потраченного на ленты.

Я сидела молча, опустив глаза, пока Джон и мама подтрунивали над флиртом Ричарда с деревенскими девушками. Я понимала, что он сказал это, чтобы расстроить меня, и ему это удалось. Он пришелся по душе всем в Экре, и мне это было обидно. Ричард снова попрощался, и вскоре мы услышали, как его башмаки застучали по лестнице вниз и раздался стук закрываемой двери.

Воцарилось неловкое молчание.

— Ты успеешь подготовиться к завтрашнему дню, Джулия? — спросила мама мягко. — Нет необходимости брать с собой много платьев. Я собираюсь купить тебе там новые наряды.

Что я могла сказать, кроме «да»? Я кивнула и вышла из комнаты, прежде чем они вслух подметили резкий контраст между моим веселым, здоровым кузенком и мной.

Звезда Ричарда всходила. Он был поддержкой мамы и даже дяди Джона. Ральф Мэгсон поручал ему те дела, с которыми он раньше обращался ко мне. Ричард был также

совершенно необходим при строительстве коттеджей. Словом, в эти холодные дни он был нужен каждому как глоток воздуха. Он пытался сделать как можно больше, он испытывал свою силу.

И он научился многое делать на земле. Старый одр дяди Джона был рад совершать неспешные ежедневные моционы, и Ричард заслужил похвалу дяди Джона за то, что не пренебрегает им. В действительности, Ричард никогда не выглядел таким счастливым на лошади, как на этом послушном неторопливом мерине, который больше походил на удобное кресло, чем на коня.

Я же для Ричарда стала никем. Теперь у него было все: земля, Экр, любовь деревни.

И я стала никем для Экра. Я работала на них и спасла их. Но сейчас им нужно было отстраивать разрушенное, и они обратили лица к будущему. Они забыли меня за какие-то несколько недель.

Дома же я стала источником беспокойства и тревоги для мамы и дяди Джона. Я не была больше избранным дитя. Я была просто наказанием для домашних.

В гостиную я вошла с пылающими щеками и блестящими от слез глазами и увидела взгляд, которым дядя Джон обменялся с мамой. Они решили, что я непостоянна в своих настроениях или истерична. Мне же казалось, что я действительно схожу с ума.

Я подошла к маме, как бывало раньше, и, хотя одно ее присутствие избавляло меня от моих страхов подступающего сумасшествия, паника от того, что страшный сон о босоногой женщине станет правдой, не покидала меня. Я присела на скамеечку у ее ног и стала помогать ей распарывать швы на старых платьях, которые мы собирались взять в Бат, чтобы отдать в переделку. Я работала как самая прилежная модистка и, взяв старинные кружева, которыми мы собирались отделать платья, отнесла их на кухню, где принялась их старательно стирать, полоскать и раскладывать на мягком полотенце для сушки.

Ричарда не было весь день, и вернулся он только к обеду, который задержали по его просьбе. Я была далека от гнева, обиды или ревности. Ричард был сквайр. Он мог делать все, что хочет.

Он вернулся домой поздно, как и обещал. Сбросив пальто на перила лестницы, он сразу же умчался к себе наверх переодеться. От пальто шел свежий морозный запах шерсти, и он привлек меня так ясно и сильно, будто бы кто-то произнес мое имя. Я накинула шаль и вышла в наш сад, откуда мне были видны темные склоны холмов, отчетливо синеющие на фоне неба.

Трава трещала от мороза, и небо было как лазурная арка, усеянная яркими звездами. Где-то высоко мелькнула тень, и я узнала сову и услышала ее протяжный охотничий крик. Огромный каштан над моей головой заслонял половину неба. Вдруг какая-то фигура показалась из темноты и приблизилась ко мне.

Это была Клари Денч.

— Джулия? — позвала она. — Это я.

— О, Клари! — удивилась и обрадовалась я. — Как я рада тебя видеть! Как ты догадалась, что так нужна мне?

— Я должна была увидеться с Ричардом, — ответила она. — После работы, в лесу. Но я опоздала, и его уже не было. Я подумала, что у него есть какое-то послание от тебя. И пришла сюда.

— Ты встречаешься с Ричардом? — недоверчиво переспросила я. — После работы, в темном лесу?

Клари издала совсем не благопристойный смешок.

— Не будь дурочкой, Джулия, — укоризненно сказала она. — Что ты обо мне думаешь? Что я какая-то деревенская вертихвостка, которая заводит шашни с хозяином? Он попросил меня встретиться с ним, и я подумала, что он хочет передать что-нибудь от тебя. Что же еще может быть?

Я медленно кивнула. Это была еще одна нить из той паутины, которой опутал меня и мой мир Ричард.

— Но, Клари, как я рада видеть тебя!

Я обняла ее за талию и вновь ощутила тепло ее ласкового плотного тела и щекотанье волос у моей щеки. Мы медленно пошли по поляне к старому каштану. Став рядом с ним и прижавшись к нему ладонями, я почувствовала знакомый древесный запах и мягкость его древней коры.

— Я рада, что ты здесь, поскольку хотела попрощаться с тобой. Меня не отпускают в Экр с той самой ночи, Клари. Мои родные всем объявили, что я больна, и почти заставили меня поверить, что это в самом деле так. Завтра они отправляют меня в Бат и даже не разрешат попрощаться с моими друзьями. Скажи всем в деревне, что я часто думаю о них и посылаю им свою любовь.

Она сжала мои руки в своих холодных ладонях.

— Уезжаешь? — спросила она строго. — Уезжаешь отсюда? Почему, Джулия? Это надолго?

Я попыталась рассмеяться и сказать: «О, нет! Конечно, ненадолго!»

Я хотела улыбнуться и сказать: «О! В Бате будет так забавно!»

Но вместо этого я отчаянно разрыдалась и, бросившись к Клари в объятия, жалобно проговорила:

— О, Клари! Все из-за того сна и грозы! Они думают, что я схожу с ума, и увозят меня отсюда, и я не знаю, что со мной будет!

Я рыдала в первый раз с тех пор, как Ричард сказал мне, чтобы я вела себя тихо, и чувствовала одновременно и страх, и облегчение. Клари выслушала меня и, обняв, усадила на землю.

— Что случилось? — тихо спросила она. — Ты, конечно же, не сумасшедшая, но я никогда не видела тебя такой несчастной. И ты выглядишь очень странно.

— Что ты имеешь в виду? — испуганно переспросила я.

— Ну, старше, — протянула она. — И у тебя грустные глаза. Как будто ты узнала что-то ужасное. Что произошло, Джулия?

На кончике моего языка уже повисла ложь, ложь для моей дорогой Клари, но я медлила, как медлит в наивысшей точке раскачивающийся маятник. И не солгала. Что бы мне еще ни предстояло в жизни, я не хотела осквернить наши с ней отношения ложью.

— Это Беатрис, — медленно проговорила я. В тихом, потерявшем цвет в сумерках саду мои слова прозвучали страшно. Клари вздрогнула, будто бы шаль больше не грела ее, и я тоже почувствовала внутренний холод.

— Это Беатрис и ее магия, — прошептала я.

Глаза Клари потемнели от страха, и мороз прошел по моей коже.

— Она является тебе? — спросила она тихо.

— Нет, — так же тихо ответила я. — Гораздо хуже. Мне кажется, будто я становлюсь ею.

Повисло глубокое молчание. Высоко в вершинах деревьев дул легкий ветерок, но здесь, внизу, было тихо и сумрачно.

— Так было, когда приехал Ральф? — опять спросила она.

— Да, — ответила я. — И он услышал ее в моем голосе. Я думаю, что он даже увидел ее черты в моем лице.

Она кивнула и вытащила руку, чтобы поправить на себе шаль. Я с ужасом увидела, что ее пальцы перекрещены в старинном заклинании против нечистой силы, и, наклонившись вперед, тронула с упреком ее за руку.

— Клари, ты делаешь это против меня?

Она распрямила пальцы и опустила голову. Даже в сумерках было видно, как она покраснела.

— О, Господи помилуй, нет, конечно! — И, отвернувшись от меня, она подошла к каштану и прислонилась к его стволу, будто у нее кружилась голова. — Нет! — повторила она снова. — Я делала это не против тебя. Я увидела что-то странное. Это было в твоих

глазах, Джулия. И это напугало меня, я признаю.

— В моих глазах ты увидела ее, — тихо сказала я.

— Возможно, — согласилась она, глядя на меня с дружеским участием. — Но об этом говорят в деревне уже целый год. Что ты избранное дитя и ее наследница.

— Совсем непохоже, что я избранное дитя, — с обидой возразила я. — Я видела ужасный сон, Клари, просто ужасный. Он был совсем не о Беатрис, не думай. — Она молча слушала. — Мне снилось мое полное, беспросветное одиночество. Будто бы я осталась совсем одна на земле, и никто больше не любит меня, и мне тоже некого любить. Совсем некого, кроме крошечного ребенка, которого я должна бросить в реку.

Клари судорожно вздохнула, ее лицо в лунном свете казалось совсем белым, когда она шагнула ко мне и взяла мои руки в свои.

— Я всегда буду любить тебя, — сказала она со своим протяжным суссекским выговором. — И я всегда буду здесь.

На какое-то краткое мгновение меня согрела теплота, прозвучавшая в ее голосе, и я даже начала улыбаться. Но тут же в моих ушах зазвучал странный звон, словно порыв ледяного ветра налетел и погасил эту теплоту.

— Нет, тебя не будет, — и мы обе услышали безоговорочную уверенность в моем голосе.

Глаза Клари испуганно обратились ко мне с вопросом, но она была деревенской девчонкой, бесстрашной и мудрой. И она своевольно пожала плечами и послала мне мальчишескую озорную улыбку.

— Что ж, по крайней мере, я не увижу тебя в роли сквайра.

Но шутка не получилась, и мы обе почувствовали себя подавленно. Опять повисло долгое молчание.

— Что же ты будешь делать? Тебе можно отказаться ехать туда?

— Мне нужно ехать, — упрямо ответила я. — И я не знаю, когда они разрешат мне вернуться.

Я хотела улыбнуться, но мое лицо невольно скривилось в жалобную гримасу. Мою голову сжимал обруч такой сильной головной боли, что я едва видела сад. Я чувствовала себя на пути к тому, чтобы потерять все, чем я дорожила: Ричарда, Вайдекра, мое детство. Все украла у меня сумасшедшая, давно умершая ведьма Вайдекра. И ничего не дала взамен, кроме пригоршни глупых суеверий и странности, которую я не могла контролировать.

— Мне придется делать то, что велют мама, дядя Джон и Ричард. Я должна ехать в Бат. — Я незаметно смахнула несколько непрошенных слезинок, подала Клари руку, и мы пошли по направлению к дому.

— А что, если ты действительно владеешь ее даром? — вдруг остановила меня Клари. — Неужели они не видят этого? Старые люди в Вайдекре говорили это о тебе еще тогда, когда ты была маленькой девочкой. Они всегда утверждали, что Беатрис вернулась в твоём облике, чтобы поправить то, что наделала раньше. Неужели это секрет? Секрет для Лейси из Вайдекра?

— Нет, — устало произнесла я. — Но мир меняется, Клари. В нем нет больше места для таких тайн. Все больше и больше новых людей приезжают в Экр работать, все больше уроженцев нашей деревни уезжают в другие места. И многие перестают верить в такие вещи, как знамения и вещие сны. Они не могут объяснить это и поэтому не хотят даже слышать об этом.

Клари состроила гримаску.

— Они думают, что они очень умные, — презрительно проговорила она. — Например, твой дядя Джон — он хороший человек и делает много добра для Экра, но ему надо, чтобы все можно было выразить словами. — Тут она прервала себя: — Мне пора домой, пока еще не совсем темно. Но я обязательно забегу к Ральфу Мэгсону и расскажу ему, что завтра утром ты уезжаешь. Твой драгоценный кузен никому не удосужился сообщить об этом.

Я благодарно кивнула и прижалась к щеке Клари на прощание. Обняв ее, я

почувствовала, как она вздрогнула. В воздухе похолодало, и мое лицо было ледяным. Прикоснувшись к нему, она, видимо, испугалась, что это холод привидения. Я отступила назад и попыталась улыбнуться ей, но мне самой было известно, что мои глаза стали затуманенными и какими-то обреченными.

— Не бойся, Клари, — успокоила ее я. — Я та самая девочка, что дралась с тобой. Возможно, я что-то не понимаю, а правы мои родные. И у меня не было никакого предчувствия, а была только лихорадка.

Она улыбнулась, потрепала меня по щеке своей грязной ладонью, завернулась поплотнее в шаль и выскользнула из сада.

Весь вечер я ждала прихода Ральфа Мэгсона и даже задержалась на неположенные полчаса дольше после ужина, ожидая, что он все-таки придет. Но он не появился, и я молча поплелась к себе в комнату и бросилась на кровать, уверенная, что больше не увижусь с ним.

Но мне следовало бы знать его лучше. Рано утром, когда Дженни принесла мне утренний шоколад, она сказала, что прискакал из деревни Ральф Мэгсон, чтобы пожелать мне счастливого путешествия, и он ожидает меня на конном дворе. Я быстро накинула на себя капот и жакет от амазонки и выскользнула из дома. Солнце светило ярко, как летом, но земля была твердая и гулкая, словно камень. Все вокруг сияло, и Ральф улыбался мне, сидя высоко на своем черном жеребце. Я подошла к лошади и погладила ее по шее, смотря вверх в его лицо.

— Вы были больны? — мягко поинтересовался он.

— Нет, — ответила я. — Но мне не разрешали выходить. Родные боялись за меня.

— Бояться совершенно нечего, — спокойно отозвался он, и я почувствовала, что напряжение и боль последних дней оставляют меня, как будто какие-то неизвестные пути спадают с моих плеч и груди.

— Я должна поехать в Бат, — коротко сообщила я. Ральф с сочувствием смотрел на меня. — Мои родные хотят, чтобы меня осмотрел доктор. Они считают, что я стала неуравновешенной из-за своих снов и той грозы.

— А, ерунда, — отмахнулся Ральф. — Я так и предполагал. Докторам нечего вмешиваться, Джулия. Вы здоровая и умная молодая девушка. Любой доктор в состоянии понять, что вы наделены от природы особым талантом, особой силой и что этому надо только радоваться. Вы должны позволить этой силе течь сквозь вас так же спокойно, как течет под мостом река.

— Я не могу, — грустно сказала я. — Я все-таки молодая леди, а не цыганка-предсказательница. Все эти сновидения и знамения должны исчезнуть. Скоро я войду в светское общество. И стану женой сквайра.

Ральф скривил рот, будто собираясь сплунуть, но затем вспомнил, где он, и воздержался.

— Соболаговолите извинить меня, — с преувеличенной любезностью сказал он. — Я позволил себе забыть, какое блестящее будущее ждет вас. Молодая светская леди. Войти в свет — это не пустяки! Что ж, ради этого стоит кое-чем пожертвовать, я думаю. — Он глянул вниз на мое бледное лицо и оставил свой грубый юмор. — Вы знатная девушка до мозга костей. И если вы хотите избавиться от некоторой своей неуправляемости, то безусловно сможете это сделать. Вы сможете превратиться в кисейную барышню, но не думаю, что это вам нужно. Хотя, может быть, я и ошибаюсь. Но если вы решитесь на это, то лучшего места, чем Бат, вам не найти.

Отвращение, прозвучавшее в его голосе, рассмешило меня, и я хмыкнула.

— Вы, что же, бывали в Бате? — спросила я, улыбаясь.

— А, — отмахнулся Ральф. — Меня-то им не удалось превратить в кисейную барышню, это точно. Но с вами им стоит попытаться. — Он взял мою руку в свои и сжал ее подбадривающим жестом. — Слушайте вашего сердца, — мягко продолжал он. — Я думаю, что эта земля предназначена для вас и ни для кого другого и что именно вы — наследница Беатрис. Но Джон и ваша мама, возможно, хотят для вас другого. И выбирать

свою дорогу предстоит вам и никому больше. Попробуйте испытать вкус Бата, возможно, он понравится вам. Но если Вайдекр значит для вас больше — то возвращайтесь обратно.

Я кивнула. Мудрость Ральфа была проста, как рост травы.

— Я боюсь этого доктора, — призналась я.

Пожатие Ральфа стало крепким, как железо.

— Пока я жив, никому не удастся обидеть вас, — кратко сказал он. — Обещаю вам.

Я подняла на него глаза, и внезапно знакомый гул наполнил мою голову.

— Придет время, когда вы не сможете помочь мне, — уверенно сказала я, и это произнес не мой голос. — А я не смогу помочь вам.

Я замолчала, и Ральф подождал, не продолжу ли я.

— Это будет черный час для нас обоих, — ответил он. — Но не надо сейчас об этом. Не бойтесь будущего, маленькая Джулия. Берите в руки свою настоящую жизнь и живите ею. — Он хотел было повернуть лошадь, но, вспомнив что-то, полез в карман сюртука. — Я принес вам подарок. — И он протянул мне что-то зажатое в широкой ладони.

Это была маленькая деревянная сова, согретая от тепла его тела. Она была вырезана из светлого дерева и гладко отполирована.

— Ральф, — потрясенно сказала я. — Вы сделали это сами? Для меня?

— Да, — последовал гордый ответ. — Я же все-таки сын цыганки, не забыли? На днях я был в таборе и позаимствовал на день-другой их инструменты. Вы должны быть мне благодарны, что я не принес вам кучу крючков для одежды.

Я рассмеялась. Мои пальцы сжали маленькое тело совы, и вдруг я будто узнала ее.

— Вы дарили когда-то сову Беатрис, — уверенно сказала я.

Взгляд Ральфа стал острым как нож.

— Если бы вы были сумасшедшей, вы никогда не узнали бы этого, — сказал он. — Никому, кроме нас с ней, не было об этом известно, и никто не мог ничего рассказать вам. В первый раз я подарил ей сову в знак любви, когда мы были любовниками. И она назвала ее Кенни за мудрость. А в год ненависти я послал ей фарфоровую сову, чтобы напугать ее, после того как она потеряла свой ум и мудрость. А сейчас я дарю маленькую деревянную сову вам, ее наследнице, в знак моей любви. Чтобы напомнить вам, что терять мудрость не следует никогда.

— Я постараюсь... — всем сердцем выдохнула я. — Спасибо, Ральф. Вы такой... — я замолчала, подыскивая слово, — милый.

Ральф сделал вид, что он поражен как громом.

— Должно быть, я уже превращаюсь в дряхлую развалину, — с отвращением сказал он, — если такая взрослая девушка говорит мне «милый». О Боже!

И он сразу же повернул лошадь и поскакал прочь, все еще рассерженно качая головой.

— До свиданья, Ральф! — крикнула я ему вслед, такая счастливая, какой только он мог сделать меня. — Я вернусь домой к севу!

Не знаю, слышал ли он меня. Копыта его лошади гулко стучали по мерзлой земле, но он оставил меня с улыбкой на лице и без страха в сердце... и с маленькой деревянной совой в кулаке.

Я вернулась домой укладываться и одеваться. Прозвонил гонг к завтраку, мама спустилась вниз с карандашом и списком необходимых вещей и так и ела, делая необходимые отметки в списке.

Собрались окончательно мы довольно поздно, потом мама забыла свой роман в комнате, и я сбежала за ним наверх. А она дала еще сотню разных указаний Страйду, прежде чем наконец протянула руки к дяде Джону и сказала:

— До свидания, Джон, храни вас Господь! И не работайте слишком много.

Джон расцеловал обе ее руки и затем, выпрямившись, поцеловал в губы.

— Спаси и сохрани Господь и вас тоже, Селия! — любяще ответил он. — И не зарьтесь, пожалуйста, на гардероб королевы. А главное, поскорее возвращайтесь домой.

Ричард стоял с моей стороны кареты.

— Я надеюсь, тебе будет наконец лучше, — неискренно сказал он. — Но если ты не поправишься и останешься в Бате, то они ведь примут меня сквайром, правда? Они верят, что у тебя есть дар предвидения, но они же знают, что избранное дитя это я, да?

У меня не было сил защищаться.

— Они станут любить тебя еще больше, — устало промолвила я. — Как бы то ни было, предвидение мало что стоит.

Я смотрела на него, изучая его лицо в поисках хотя бы крохи той любви и доброты, в которые я верила все мое детство. Ричард улыбнулся своей самодовольной улыбкой.

— Я сделаю Экр моим, пока тебя не будет, — пообещал он. — Я дождался своего часа. Холл станет таким, каким я хочу его видеть, и Экр будет слушаться только меня. Я и вправду надеюсь, что ты поправишься, Джулия, но мне кажется, что для этого потребуются месяцы. До свидания.

— Мы все-таки совместные наследники, — резко ответила я. — Земля принадлежит мне тоже.

Ричард улыбался, как майское утро.

— Я не забыл об этом, — сказал он сладко. — Но ты не знаешь законов, моя маленькая умненькая кузина. Если тебя заключат в сумасшедший дом, то ты потеряешь все свои права. Разве ты этого не знала, моя дорогая? Если твои видения и предчувствия не прекратятся, то ты лишишься всего.

Мне показалось, что я слепну от ужаса.

— Нет, — выдохнула я и в тумане слез уже не могла разглядеть лицо Ричарда. Карета двинулась вперед, прежде чем я успела попытаться разубедить его во всем, что он сказал. Все, что я успела сделать, это наклониться вперед и посмотреть на Ричарда, моего очаровательного кузена с черными кудрями и яркими голубыми глазами, стоящего уперев руки в бока, словно ему уже принадлежала каждая пядь этой земли.

Глава 13

Путешествие из Экра в Бат заняло у нас два дня и было нелегким. Если бы я не чувствовала себя насквозь больной и не начала скучать по дому с первой же минуты отъезда, то оно могло бы мне даже доставить удовольствие: суматоха в дорожных гостиницах, где мы меняли лошадей, высокие горы вблизи Солсбери, покачивание нашего экипажа, которое навевало на меня сон, мама, такая хорошенькая в новой шляпке, с важностью входящая в гостиницы, будто бы она была состоятельнейшей из женщин каждый день своей жизни.

Большая часть нашего пути пролегла по Южной Англии. Это был чудесный край, напоминавший нам пейзаж Вайдекра. Местность была здесь, конечно, ниже, да и кто стал бы прокладывать дорогу по верху холмов? Но пологие зеленые склоны здешних возвышенностей были так же очаровательны и покрыты особой весенней травой, которая растет только на наших меловых почвах. Реки, протекавшие в этих местах, были так же звонки и чисты, как наша Фенни, и при виде одной из них я ощутила мгновенную острую тоску по родному дому.

Здесь паслись огромные отары овец, которые выучились резво убегать с дороги при звуке почтового рожка. Местными сквайрами тоже владела мания расширения своих полей, я видела, что их прошлогодние пастбища распаханы под посевы.

Мне нравилось ехать и следить за меняющимся пейзажем, и слушать, как мама рисует мне привлекательные картины нашей будущей жизни в Бате.

Но все равно это было довольно грустное путешествие, и я никакими усилиями не могла заставить себя вновь радоваться жизни. Я чувствовала себя так, будто стою перед судьей. Просыпаясь от неглубокого сна в дороге, я вздрагивала, встречая устремленный на меня взгляд мамы и боясь, что я разговаривала во сне.

Перед Солсбери мы остановились на ночлег в гостинице, где нам предоставили одну комнату на двоих. Ночью я проснулась оттого, что мамина рука тронула мое плечо.

— Что, мама? — спросила я сквозь сон. Мне приснилось, что я маленькая девочка в Вайдекре и играю с мальчишкой, таким же черноволосым, как Ричард, и с такой же хулиганской улыбкой, какая была у него в детстве.

— Тебе что-то приснилось, — полувопросительно сказала мама. — И ты говорила во сне. Ты сказала «Ральф».

Я приподнялась на локте и успокаивающе протянула к ней руку.

— Это не имеет никакого значения, мама, — рассудительно ответила я. — Я думала о молоденьких яблонях, которые посадила, и вспоминала, что я должна была сказать мистеру Мэгсону. Вот и все.

Она успокоенно кивнула.

— Извини, что я разбудила тебя, — сказала она. — Джон велел... — тут она заколебалась. — Джон сказал, что было бы лучше, если бы ты пока спала без всяких сновидений. Он считает, что твое воображение несколько перегружено.

— Это не имеет никакого значения, — повторила я опять. Но видела, что мама меня уже не слушает.

Она пошла к своей дорожной сумке и достала маленькую знакомую склянку с лекарством, которое я одновременно и любила и ненавидела.

— Прими, пожалуйста, вот это, — попросила она.

Я вздохнула, и сон окончательно покинул меня. Я проглотила лекарство, чтобы сделать маме приятное, и стала ждать, когда знакомое ощущение нереальности всего окружающего завладеет мною. Мои родные похищали у меня мои сны, частицу моего «я». Они заставляли наиболее непредсказуемую часть меня раствориться в этом золотистом сиропе так, что я теряла здравый смысл и ум, посланные мне снами, а вместо этого погружалась в туманный и зыбкий мир нереальности.

— Доброй ночи, — невнятно проговорила я, мама поцеловала меня в лоб и вернулась к себе в постель.

— Доброй ночи еще раз, — сказала она ласково и добавила: — Благослови тебя Господь, моя дорогая.

В Бате мама сняла для нас меблированные комнаты на Гей-стрит.

— Эта улица застраивалась в тот год, когда моя мама вышла замуж за лорда Хаверинга и мы переехали к нему, — рассказывала она, когда мы подъезжали к городу. — Наверное, я там ничего не смогу узнать. Мы тогда жили неподалеку от лечебных источников, водой которых должен был лечиться мой папа. Даже когда я была маленькой, этот город менялся изо дня в день. Представляю, каким неузнаваемым он стал теперь.

— Ну конечно, — согласилась я, глядя из окошка кареты на окружающие деревья. Широкая река, глубокая и быстрая из-за весеннего половодья, бурлила в своих берегах, ивы склоняли ветки низко над поверхностью, и серое небо отражалось в воде над ними. Фенни сейчас тоже бурлит и клокочет, подумала я.

— Ричард так любит архитектуру, — продолжала мама. — Мы могли бы пригласить их с Джоном навестить нас, когда окончательно устроимся и получим консультацию у доктора Филлипса.

— Ну конечно, — повторила я.

— Магазины там, должно быть, великолепны, — мама с нетерпением вглядывалась вперед. Даже при моей заторможенности, вызванной лауданумом, меня развеселило ее волнение. Дорога сделала последний поворот, и мама ахнула при виде открывшегося нам великолепия. Город, освещенный солнцем, весь сиял золотом, словно новый Иерусалим. Над центральной его частью доминировало великолепное аббатство, высокая башня которого, казалось, достигала небесного свода. Дома вокруг, сложенные из местного песчаника, светились ровным желтым цветом.

Мы съехали с моста, и сразу же Джем прикрикнул на лошадей и придержал их галоп. Улицы были запружены народом, и я с трудом представляла, как мы могли бы продолжать путь. Навстречу нам попало много портшезов, которые опасно раскачивались в руках двух

носильщиков, одного — впереди, другого — сзади. Занавески большинства из них были задернуты, но в одном я увидела бледное женское лицо в обрамлении капюшона, а в другом — храпящего краснолицего мужчину. Повсюду раздавались крики разносчиков и уличных торговцев, многие из них разложили свой товар прямо на тротуаре. Тут же расположился зубной лекарь в запятнанном кровью переднике и со своим инструментом. У многих дверей приютились нищие, протягивая прохожим изуродованные руки, рядом стояли дети, красные лица которых были покрыты сыпью какой-то неизвестной болезни.

— Это всего лишь предместья, — виновато объяснила мама. — Каждый город имеет свои бедные кварталы, Джулия. Даже наш Чичестер.

— Я знаю, — отозвалась я и откинулась в глубь экипажа. Фургон, загородивший нам дорогу, наконец сдвинулся с места, и Джем тронул поводья.

— Бла-агодарю, джентльмены, — услышала я его громкий голос, обращенный к двум носильщикам, указавшим ему дорогу, и улыбнулась, узнав родной протяжный выговор суссекских долин.

— Боже, как здесь шумно, — сказала мама. — Я совсем отвыкла от этого.

Я кивнула, и мы уставились каждая в свое окно, словно две деревенские молочницы, впервые увидевшие город.

Шум и суета чуть уменьшились, когда мы свернули с центральных улиц, но двигаться быстрее мы не стали. Экипаж пополз в гору.

— Лошадям, должно быть, тяжело тащить карету в такую крутизну, — обернулась я к маме. Она просматривала путеводитель, держа его на коленях.

— Едва ли тут многие ездят в экипажах, — рассеянно отозвалась она. — Думаю, это и есть Гей-стрит Нам нужен номер двенадцать.

Колеса экипажа скользили и задевали о камни булыжной мостовой, Джем клял ни в чем не повинных лошадей, но наконец мы доехали, и он открыл нам дверцу и опустил ступеньки.

— Благодарю, — улыбнулась мама и, не двигаясь, подождала, пока он взбежал по лестнице и заколотил молоточком в дверь. Та сразу отворилась, и наша хозяйка, миссис Гибсон, вышла на порог встретить нас. Она сделала маме глубокий реверанс, кивнула мне и, посетовав на тяготы длинного путешествия и холодную погоду, ввела нас в гостиную, где стол уже был накрыт для чая и пыхтел чайник.

Мы заняли всего одну гостиную, столовую и две спальни в доме. Мама разместилась в большей из комнат, выходящей окнами на улицу, а я подумала, что мне гораздо лучше будет в меньшей, откуда было видно садик.

— По крайней мере, просыпаясь по утрам, я смогу видеть деревья, — сказала я себе. Но так тихо, чтобы мама не слышала.

Джем занял комнаты над конюшней, где стоял наш экипаж. В доме для него не нашлось места. Мама даже не взяла с собой Дженни Ходжет, свою камеристку. Вместо этого прислуживать нам должна была горничная миссис Гибсон. Звали ее Мэг, и она принесла два письма для мамы; пока мы пили чай, с видом таким высокомерным и снисходительным, что я едва удержалась, чтобы не сделать ей реверанс.

Когда дверь за ней закрылась, мама улыбнулась мне.

— Городской политес, — объяснила она со значением. — Даже служанка здесь смотрит на нас свысока. Нет, мы завтра же пойдем к портнихе.

Я улыбнулась в ответ, но мои глаза не отрывались от маминых писем. Одно из них имело тяжелую круглую печать, и я предполагала, что оно от доктора Филлипса.

Я оказалась права.

— Доктор Филлипс навестит нас сегодня вечером, — сообщила мама. — Очень хорошо. Таким образом, у нас будет время заняться своими вещами. — И она бросила на меня косой взгляд. — Будь бодрее, моя дорогая. Он, наверное, очень приятный человек, Джон учился с ним в университете и дружил с ним. Он бросит на тебя один только взгляд и скажет — я в этом совершенно уверена, — что тебе не надо было так много работать на земле, как ты это делала. Это моя вина, и, чтобы исправить ее, мне придется свозить тебя на

великое множество балов и праздников и нам придется пробыть здесь до самой середины лета.

Я выдавила из себя улыбку.

— Я распакую твои вещи, мамочка. Какое платье ты сегодня вечером наденешь?

Мама ответила, что наденет розовое платье с вышивкой, и я попросила Мэг, если ей не трудно и если она будет так добра, погладить оборки, которые немного помялись в дороге. Сама я надела новое кремовое бархатное платье, которое живо напомнило мне мою амазонку, оставленную дома в шкафу.

Затем я спустилась в гостиную и принялась ждать доктора, который должен был вылечить меня от моей любви к родному дому, научить меня спать без снов и превратить меня наконец-то в настоящую молодую леди.

Доктор Филлипс не был таким противным, как я боялась, но мне он не понравился с первого взгляда. Это был высокий, полноватый мужчина с розовым детским лицом под большим белым париком и мягкими бледными руками, которые все время находились в движении, когда он говорил. Разговаривал он с мамой, но смотрел все время на меня. О моих снах он узнал из письма Джона и теперь расспрашивал о той ночи, когда упал церковный шпиль.

— Национализм, — важно объяснил он маме, я была вынуждена отвернуться и прикусить губу, чтобы не рассмеяться вслух. — Вазум. В пвежные дни люди боялись колдовства, заговоров и чав. Но сейчас нам известно, что вазум имеет свои собственные пвиливы и отливы. Если мы изучим их — как новую, неизвестную ствану — если мы изучим их, тогда мы сможем быть такими, как нам хотелось бы. — Тут он повернулся и улыбнулся мне. — Вам нваивится видеть такие сны, мисс Джулия? Или же вы хотели бы быть такой молодой леди, как все?

Я заколебалась. Я чувствовала, что предала бы Вай-декр, наследие Лейси, да и себя саму, если бы ответила утвердительно.

— Я не хочу расстраивать мою маму и моих друзей, — медленно проговорила я. — Но я не хотела бы вырасти чужой для своей собственной земли, для своего родного дома. И эти сны являются частью меня самой, сколько я себя помню. Я даже не представляю, что могла бы их никогда не видеть.

Он важно кивнул.

— Да, какое-то ввремя вы еще будете цепляться за них, наш вазум имеет свои маленькие пвичуды и пвивычки. Но я освобожу вас от них.

Он повернулся к маме и, вытащив из кармана записную книжку, назначил дни и часы, когда мне нужно будет к нему приходить. Маме следовало сопровождать меня, но заниматься он будет только мной, и я должна буду рассказывать ему о всех моих снах и предчувствиях. И скоро — он уверен, что скоро, — мы поймем, что явилось причиной этих видений.

Я сидела очень спокойно и слушала этого чужого нам человека, собирающегося изменить меня. Внезапно смущение и страдания последних дней перед отъездом, и воспоминания о поспешном отъезде и о долгом путешествии — все это отступило от меня, и я поняла, что этот доктор глубоко не прав, как неправы и мама, и дядя Джон, как не прав Ричард. Все они не были правы, а правы только мои сны и видения.

И внутри меня нет ничего неправильного.

Мои плечи выпрямились, я гордо подняла голову и спокойно пообещала доктору вовремя явиться к нему на прием завтра утром. Я улыбалась, ощутив знакомую силу, силу, которую я называла могуществом Лейси, могуществом Беатрис; она возвращалась ко мне, и я смотрела в его бледно-голубые глаза и думала: «Мы с вами будем врагами до тех пор, пока вы будете стремиться изменить меня. Поскольку меняться я не собираюсь».

Но я присела перед ним в реверансе и любяще поцеловала маму в щеку, будто бы я действительно была нездорова и нуждалась в лечении, чтобы поправиться. Затем я пошла спать.

Особняк доктора Филлипса был одним из самых нарядных на главной улице Бата. От нашего дома мы направились к нему пешком, и, поднявшись наверх, я даже задохнулась. Но задохнулась не от высоты холма, на котором находилась Королевская авеню, а от красоты представшего передо мной зрелища. Улица изогнулась великолепным полукругом и напоминала золотые складки театрального занавеса.

Мама постучала в дверь, лакей мгновенно отворил ее и ввел нас в помпезно обставленный холл. Мне не нравился не только доктор Филлипс, мне не нравился его новенький особняк и сверкающая магазинным гляncем мебель. Я не могла не чувствовать некоторой робости.

— Мама, — прошептала я, как испуганный ребенок, и она, вынув руку из муфты, крепко сжала мою ладонь, будто мы были на приеме у зубного лекаря.

Лакей оставил дверь открытой, и мы уже собирались войти, когда вдруг навстречу нам сошла по ступенькам молодая девушка, приблизительно моих лет. У нее были красные, словно заплаканные глаза, и сама она была бледненькая и тонкая, будто тростинка. Я замедлила шаги и глянула на нее. Она в свою очередь приостановилась и оглядела меня, словно проинспектировав все: от чичестерской немодной шляпки со старым пером до мантильи и платья. Наши глаза встретились, и она послала мне слабую, сокрушенную улыбку, будто мы с ней были товарищи по несчастью.

Затем она поклонилась маме и подождала, пока лакей подаст ей ее накидку.

— Мой брат заберет меня сегодня, — сказала она ему. — Я подожду в библиотеке.

Я оторвалась от разглядывания девушки и повернулась к маме, но, уходя, я снова на минутку обернулась и увидела, что она улыбается мне, будто мы с ней были двумя избалованными детьми, которые за свои проказы должны сейчас понести примерное наказание. Я улыбнулась ей в ответ, и дверь за нею закрылась.

— Ты видела ее платье? — сразу же заговорила мама. — Оно все отделано брабантским кружевом. А какой покроей! Такой сложный для уличного платья! Я видела в модных журналах такие фасоны и знала, что их будут носить в этом сезоне, но даже не предполагала, что это так элегантно.

— Да, — отозвалась я. — А ты заметила, что она плакала? — Мама подошла к окну.

— Д-да, — сказала она после некоторого замешательства. — Наверное, она очень нездорова. Доктор Филлипс ведь имеет дело с разными случаями.

Я вспомнила о сокрушенной улыбке девушки.

— Может быть, она просто не согласна с его диагнозом, — предположила я.

— Возможно, — ровно отозвалась мама. — Бог мой, какие лошади!

Я подошла к ней, и мы обе выглянули в окно, как пара деревенских кумушек. У двери остановился щегольской фаэтон с ярко-желтыми колесами, запряженный парой чудесных гнедых, почти рыжих лошадей. Правил ими молодой джентльмен, который сейчас выжидательно смотрел на дверь. На голове его красовалась треугольная шляпа, слегка сдвинутая на затылок, из-под нее выбивались курчавые каштановые волосы, завязанные сзади аккуратным бантом. Возможно, он был красив, не знаю, я не думала об этом. Я была поражена добротой, которой светилось его лицо. Он выглядел как человек, которому можно было доверить все, что угодно. Не похоже было, что он способен лгать, говорить бессмысленно или зло. Он улыбался радостно и озорно, как мальчишка, и вдруг свистнул, глядя на дверь.

Она тут же отворилась, и из дома выскользнула та самая молодая девушка.

— Доброе утро, Марианна! — радостно обратился он к ней. — Этих лошадей прямо не удержать. Нам с тобой разрешили прокатиться в нижнюю часть города. Только мама велела обязательно вернуться до обеда. Садись скорей!

Она, подобрав юбки, уселась рядом, и я увидела, как он крепко обнял ее за талию и заглянул ей в глаза, будто боясь, что она расстроена.

Я пожалела, что у меня нет такого брата, который мог бы забирать меня отсюда, ласково смотреть в глаза и увозить на паре самых великолепных лошадей, которых я

когда-либо видела. Но тут дверь отворилась, и мы с мамой вошли в кабинет доктора Филлипса.

Эта большая комната была очень просто обставлена. Здесь стояли удобные кресла подле камина, золоченые бронзовые часы, клавикорды в углу и внушительный письменный стол с бумагами и чернильницей. Доктор жестом указал маме на кресло у окна подле низенького столика с журналами. Меня же он усадил в кресло возле камина и сам сел рядом, так, чтобы мне не было видно его лица, а он прекрасно видел мое. Я постаралась незаметно сунуть руку в сумочку и, нащупав там деревянную сову, подарок Ральфа, крепко сжала ее в руке.

— Васскажите мне, пожалуйста, о ваших снах, — попросил он меня, и теперь его неспособность произносить «р» показалась мне не забавной, а угрожающей. — Когда случились те певвые сны, которые вы помните?

Мне очень не хотелось говорить. Но мне не оставалось ничего иного, как отвечать ему, и во мне возникло обидное чувство собственной беспомощности: я знала, что он будет расспрашивать меня, а я буду все рассказывать до тех пор, пока он не узнает то, что хочет узнать. И я слегка испугалась, подумав, что он вполне может добиться своего и ему удастся превратить меня в девушку, которую не заботит ничего, кроме нарядов и танцев, и для которой не существует биение пульса земли.

Я рассказала ему сон о том вечере в пустом холле старого Вайдекра. Я рассказала ему все: и о чувстве покоя и долгожданной тишины в пустом доме, об ожидании прихода толпы из Экра и желании, чтобы они поскорей пришли, о грозе, о человеке на вороной лошади, о молнии, ярко сверкнувшей на лезвии ножа...

— И что потом? — мягко спросил он.

Тогда я рассказала ему о других моих снах. О том сне, в котором я маленькой девочкой бегала по лугам и лесам Вайдекра. И я рассказала о том, что иногда я внезапно вижу все ее глазами, даже когда не сплю.

— А кто эта девочка? — спросил он так, будто это был самый естественный вопрос в мире.

— Это — Беатрис, — довольно тупо ответила я и услышала мамин испуганный возглас. Но доктор заговорил, пытаясь меня отвлечь, и продолжал расспрашивать, расспрашивать и расспрашивать, выворачивая все самое сокровенное, что было во мне, и рассматривая его со всех сторон.

— На сегодня хватит, — неожиданно сказал он, и я, взглянув на часы, увидела, что прошел целый час, настал полдень и длинные поленья в камине уже догорели.

Голова моя просто раскалывалась от боли.

— Завтра в это же время, — обратился он к маме. — Сегодня мы достигли большого пвогвесса.

Она кивнула и прошла к двери. Я двинулась следом, и мне казалось, что иду я в каком-то сне, том новом сне, который от прежней меня оставил лишь оболочку.

— Что теперь? — спросила мама с насильственной бодростью, когда мы оказались на тротуаре перед домом. В морозном воздухе чувствовался запах снега. — Можно пойти в Зал ассамблей и посмотреть программу на предстоящую неделю. Потом нужно заглянуть в Галерею минеральных вод попробовать воду и записаться в книгу посетителей. И давай заглянем в кондитерскую — выпьем по чашечке кофе и — о, Джулия! — булочки! Знаменитые булочки Бата! Мы просто обязаны их немедленно попробовать!

— Мама, можно я пойду домой? — попросила я жалобно. — Извини, пожалуйста, но у меня адская головная боль.

Она сразу же взяла меня под руку, и мы пошли домой на Гей-стрит. Мамины шаги рядом казались гораздо легче и моложе, чем мои собственные. И, доплетясь наконец до нашей двери, я подумала, что если это называется быть здоровой, то я тысячу раз предпочту быть больной.

Мама позволила мне поспать до обеда, но после того, как мы поели, моя головная боль утихла, и она настояла, чтобы мы отправились погулять по магазинам, осмотреть достопримечательности и записаться в книгу посетителей, дабы объявить всему Бату, что мы прибыли.

— Я бы хотела, чтобы мы с кем-нибудь познакомились, — сказала я, входя в Галерею минеральных вод и ежась под взглядами примерно трех дюжин глаз.

— Обязательно познакомимся, — оживленно пообещала мама. — Бат — это самое веселое место в мире. Так всегда было. Не пройдет и недели, как у нас будет не меньше десятка друзей.

— Вон та девушка, — вдруг увидела я. — Девушка, которую мы видели у доктора.

Она сидела за столом со стаканом воды в руке в компании молодых людей. Я поискала глазами молодого человека с каштановыми волосами, но его там не было. Две молодые девушки стояли позади нее и болтали с каким-то юношей, третья сидела рядом, листая журнал мод. Еще двое молодых людей стояли за ее спиной и чему-то смеялись, тоже заглядывая в журнал. Освещенная ярким пламенем свечей и окруженная друзьями, она казалась еще более хрупкой и уязвимой, чем утром. Как будто почувствовав мой взгляд, она подняла глаза и узнала меня. Она тут же встала со стула и пошла к нам, кутаясь в шаль. Присев перед мамой, она представилась:

— Здравствуйте! Меня зовут Марианна Фортеस्कью. Я видела вас утром у доктора Филлипса, не правда ли?

— Да, в самом деле, — приветливо ответила мама. — Я — леди Лейси, а это моя дочь Джулия.

— Я не встречала вас здесь прежде, — продолжала мисс Фортеस्कью. У нее была странная манера растягивать слова, будто бы она смертельно устала. — Я бываю у доктора каждое утро.

— Я тоже буду ходить к нему каждое утро, — грустно ответила я. — По крайней мере, пока мы будем здесь. Мы собираемся домой в апреле.

Она кивнула.

— Откуда вы прибыли? — поинтересовалась она.

— Из Суссекса. — Я говорила совершенно спокойно. И никакого гула не раздалось у меня в голове при этом слове. — Наше поместье называется Вайдекр, это вблизи Чичестера.

— А мы живем в Клифтоне, недалеко от Бристоля, — сообщила в свою очередь она. — И меня привозят сюда каждый день. Сегодня мой брат забрал меня после визита к доктору. Я была просто уверена, что мы перевернемся по дороге. И ужасно замерзла.

— И вы сегодня уедете домой? — спросила мама.

— О нет, сегодня нет, — ответила мисс Фортеस्कью. — Сегодня вечером будет концерт, который мой брат очень хотел послушать. Мы переночуем у нашей тетушки. А вы идете на концерт?

— Да, — сказала вдруг мама, к моему удивлению. — Возможно, мы там встретимся.

— Как хорошо, — улыбнулась мисс Фортеस्कью, и, сделав прощальный реверанс, она вернулась к своим друзьям.

— Концерт, мам? — спросила я.

Она послала мне быстрый заговорщицкий взгляд.

— Ты же хотела иметь друзей в Бате, Джулия, вот мы и на пути к этому, — откровенно объяснила она. — Одна шаль на плечах мисс Фортеस्कью стоит по меньшей мере двести фунтов. Я считаю ее вполне подходящим знакомством для тебя.

— Фу, как вульгарно, — усмехнулась я. — Ты меня удивляешь, мама.

— Городской политес, — улыбнулась она. — Ты ничего не понимаешь, моя суссекская простушка. А сейчас мы должны записаться в книгу посетителей и отправиться к портнихе покупать для тебя наряды.

Мама запланировала этот вечер как мое вступление в свет Бата, и она доказала мне, что

я действительно суссекская простушка, поскольку я не предполагала, что это так просто. Марианна Фортескью была там со своим братом, которого звали Джеймс, и с двумя девушками из Галереи: одна из них была ее сестра Шарлотта, а другая — ее кузина Эмили. С ними же была и матушка Эмили, миссис Деншам, которая помнила мою бабушку Хаверинг «еще с тех самых пор». Каким-то образом мы присоединились к их компании, и на концерте я сидела между Марианной и Эмили, а когда он окончился, мы все отправились ужинать и пить чай к миссис Деншам.

Марианна за ужином ничего не ела, только попозже выпила чашку чая даже без пирожного. Я видела, как тревожно смотрел на нее брат, но он ничего не говорил. И даже нахмурился, когда Эмили вдруг тихо произнесла:

— Марианна, пожалуйста, съешь хоть маленький кусочек торта.

Он сразу же прервал их и стал громко жаловаться на то, что его чай остыл. Эмили начала протестовать, говоря, что чай только что кипел и не мог так быстро остыть, и смущение Марианны осталось незамеченным, ее внезапный румянец видела только я.

— Думаю, мы завтра опять встретимся у доктора, — сказала мне Марианна, пока мы стояли у двери, дожидаясь мою маму, прощавшуюся с миссис Деншам. — Простите меня, что я не заговорила с вами тогда, но обычно после визита к нему я себя плохо чувствую, хоть и знаю, что он очень хороший. И что он желает мне только добра.

— Он просто шарлатан! — так неожиданно сказал Джеймс Фортескью, что я даже подпрыгнула. — Шарлатан, шарлатан!

Марианна громко рассмеялась, в первый раз с тех пор, как я ее увидела. Ее щеки покраснелись, и глаза заблестели.

— Не надо, Джеймс, — попросила она. — Ты не должен так говорить. Мисс Лейси подумает, что ты грубиян.

— Шарлатан, все равно он шарлатан, — продолжал ее брат, ничуть не обидевшись и с улыбкой глядя на меня. — Мисс Лейси сама может сделать выводы. То, что он живет в роскошном доме и доводит своими глупыми расспросами красивых девушек до слез, делает его шарлатаном в не меньшей степени, чем если бы он пытался продавать муку вместо лекарства где-то на окраине.

Марианна бросила на меня извиняющийся взгляд.

— Мой брат очень настроен против него, — объяснила она.

— Все, кого я знаю, высокого мнения о докторе Филлипсе...

— Наствоен, наствоен, — сказал Джеймс сердито. — Очень наствоен.

— Почему же вы ходите к нему? — хитро спросила я.

Марианна опустила глаза.

— Дело в том, что мне очень трудно есть, — сказала она так смущенно, будто признаваясь в тайном пороке. — Это звучит очень глупо, и я действительно делаю глупость, что не ем. Мама и папа тревожатся обо мне и посылают меня к самым разным специалистам.

Джеймс Фортескью скривился.

— Я не верю никому из них, — обратился он ко мне. — Я люблю отвозить ее к ним, потом забирать оттуда, но я совсем не считаю трагедией то, что Марианна ест мало. Проголодается, станет есть больше.

Марианна улыбнулась мне странной улыбкой соучастия.

— Когда вы обсуждаете свои мысли с другими, все становится гораздо сложнее, правда? А что с вами, если это, конечно, не секрет?

Я мгновенно залилась румянцем.

— У меня бывают сны, — неловко ответила я. — Иногда даже ночные кошмары. И был один сон, который... — Тут я обвела глазами богатую лестницу, сияющие канделябры, шелком обтянутые стены, роскошные ковры. Этому миру невозможно рассказать о грохочущей грозе, о падающем шпиле, обо мне, стоящей на коленях на церковном кладбище, словно древний оракул. — Это был ужасный сон, — коротко объяснила я.

Джеймс взял мою руку и нежно поднес ее к губам. Это было обычное пожелание

спокойной ночи, но он задержал мою руку в своей и тепло заглянул мне в глаза.

— У меня тоже бывают плохие сны, — важно сказал он. — Особенно, если я поем на ночь поджаренного сыру.

Марианна и я весело рассмеялись, в это время как раз подошла мама и сказала, что нам пора. Мы ушли, но я уже знала, что мне нравится Джеймс Фортескью, и улыбалась всю дорогу домой при мысли, что я расскажу доктору Филлипсу, как плохо есть поджаренный сыр на ужин.

Глава 14

Я и вправду была суссекской простушкой, поскольку мне потребовалось немало дней, чтобы понять, что я принята в лучшем обществе, которое собралось в Бате в этом сезоне.

Все последующие дни моего пребывания были точной копией первого дня. Утром я отправлялась к доктору, садилась в его покойное кресло напротив пылающего камина и рассказывала ему о Вайдекре и своих снах. Я пыталась не уходить далеко в своих рассказах и по возможности утаивать от него их большую часть. Было очень много такого, что ему не следовало знать: лицо Ральфа, глядящее навстречу выбежавшей к нему Беатрис, блеск молнии на лезвии ножа, любовь Ральфа в той летней беседке и восторг, испытанный мной и запретный для каждой приличной молодой леди, тайны Экра, страх животных перед Ричардом, та ночь невыразимого счастья у затухающего камина и, наконец, сон, приходивший ко мне снова и снова, в котором шпиль падал на мирные дома, а я немым криком кричала с церковного погоста, пытаюсь разбудить спящих.

Я делала все возможное, чтобы утаить правду от доктора Филлипса, но он был умным человеком, а его комната — слишком жарко натопленной, и камин мерцал прямо перед моими глазами, зачаровывая меня; и с каждым днем доктор вытягивал из меня все больше и больше, пока я не почувствовала себя предательницей и мне не показалось, что я навсегда теряю Вайдекр. Все мое «я» было высосано из меня, и осталась только пустая, хорошенькая оболочка.

— Ну а тепевь васскажите мне, пожалуйста... — просительным тоном говорил доктор Филлипс. И внутри меня что-то вздрагивало, будто бы улитка заползла ко мне в волосы, пока я лежала в траве. — Васскажите мне об этой женщине, вашей тетушке... ее звали Беат-вис, не так ли? Почему вы думаете, что похожи на нее?

И я, заикаясь и все время прерывая себя, начинала рассказывать ему, изо всех сил стараясь что-либо недосказать.

— Потому что мне так кажется, — потеряв терпение, ответила я однажды. — И все в деревне говорят, что я похожа на нее.

— Вы видели ее повтвет? — спросил доктор Филлипс.

— Не-ет, — протянула я и поерзала в кресле. Подушки были слишком глубокими и мягкими, огонь камина пылал слишком жарко.

— Тогда откуда же вы знаете, что похожи на нее? — спросил он. Когда он задавал вопросы, подобные этому, в его голосе появлялись нотки ворчливого удивления. Он ждал возражения.

— Ну-у, потому что... — тут я прервала себя. — Все так говорят.

— Я так не думаю, — протянул он сладко. Он почти пел. — Не думаю, что поэтому. Вы видели ее во сне, Джулия? Вы же знаете, вы все должны вассказывать мне.

— Я не видела ее во сне, — упрямо стояла на своем я. Но он тут же услышал нотку неповиновения.

— Но вы видели сны с нею?

Я глубоко вздохнула. В комнате стоял странный, удушливый запах, будто бы здесь никогда не открывали окон, будто бы я никогда не сумею от него освободиться и буду, как Персефона, навечно заточена в подземном царстве.

— Да, я видела сны с нею, — слабо отозвалась я.

— И вы говорите, что никогда не видели ее? — его голос был очень тихим, очень сладким.

— Только в зеркале, — объяснила я.

— В зевкале? — повторил он. Он смаковал это слово, как маленькую конфетку. — Вы видели ее в зевкале? Вы стояли позади нее? — Он даже не дожидался моего ответа. — Позади? Или введи ее? Вядом?

— Я была ею, — прервала я, снова потеряв терпение. — Мне приснилось, что я это она.

Я ожидала, что доктор Филлипс рассердится на мою вспышку. Но вместо этого он сложил вместе свои пухлые пальчики над животом наподобие башенки и продолжал:

— Очень ховошо, на сегодня, я думаю, достаточно.

Так было каждый раз. В тот самый момент, когда мне казалось, что я сделала или сказала что-то, способное разрушить чары этой комнаты, поколебать его уравновешенность, освободить меня, выяснялось, что уже пора уходить. Когда я появлялась на следующий день, доктор Филлипс начинал с того самого места, на котором мы остановились. И шок от моих слов улетучивался, это становилось добытой им информацией и ничем больше. Мой сон становился его сном. Каждый день унижал меня потерей чего-то очень важного.

Мне не за что было зацепиться, чтобы удержаться. Сны, о которых я рассказывала, все больше удалялись от меня. Предвидение стало казаться случайным совпадением. И вскоре уже не доктор Филлипс слушал меня, а я слушала его советы. Он говорил о том, что таких вещей не бывает, что Беатрис не может разгуливать по Вайдекру и смотреть на все моими глазами. Что у земли не бывает пульса.

И сам Бат в значительной степени выбивал почву у меня из-под ног. Ральф Мэгсон был трижды прав, когда говорил, что забыть о своей принадлежности к родной земле легче всего здесь. Но я тосковала по запаху Вайдекра, когда гуляла по здешним паркам и садам. Улицы здесь так плотно замостили, что я не видела ни одного клочка неухоженной земли за все время, что провела здесь. Я не видела ни одного листика, который бы не был подстрижен по самой последней моде. Ни одного цветочка, который бы вырос по собственной воле. Даже текущая через город река была обрамлена каменным парапетом, выпрямлена и пропущена под хорошенькими мостиками.

Что же касается горячих источников, то к ним я испытывала полнейшее отвращение. Мне было противно не только пить из них — по настоянию мамы я выпивала ежедневно три, о, целых три стакана, — а даже думать о том, что из-под земли может течь горячая вода. Она была такой горячей, что в ней можно было купаться! Каждый раз, когда мы входили в Галерею и я вдыхала горячий, металлический аромат воды, я тосковала по холмам Вайдекра, где из-под земли били чистые и холодные, как лед, источники, хранящие привкус только что прошедшего дождя.

Я скучала по Вайдекру, когда принимала ванны. Я скучала по нему, когда просыпалась утром и, выглядывая в окно, видела за садиком ровные ряды одинаковых крыш, которым, казалось, не будет конца. Я скучала по нему и ночами, когда без сна ворочалась в постели, а вдали грохотали тяжелые повозки. Я скучала по нему и во время наших трапез, находя хлеб слишком серым, а вкус молока — странным.

Но больше всего я тосковала по нему, когда гуляла в парке, вокруг замерзших прудов с изыбшими попрошайками-утками, когда бродила по обледеневшим извилистым тропинкам, которые, вместо того чтобы вести сразу куда вам надо, все петляли и петляли кругами. В деревне люди ходят для того, чтобы куда-нибудь прийти, а не для того, чтобы только пройти. А в Бате же мы все только и делали, что прохаживались. Каждый день, который я провела здесь, состоял из целых часов мучительного ничегонеделания. Тогда я уходила в парк, бродила часами, глядя на кончики своих новых полуботиночек — о, они не выдержали бы и минуты прогулки по грязи нашего Экра — и размышляя: ради чего, о Боже мой! я стремлюсь переделать себя. Я не знала, смогу ли вынести ту жизнь, к которой меня хотят подготовить.

Однажды я гуляла так глубоко погружившись в свое молчаливое внутреннее

сопротивление, что в первую минуту не услышала, как кто-то зовет меня.

— Джулия! — окликнули меня опять, и, подняв глаза, я узнала Мэри Гиллеспи.

— О, ты умчалась мыслями так далеко! — поддразнивающе сказала она. — Уж не мечтала ли ты о Джеймсе Фортескью? Я едва уговорила Элизабет подойти к тебе сейчас. Ты ведь вчера позволила себе танцевать с ним два раза.

Я улыбнулась Элизабет, которая отнюдь не выглядела оскорбленной. Это была крупная белокурая девушка, с безмятежным и добрым складом характера. С хладнокровием старшей сестры, она не обращала никакого внимания на поддразнивания Мэри.

— Это правда! — признала я охотно. — Я и думать не могу ни о чем другом, кроме как о Джеймсе Фортескью.

— Нет, серьезно, — сказала Мэри и продела свою руку под мой локоть. — Тебе он должен нравиться, Джулия. Он просто украшение нынешнего сезона. — Она уловила недовольство Элизабет и тронула пальцем ее локон, как бы извиняясь. — Да, я согласна, так говорить несколько вульгарно, но что поделаешь, если это действительно так! У его семьи просто горы денег, и отец сказал, что позволит ему жениться даже на бедной, как церковная мышь, девушке, только бы у той было знатное имя или поместье. А у нашей Джулии есть и то, и другое!

Я скорчила легкую гримаску.

— Не такое уж это великолепное поместье, — ответила я. — Если бы ты видела Вайдекр Холл, ты была бы разочарована. Это не дом, а одни руины, и поля впервые были засажены только этим летом, — тут я остановилась, словно что-то сжало мне горло. Я очень, очень тосковала по родному дому. — И к тому же я имею право только на половину поместья.

— Да, но тебе нравится Джеймс? — настаивала Мэри, горя желанием поболтать о любви, хотя в моем сердце жила только тоска по двумстам акрам пахотных и выпасных угодий и лесу, общинной земле и холмам.

— О нет, — рассеянно ответила я, вспоминая Вайдекр в такие же холодные дни, как сегодня.

— Тогда, значит, Джулия оставила дома влюбленного в нее кузена, — торжествующе обратилась Мэри к Элизабет поверх моей головы. — Я знаю, так всегда бывает. Ты приехала в Бат провести сезон, затем вернешься к себе домой, выйдешь замуж и будешь жить в очаровательном новом Холле, а мы непременно приедем к вам в гости! Когда выйдем замуж сами, конечно.

С Мэри невозможно было не смеяться.

— Нет, это не совсем так, — улыбнулась я. С тех пор как я уехала в Бат, Ричард не написал мне ни слова, не считая корявых приписок в конце писем дяди Джона. О нем писал дядя Джон. Его полюбили в деревне. Он работал рука об руку с Ральфом. В погожие дни он руководил строительством Холла, когда стояло ненастье, он вместе с мужчинами трудился в амбаре, где они готовили инструменты к севу. Ричард очаровал всех в Экре, как он когда-то очаровал миссис Гау, леди Хаверинг, маму и меня. Каждый раз, когда я читала об успехах Ричарда на той или иной работе, мое сердце делало маленький прыжок в пропасть. Я знала, что, пока я учусь обходиться без Вайдекра, Вайдекр учится обходиться без меня.

— Ну, тогда ты непременно влюбишься в Джеймса Фортескью, — для пущей убедительности Мэри пребольно сжала мой локоть. — Все девушки в Бате сходят по нему с ума. Элизабет не единственная, кто хотел бы скинуть тебя темной ночью в Эйвон.

Мы все втроем весело рассмеялись, но в этом поддразнивании была доля истины. Другие тоже заметили, что Джеймс танцевал со мной дважды. Однажды его родители приехали в Бат на уик-энд и остановились у миссис Деншам. Мы с мамой были приглашены к ним на обед. Они явно хотели посмотреть на лучшую подругу их дочери и, что важнее, возможную невесту их младшего сына. Мама тоже считала необходимым разведать обстановку.

Все остались очень довольны друг другом. Я чувствовала, что понравилась семье

Джеймса. Его мама тепло поцеловала меня при встрече и на прощанье, было видно, что она слышала много хорошего обо мне.

Моя же мама со смешанным чувством отмечала их богатство и неловкие манеры. Фортеस्कью были семьей весьма преуспевающих бристольских торговцев. Они не насчитывали такой вереницы предков, как мы, Лейси из Вайдекра, но их общественному положению многие могли бы позавидовать. Отец Джеймса был олдерменом в родном Бристоле, с очень хорошей репутацией, а мать состояла в родстве с Кентами.

Я вернулась домой с обеда со странной улыбкой. Я знала, что меня осмотрели и одобрили, словно я была породистой лошастью. Также я знала, что маме понравилась семья Фортеस्कью. Я уже изучила характерную примету Бата — работу его брачного рынка. Мы могли сколько угодно притворяться, что прибыли сюда на воды лечиться, или делать покупки, или встречаться со знакомыми, но главная цель была всем ясна. О ней можно было рассуждать вульгарно, как это делала Мэри, или умалчивать, как делали мы с Элизабет, но никто не стал бы отрицать: мы были здесь для того, чтобы видеть и быть увиденными, выбирать и быть выбранными, влюбляться и влюблять. Моя деликатная мама ступила на очень скользкую тропу, когда попыталась делать вид, что игнорирует возможную помолвку своей дочери с самым богатым молодым человеком сезона.

Она ни к чему не принуждала меня, хотя имела на это полное право. Многие родители просто приказывали дочерям выходить замуж по их выбору. Но моя мама никогда бы так не поступила. Она даже не стала бы убеждать меня, если бы видела, что мне не нравится этот молодой человек. Но она не была бы женщиной, если бы не чувствовала себя польщенной тем, что ее дочь часто танцует с Джеймсом Фортеस्कью. Она не была бы хорошей матерью, если бы не постаралась довести до сведения его семьи, что я являюсь наследницей огромного в прошлом поместья, у которого есть шансы возродиться в будущем.

В Бате у нас появилось много знакомых семей, не только Фортеस्कью. Поскольку я принадлежала теперь к высшему свету и встречала все больше и больше молодых людей, наша каминная полка бывала по утрам завалена приглашениями, а ваза у лестницы — визитными карточками. И каждое утро, незадолго до моего визита к доктору Филлипсу, Джеймс Фортеस्कью останавливал свой щегольской фаэтон у наших дверей и осведомлялся у нашей хозяйки, соблаговолит ли мисс Лейси отправиться с ним на прогулку.

Мисс Лейси соблаговоляла.

Он был хорошим товарищем и позволял мне держать поводья, а когда он впервые увидел, как я это делаю, то тут же пообещал научить меня править парой.

— У вас хорошие руки, — сказал как-то Джеймс, и я рассмеялась, вспомнив, когда я последний раз слышала эти слова. Он захотел узнать об этом, и я охотно поделилась с ним воспоминаниями о Денче, о дикой скачке в Экр, о спасении Ричарда. Он покатился со смеху, когда я рассказала ему, как ездил в мужском седле, и я взяла с него клятву никому не рассказывать об этом.

— Судя по вашим рассказам, Вайдекр это великолепное поместье, — заметил он задумчиво. — Теперь я могу понять тоску моего отца по деревенской усадьбе. Ваша мама говорит, что оно могло бы принадлежать вам целиком, если бы вы выкупили его у вашего кузена.

— Да, — сказала я, и между нами воцарилось неловкое молчание, оттого что мы одновременно поняли: наши родители уже ведут деловые разговоры.

Но Джеймс тут же хмыкнул.

— Не грустите, мисс Лейси, прошу вас, — попросил он с деланным смирением. — Мой папа вполне может позволить себе купить собственное поместье. Мне не придется жениться, чтобы убогатворить его, а вам — выходить за меня замуж, чтобы убогатворить нас обоих.

Я неподобающе развязно хихикнула. Конечно, никуда не годилось вести такие нескромные разговоры, но это было значительно легче, чем притворяться, будто мы оба не подозреваем о том, что наша свадьба уже несколько недель служит темой бесед сплетниц Бата.

— Уж лучше я подарю его вам, — вызывающе дерзко пообещала я.

— Да, да, очень прошу вас, — сразу же подхватил он. — Это лучше, чем то, что мне приходится тут выносить. Я все время должен притворяться влюбленным в вас, возить вас кататься, приглашать вас танцевать. А скоро, чего доброго, придется посылать вам цветы.

— А мне придется их принимать, — скорбно продолжала я. — Как ужасно быть такой послушной дочерью.

— Но вы всегда можете сбежать с лакеем, — пришел он мне на помощь. — Хотя да, у вас в доме нет лакеев. А как насчет дворецкого?

Я расхохоталась от этих слов и забыла, что поводья у меня в руках. Лошади тут же ускорили шаг, и мне пришлось, откинувшись назад, с трудом выравнивать их.

— Простите мне мой несурзанный смех, — извинилась я. — Но вы бы видели нашего дворецкого! Он, конечно, очень милый, но годится мне в дедушки.

— Тогда придется вам выходить замуж за меня, — совсем загрустил Джеймс. — Мне эта мысль нравится не больше, чем вам, дорогая мисс Лейси, но что поделаешь.

Смех замер у меня на губах при этих словах, которые казались продолжением наших бесконечных шуток и розыгрышей. Я украдкой бросила на Джеймса взгляд и увидела, что он внимательно смотрит на меня. На губах его играла улыбка.

— Это только шутка, — быстро сказала я. — Я совсем не собираюсь выходить замуж. Никогда.

— Я знаю! — он проговорил это с такой энергией, что я даже чуть подпрыгнула. — Кокетка!

Я не могла опять не рассмеяться, хотя прекрасно знала, что этого не следует делать. И я все еще улыбалась, когда он отобрал у меня поводья и остановил фаэтон у наших дверей. Он подал мне руку, помогая спуститься по ступенькам, но отказался зайти к нам.

— Полагаю, я увижу вас сегодня на балу? — мрачно спросил он. — И, видимо, мне придется пригласить вас танцевать?

Я повернулась к нему и присела в самом почтительном реверансе.

— Совсем не обязательно, — съехидничала я. — Благодарю вас за предложение, но все мои танцы уже расписаны.

Он внимательно заглянул мне в глаза, и я увидела, как увяла его уверенная улыбка при мысли, что мы не будем танцевать вместе. Но затем он величественно погрозил мне кнутом.

— Мисс Лейси, — в его голосе звучала твердость, — если вы не оставили для меня один танец до ужина и хотя бы еще один танец после и если не я буду сопровождать вас к столу, то тогда я расскажу Марианне и всем нашим знакомым, что вы просто бесчувственная кокетка. И это будет чистая правда!

И я, впервые в жизни чувствуя себя красивой и любимой, подняла к нему смеющееся лицо и, сказав:

— Подождите и увидите! — повернулась на каблучках и исчезла за дверью.

Джеймс нравился мне не из-за этих прогулок под неярким зимним солнцем. Я не принадлежала к той категории девушек, которые способны потерять голову из-за букета цветов и ухаживаний самого богатого молодого человека в Бате. Я была далека от того, чтобы считать самым важным на свете белизну перчаток моего кавалера или количество танцевальных па, которым он обучен. Больше всего я любила Джеймса за его отношение к Марианне. Идя наперекор мнению всей семьи и каждого из докторов, он утверждал, что ничего серьезного с ней не происходит. Его довольно грубые насмешки над шарлатанством доктора Филлипса не только вызвали улыбку на бледном личике Марианны, но делали и меня сильнее в изнурительные часы, проводимые перед жарко пылающим камином в приемной доктора.

— Что он там делает с вами? — поинтересовался Джеймс Фортескью, когда мы однажды сидели за чайным столиком в одном из кафе, поджидая Марианну и ее подруг.

— Он беседует со мной, — мрачно ответила я. — Сначала он меня обо всем расспрашивал, поскольку хотел знать, о чем я думаю. Чем больше я ему рассказывала, тем

больше разбегались у меня мысли, и теперь я вообще не знаю, что надо думать. Я знаю только, что скучаю по дому просто невыносимо, но то особенное чувство, которое было у меня — ощущение магии Вайдекра, — погубило безвозвратно.

— Как вы сказали? Магии? — мягко переспросил Джеймс. Я быстро глянула на него, но он не смеялся надо мной. И он не пытался выставить меня в смешном свете перед самой собой, как это делал доктор Филлипс. Джеймс был моим ровесником, но со значительно большим жизненным опытом, чем я. И он доверял своему суждению, так что ему вполне могла довериться и я.

— Существует довольно древнее поверье, — неловко начала я. — Люди верят в то, что Лейси обладают особым даром делать землю более плодородной. И я чувствую в себе это. Стоит мне приложить ухо к земле, и я слышу биение огромного сердца где-то глубоко, будто бы это живое существо и оно любит меня.

Где-то рядом со мной словно звякнула лодка, и я вздрогнула и огляделась. Я была не в Вайдекре, а за много, много миль от него. В Бате жили тысячи людей, а я имела смелость и глупость вообразить себя отличной от них. Я робко подняла взгляд на Джеймса. Он внимательно слушал меня, и в глазах его не было ничего, кроме спокойного внимания.

— Во всяком случае, я слышала это, — добавила я. — Совершенно точно. Но с тех пор как я уже несколько раз рассказала все доктору Филлипу, это чувство покинуло меня, и я ни в чем теперь не уверена. Наверное, это была чепуха.

Джеймс Фортескью сердито перегнулся через стол и схватил меня за руку.

— Это именно то, что я ненавижу в докторе Филлипе, — заговорил он. — То же самое с Марианной. Когда она должна идти к нему, она совершенно не может есть как положено и в строго положенное время. И у меня есть некоторые мысли на этот счет.

Вы, наверное, выросли в маленькой семье, где все вопросы обсуждались мирно, — несколько смущенно продолжал он. — Но так дело обстоит не везде. Мнения моих родителей во многом не совпадают, а мы все пятеро всегда обедаем вместе. И когда они начинают спорить, то этот спор бывает громким и долгим. А вы знаете, как чувствительна Марианна, она совершенно не может выносить разговор на повышенных тонах. Отказываясь есть, она тем самым избегала совместных обедов со всей семьей. Я совершенно уверен, что причина заключается в этом и со временем она бы справилась с собой. Но с тех пор, как она стала посещать доктора Филлипа, она сама не знает, что с ней такое. Он отнял у нее самообладание и ничего не дал взамен. Лишь только глупое чувство, что она сама во всем виновата и что с ней что-то не в порядке.

Я кивнула, во многом эта история была уже знакома мне от самой Марианны, да Джеймс и не рассказал бы мне ничего, если бы не знал этого.

— Я представить себе не могу, как она может обвинять во всем себя, — задумалась я.

— А я могу. Когда вы только приехали в Бат, вы прекрасно понимали, что обладаете особым даром по отношению к вашему дому. А сейчас вы уже думаете, что в вас что-то неправильно и вы вполне можете лишиться этой чудесной особенности.

— О нет! Я уже раньше была несчастна из-за Вайдекра... — начала я и замолчала.

— Почему? — он расспрашивал меня нежно, как сестру.

Я минутку поколебалась и затем решила рассказать Джеймсу все. Я не стала излагать ему версию доктора Филлипа, которую он внушал мне в последние дни: будто я проснулась от грозы, предположила, что церковный шпиль может упасть на дома в деревне, а все остальное было просто совпадением.

Я рассказала Джеймсу, что у меня было предвидение и что я действовала так, как мой сон подсказал мне. Заканчивала я свой рассказ опустив глаза и комкая фразы. Все это казалось так странно и призрачно. Но вдруг его ласковые пальцы коснулись моей затянутой в перчатку руки, и я взглянула на него.

— Для меня это непостижимо, — заговорил Джеймс, — но нужно быть дураком, чтобы считать такое невозможным. Вероятно, вы обладаете неким чудесным талантом. И вы должны лелеять и беречь его, вместо того чтобы стараться избавиться от него.

Я уже подыскивала слова благодарности Джеймсу за то, что ему удалось вернуть мне хотя бы часть моей потерянной веры в себя и в Вайдекр, но в это время Марианна и ее друзья подошли к нашему столику с ворохом нарядных свертков и городских новостей, и момент был упущен.

Но я не забыла об этом. Хотя вся моя жизнь в Бате была непрерывным потоком выездов, танцев, раутов и хождения по магазинам, каждую ночь, прежде чем заснуть, я затихала и обдумывала прошедший день. Несмотря на то что доктор Филлипс похитил часть моей веры в себя как наследницу Вайдекра и как привилегированное дитя, Бат мне помог в другом: он вселил в меня уверенность хорошенькой девушки, которая может — а если нужно, то и довольно резко, — постоять за себя. Одновременно с любовью самого интересного молодого человека Бата в этом сезоне я получила силу, которой никогда не получила бы дома. И благодарить за это я должна была Джеймса Фортескью.

Глава 15

Я не обманывала Джеймса, когда говорила ему, что все мои танцы расписаны. Но и он был прав в своей уверенности во мне — я оставила для него один танец перед ужином, так, чтобы именно он сопровождал меня из переполненного бального зала в гостиную и мог сидеть рядом со мной вместе с полудюжиной молодых людей, которых я называла своими друзьями.

Мама играла в карты и подошла ко мне, когда я ужинала, сразу положив руку мне на плечо, чтобы я не вставала.

— Оставайся, дорогая, — мягко сказала она. — Я не хочу, чтобы ты уходила сегодня рано, но мне что-то нездоровится. Та гадкая простуда, которую я подхватила вчера у модистки, замучила меня. Из-за нее я не могу наслаждаться игрой в карты и так плохо играю, что проиграю все состояние Джона, если не уйду сейчас.

— А как ты доберешься домой? — спросила я.

— Я найму портшез, — ответила мама спокойно. — И pošлю одного из людей миссис Гибсон найти портшез для тебя и доставить тебя домой.

— Прошу прощения, леди Лейси, — вмешался Джеймс, вставая из-за стола. — Не беспокойтесь, пожалуйста. Я берусь доставить мисс Лейси домой в целости и сохранности. И если вы позволите, я пойду и найму портшез для вас, чтобы вам не затруднять себя.

Мама улыбнулась.

— Благодарю вас, мистер Фортескью, вы так добры. Я буду ждать Джулию домой к одиннадцати, после того как окончится бал. — Джеймс подал ей руку и провел сквозь толпу к ярко освещенному холлу.

— Счастливица! — тихонько проговорила Мэри Гиллеспи. — Я бы согласилась, чтобы моя мама упала с лестницы и сломала себе обе ноги, если бы знала, что меня проводит домой Джеймс Фортескью.

— Мэри! — воскликнула я и покатила со смеху. — Я уверена, что ты преувеличиваешь. Не думаю, чтобы ты отважилась на большее, чем запереть ее в кладовой.

Мы обе еще смеялись, когда вернулся Джеймс и подозрительно оглядел нас обеих.

— Да, это правда, — наугад сказал он. — Мое сердце совершенно покорила мама Джулии. Она очень привлекательная женщина. Наверное, в молодости она была совершенно обворожительна, да, Джулия? Она проводила сезон в Лондоне?

— Думаю, да, — ответила я. — Но мне кажется, что она была очень застенчива и вряд ли получила от него удовольствие.

Джеймс понимающе кивнул.

— Точно как я, — после паузы добавила я, стараясь сохранять невозмутимость.

— В точности как вы, — так же серьезно подтвердил Джеймс. — Я как раз вчера говорил Марианне, что вы были бы очень милы, если бы ей удалось убедить вас быть немного посмелее.

— Вы... — начала было я, но тут заиграл квартет и все потянулись в бальный зал.

— Это последний танец, который мы сегодня танцуем вместе? — осведомился Джеймс. Я торжественно помахала своей программкой перед его носом.

— Да, последний, и для вас нет никакой необходимости дожидаться конца вечера. Я попрошу одного из своих кавалеров проводить меня, — думаю, мне не откажут.

— Негодница! — с чувством сказал он. — Пойдемте танцевать, и я постараюсь покрепче наступить вам на ногу, чтобы вывести из строя на остальное время.

Я рассмеялась, и мы пошли танцевать. Потом я танцевала с Джорджем Гиллесли, и с сэром Клайвом, и с майором Петерсоном, и со всеми другими моими знакомыми, и последний танец оркестр заиграл ровно в одиннадцать часов. Затем музыканты стали укладывать свои инструменты, но сэр Питер Лаверок стал просить их сыграть еще один танец, чтобы он мог потанцевать со мной.

— Извините, — обратился к нему Джеймс, но его тон звучал настойчиво, — я обещал леди Лейси, что доставлю мисс Лейси домой в одиннадцать часов, и нам уже пора идти.

Сэр Питер бросил испытующий взгляд на лицо Джеймса, затем на мое смеющееся лицо.

— Полно, Джеймс, — сказал он. — Совсем не дело, чтобы вы с мисс Лейси возвращались одни по Гей-стрит. Это не безопасно. Давайте-ка мы вместе проводим мисс Лейси домой, а потом вернемся обратно.

— Неплохо, но я не просил вас об этом.

— А я настаиваю, — упорно стоял на своем сэр Питер, — Что вы скажете на это, мисс Лейси?

Джеймс Фортескью подал мне руку с видом полнейшего равнодушия, но при этом со значением сжал мне пальцы.

— Мне не хотелось бы беспокоить вас, сэр Питер, — вежливо ответила я. — Позвольте попрощаться с вами. Надеюсь, мы увидимся завтра. — Затем, когда мы с Джеймсом уже выходили из зала, я вполголоса сказала ему: — Если бы я не была леди, то сейчас с удовольствием стукнула бы вас.

Он громко рассмеялся и повел меня к выходу.

— Вы предпочитаете взять портшез? — спросил он. — Или не боитесь мороза и мы могли бы прогуляться?

Воздух был ледяной и обещал скорый снегопад. Я чувствовала, что этому здешнему воздуху не хватает чего-то, в чем очень нуждалась я сама. Я запрокинула голову и глянула в чернильно-синее небо, усеянное яркими звездами. Я так скучала по моему родному дому со слабым ароматом каштанов в воздухе и легким намеком на запах прелой травы. Но сегодня я была очень далеко от Вайдекра!

— Давайте пойдем пешком, — согласилась я. Мы вышли под звезды, и я накинула на голову малиновый капюшон моей новой мантильи.

Одна моя рука покоилась в теплом уюте меховой муфты, другую прижал к себе Джеймс. Это была бриллиантовая ночь, яркая, как только могут быть ночи зимой. Огромные, как луговые цветы, звезды были разбросаны по всему небосводу, и луна казалась укрывшейся за какой-то дымкой, что всегда предвещало морозы. Наши башмаки звонко стучали по каменной мостовой, мы пошли вверх по улице Ассамблей ровным, спорым шагом и скоро оставили позади толпу, валящую из дверей особняка, где был бал. Носильщики портшезов наперебой приглашали седоков, и факельщик, совсем маленький мальчишка, подбежал к нам и обратился к Джеймсу:

— Посветить вам, сэр?

— Сегодня достаточно ясная ночь, — мягко ответил Джеймс и полез в карман за мелочью.

Я смотрела на ноги мальчишки. На нем были башмаки, но подметки совсем оторвались, и он привязал их веревочками. Его голые лодыжки были синие от холода и покрыты блошиными укусами. Грязные лохмотья, которые когда-то были бархатными брюками,

заканчивались чуть ниже колен. На нем был рваный жакет с оторванными манжетами, сквозь рукава проглядывали худые плечи и руки. Мальчишка принадлежал к тем, которые живут за счет своей маленькой удачи, понемногу подворовывая и попрошайничая. Я видела бедность в Экре, но бедность в деревне ничто по сравнению с горькой нуждой в самых элегантных городах. Я не понимала, как можно провести всю жизнь в довольстве и красоте и не замечать этой нужды рядом с собой. Но городские власти тщательно прятали ее от глаз своих богатых гостей, чтобы не шокировать их. И мы — те, у которых были деньги, много свободного времени и христианское милосердие, — мы не любили видеть чужое горе.

— Вот тебе, — добрым голосом сказал Джеймс, и парнишка посмотрел на него благодарно. Ему исполнилось, вероятно, лет четырнадцать, но он был такой маленький и худенький, что выглядел много моложе. Что-то в его лице — то ли широкий лоб, то ли глубоко посаженные глаза — привлекло меня.

Пока я смотрела на него, поющий гул Вайдекра вдруг обрушился на меня подобно водопаду и затопил собой уличные шумы. Я видела перед собой бледное заостренное личико, и чей-то голос звучал у меня в ушах: «Возьми его домой! Забери отсюда!». Этот голос звучал так горестно, что можно было подумать, это его мать молит меня.

— Я хочу взять тебя с собой, — произнесла я, будто это было самой простой вещью в мире. — Я увезу тебя.

Его острое личико, казавшееся желтым в свете факела, обернулось ко мне.

— В Экр? — спросил он удивленно.

И тогда я узнала в нем одного из тех детей, которых забрали когда-то для работы на северных мельницах и которые не вернулись оттуда.

— Да, — сказала я и улыбнулась, хотя готова была разрыдаться. — Да, — повторила я. — Я — Джулия Лейси. В Экре сейчас все приходит в порядок, и ты сможешь работать, если согласишься вернуться. Я — подруга Клари Денч, и Мэтью Мерри, и Теда Тайка. Они все уже работают и получают жалованье. А Ральф Мэгсон вернулся домой и управляет всем поместьем.

Мальчик, не глядя, сунул свой факел Джеймсу и схватил обе мои руки в свои.

— Это правда? — жадно спросил он. — Они работают в деревне? И я могу вернуться домой? Меня не отошлют обратно?

— Нет, — твердо ответила я. — Никто тебя не отошлет. Я — владелица имения, и то, что я сказала, это закон для Вайдекра. Там найдется для тебя работа, и я оплачу тебе дорогу туда. Хочешь, сначала я напишу им, и, когда ты вернешься, тебе уже будет где жить и где работать. Я обещаю тебе.

Мальчик так неистово тряс обе мои руки, словно мы с ним собирались танцевать прямо здесь, на холодной улице ночного Бата.

— Я едва могу в это поверить, — повторял он и все улыбался и мотал головой, будто хотел проснуться. — Я не могу поверить, что вот так встретил вас!

— Как вы узнали его? — раздался спокойный голос Джеймса.

Я удивленно повернулась к нему, потому что в этот момент почти забыла о его существовании. Он стоял, сунув факел в рожок на стене, и, прислонившись к столбу, пристально наблюдал за нами обоими.

— Не знаю, — быстро ответила я с той ложью, к которой приучили меня бесконечные расспросы доктора Филлипса. — Просто догадалась.

Но затем я заколебалась. Я доверяла Джеймсу Фортескью.

— Нет, это неправда. Это было озарение. Я вдруг поняла, что должна забрать его домой. Только я не знала, кто он. Но едва я увидела его, как сразу поняла, что он вырос в Суссексе.

— Я — Джимми Дарт, — объяснил мальчик. — Моя мама служила в Хаверинг Холле, и, когда я должен был родиться, ее уволили. И она переехала в Экр. Но потом сбежала — мне тогда было лет пять или шесть, — и меня забрали в приходский приют. Когда мистеру Блайту понадобились нищие для работы, меня послали туда вместе с другими. Мы работали

на его мельнице, тяжелая это была работа, я вам скажу. Но потом он разорился, мельница закрылась, и нам всем пришлось уехать. В том приходе нас знать не хотели, поскольку мы были там пришлые, однако и отправить нас в Вайдекр они не могли. Джули услышала, что нищим хорошо живется в Бате, но у нас не было денег на путешествие. Тогда тоже была зима, у нас не было башмаков, но мы все равно пошли. Маленькая Салли умерла в дороге. Просто легла, сжалась в комок и больше не встала. Мы стояли возле нее, пока она не остыла и не стала совсем твердая и холодная. Мы не знали, что нам с ней делать. Джули ужасно плакала. И потом сказала, что больше в жизни никогда не заплачет. Потом мы пришли в Бат, и я подрался с одним мальчиком и победил его, и так получил этот факел.

— Он отдал его тебе? — спросила я непонимающе.

— Я убил его, — совершенно спокойно ответил Джимми. — В драке. Мне удалось его задушить. Это было совсем не трудно, он был такой маленький. Но зато мне достался факел, и теперь я могу зарабатывать деньги. Это было уже довольно давно.

Я невольно облокотилась рукой на столб газового рожка.

— Ты убил его? — мой голос звучал очень слабо.

— Да, — повторил он. — И теперь мы живем там, где раньше спал он.

Я ничего не сказала. Джимми разглядывал меня тоже молча, не сводя глаз с роскошной мантильи, золотого шнура отделки и меховой муфты.

— Вы не могли бы дать мне пенни? — отважился он наконец попросить. — Тогда я смогу купить немного джина для Джули. Она его любит. Для нас джин лучше хлеба.

Я хотела отказать, для меня непереносима была мысль о том, что эти дети покупают спиртное. Я хотела купить им одежду, обувь, еду, оплатить дорогу до Вай-декра, но только взять с них обещание не пить больше. Внезапно Джеймс выступил вперед и, придерживая меня за руку, обратился к Джимми:

— Конечно, вы получите деньги сейчас же. Эта Джули тоже из Вайдекра?

— О да, — Джимми следил за движением руки Джеймса, потянувшейся к карману, и за появившимся блестящим шиллингом. — Мы держимся друг друга, вайдекрские нищие. Кроме маленькой Салли, которая умерла, и Джорджа, который бросился с моста в речку, когда напился. А все остальные живут на Рыбном Могу.

— Остальные тоже хотели бы вернуться в Вайдекр, если получится? — спросил Джеймс, протягивая ему монетку.

Улыбка осветила лицо Джимми, подобно восходящему солнцу.

— Конечно, еще бы.

— Я приду навещу вас всех, — внезапно приняла я решение. Что бы они ни делали, как бы они ни жили, они были детьми Вайдекра и должны расти там. Маленькая умершая в дороге девочка и бросившийся в реку мальчик навсегда останутся далеко от родной земли. В этом вина Лейси. Нас и того мира, в котором так много бедных и так мало богатых. — Я приду навестить вас и сегодня же напишу в Экр, — пообещала я.

— Вам самой никогда не найти нас, — улыбнулся Джимми. — Я мог бы встретить вас у рыбного причала, если вы придете. — Тут он посмотрел на Джеймса: — Вам бы лучше пойти с ней, сэр. Некоторые из тамошних жителей очень грубые.

— Я буду там, — сдержанно ответил Джеймс. — Мы придем около девяти часов.

Джимми кивнул и подобрал свой факел.

— Теперь я могу идти прямо домой, — радостно объявил он, пряча монеты поглубже в карман и поворачиваясь, чтобы уходить. Но внезапно он остановился и оглянулся: — А вы правда придете, не обманете?

Положив успокаивающе руку на его плечо, я вдруг ощутила такую худобу под ветхой одеждой, что у меня зашло сердце.

— Я обещаю тебе. Кроме того, вы всегда сможете сами найти меня. Мы остановились в доме миссис Гибсон на Гей-стрит. Но завтра утром я обязательно навещу вас.

— Тогда до завтра, — кивнул Джимми, повернулся и растаял в темноте элегантной улицы, на которой бедным — если только они не работают там — лучше не появляться.

Джеймс взял меня под руку, и мы медленно пошли дальше.

— Я зайду за вами в четверть девятого, — сказал он, когда мы дошли до дверей моего дома. Я взглянула наверх, окна маминой спальни были еще освещены, она ждала меня.

— Спасибо, — поблагодарила я. — Я могла бы сходить туда сама. Или Джем Денч проводил бы меня.

Джеймс с улыбкой покачал головой, но не стал отвечать.

— Вы сразу все поняли, правда? — спросил он немного погодя. — Я видел, ваши глаза стали такими туманными, будто кто-то невидимый позвал вас, и вдруг вы сказали: «Я увезу тебя домой». Вы сразу же его узнали, да?

— Да, — просто ответила я.

— Это великий дар, и вы счастливая женщина. — Джеймс немного помолчал, и вдруг его как будто осенило. — Вы не хотите отменить ваш завтрашний визит к доктору Филлипсу? Может оказаться, что вам понадобится провести побольше времени с вайдекрскими ребятами.

— Хорошо, — согласилась я. Но потом задумалась. Он-то не станет возражать. Но вот мама...

Джеймс немного отступил и посмотрел на меня, склонив голову набок. Он улыбался.

— Мне, возможно, не следует вам этого советовать, — начал он с озорным блеском в глазах, — но, если вы хотите помочь ребятам, может быть, один прием у доктора можно прогулять? Вашей маме нездоровиться, она не будет сопровождать вас к нему. А потом вы скажете ей, что не ходили и объясните почему.

— Мистер Фортескью! — воскликнула я. — Это будет нечестно.

— Да, — сразу признал он.

— Но очень удобно, — заключила я. — Я подумаю над этим утром. Независимо от моего решения, я буду готова в четверть девятого.

Улыбаясь, он поклонился мне на прощание. Я протянула ему обе руки, безмолвно благодаря его и за отношение к Джимми, и за понимание того, что происходило со мной.

— Доброй ночи, Джеймс, — тепло сказала я.

— Доброй ночи, — был ответ.

Заспанная Мэг открыла мне дверь, и я проскользнула наверх в свою комнату. Там я быстро написала Ральфу письмо, рухнула в постель и заснула так крепко, будто была дома, в Вайдекре.

Утром Рыбный Мол был переполнен шумной толпой. Здесь были и кухарки, покупавшие рыбу для пансионатов и ресторанов Бата, и эксцентричные джентльмены, уносящие рыбу прямо на молу и во все глаза разглядывавшие меня и Джеймса. Люди кричали и спорили, выкрикивали свои цены, рыбаки выбрасывали рыбу прямо на камни, хозяйки прятали ее в корзины и прикрывали тонкой тканью.

Улица за молом, куда повел нас Джимми, вся провоняла рыбой и нечистотами. Мостовая была мокрой от грязи, которая потоками струилась по земле и собиралась в огромные лужи, мешающие проходу. Да и мостовой-то ее нельзя было назвать, ибо ни камня не было положено здесь на землю. Улица была завалена мусором, который выбрасывался прямо из окон. Даже ярким утром здесь было темно, как в сумерках, из-за тесно поставленных домов, и ни один порыв свежего ветра, казалось, не долетал сюда никогда. Я шла, стараясь повыше поднять юбки, чтобы не запачкаться, и Джеймс крепко держал меня под локоть, а из соседних домов доносились то крик маленького ребенка, то стоны старого или больного человека, то бесконечные ссоры, которые, иссякнув в крике, переходили в молчаливое отчаяние.

Джимми виновато взглянул в потемневшее лицо Джеймса.

— Это было лучшее, что мы могли себе позволить, — объяснил он в свое оправдание.

Джеймс кивнул. Он не был удивлен.

Мы прошли по этой ужасной улице совсем мало, когда здешние обитатели вдруг увязались за нами. Сначала люди просто разглядывали нас из дверей и распахнутых окон, но

затем стали выходить и вплотную следовать за нами, намереваясь то ли забросать нас камнями, то ли ограбить. Рука Джеймса покрепче сжала мой локоть, и Джеймс с Джимми обменялись взглядами.

— Уже скоро, — тревожно сказал Джимми. — Я же предупреждал вас.

Я хотела сказать, что мне необходимо было прийти, что я должна была знать, как они живут. Но вонь улицы заставила меня держать рот закрытым, и я про-молчала. Меня тошнило, и я очень, очень сожалела, что пошла.

— Здесь, — вдруг сказал Джимми и резко свернул в сторону.

Это была не дверь в полном смысле слова, а полуразвалившееся окно, и кто-то приставил к нему доску в качестве пешеходного мостика. Но сейчас в ней уже не было большой необходимости, такая гора мусора и отбросов выросла рядом, и если у вас крепкий желудок и высокие ботинки, то вы могли бы шагнуть в окно прямо с улицы.

— Смотрите не поскользнитесь, — предупредил Джеймс и пошел впереди. Он подал мне руку. Через мгновение мы оказались в почти темной комнате, и я услышала какое-то шевеленье на полу у моих ног. Как только мои глаза привыкли к темноте, я увидела в комнате еще четырех человек.

Девушка примерно моих лет лежала прямо на полу, на старой мантилье, укрытая грязным пальто. Рядом с ней стояла большая глиняная кружка. Ее волосы, от природы красивого каштанового цвета, были неимоверно грязны и кое-как заколоты сбоку. Глаза, видимо еще накануне обведенные черной краской, слипались от сна, а щеки были странно красного цвета, наверное, нарумяненные. Она была худая-худая, будто никогда в жизни не ела досыта.

— Это Джули, — сказал Джимми, и всякий бы расслышал любовь и гордость, звучащие в его голосе.

— Привет, — спокойно сказала я. — Я — Джулия Лейси. — И, произнеся это, я вдруг осознала, что у нас с ней одно имя. Возможно, она была на год моложе меня и ее назвали в честь наследницы Лейси, как это было принято в Вайдекре. Она приподнялась на локте и хмуро глянула сначала на Джеймса Фортескью, затем на меня.

— А, — без всякого выражения обронила она. — Джимми говорил, что вы придете. Но я не поверила. — С этими словами она потянулась за кружкой и отпила из нее большой глоток.

— А это Нат, — сказал Джимми.

Мальчишка, весь черный, как африканский негр, встал со своего места и подошел к нам. Он был чуть выше, чем Джимми, но примерно того же возраста. В темноте комнаты я едва могла разобрать его черты и видела только блестящие ярко-голубые глаза, странно сиявшие на чумазом лице.

— Он трубочист, — объяснил Джимми. — Он не может говорить из-за сажи в горле. Он потерял голос, кажется, прошлой зимой, да, Нат? — Мальчик энергично закивал. При этом туча сажи поднялась над его головой. — Но теперь он становится слишком большим и не может выпрямиться ни в одной трубе. Так что скоро он останется без работы. А без голоса он не сможет даже просить милостыню.

Нат опять кивнул и направился к кипе старых газет, лежавших на полу. На какую-то минуту я подумала, что он хочет показать мне какую-то новость, написанную там, но потом с ужасом поняла, что это его постель. Он порывлся в них и вернулся к нам, протягивая мне какой-то предмет.

— Это его камешек, — сказал Джимми в объяснение. — Когда его забрали из Экра, мать сунула ему этот камешек с общинной земли на память о доме. Вы видели такие камешки? Там у нас?

Я взяла маленький с острыми краями камешек в руку и осторожно сжала его, стараясь сдержать слезы.

— Да, видела, — ответила я. Конечно, я помнила камни нашей общинной земли: с внешней стороны они были белые, как раковина, а внутри темно-красные и блестящие.

Маленькое напоминание о родном доме. Я бережно вернула его обратно.

— Чей сын Нат? — спросила я.

— Он сын Тома Бруера, — ответил Джимми. — Его отец работал в Мидхерсте на пивоваренном заводе, но потом его выгнали из-за того, что он из Экра. Они еще живут там?

Я посмотрела на Ната. Он выглядел совершенно безразличным, будто еще много лет назад крепко усвоил, что семья отказалась от него и ему надо отказаться от них в свою очередь. И при этом без всякой обиды.

— Живут, — сказала я и вспомнила дом под падающим шпилем церкви. — Теперь у них новый коттедж в Экре. Сейчас он как раз строится. И дома у тебя есть две маленьких сестренки и братик.

Нат опять кивнул угольно-черной головой, как бы говоря, что эта новость интересна, но жизненной важности она не имеет.

Легкое движение в углу комнаты внезапно привлекло мое внимание.

— Это Рози Денч, — сказал Джимми. — Она опять болеет.

Я сделала несколько осторожных шагов к куче тряпья на полу и остановилась. Около головы девочки на белоснежной простыне, столь странной в этой грязной комнате, лежала пара самых изысканных перчаток, которые я видела в своей жизни. Каждая перчатка была покрыта вышивкой: прекрасный розовый цветок распускался там, где должно быть запястье, и по меньшему цветку было вышито на каждом пальчике перчатки. Такой тонкой работы я не видела никогда в жизни.

— Кто это вышил? — спросила я в изумлении. — Это прекрасно.

— Это моя работа, — ответила девочка хрипло и слегка приподняла голову от тряпки, на которой лежала. Ее лицо было очень бледным, а губы казались кроваво-красными от болячек на них. — Когда станет чуть светлее, я буду вышивать их дальше. Я сдаю их в магазин миссис Вилльямс. Мне платят очень хорошо, потому что я сама придумываю рисунки. Мне не нужны нарисованные образцы. — Тут она замолчала, закашлявшись, и отвернулась от перчаток, прижав к губам уголок рваного платья, которое было надето на ней. Присмотревшись, я увидела, что он окрасился чем-то темным.

— Я знаю этот магазин, — сказала я. Мы с мамой собирались купить там перчатки, но я нашла, что он слишком дорогой, и мы ничего не купили. Одна пара перчаток там стоила пять фунтов. «Но эти деньги можно заплатить за целый месяц бригаде пахарей», — запротестовала я. Мама рассмеялась такому сравнению, но перчатки мы купили в другом месте.

— Они платят мне пять шиллингов, — с гордостью продолжала Рози. — Целых пять шиллингов. И если освещение хорошее, то я успеваю вышить одну пару перчаток всего за три недели.

Я не сказала ничего. Абсолютно ничего. Я перевела взгляд с изысканной перчатки на бледное лицо девочки из Экра, и вышитая роза перестала казаться мне прекрасной. Она была похожа на паразита, питающегося плотью этого ребенка.

— Ты из семьи Денчей? — спросила я тихо. — Клари Денч — одна из моих лучших подруг.

— Да? — переспросила она. — Мы с ней сводные сестры. У нас один отец, но он никогда не был женат на моей матери. Когда она умерла, я стала жить с Клариной матерью в их коттедже. Но когда приехал мистер Блайт, им пришлось отдать меня ему. Слишком много ртов было в семье. Я не виню их за это. Кроме того, приходский надзиратель сказал, что каждый ребенок, которого он выберет, непременно должен уйти с ним.

— Я пришла, чтобы забрать вас домой, — сказала я. — Экр сейчас совершенно другой. У всех есть работа. Домой вернулся Ральф Мэгсон, и он управляет имением вместе с моим дядей, Джоном Мак-Эндрю. В будущем году мы ожидаем получить прибыли, и Экр будет иметь в них долю. Не в виде жалованья, а настоящую долю, по справедливости. Вчера вечером я написала Ральфу Мэгсону, что встретила Джимми. Можно сегодня я напишу, что вы вернетесь домой?

Рози бросила косой взгляд на перчатки.

— Но сначала я должна их закончить, — тихо ответила она. — Только тогда я смогу уйти.

— Закончить их! — воскликнула я. — Я сама верну их в магазин. Почему это ты должна их заканчивать, если ты больна и тебе так плохо платят?

— Я задолжала им, — объяснила она.

Я непонимающе взглянула на нее.

— Они заплатили мне за эту пару вперед, — объяснила она мне как маленькой. — Мне пришлось занять у них денег, потому что нужно было купить собственный шелк и иголки. Ну и булавки, конечно. Если я не закончу их, то они скажут, что я воровка.

Не находя слов, я взглянула на Джеймса.

— Думаю, что мы сможем решить эту проблему, — пришел он мне на помощь. — Если вы позволите мне и мисс Лейси вернуть перчатки в магазин в том виде, в каком они сейчас, то мы сможем ликвидировать ваш долг.

Я хотела было протестовать, но Джеймс бросил мне быстрый взгляд, призывающий к молчанию.

— Если так можно сделать, — медленно протянула Рози.

— Можно, — твердо ответил Джеймс. — И если миссис Вильямс будет разочарована, что теряет такую хорошую мастерицу, то это не должно иметь для вас никакого значения. Вы больше никогда не будете работать на нее. Отныне вы будете жить в Вайдекре со своими друзьями.

Рози кивнула и откинулась назад. Когда мы вошли, она была бледной, но теперь ее лицо приняло какой-то синюшный оттенок.

— Тогда я напишу в Экр, хорошо? — спросила я, обращаясь ко всем. — Но пока мы будем ждать ответа, нужно найти для вас более удобное место для жизни. И Рози следует показать доктору.

Джимми и Нат смотрели на меня острыми оценивающими глазами, как бы проверяя, смогу ли я держать свое слово.

— Может быть, я найду для вас что-нибудь подходящее в домах с меблированными комнатами? — спросила я.

Они молча кивнули.

— Тогда я сейчас поеду и посмотрю, что могу для вас сделать, а потом вернусь обратно. Вы будете дома после обеда?

— Нат будет на работе, — ответил Джимми. — Но Рози, Джули и я будем дома. Джули и я работаем по ночам.

— Тогда я вернусь до обеда, — пообещала я. — А сейчас возьмите это. Я принесла вам немного денег на еду. — В кармане моего жакета было полкроны. Но когда я сунула туда руку, он оказался пуст.

Джеймс беспомощно покачал головой.

— Я даже ничего не заметил, — пробормотал он. — Быстро сработано. — Тут он порылся в кармане своего пальто. — Я захватил полкроны на случай, если у мисс Лейси не будет с собой денег. — И он протянул монету Джимми. — Купите хлеба. И молока, особенно для Рози. Но больше никакого джина.

Джимми усмехнулся, глаза Ната не отрывались от монеты.

— Мы вернемся к обеду, — вновь пообещала я и, завернув перчатки в чистую ткань, повернулась к окну-входу.

Запах улицы казался почти приятным после зловония крошечной комнаты. Толпа, сопровождавшая нас, рассеялась, и мы с Джеймсом без всяких приключений добрались до его фэтона, поджидавшего нас на углу.

— Куда сначала? — спросил меня Джеймс, помогая мне усесться и разбирая вожжи. — Поищем хорошие меблированные комнаты или отправимся в магазин миссис Вильямс?

— Сначала в меблированные комнаты, — решила я. — Нужно найти что-нибудь

неподалеку отсюда, чтобы место было для них привычным.

— Мы проезжали одну маленькую гостиницу по дороге, — вспомнил Джеймс. — Она выглядела довольно прилично, и потом, это ведь всего на несколько ночей.

Он развернул лошадей, и мы медленно направились назад.

— Будьте добры, подержите поводья, пока я не осведомлюсь о комнате, — попросил меня Джеймс, когда мы отыскивали гостиницу.

Солнце уже давно взошло и ласково пригревало своими лучами. Я глянула на свои затянутые в перчатки руки, они дрожали. Все мое существо дрожало от гнева. Я была зла на нищету той жалкой комнатки, но понимала, что такие комнатки есть в каждом из этих домов, на каждой из жалких улиц этого очаровательного города. Я дрожала от гнева при мысли, что каждая вышитая шаль, каждая пара вышитых перчаток созданы трудом молоденьких девчонок, день за днем слепнувших от такой работы.

Джеймс вышел, улыбаясь.

— Все улажено, — но тут же замолчал, увидев выражение моего лица. — Что случилось? Вы выглядите как грозовая туча.

— Это из-за детей, — объяснила я. — Из-за экрских детей. Я так зла после посещения их, что просто не могу говорить.

Джеймс понимающе кивнул.

— Если бы вы не узнали Джимми Дарта, он всю жизнь так и бегал бы по улицам с факелом. Или кто-то более сильный отнял бы его у него. И эта несчастная четверка так и прожила бы в этой вонючей норе всю жизнь. — Он немного помолчал. — Какое счастье для них, что у вас есть такой дар.

Тут он кликнул лошадей, и фэтон тронулся с места.

Магазин миссис Вилльямс находился на Милсон-стрит. Джеймс осадил лошадей возле элегантного белого с золотом фасада и подождал, пока я выйду из экипажа.

— Вы разве не зайдете поговорить с ней? — спросила я.

— Я бы хотел, чтобы это сделали вы. — Я видела тайную улыбку в его глазах, но лицо его оставалось серьезным.

Я запомнила миссис Вилльямс, когда мы с мамой были у нее в магазине. Это была высокая, импозантная женщина с седыми волосами и жестким лицом. Когда мы с мамой решили не покупать перчатки, она высокомерно приподняла одну бровь и небрежным жестом велела помощнице убрать коробку. В магазине всегда сидели одна-две покупательницы с чашечкой чая или кофе, кто-то непременно находился в примерочной. От мастерской магазин отделяла всего лишь легкая муслиновая портьера, и там чувствовалось присутствие нескольких мастериц, прислушивающихся к разговорам у конторки.

Сердце у меня упало.

— Пожалуйста, сделайте это сами, Джеймс, — стала упрашивать я. — Я, конечно, пойду с вами, но разговаривать с нею я не смогу. Если она устроит сцену, я не вынесу это.

— Хорошо, — спокойно ответил он и кивнул груму, велев тому постеречь лошадей.

Звякнул серебряный колокольчик над дверью, мы вошли в магазин, и тут же к нам кинулась одна из помощниц. Ее широчайшая улыбка говорила о том, что Джеймса она узнала.

— Мистер Фортескью! — обрадованно воскликнула она. — Как мило, что вы зашли. И мисс... мисс Лейси! Я сейчас же позову миссис Вилльямс, она, конечно, захочет обслужить вас сама. — И она метнулась за муслиновую портьеру в мастерскую и уже другим, грубым голосом позвала одну из девушек:

— Кларинда! Позовите миссис Вилльямс! Скажите ей, что здесь мистер Фортескью и мисс Лейси.

Она оставила портьеру открытой, и все швеи уставились на меня. В это утро я надела свою старенькую пелеринку, поскольку не хотела выглядеть слишком нарядной во время визита к Джимми. И сейчас я стояла красная до корней волос под насмешливыми взглядами девушек. Мне не нужно было глядеть под ноги, чтобы знать, что подол моего платья мокрый

и грязный, а само платье издает специфический запах рыбных рядов.

В углу за столиком сидела незнакомая леди со своей дочерью. Она подняла лорнет и невозмутимо оглядела меня всю, от простенькой шляпки до запачканных ботинок; закончив осмотр, она наклонилась к дочери и что-то прошептала ей, прикрывая рот затянутой в перчатку рукой. Затем они обе рассмеялись.

Миссис Вилльямс вошла через боковую дверь, на ходу одаривая нас улыбкой.

— Мистер Фортескью! Какая приятная неожиданность! Как поживает миссис Фортескью? И ваши сестры? Передавайте им мои наилучшие пожелания.

Джеймс поклонился.

— Мисс Лейси! — пропела она, глядя на меня и давая понять, что прекрасно видит грязные следы, оставленные мною на ее сине-золотом ковре. — Приятно видеть вас снова. Чем могу служить?

Я заколебалась и взглянула на Джеймса. Он в упор смотрел на меня. Для меня до последнего момента было большим облегчением думать, что это его голос будет доноситься до девушек в мастерской и это его слова будет передавать вечером в гостиной та элегантная леди, которая сейчас потешается в своем уголке. Все, что мне придется делать, это — молча стоять позади него и подтвердить кивком свое согласие, когда он передаст миссис Вилльямс перчатки.

— У мисс Лейси есть к вам небольшое дело, — вежливо сказал Джеймс. Обернувшись ко мне, он положил руку мне на талию и чуть выдвинул меня вперед. И я оказалась лицом к лицу с миссис Вильяме и увидела, как улыбка медленно оставляет ее лицо.

Помощница вернулась за конторку, служившую обычно прилавком, и сделала вид, что углубилась в свои дела. Вторая помощница появилась из примерочной вместе с другой дочерью леди, выглядевшей очень мило в платье для выхода. Леди, не вставая с места, подала дочери знак подойти и не мешать ей слушать. Весь магазин хотел узнать, что у меня за дело.

— Я пришла вернуть вот это, — начала я тоненьким голоском и протянула миссис Вилльямс сверток с перчатками.

Та слегка нахмурилась и передала его помощнице, ибо развернуть его было явно ниже ее достоинства.

Помощница развернула сверток и показала перчатки хозяйке. Миссис Вилльямс продолжала молча смотреть на меня, ожидая моих объяснений.

— Прошу прощения, — продолжала я неловко, — но девушка, которая вышивала их, заболела и не сможет кончить работу. Я хотела бы вернуть их обратно.

— Как мило с вашей стороны, — ледяным тоном проронила миссис Вилльямс.

— Видите ли, она прежде жила в моем поместье, — попыталась объяснить я дрожащим голосом, чувствуя, что девушки-мастерицы побросали свою работу и столпились в дверях, глядя на меня недружелюбными глазами. — И сейчас я собираюсь отправить ее обратно. Она не сможет работать на вас впредь.

Миссис Вилльямс величественно наклонила голову.

— Сожалею, но она в долгу перед моим магазином, — ее слова лились гладко как шелк. — Ей была доверена серьезная работа, которую теперь мне придется отправлять на переделку. Я настаиваю на высочайшем качестве работы, поскольку среди моих покупательниц самые знатные дамы Англии. Сожалею, но я не могу освободить ее от контракта, пока она не рассчитается с долгами.

— Сколько? — спросила я.

Миссис Вилльямс томно вздохнула, будто бы я причиняла ей невероятное беспокойство, и одна из дочерей леди громко рассмеялась. Ее мать посмотрела на нее и поднесла руку ко рту, чтобы скрыть свою собственную улыбку.

— Миссис Фостер? — обратилась хозяйка магазина к помощнице.

Та быстро выдвинула ящик своего стола и вынула грессбух. Затем с важной медлительностью стала переворачивать страницу за страницей.

— Имя молодой особы? — спросила она меня.

— Розы Денч.

Миссис Вилльямс посмотрела на сидящую леди и двух ее дочерей.

— Моя дорогая леди Кверри, — обратилась она к ним. — Я приношу вам свои извинения за это недоразумение. Обычно я требую, чтобы с такими вопросами обращались с черного хода и только по предварительной договоренности. Но мисс Лейси предпочла войти через парадный вход и в рабочие часы. Мне неловко задерживать вас обсуждением такого невероятного требования. Я могу быть еще чем-нибудь вам быть полезна?

— Мы хотели бы взглянуть на некоторые образцы шалей, — ответила леди Кверри. Миссис Вилльямс кивнула другой помощнице, и та вынесла целую коробку с вышитыми шальями. Но я прекрасно поняла, что леди Кверри и ее дочерей не так уж интересуют эти шали, они просто хотели насладиться спектаклем. Я оглянулась вокруг в поисках Джеймса. Он уселся в кресло подле двери и ждал меня, скрестив на груди руки с видом полнейшего безразличия. Я бросила на него взгляд полный мольбы, но он спокойно улыбнулся, будто давая понять, что согласен еще немного подождать меня.

— Денч задолжала нам шестьдесят четыре шиллинга, — томно пропела миссис Фостер. — И если она возвращает эти перчатки, то они считаются испорченными и тогда с нее приходится восемь фунтов и четыре шиллинга.

— Испорченные! — негодуя воскликнула я. — Но они прекрасно вышиты и работа почти закончена.

— Незаконченная работа называется испорченной, — сказала миссис Фостер, не поднимая глаз от грессбуха. — Убедить девушек заканчивать начатую работу очень трудно, мисс Лейси. Мы разработали целую систему штрафов, чтобы поднять у них дисциплину и ответственность. Вы уверены в том, что поступаете правильно, убеждая эту Денч бросить начатое дело?

Я судорожно вздохнула и опять оглянулась на Джеймса. Он пристально смотрел в окно, не отрывая глаз от лошадей. Две дочери незнакомой леди буквально корчились от смеха над коробкой с шальями.

— Я не думаю, что подобные разговоры уместны здесь, — величественно произнесла миссис Вилльямс. — Тон много значит для меня. И я не потерплю нарушения приличий в моем собственном магазине. Надеюсь, вы меня простите, мисс Лейси, если я попрошу вас передать этой Денч прийти ко мне с черного хода и либо выплатить ее долг, либо закончить эту работу. Она и так ее сильно задержала.

Подавленный смешок донесся со стороны мастерской.

— Вас интересует еще что-нибудь, мисс Лейси? — ровно продолжала она.

Я не находила слов от гнева и оттого, что со мной посмели обойтись подобным образом. Пока я молчала, миссис Вилльямс кивнула помощнице, и та, с важностью проплыв мимо меня, открыла дверь и стала ждать, пока я выйду.

Я чувствовала, что мое лицо горит. Леди Кверри и ее дочери бросили притворяться, что рассматривают шали, и открыто уставились на меня. Джеймс поднялся на ноги, готовый без слов следовать со мной. Я сделала два шага, но вдруг круто повернулась назад.

— Нет! — бешено прошипела я и почувствовала, что по мере того, как гнев захлестывает меня, с меня, словно пустая оболочка, спадает и покорность маленькой мисс Лейси из Бата. Я не была больше скромной, послушной мисс. Я была наследницей Лейси, я — Лейси из Вайдекра. А эта высокомерная женщина плохо обращалась с одним из моих людей.

— Я не привыкла так вести свои дела, — сказала я. — Я пришла, чтобы вернуть эти перчатки вам, и я не сомневаюсь, что вы передадите эту работу другой несчастной и затем продадите их по грабительской цене. Я взяла на себя малоприятную обязанность навестить вас, чтобы сообщить, что Розы Денч больше никогда на вас не будет работать. И если я смогу этого добиться, то ни одна девушка не станет больше работать на вас. Вы платите им так мало, что они чуть не умирают с голоду, и при этом заставляете их покупать материал у вас

же, и при этом держите их в долгах, чтобы они не ушли работать в другое место. Розы Денч кашляет кровью в темной душной комнате, где она вышивает для вас перчатки. Так что не говорите мне, что тон для вас так важен. Вы ничуть не лучше, чем мадам в публичном доме!

Леди Кверри слегка вскрикнула при этом оскорблении, и миссис Вилльямс двинулась к двери.

— Вам лучше уйти, — прошипела она.

— Я это и собираюсь сделать, — ответила я. — И ни я, ни Розы Денч больше никогда не переступим порог вашего магазина. Если я услышу от вас хоть одно слово насчет этого смешного долга Розы, то я расскажу всем, что вы ведете свои дела как работарговец. Я расскажу всем, в каком состоянии была Розы, когда я нашла ее. И расскажу, что вы платили ей пять шиллингов за ее прекрасную работу, в то время как продавали ее перчатки за пять фунтов! Я стану делать это до тех пор, пока вам это не обойдется гораздо дороже, чем восемь фунтов и четыре шиллинга. Я буду это делать, пока вы не разоритесь!

Я резко повернулась к леди Кверри, которая сидела, открыв рот, буквально впитывая каждое слово.

— А вы, ваша милость, когда будете повторять вашим друзьям в гостиных мои слова, не забудьте передать, что их перчатки, чулки, шали — все это вышито в грязных, нищих комнатах девушками, больными туберкулезом, оспой и лихорадкой. К белью, которое вы носите, прикасались девушки с незаживающими болячками на руках. И та цена, по которой вам его продают, сделала бы этих несчастных сытыми на целый месяц, если бы им платили хоть половину.

Выпалив все это, я вылетела из комнаты, сбежала по ступенькам и уселась на свое место в экипаже, все еще дрожа от гнева. К своему несказанному возмущению, я вдруг увидела, что Джеймс отвешивает низкий поклон леди Кверри и миссис Вилльямс и выходит со словами:

— Всего доброго, леди!

Затем он тоже сбежал по ступенькам и, усевшись, взял поводья в руки.

Я молчала, пока он не повернул на Джордж-стрит.

— Как вы могли сидеть так спокойно? — наконец сквозь зубы прошипела я. — Вы же сказали, что поговорите с миссис Вилльямс, а сами предоставили все дело мне. Я чувствовала себя полнейшей дурой, и они все смеялись надо мной, а вы ничего не сделали, ничего! И потом еще сказали им: «Всего доброго, леди!» Как вы могли?

Джеймс, придерживая лошадей, пропустил портшез и свернул на Гей-стрит.

— Я хотел посмотреть, как вы справитесь сами, — сказал он спокойно. — Сможете ли вы убедительно и смело говорить с ней.

— Что? — опешила я.

— Я хотел посмотреть, каково вы выглядите в роли сквайра, — повторил он. Поскольку мы уже доехали до дому, он остановил лошадей и, опустившись, подошел к той стороне, где я сидела, и подал мне руку. Но я прыгнула сама и вихрем взлетела по ступенькам. Если бы мне понадобилось оттолкнуть его с пути, чтобы пройти, я бы сделала это, не задумываясь. Он казался мне частью враждебного мира бесчувственной знати. Я никогда, никогда не прощу ему этих слов: «Всего доброго, леди».

И вдруг я обнаружила, что стою на крыльце и смотрю на собственную дверь сквозь слезы. Джеймс потянулся через мое плечо и постучал в дверь за меня.

— Я хотел попросить вас кое о чем, — сказал он, пока мы ожидали появления Мэг.

Я метнула на него гневный взгляд, который предупреждал его, что мирного ответа ему от меня не дожидаться.

— Не согласитесь ли вы выйти за меня замуж, Джулия? — спросил он.

Я не могла поверить своим ушам.

— Что?

— Я прошу вас выйти за меня замуж, — повторил он. Я слышала, как кто-то в доме спускается по лестнице, чтобы открыть дверь. Я все еще кипела от гнева на леди Кверри, на

миссис Вилльямс, на ее дорогой магазин, на противных мастериц, смеявшихся надо мною вместе с ней, на весь этот жестокий и несправедливый мир. Но больше всего я была зла на Джеймса Фортескью, который обещал говорить с миссис Вилльямс, а потом оставил меня совершенно одну перед самой большой сплетницей и самой модной леди Бата.

Мэг отворила дверь и присела передо мной в реверансе.

Я обернулась к Джеймсу и протянула ему руку, все еще дрожавшую от злости и обиды. Он поднес ее к губам, и я почувствовала тепло его поцелуя даже сквозь плотную перчатку. Его глаза улыбались.

— Не сердитесь, — обратился он ко мне, не обращая внимания на торчавшую тут же Мэг, на людей на улице, с любопытством поглядывавших на нас. — Пожалуйста, не сердитесь. Я люблю вас и люблю слишком сильно, чтобы выносить ваш гнев. Мне нужно было видеть, как вы управитесь со старухой Вилльямс. И я очень хотел, чтобы вы поняли, что можете это сделать. Потому что вам еще предстоит справиться с доктором Филлипсом и, возможно, с вашим дядей и кузеном. Но с ними я обещаю, что помогу вам. В этом случае я не оставлю вас одну. Вы выйдете за меня замуж, Джулия?

Мой гнев оставил меня, будто его и вовсе не было. Я тоже забыла про любопытную Мэг и прохожих. Я поднесла руку к его лицу и приложила ладонь к щеке.

— Хорошо, — ответила я просто. — Я выйду за вас замуж.

Глава 16

— Ваша мама у себя в спальне, — сказала Мэг. — Она спрашивала, где вы, и решила, что вы сами поехали к доктору.

— Я поднимусь к ней, — ответила я, направляясь к лестнице.

— Она слышала шум подъехавшего экипажа, — заговорщицким тоном предупредила меня Мэг. Я обернулась и взглянула на нее, она улыбалась, уверенная, что застигла меня в момент тайной встречи с поклонником.

— Благодарю вас, Мэг, — резко оборвала ее я.

Я подождала ее поклона и, только когда она ушла на кухню, постучала в дверь маминой спальни.

Мама явно была больна. За все мое детство я видела ее в таком состоянии не более чем один или два раза. Хотя она выглядела очень хрупкой, но на самом деле была сильной женщиной и ни разу не подхватила те болезни, которыми мы так часто болели в детстве.

Но сейчас она металась головой по подушке, все время отыскивая прохладное местечко, ее лоб и руки горели, а лицо было очень бледным.

— Полежи спокойно, мама, — сказала я, направляясь к колокольчику. Я велю подать тебе прохладное питье и оботру лицо теплой водой. И сейчас же вызову доктора.

— Ох, это ты, — с облегчением выдохнула она. — Как долго ты была у доктора Филлипса.

Мне следовало рассказать ей, что сегодня я пропустила обычный визит, но она казалась такой слабой и больной, что я предпочла промолчать. Я приподняла ее, перевернула подушки, убрала одно одеяло с постели и пошла к двери попросить Мэг принести мне необходимое и послать лакея за самым лучшим доктором.

Он явился сразу же, потрогал мамин лоб, посмотрел глаза и спросил, как она себя чувствует. Затем тонко улыбнулся и объявил, что это просто больное горло и что леди Лейси будет себя плохо чувствовать неделю или около того, а потом сразу поправится. Он дал маме лауданума, оставил еще небольшой флакон с ним же, для того чтобы она могла заснуть, и порекомендовал пить чай с лимоном и капелькой бренди.

Как только он ушел, я набросала две записки: Джеймсу, прося его вернуться и навестить меня, и другую миссис Деншам, принося ей извинения за то, что мы с мамой не сможем сегодня быть на ее карточном вечере.

Джеймс вернулся одновременно с лакеем, от него он уже знал, что мама заболела.

— Предоставьте все хлопоты мне, — сказал он успокаивающе. — Я схожу к Джимми Дарту и ко всем остальным и помогу им переехать в гостиницу, снабжу их деньгами для самого необходимого и вызову доктора для Розы. А вы оставайтесь дома и ухаживайте за мамой. На обратном пути я заскочу к вам и расскажу, как мне удалось справиться с делами.

— О, благодарю вас, Джеймс, — и я протянула ему обе руки. — Я знала, что вы мне поможете. Вы так добры, что принимаете мои заботы близко к сердцу.

— Но это и мои заботы, — улыбнулся он. — Как и все, что касается вас, Джулия Лейси. Вы не говорили с мамой о нас? Если нет, то, пожалуйста, поговорите с ней, как только ей станет чуть лучше.

— Спросить разрешения принять ваше предложение? — поддразнила его я. — По-моему, вы немного запоздали с такой просьбой.

Он притянул меня к себе, обвил одной рукой талию, а другой поднял мое лицо за подбородок.

— Ах, моя дорогая, какая же вы глупышка, — мягко сказал он. Я спросил разрешения у вашей мамы еще неделю назад! И своим родителям я сказал, что намерен сделать вам предложение, когда ваша мама даст свое согласие. Вчера вечером, когда я провожал ее к портшезу, она сказала, что они с вашим дядей согласны и ваше решение зависит только от вас.

— О! — удивилась я. — А мне она ничего не рассказала.

— Ну, у них есть свои причуды, не правда ли? — легко признал Джеймс. — Они все хотели бы знать, являетесь ли вы обычной молодой леди или нет. И они все думают, что если вы будете жить где-нибудь в другом месте, то вам не будут досаждать все ваши сны, видения и прочие домовые.

— Для меня было бы ужасно уехать из Вайдекра, — я вдруг испугалась, что Джеймс захочет увезти меня и поселить в своем городском доме в Бристолле.

— Я не вижу причин покидать его, — сказал Джеймс, усевшись на софу перед камином и приглашая меня сесть рядом. — После свадьбы я получу довольно солидное наследство, так почему бы нам не выкупить у вашего кузена его долю и не жить там? Мне чертовски хочется стать деревенским сквайром в Вайдекре, если он таков, каким вы его описываете.

— Нет, нет, — заторопилась я, вспомнив страсть Ричарда к нашему имению и наши детские мечты о свадьбе и будущей жизни на земле.

— Если ваш кузен мало интересуется хозяйством, то я не понимаю, почему мы не можем предложить ему хорошую цену за его половину и выкупить ее? — рассудительно предложил Джеймс. — Или же вы могли бы продать вашу долю ему. В таком случае мы купим свой собственный дом и станем хозяйствовать там.

Я подозрительно глянула на него.

— Вы все это уже обдумали, — обвиняюще заявила я. Он чуть притянул меня к себе, и мне было так приятно прислониться к нему и заглянуть в его любящие карие глаза.

— Конечно, планировал, — сказал он. — Вы же не думаете, что я собирался украсть моего любимого сквайра Джулию и заточить ее в городском бристольском доме? Конечно, я хочу, чтобы вы жили в Вайдекре. И я намерен купить его для вас.

— А как же мои сны, видения и прочие домовые?

— Что ж, тогда мы вместе переедем жить в Бедлам, — уверенно ответил он и, взяв мое лицо обеими руками, стал покрывать его легкими отрывистыми поцелуями, продолжая при этом говорить: — Поскольку вы (поцелуй) самая милая (поцелуй), самая храбрая (поцелуй), самая умная (поцелуй), самая рассерженная (поцелуй) девушка, которую я имел удовольствие целовать, пока ее мама больна, чтобы присматривать за нами.

Я вскочила на ноги, вся красная, и неожиданно для себя рассмеялась:

— О, это ужасно! И я ужасна, что сижу вот так с вами. И вы, Джеймс Фортескью, в таком случае совсем не джентльмен.

— Я знаю, — печально согласился он. — Торговец, моя дорогая. Первое поколение, которое не стоит за прилавком в магазине.

— И теперь я в этом убедилась, — твердо подытожила я. — Ступайте и выполните мои поручения и не возвращайтесь сюда без ваших сестер, чтобы они не оставляли меня с вами наедине.

— Думаю, они благословят меня на это, — рассмеялся Джеймс. Я вытолкала его из комнаты, и мы увидели Мэг, усердно полирующую стол рядом в холле.

— Я крикну через замочную скважину, как дела у экрских детей, — пообещал Джеймс. — Или спою под вашим окном. Все что угодно лучше, чем быть опять с вами наедине. Вы придете к нам сегодня к обеду?

— Нет, — ответила я, пока Мэг стояла рядом, с безучастным видом держа его шляпу, пальто и перчатки. — Я уже написала вашей тете, что я останусь дома с мамой.

— Тогда я вернусь в Клифтон, — решил он. — Я хотел поговорить с папой. Он очень интересуется возможным браком его любимого сына с девушкой из мелкопоместного дворянства.

— Мелкопоместного? — деланно задохнулась я от гнева.

— Именно так, — обескураживающе твердо подтвердил Джеймс. — С маловероятным приданым.

— Но это совсем неплохо для сына торговца, — насмешливо проговорила я.

— Совсем неплохо, — с удовлетворением согласился Джеймс и, забрав шляпу из рук Мэг, неожиданно шагнул вперед, поцеловал меня в губы и вышел, прежде чем я успела сказать хоть слово.

— Поздравляю вас, мисс, — сказала Мэг, почтительно закрывая за ним дверь. — Наша кухарка тоже будет обрадована.

И она поспешила на кухню со свежими новостями, прежде чем я успела попросить ее не объявлять об этом всему свету, поскольку даже моя мама еще не знает этого известия. Даже мой дядя. Даже мой кузен.

Дяде Джону и Ричарду я бы написала в тот же день, но мама проснулась такая горячая и слабая, что я просидела с ней все время и едва уллучила минутку, чтобы черкнуть записку Ральфу Мэгсону о том, что собираюсь отправить детей в Экр, как только получу от него ответ.

Я сидела у постели мамы и не отходила от нее ни на шаг, разве только чтобы наскоро перекусить. Иногда я позволяла себе отдохнуть после обеда, когда с мамой были либо Марианна, либо миссис Деншам. Джеймс каждый день навещал маму с цветами и великолепными фруктами. Маме не становилось хуже, и я не стала писать дяде Джону, чтобы он приехал. Но, как и предупредил нас доктор, ее лихорадило целую неделю.

За эти дни я полюбила и научилась ценить Джеймса. Его семья предоставляла нам любую помощь, которая могла понадобиться. Он был очень легкий в общении человек. С ним было просто ладить, у него не бывало припадков гнева или плохого настроения. Джеймс был открытый и доверчивый юноша, какими бывают обожаемые семьей дети.

Он очень хорошо относился ко мне. Иногда поддразнивал, иногда подтрунивал надо мной. Когда я уставала, он просил Марианну сыграть что-нибудь минорное на рояле для нас, пока мы сидели рядом на софе в молчании. Однажды, в один из таких моментов, он притянул мою голову к себе на плечо, и я вдруг заснула.

— Вы храпели, — вызывающим тоном заявил он при пробуждении.

— Не может быть! — возмутилась я. — Я никогда не храплю.

В его глазах появилась знакомая любящая улыбка.

— Что же, скоро я смогу убедиться в этом, правда? — его голос был тихим и теплым от ласки. — Когда мы поженимся и будем спать вместе в одной кровати? И так будет на протяжении всей нашей жизни.

Мои щеки запылали румянцем, но я не отвела глаз.

— Я бы тоже хотела этого, — честно ответила я.

Джеймс едва слышно вздохнул, наклонился, легко поцеловал меня и вышел.

Он обязательно приносил мне какой-нибудь пустячный, но очень приятный подарок. Иногда это был пышный букет цветов из дорогого магазина, иногда изящная маргаритка из их собственной теплицы в Бристоле. Однажды он принес обруч и стек.

— Мне кажется, нам необходима небольшая разминка, — невинно заявил он и, невзирая на мои протесты, увел меня в парк, и мы катали обруч по дорожкам, чуть не падая от смеха под осуждающими взглядами старых кумушек Бата.

И всегда, прощаясь, он целовал меня. С мелочной дотошностью он сначала целовал мне кончики пальцев на обеих руках, затем запястья и, наконец, легко, будто касаясь кистью, целовал меня в губы.

Так было всегда, кроме одного раза, когда Марианна забыла сумочку и ему пришлось за ней вернуться. Я уже подошла к окну, чтобы помахать им на прощанье, и, когда Джейм вошел, удивленно обернулась. Несколькими быстрыми шагами он пересек комнату и, не говоря ни слова, жадно схватил меня в объятия. Он так крепко прижал меня к себе, что я едва могла дышать, и покрывал поцелуями мое лицо. Затем нагнулся и прижался ртом к моей шее, будто жадно вдыхая запах моей кожи.

— Мой Бог, Джулия, — беззвучно простонал он. И чуть отстранился. — Извините, — смущенно сказал он, придя в себя. — Я напугал вас?

Я улыбнулась ему как равная. Я знала, что он извиняется за этот взрыв страсти, нарушивший равномерное течение нашей жизни. Он беспокоился на случай, если я окажусь глупенькой мисс, полной предрассудков и девических страхов.

Но мое лицо сияло.

— Пожалуйста, напугайте меня еще раз, — попросила я его.

И мы покатались со смеху.

— Ты самая настоящая девка, — сказал Джеймс с глубоким удовлетворением. И поднял мое лицо, придерживая за подбородок. Я смотрела ему в глаза, не испытывая ни малейшего смущения. Если бы он захотел, он мог бы взять меня прямо сейчас и здесь же, на голубом ковре будуара.

— Джулия Лейси, — медленно проговорил он. — Я хочу, чтобы вы знали, что только система присмотра за девушками ограждает вас сейчас от полного бесчестья.

— Вы любите меня бесчестно? — в моем голосе дрожали нотки желания.

— Совершенно бесчестно, — заверил он меня и, наклонив голову, нашел губами мой рот.

Мы стояли, обхватив друг друга руками в течение долгих минут. Я прижималась к нему все ближе и ближе, так, чтобы чувствовать его всем своим телом, и, не отрываясь от моих губ, Джеймс тихо застонал.

Раздался тихий стук в дверь, и мы медленно отодвинулись друг от друга, так, словно были под водой. Я взглянула на Джеймса, его глаза стали темными от желания, волосы разлохматились. Я попыталась заколоть мои растрепавшиеся локоны. Ни один из нас не в состоянии был сказать: «Войдите».

Дверь чрезвычайно медленно отворилась, и Марианна просунула в нее голову.

— Моя сумочка, — сказала она, обращаясь к ковру на полу между мной и Джеймсом, — была в холле, где она находится и сейчас. Я заберу ее. И вообще, если вам угодно, чтобы я присматривала за вами, стоя у входной двери, то я была бы премного обязана, если бы для меня там положили коврик и подушку, а также поставили свечу.

Джеймс рассмеялся и взял сестру за руку.

— Прости нас, пожалуйста, — сказал он. — Мы обошлись с тобой ужасно. Позволь, я провожу тебя домой. — И он с улыбкой обернулся ко мне. — До свидания, Джулия Лейси. До завтра. — С этими словами он прошел к двери и вышел.

Я бросилась в ближайшее кресло, не зная, смеяться ли мне или плакать оттого, что меня так любят. Наконец меня любят.

Мама все еще была больна, и ей было особенно плохо в предрассветные часы. Джеймс хотел, чтобы я наняла ночную сиделку, и взялся подыскать кого-нибудь с этой целью. Но

четыре беседы с возможными кандидатками убедили его в безрезультатности поисков.

— Кроме того, доктор был уверен, что через неделю у мамы должен произойти кризис и после него ей станет легче, — объяснила я ему. — По-моему, виной всему этот ужасный, сырой город. Если бы мама была в Вайдекре, она бы давно поправилась.

Он согласно кивнул. Сухая морозная погода кончилась, и дни, которые я провела взаперти, были туманными, влажными и холодными.

— Вполне возможно, — согласился Джеймс. — Слава Богу, что мы успели вытащить маленькую Розу Денч из той темной, холодной каморки, прежде чем началась такая ужасная погода. Не думаю, что она бы пережила эти дни.

Джеймс каждый день заходил к экрской четверке. Он сообщил мне, что они устроились очень хорошо. Нату удалось смыть с себя многолетние слои сажи, и он стал гораздо светлее. Джимми Дарт толстеет с каждым днем, а Роза хотя все еще кашляет, но выглядит уже лучше и каждый день спускается в гостиную и сидит с остальными. Только Джули казалась недовольной.

— Но они понимают, почему я пока не отправляю их в Экр? — спрашивала я.

— Конечно, — успокаивал меня Джеймс. — Им прекрасно известно, что мы ждем ответ из Экра, в котором будет сказано, что их готовы принять.

Этот ответ пришел на следующий день, он был написан далеко не каллиграфическим почерком Ральфа.

«Присылайте ребят домой, — писал он. — Все здесь ждут их обратно. И благословляют вас за то, что вы нашли их. И сами возвращайтесь с ними. Успеете как раз к севу, вам следует быть здесь».

Я показала это письмо Джеймсу.

— Он человек не слишком речистый, правда? — улыбнулся он.

— Но умеющий выражаться конкретно, — и я показала на фразу: «И сами возвращайтесь с ними». — Это звучит как приказ.

— Лучшие наши слуги — одновременно и наши хозяева, — кивнул Джеймс. — Главный управляющий моего отца ведет дела по своему усмотрению. И если бы он знал, какую пользу приносят его решения, он попросил бы по меньшей мере удвоить ему жалованье. Ваш мистер Мэгсон похож именно на такого человека.

Я рассмеялась.

— Мистер Мэгсон прекрасно осведомлен о том, сколько он стоит. И единственная причина, по которой он не требует от нас королевского жалованья, в том, что он хочет работать именно в Вайдекре и приносить пользу деревне. Это ведь он разработал идею дележа прибылей и сумел убедить деревню согласиться на нее. Мой дядя Джон говорит, что он пошел бы много дальше, если бы мог.

— Как это? — заинтересованно спросил Джеймс.

— О, я не знаю, — отмахнулась я. Мы пили чай в гостиной, и Марианна сидела у окна, поочередно глядя то в газету, то на случайных прохожих. Под столом Джеймс держал меня за руку.

— Думаю, он хотел бы передать деревне все права на землю, — продолжала я размышлять вслух. — Чтобы они полностью владели землей и хозяйствовали на ней сообща, как это было прежде.

Джеймс выглядел очень заинтересованным.

— Он не единственный в стране, кто задумывается над такими вещами, — сказал он. — Эту идею удастся воплотить в жизнь, как вы думаете?

— Возможно, — осторожно ответила я. — Если земля попадет в руки добрых и разумных людей, если у них будет достаточно денег на покупку, например, инструментов, семян, на выплату жалованья. Потому что прибыли ведь не начнут поступать сразу. При этих обстоятельствах его идея может быть воплощена в жизнь. Но это довольно маловероятно. Ни один землевладелец не расстанется с хорошей землей. Никто не одолжит крестьянам столько денег, чтобы хватило на такое огромное поместье, как, например, наше.

Джеймс смотрел на меня с полуулыбкой.

— Вот что я скажу вам, Джулия Лейси, — начал он. И я вся обратилась в слух. Ибо когда Джеймс обращался ко мне со словами «Джулия Лейси», я всегда слушала очень внимательно. Эти слова означали либо что-то очень личное, либо что-то очень важное. Или и то и другое вместе. — Я хочу сказать, что у меня есть некоторый капитал. И если вы гарантируете, что мы с вами и наши потомки будем хорошо жить в Экре, когда деревня получит права на землю, то я готов предложить его. Мы построим для себя дом, в котором будем жить, и будем получать свою собственную долю от прибылей и не станем уподобляться тем собственникам, которые довели людей до нищеты, которую мы наблюдали на Рыбном Молю.

Я заколебалась.

— Нет, — твердо сказала я затем. — Это ваше наследство. И прежде, чем вы решите, куда его вложить и где вы будете жить, вы должны увидеть Вайдекр и нашу деревню. Я не могу вообразить себя счастливой, если буду жить в другом месте. Но мы должны обдумать все вместе. Было бы несправедливо принудить вас провести всю вашу жизнь в Вайдекре, так же как было бы несправедливо, если бы меня заставили жить в городе и не позволили вернуться домой.

Джеймс протянул свободную руку над столом в утрированном жесте уличного торговца.

— По рукам, — сказал он. — И помните о моем предложении. Отец называет меня радикалом и якобинцем, но я с этим не согласен. Я всего лишь хотел бы следовать примеру Франции, но идти при этом разумным, английским путем. Создать здесь новое общество, как они пытаются создать его там. И я мечтаю делать это рука об руку с вами, поскольку очень люблю вас, особенно после того дня, когда вы обвинили владелицу шикарного магазина в том, что она ничуть не лучше содержательницы публичного дома. Всю жизнь я был бунтовщиком и хотел бы претворять свои идеи в жизнь, не принося никому зла и не нарушая установленного порядка вещей.

— Да, — счастливо согласилась я, и мое сердце подпрыгнуло при мысли, что именно в Экре начнется счастливая жизнь, в которой не будет ни хозяев, ни сквайров, а будем мы: Джеймс, я, наши дети. И рядом будут жить Клари Денч, Мэтью Мерри, их дети и все дети деревни. И все мы станем просто соседями.

— Если бы вы двое держались за руки над столом так же успешно, как вы это делаете под ним, то я могла бы не ощущать свое присутствие чем-то излишним, — сухо заметила Марианна, и мы отпустили руки и рассмеялись, как напраказавшие дети.

— Твое присутствие совершенно не лишне, — возразил Джеймс и, подойдя к окну, поцеловал сестру. — Во всяком случае, ты очень украшаешь наше общество. Расскажи нам, пожалуйста, что говорил сегодня доктор Филлипс, — попросил он, усаживаясь рядом и забирая у нее газету. — Джулия собирается к нему завтра и намерена сообщить ему, что отказывается от дальнейших визитов. Во-первых, ее ждут дома, а во-вторых, после того как она прекрасно себя чувствовала без его присмотра эти дни, я пытаюсь убедить ее, что она не только здорова, как любой человек в мире, но еще и здоровее многих.

Марианна лукаво улыбнулась мне.

— Если не считать вашего странного увлечения моим братом, то я согласна с этим. — Затем ее лицо погрузнело. — Доктор Филлипс очень старается помочь мне с моим недугом. Ему нельзя отказать в добросовестности, но несмотря на это, я бы очень хотела, чтобы он оставил все по-прежнему. Если бы я оказалась на необитаемом острове, то, проголодавшись, я стала бы есть как нормальные люди. Все это только потому, что меня вечно стараются накормить, и когда я отказываюсь, то все смотрят на меня и спорят со мной. С тех пор как я посещаю доктора Филлипса и мама всем рассказала про меня, мне стало еще хуже.

— Когда мы поженимся и устроим райские кущи в самом сердце Суссекса, ты приедешь к нам и мы вообще не станем тебя кормить, — любовно пообещал Джеймс. — Совсем не будем кормить целыми днями, пока ты не станешь мечтать о кусочке черствого

хлеба как о лакомстве. И никто не станет там смотреть на тебя или задавать вопросы.

Мариана вздохнула:

— Я с нетерпением ожидаю возможности стать вашим первым гостем, но не слишком ли ты торопишь события, Джеймс. Помолвка еще даже не объявлена, и я уверена, что Джулия еще ничего не рассказала маме.

— Я просто не могу сейчас это сделать, — ответила я. — Она все еще так больна и слаба, что я не хочу волновать ее. Мама сразу же начнет планировать приемы и наряды. Ей необходимо как следует набраться сил перед тем, как начать такую кампанию.

— И поэтому тебе придется присматривать за нами, — вставил Джеймс. — Не найдешь ли ты завтра время пойти с Джулией к доктору Филлипсу? После обеда мы отправляем экрских нищих детей домой, и Джулия сначала хотела бы побывать у него.

Марианна согласилась сопровождать меня к доктору, а потом отправиться вместе со мной в гостиницу посмотреть на отъезд экрской четверки.

— Может быть, вы бы хотели, чтобы я пошел с вами к доктору? — тихо поинтересовался у меня Джеймс при прощании, пока Марианна медленно завязывала ленты своей шляпки перед зеркалом в холле.

Я заколебалась. Был большой соблазн согласиться и принять его помощь. Но я помнила свой крупный успех в модном магазине миссис Вилльямс и стремилась повторить его.

— Нет, — отказалась я. — Завтра и так много дел. Лучше мы встретимся прямо в гостинице, когда я освобожусь от ярма власти доктора. Я постараюсь по возможности вежливее отказаться от его услуг. Это будет справедливо, ведь он так много уделял мне внимания, делая все, что в его силах, чтобы помочь мне. Я, конечно, немного трушу, но не думаю, что это будет хуже, чем у миссис Вилльямс. Хуже не может быть ничего.

— Да, и я тогда вам здорово помог, — воскликнул Джеймс и, взяв обе мои руки, поцеловал одну из них, а другую прижал к щеке. — Думайте, пожалуйста, обо мне до завтра. Я совсем не могу спать из-за мыслей о вас.

Поцеловав меня быстро в губы, он выпрямился и скорыми шагами вышел в холл, подхватил Марианну, и они ушли.

— До завтра, у доктора! — крикнула на прощанье Марианна уже со ступенек. — Не опаздывайте.

И я действительно не опоздала, так как, вылетев из дверей ровно в девять, бежала всю дорогу. И успела прийти раньше Марианны. Когда надутый лакей ввел нас в гостиную и мы напоминали себе двух мух, пойманных толстым пауком, было всего лишь пять минут десятого.

Марианна уселась в кресле у окна, там, где обычно сидела моя мама, а доктор Филлипс поманил меня к креслу у камина. Я осталась стоять.

— Я пришла поблагодарить вас за все, что вы сделали для меня, и попрощаться с вами, — начала я. — Моя мама неважно себя чувствует, и, как только она поправится, я хотела бы увезти ее домой. Меня зовут туда дела.

Доктор Филлипс прекратил неторопливо прохаживаться позади массивного письменного стола и, скрестив на груди руки, уставился на меня.

— Пвинятое вами вешение не кажется мне вазумным, — заговорил он мягко. — Оно совсем нева-зумно. Вы посоветовались с вашей мамой? Нет? Вы написали вашему дяде? Нет? — Тут он снисходительно улыбнулся мне. — Такие вещи лучше всего делать, обсудив их либо с водителями, либо с опекунами. Когда вы пвишли ко мне, вы ствадали от целого вяда галлюцинаций. Тепевь я счастлив сообщить, что дело пошло на лад. Думаю, что у вас не было больше подобных снов и видений с тех нов, как вы стали посещать меня? И ничто больше не поет в вашей голове? — Тут он одобрительно кивнул самому себе. — Мы достигли значительного пвогвесса. Надеюсь, что вы пвидете сюда опять, когда ваша мама попвавится, и мы станем пво-должать столь успешно начатое лечение.

— Нет! — спокойно возразила я. Это оказалось гораздо хуже, чем в магазине, потому что я не чувствовала гнева, охватившего меня тогда. — Нет, — повторила я. — Я не приду

сюда больше и скажу вам почему. — Мои руки дрожали, и я спрятала их в муфту, чтобы доктор Филлипс не увидел этого. — Вы ожидали, что мои сны прекратятся, а вместе с ними прекратятся и видения, посещавшие меня. Но если бы вы преуспели в этом, я не была бы больше Джулией Лейси, я была бы кем-то совсем другим. И я не уверена, что стремлюсь к этому. А также не уверена, что вы отдаете себе отчет, в чем тут дело. Вы думали, что перед вами глупенькая девушка, страдающая галлюцинациями. Я же считаю, что я — человек, наделенный особым даром, если хотите, опытом предшествующего поколения. И я сопротивляюсь тому, что вы пытаетесь лишить меня его, так же как я сопротивлялась бы тому, кто пытался бы лишить меня денег.

— Что-нибудь произошло? — задал точный вопрос доктор.

— Да, — честно ответила я. — В одном из факельщиков Бата я узнала мальчишку из Экра, одного из тех, которых забрали оттуда десять лет назад и кого я никогда прежде не видела. Я услышала голос, который говорил мне: «Забери его, забери его домой». И я действительно собираюсь увезти его к себе.

Доктор Филлипс не шевельнулся, но глаза его заблестели острее.

— И вы считаете это очевидным доказательством того, что называется вторым звением? — спросил он.

У меня вырвался легкий смешок, и я пожала плечами.

— Не знаю! Мне безразлично, как это называется. Это для меня так же естественно как видеть цвет неба или слышать звуки музыки. И я не позволю лишать меня этого только потому, что другие не знают, что это такое.

Доктор Филлипс кивнул и поднялся на ноги.

— Очень ховошо, — согласился он. — Но позвольте мне пведупредить вас. Может быть, вас и посещают таинственные видения, но нельзя быть обычной леди и иметь галлюцинации. Вы должны следовать условностям света и его законам.

— Хорошо, — сказала я. — Благодарю вас.

Тут Марианна шагнула вперед и стала рядом со мной.

— Я тоже пришла попрощаться с вами, — тихо произнесла она. Я увидела, что ее лицо побледнело, но не утратило выражения решимости. — Благодарю вас за работу, которую вы провели со мной. Но я хотела бы иметь возможность сама обдумать, что со мной происходит.

Доктор Филлипс грузно опустился на стул и воззрился на нас обеих.

— Вся моя система покоится на том, что пациент обдумывает происходящее в его голове.

— В моей голове ничего необычного не происходит, — храбро продолжала Марианна. — Мои проблемы заключаются в том, что моя мама несчастна и папа плохо с ней обращается. А единственное время, когда мы видим его, — это за столом. И происходящее меня так расстраивает, что я не могу есть. Но мой отец платит вам гонорар, и поэтому вы никогда не хотели принимать такое простое объяснение. Я это прекрасно понимаю, но это не причина для меня признавать свою несуществующую вину и считать себя виновной в неудачном супружестве моих родителей. Я не ем дома потому, что там я несчастна. А несчастна я потому, что отец несправедлив к маме и они выбрали обеденное время для сведения своих счетов. И больше я не стану, сидя в этом кресле, жаловаться, плакать и обвинять себя во всем.

— Да, да, — проговорила и я. Мне хотелось закричать «ура!» и подбросить в воздух мою шляпку.

Доктор Филипс опять встал во весь рост и без удовольствия посмотрел на нас.

— Если таковы новые вадикальные женщины, то не могу сказать, что мне они по душе, — хмуро проговорил он. — Передайте вашим мамам, что я вышлю им счета по почте и что я, а не вы, медам, решил пвеввать наши дискуссии. Вы обе мне чвезвычайно непвиятны.

Я проглотила колкий ответ, просившийся мне на язык, и присела в почтительном

реверансе. Затем мы с Марианной оставили этот дом и быстрым шагом пошли к гостинице. И, только завернув за угол, мы начали хохотать, прыгать и поздравлять самих себя с освобождением.

Дети из Экра находились в восторженной спешке сборов в дорогу. Все их новые приобретения, сделанные благодаря заботам Джеймса, уместились бы в одной небольшой коробке, но бес частной собственности уже попутал их и наделил каждого отдельной поклажей. Нат приобрел почти нормальный цвет лица, за исключением странных черных кругов вокруг глаз. В своем новом костюме он выглядел очень мило. Розы Денч была все еще бледненькая и тоненькая, но болячки вокруг рта исчезли, и она совсем не кашляла. Джимми Дарт суетился вокруг них, хлопотливый, как воробей. Я бы не узнала в них ту обреченную четверку в страшной грязной комнате. Но я не видела Джули.

— Она не поедет, — объяснил Джимми, и его лицо потеряло радостное выражение. — Она не поедет с нами. Сейчас она сидит у себя и даже не хочет выйти к обеду. Мы сами только что узнали о ее решении.

Я огляделась в поисках Джеймса.

— Пусть ее, — мягко сказал он. — Она не может оставить свою торговлю, к тому же ей не обойтись без спиртного.

— Торговля? — непонимающе переспросила я. — Я понятия не имела, что она работает. Что это за торговля?

Джеймс поморщился.

— Джулия, оставьте это. Я все объясню позже. Она не хочет оставлять Бат, вот и все.

— Нет, — решительно возразила я. — Она — дитя Экра, и мой долг — знать, что с ней происходит. — Игнорируя его протесты, я взбежала вверх по лестнице.

Джули лежала на кровати лицом к стене, полностью одетая. Окно было закрыто, но с улицы доносился шум подъезжающих дилижансов и крики кучеров.

— Джули? — осторожно позвала я.

Она резко повернулась ко мне, и я увидела, что ее глаза такие же красные, как намяченные щеки. Она плакала.

— А, это вы, — уронила она.

— Отправляйся в Экр вместе с остальными, — сказала я. — Ты еще успеешь, дилижанс прибывает только в два. Поезжай домой, Джули.

Она села и прислонилась к стене, ее глаза казались осколками экрского камня.

— Я не могу, — был краткий ответ.

— Почему? — переспросила я. — У тебя какие-то проблемы?

— Нет.

— В чем же тогда дело? Почему ты не хочешь ехать домой?

Раздался тихий стук, и в дверях возник Джеймс.

— Спросите лучше у него! — раздраженно выкрикнула Джули. — Спросите-ка его, не спрашивайте у меня. Вы, очаровательная мисс Джулия Лейси, из тех, на которых женятся богатые мужчины. И не просите меня объяснять это вам! Спросите вашего жениха! Поинтересуйтесь у него, куда ходят такие молодые люди, как он, и сколько им это стоит!

Я повернулась к Джеймсу.

— Что все это значит? — я не могла доискаться смысла ее слов.

Его лицо было печальным.

— А ты не можешь бросить все это, забыть и начать в Экре все сначала? — обратился он к ней.

Лицо Джули горело горечью.

— Это единственное, что я умею, — хрипло ответила она. — Маленькая принцесса мисс Лейси позволит мне практиковаться в этом занятии в Экре? И будут ли у меня там клиенты?

— В каком занятии, Джули? — я просто задыхалась и чувствовала, что ее злоба

особенно сосредоточена на мне. А между Джеймсом и ею словно бы существовало какое-то взаимное понимание, и это окончательно сбивало меня с толку.

— Маленькая дурочка, — бросила она. И кивнула Джеймсу: — Расскажите ей.

Я повернулась к нему, его глаза светились печалью.

— Она — проститутка. Шлюха.

— Да, именно так я и называюсь, — это заговорила Джули. — Я — уличная девка и продаю свое тело мужчинам. Я делала это, когда мы работали на фабрике, для того чтобы у детей был хлеб. Впервые я сделала это, когда мне было одиннадцать лет. Это было так больно, и я возненавидела это занятие. Но с тех пор я все время этим занимаюсь и научилась выносить это. Иногда я даже нахожу в этом удовольствие. Для меня это единственный способ заработать деньги на хлеб и джин. Если бы я не продавала свое тело — о! снова и снова! — во время нашего пути из Манчестера сюда, когда дети голодали, я потеряла бы их всех, так же как мы потеряли маленькую Салли. Так что теперь можете забрать их домой и оберегать их там. Я же не вернусь туда. Экр — больше не дом для меня. Мне необходим джин и мужчины, которые платят за удовольствие. Я погибла, Джулия Лейси. И хотя я ношу ваше имя, нас разделяет пропасть не меньшая, чем если бы я была рабыней на плантациях.

Моя голова гудела.

— Я ничего не знала, — сказала я Джули, хотя понимала, что это никудышное оправдание. — Я не знала, что такие вещи случаются с такими юными девушками, как ты.

Она издала грубый смешок.

— Тем не менее они случаются. И это такие шлюхи, как я, делают для вас возможным сохранять невинность до свадьбы. Сколько лет этому вашему молодому человеку? Думаете, он невинен? Вы — глупы, Джулия Лейси! У него были десятки женщин. И они были такие же шлюхи, как я! И именно поэтому он может гулять, танцевать, ухаживать за вами и ожидать свадьбы хоть целый год. Разве это не так?

Я обернулась к Джеймсу.

— У вас действительно были женщины? — мой голос прозвучал странно, словно я была тем глупым ребенком, которым они меня считали.

— Да, — сказал он. — Это правда, и я не отрицаю этого. Мне двадцать четыре года, я взрослый человек со своими желаниями, и у меня, конечно, были женщины. Все они были шлюхи. Но я никогда не обижал их и оставлял им значительно больше денег, чем они просили. А что, по-вашему, я должен был делать?

Я заколебалась.

Несчастливая девушка, продававшая свое тело подобно куску мяса, переводила свои обвиняющие глаза с одного из нас на другого. И я видела, что человек, которого я любила, был одним из богатых — так же как и я. Он привык получать удовольствия или же удовлетворять свои потребности, никогда не расплачиваясь за это ничем, кроме денег.

— Не знаю, — только и смогла ответить я.

Рожок дилижанса за окном пронзительно свистнул, призывая пассажиров занять свои места. Это напомнило мне о необходимости принять немедленное решение.

— Отправляйся в Экр, — обратилась я к Джули снова.

Она улеглась обратно и отвернулась к стене.

— Нет, — проронила она. И в ее голосе прозвучала протяжная нотка суссекского выговора. — Со мной кончено. Пусть дети едут, и, пожалуйста, найдите для них работу и дом. Для меня уже слишком поздно. Меня погубили Лейси, потом — мельница, дешевый джин, отсутствие работы. Все кончено. Я не хочу видеть вас больше.

Я медленно шагнула к ней и положила руку на плечо Джули. Она сбросила ее так резко, будто я была нищей попрошайкой.

— Если бы меня могло тронуть такое прикосновение, то я утонула бы в слезах, — хрипло сказала она. — Выйдите отсюда, Джулия Лейси, и уведите своего молодого человека. Или оставьте его здесь. Сегодня у меня есть только один шиллинг.

Я открыла сумочку и высыпала все деньги, которые там оказались, на ее постель.

Затем, не глянув на Джеймса, я прошла мимо него к двери и вышла.

Мне было нелегко улыбаться и прощаться с детьми, и обещать им, что заказанный дилижанс придет за ними в два часа пополудни, и что мы непременно встретимся в Экре всего через несколько дней. Думаю, мне удалось обмануть их своими улыбками. Но не Марианну.

— Что случилось? — спросила она, когда мы вместе вышли из гостиницы.

— Ничего, — ответила я. — Просто Джули отказалась ехать и расстроила меня. Мне пора к маме, я, пожалуй, найму портшез.

Едва я повернулась, Джеймс оказался у моего локтя.

— Джулия, — обратился он ко мне.

Я молча смотрела на него.

— Я надеюсь, что вы не думаете обо мне слишком плохо, — смущенно начал он. — Это правда, что джентльмены ходят к таким женщинам и что я из их числа. Вы сами достаточно взрослая, чтобы понять, что в нашей жизни все принадлежит тем, кто сумеет предложить лучшую цену. Все в мире продается. Даже маленькие девочки. — Его глаза изучали мое лицо. — Вы разочарованы во мне, — понял он.

— Да, разочарована, — и внезапно я разразилась потоком слов. — Я думала, что вы не такой, как все. Что вы не из тех, кто плохо обращается с бедными. Деньги нельзя назвать справедливой ценой за наслаждение женским телом. Этим не заплатит за падение и гибель женщин, а вы способствовали этому. И ни одна из них не сможет никогда вернуться домой, так же как Джули. И никогда не выйдет замуж, так же как она. Я не думала, что вы — часть этого мира.

Джеймс криво усмехнулся.

— Я не герой, Джулия, увь. Я обычный человек, боюсь, что самый обычный. И вы не должны ставить меня очень высоко, так же как и кого-нибудь другого. Я не лучше, чем наше время.

— Очень мило, таким и оставайтесь, — гневно сказала я. — Я и не думала, что вы герой, но надеялась, что вы особенный человек. А теперь... — я не могла продолжать, мое горло сжимали слезы. — Все испорчено, — сказала я жалобно, как ребенок.

Джеймс обнял меня за талию и повел к портшезу.

— Не говорите так, — тихо попросил он. — Я не верю, что вы на самом деле так думаете, но это ужасно огорчает меня. Я не могу слышать от вас таких слов.

— У меня просто голова идет кругом, — ответила я. — Не знаю, что и думать. Я пойду домой и напишу вам потом.

Он несколько натянуто поклонился мне, будто мы были чужими, и вернулся к Марианне. Она болтала и смеялась, и я увидела, что Джеймс делает над собой усилие, чтобы вслушаться в ее слова. Проходя мимо моего портшеза, она весело помахала мне, но Джеймс только глянул в мою сторону. Но смотрел он на меня так, будто я была кораблем в гавани, уплывающим от него.

Я задернула полог портшеза и закрыла лицо руками. Я не плакала. Я только выдыхала мое разочарование, мою любовь и тоску в теплые ладони и удивлялась, что мир, созданный нами, богатыми и знатными людьми, для себя, дарит нам так мало радости.

Глава 17

Я просила дать мне время подумать, но его совсем не оказалось. Когда я прибыла в портшезе на Гей-стрит, у дверей уже стояла наша карета и лакей выносил мамины сундуки. В холле на столике лежала коричневая трость дяди Джона и его серая шляпа, а в маминей спальне у ее кровати сидел он сам собственной персоной.

Мама полусидела на кровати, накинув пеньюар, с распущенными волосами, и выглядела в тысячу раз более здоровой, чем была утром.

Дядя Джон получил оба мои письма, в первом я сообщала, что мама не совсем здорова

и я вызвала доктора, а во втором писала, что она еще не поправилась.

— Конечно, я вынужден был приехать, — рассудительно объяснял он. — Вы обе имеете понятие о гонорарах докторов Бата? Селия, поедemте, прошу вас, домой, где я, так и быть, буду лечить вас бесплатно.

Мама виновато хмыкнула, и этот хриплый звук лишь отдаленно напоминал ее прежний смех.

— Но мы не можем ехать, — сказала она. — У Джулии разгар сезона, и, кроме того, она должна посещать приемы доктора Филлипса.

Джон бросил на меня серьезный взгляд.

— В таком случае, ей следует остаться. Джулия, ты могла бы пожить у своих новых друзей, чтобы продолжить курс лечения?

Я поднялась со стула и, подойдя к окну, принялась вертеть в руках шнур от портьеры.

— Я прекратила визиты к доктору Филлипсу, — сказала я и бросила быстрый взгляд на маму. — Я объявила ему об этом сегодня утром.

Джон, казавшийся очень высоким, застыл, глядя на поленья в камине, и по его лицу я не могла понять его реакцию.

— Как это? — тихо спросил он. — Твоя мама писала мне, что лечение идет очень успешно.

Я покачала головой.

— Это не так. Он пытается внушить мне, будто в том, что я иногда слышу и вижу, нет никакого смысла, но он не в состоянии доказать, что этого не случается вообще.

Дядя Джон согласно кивнул.

— Конечно, он не может доказать, что этого не было, — справедливо заметил он. — Но, Джулия, если ты... Нет, ты совсем уже невеста. Я буду говорить тебе «вы». Если вы знаете, что некоторые вещи не могут произойти, то вы должны признать, что это галлюцинация.

— Никакая не галлюцинация! — вскричала я в порыве раздражения. — Если я уверена, что видела и слышала нечто, то почему я должна позволить другому человеку внушать мне обратное?

— Вы не должны сопротивляться этому, Джулия, — лицо дяди Джона было бесстрастным. — Мы с мамой пришли к выводу, что если вы не излечились до сих пор от ваших галлюцинаций, то вам следует остаться либо здесь, либо в доме доктора Филлипса и продолжить лечение, пока вы не придете к правильному пониманию реальных вещей.

Я задохнулась от страха и посмотрела на маму, моля о помощи. Мама наклонилась вперед, ее лицо стало бледнее, чем оборки на ее пеньюре, но она не отвела взгляда.

— Нет, Джон, — ее голос звучал еле слышно. — Я помню, что я говорила в Вайдекре на следующий день после грозы, когда я испугалась, что Джулия не совсем здорова. Но я наблюдала за ней здесь, в Бате, и убедилась, что она не отличается от своих сверстников. Мы ведь с вами видели, что она действительно спасла коттеджи, которые иначе были бы разрушены и сожжены, и Джулия рассказала мне, как нашла пропавших детей Экра. Я доверяю ей. И я поверила в нее. Если она считает, что визиты к доктору Филлипсу не приносят ей пользу, значит, они ей и не нужны.

— Но вы боялись, что она унаследовала некоторые странности Лейси, — понизив голос, напомнил ей дядя Джон. — Вы боялись Беатрис.

В комнате воцарилось тяжелое молчание, будто одно упоминание ее имени могло вызвать ведьму Вайдекра даже сюда, в Бат, в эти безобидные меблированные комнаты.

— Джулия — моя дочь, и я воспитала ее, — ровно ответила мама. Теперь ее лицо было не то что белым, а даже землистым. — И она поедет с нами домой.

— Но ваша подруга, мисс Фортескью, продолжает посещать доктора Филлипса, не правда ли? — дядя Джон повернулся ко мне. — И вы можете убедиться, что это идет ей на пользу.

— Совсем не идет на пользу, — быстро ответила я. — И она тоже прекратила свои

визиты. Он все время заставлял ее чувствовать себя виноватой в чем-то. Так же и со мной. Он мог бы избавить меня от видений и снов, но при этом изменив мою личность, разрушив мое «я».

Дядя Джон собирался ответить, но мама чуть-чуть привстала на кровати.

— Я никогда не восставала против ваших советов, Джон, — виновато прошептала она, — но сейчас я вынуждена сделать это. Прошу прощения.

В два шага дядя Джон оказался у ее кровати и, слегка обняв за плечи, уложил ее на подушки.

— Это я должен просить у вас прощения, — ответил он. — Я совершенно не прав, принуждая вас к разговорам. И мне хорошо известно, что значит для человека быть высланным из дома по обвинению в сумасшествии. Простите меня, Селия. Джулия действительно ваша дочь, и вам принадлежит решающее слово в ее воспитании. — Тут он взглянул на меня. — И вы тоже простите меня, Джулия. Я хочу только лучшего для вас. Вы хотите поехать домой? Или останетесь здесь у ваших друзей?

— Поеду домой, — без малейшего колебания ответила я. Теперь, когда я не была уверена в Джеймсе, мне совсем не хотелось оставаться здесь.

— Тогда с этим покончено, — мирно согласился дядя Джон. — Давайте отвезем вашу маму домой и посмотрим, как пойдут дела в Вайдекре.

Он подавил свое недовольство и улыбнулся мне.

— Не могу отрицать, что я буду рад вашей помощи дома. Ричард вернулся в университет три недели назад, и мистер Мэгсон нуждается в помощниках во всем, что касается земли. Я-то в этом не слишком разбираюсь. И если вы этого хотите, Джулия, то мы с вашей мамой хотим того же. Никто из нас не собирался превращать вас в другое существо. Вы нам и такая очень нравитесь.

— Та ночь, когда упал шпиль церкви... — заговорила я. Дядя Джон замер и взглянул на меня. — Это действительно было предчувствие. У меня есть такой дар.

Он пожал плечами и улыбнулся.

— Что ж, очень хорошо. Думаю, я должен принять это. Пока нет более разумного объяснения.

— Вы должны принять и меня, — продолжала наседать я. — Пусть я похожа на Беатрис, пусть я обладаю странным даром, пусть я не совсем такая девушка, как вам бы хотелось.

Дядя Джон кивнул:

— Хорошо, принимаю.

И с этим мы уехали домой, в Вайдекр. Дядя Джон управлял компанией своего отца в Индии далеко не бесплатно. И поэтому он как само собой разумеющееся принял тот факт, что я хочу возвратиться домой в сопровождении наемной кареты с экрскими детьми. Я послала Джимми записку о том, чтобы они ждали нас около гостиницы в дилижансе, и мы принялись укладываться. Дядя Джон сам снес и погрузил мамины вещи в карету, а Мэг укладывала мои, пока я была в спальне. Джон хотел, чтобы мы уехали сразу и могли переночевать в Солсбери. На следующий ночлег мы должны были остановиться в Уинчестере и на третью ночь уже быть дома.

Я проверила, не забыла ли Мэг забрать мои кружева, отданные в стирку, и спустилась в гостиную, чтобы написать Джеймсу. Я не знала, что передать ему, и просто сообщила, что приехал дядя Джон и собирается увезти нас с мамой домой. Я обещала написать ему либо с дороги, либо сразу по приезде. Если бы я могла придумать какую-нибудь причину, которая задержала нас в Бате до следующего дня, я нашла бы возможность встретиться с Джеймсом. Но дядя Джон вошел в гостиную, пока я писала, и сказал, что он тревожится о мамином здоровье и хотел бы как можно скорее доставить ее домой, в привычную обстановку, под заботливый присмотр слуг и его собственную опеку.

С этим едва ли можно было спорить, поэтому я только кивнула и послала лакея с запиской к Деншамам.

Но мне следовало бы знать Джеймса лучше. Когда я спустилась к экипажу, поддерживая маму за талию, Джеймс уже стоял у кареты и беседовал с дядей Джоном. И как только мы усадили маму и я убедилась, что она в тепле и покое, Джеймс повелительно взял меня под руку и отвел в сторонку.

— Простите, пожалуйста, мое появление без приглашения, — некоторое напряжение в его голосе заставляло его звучать формально.

Я кивнула, ожидая, что последует за этими словами.

— Джули права, — смущенно начал он. — Все мужчины, так же как и женщины, имеют желания. Но девушкам, которых воспитывают как будущих леди, не дозволяется удовлетворять их. Однако, я думаю, мы оба понимаем, что они от этого не исчезают.

Я невольно сделала протестующий жест.

— Не совсем так, — сказала я.

Джеймс поймал мою руку и сильно сжал ее.

— Я не стану говорить, что для мужчин это совсем не так, но мир сделал для них эту проблему гораздо проще.

Мое лицо приобрело замкнутое выражение, и я принялась смотреть в сторону, мимо Джеймса.

— Для меня непереносима мысль о том, как с ней обращались, — заговорила я. — И как может человек, считающий себя справедливым, обращаться с другим человеческим существом, тем более молодой девушкой, подобным образом.

Он кивнул, его голова была низко опущена.

— Я сильно виноват перед вами, — сказал он. — Но хотел бы все объяснить. Это совсем не похоже на те чувства, которые я испытываю к вам. Меня учили — и я думаю, так учат многих мужчин, — относиться к этой проблеме, как к удовлетворению аппетита: удовлетворять похоть по мере ее появления. Так же, как чувство голода.

Я попыталась забрать свою руку, но Джеймс не отпускал ее.

— Пожалуйста, выслушайте меня, — настойчиво попросил он. — Но теперь я вижу, что это неправильно. Я попытаюсь справиться с собой, так же как справляются женщины. Если это, конечно, возможно. Я заставлю мое сердце и мои желания следовать одним курсом. И я не хочу любить одну женщину и идти при этом к другой. Если вы простите мне один этот раз, то он будет последним.

Я пристально смотрела на него, хотя мои глаза были полны слез.

— А если бы вдруг оказалось, что я не невинна, вы бы нашли в себе силы так же легко простить меня? — с горечью ответила я вопросом на вопрос. — Если бы я сказала вам, что совершила ошибку, но больше ее не повторю?

Джеймс заколебался, его врожденная честность мешала ему солгать и на этом закончить спор. Он сокрушенно улыбнулся.

— Надеюсь, я нашел бы в себе силы признать, что не ваше прошлое, а ваше будущее интересует меня, — сказал он. — Да, я уверен, что мысль о вашей близости с другим мужчиной была бы невыносима для меня, но я постарался бы понять вас. Постараетесь ли вы понять меня?

Я молчала. Старая печальная мудрость Вайдекра говорила мне, что, какой бы ответ я ни дала, наши лучшие дни с Джеймсом миновали.

— Да, — ответила я, уже зная, что все кончено.

Его лицо сразу просветлело. Он наклонился и поцеловал мою руку, затянутую в перчатку, потом, слегка отвернув ее, поцеловал обнаженное запястье, там, где пульс бился быстрее от его прикосновения.

— Благодарю вас, — сказал он. — Я не забуду этого.

Мы постояли еще немного, ничего не говоря. Руки Джеймса дрожали, и он усмехнулся.

— Я готов сейчас упасть на колени у ваших ног и зарыдать, — проговорил вдруг он. — Я был в таком ужасе, что вы мне откажете.

Я улыбнулась одними губами. Я была совершенно уверена, что никогда больше не

увидю его.

— Я узнаю, можно ли что-нибудь сделать для Джули, — заговорил он другим тоном. — Я попрошу мою тетушку помочь мне в этом. Джули ведь еще очень молода, и у нее должно быть будущее. — Я кивнула. — Позаботьтесь, пожалуйста о детях в Экре. И непременно напишите мне, как только вы доберетесь домой. Прошу вас, обращайтесь ко мне, если у вас будут какие-то трудности. Какие бы они ни были.

Я хотела было кивнуть и сказать «да». И добавить, чтобы он тоже непременно обратился ко мне, если я буду нужна ему, и ничто более не сможет разлучить нас. Но я промолчала. Свет вдруг померк, словно солнце затмила туча, и голос Джеймса доносился как будто издалека. И я ощутила такую невыносимую боль одиночества, будто бы я осталась одна в целом мире, как будто не было никого, кто любил бы меня или готов был бы полюбить когда-нибудь. Я совершенно точно знала, что Джеймс не придет ко мне, что он не сможет помочь мне, как бы ни была велика моя нужда в нем.

— Что случилось? — тревожно спросил он. — Вы видите что-нибудь, Джулия?

Я моргнула и ответила: «Нет». Это смутное чувство стало удаляться от меня, как фонарь уезжающего фургона. Я ни в чем не была уверена.

— Вы пошлете за мной, если будете нуждаться во мне? — повторил Джеймс.

— Да, — но я знала, что не смогу этого сделать.

— И вы знаете, что я приеду?

— Да, — повторила я, но знала, что он не придет.

В этот момент дядя Джон высунулся из окна кареты.

— Прошу прощения, Джулия, прошу прощения, мистер Фортескью, но нам пора ехать, — сказал он.

Мы повернулись и пошли к карете. Джеймс молча помог мне сесть.

— Я не стану говорить «до свидания», — сказал он через окно. — Я только скажу: «Благослови вас Бог до моего приезда».

Я улыбнулась ему, улыбнулась так, будто не была близка к слезам. И молчала, пока не тронулась карета. Только когда фигура Джеймса скрылась из глаз, я прошептала очень тихо и очень печально:

— До свидания, Джеймс, до свидания, мой любимый. До свидания.

Путешествие наше было нетрудным. Дети уже поджидали нас в наемном дилижансе на углу Рыбного Мола, и мы даже не стали останавливаться. Я только помахала им из окна, три сияющие физиономии энергично закивали мне в ответ, и их экипаж тронулся следом за нашим. С дядей Джоном оказалось приятно путешествовать. В карете было тепло, мы закутались в шерстяные одеяла, а наши ноги согревали теплые кирпичи. Когда мы останавливались поменять лошадей, нам подавали горячее питье, а в гостиницах мы располагали собственной гостиной с топящимся камином, и даже мама рассмеялась, глядя на физиономии детей при виде поданного обеда и убранства их собственных комнат.

Утром второго дня, когда дядя Джон подписывал счет, я вышла заказать экипаж для последнего отрезка пути. Джем Денч стоял во дворе, преисполненный собственной важности и почем зря ругая конюхов за плохое обращение с лошадьми. Я тревожно взглянула на них, но, на мой взгляд, все было в порядке. Солнце сияло с голубого неба, но низкие белые тучки на горизонте предвещали близкий снегопад.

Сквозь шум постоялого двора и грохот колес подъезжающего экипажа я расслышала пение, такое чистое и высокое, словно оно доносилось до меня прямо с небес. Словно пели белые тучи, что лежали на горизонте, там, где располагался мой дом. Так могли петь солнечные лучи, протянувшиеся ко мне, чтобы согреть меня. Я засунула руки поглубже в меховую муфту и прислонилась к двери. Вайдекр звал меня.

Леди в подъехавшем экипаже оглядела меня с любопытством, к которому я успела привыкнуть в Бате. За это время я немного выросла и чуть поправилась на тамошних замечательных булочках. Теперь я была такого же роста, как мама. Я стала носить такие же высокие каблуки, как она, и даже научилась легонько постукивать ими при ходьбе. Более

того, за долгие недели в городе я приобрела известный шарм и элегантность, а также обрела то чувство, которое мама называла «высокомерие Лейси». Оно диктовало мне гордо нести голову и ступать по земле с таким видом, словно бы мне принадлежало все в округе по меньшей мере на сотню миль во всех направлениях.

Я вежливо улыбнулась леди и велела Джемму сообщить моим родителям, что мы уже готовы выезжать. Он подал карету к самым дверям, и мама с дядей Джоном вышли из гостиницы.

— Какая чудесная погода, — вздохнула мама, когда мы выехали из городка и направились по широкой, просторной дороге.

— Завтра может быть снег, — сказала я. — А в Вайдекре он, наверное, уже выпал.

Ночью все хорошо подморозило, и земля была твердой и гулкой под нашими колесами. Джем предложил отправиться по верхней дороге среди холмов до самого Петерсфильда, и мы рискнули попытать наше счастье, надеясь не застрять в грязи. И оказались правы. Мороз сковал грязь, превратив ее в лед, и мы были вознаграждены за свою смелость красотой самого чудесного пейзажа Англии: границ между Хемпширом и Суссексом. Разумеется, особенно чудесным со стороны Суссекса.

Большие дома стояли за изгородями из буковых ветвей, которые ухитрились сохранить свои коричнево-пурпурные листья. Трава под ними была белоснежной от инея, а каждая ветка склонившихся над дорогой деревьев казалась серебряным жезлом. Крохотные речки молчали, скованные льдом, и спокойно лежали под мостами. Было не слишком холодно, и ватаги ребятишек играли около домов. Такой же пейзаж окружал мой родной дом, и по сотне знакомых примет я уже знала, что земля у нас сухая и трескучая от мороза, но не слишком глубоко промерзшая. Воды Фенни высоки, но половодья нет, и на общинной земле много прогалин без снега, на которых можно посидеть, подставив лицо весеннему солнышку.

В Мидхерст мы спустились с крутого холма, установив тормоза на скользящих колесах. Мы проехали город нигде не задерживаясь, я только обратила внимание, что дома здесь были так близко расположены к дороге, что многих из них можно было бы коснуться кончиком кнута. Был ярмарочный день, и улицы оказались запружены народом, торговые ряды открыты, и товары продавались прямо на площади. Взглянув на цену пшеницы, я поняла, что она довольно низка — верный признак хороших запасов, сделанных торговцами, и спокойной, сытой зимы для бедняков. Там же стояла довольно большая толпа рабочих, ищущих работу. По некоторым из них было заметно, что они голодали. В отдаленном конце площади собралась небольшая кучка нищих, одетых в тряпки и синих от мороза. Один из них лежал на ступеньках лицом вниз, видимо, мертвецки пьяный. Когда мы проезжали мимо, я разглядела дыры в его башмаках.

Миновав окраины города, мы свернули на дорогу, ведущую в Чичестер. Мое сердце забилося чуточку быстрее, и я наклонилась вперед и прильнула к окну, будто впитывала кожей воздух родных мест, о которых тосковала так долго. Пение в моей голове было подобно благовесту колоколов, зовущих меня домой. Теперь я уже не поторапливала экипаж, поскольку леса с одной стороны дороги были лесами Вайдекра, а поля с другой ее стороны — его полями. Я была дома.

Дядя Джон улыбался мне.

— Вы похожи на жокея, участвующего в продолжительном забеге и наконец выигравшего его, — сказал он весело. — Можно даже подумать, что вы сами тянули карету, такое облегчение читается на вашем лице.

— Ну, конечно, — сказала я с чувством. — Это громадное счастье — быть дома.

Мы свернули к воротам у сторожки, и я помахала детишкам Ходжетов, высыпавшим на дорогу. Наконец мы оказались у Дауэр-Хауса, и я уже просто себя не помнила от радости.

— А теперь у меня для вас полтора сюрприза, Селия и Джулия! — воскликнул дядя Джон. — Взгляните, пожалуйста, как мы, холостяки, работали без вас, чтобы привести в порядок этот маленький домик.

Мы вошли и остолбенели. Перемена была полная. С тех пор как дядя Джон вернулся

домой, мама ни разу не покупала дорогих вещей для мебелировки дома. Но дядя Джон совершил чудо. Старая мебель, которая служила нам всю жизнь еще со времен Вайдекр Холла, была выброшена, маленькие коврики, расстеленные, чтобы сделать дом менее гулким и холодным, тоже исчезли. Их место заняли превосходные толстые ковры чистой шерсти, на которых стояла великолепная мебель, сделанная из тикового и махагонового дерева.

— Это чудо! — воскликнула мама. Дядя Джон распахнул дверь в гостиную, и перед нами предстала обновленная комната, стены которой были выкрашены свежей, бледно-голубой краской, карнизы сияли белизной, на сверкающем полу расстился превосходный белый ковер, а в середине комнаты стоял новый стол и четыре стула. Любимое мамино кресло находилось на прежнем месте, но оно было обтянуто новым бледно-голубым бархатом, в тон стульям, скамеечкам у подоконников и портьерам.

— Вам нравится? — тревожно спросил дядя Джон, не сводя глаз с мамино ошарашенного лица. — Это была чертовски трудная работа — подобрать цвета в тон! Из-за нее мы совершенно испортили себе нервы и уже собирались звать вас на помощь. Но не стали, очень уж хотелось сделать для вас сюрприз!

Мама не находила слов. Она могла только кивать.

— А посмотрите библиотеку! — довольный, как мальчишка, дядя Джон увел маму из гостиной. Все мое детство библиотека стояла пустая, у нас не было книг, чтобы заполнить пылящиеся полки, разве что несколько детских книжонок да мамины журналы из чичестерской библиотеки.

Сейчас все было по-другому. Стены сияли тисненными переплетами из кожи и сафьяна. В центре красовался большой полированный стол и тяжелые стулья вокруг него. Пара легких кресел стояла у камина, и неподалеку от них небольшой низкий столик.

— Это моя комната, — гордо сказал дядя Джон. — Вы, конечно, можете заходить сюда посмотреть мои книги, но только предварительно постучав и пообещав, что не станете шуметь.

— Я готова пообещать не только это, — подавленно сказала мама. — Но, Джон, вы, должно быть, потратили целое состояние! И это пока мы с Джулией покупали в Бате платье за платьем, снимали меблированные комнаты, ездили на вечера и развлекались как могли.

— Да, я так и знал, что отпускать вас одних было серьезной ошибкой, — мрачно заметил дядя Джон, но, увидев, как мама виновато потупилась, рассмеялся и, крепко обняв ее, сказал:

— Моя дорогая, у меня полно денег, и если этот дом вам придется не по душе в его новом виде, то я немедленно сниму для вас один дом в городе, другой — в деревне.

Мама улыбнулась и присела на один из роскошных стульев.

— Ну и хватит об этом! — заторопился дядя Джон. — Я предписываю вам теплую постель и отдых до обеда, который должны будут накрыть в вашей комнате. А теперь — марш наверх!

— Я пойду с тобой, мама, — предложила я. — Но потом мне нужно доставить ребяташек в Экр.

— Конечно! — отозвался дядя Джон. — И, пожалуйста, не забудьте переодеться в другое платье, вы ведь провели в этом — о! страшно сказать! — все утро.

— Да, да, как же это я упустила из виду, — подхватила я. — И вообще, пока я стою здесь, оно совершенно вышло из моды.

Дядя Джон рассмеялся, а я проводила маму в спальню и поднялась в свою комнату, где я провела все детство и юность, где я, бывало, пряталась, когда Ричард сердился на меня, где в мою жизнь вошли сны и где я рыдала, боясь, что меня считают помешанной.

Моя комната выходила на задний садик, выгон и фруктовый сад, за которыми виднелась общинная земля и высокая линия холмов на горизонте. Сумерки уже опускались на землю, солнце село, оставив за собой гряду розовых, жасминовых и лиловых туч. Ледяная звезда низко стояла в небе, сверкая, как алмаз.

Я распахнула окно и высунулась в сад. Холмы казались плотными, как клубки черной

шерсти, только по верхнему гребню проходила меловая черта экрского холма, спускаясь к деревне. Холодный воздух, казалось, обнимал мои щеки, обещая ночной холод. Где-то дважды ухнула сова.

Если я когда-то ощущала присутствие Беатрис, то это было именно здесь. И сейчас я тоже замерла в ожидании ее прихода. Дрожь в легком платье у раскрытого окна, я даже хотела его. Я ожидала того трепета, который обычно возвещал мне о нем, или же той беспричинной радости, которая овладевала мной, когда я становилась ею сама.

Ничего.

Ничего не происходило.

Не было ни дрожи, ни высокого пения в голове, ни видения. Я была спокойна. Никакие домовые не владели мной. Одна под небом Беатрис и на ее земле, я была совершенно спокойна и владела собой. Она не приходила ко мне незваной. Меня не одолевал ее беспокойный дух. Я слышала ее голос, когда нуждалась в нем. Во мне появлялась ее сила, когда мне было не справиться самой. Она приходила сюда, чтобы помочь мне. Я закрыла окно и вернулась в комнату.

Бат не сделал того, на что все они надеялись: мама хотела, чтобы я стала ее копией, дядя Джон хотел, чтобы я избавилась от черточек Лейси, Ричард хотел, чтобы я стала затворницей и не появлялась на его земле. Все они думали, что мною владеют непонятные страсти.

Бат не излечил меня от всего этого. Но он объяснил мне, что это никакая не болезнь, что голос Беатрис это помощь мне, а не проклятье, что я могу жить на ее земле гордо, как ее истинная наследница, избегать ее ошибок и поправить совершенное. Кроме того, Бат доказал, что я обладаю достаточной храбростью и привлекательностью, чтобы давать любовь и получать ее. Я позабыла предчувствия, овладевшие мною при расставании с Джеймсом, и рассказала маме, что люблю его и собираюсь выйти за него замуж. Она и дядя Джон были горды и счастливы. Ничто не стояло на моем пути к счастью. У меня не было причин бояться чего-либо.

Я достала маленькую деревянную сову Ральфа из сумочки и поставила ее на прикроватном столике. Сова Ральфа, сова Беатрис, моя сова. Я стану держать ее около кровати, этот символ их любви.

Оглядев комнату и найдя, что тут все в полном порядке, я стала спускаться по лестнице мелкими дамскими шагами — походкой, продиктованной мне требованиями последней моды.

Дети сидели на кухне, приканчивая свой чай и целую тарелку бутербродов.

— В Экре приготовились к встрече с вами, — говорила им миссис Гау, когда я вошла на кухню. — Несколько работников починили коттедж напротив церкви и приготовили его для вас.

Их лица сияли.

— Вы готовы в путь? — спросила я.

Ответом мне послужил стук спешно отодвигаемых стульев.

— Благодарим вас за чай, мэм, — сказала Роза Денч, со значением глядя на остальных. Нат и Джимми сдернули картузы в знак благодарности и поспешили на конюшню. Я накинула пальто и вышла вслед за ними.

— Вот это дорога в старый Вайдекр Холл, — стала показывать им я. — Запомните это. Там сторожка около ворот. Справа проходит дорога на Лондон и Чичестер, но мы с вами отправимся налево, в Экр.

Широко открытыми глазами дети таращились в окошки экипажа на вспаханные поля, фруктовый сад — все эти явные признаки перемен.

— А вот и Экр, — показала я. — Слева от тебя, Роза, коттедж Денчей, ты его, наверное, помнишь... — И вдруг оглушительный грохот, дробь барабана и даже вой трубы заглушили мои слова. Как будто целый полк шотландских горцев выступил в поход.

— Что бы такое?.. — начала я.

Экипаж, заскрипев, остановился, и улыбающееся счастливое лицо Ральфа показалось в окошке.

— Добро пожаловать! — сказал он. — Добро пожаловать, дети и вы, Джулия! Спасибо за то, что привезли их!

Дети выскочили из экипажа, не дожидаясь, пока опустят ступеньки, и затем Ральф подал руку мне. Весь Экр высыпал встретить ребятишек, в конце улицы был сложен, но еще не подожен огромный костер, и вдоль домов стоял широкий стол со множеством яств. Рядом с нами, изо всех сил надувая щеки, дули в трубы два трубача, а Мэтью Мерри выбивал дробь на барабане.

— Ральф! — воскликнула я, смеясь, но была близка к слезам. — О, Ральф! Я будто всю жизнь не была здесь!

И на глазах всего Экра Ральф притянул меня к себе и обнял так крепко, что я не могла дышать.

— Джулия Лейси, вы очаровательная девушка, и я так рад вас видеть! — шепнул он мне прямо в ухо.

— Мистер Мэгсон! Мисс Джулия! — укоризненный голос перекрыл завывание труб, и к нам приблизился доктор Пирс. Ральф, не торопясь, отпустил меня, а доктор Пирс не выдержал и сам засмеялся. — О Джулия! То, что вы сделали, это так замечательно! — сказал он и в свою очередь запечатлел поцелую на обеих моих щеках.

Я смотрела мимо него на людей, пришедших встретить своих детей. Розы стояла окруженная всем семейством Денчей. Я увидела среди них Клари. Малыши были особенно очаровательны, трогая пальчиками новое платье и пальто своей сводной сестры. Мать Клари была там же с новорожденным ребенком на руках, обнимая Розы и плача вместе с ней.

Семья Ната обнимала его и удивленно восклицала по поводу черных обводов вокруг его глаз. Только маленький Джимми стоял один. Он был сиротой, и потому его забрали из деревни одним из первых. Ральф оставил меня и, подойдя к нему, обнял за плечи.

— Я — Ральф Мэгсон, — услышала я его слова. — Мне чертовски нужен парень, который мог бы помогать мне. Но только смысленый парнишка, чтобы он был не дурак. Как ты думаешь, ты подошел бы мне?

— Да, сэр, — воскликнул Джимми, просияв. — Конечно, мистер Мэгсон. Я именно тот парень, что вам нужен, сэр.

Ральф удовлетворенно кивнул и похлопал мальчишку по плечу.

— Отлично, а теперь пойдём поедим!

Трубы и барабан рядом перестали играть, будто бы опустился невидимый занавес, и Мэтью Мерри подошел ко мне.

— Отлично сделано, Джулия! — воскликнул он и кинулся меня обнимать и обнимал до тех пор, пока неизвестно откуда взявшийся Тед Тайк не оттеснил его, а уж от объятий Теда моя шляпка совсем съехала набок.

Все двинулись к столу и принялись рассаживаться. Тут появилась Клари с горящим факелом в руке и подошла к Джимми Дарту.

— Разожги, пожалуйста, этот праздничный костер, — обратилась она к нему с улыбкой. — У тебя в деревне не осталось родственников, но каждый из нас — твоя семья. И мы сложили этот костер в честь твоего возвращения и возвращения твоих товарищей. Добро пожаловать к теплому огню и доброй пище. Пусть всегда Экр будет гостеприимным и уютным для вас!

Джимми важно шагнул вперед, взял факел из рук Клари и подошел к высокой поленнице. Она вся была облита смолой, и достаточно было только поднести огонь, как она вся вспыхнула высоким костром. Джимми испуганно отпрыгнул назад, чем вызвал хохот собравшихся.

Клари обернулась ко мне и обвила рукой мою талию.

— Дома все благополучно? — спросила она.

Будто тысяча жизней прошла с того дня, когда мы с ней гуляли по залитому лунным светом саду и я так боялась уезжать из дома. Почти так же сильно, как и оставлять его.

— Все хорошо, спасибо, — ответила я. — Как у тебя дела, Клари?

Ее лицо осветилось улыбкой женщины, которую любят и которая отлично это знает.

— Хорошо, — призналась она. — Пойдем присядем, ты расскажешь мне о Бате.

Вот так, в начинающих опускаться сумерках холодного зимнего дня веселился Экр. Они праздновали возвращение своих детей домой. А я праздновала свое возвращение, праздновала то, что меня любит хороший человек и еще целая деревня хороших людей, и то, что я наследница Лейси на своей родной земле.

Мама болела еще примерно две недели. Погода стояла скверная, холодная и промозглая до середины марта, и мама была рада оставаться дома у теплого камина.

Я тоже была довольна жизнью, хоть каждый день отправлялась верхом на поля, отсутствовала до самого обеда и возвращалась замерзшая до костей, а иногда и промокшая. Я была счастлива видеть, как краска возвращается на щеки мамы, и счастлива тем, что я тоже наконец дома.

Даже моя обеспокоенность по поводу размолвки с Джеймсом отошла на второй план, когда я однажды вернулась домой и увидела дядю Джона и маму, тайно чему-то улыбающихся и при этом жующих сдобные булочки.

— Не дразните ее, Джон, — сказала мама, когда я попросила их рассказать, в чем дело. — Скажите, что за визитер у вас сегодня был.

— О, пожалуйста, — с готовностью согласился дядя Джон. Он улыбнулся моему заинтересованному выражению лица и продолжал: — А впрочем, попытайтесь отгадать сами. Итак, кто к нам сегодня приезжал?

— Лорд-мэр Лондона? — тут же высказала свою догадку я.

— Нет, — был ответ. — Некто гораздо более важный.

— Ну, тогда Роберт Пейн?³ — предположила я.

— Нет, но тоже радикал, — усмехнулся дядя Джон.

— Кто-то, кого я знаю?

— Да-а, и довольно близко.

Я невольно покраснела и почувствовала, как забилося мое сердце.

— Кто-то из Бата? — спросила я насколько могла небрежно.

— Да.

— Марианна Фортескью? — сделала я ложный ход.

— Пф-ф, — фыркнул дядя Джон. — Не будьте ханжой, Джулия.

— Это был Джеймс? — прямо спросила я.

— Да, он приехал в дорожном экипаже и не смог остаться даже до обеда. Он отправился по поручению своего отца в Лондон, правда, не пояснил, с каких это пор кратчайшая дорога из Бристоля в Лондон лежит через Суссекс.

Я не могла поверить своим ушам.

— А что он сказал? Как он выглядел? Почему вы не послали за мной? Он видел Вайдекр? Понравился он ему?

Дядя Джон принялся методично загибать пальцы.

— Первое: он сказал, что хочет жениться на вас, любит вас и хотел бы, чтобы адвокаты уже начали составлять брачный контракт. Второе: на мой взгляд, он выглядел достаточно хорошо.

Я кивнула и опустила глаза.

— Третье: я не послал за вами, потому что он смог задержаться здесь только на час, а мы все понятия не имели, где вас искать. Четвертое: Вайдекр он видел мало, потому что мы с

³ Роберт Пейн — английский политический деятель конца XVII в. В своих трудах высказывал сочувствие французской революции. (Примеч. пер.)

ним отправились в Экр. Там он встретился с Ральфом Мэгсоном и справился о здоровье детей. Все они были на работе, кроме Розы Денч, которая бросилась ему на шею и благодарилась ему за спасение. И пятое — по-моему, самое интересное: он сообщил мне, что если наши планы насчет идеи общих прибылей достаточно серьезны, то он готов вложить сюда свой капитал, и если вы поженитесь, он избрет Вайдекр своей загородной резиденцией.

— О, — отозвалась я.

Мама протянула ко мне руки, и я скользнула к ее коленям и спрятала в них лицо.

— О, моя дорогая, — тихо промолвила она. — Я так рада за тебя. Ты у меня счастливая девочка.

— Да, — отозвалась я чуть слышно. — О да.

— Ну, будет, будет, — и она пригладила мои волосы. — Когда он собирается вернуться?

— В Лондоне ему придется пробыть всего два дня, — сказал дядя Джон. — Затем он отправится кораблем в Бельгию. Торговля его отца перекочевала на европейский рынок, и у Джеймса есть некоторые дела в Брюсселе. Он пообещал написать тебе письма, но свой адрес не смог оставить. Еще он сказал, что собирается вернуться примерно через восемь или девять недель. Тем временем наши адвокаты будут заниматься составлением брачного контракта, так чтобы вы могли пожениться как только пожелаете.

Я сразу подняла голову.

— Мы пожелаем как можно быстрее.

— Нет, она, пожалуй, не слишком застенчива, не правда ли? — улыбнулась мама дяде Джону.

— Что и говорить, — ответил он.

— Вам потребуется, по меньшей мере, два месяца, чтобы были готовы наряды к свадьбе, а также достроен Вайдекр Холл, — вмешалась мама. — Даже если вы хотели бы спокойно обвенчаться в этом доме, то и тогда понадобится сделать очень многое. А может быть, ты предпочитаешь венчаться в Бате, Джулия? Или в Бристоле?

— Только здесь, — сказала я без тени сомнений. — Здесь, в нашей приходской церкви и с балом прямо на улице деревни. Здесь, где мы собираемся жить и любить друг друга всю нашу жизнь.

Произнеся эти слова, я улыбалась, но какой-то странный холод пробежал по моей спине. Казалось бы, все шло хорошо. Джеймс вернется из Бельгии и приедет прямо сюда, в Вайдекр. Мы найдем подходящее место, чтобы построить наш собственный дом, я уже знаю не меньше дюжины таких мест, и поженемся. Препятствий не будет никаких, ибо обе семьи уже дали свое согласие. Больше того, этот брак кажется просто идеальным со всех сторон! Деньги Бристоля и земля Суссекса! И я знала, что в лице Джеймса Экр получит доброго хозяина, который все свое время и деньги отдаст на совершенствование нашей идеи. Ничто не может помешать нам.

Но сердцем я чувствовала, что этого никогда не случится.

Глава 18

— Я пишу письмо Ричарду, — обратилась ко мне мама в тот же вечер. — Ты не хочешь написать ему две-три строчки?

— Хочу, — согласилась я.

Я регулярно писала Ричарду из Бата, но он ни разу не ответил мне. Его занятость на строительстве Холла и в деревне была достаточно уважительной причиной.

Затем, когда на стройке все пошло своим ходом, он уехал в университет. Я знала, ему известно от дяди Джона, что у меня в Бате много друзей, и он, безусловно, слышал о Джеймсе Фортескью. Но мне не было известно, догадывается ли он, что дело обстоит так серьезно.

Я была влюблена и, следовательно, самонадеянна. Я была счастлива и не боялась, что кто-то может отнять у меня счастье. Неприкрытая враждебность Ричарда по отношению ко мне, высказанная им перед моим отъездом в Бат, уже казалась мне частью прошлого, когда я весь мир ощущала враждебным и грозным. И, конечно, я простила ему его алчную страсть к Вайдекру. Мы оба выросли здесь, и сейчас я была помолвлена с самым лучшим человеком в мире. Я могла найти в себе силы быть великодушной к Ричарду. Поэтому я с легким сердцем написала моему кузену, что счастлива сообщить ему о своей помолвке и что мой жених полюбит Вайдекр так же, как люблю его я.

Я написала, что хотела бы видеть их друзьями. Даже паря в эмпиреях, я отдавала себе отчет в том, что Ричард всегда желает быть только первым. Но я подумала, что если они с Джеймсом встретятся без предубеждения, то смогут оценить друг друга. В любом случае, особенно много писать у меня не было возможности, поскольку Ральф Мэгсон ждал меня на лугу у Трех Ворот, где у нас прежде рос дикий чеснок, а теперь мы собирались сажать пшеницу.

Со дня моего возвращения из Бата я пропадала на полях с утра и до обеда, проверяя посадки, организуя рытье канав, сооружение изгородей, прополку полей. Дороги были непроходимыми для экипажа, и дядя Джон считал необходимым оставаться дома, наблюдая за маминым выздоровлением. Поэтому работа лежала целиком на мне — и, конечно, на Ральфе Мэгсоне.

Он учил меня. Он учил меня, как человек, держащий в руках поводья, учит новичка управлять лошадьми. Не было ни одной нашей встречи, на дороге ли, около амбара с семенами или на мосту через весеннюю Фенни, во время которой он бы не объяснил мне что-нибудь новое о земле, о сезонном перелете птиц или об ожидаемой погоде.

Он был требовательным учителем, обращаясь со мной как с начинающим сквайром. Мы совершали долгие прогулки, во время которых он рассказывал мне все и о болезнях деревьев, и о грибах-паразитах, и о сорняках. И всегда мы спорили. Спорили о том, кто должен владеть землей и какими правами он должен обладать.

Мы спорили о браконьерах, о сборщиках колосков, о справедливой оплате, о правах арендаторов. Уступки лендлорду отнимают у работников часть их законных прав, считал Ральф. Он сопротивлялся каждому нашему требованию, пока однажды я не вспылила и не сказала ему, что он вовсе не наш управляющий, а агент деревни.

— О, конечно, — невозмутимо ответил он. — Я работаю для пользы Экра. Меня ничуть не волнуют прибыли Лейси.

Я изумленно возрилась на него. Мы скакали вдоль свежесеянного поля пшеницы, проверяя на ходу крепость новых изгородей.

— Но, между прочим, жалованье вам платим мы, — сухо ответила я, сама понимая, что использовать такой аргумент в споре с Ральфом значит сразу даровать ему победу.

— Не будьте глупой, мисс Лейси, — усмехнулся он. — Ни одно жалованье не могло бы компенсировать предательство мною интересов моих сограждан. И вы прекрасно знаете это.

— Почему же вы тогда согласились работать с моим дядей Джоном? — требовательно спросила я. — Он ведь нанял вас в качестве управляющего поместьем Лейси.

— Я так и работаю, — уверенно ответил он. — Дело в том, что будущее Лейси полностью зависит от того, как будут жить люди в деревне.

Мы повернули лошадей и поскакали по широкой песчаной дороге, огибающей общинную землю. По обочине она сплошь заросла кустарником и вереском.

— Это нужно срубить, — сказал Ральф, указывая на голые ветви. — Весной они разрастутся еще больше, и если случится пожар, то он охватит все вокруг. В конце этой недели я пришлю сюда пару человек.

— Не уводите разговор в сторону, мистер Мэгсон, — с шутливой серьезностью сказала я. — Вам прекрасно известно, что дядя Джон планирует совместное деление прибылей, но никто не собирается передать все права деревне. Я думаю, вы не предполагали, что он собирается подарить наш великолепный Вайдекр деревне.

Ральф спокойно улыбнулся своей неторопливой улыбкой.

— Действительно, не предполагал. Ваш дядя — хороший человек, но он был рожден в богатстве и знает ценность этой земли. И он никогда не расстанется с ней.

— А на что же вы надеетесь? — непонимающе спросила я.

— Я надеюсь, что вы отдадите ее, — Ральф произнес это так, будто это было самой простой вещью на свете.

Он направил лошадь в парк и, переведя ее в галоп, заставил легко перескочить через недавно возведенную стену. Неотступно следуя за ним, я не заметила стены и чуть было не свалилась с Мисти, когда та неожиданно совершила прыжок, не ожидая моей команды.

— Я отдам? — спросила я, нагоняя его. — Вы считаете меня способной отдать Вайдекр в чужие руки? И это после того как вы говорили о необыкновенной любви Лейси к своей земле?

— Именно, — спокойно ответил Ральф и хмыкнул, глядя на мои гневно разругавшиеся щеки. — Не сердитесь, мисс Джулия. Я действительно считал, что вы не настоящая Лейси, когда видел, что вы готовы уступить свою долю и превратить саму себя неизвестно во что. Но то, что я планирую насчет вас и Вайдекра, это не для молоденькой беспомощной девчонки. Это путь, которым должна идти вся страна, чтобы избежать жестокости и горя.

Копыта лошадей гулко стучали по мерзлой земле, будто подтверждая каждое его слово.

— Вот, смотрите, — сказал он, неожиданно становясь серьезным. — Мы живем в жестоком мире. Вам знакома нищета Экра, и мне не нужно рассказывать вам, что творится в других местах. Целая деревня может умереть от голода, и никому до этого не будет дела. Вокруг умирает множество людей — детей, стариков, — умирает от холодной погоды, от пустяковой простуды, только потому, что их тела слишком слабы, чтобы бороться с ними. Вы сами видели это.

Я кивнула. Я действительно видела все это.

— И так не только в Экре, — его голос звучал очень тихо. — Такие вещи происходят по всей стране. Иногда несчастье приходит случайно — неурожай, безответственный сквайр, отсутствие благотворительности. Но иногда хуже. Посмотрите, что творится к северу от наших границ, там, где лендлорды решили очистить свою землю от людей — и они сделали это.

— Очистить? — не веря свои ушам, переспросила я.

— Им нужны пастбища для овец, — объяснил Ральф. — Или лесные уголья для дичи. А тут, поближе к нашему Вайдекру, им просто нравится красивый пейзаж. И если этому мешает одна или несколько деревень, то их просто сносят. Или сжигают.

— А крестьяне?

— Некоторые из них уезжают, когда их просят, — ответил Ральф. — Они становятся бродягами, поскольку приход не заботится о них. Другие отказываются уехать и пытаются судиться с лендлордами. — Он невесело улыбнулся. — Но это очень болезненный процесс. Законы писались лендлордами, суды созданы лендлордами, и судьи — тоже лендлорды. Выходит, что они должны судить сами себя.

Я ничего не сказала. Однажды я слышала, как мой дедушка лорд Хаверинг возмущался тем, что человека приговорили к смерти за то, что он украл булку, чтобы накормить свою голодающую семью. Я понимала, что Ральф имеет в виду. Некоторые из последствий выбранного нами образа жизни я видела на улицах позади Рыбного Мола.

— Некоторые из жителей этих деревень отказываются трогаться с места, — продолжал он. — Я слышал о людях, сгоревших заживо, когда сжигали деревни. И о безобразных битвах между голодными людьми и вооруженными солдатами. Такое случается, Джулия. К этому приводит власть лендлорда. Вот почему я хотел гарантий от тебя и Ричарда.

— Я никогда не допущу, чтобы такое произошло в Вайдекре, — яростно сказала я.

— Вы не совершенны, — просто сказал Ральф. — Ваш жених, этот Джеймс Фортескью, возможно, захочет ввести новые методы хозяйствования или, наоборот, ощутит тягу к

живописным пейзажам. Или вам не будет хватать денег и вы решите продать землю, или же нарушите ваши соглашения с Экром и заставите их работать за поденную плату. Вы не можете заранее предсказать, что придет вам в голову, когда вы получите в руки власть.

Я ждала. Ральф подводил меня к какой-то мысли, но я не могла понять к какой.

— Вы можете избавиться от этой власти, — сказал он торжественно. — Вы не должны удовлетвориться идеей, которую придумал Джон, и тем, что некоторые из арендаторов станут чуть-чуть богаче. Это займет годы, годы и годы и, возможно, не осуществится вообще. Стоит хоть одному из Лейси передумать, и все созданное нами пойдет насмарку. Я хочу видеть эти перемены уже сейчас, при моей жизни. Я хочу, чтобы именно вы были тем Лейси, который сделает это. Вы вернете землю Экру, и каждый человек в деревне получит право решать, что с ней делать и что на ней будет расти. Никто не будет получать жалованья, все они будут иметь равную долю в прибылях. Вашу же долю в прибылях обеспечит вложенное вами состояние. Все поместье будет отдано назад людям, которые владели им до Лейси, чтобы они управляли им по своему собственному усмотрению.

Я непонимающе смотрела на Ральфа.

— И вы хотите, чтобы я это сделала? — спросила я.

— Угу, — улыбнулся Ральф. — Сумасшедший план, правда?

И он пустил лошадь в галоп, как будто не имел никаких забот. Я поскакала следом.

— Из этого ничего не получится, — сказала я.

Ральф усмехнулся.

— Они не будут беречь землю, — принялась объяснять я. — Они откажутся держать ее под паром. Они станут сажать только овощи для себя. У них не будет денег, чтобы купить хорошие семена или новый скот.

— Не бойтесь, — возразил Ральф. — Все это заставит их делать вложенный вами капитал.

— Капитал? — возмутилась я. — С чего это я стану вкладывать деньги в то, что еще, может, не принесет пользы?

Ральф резко осадил лошадь и встал на моем пути.

— Да потому, что есть более важные вещи, чем два процента годовых, — он свысока глядел мне в лицо со своей громадной лошади. — Потому что вы — привилегированное лицо в стране, где люди голодают и где нет мира для вас. Потому что вам уже стало известно: невозможно быть счастливым, когда рядом тысячи несчастных. Потому что вам останется либо веселиться от собственного богатства, забыв, что рядом живут несчастные, либо ожесточить свое сердце. И в нашей стране много таких знатных людей, которые преуспели в этом. Они уверили себя, что богаты вследствие своего ума или своих добродетелей. Они внушили себе и другим, что бедные — бедны, потому что глупы и ничего другого не заслуживают. И когда это произошло, страна разделилась на две враждующие стороны. И обе стороны достаточно безобразны.

Я не могла спорить с Ральфом. Я помнила самодовольство в голосах богатых людей и слышала отчаяние в голосах бедных. Я не хотела быть ни на одной из этих сторон.

— У нас ничего не получится, — неуверенно протянула я.

— Пфу! — фыркнул Ральф и повернул лошадь к дому. Уже почти стемнело, на землю опустились ранние весенние сумерки, сиреневое небо исчертили грачи, носясь с полными клювами от дерева к дереву, в лесу ворковали голуби. До нас донеслась чистая, как голос флейты, песня дрозда.

— Ничего не получится, — повторила я.

— Это сейчас ничего не получается, — ответил Ральф так, будто бы мое утверждение требовало его ответа. — Тысячи несчастных умирают от нужды в деревнях, сотни — от пьянства и голода в городах. Едва ли это можно назвать словом «получается».

Пока я обдумывала ответ, мы оказались у ворот Дауэр-Хауса. Ральф не собирался заходить к нам, но подождал, пока Джем не поможет мне спрыгнуть с седла.

— Вы не... сердитесь на меня, мистер Мэгсон? — спросила я, глядя на его

потемневшее лицо под треугольной шляпой. И оно сразу просветлело, он улыбнулся мне.

— Благослови вас Господь за вашу наивность, Джулия, — светло сказал он. — Вы преисполнены такой важности, что полагаете себя в ответе за все бедствия со времен Нормана Завоевателя. Я не сержусь на вас, мисс Тщеславие. И если я когда-нибудь и сердился, то не на вас. — Он помолчал, изучая мое лицо. — И если когда-нибудь я позволю себе что-нибудь подобное, то прошу вас простить мне мой кислый юмор. Хорошо? Я помедлила. Уезжая в Бат, я была наивной девчонкой, которая с тревогой ловила на лице Ральфа знаки неудовольствия. Вернулась я уверенной в себе и в своих чарах женщиной.

— Пожалуй, — протянула я, улыбаясь и сощутив глаза.

— Не пожалуй, а непременно, — и Ральф усмехнулся своей бесшабашной, смелой улыбкой. Затем наклонился и, приподняв меня за локти, перед окнами Дауэр-Хауса, запечатлел на моих щеках по звучному поцелую, будто бы я была горничной. Потом опустил меня на землю, приподнял шляпу и ускакал в деревню.

Я бросила испуганный взгляд на окна дома, проверяя, не увидела ли меня мама, грозно нахмурилась Джему, усмехавшемуся при виде моего смущения, гордо задрала голову и направилась вприпрыжку к дому, внутренне смеясь от дерзости Ральфа Мэгсона.

Я была так занята той весной, что если бы и захотела томно грустить, скучая по Джеймсу, то едва ли нашла бы свободную минутку. Дядя Джон и законники Чичестера скрупулезно составляли контракт, заключаемый между рабочими, арендаторами и владельцами Вайдекра. Присутствовать при подписании контракта хотела и я, чтобы все могли убедиться, что я даю мое слово, так же как дает его Экр. Я провела много часов в библиотеке с дядей Джоном, чтобы убедиться, что я все правильно понимаю, что сроки личной аренды, величина вкладов в общественный фонд, время выплат для покупки семян и оборудования, величина процентов, которые мы были намерены платить, не остались без внимания. И часто случалось, что, проверив какой-нибудь договор, я восклицала:

— Дядя Джон, помимо своего долга нам, этот арендатор обязан еще выплачивать долю на содержание бедных и десятину. Это слишком много для него. Нам следует растянуть эту выплату по крайней мере на несколько лет.

Дядя Джон внимательно изучал цифры и часто соглашался со мной.

— Вы правы, Джулия! Но, имейте в виду, это уменьшит долю Вайдекра!

Между дядей Джоном, Ральфом и мной часто происходили длительные совещания в библиотеке над расстеленной картой Вайдекра. Ральф прекрасно знал землю и мог с точностью предсказать, где какие культуры станут расти на наших меловых почвах. Дядя Джон же много читал о сельском хозяйстве да и жил здесь прежде. Я больше помалкивала, но держала глаза и уши открытыми, чтобы узнать как можно больше из этих долгих, дружеских разговоров.

Мы с Ральфом беспрестанно были в работе, то проверяя овец, то оставаясь в деревне для того, чтобы понаблюдать за приведением в порядок канав и изгородей, разрушенных в годы нужды. Мы хотели, чтобы земля была надежно защищена и от набегов овец, и от половодья и чтобы все было готово к боронованию.

Нам следовало закупить оборудование. То, что осталось после разорения Лейси и после последнего урожая, было продано или обменено на ничтожное количество продовольствия во время нужды в Экре. Мы должны были покупать новые плуги, новых рабочих лошадей, новые семена. Нужно было научить целое поколение молодых людей управлять лошадьми и следовать за плугом, поскольку они никогда не видели, как это делалось их отцами.

— У нас ничего не получится, — говорил иногда мне дядя Джон, когда я возвращалась домой, уставшая после целого дня, проведенного в седле, и со списком дел, которые нужно было переделать прежде, чем установится весенняя погода и начнется настоящая работа. — По крайней мере, в этом году.

Но во мне появилась непоколебимая уверенность. В таких случаях я улыбалась дяде Джону, как старшая, и говорила:

— Все получится, дядя Джон! И мистер Мэгсон так говорит, и я уверена, что у нас все

идет хорошо. Все в Экре работают целыми днями, чтобы приготовить землю к вспашке. У нас не может не получиться!

И как будто бы всех этих хлопот было недостаточно, купленные дядей Джоном овцы стали ягниться. Мы потеряли двух или трех ягнят и даже одну матку, потому что держали их на нижних пастбищах, когда было холодно. После этого Ральф заявил, что овцы должны быть переведены под крышу, чего бы это ни стоило.

Амбар, который использовали осенью, стал слишком мал для разросшейся отары и к тому же находился очень далеко. Все старые сараи были разобраны много лет назад на дрова. И поэтому нам пришлось разместить овец в пустых стойлах нашей конюшни рядом с Дауэр-Хаусом. Запах был ужасающий, а шум, который они создавали, — просто невообразимый. Мама как-то сказала, что она никогда не читала стихов о жизни пастухов с большим удовольствием.

— Ах вы наша пастушка! — усмехнулся в ответ дядя Джон.

В ту весну нас никто не назвал бы приверженцами светских манер и хорошего тона.

— Мы — пионеры, — ответила мама, и я еще больше полюбила ее за понимание важности нашей работы, за то, что мы в самом сердце Англии создаем новую страну, в которой каждый будет свободен от ошибок прошлого и может попытаться сделать будущее новым и чистым.

— Сквайр Джулия, — иронично окликнула меня Клари Денч, когда мы встретились однажды на улице Экра. Она только что отнесла отцу обед и теперь возвращалась домой с кувшином и тарелкой под мышкой. В эти дни он работал на рытье канав, и Клари вся была заляпана мокрым песком.

— Ты бы еще сделала мне реверанс, — недовольно сказала я. Я выглядела лишь немногим лучше, чем она. В те дни я носила старую кремовую амазонку, теперь потерявшую прежний вид, грязную на подоле и там, где я прихватывала ее пальцами. Я шла пешком, ведя на поводу двух рабочих лошадей в кузницу подковать. Идти было ужасно неудобно, поскольку грязь налипала при каждом шаге на мои башмаки. За исключением того, что ботинки Клари были более старыми и подошвы на них уже оторвались, обе мы оказались грязными до бровей, и вряд ли кто-нибудь мог с уверенностью отличить юную леди Вайдекра от деревенской девчонки.

— Ну у тебя и вид! — рассмеялась Клари.

— Я знаю, — сокрушенно призналась я. — Я уже едва помню Бат, хотя прошло совсем немного времени с тех пор, когда я была там.

— А помнишь время, когда наша деревня совсем пропадала? — спросила она. — Никто не может сказать, что сейчас у нас легкая жизнь, но по крайней мере мы знаем, для чего это все делаем. Весной мы все засеем, а в августе соберем урожай, и будет большой праздник. Раньше так бывало всегда. Мои папа и мама только и говорят что о себе и о мае.

— Май! — воскликнула я, с трудом останавливая лошадей. Люди очень любят представлять рабочих лошадей эдакими добрыми гигантами, но что касается этих двух кляч, то они казались мне какими-то полуидиотами, без капли мозгов в головах и к тому же глухими. — Стойте, вы двое! — сердито прикрикнула я. — А что бывает в мае?

— Праздник Троицы, — объяснила Клари. — Когда оканчивается сев и все другие весенние работы. Тогда люди празднуют приход весны. Все молодые мужчины и женщины, парни и девушки ночью поднимаются на холм и встречают там рассвет. Они остаются до утра в лесу и отмечают приход весны. А потом плетут венки из боярышника, украшают их лентами и потом относят домой.

— О, — протянула я. Все это звучало довольно незамысловато. — И больше ничего, Клари?

Она лукаво улыбнулась. Мы обе уже не были теми маленькими девочками, которые когда-то дрались в лесу.

— Ну, — неопределенно ответила она. — Конечно, не случайно большинство свадеб играют в ближайшие месяцы. Ты сама понимаешь, что многое может произойти до восхода

солнца, Джулия. Там нет никого из старших, и никто не станет плохо думать о двоих, уединившихся в лесу. Это не считается позором, поскольку это же май.

Я чуть улыбнулась. Конечно, я была ребенком по сравнению с Клари, которая уже помогала при родах и недавно похоронила свою мертворожденную сестричку. Клари, как и другим детям Экра, было все известно о похоти, о деторождении и о смерти, в то время как мы с Ричардом оставались сущими детьми в своем Дауэр-Хаусе. Но теперь мне уже были знакомы объятия Джеймса, я помнила прикосновение его губ и даже хотела испытать это вновь. К тому же Беатрис вложила в меня свой опыт и свои желания, поэтому я улыбнулась Клари в ответ и тихонько сказала: «О!», будто бы я была не сквайром и не мисс Джулией, а девушкой, подобной ей, способной с радостью давать и принимать любовь.

— А ты не пойдешь с нами? — приглашающе спросила она. — В этом нет ничего плохого. Многие девушки идут туда встречать рассвет, плести венки.

— Мне бы очень хотелось, — ответила я.

— Тогда я скажу им, что ты пойдешь с нами. Может быть, тебя сделают королевой мая. Обязательно передай маме и дяде Джону, что в это время несколько дней никто не будет работать.

— Хорошо, передам, — сказала я и тронула поводья.

— Это будет целый фестиваль, — сказала Клари и взялась за поводья с другой стороны, чтобы помочь мне отвести лошадей к кузнице. — Все будут одеты в костюмы, и потом состоится большой пир. Те фермеры, у которых есть деньги, наймут оркестр, а те, у кого их нет, принесут еду для пира. Весь Экр отправится в гости в Хаверинг, или в Синглтон, или в Амбершем, и там везде будут танцы, бесплатная выпивка и бесплатная еда. А на следующий год будем принимать другие деревни мы. Наш Экр столько лет не плясал на вечеринках, что в этом году наша очередь ходить в гости.

— А кто такая королева мая? — поинтересовалась я.

— Она — королева праздника. На ней будет надета корона из боярышника, и она сможет носить ее всю весну, и пойдет первая за плугом, и будет начинать первая все танцы. И если я скажу им, что ты собираешься прийти, то это наверняка будешь ты.

Я просияла.

— Обязательно скажи, Клари. Я наверняка приду, это все звучит так забавно. И я непременно передам маме и дяде Джону про праздник.

Клари кивнула и помогла мне завести лошадей на кузню, потом помахала на прощанье и пошла домой. В этот день я опоздала к обеду, но все последние дни я так усердно работала, что опаздывала к обеду каждый день.

Сев в этот год долго не начинали, такой твердой была земля после морозов и такой влажной от снега. Назначить день должны были мы с дядей Джоном и Ральфом.

— Пусть это будет в день рождения Джулии, на счастье! — предложил Ральф.

Мы сообщили деревне, когда начнется сев, и скрестили пальцы, чтобы не сглазить удачу, поскольку в деревне давно забыли, как сеять и жать урожай, а помнили только тот год, когда посеяли боль и пожалы бунт.

За ночь ветер потеплел. Утреннее солнце разорвало клочки снежных туч, и запахло соленым воздухом моря. Когда я выглянула в окно моей спальни, шатер неба надо мной сиял опаловой голубизной и солнце заливало землю по-весеннему желтыми лучами.

— С днем рождения вас, мисс Лейси, и с погожим сухим днем, — сказала миссис Гау, когда я пришла на кухню попросить еще чашечку кофе. Она имела в виду стирку, я — землю, но наше удовлетворение было взаимным.

— Спасибо, — ответила я. — У нас сегодня сев, меня не будет весь день.

Она приветливо подняла голову.

— Если хотите, я попрошу Джема, чтобы он привез вам в поле завтрак, — сказала она с необычной добротой. — Не станете же вы возвращаться домой, едва начав работу.

— Благодарю вас, миссис Гау, — удивленно поблагодарила я, и она послала мне одну

из своих редких улыбок.

— Все говорят, что вы много работаете на земле, мисс Джулия. Вас сравнивают с мисс Беатрис, когда она была девочкой. Мне не так уж нравится, когда женщины занимаются землей, но я знаю, что вы это делаете ради мастера Ричарда.

С этим я могла бы поспорить. Уж если на то пошло, я это делаю ради приданого для Джеймса. Или для того, чтобы вернуть отнятое людям, которые работали на земле. Но по правде сказать, в те дни я работала по зову инстинкта, примерно так же, как овчарка стережет овечью отару: я не могла бы и делать что-то другое. Для меня это было так же естественно, как дышать. Но я придержала язычок, улыбнулась миссис Гау и выскользнула за порог.

И сразу же пейзаж и воздух Вайдекра обрушились на меня подобно водопаду. Стоящий впереди огромный кедр покрылся легчайшим газовым облачком зелени, и пахучий сок капал из свежего надреза на его стволе. Из лесочка позади дома доносилось хрипловатое настойчивое воркование лесных голубей, пробующих свои голоса после сезона молчания. За кедром виднелся пaddock и фруктовый сад, в котором бутоны на яблонях были пока крохотными, как рисовые зернышки, но обнадеживающе малиновыми. Земля на старом лугу, превращенном в поле, была белой от инея, но с подветренной стороны изгородей виднелись зеленые росточки, и за ними слева от меня лежала общинная земля, закругляющаяся как большая конфета, желто-коричневая от прошлогоднего вереска и чуть зеленеющая в спящих оврагах.

Справа от меня, к югу, возвышались склоны пологих холмов, словно бархатно-зеленые плечи великана, охраняющего мою землю. И хоть я не видела их, но точно знала, что сейчас там на свежей травке пасутся отары овец с новорожденными ягнятами. Я вступила в сад, окунулась в запахи, звуки и тепло утреннего весеннего Вайдекра и почувствовала, что плечи мои расправились, губы улыбнулись и лицо, подобно цветку, повернулось к солнцу.

Несколько минут я стояла здесь как бы в полудреме, и затем — над пением птиц, над пульсом моего собственного сердца (возможно, это билось сердце земли) — я услышала высокое сладкозвучное пение, будто сама земля звала меня к себе.

Ральф давно уже был в поле. Начали мы работу с луга у Трех Ворот, составили команды пахарей, проверив запасы семян, остроту новых плугов, настроение людей, из которых одни пахали последний раз пятнадцать лет назад, а другие не провели в жизни ни одной борозды. Я еще раз оглянулась вокруг: никто не мог бы нарушить связь между всем моим существом и Вайдекром, бывшим тоже частью моей плоти и крови.

Я соскользнула с лошади и привязала ее к воротам. Сеятели уже вышли в поле, и их огромные холщовые мешки с семенами выпячивались впереди, будто животы беременных женщин. Провести первую борозду выбрали Джимми Дарта, потерянное дитя Экра. И когда я прошла через ворота, плуг двинулся мне навстречу, оставляя позади довольно кривой след, поскольку держали его руки долго голодавшего мальчишки.

— Бог в помощь! — воскликнула я. Все вокруг словно ждали этого момента, чтобы радостно прокричать в ответ: «Бог в помощь!»

Клари стояла неподалеку, с ее плеча свисал такой же огромный мешок, как у других, и она сделала мне знак подойти и забрать его.

— С днем рождения, Джулия! — любяще произнесла она. — Я жду тебя. Тебе следует бросить в землю первые семена. Все просят тебя об этом. Это будет добрый знак. Возьми полную горсть и разбрасывай семена кругом.

Наполовину согнувшись под тяжестью мешка, я подождала, пока Джимми закончит первую борозду. Громадные лошади, наклонив головы, тянули плуг, явно зная свою работу лучше, чем Джимми. Я ступила в борозду и почти утонула в ней, придавленная тяжестью мешка. Семена, чуть влажные и бледные, скользнули в мою ладонь, и я широким округлым жестом разбросала их. Мне хотелось, чтобы они долетели до самых границ моей земли, чтобы никогда здесь больше не было голода и нужды.

Снова и снова я доставала семена щедрой рукой и подбрасывала их в небо, будто

кормила чаек, чтобы на моей земле никогда больше не слышно было плача, даже плача чаек. Когда семена рассыпались серебряной рекой и падали в жирную почву Вайдекра, в моей голове раздавалось сладкое пение, и я чувствовала себя такой сильной, могущественной и доброй, что не удивилась бы, если бы они прямо на глазах дали ростки.

Я ничего не слышала вокруг, так я была поглощена своим делом и зрелищем кружащихся в воздухе семян, как вдруг мне послышалось, что кто-то зовет меня, и я оглянулась. У начала поля, соскользнув с лошади, с вьющимися черными волосами и сияющими глазами, стоял Ричард.

И как во сне я пошла к нему, все еще зажав в руках пригоршни семян. Он казался центром того мира, сердцебиение которого я слышала сегодня утром. Его ноги казались корнями, вросшими в землю Вайдекра, его голову пригревало вайдекрское солнце.

Когда я шла по меже, грязь липла на подол моей амазонки и ботинки утопали в земле. Ричард протянул руки и подтянул меня к себе, не говоря ни слова. На глазах всего Экра, глядящего на нас, я подняла к нему лицо и позволила поцеловать меня долго и страстно.

Его руки крепко прижимали меня к себе, а полы дорожной накидки захлестнули нас, будто бы спрятав. Я просунула руки под накидку и обняла его горячую жаркую спину так крепко, будто тонула в реке. Его голова опустилась чуть ниже, я приоткрыла рот под его губами и ощутила вкус его языка.

И тут же, словно он оказался ядом, я отпрянула назад, вырываясь из его объятий. Безразличная к тому, что он подумает, я вытерла грязной ладонью свой рот, стремясь стереть горечь этого поцелуя.

— Не надо, Ричард! — строго воскликнула я, и чары бездумной радости оставили меня.

Лицо Ричарда почернело.

— Я получил твою записку... — начал он.

Но тут раздался предупреждающий возглас Клари:

— Смотри, Джулия, вон твоя мама!

Я отступила еще на шаг и виновато взглянула на дорогу. Экипаж дяди Джона свернул с дороги и приближался к нам, но я поняла, что они не видели ничего, кроме приветственного объятия, которым обменялись мы с Ричардом. Я стояла вся красная от стыда и не могла поднять глаз от земли. Мне стыдно было взглянуть на людей, из страха, что кто-то из них улыбнется мне или подмигнет Ричарду. Не боязнь маминого неодобрения заставила меня отпрянуть от него. Это сделало чувство, что его прикосновение — которое мне так нравилось когда-то — несло в себе зло.

Я не смотрела на Ричарда, мне было безразлично, что он думает. Но когда я вспомнила о Джеймсе и о себе как о его нареченной, меня бросило в жар, и я опустила глаза.

Но Ричард не растерялся. Он всегда умел выходить из трудных ситуаций, и сейчас, отвернувшись от меня, легкими шагами пошел к экипажу.

— Тетушка-мама! — воскликнул он с восторгом и встал на ступеньку, чтобы поцеловать ее. — Папа! — потянулся он пожать руку Джону. — Вы можете счесть меня невежливым, но, когда я ехал домой, мне сказали, что сегодня первый день сева. Ни за что на свете не хотел бы я пропустить такое событие. Приезжаю и вижу, как в середине поля стоит Джулия и разбрасывает семена так, как будто она кормит чаек.

Дядя Джон рассмеялся.

— Мы приехали посмотреть церемонию первой борозды, но вижу, что опоздали. — Он кивнул Ральфу, подошедшему поздороваться с ним. — Добрый день, мистер Мэгсон. Прибытие Ричарда к дню рождения Джулии и к севу — сюрприз для нас.

Ральф кивнул маме и Ричарду. Я знала его достаточно хорошо и была уверена, что он ни слова не скажет о том, что я только что обнимала Ричарда, будто мы были давнишними любовниками. Да и никто в Экре не выдаст меня. Только Ральф знал, что я помолвлена с другим человеком и что Ричарду не следует ко мне приближаться, но Ральф меньше чем кто-либо другой придавал значение таким вещам. Я двинулась к плугу и, взглянув на Ральфа, сделала страшные глаза, чтобы он не дразнил меня. Но с таким же успехом я могла бы

просить солнце остановиться.

— Потаскушка, — прошептал он провокационно, и я опять покраснела и нахмурилась.

Никто не ожидал, что я останусь завтракать в поле, но я была упряма.

— Поезжай домой, Ричард, — спокойно сказала я, — тебе еще надо заняться своими вещами. Позавтракаешь с мамой и дядей Джоном. Я вернусь домой как только смогу. Сегодня я обещала весь день работать. А если захочешь опять приехать, то я буду на лугу у дуба. Я не могу оставить вспашку, работы только начались, и одному человеку за ними не уследить.

Дядя Джон кивнул в знак одобрения, но я увидела, как тень пробежала по лицу Ричарда.

— Я вижу: все отступает для тебя на второй план в сравнении с урожаем, — сказал он.

— Нет, это не так, — возразила я мягко. — Просто я обещала работать с людьми и не могу нарушить свое обещание.

— Что ж, возвращайся домой как только сможешь, — тактично вмешалась мама. — И не опоздай к обеду, миссис Гау приготовила для тебя что-то особенное.

— Приеду, приеду, — сказала я, улыбаясь.

Ричард подошел поближе, чтобы помочь мне сесть в седло.

— Я буду ждать тебя, — сказал он тихо. — Ты — моя.

Я знала, что это не так.

Я знала, что он не прав, когда говорит это, и мне следовало сразу возразить ему. Я могла бы напомнить ему, что наша детская помолвка уже давно не воспринималась им серьезно, что только я цеплялась за эту старую игру, из которой мы давно выросли. В последний раз, когда мы виделись, он вел себя далеко не как влюбленный.

Но сейчас обида оставила меня. Шок от его появления в тот момент, когда мир казался мне плодородным, свежим и размножающимся, когда я разбрасывала семена из рук, точно богиня весны, был слишком серьезным для моей обостренной чувствительности. Если бы он захотел овладеть мною прямо здесь и сейчас, я согласилась бы. Я вся была переполнена любовью, как весенний токующий голубь, и ждала оплодотворения, как свежевспаханная земля. Я была Лейси, владелицей земли и женщиной, не нуждающейся ни в чем, кроме земли и любви. Этим утром, когда Ричард ждал меня у кромки поля, я не могла бы сопротивляться.

Но больше в тот день мы с ним не встретились на поле. Когда же я прискакала домой, я знала, какими будут слова, которыми мы обменяемся с Ричардом, и знала, как мне защититься от него. Я больше не была напуганным ребенком, уезжавшим в Бат, боящимся себя, своей земли и готовым отдать землю так же легко, как уступают другому старый, ветхий коттедж. Я не была больше ребенком, который боится собственной природы, боится власти мужчин, боится всего.

Я сумела противостоять самому известному доктору в Бате и сбросить с себя его влияние, как сбрасывают ненужную накидку. Я сумела поднять голос в самом модном магазине Бата и настоять на своем. Я смотрела в глаза любимого человека и, узнав, что он ничем не отличается от других и имеет такие же слабости, не перестала его любить. Я не хотела больше быть игрушкой для Ричарда, которую можно было бы выбросить или сломать. И если сегодняшним утром я чувствовала себя словно во сне, то к вечеру я стала самой собой.

Я прискакала домой в туче пыли, на небе не было ни облачка, что предвещало хорошую погоду на завтрашний рабочий день. За один день мы справились с работой на двух лугах, а нам еще предстояло вспахать и засеять акры и акры земли.

Бросив поводья Джемму, я вошла в дом и быстро поднялась к себе. По дороге мне встретился Страйд и предупредил, что до обеда осталось не так уж много времени.

Я сделала гримаску и умоляюще сложила руки:

— Страйд, пожалуйста меня, пожалуйста! Я сегодня в поле с раннего утра. Если вы хотите есть вайдекрский хлеб, то нужно быть снисходительным к сеятелям. Будьте добры, отложите обед на полчаса, чтобы я успела принять ванну и смыть усталость с моего тела.

Сейчас я чувствую себя как старуха.

Невозмутимый Страйд снизошел к моим мольбам и, вместо того чтобы сделать мне выговор, спокойно глянул на бабушкины часы в холле и сказал:

— Хорошо, мисс Джулия. Я скажу леди Лейси и доктору Мак-Эндрю, что обед откладывается.

Итак, я успела принять ванну, такую горячую, что вся стала розовой, как речная форель, и спустилась к обеду с капельками пота от жары на кончике носа, благоухающая лучшим мылом и туалетной водой, купленными в Бате, и одетая в нарядное бледно-голубое платье.

Ричард оценил мою вновь появившуюся уверенность в себе. Он заметил это по тому, как я шутила с дядей Джоном и как кивнула Страйду. Он видел, что изменилось мое отношение к маме — нет, я не стала менее любящей и почтительной дочерью, но теперь мы говорили как равные. Бату удалось не только научить меня танцевать, завивать волосы и элегантно одеваться. Поборов мои страхи, он превратил меня в женщину, которая умеет принимать решения, умеет отдавать приказы и заставлять их выполнять, умеет дать обещание и сдержать его, умеет дать отпор грубому обращению.

Примерно так я думала тем вечером.

Это был мой вечер. Около моего прибора стояли оранжерейные цветы и самые разнообразные подарки, присланные и из далекого отеля в Бельгии Джеймсом, и из коттеджа маленького Джимми Дарта. Но это также был и вечер Ричарда. Нам всем хотелось узнать, как ему понравилась университетская жизнь и есть ли у него там друзья. Ричард с удовольствием развлекал нас весь вечер забавными рассказами и заставлял смеяться без умолку анекдотам о старших студентах.

— Говорят, среди них царят совершенно дикие нравы, — тревожно спросила мама. — Надеюсь, у тебя не бывает с ними стычек, Ричард?

— Что за чепуха, тетушка-мама! — ласково смеясь, возразил Ричард. — Они самые старшие в университете, и им нет никакого дела до нас. Между нами лежит целая пропасть, и такая скромная персона, как я, не представляет для них интереса.

Он весело рассмеялся. Но я достаточно хорошо знала своего кузена, чтобы понять, что такое положение дел вряд ли забавляло его. Он не мог быть первым в университете, и по странному совпадению это происходило именно в то время, когда я стала обеими ногами на землю, когда я почувствовала себя независимой женщиной со своими собственными желаниями и работой, которую, кроме меня, никто не мог бы сделать.

Я окинула Ричарда оценивающим взглядом. Он всегда будет дорогим моему сердцу кузеном, но сегодня моя земля значила для меня слишком много. Там утром, на поле, я бежала к нему, и он мог бы взять меня, но сейчас, когда я владела своими чувствами, я смотрела на него так, будто бы видела в первый раз. И мне вдруг показалось, что этому молодому человеку мне бы не следовало доверять даже команду пахарей.

Я громко рассмеялась при этой мысли, и мама спросила, что меня так рассмешило. Мне пришлось выдумать какую-то чепуху, чтобы отвлечь от себя внимание. Ричард прибыл домой из Оксфорда, а я все последние дни проводила в полях, и для всех стало очевидным, как было очевидным для Экра с самого начала, что именно я унаследовала отношение Лейси к земле, а Ричард никогда не сможет любить ее и заботиться о ней так, как люблю и забочусь о ней я.

Глава 19

Мама держала Экра да и всех нас в Дауэр-Хаусе в строгом подчинении правилу субботнего дня, и даже сейчас, в разгар работ, она не собиралась отказываться от него. К моему удивлению, Ральф Мэгсон согласился с ней и, когда я выразила некоторое недоумение, бросил на меня косой взгляд и ответил вопросом на вопрос:

— А как вы посмотрите на то, чтобы сделать все воскресенья выходными днями и дать

крестьянам неделю отдыха каждые полтора месяца?

Из церкви мы вернулись уже к завтраку, и мама позволила нам прогуляться верхом с условием, что мы не выедем из нашего поместья.

— Я уезжаю завтра рано утром, — сказал Ричард. — Не съездишь ли со мной на прогулку, Джулия?

— С удовольствием, — ответила я. — Только мне надо переодеться.

— Тогда поторопись, — сказал он привычным безапелляционным тоном командира.

Я помчалась к себе в спальню. Теперь к моим услугам было три амазонки на выбор — самая первая, кремовая, уже изрядно поношенная, и две другие, более новые, — одна серая, подобранная в тон моих глаз, с таким же твидовым жакетом, и вторая — глубокого сливового цвета. Я выбрала серую, и, когда спустилась в гостиную, Джон втянул в себя со свистом воздух и устремил глаза на маму со значением, которого я не могла понять.

— Это только потому, что Джулия носит ее цвета, — ответила мама на невысказанный вопрос. — Она всегда носила серый, когда была во втором трауре после смерти отца.

Джон кивнул, и я поняла, что они говорят о Беатрис.

— Но сходство просто поразитель... — начал он.

— Ничего подобного, — прервала его мама с резкостью, далекой от ее обычной манеры. — Дело только в платье.

— Но это красивое платье? — меня больше не интересовало прошлое, и я была далека от суеверий. — Вам оно нравится, дядя Джон?

— Мне не нравится, что вы тщеславная маленькая мисс, — шутливо ответил он, — напрашивающаяся на комплименты. Но платье действительно очень красивое, и у меня вполне очаровательная племянница, у которой к тому же прекрасная лошадь. И вы очень подходите друг другу, обе в серых тонах. А теперь ступайте красоваться где-нибудь в другом месте, сквайр Джулия. Мне надо работать.

— Я тоже работаю! — нахально заявила я. — Я собираюсь в Экр проверить, запасли ли гравий и песок, чтобы мостить дорогу.

— И вправду сквайр, — улыбнулся Джон. — Что ж, делайте вашу работу. А на обратном пути загляните, пожалуйста, в Холл. Я хочу знать, будет ли продолжаться работа на стройке. Вчера рабочие предупредили меня, что, если ветер будет слишком сильный, они не станут работать.

Я кивнула и ушла, глубоко безразличная к тому, что мое сходство с Беатрис заставило Джона затаить дыхание. Мы с ним когда-то пришли к соглашению, что будем мириться с существованием призрака Беатрис, и теперь довольно легко его поддерживали.

Ричард еще не видел моей серой амазонки, и я не могла не задаться вопросом, найдет ли он ее тоже очаровательной.

Она произвела на него впечатление.

Я поняла это по тому, как он смотрел на меня, когда я спускалась к нему по лестнице, шурша на каждом шагу бархатными юбками. Его глаза сузились, и он, поднеся мои пальцы к губам, поцеловал их, внимательно изучая мое лицо.

— Ты очаровательна, Джулия, — тихо сказал он. — Я едва могу поверить в это, поскольку вырос видя тебя каждый день и не замечая, что ты превращаешься в прелестнейшую девушку.

Я покраснела до корней волос и взглянула на него, не зная, что сказать. Это был Ричард, которого я до сих пор не знала, и чувствовала я себя неловко. Я привыкла относиться к нему как к брату, как к товарищу, как к моему мучителю и доверенному компаньону, и его слова любви заставили меня смутиться.

— Спасибо, — пролепетала я и послала ему извиняющуюся улыбку. — Когда ты говоришь со мной так, я чувствую себя ужасно глупо и не знаю, что сказать.

Он нахмурился в ответ и прошел вперед меня в сторону кухни, чтобы выйти из дома через черный ход. Но тут миссис Гау поймала его за рукав и заставила съесть свежее испеченную булочку и выпить чашку кофе, прежде чем он выйдет на свежий воздух.

— Боюсь, что вы там плохо питаетесь, — заботливо сказала она. — Уж больно вы худы, одна кожа да кости.

Ричард был очень мил с ней, съел все, что она предложила, похвалил вчерашний обед и заказал свое любимое блюдо на сегодня. Я наблюдала за ним с улыбкой. Он всегда был таким обходительным, и мне казалось, что он может завоевать сердце любого человека.

Но в данном случае миссис Гау была не права, Ричард совсем не был «кожа да кости». Он по-прежнему был на голову выше меня, но при этом раздался в плечах. Наверное, он никогда не станет плотным, сохраняя гибкость и тонкокостное сложение, но он потерял свою мальчишескую неуклюжесть и перестал быть смешным долговязым юнцом.

Я опустила глаза. Я не могла критически относиться к Ричарду, принимая все перемены в его внешности. Он был ослепителен, имея внешность, которой каждый мог позавидовать: длинные, как у девушки, ресницы, свежий и чистый цвет лица здорового ребенка, стройная фигура.

Поймав мой взгляд на себе, он приподнял бровь в молчаливом вопросе. Я попыталась улыбнуться ему, но оказалось, что я почти дрожу. Ричард кивнул, будто увидел то, что и ожидал.

— Мы должны идти, матушка Гау, — твердо сказал он. — Я хочу до обеда успеть объехать все вокруг.

— Ну и хорошенькое поместье они отстраивают для вас, — сказала она, открывая перед нами дверь.

— Только наполовину для меня, — мягко исправил ее Ричард.

— А, пустяки, — отмахнулась миссис Гау, преданно глядя ему в глаза. — Холл и земля нуждаются, чтобы ими управлял красивый молодой сквайр. Вы же хотите, чтобы мастер Ричард был здесь хозяином, не правда ли, мисс Джулия?

Я попыталась найти какой-нибудь легкий ответ, но, покраснев от гнева, не смогла произнести ни слова. Выскочив из кухни, я захлопнула за собой дверь и пошла к конюшням, не дав тем самым миссис Гау продолжать свои обидные высказывания.

Джем приготовил для меня лошадь, но ему и в голову не пришло, что Ричард тоже отправится верхом.

— Что это? — спросил Ричард. — Ты катаешься верхом каждый день, Джулия?

— Да, — ответила я. — У нас много работы, а дядя Джон не любит ежедневно уезжать из дома. Мистеру Мэгсону же одному не управиться везде.

— Вы заняты, — подчеркнул Ричард, и в его тоне прозвучал сарказм.

Я почувствовала смущение и заерзала в седле.

— Но тут действительно много работы, — защищаясь, повторила я.

— И я вижу, что всю ее делаешь ты, — эти слова звучали как похвала, но я видела, что Ричард недоволен. — Что за восхитительный маленький сквайр, моя кузина Джулия! Экр должен просто обожать тебя!

— Пустяки, — смущенно сказала я. — Это все делала когда-то Беатрис.

Ричард хотел что-то добавить, но в это время Принц вышел из конюшни с высоко закинутой головой и висящим на поводке Джемом.

— О, он, кажется, застоялся, — почти испуганно проговорил Ричард.

— На нем, конечно, ездят не слишком часто, — объяснила я. — Джем выгуливает его, но дядя Джон слишком устает, чтобы ездить каждый день.

Ричард кивнул.

— Держите его покрепче, — резко крикнул он Дjemu, когда животное отпрянуло от него. Джем согласно кивнул, но украдкой бросил мне непочтительную улыбку, которую я постаралась не заметить.

Но Ричард был уже в седле и обрел прежний уверенный вид, хотя оставался довольно бледным.

— Не думаю, что его выводили из конюшни хоть раз за последнюю неделю, — пожаловался он. — Уж если ты разыгрываешь из себя сквайра, Джулия, то бери себе труд

присматривать и за лошадьми.

— Непременно, — безразлично сказала я, не сомневаясь, что Принц сейчас войдет в норму. Это была старая послушная лошадь, которая никогда не позволила бы себе неповиновения хозяину. — Мистер Мэг-сон держит у нас одну из своих лошадей, можешь взять ее, если ты недоволен Принцем.

— Я предпочитаю своих лошадей, — колко ответил Ричард и пустил жеребца вскачь по дороге.

— Принц в отличной форме, — уверенно сказал Джем. — Если он и понесет, то просто прискачет домой. Все, что от мастера Ричарда потребуется, — это держаться покрепче за поводья и не упасть с лошади. Полагаю, хоть это ему удастся, мисс Джулия?

— Благодарю вас, Джем, — спокойно ответила я и пустила Мисти следом по дороге.

Я надеялась, что мы поскачем через Экр, тогда я могла бы проверить, что они посадили на общинной земле, но Ричард повернул направо и направил лошадь к холмам.

— Я думаю, мы поскачем по гребню, а потом спустимся к общинной земле, — кинул он мне через плечо.

— Хорошо, — согласилась я. Тогда я, по крайней мере, смогу проверить овец, которых мы наконец перевели на верхние пастбища.

— Почему ты смущаешься, когда я говорю, что восхищаюсь тобой? — отрывисто спросил он, когда наши лошади достигли вершины холма.

Я опять покраснела.

— Наверное, потому, что мы знаем друг друга так долго... И всегда были только друзьями, Ричард. Мне очень непривычно слышать такие слова от тебя.

— Но твои друзья в Бате, этот Джеймс Фортескью и другие, разве они не делали тебе комплиментов? — продолжал Ричард. — Их слова не звучали для тебя странно?

— Нет, — честно ответила я. Наши лошади спокойно шли бок о бок по старой проезжей дороге, что бежала по гребню холма. Оглядываясь налево, я видела раскинувшийся Экр и вайдекрские леса, лондонскую дорогу, часть Суссекса за нею и даже Хемпшир. А когда я смотрела на юг, передо мной представало сияющее море и тысячи мелких островов чичестерской гавани.

— И потому ты предпочитаешь их мне? — вдруг оторвал меня от моих мыслей Ричард. Я даже вздрогнула и взглянула на него. Он тяжело дышал, щеки его покраснели, а глаза метали молнии. — Скажи мне, Джулия, — требовал он. — Я должен знать! Ты написала мне письмо, из которого я ничего не понял. Именно поэтому я и приехал домой — чтобы увидеть тебя. Прежде я считал, что мы с тобой помолвлены. Ты дала мне свое слово. А теперь ты пишешь мне так, будто это была всего лишь веселая шутка и ты выходишь замуж за другого?

— Нет, Ричард, нет! — я остановила лошадь и протянула к нему руку. Он спрыгнул с Принца и снял меня с седла. Но когда мои ноги коснулись земли, он, вместо того чтобы отпустить, продолжал крепко прижимать меня к себе, глядя мне в глаза.

— Тогда скажи мне, — хрипло говорил он. — Скажи, что ты не переменялась ко мне, хотя носишь теперь другие платья и выглядишь по-взрослому уверенной! Вспомни, как мы встретились вчера в поле! Скажи, что ты любишь меня!

— Конечно, люблю, — просто ответила я. — Как любила всегда. Неужели ты можешь сомневаться в этом, Ричард?

— Ты любишь меня как кузена, я знаю, — настойчиво продолжал он. — Но ты обещала мне большее, Джулия. Я люблю тебя как возлюбленную и думаю, что ты чувствуешь это. Нам обоим известно, что это значит. И теперь я спрашиваю тебя, любишь ли ты меня так же, как я?

Но это не было правдой.

Это была ложь.

Много лет я вела себя по отношению к Ричарду очень глупо. Я любила его без взаимности и без всякого поощрения с его стороны. Но я всегда надеялась, что настанет день, когда он возьмет меня за руку, скажет, что любит меня, и мы станем мужем и женой.

Теперь это время пришло.

Но было слишком поздно.

— Я вправду люблю тебя, — медленно проговорила я. — Но не думаю, что это слово означает для нас одно и то же.

— Ты обещала выйти за меня замуж, — Ричард был очень настойчив. — Когда я окончу Оксфорд, мы станем взрослыми и поженимся, как и планировали.

— Ричард... — беспомощно начала я. Его руки на моей талии держали меня крепкой хваткой, которую едва ли можно было назвать лаской. Тщетно я искала слова, чтобы объяснить ему, что люблю его как брата и товарища, но что чувство влюбленности совсем другое и он ошибается, когда говорит, что любит меня.

Он притянул меня чуть ближе, и его руки скользнули за мою спину. Я почувствовала, что мой рот пересох от страха. Ричард взял меня под подбородок и приподнял мое лицо.

Он всегда поступал со мной как хотел, а я никогда не могла сказать Ричарду «нет» или противостоять его гневу. Когда же мне было научиться сопротивляться его объятиям?

— Ричард... — протянула я.

Его рука гладила мою спину, и я чувствовала, как он прижимается ко мне все теснее и теснее. Он гладил мое лицо, щеку, шею. Но мое тело не отзывалось на его ласки. Вместо этого в моей голове словно бы зажужжал рой разъяренных пчел, и волосы на моей коже зашевелились. В первый раз в моей жизни мне были неприятны его прикосновения, и я поморщилась.

Но Ричард наклонился и поцеловал меня в губы.

Мне некуда было отодвигаться, поскольку спиной я плотно прижалась к своей Мисти, и, когда его рот плотнее прижался к моему, я только вздрогнула.

Эту дрожь он понял неправильно. Оборвав поцелуй, он улыбнулся мне.

— Ты хочешь меня, — уверенно сказал он. — И ты по-прежнему любишь меня.

— Нет, — возразила я. — Извини, Ричард, но это совсем не так.

— Ты — безнравственна, — холодно продолжал он. — Ты всегда была моей. Ты бежала ко мне, стоило мне только поманить тебя пальцем. Но потом ты уехала в Бат и нашла там себе другого повелителя. Но я пришел, чтобы вернуть тебя на место. И я сделаю это сейчас.

— Нет, Ричард, — спокойно ответила я. Мне было трудно дышать от волнения, но в глубине души я знала, что он говорит неправду.

— Ты — безнравственная и распущенная женщина, — с удовольствием обличал меня Ричард. — Ты пойдешь с любым мужчиной, который станет льстить твоему чудовищному тщеславию. В Бате ты разыгрывала перед всеми маленького сквайра и делала вид, что нашла этих несчастных нищих. А потом ты подцепила сына какого-то богатого торговца и объявила всем, что это любовь. Это только тщеславие и похоть, Джулия! Ты помолвлена со мной, и я должен оберегать тебя от тебя самой.

С усилием я вырвалась от него и уткнулась лицом в шею Мисти. Чистый запах ее кожи успокоил меня.

— Все это ложь, — спокойно заговорила я. Гнев поднимался во мне, но уроки доктора Филлипса научили меня выдержке. — Ложь до последнего слова. Я уезжала в Бат свободной от всяких обязательств. Да, мы действительно играли в жениха и невесту, но ни моя мама, ни твой папа не поощряли нас в этом. А с тех пор как я выросла, я никогда не чувствовала, что ты меня любишь. Сама же я люблю тебя как брата и буду всегда любить, если ты будешь ко мне хорошо относиться. Но никаких других отношений между нами быть не может.

— Джулия! — вскричал Ричард таким тоном, что я в удивлении посмотрела на него. Он говорил пылко, ко его глаза при этом холодно изучали меня. — Ты разбила мое сердце! Я любил тебя всю жизнь! В Оксфорде я отклонял приглашения на обеды или балы, поскольку считал себя помолвленным. А теперь ты говоришь мне, что это для тебя ничего не значит! Ты забыла, как мы любили друг друга в детстве, перед тем как Экр встал между нами? Перед

тем, как вернулся мистер Мэгсон и ты стала убегать из дому вместо того, чтобы покорно ожидать моего возвращения?

Все эти слова звучали насквозь лживо, и я отстранилась, чтобы повнимательнее взглянуть в его лицо.

— Что с тобой случилось? — мягко спросила я.

— Ничего, — быстро ответил он. И я заметила его торопливость.

— Ты не должен любить меня, — медленно заговорила я. Медленно и почти печально. — Тебе ведь известно, что я люблю тебя и буду любить всегда, но только как брата и близкого друга. И никто не отнимет у нас эту любовь, так же как никто не заменит тебя в моем сердце. Так что нет нужды притворяться, будто бы ты испытываешь те желания, которых у тебя на самом деле нет.

Я хотела дать Ричарду понять, что нет нужды лгать мне и притворяться, хотела узнать, о чем он на самом деле думает, но он принял недоуменный вид.

— Я знаю, что не должен любить тебя, — тихо промолвил он. — Но я должен признаться, что люблю тебя всем сердцем.

Он уронил свою красивую темнокудрую голову и опять поцеловал меня. А я почувствовала такую жалость к нему и такую уверенность, что мне следует ему помочь, что позволила ему себя поцеловать. Его дыхание становилось чаще и чаще, он бормотал мое имя снова и снова, и его губы скользили по моей шее, покрывая ее поцелуями.

Я уперлась руками ему в плечи и вырвалась от него. Когда я увидела его лицо, оно показалось мне удивительно пустым, лишенным не только тепла и любви, но даже страсти и желания. В глазах его блистала абсолютная холодность, словно бы он изучал меня.

— Это правда, что ты больше не любишь меня? — спросил он ледяным голосом.

Одернув и приведя в порядок жакет, я стала поправлять упавшую с головы шляпку. Чувствовала я себя отвратительно.

— Да, — сказала я. — Я помолвлена с другим человеком, и я люблю его по-настоящему. Тебя я люблю всего лишь как брата.

— О, вероломная, ты разбила мне сердце! — вскричал он и вихрем взлетел в седло.

— Ричард! — позвала я, но он, развернув Принца так резко, что его хвост хлестнул меня по лицу, помчался обратно по той дороге, по которой мы приехали сюда. Мисти испуганно отступила в сторону, и я придержала ее поводья.

Я не стала торопиться за ним вслед. Вместо этого я присела на землю и разрыдалась от той боли, которую я причинила ему, и оттого, что так глупо надеялась, будто Ричард сможет уступить другому свое место. Оттого что не знала прежде, как сильно он меня любит. Я рыдала от потери такой любви и от собственной глупости.

Затем я подвела Мисти к пригорку и с трудом взобралась в высокое седло. Усевшись, я вытерла глаза тыльной стороной перчатки, жалобно вздохнула и тронулась в обратный путь. Когда я доскакала до подножия холма, Ричард был там.

Он ждал меня, придерживая Принца на короткой узде и стоя в стороне от тропинки. На лице его светилась широкая улыбка.

— Джулия, я прошу у тебя прощения, — приветливо сказал он и протянул руку.

Меня охватило чувство облегчения, оттого что наша ссора забыта.

— О, Ричард! — других слов я не могла найти.

— Сказать по правде, я ревную, — откровенно признался он. — Но из меня вышел плохой Отелло. Я привык думать о тебе как о маленькой девочке и не заметил, что ты выросла в сильную и прелестную женщину! Я только надеюсь, что Джеймс окажется достоин тебя. Но обещаю тебе танцевать на твоей свадьбе от всей души. И обещаю, что ты никогда больше не услышишь от меня упреков!

Я выронила поводья и схватила его руку обеими руками.

— О, Ричард! — воскликнула я. — Я так благодарна тебе! Это я виновата перед тобой, из-за своего эгоизма не сказав тебе ничего раньше! Но это случилось так неожиданно...

— Расскажи мне все, — попросил он, и мы поскакали рядом. Я ехала с товарищем моих

детских игр и лучшим другом моей юности и доверчиво рассказывала ему о своей любви и о том, какого хорошего человека я выбрала. Ричард, улыбаясь, расспрашивал меня о его семье и обещал любить их ради меня.

Мисти скакала неровно, то устремляясь вперед, то норовя задеть боком изгородь.

— Она немного застоялась, — объяснила я, выравнивая ее. — Слишком долго простояла там, наверху.

— О, пожалуйста, забудь про это! — умоляюще вскричал Ричард. — Я вел себя как дурак, причем как злой дурак. Давай поскачем домой через общинную землю хорошим галопом?

— Давай, — с удовольствием согласилась я. Мы повернули вправо и рысью промчались по задам деревни, мимо лачуг сквоттеров, по широкой песчаной дороге, расстилавшейся перед нами, как река. Си Мист выставила ушки вперед.

— Скачка? — предложила я Ричарду, видя, как уверенно чувствует он себя верхом на Принце. Ричард согласно кивнул, мы подровняли лошадей, и они громко зафыркали, прекрасно поняв, что им предстоит.

— Раз, два, три, марш! — выкрикнула я, и ветер отнес мои слова в сторону, а лошади рванули вперед.

Принц вырвался первым, но Си Мист ровно держала шаг, и я была вровень с Ричардом, мы глядели друг на друга поверх развевающихся грив, летящего из-под копыт песка, нагибаясь от ветра. Копыта оглушительно стучали, и Принц стал выходить вперед, а меня окатило фонтаном песка и щебня. Мисти это понравилось не больше моего, и она инстинктивно замедлила бег, так что при подъеме на холм Ричард оказался первым.

Но подъем оказался труден для старой лошади, и галоп Принца стал все более замедляться, в то время как Си Мист легко преодолевала крутизну холма и глубокий песок. Мы обошли Ричарда, я сидела пригнувшись и изо всех сил вцепляясь в гриву Мисти. Но на вершине мы обе расслабились: она замедлила бег, а я расправила плечи.

На забрызганном грязью лице Ричарда глаза ярко сияли удовольствием.

— Это было великолепно! Если бы не холм, я бы точно выиграл!

— Это отличная старая лошадка, — и я наклонилась потрепать Принца по шее. — В молодости он был, должно быть, первоклассной скаковой лошастью!

— Ты скакала отлично, — великодушно признал Ричард. — Не зря в деревне говорят, что ты прирожденный наездник.

— Это у нас в крови, — ответила я. — Мы с тобой оба Лейси.

Ричард радостно улыбнулся.

— Мы с тобой оба Лейси, — повторил он со спокойным удовлетворением. — Ты и я.

— У меня в глазах песок, — я заморгала и стала протирать глаза. — Я запачкалась?

— Изрядно, — с братской заботливостью подтвердил Ричард. — Да и волосы растрепались.

— Подержи, пожалуйста, мои поводья, — попросила я и, сняв перчатки, стала закалывать шпильки. Потом мы долго сидели в молчании, не слезая с лошадей, стараясь отдышаться и дать Принцу и Си Мист отдых.

Прямо под нами выросли из земли стены новой усадьбы, слева виднелась золотистая коробочка Дауэр-Хауса. Чуть подальше в долине раскинулся Экр, хотя отсюда были видны только церковный шпиль да верхушки деревьев. Между деревней и общинной землей были разбросаны жалкие лачуги сквоттеров, убежища, построенные людьми-изгоями, всегда живущими на грани голода, вечно больными, вечно подозреваемыми в воровстве и браконьерстве.

В тяжелые годы Экр стал известен как поместье, в котором нет сквайра, случайные бродяги стали селиться в уголке общинной земли, и теперь там была маленькая деревушка — крохотное подобие Экра.

Позади этих домиков раскинулся яркий городок телег и фургонов, издали довольно живописный. Это был цыганский табор, каждый год проводящий у нас осень и зиму. По

преданию, Вайдекр когда-то принадлежал огромному цыганскому табору. Теперь никто не мог бы ни подтвердить это, ни опровергнуть, ибо мало находилось желающих спорить с цыганами, готовыми драться до смерти, если задета их гордость, или с цыганками, способными наслать на вас порчу.

Цыгане даже утверждали, что жили тут табором еще со времен римских легионеров. Вайдекр спокойно принял их, как естественный ход вещей, такой же неизбежный, как овечья болезнь летом или снегопад зимой. Раньше, бывало, женщины в Экре жаловались, что у них пропадает с веревок белье, а с грядок — спелая морковь или репка. Но на появление или исчезновение цыган никто повлиять не мог.

Каждую зиму они устанавливали свои фургоны на одном и том же месте небольшим кругом с горящим целый день костром посередине. Старые люди говорили, что если цыгане раскинут табор ранней осенью, то надо ждать холодной зимы, потому что они умеют предчувствовать изменение погоды, так же как умеют предчувствовать его звери. В эту зиму цыгане появились у нас довольно поздно.

Мы повернули лошадей и поскакали через заросший парк в спокойном, дружеском молчании старых товарищей. Лошади шли почти бесшумно, утопая копытами в мягкой земле. Вдруг Си Мист подняла голову, испуганно всхрапнув, и мы увидели, как из леса выскочил кролик и поскакал по тропе впереди нас. В воздухе послышался звон бубенчика, и над деревьями промелькнул ястреб. Сложив крылья, чтобы погасить скорость, он настиг несчастного зверюшку, и вот уже растопыренные лапы со страшными когтями вонзились в шею кролика. Тот закричал каким-то детским криком и упал мертвым. Ястреб, окончательно сложив крылья, уселся на его тушке и оглянулся вокруг. Увидев нас, он замер в удивлении, бесстрашно уставившись на нас своими неподвижными золотистыми, как бархатцы, глазами.

— Это птица мистера Мэгсона? — шепотом спросил меня Ричард.

Я молча кивнула. В подлеске раздался негромкий хруст ветвей, и оттуда выбежала черная собака. Весь совершенно черный, без единого пятнышка, пойнтер бежал, прижав нос к земле, пока не увидел ястреба с его жертвой. Великолепно выдрессированный, он тут же растянулся на земле, вытянув передние лапы и высоко подняв голову. Он был похож на льва, каким его изображают на картинках в детских книжках.

Из лесу донесся звук тяжелых шагов, и перед нами возник сам Ральф, держащийся для опоры за ветви. Он кивнул нам обоим, но не сказал ни слова, и мы тоже догадались не раскрывать рта. Все так же молча он подошел к ястребу, на ходу расстегивая маленькую сумку у себя на поясе. Затянутой в огромную охотничью перчатку рукой он достал оттуда кусок кровоточащего мяса и протянул его птице. Та повернула голову и полубегом, полуплетом подобралась к хозяину и вспрыгнула к нему на кулак. Наклонив небольшую головку, она стала, не торопясь, разрывать мясо на длинные полоски и есть. Ральф снял с пояса легкий, но прочный шнурок из сыромятной кожи и, связав ястребу ноги, оставил второй конец у себя в ладони. Затем он кивнул собаке, и та, осторожно ухватив зубами кролика, отнесла его хозяину. Ральф сунул его в ягдташ и, потрепав собаку по голове, дал ей тоже кусок мяса. И только после этого он повернулся к нам и улыбнулся. Ястреб, балансируя, сидел спокойно на его кулаке, и кремово-серые перья на его грудке радужно блистали в свете солнца.

— Добрый день, мисс Джулия, добрый день, мастер Ричард, — поздоровался Ральф.

— Так-то вы придерживаетесь субботы, мистер Мэгсон? — сказала я в восторге, что мы поймали его.

— Я — старый безбожник, — улыбнулся он. — Но есть я все-таки должен, мисс Джулия?

— Добрый день, — степенно прервал нас Ричард, но он тут же забыл свою важность. — Это было отлично! Мы все видели, он настиг его как раз перед нами. Я в жизни не видел охоту с ястребом так близко! Прямо перед носом!

— Да, он красавец, — гордо ответил Ральф. — Этот ястреб у меня уже три года, и я ни разу не видел, чтобы он промахнулся.

— А что он берет самое крупное? — спросил Ричард.

— Как-то он взял пару зайцев, — стал припоминать Ральф. — Да и фазанов тоже брал, куропатка вообще для него не добыча, как и утка. В общем, целая семья может питаться по-королевски, если у них будет такая птичка.

— Не удивлюсь, если он никому не позволит взять себя в руки... — с намеком предположил Ричард.

— Нет, отчего же, вы можете подержать его, — рассмеялся, сразу все поняв, Ральф. — Только слезьте сначала с лошади, он не любит сидеть высоко, это его единственный недостаток, и в моих глазах достаточно досадный. Я держу его для коротких перелетов, но к концу дня так устаю, что и это мне не под силу.

Ричард спрыгнул с Принца, и Ральф положил свободную руку на поводья. Из сумки он достал еще одну охотничью перчатку, и Ричард надел ее.

— Прежде держали ястреба? — вполголоса спросил Ральф. Ричард отрицательно покачал головой. — Берите его сзади. Положите тихонько руку на мою, около того места, где находятся его лодыжки. — Ричард вытянул руку, как ему было сказано, и птица, чуть помедлив, перешла на его руку так же естественно, как она пошла к Ральфу.

— Предатель, — любовно-насмешливо протянул Ральф и, отдав Ричарду уздечку, стал показывать, как надо держать ее на ладони. — Держите покрепче, чтобы не выронить случайно. Уздечка ястреба должна лежать на ладони вот так.

Ричард сосредоточенно кивнул.

Я заметила, что перья на грудке птицы потеряли свою гладкость, словно бы взъерошились, отчего она сразу стала выглядеть недовольной и тощей. Ее оранжевые глаза смотрели настороженно, и мне мгновенно стало не по себе, а в голове послышался странный шум, будто бы сразу полдюжины голосов зашептали мне что-то предупреждающе.

— Хочешь пройтись с ним? — предложил Ральф. Ричард с восторгом кивнул. — Тогда прогуляйся по тропинке недалеко. Только смотри, чтобы его ноги все время оставались на твоём кулаке.

Ричард осторожно двинулся вперед, пытаясь не шевелить рукой.

— Смелее, не бойся! — крикнул ему вслед Ральф. — Он привык к моей хромоте и сейчас, наверно, чувствует себя как яхта в штилевую погоду.

Ричард пошел чуть быстрее, и мы увидели, как ястреб, подпрыгивая, старается удержать равновесие.

Ральф погладил шею Си Мист и взглянул на меня.

— Дома все нормально после сева? — спросил он.

— Да, — кивнула я.

— Он еще долго останется дома?

— Нет, завтра уезжает.

— Завтра мы пашем на общинной земле, — лаконично напомнил Ральф.

— Я обязательно приду.

В это время Ричард уже шел обратно, и я поняла, сама не зная почему, что ястреб боится. Я ощущала какое-то странное покалывание у основания больших пальцев на каждой руке, чувство такое неожиданное и безошибочное, что я осмотрела перчатки, не насажала ли я заноз в кожу. Когда я перевела взгляд на птицу, то увидела, что перья на ее грудке топорщатся в разные стороны.

Увидев Ральфа, ястреб расправил крылья и попытался полететь к нему. Ричард натянул уздечку, и она дернула ноги птицы, поймав ее на лету. Через секунду ястреб болтался вверх ногами, повиснув на шнурке, а его крылья беспомощно бились в воздухе.

— Тихо, — быстро сказал Ральф, он кинул мне поводья Принца и бегом направился к Ричарду.

Лицо Ричарда было жестким. Он дергал за шнурок так, будто птица была марионеткой, подвешенной на нитке, а не живым существом.

— Назад, ко мне, — кричал он, дергая рукой, так что громадная птица беспомощно

болталась на конце шнурка.

Принц захрапел, запрокинув голову, а Мисти шарахалась из стороны в сторону, плотно прижав уши к голове. Я сама едва могла усидеть в седле, пытаюсь удержать двух беснующихся лошадей.

— Тихо, — закричал Ральф голосом, которого я прежде от него не слышала. Он крепко схватил Ричарда за руку и, продолжая держать ее, подвел другую руку под раскачивающуюся птицу и поймал ее. Ричард все еще держал шнурок натянутым, и Ральф стал медленно поднимать ее так осторожно, будто она была неоперившимся птенцом. Но едва ее ноги коснулись его рукавицы, она в панике метнулась обратно к Ральфу прочь от Ричарда. Ральф инстинктивно подставил ладони, чтобы поймать ее, освободив при этом руку Ричарда, тот резко дернул за шнурок, и мы услышали ужасный треск, будто бы сломались две палочки.

Мисти взвилась на дыбы, словно земля разверзлась у ее ног, и я, скатившись с ее спины, грохнулась на землю. Испугавшись, что она наступит на меня, я закрыла голову руками, и лошадь, перескочив через меня, унеслась прочь на несколько ярдов. Но я продолжала держать поводья Принца, и он стоял спокойно, хотя от ужаса выкатывал белки глаз. Ральф выхватил шнурок у Ричарда и быстро обмотал его вокруг своего кулака. Затем он поймал птицу, прижав ей крылья к бокам, так чтобы она больше не трепыхалась. Он сунул ее голову в свой жакет и прижал ее широкой ладонью, пока другой рукой что-то искал в своем ягдташе. Ральф вынул оттуда маленький колпачок, сделанный из чудесной тонкой кожи, с изящной кисточкой из перышек наверху, и надел его на птицу. Затем он вынул оттуда же что-то наподобие чулка, тоже надел на птицу, так что крылья оказались плотно прижатыми к ее телу, и положил ее в сумку поверх кролика, которого она убила, когда еще была свободным гордым ястребом, а не плотно спеленутой калекой. Только после этого он обернулся ко мне и спросил:

— Все в порядке, Джулия?

Я кивнула и встала на ноги. Мы оба смотрели на Ричарда, который стоял перед нами, виновато опустив голову.

— Что тебя мучит? — спросил его Ральф очень тихо.

И что-то в его голосе заставило меня похолодеть.

Он говорил не так, как мог бы говорить человек, на глазах которого только что чуть не убили его любимого охотничьего ястреба. Он не разразился гневным криком, его голос не был даже презрительно холоден. Его вопрос ставил Ричарда в такое положение, в котором Ральф имел право допрашивать его. Он говорил так, как будто Ричард страдал от какой-то тайной опасной болезни, могущей заразить нас всех. И смотрел на него, будто заглядывая ему в самую душу. Ричард стоял красный до ушей.

— Я не знаю, — сказал он смущенно. — Она взлетела с моего запястья, и я не знал, что делать. Я не понимал, что я делаю.

Воцарилось глубокое молчание.

— Я сожалею, мистер Мэгсон, — сказал Ричард, его голос обрел силу, и я увидела, как он метнул косой взгляд на Ральфа. — Меньше всего на свете я хотел нанести вред вашей птице. Надеюсь, она в порядке?

— Ты прекрасно знаешь, что сломал ей обе ноги, — сказал Ральф ровно. — Ты слышал, как они хрустнули, когда ты дернул за шнурок. Ты хотел этого?

— Нет! — вспыхнул Ричард. — Это не так. Она просто взлетела, и я дернул за шнурок, чтобы удержать ее!

— Неправда, — сказал Ральф, его голос был как нож. — Ты сделал это со зла.

Он помолчал, задумчиво глядя на Ричарда.

— Я давал ее подержать многим, и она никогда прежде так не вырывалась, — он словно обращался сам к себе. Потом Ральф задумался, и между нами повисло гнетущее молчание. — Животные боятся тебя, правда?

Ричард молчал. Я протянула руку и коснулась шеи Принца, чтобы убедить себя, что

реальный мир существует. Голоса в моей голове звучали так, будто дюжина, нет, двадцать человек шептали мне, чтобы я слушала внимательно, понимала, видела реальную опасность, угрожающую нам всем. Я чувствовала себя словно в тумане или ослепленная снегом. Голоса в моей голове означали, что Беатрис совсем рядом, пытается предупредить меня. Мне следовало понять что-то, расслышать ее послание. Бугорки у больших пальцев обеих рук так болели, будто они кровоточили от тысячи крохотных уколов. Я была расстроена из-за ястреба, боялась гнева Ральфа и беспокоилась о Ричарде.

Ральф резко повернулся ко мне.

— У тебя же есть дар, Джулия, — обратился он ко мне. — Ты должна знать. Что ты видишь, когда смотришь на Ричарда?

Я перевела глаза на кузена, и он глянул на меня в ответ чистым прозрачным взглядом. Шум в моей голове был так силен, что мешал мне думать. Я видела перед собой Ричарда, моего любимого Ричарда, товарища моего детства. И так же хорошо я видела странную опасность, страх и ужас, нависшие над всеми нами.

— Я ничего не вижу. Ничего, — отчаянно сказала я. — Я ничего не вижу и не слышу. Нет у меня никакого дара. — И я отвернулась от Ральфа и обратилась к Ричарду: — Я хочу домой, — жалобно простонала я.

Ральф поковылял туда, где Си Мист беспокойно щипала вереск. Когда она увидела приближающегося Ральфа, она бешено крутнулась на месте и забила задними копытами в воздухе, будто намереваясь его ударить. Это моя-то Мисти, которая и на миг не показала злого нрава за все то время, что мы были вместе.

— Спокойно, — мрачно произнес Ральф и, подобрав с земли поводья, подвел ее ко мне. Он посадил меня в седло и ни одним словом больше не обратился ни к Ричарду, ни ко мне. Мы ускакали в молчании. Мы оставили его у маленькой рощицы, с ягдташем на спине и черной собакой у ног. Я чувствовала на спине его задумчивый, будто вопросительный взгляд и знала, что тяжелые раздумья овладевают им, когда он провожал нас взглядом.

Глава 20

Мы с Ричардом возвращались домой в молчании. Согласие, которого мы достигли после ссоры в холмах, было нарушено странным, злосчастным происшествием с ястребом Ральфа. Мама и дядя Джон смеялись чему-то за обедом, не обращая на нас внимания, и не заметили, что мы с Ричардом сидели подавленные и молчаливые. Отправляясь спать, я подала Ричарду руку и попрощалась с ним, поскольку завтра рано утром он уезжал в Оксфорд.

Ричард поцеловал меня и спросил:

— Все-все в порядке?

Это была фраза нашего детства.

— Все-все в порядке, — ответила я, но оба мы знали, что это не так.

Шехеразада боялась его. Овцы пытались загнать его в угол, как они поступали с врагами. И теперь ястреб Ральфа испугался его.

Я ожидала, что Ральф заговорит со мной о Ричарде утром в понедельник — пасмурным, сереньким утром, в котором не было ни радости, ни волшебства, — но он только прикоснулся приветственно к полям шляпы и не сказал ни слова.

— Как ваша птица? — поинтересовалась я у него, когда мы стали завтракать.

Он сидел верхом на лошади, а вокруг стояли на грязной земле пахари и сеяльщицы со своими узелками в руках. Ральф вонзил зубы в корку хлеба и принялся методично жевать, не спеша с ответом.

— Я свернул ей шею, — спокойно сказал он. — Ее ноги никогда уже не будут достаточно сильными, чтобы охотиться, а бесполезную живность я не держу. Это была рабочая птица, и я не хочу, чтобы она превратилась в глупую и ленивую индюшку.

Я была так шокирована, что не смогла вымолвить ни слова сочувствия.

— У нее сдали нервы, — слова Ральфа звучали зловеще. — И это очень странно, так как прежде она никогда не убегала ни с чьей руки. Никогда, с тех пор как три года назад я, разбудив ее среди ночи, всю ночь приучал сидеть на рукавице. Но Ричард ей не понравился, верно? Что-то в нем напугало ее. И напугало так сильно, что она сломала обе ноги, пытаясь улететь от него.

Я молчала, сидя на лошади как серая статуя на фоне серого неба. В моей голове опять послышалось гуденье, будто целый улей пчел разместился там.

— Вы говорите, что ничего не слышите и не видите, — задумчиво продолжал он и внезапно повернулся ко мне. — Вы просто глупы в таком случае, Джулия Лейси! Я думал, вы научились использовать свой дар, но вы прислушиваетесь к нему, только когда это устраивает вас. Слушайте ваш внутренний голос! Смотрите вашими глазами!

Я протянула к нему руку, но он резко отвернулся, и лошадь, послушная каждому его движению, отпрянула в сторону.

— У меня кончилось терпение! — отрывисто сказал он. — Беатрис выпорола бы вас кнутом!

Он дернул за поводья и отправился проверять плуги, которые были в порядке, лошадей, которые, безусловно, тоже были в порядке, и прямизну борозд, которая не вызывала сомнений. Затем он позвал людей на работу на пару минут раньше, чем следовало, что было для него весьма необычно.

После завтрака я оставалась с ними еще часа полтора, а затем подскакала к Ральфу и спросила, нет ли у него ко мне каких-либо поручений. Нахмурившись, он что-то буркнул, и я отправилась на общинную землю, прогулять Мисти, пообещав вернуться через час.

Он не простил меня, и каждый рабочий день последующих недель не был для нас дружественным, поскольку Ральф считал меня непроходимо глупой, а я была обижена. Если бы это случилось в разгар работ, нам бы пришлось помириться уже через день, поскольку работа не оставляла места для обид. Но напряжение первых недель весны миновало. Пахота закончилась, а необходимости наблюдать за севом не было. Наверху, в холмах, овцы сломали несколько оград, но они уже были починены. Ягнята перешли на подножный корм и не требовали забот. Уровень Фенни поднялся из-за талой воды и дождливой весны, и я каждый день проверяла состояние берегов, поскольку некоторые из полей Беатрис спускались опасно близко к реке, а я требовала во всем подчиняться ее воле.

Дядя Джон купил полдюжины коров и быка, и мы пасли их на нижних лугах вдоль Фенни. Сначала я боялась быка — это было громадное рыжее животное с кольцом в носу — и смотрела на них через ограду. Но вскоре я привыкла к ним, они привыкли ко мне, и я заезжала на Мисти прямо на их пастбище, проверяя, как они поживают.

Постепенно я начала справляться с делами. Моя работа на земле отнимала у меня все утро, но после обеда я бывала свободней. Весна стояла теплая, я прямо физически чувствовала, как солнце пригревает землю. Все ожило в Вайдекре. Где бы я ни проходила, я слышала призывное пение птиц, видела их забавные брачные игры: как они кормили друг друга, приглаживали перышки или хлопотливо суетились при постройке гнезда. Когда я приходила на пастбище, я видела нашего громадного жеребца, с развевающейся гривой гонящегося за кобылой. В холмах подрастали ягнята. В поле у реки бык пас свое стадо, его любимая корова всегда была рядом с ним, и они то и дело терлись друг о друга головами. Он наклонял голову и облизывал ее морду шершавым языком, будто высказывая свои нежные чувства.

Я скучала по Джеймсу гораздо больше, чем ожидала. Гуляя под деревьями, я прислушивалась к любовному воркованию птиц, следила за их стремительными полетами в небе, в вечерних сумерках, я наблюдала, как два благородных оленя спускаются к водопою. По ночам я не могла заснуть от страстного уханья сов, призывающих друг друга в неярком свете луны.

Мама и дядя Джон брали коляску и отправлялись после обеда вместе на прогулку, я же, накинув поверх муслинового платья легкую шаль, гуляла, гуляла и гуляла без усталости в

густом зеленеющем лесу и мечтала о том, какой будет моя жизнь, когда вернется Джеймс и мы поженимся. Надо мной, в вышине огромных деревьев Вайдекра, распевали птицы. Вайдекр набухал жизнью, подобно расцветающему бутону. Все вокруг ликовало, совокуплялось и зарождалось той весной, и любовная тоска переполняла меня, когда я бродила одна по лесам в соломенной шляпке, светлом легком платье, утопая по щиколотку в лесных колокольчиках.

Ричарда ждали домой перед Майским днем, и он написал, что приедет первым утренним дилижансом. Я запрягла Мисти и отправилась встречать его, ведя Принца на поводу.

Дилижанс делал остановку на перекрестке чичестерской и лондонской дорог, и, подъехав туда, я ждала Ричарда, греясь на теплом весеннем солнышке. Всю прошлую неделю было тепло и сухо, и зимняя грязь наконец подсохла. Я повернула лицо к солнцу и чувствовала его тепло закрытыми веками. Принц опустил голову и захрустел листьями. Вдалеке я услышала стук приближающихся колес. Дорога была холмистой, и я наблюдала, как шляпы и плечи пассажиров, сидящих наверху, то поднимаются, то опускаются. Лошади с трудом взбирались в гору, приближаясь к Экру, и когда кондуктор увидел меня, он, подняв рожок, затрубил и отпустил соленую шутку относительно счастливчика, которого поджидают на перекрестке у Экра.

Кучер остановил лошадей, ступеньки опустили, и Ричард, протирая глаза и зевая, вышел из дилижанса. Затем передали его багаж, и он направился ко мне.

Я подставила щеку для поцелуя и обняла его за плечи. Многие пассажиры были из Мидхерста и знали меня в лицо. Подталкивая друг друга локтями, они перешептывались.

— А как же мой чемодан? — спросил Ричард. — Он весит не меньше тонны.

— Оксфордские наряды? — поддразнила я его.

— Задание на каникулы, — скривился он. — Мой греческий все еще хромает, и мне велели позаниматься с доктором Пирсом.

— Можешь оставить его здесь. — И Ричард охотно зашвырнул чемодан в кусты. — Экрский тележник заберет его сегодня попозже. Я решила, что ты захочешь вернуться верхом.

— Конечно, захочу, — ответил он, потягиваясь. — В этой карете меня сдавили до полусмерти.

Он вскочил в седло, и мы повернули домой. Ричард смешил меня по дороге шуточками о своих спутниках — жене крестьянина, которая уселась в дилижанс с живой курицей на коленях, и молодой крестьяночке, которая хихикала каждый раз, встречаясь с Ричардом глазами.

— А как вы здесь? — поинтересовался он. — Папа и тетушка-мама здоровы? Как ты?

— Здоровы, — ответила я. — Все по-старому, мама уже поправилась, хотя стала быстро уставать. Каждый день они с дядей Джоном совершают оздоровительную прогулку в коляске, словно чета фермеров.

— О мистере Фортескью есть известия? — спросил Ричард с подчеркнутым безразличием.

— Да, — сказала я, не скрывая теплоты в голосе. — Он пишет мне каждую неделю, и, когда у меня есть обратный адрес, я отвечаю. Он пока в Бельгии, но все время переезжает с места на место. Фирма его отца импортирует кружева, и Джеймс отвечает за поиск надежных поставщиков.

— Дата венчания назначена?

— Еще нет, — сказала я. — Адвокаты его отца и дяди Джона составляют брачный контракт, уточняя мое приданое и содержание. Вряд ли все будет готово до его возвращения домой.

— Да, это должно занять много времени, — кивнул Ричард.

— Конечно, — я не могла сдержать тоски в голосе. — Мне кажется, что уже прошли годы. Наверное, свадьба будет летом. Мы объявим о помолвке, когда он вернется.

— А как усадьба? Строители работают хорошо? Стропила установлены?

— Да, — заверила я его. — Тебе бы первому сообщили, если б что-то пошло не так. Все идет нормально. В полях скоро появятся всходы.

— Что там делают женщины? — спросил Ричард, придерживая Принца. Мы проезжали мимо нового поля, где по настоянию дяди Джона посадили малину. Ростки выглядели удручающе маленькими. Между рядами внаклонку работали женщины из Экра, пропалывая грядки. Рядом с каждой из них лежал на земле большой мешок, куда они бросали сорняки. В этой очаровательной, укрытой от ветра ложине было тепло, как летом. Я взглянула на работающих, ища глазами Клари, но не увидела ее. На солнце набежала туча, и я ощутила внезапную дрожь. Мы с Ричардом подъехали к воротам и подождали приближающегося Ральфа.

— Добрый день, — сказал он нам обоим, но затем заговорил, обращаясь только ко мне: — Я поставил их на прополку, поскольку мужчины сегодня заканчивают сев. Не думаю, что когда-нибудь они справлялись с этой работой быстрее. — В его голосе звучали нотки гордости.

Наступило неловкое молчание. Неприязнь Ральфа к Ричарду была почти физически ощутима. Ричард вспыхнул, и я заговорила быстрее, чтобы замаскировать возникшую неловкость:

— Будем надеяться, что и урожай созреет так же быстро. В деревне привыкли отдыхать после того, как сев закончен, не правда ли?

— Да, я уже напоминал доктору Мак-Эндрю, что они хотели бы отметить май как полагается. Мне сказали, что вас собираются выбрать королевой мая и что вы собираетесь прийти в холмы встречать весну.

— Я приду, — пообещала я. — Клари рассказала мне об этом. — Тут я помолчала, подумав о приличиях. — Это правильно, Ральф? Я имею в виду, там не будет ничего неподобающего?

Лицо Ральфа скривилось, будто он проглотил дольку лимона.

— Ко мне не следует обращаться с такими вопросами! — сказал он. — Вам ведь известно, что для меня правил приличия не существует. Об этом нужно посоветоваться с вашей мамой.

— Но она не знает, каковы традиции в Экре, — возразила я, улыбкой воздавая должное его компетентности. — Это вы у нас все знаете про Экр. Потому я вас и спрашиваю.

Ральф хмуро взглянул на меня.

— Я не приглашал бы вас, если бы не был уверен, что все будет в порядке, — ворчливо заговорил он. — Вы все вместе подниметесь на холм и встретите там восход солнца. Там вы будете рвать ветки боярышника и привязывать к ним всякие ленточки. Затем на вас наденут венки, посадят на белую лошадь, если они, конечно, найдут такую, — возможно, ради такого случая вы им одолжите свою, — и вы поскачете в Экр, неся туда весну. Потом целых три дня — поскольку доктор Мак-Эндрю не разрешил отдыхать дольше и я присоединился к его решению — вы будете королевой всех пиров в деревне, если пожелаете. Так что ничего приличного или неприличного здесь нет, насколько я могу судить. Но, пожалуйста, не спрашивайте, прилично ли молодой леди участвовать в подобных забавах, мисс Джулия, я всего лишь бедный крестьянин. — Последнее было сказано таким глубоко ироничным тоном, что я удивилась, неужели Ричард не слышит этого.

— Передайте, пусть заходят за мной перед рассветом, — попросила я. — И скажите, что я разрешила взять из конюшни мою Мисти.

Ральф кивнул.

— А вы, мастер Ричард, не собираетесь пойти в холмы встречать весну? — обратился к нему Ральф.

— Непременно, — ответил тот. — Все, что вы описали, выглядит очень привлекательно, и я уверен, что леди Лейси будет довольна, если я буду сопровождать мисс Джулию.

Ральф не смотрел на него. Он даже не улыбнулся мне, потому что рядом был Ричард.

— Не сомневаюсь, — и он прищипорил лошадь и ускакал, словно и так потерял слишком много времени в праздной беседе.

Насчет мамы Ральф оказался не прав. Она совсем не возражала против того, чтобы я принесла в Вайдекр весну.

— О Боже, Ричард, если бы я хотела видеть в Джулии настоящую леди, мне следовало оставить ее в Бате. С тех пор как ты уехал в Оксфорд, она в полном одиночестве целыми днями носится по Вайдекру на лошади. Джон считает это допустимым, а я доверяю ее здравому смыслу — как и тому, что ее здесь очень любят.

— Но мне это все-таки кажется несколько странным, — сказал Ричард. Мы пили чай после обеда, и Ричард стоял у камина, спиной к нему, держа в руках чашку. Мама и дядя Джон обменялись улыбкой, видя его таким взрослым и рассудительным.

— Да, это не совсем привычно для леди, — согласился дядя Джон. — Но Джеймс Фортескью не возражает вроде бы, а Вайдекр не удивишь эксцентричными женщинами. К тому же в настоящий момент Джулия — ключ к Экру, и я должен использовать это. Никто, кроме нее и мистера Мэгсона, не имеет влияния на этих людей, и, пока мы стараемся втянуть их в работу, Джулия должна быть с деревней.

Ричард отвесил легкий поклон.

— Не смею не доверять вашему суждению, сэръ, но тем не менее я намереваюсь сопровождать Джулию во время этого полуночного веселья.

— Да я бы сам с удовольствием отправился туда! — воскликнул дядя Джон. — Мне очень нравятся такие традиции. Когда я рос в Эдинбурге, то на Пасху там было принято катить круто сваренные яйца с горы святого Артура, самой высокой горы в предместьях города. Нужно было ухитриться прокатить яйцо без помощи рук, а потом съесть его.

— В самом деле? — удивилась мама. — И вся ваша семья участвовала в этом развлечении? И ваши братья и сестры?

— О, конечно! Туда собирался весь Эдинбург! И поверьте, более вкусного яйца я не ел в своей жизни.

— Но я думаю, что эта забава в Экре только для молодых юношей и девушек, — быстро вставил Ричард. — Все девушки будут одеты в белое, а юношам положен белый бант.

По сосредоточенному выражению маминого лица я поняла, что она пытается вспомнить, есть ли у меня белое платье и белая теплая накидка. И я оказалась права. Когда я поднялась к себе в спальню, на моей кровати лежала мамина белая кашемировая шаль и розетка из белых лент для Ричарда. Так что мы могли в полном параде встречать весну Вайдекра.

Я рано проснулась, услышав приглушенные голоса в саду под моим окном. Выпрыгнув из постели, я босиком подбежала к окну. Там весело болтали и даже пытались запеть примерно с дюжину молодых людей из Экра с факелами в руках. Я надела платье и причесалась без помощи горничной, поскольку Дженни Ходжет сама стояла внизу в этой веселой компании. Затем я накинула шаль и пошла за Ричардом в его спальню, находящуюся в мансарде.

Он был уже готов, оставалось только надеть ботинки, и я прикрепила розетку к его кокарде на шляпе. Затем тихонько, как могли, мы прокрались по лестнице, стараясь не разбудить спящий дом. Даже на кухне была тишина, слегка потрескивал угасающий огонь в камине, и кошка бесшумно спала около печки. Ричард отодвинул засовы на двери, и мы вышли в холод и темноту.

Кедр казался черным на фоне светлеющего горизонта, а свет факелов в темноте — не ярче пламени свечи. С неба светил тоненький серп луны, и звезды сияли маленькими капельками серебра на темном пурпуре небес. Кто-то в центре толпы подал голос, и все запели довольно странную, монотонную песню, из тех, что поют пахари, идя за плугом,

состоящую не более чем из восьми нот, но зато отшлифованную на протяжении веков. Ее пели только раз в году, в синий предрассветный час, и всегда только для королевы мая, возлагая ее обязанности на девушку, приносящую на землю весну.

Ричард закрыл позади нас дверь, воздух был холодным, как весенняя вода, но мамаина шаль хорошо согревала, и я неподвижно стояла на ступеньках, позволяя песне увлечь меня. Я чувствовала колдовскую власть над собой этих звезд, песни, старого кедра, словно все мы были частью какой-то вневременной мощной силы, существовавшей вечно и идущей через меня к будущим поколениям Лейси.

Песня закончилась, и я глубоко вздохнула, вокруг меня были освещенные факелами сияющие лица моих друзей, которые любили меня и хотели назвать королевой.

Не обменявшись ни словом, мы вышли из сада мимо причудливой арки конюшни и двинулись вдоль дороги по направлению к холмам. Я оглянулась на свой дом, он стоял весь темный, ни одно окно не светилось в нем. Весь мир спал, кроме дюжины молодых людей одной суссекской деревушки, которые шли сейчас встречать восход солнца над родной землей.

Ричард шел рядом со мной, я взглянула на него и улыбнулась. Он взял мою руку и сунул к себе в карман, чтобы я не мерзла. Так мы шли в центре небольшой толпы по дороге к Экру.

Когда мы свернули на тропинку, ведущую к вершине, выяснилось, что там можно пройти только по двое, и все мы разбились на пары. Некоторые девушки шли друг с другом, некоторые парни с друзьями, но большинство молодых людей шло со своими возлюбленными. Зов весны они ощущали так же сильно, как ощущала его я.

Мы упорно взбирались по тропинке вверх, ноги скользили по грязи, и я была рада крепкой поддержке Ричарда. Он не говорил ни слова, и я словно погружалась в сон наяву, идя сквозь буковую рощу по спящей земле.

Это была долгая дорога, а я привыкла ездить верхом и сама удивлялась, как сильно я, оказывается, могу устать от пеших прогулок. Наверху тропинка упиралась в калитку с щеколдой, Ричард отступил, пропуская меня вперед, но, когда я оказалась с другой стороны, он придержал меня. Я непонимающе взглянула на него, а он медленно наклонил свою курчавую голову, мои губы раскрылись, и он поцеловал меня.

Я отступила с легким взгласом неудовольствия, но все вокруг заулыбались. Оказывается, это тоже было частью давнишней традиции: пары, проходя через эту калитку, целовались, как бы давая обет любить друг друга вечно. Даже Клари смотрела на меня с улыбкой и слегка подмигнула, как бы поощряя нарушить верность Джеймсу и быть полегкомысленней. Я строптиво нахмурила брови, но она ничуть не обиделась.

Мэтью шел рядом с ней, но на расстоянии вытянутой руки, и когда она прошла через калитку, то он не стал целовать ее, как делали до них все пары.

— Что это с вами случилось? — спросила я, когда она подошла ко мне и мы стали вместе поджидать остальных.

— Мы с ним на ножах, — скорчила Клари гримаску. — Этот дурак все испортил.

— Почему? Что произошло?

— Все из-за этих глупых стишков, которые он все время пишет, — нетерпеливо объяснила она. — Я не придавала этому никакого значения, но он показал их какому-то человеку в Чичестере, а тот взял и напечатал их и стал продавать.

— Но, Клари, это же чудесно... — начала я.

Она резко обернулась ко мне, и ее глаза блеснули.

— Ничего чудесного, — зло огрызнулась она. — Все его стихи они напечатали в одной маленькой книжке, и знаешь, как они назвали ее? «Стихи деревенского дурачка».

— Что? — не поверила я своим ушам. Мне показалось, что я ослышалась.

— Вот именно, «деревенский дурачок». Издатели сказали ему, что у него необыкновенный природный дар и что его стихи значительно выиграли от того, что он идиот. Вот почему мне нечему радоваться! И это когда все только стали забывать, что

приходский надзиратель считал его неполноценным. — У нее вырвалось подавленное рыдание.

— Как им могло такое в голову прийти? — гневно вскричала я.

— Бабушка Мэтью рассказала им все, — объяснила Клари, опустив глаза. — Эта выжившая из ума старуха рассказала издателям все про него, когда они приехали в своем распрекрасном экипаже сообщить, что им понравились его стихи, и спросить, не написал ли он еще что-нибудь. И она, конечно, выложила им, что приходский надзиратель не брал его на работу, потому что считал дурачком, и что он заикался в детстве и до сих пор плохо говорит, когда волнуется. Тогда они назвали его «немой соловей». А одна газета назвала его «идиот-стихоплет»... — Клари оборвала себя и открыто зарыдала, закрывая лицо кончиком передника.

— Это следует прекратить... — решительно заявила я. — Мы можем запретить публикацию книги и не позволим газетам оскорблять его. Они не станут настаивать, когда мы им объясним...

— Мэтью не разрешит! — вскричала Клари. — Я никогда не считала его дурачком, пока не увидела, как он улыбается, читая в газетах эту чушь про себя. Ему уже заплатили двадцать гиней, и этого ему хватило как раз на бумагу и перья. Потом они обещают заплатить ему еще. Он думает, что скоро разбогатеет, и собирается переехать в Чичестер или даже в Лондон, чтобы познакомиться с другими великими писателями и поэтами. И он совсем не собирается возвращаться в Экр.

— Клари! Это правда? — поразилась я.

— Я ненавижу его! — сказала она с неожиданной силой. — Он словно бы забыл, что такое реальный мир. Он хочет взять меня с собой. Он сказал джентльменам, что он помолвлен с девушкой из деревни, и они спросили, что я собой представляю. — Клари горько усмехнулась. — Представляю собой! Джулия, честное слово, он разбил мое сердце.

Я обняла ее, и она, придвинувшись ко мне, положила голову мне на плечо.

— О, бедная Клари, — по-матерински пожалела я ее. — Не плачь, моя дорогая. Ты никогда не плакала прежде. Мэтью любит только тебя, и для тебя тоже не существует никого другого. Просто счастье немного вскружило ему голову. Но смотри — сегодня он пришел сюда вместе с нами. Он ничуть не изменился. Может быть, он и поживет немного в Лондоне, но потом вернется домой.

Клари отодвинулась от меня и вытерла глаза.

— Но мне он не будет нужен! — воскликнула она. — Мне не нужен человек, который позволяет людям называть его идиотом и при этом считает себя умным. Я ему еще не сказала, но сегодня же скажу, что не выйду за него, и объясню почему. Он позорит нас обоих. Я скажу ему все это и разорву нашу помолвку.

Я протянула к ней руки в бессильном жесте, как бы пытаюсь удержать ее. Я жалела Мэтью и боялась за их счастье. Но кроме того, в моей голове раздался звон, глубокий, как колокольный благовест. Он предупреждал меня, что надо удержать Клари, удержать ее рядом со мной, ибо ей грозит смертельная опасность.

Но она не осталась. Она вырвалась из моих объятий и снова вытерла глаза.

— Какая я дура, что пришла сюда! — горько воскликнула она. — Я думала, что все будет как в прежние времена, когда мои мама и папа приходили сюда. Я думала, что мы с Мэтью опять станем друзьями в эту ночь. Но он принес свою глупую ручку и бумагу и заявил, что собирается писать стихи о мае. Это было просто невыносимо, и я расплакалась и все рассказала тебе, хотя собиралась держать в секрете. Пойду-ка я домой, — отрывисто сказала она. — Мне нечего здесь делать.

— Не ходи, Клари, — отчаянно попросила я. Мне казалось, я не увижу ее снова, если отпущу сейчас. — Оставайся со мной. Мы с Ричардом пойдем искать боярышник, оставайся с нами, Клари, милая. Не ходи никуда!

Она выскользнула из моих рук, как я ни пыталась удержать ее.

— Нет, — отмахнулась она. — Я ушла. Увидимся вечером во время танцев.

— Но обещай, что ты придешь. — Звон в моей голове стал еще громче, мне хотелось заставить Клари поклясться, что она обязательно придет.

— А куда я еще денусь? — устало сказала она. — Я не собираюсь сидеть дома и писать сонеты. Я приду, Джулия, — и она мягко отцепила мои пальцы от уголка своей шали. — Приятного времяпровождения! Я скажу все Мэтью и разорву помолвку, как только они принесут весну домой!

— Клари!.. — я сделала еще одну попытку удержать ее. — Не уходи, Клари, у меня предчувствие. Я уверена, что произойдет что-то плохое.

Она улыбнулась мне мудрой улыбкой женщины, которая не имеет никаких предчувствий, кроме одного: того, что женщина рождена для горя.

— Не переживай, — грустно сказала она. — Все последние дни мне было так плохо, как, наверное, уже не будет никогда. Было бы лучше, если бы он убил меня собственными руками, чем видеть, как он уезжает от меня и от Экра из-за каких-то дрянных стишков. Но теперь худшее позади. Я боролась против людей из Чичестера, и они победили. Все, что мне осталось сделать, это сказать Мэтью, что я не хочу больше видеть его. Что я не люблю его. А теперь отпусти меня, Джулия, — попросила она мягко. — Нет у тебя никакого предчувствия, не беспокойся. Это только я, и мой гнев, и глупость Мэтью.

И она оставила меня. Отвернувшись, она пошла обратно через калитку, у которой Мэтью не поцеловал ее, по тропинке, к своему маленькому коттеджу, думать о любви, которую она узнала, об обещаниях, которые она дала, и о парне, который больше не знал, куда зовет его сердце.

Я стояла, замерев, холодная, как мраморная статуя. Вывел меня из забытья звук дружеского голоса:

— Вы должны найти куст боярышника и нарвать цветов, мисс Джулия! Когда солнце взойдет, мы все соберемся у начала Меловой Отметины.

Это был Джимми Дарт, обнимавший одной рукой Розы. Она раскраснелась от прогулки, и я едва узнала в ней ту бледную девочку, которая кашляла над своей работой в грязной каморке. Ее головка лежала на плече Джимми, любовь светилась в их глазах.

— Так это ты похитила у Ральфа Мэгсона его ученика? — шутливо упрекнула я ее. Они с Джимми обменялись взглядами и рассмеялись.

— Нет, это еще с тех пор, как он был факельщиком, — объяснила она. — Он не может заставить себя часто переходить дорогу.

Теперь и я рассмеялась. Коттеджи Ральфа и Розы стояли на противоположных сторонах улицы, и зрелище снующего то туда, то сюда Джимми давно стало привычным.

— Мы помолвлены, — радостно сказала Розы. — Мы поженимся, когда нам исполнится шестнадцать. Мистер Мэгсон обещал построить нам коттедж.

Я кивнула, улыбаясь. Ральф уже говорил со мной об этом, и я написала об этой новости Джеймсу.

— И больше никаких перчаток, — погрозила я ей.

— Только одну последнюю пару, — лукаво посмотрела на меня Розы. — Я их уже начала шить, но не знаю, когда они потребуются. Это ваши свадебные перчатки, мисс Джулия! Для вашей свадьбы с мистером Фортестью. Это будут особенные, вайдекровские перчатки с вышитым колоском пшеницы на них.

— О, Розы! — в восторге сказала я. — Огромное спасибо! Но ты же знаешь, свадьба пока не назначена, и мы с мистером Фортестью еще даже не помолвлены.

Джимми громко рассмеялся.

— Не помолвлены! Почему же, когда я вас встретил в первый раз, он не хотел брать факел? Да потому, что он хотел проводить вас домой в темноте!

— Пойдем же, — прервал неожиданно Ричард. — Пойдем, Джулия. — Его рука обвивала мою талию, а лицо было так близко к моему, что я ощущала тепло его дыхания. — Пойдем, моя королева, искать твой куст боярышника, — сказал он, увлекая меня от остальных. И мы, не торопясь, пошли вправо к вершине холма, ища глазами темный силуэт

куста.

На Ричарде была его накидка для верховой езды, и он на ходу накинул ее мне на плечи. Я легко и уверенно ступала в темноте, ибо шла по своей земле.

Неожиданно мы вспугнули овцу с ягненком, они выскочили у нас из-под ног с жалобным блеянием и исчезли в темноте. Земля там, где они лежали, была теплая и пахла шерстью. Ричард расстелил свою накидку, я уселась с краю, а другим концом он укрыл меня от холода.

Я чувствовала себя напряженно, помня тот последний раз, когда мы были в холмах и он поцеловал меня без разрешения. Но он твердо придерживался данного мне слова, его объятие было дружеским, братским, но не более. Мы сидели в молчании, пока небо не начало светлеть. Трава вокруг нас сначала стала серой, потом постепенно цвет ее стал переходить в зеленый, одновременно становилось теплее.

— Я люблю тебя, маленькая Джулия, — нежным голосом сказал Ричард. — Я хочу, чтобы ты забыла городских друзей и вернулась ко мне, ко мне и Вай-декру. — Я смотрела в его затуманенные глаза и видела свою первую любовь, любовь моего детства и юности.

— Слишком поздно, — сказала я почти с сожалением. — Ты поймешь это, когда влюбишься, Ричард. Только тогда.

Его улыбка в предрассветном сумраке была почти виноватой.

— Я никогда не полюблю никого, кроме тебя. — И больше он не проронил не слова.

Небо посветлело, и раздались первые трели птичьих голосов, их становилось все больше. Вокруг нас стали подниматься другие пары, отряхивая одежду и улыбаясь друг другу.

Все вместе мы направились туда, где холмы смотрели в Экр. На вершине одного из них была меловая осыпь, видно которую было только из Экра. Оттуда она казалась белой лентой, накинутой на вершину. Ее называли Меловой Отметиной, и, когда мы с Ричардом были детьми и нам случалось потеряться в лесу, мы всегда по ней отыскивали путь домой. Сейчас она лежала у наших ног и мы ожидали восхода солнца.

Все лица были обращены на восток, и первые лучи солнца окрасили их в розовый цвет. Ребята опять запели. Я запомнила несложную мелодию и могла петь вместе с ними. Я была счастлива здесь. Ричард держал мою руку, мои друзья стояли рядом. Но на моем сердце лежала тяжесть тревоги за Клари, и когда я оглянулась в поисках Мэтью, я увидела, что он тоже ушел. Я пожала плечами, печаль коснулась меня своим крылом.

Песня закончилась, и мы пошли обратно. Ребята подвели ко мне Мисти, и Ричард помог мне взобраться в седло. На меня надели венок и вручили жезл. Мисти тоже имела праздничный вид, с ветками, вплетенными в гриву, но они доставляли ей массу неудобств, и она крутила и трясла головой. Я тоже испытывала обычные неудобства, сидя в длинных юбках на лошади. Тед Тайк дружески подмигнул мне, намекая, что ему видны мои лодыжки, но я не собиралась разыгрывать чинную леди на вершине холма.

Мы пели, спускаясь по тропинке, и так мы принесли в Экр весну. По старой традиции, в эту ночь позволялось разыгрывать невинные шуточки с соседями, и ребята не упустили такой возможности. Одна не очень молодая девушка, влюбленная в парня, не отвечавшего ей взаимностью, утром узнала, что ее тайна раскрыта, найдя у своей двери ободранную ветку ивы. Муж, бывший под каблуком у своей жены, утром обнаружил палочку со вставленным в нее куриным пером. Мужчина, слишком строго воспитывавший своих детей, получил намек в виде прибитой к двери палки, а одна женщина, слишком охотно улыбающаяся молодым людям, нашла ветку, обвязанную красной лентой.

На Кларином пороге ребята оставили половину разорванного венка, вторая половина которого оказалась у дверей Мэтью. Таким образом наиболее популярная в Экре пара получила как бы официальное благословение на свадьбу. Но меня вдруг пронзило сходство этих цветов с погребальными. Только мне было известно, что эта любовь, начавшаяся в худые дни, оборвалась как раз тогда, когда дела в Экре пошли хорошо.

Глава 21

Мама, сидя в кровати, пила свой утренний шоколад, когда я постучала к ней в дверь.

— Доброе утро, — сказала она. — Добро пожаловать, ваше величество, королева мая! Вы не расстались с вашими волшебными чарами, дорогая? Не могли бы вы даровать мне вечную молодость и красоту?

Я весело рассмеялась.

— Думаю, что ты обладаешь ими, мама, — сказала я, усаживаясь у ее ног. — Ты выглядишь непозволительно молодой и очаровательной с тех пор, как дядя Джон вернулся домой.

— Это потому, что я счастлива, — улыбнулась она. — а как ты? Не устала после ваших утренних песнопений?

— Нет, — ответила я, потянувшись. — Хочется спать, но я не устала, хотя прогулка оказалась дольше, чем я ожидала. Я ведь прежде не ходила туда пешком.

— Ты можешь отдохнуть до завтрака, — предложила мама. — Или даже ложись поспи, а я разбуду тебя к полудню.

Я встала с кровати и подошла к окну.

— Не искушай меня, пожалуйста. Раз в деревне праздник, то, значит, следить за скотом придется мне. После завтрака я съезжу проведать овец, а потом к Фени — посмотреть коров.

Мама кивнула и, откинув одеяло, выскользнула из кровати.

— Ты пристыдила меня, я уж было подумала, что у нас всех праздник.

Вдалеке хлопнула калитка.

— Кто это? — спросила мама, накидывая пеньюар и становясь у окна рядом со мной.

— Джем привез почту, — и я пошла к дверям. — Может быть, будет что-то от Джеймса!

Я вихрем слетела с лестницы и почти упала в объятия Дженни Ходжет, которая только что забрала у Джема целую пачку писем.

— Есть что-нибудь для меня? — спросила я.

— Да, мисс Джулия, — ответила она, улыбаясь. — и похоже, что от вашего молодого человека.

Я взглянула на конверт. Он был надписан знакомым наклонным почерком Джеймса, но опущено письмо было в Англии.

— Дженни! — воскликнула я. — Письмо опустили в Англии. Джеймс уже дома! — Она просияла в ответ. — Я прочту его позже, — мне вдруг захотелось побыть одной. — Передайте маме, что я вернусь к завтраку. — Выскользнув из дверей, я побежала через сад к конюшне.

Джем был в своей комнате наверху, и там мне никто не мог помешать. Мисти стояла в своем стойле, там, где я оставила ее все еще под седлом, ее венок висел рядом на крюке. Войдя к ней, я уселась на опрокинутое ведро, ощущая ее теплое, пахнущее овсом дыхание.

Письмо было коротким.

«Сердце мое,

это письмо опередит меня не более чем на шесть дней. Сегодня после полудня я возвратился в Англию. Завтра я буду у адвокатов, и, как только дам отчет моему отцу, я отправляюсь из Бристоля к Вам и буду у Вас на следующий день — 6 мая. Если Вы согласитесь потесниться, я смогу остановиться у Вас. Если же нет, я буду спать на клумбе под Вашим окном. Но если я не увижу Вас сразу, я положительно заболею.

Контракты для нашей свадьбы уже готовы — завтра я их подписываю. То, что собирается выделить мне отец, позволит нам построить дом даже больший, чем ваш Вайдекр Холл. Я привезу с собой некоторые чертежи, когда приеду, и мы сможем сразу же приступить к постройке.

Если бы это зависело только от меня, мы могли бы пожениться завтра, Вы бы не возражали, надеюсь? Или Вам нужно время, чтобы приготовить приданое? Нет, я не хочу, чтобы Вы считали меня нетерпеливым. Следующая неделя наступит очень быстро.

Моя любимая, я целую Ваши руки, Ваши ноги, землю, по которой они ступают, и камни на этой земле.

А если серьезно, все деловые приготовления к свадьбе уже сделаны, и только от Вас зависит назвать день, когда Вы сделаете меня счастливейшим из людей... и наполовину сквайром Вайдекра!

Пожалуйста, сделайте это поскорей.

Ваш навсегда

Джеймс».

Я протянула назад руку и погладила гладкий бок Мисти. Наконец Джеймс приезжает домой, и уже ничто не может помешать ему. Может быть, он и пошутил, говоря о том, что готов жениться на мне завтра, но я знала Джеймса. Если он говорит это, пусть даже в шутку, значит, так оно и есть. И видит Бог, я тоже готова стать его женой.

Я поднялась на ноги, собираясь идти домой и рассказать маме о приезде Джеймса, а также попросить миссис Гау приготовить парадный обед в тот день, когда он должен приехать, — но потом я помедлила. Мне хотелось побыть в одиночестве и тишине еще чуть-чуть. Счастье, в котором я пребывала в это спокойное солнечное утро, было слишком большим для того, чтобы нарушать его суматохой забот о меню, нарядах и приготовлениях. Я подтянула подпругу Мисти и вскочила в седло, предварительно сложив и засунув письмо в маленький карманчик жакета. Выхав со двора, я направила ее к Вайдекр Холлу.

Я скакала совершенно бездумно, опустив поводья, мечтая о том дне, когда Джеймс приедет ко мне, о том, как я поеду встречать его к остановке дилижанса, и о том, как он улыбнется, увидев меня, терпеливо ожидающую его, словно крестьяночка своего пастушка. Мысленно я стала перебирать все свои наряды, выискивая самое лучшее платье, которое он еще не видал. Потом я стала думать о меню для обеда, о том, какие пудинги он предпочитает и как лучше приготовить для него мясо. На моих губах играла улыбка, я плавала в золотом блаженстве радости от приезда Джеймса.

У строителей тоже был праздник, поэтому сад и новый Холл были пусты. Я медленно проехала мимо террасы к розовому саду, мне хотелось посидеть на солнышке и еще помечтать, прежде чем я вернусь домой и расскажу маме о том, что нам пора готовиться к венчанию. Я привязала Мисти к плетеному трельяжу у старой беседки и вошла внутрь. Там было тихо и уютно, приятно пахло сухими листьями и свежеструганными досками. Я уселась на пол и оперлась на теплую деревянную стену. Зажав в руке открытое письмо Джеймса, я закрыла глаза и задремала, все еще улыбаясь и мечтая о дне, когда он будет со мной.

Сначала это показалось частью сна — поцелуй, легкий, как прикосновение крыла бабочки. Я улыбнулась, не открывая глаз. Это казалось частью сна о Джеймсе, частью того давнего сна, который я видела здесь же, когда я была Беатрис. Я чувствовала себя будто в трансе, как и тогда, и я, как спящий ребенок, подставляла лицо поцелуям. И когда я ощутила тяжесть чьего-то тела на себе, я безмятежно, как сама Беатрис, обхватила его за шею и притянула к себе. Меня поцеловали в губы, и я слегка раскрыла их.

Прикосновение его языка было как лед.

Мои глаза распахнулись, и я отдернула голову.

Это был Ричард.

Я сразу же попыталась вырваться от него и вскочить на ноги, но он не пускал меня. Его вес, который был так приятен мне, внезапно стал препятствием, он приковывал меня к полу, и я не могла преодолеть эту тяжесть.

— Ричард! — гневно воскликнула я. — Пусти меня! Отпусти сию же минуту!

Он ничего не отвечал, стараясь не смотреть мне в глаза. Но полез ко мне под юбки,

игнорируя мои бессильные протесты.

И внезапно поднял их до пояса. Я задохнулась от ужаса, и внезапно мне вспомнилась картина борьбы и безотчетный ужас, который испытывал ястреб в руках Ричарда. Я освободила левую руку и изо всех сил ударила Ричарда по лицу.

Он мотнул головой, словно бык, одолеваемый оводом, и схватил меня за нее. Моя другая рука была прижата моим собственным телом. Я извивалась как могла, но была беспомощна.

— Ричард! — сказала я еще громче и резче. Но в моем голосе послышалась нотка паники, и мы оба почувствовали это. Тогда он в первый раз взглянул мне в глаза. Но взгляд его был пустым, как стекло, и совершенно безучастным. И тут он вставил колено между моими ногами и резко раздвинул их, причиняя мне боль.

Я завизжала.

Завизжала, даже не думая о том, что кто-то может услышать меня, просто в безотчетном ужасе. В том же приступе панического страха, который заставил ястреба взвиться в воздух, даже такой жестокой ценой.

И сразу же, будто мой крик был сигналом для него, Ричард схватил меня за запястье и сжал его так сильно, что меня обожгло, словно огнем. Я открыла было рот, чтобы закричать, но все, что мне удалось выдать из себя, это был вздох ужаса, так как я услышала треск ломаемой кости и почувствовала, что мою руку и все мое тело пронзила боль. Ричард отпустил мою руку и зажал мне ладонью рот.

— Если ты будешь сопротивляться, я сломаю другое запястье, — мягко, почти соболезнуя, сказал он. — А если ты завизжишь, то я придушу тебя. Я буду душить тебя, пока ты не потеряешь сознание, а потом все равно сделаю то, что я должен сделать. Понимаешь?

Его лицо придвинулось к моему вплотную, так что я чувствовала его дыхание на щеке. Оно было совершенно спокойным и тихим, будто бы происходящее было для него просто прогулкой.

— Ричард... — прошептала я с ужасом. — Не делай этого, Ричард, пожалуйста. Почему ты так поступаешь со мной?

Его улыбка стала чуть грустнее, а глаза — такими темными, какими я никогда не видела их.

— Потому что ты хочешь привести сюда соперника, — в его голосе звучала неприкрытая ненависть. — Ты собираешься построить для себя дом, больший, чем Вайдекр. Я прочел его письмо. Пока ты спала здесь, рядом с моим домом, на моей земле! И ты мечтаешь отдать ему половину моего богатства!

Я открыла рот, чтобы возразить, мой мозг боролся, как пойманный зверек, чтобы найти путь к спасению.

— Ты была помолвлена со мной. И я был дураком, что отпустил тебя, и еще большим дураком, когда пытался по-хорошему возратить тебя себе. А сейчас я собираюсь получить то, что принадлежит мне по праву!

— Нет, Ричард! — сказала я. Я чувствовала, как мое горло сжимает страх. Этот кошмар был слишком похож на его жестокое обращение со мной в детстве. Я чувствовала, как меня оставляет храбрость, как из сильной женщины я превращаюсь в панически трепещущую жертву, которой я в действительности была все свое детство.

— Это будет больно, — проговорил он с нескрываемым удовольствием. — Мне кажется, ты боишься, Джулия.

— Нет! — хотела воскликнуть я, но горло перехватило и я не издала ни звука. Ричарду показалось, что я молчу из страха перед ним, и его глаза сверкнули нескрываемым удовольствием.

Он расстегнул брюки и спустил их. Затем, придерживая одной рукой мое сломанное запястье, а другую держа поверх моего рта, он опрокинул меня головой на пыльный пол и одним ненавидящим диким движением ворвался в меня. Мой крик боли заглушила его тяжелая ладонь, а рыдания застряли у меня в горле.

Это было как ночной кошмар, как наихудший из кошмаров, и он не прекращался. Я пыталась найти в себе силы и сказать ему: «Ну хватит, уже сделано». Но не могла. Ричард врывался в израненную плоть снова и снова. Казалось, он находит удовольствие в этой пытке, так что мысленно я зывала о помощи, и горячие слезы заливали мое лицо.

Внезапно он содрогнулся и упал на меня, как будто я была мешком соломы.

Я лежала распростертая на пыльном полу, там, где когда-то я мечтала о страсти, вся в слезах и в пучине боли и горя. Я чувствовала, что истекаю кровью, что болит бедро там, где он ударил меня коленом, но все это было ничто по сравнению с болью внутри меня.

Ричард скатился с меня и внезапно насторожился, глядя в открытую дверь. Не сказав мне ни слова, он вскочил на ноги и, застегивая на ходу брюки, стремглав кинулся в сад, будто бы все дьяволы преисподней гнались за ним. Он убежал от меня, будто бы он и вправду задушил меня и теперь убегал от бесчувственного тела. Я лежала, как он оставил меня, и смотрела на белую крышу над собой, на маленькую дыру от сучка в доске, где проглядывало голубое небо, и чувствовала, как кровь вытекает из меня.

Мой живот напрягали постоянные спазмы боли, и вдруг накатилась такая огромная волна, которая заставила меня задохнуться и прикусить руку, чтобы не закричать. Мое сломанное запястье пульсировало и прямо на глазах чернело и раздувалось.

Я лежала на грязном полу с задранными до пояса юбками, всклокоченными волосами и чувствовала себя такой поруганной и оскорбленной, что было бы лучше, если бы Ричард выполнил свою угрозу и задушил меня.

Не знаю, сколько времени прошло, пока я смогла сесть. Я не думала, я не могла думать о том, что случилось, и о том, что мне надо сделать. Я ощущала только крайнюю необходимость оказаться дома. Мне хотелось быть у себя в спальне за закрытой дверью, лежать, укрывшись с головой под одеялом. Тогда я села и, держась за косяк двери, заставила себя подняться на ноги. Я зашаталась, но не упала. Мне показалось, что кровь перестала течь, платье было чистым. Продолжая держаться за дверь, я сделала один неуверенный шаг в сад.

Мисти не было. Я закрыла на секунду глаза и затем опять открыла их в надежде, что ошиблась, что она там, где я оставила ее. Но ее не было, она оборвала поводья и убежала домой.

И тут я зарыдала. Это был первый звук, который я издала после слов «Ричард, нет!», голосом, который не испугал бы и мышь. Мисти не было, и я не знала, как доберусь домой. Все, что мне было нужно, единственное, что мне было нужно, — это оказаться дома и заснуть.

Голова кружилась, колени дрожали, и я скорчилась на ступеньке беседки, положив голову на сгиб локтя, и подставила спину солнечному теплу. Я не думала, что когда-нибудь я отогреюсь душой. Я оставалась совершенно спокойной, казалось, я оцепенела на всю жизнь от этого горя.

Неожиданно я услышала голоса, повторяющие мое имя снова и снова. Раздался приближающийся стук копыт по гравии, и голос Джема, охрипший от тревоги, позвал меня:

— Мисс Джулия! Мисс Джулия!

— Я здесь! — отозвалась я слабым голосом. — Здесь, Джем! В беседке! — Я поднялась на ноги и пошла к нему.

Он скакал на Принце и, едва увидев меня, тут же оказался рядом.

— Вы упали? — спросил он. — Си Мист пришла домой с оборванными поводьями и болтающимся седлом. Я подумал, что вы упали.

Я кивнула, слишком обессиленная, чтобы говорить, чтобы высказать невозможное, чтобы обвинять.

И кроме того, я ощущала, что в этом была и моя вина.

— Вы можете скакать? — спросил он. — Или мне съездить домой и прислать экипаж?

— Я хочу домой, — жалобно сказала я. Джем посадил меня на Принца и одним прыжком оказался позади меня. Его руки поддерживали меня в безопасности, но на какой-то

момент мной овладел сумасшедший безрассудный страх перед ним, перед Джемом, которого я знала всю свою жизнь и который пошел искать и звать меня.

Чтобы не заплакать, я прикусила губу. Джема мне нечего было бояться.

Я не улыбалась ему и не гуляла с ним. Я не целовала его на глазах всего Экра. И я не обещала выйти за него замуж. Все это я позволяла себе с Ричардом. И я лгала ему. Я никогда не рассказывала ему о том, что собираюсь жить в Вайдекре с Джеймсом. Я не лгала ему по-настоящему, но я и не говорила правды.

Когда он впервые поцеловал меня в беседке, я улыбалась.

Ощувив его тяжесть на себе, я обхватила его за шею и приоткрыла рот, чтобы почувствовать его язык.

— Мне плохо, — едва успела выговорить я, и меня тут же вырвало желчью.

Джем придержал Принца.

— Ваша мама осталась дома на случай, если вас отыщут или вы сами придете домой. Все остальные отправились на поиски. Когда мы вернемся, я ударю в гонг, чтобы дать им знать, что вы нашлись, а в деревне позвонят в колокол в школе, чтобы услышали те, кто отправился в лес.

Я согласно кивнула. Принц шел по самому центру дороги, мягко переступая ногами по гладкой земле. Но даже это легкое покачивание отдавалось болью в моем сломанном запястье и заставляло сжиматься желудок. Из-за деревьев уже показалась крыша Дауэр-Хауса, и я, стиснув зубы, терпела боль.

Садовые ворота были распахнуты, и Джем, громко крикнув: «Хелло!», направил Принца прямо к дверям. Я видела, как кто-то выбежал из холла, и протянула руки навстречу маме.

Но это была не она. Это был Ричард. Мама шла сразу за ним, но Ричард был первым, кто спрыгнул со ступенек и подбежал к нам.

— Джулия! Слава Богу! — воскликнул он. — Я возьму ее, Джем. Осторожней с этой рукой.

Тут мама оказалась рядом со мной и прижалась прохладной щекой ко мне.

— Бедняжка моя! — ласково проговорила она. — Ты упала?

Я открыла было рот, чтобы ответить, но руки Ричарда слегка сжимали мою талию. Я смотрела в его знакомое лицо, участливо склонившееся ко мне. Ричард был самым близким для меня человеком с тех пор, когда я начала осознавать себя. Его глаза искрились, он тепло улыбался мне, но в самой глубине глаз таился огонек жестокости.

— Расскажи все твоей маме, Джулия, — сказал он, и его голос зазвенел от сдерживаемого смеха. — Расскажи нам всем, что с тобой случилось и как ты умудрилась так сильно повредить руку.

Но это было невозможно.

Я так же не могла сказать маме правду, как не могла бы произнести ей в лицо какую-нибудь непристойность. Мне было невыносимо стыдно. Стыдно за нее, стыдно за Ричарда, стыдно за саму себя.

Мое горло сжалось, и слезы опять потекли по моему лицу.

— Я упала. Я упала с Мисти, а она убежала.

Ричард сразу повернулся и повел меня в дом, мама, придерживая мою здоровую руку, шла рядом. Ричард помог мне лечь и, выходя из комнаты, немного помедлил у двери. Он смотрел на меня, его лицо светилось радостью, и он заговорщицки мне подмигнул. После этого он вышел.

Я спала до обеда, и, когда я проснулась от звука открываемой двери, мама стояла у моей кровати с подносом в руках.

— Чай, — сказала она. — Чай для инвалида. Джулия, моя дорогая, я даже не могу сказать тебе, как ты нас напугала!

Я попыталась улыбнуться, но тщетно. Мои губы так дрожали, что я едва могла говорить.

— У меня болит запястье, — как ребенок, пожаловалась я.

Мама взглянула на него.

— Боже милосердный! — вскрикнула она. — Тут ужасный синяк и, может быть, даже перелом. — С этими словами она поставила поднос и выбежала из комнаты. Я услышала, как она сбежала вниз и стала звать дядю Джона.

Когда они оба вошли ко мне, дядя Джон взглянул на мою руку, скрюченную от боли и синюю, как ирис.

— Перелом, — сказал он маме. — Вам лучше выйти, Селия. Мы с Джулией управимся сами.

— Может быть, мне остаться? — вопросительно взглянула на меня мама.

— Нет, — сказала я, хотя я так нуждалась в ее ласке.

Лечение сломанной кости было болезненной процедурой, даже жестокой. Но каким-то странным образом я жаждала этой боли. Она была одной из тех немногих вещей в мире, в которых я могла быть уверена. Боль сломанного запястья. Уголок неба Вайдекра, видимый из моего окна. Лукавая улыбка Ричарда.

— Тебе следует остаться в постели, — сказала мама, глядя на мое бледное лицо, когда дядя Джон позволил ей вернуться комнату.

— Хорошо, — слабо сказала я.

— Тебе бы хотелось что-нибудь?

Я задержала дыхание. Я знала, что должна рассказать ей все. Конечно же, маме все должно быть известно.

— Мама... — начала я.

— Ричард сказал, что он пообедает здесь с тобой, — продолжала мама свою мысль. — Полагаю, тебе будет веселее в его компании, да, дорогая?

Я заколебалась. Птичье пение за окном казалось таким спокойным и умиротворяющим.

Я не смогла сказать ей это. Я не могла сказать, что он сделал со мной. Я не могла сказать ей, что произошло, сказать что сын дяди Джона и наследник Вайдекра — насильник.

— Хорошо, — прошептала я. — Пусть Ричард пообедает здесь.

— Договорились, — голос мамы звучал по-деловому. — Сейчас он в конюшне, смотрит твою лошадь.

Вдруг что-то будто разорвалось в моей голове — несмотря на одурь от лауданума и тяжесть моего греха. Я рывком села в постели и закричала маме:

— Нет! Мама, пожалуйста! Не позволяй ему трогать Мисти.

В замешательстве мама взглянула на дядю Джона, как будто в моем крике было что-то непонятное для них.

— Пожалуйста! — настойчиво повторила я. — Пообещай мне, мама, что ты не позволишь тронуть мою лошадь.

— Конечно, нет, дорогая, — мягко сказала она. — Конечно, обещаю, раз ты не хочешь этого. Я сейчас же пойду на конюшню и попрошу его уйти оттуда. Пусть Джем занимается лошадьми.

— Хорошо, — сказала я и откинулась на подушку.

— А теперь спать, — велел дядя Джон. — Спать до самого обеда. Больно не будет, Джулия, спи, пожалуйста.

Я улыбнулась ему. Но я уже едва видела его лицо, комната поплыла перед моими глазами. Думаю, что я заснула прежде, чем они вышли из комнаты.

Я спала до обеда. Мы с Ричардом обедали вместе, и Дженни Ходжет обслуживала нас, стоя у локтя Ричарда. Я ела мало, поскольку совсем не была голодна. Каждый раз, стоило мне взглянуть на Ричарда, я чувствовала, как мои глаза наполняются бесполезными необъяснимыми слезами. Я чувствовала себя виноватой. Виноватой в том, что произошло. Виноватой в том, что не рассказала всего сразу, как только оказалась дома, и теперь из-за моей трусости Ричард и мама, дядя Джон и я должны жить во лжи. Я не рассказала тогда, когда мне следовало это сделать. И сейчас я не могла ничего сказать. Я даже не могла

заставить Ричарда прекратить улыбаться пошлой, заговорщицкой улыбкой.

Когда Дженни подала чай, она передала мне просьбу дяди Джона спуститься в гостиную, если я в состоянии, поскольку пришел Ральф Мэгсон и просит позволения поговорить со мной. Ричард вышел из комнаты, Дженни помогла мне надеть пеньюар, и я спустилась вниз. Я знала, что только нечто очень важное могло заставить Ральфа прийти к нам в такой час. Мне пришлось собраться с силами, чтобы спуститься вниз, и я бы не удивилась, если бы Ральф по одному моему виду догадался, что я лишилась чести и что я — лгунья.

Ральф и дядя Джон были внизу в библиотеке. Ральф в немногих словах извинился за то, что побеспокоил меня, я молча кивнула. Мы с ним не нуждались в долгих разговорах.

— Пропала Клари Денч, — коротко сказал он. — И я пытаюсь выяснить, кто видел ее в последний раз и не собиралась ли она уехать куда-нибудь на праздники.

Я едва понимала, что он говорит, в голове у меня стучало.

— Я видела Клари в холмах, когда мы все ходили туда встречать рассвет. Она ушла рано, сказав, что идет домой. И уезжать из деревни она никуда не собиралась.

— Я не думаю, что она способна уехать, никому не сказав ни слова, — обратился Ральф к дяде Джону.

— Вы полагаете, что с ней произошло несчастье? — требовательно спросил тот.

Ральф скривился и искоса глянул на меня, будто ожидая подсказки.

— С этими девушками трудно быть в чем-либо уверенным, — ответил он. — И мне не хотелось бы тревожить зря деревню, отправляя людей на ее поиски. У них первый праздник за долгие годы, и сегодня все уже полдня искали мисс Джулию.

— Клари — не вертихвостка какая-нибудь, — решительно встала я. Я была очень встревожена, потому что помнила, как пыталась удержать Клари со мной. Но я боялась сказать ей, какую тень вижу на ее лице. Я всем боялась сказать правду. — Она бы предупредила вас, если бы собиралась уехать. И обязательно поставила бы в известность свою семью.

Дверь отворилась, и тихо вошел Ричард.

— Что вы предлагаете? — спросил Ральф у меня и у дяди Джона, намеренно игнорируя Ричарда.

— Послать двоих или троих парней в лес на поиски, — сказал дядя Джон, взглядом спрашивая у меня одобрения.

Я кивнула.

— Ищите около Фенни, — дополнила я. — Клари всегда ходила к реке, когда ей бывало грустно. А она была очень грустна сегодня.

— Она поссорилась с Мэтью? — спросил Ральф.

— Да, — неохотно подтвердила я.

— Хорошо, я пошлю несколько человек искать ее, но это досадно. Я обещал Экру праздник, а теперь мне придется лишить их этого.

— Я помогу вам, — вдруг вызвался Ричард. Мы все обернулись и посмотрели на него. Его лицо сияло. — Не так уж много я могу сделать на своей земле, но от этого беспокойства я в состоянии вас избавить, мистер Мэгсон. Я мог бы принять участие в поисках Клари.

— Благодарю вас, — медленно отозвался Ральф. Он пристально смотрел в глаза Ричарда. — Это будет действительно существенная помощь. Завтра, как только рассветет, я пришлю к вам двоих человек, если, конечно, до этого девушка не вернется домой.

— Я буду готов, — пообещал Ричард.

Тут Ральф обернулся ко мне:

— А как вы, мисс Джулия? Вы завтра поедете с ними или пока не сможете? Уж на танцы к нам, я надеюсь, придете?

Я собиралась ответить, что завтра обязательно приеду в Экр, но мой желудок сжал такой сильный спазм боли, что я задохнулась и опять мои глаза наполнились слезами.

— Я устала, — слабо ответила я. — Я приеду в деревню, как только мне станет

получше, мистер Мэгсон.

— Хорошо, — сказал Ральф великодушно. — Не надо приходить, пока вы не поправитесь. Я удивлен, что вы упали, но обычно хорошие наездники и падают тяжелее всего. Особенно жаль, что это случилось с лошастью, которую я выбрал для вас.

— Это не ее вина, — я едва могла говорить. — Виновата только я, Ральф. Это целиком моя вина. Мне следовало быть осторожнее.

— Хватит об этом, — вмешался Ричард. — Я пойду за твоей мамой, чтобы она отвела тебя в постель. — И он повернулся к Ральфу. — Джулия все еще в шоке после своего падения.

Ральф отступил на шаг и поклонился.

— Извините мое вмешательство, — сказал он неловко.

Мне хотелось сказать, что ему не за что извиняться, что он никогда не бывает навязчивым. Я хотела попросить его поискать Клари, рассказать ему о моем предчувствии относительно нее. Но из этого ничего бы не вышло. Я не могла сказать ему правды. Я не могла сказать, что я не падала с лошади. Я только посмотрела на него умоляющим долгим взглядом, и слезы опять заструились по моему лицу.

— Извините, — мой голос прерывался от рыданий. — Ради Бога, извините. Мне никак не справиться с этим.

— Пора спать, — твердо сказал дядя Джон. Вошли мама с Ричардом, и она отвела меня в спальню и уложила в постель, будто я была маленьким ребенком. И все время слезы текли по моим щекам. Мама промокала их своим платочком, пахнущим лилиями, затем сунула его мне под подушку и оставила меня.

Я лежала на спине и чувствовала, как слезы скапливаются в уголках глаз и стекают по вискам. Вдруг я вздрогнула, вспомнив, что ничего не сделала с моим запачканным кровью бельем.

Устало я поднялась с постели и подошла к комоду, куда я его сунула. Пятна стали коричневыми — старыми и безобидными на вид. Я скомкала свои вещи и бросила их в камин. Они сгорели, пока я ворочалась в постели, и, без сомнения, этот дым навеял на меня сон о пустом доме, о людях, идущих с факелами, и об огромном пожаре, в котором погиб целый дом, не оставив после себя ничего, кроме развалин.

Клари умерла.

Я знала это. Я чувствовала, что она в опасности, с тех пор, когда, оглядев ряд женщин, склонившихся над кустами малины, не нашла ее среди них.

Никто не знал, кто совершил это, кто поднял руку на милую Клари. Но Ричард сказал, что рядом с телом они нашли Мэтью Мерри. Он был весь мокрый, и они догадались, что он залез в Фенни и вытащил ее оттуда. Она была в реке около плотины у новой мельницы, но она не утонула. Все решили, что ее задушили, а потом бросили в реку. Клари никогда бы не утонула. Мы вместе научились плавать много лет назад.

Все это выглядело очень подозрительным для Мэтью. Он не мог сказать, как он нашел ее, как он оказался у реки. Он вообще ничего не мог объяснить и только укачивал ее обезображенное тело в своих объятиях и снова и снова, заикаясь, бормотал ее имя.

Я вскрикнула и разрыдалась, когда дядя Джон рассказал мне новость, принесенную Ричардом в Дауэр-Хаус. В то же мгновение мама возникла возле меня с флаконом успокаивающих капель и водой.

— Выпей это, моя дорогая, — попросила она, и я, послушная, как ребенок, выпила капли, не сводя глаз с лица дяди Джона.

— Что с ней произошло? — спросила я, от горя и лекарств едва ворочая языком.

— Клари задушили, — прямо ответил он, несмотря на то что мама предостерегающе подняла руку. — Джулия должна знать, Селия. Она должна знать все, что происходит в Экре. Ричард сейчас там, он беседует с друзьями Клари. Никто не может понять, что случилось. Говорят, накануне она поссорилась со своим возлюбленным.

— Нет, — быстро возразила я. — Это не мог быть Мэтью Мерри. Он прекрасный человек и любит Клари с самого детства. Он не мог обидеть ее.

— Это тот парень, у которого бывают припадки? — спросила мама, устремив глаза на дядю Джона. — С ним случались обмороки, и, когда он приходил в себя, он не помнил, что с ним было.

Дядя Джон кивнул.

— Мэтью не делал ничего плохого во время этих приступов, — продолжала я с напором. — Просто у него слабая голова и иногда случаются обмороки. Но он и в детстве был добрейшим малым и остался таким. Он бы не обидел даже мухи, не говоря уже о Клари! Они поссорились, но это ничего не значит. Он обожал ее!

— Но он знал, где искать ее, — спокойно возразил дядя Джон. — Его нашли рыдающим рядом с ее телом. Это сильно его компрометирует.

— Нет, — убежденно сказала я. — Он никогда бы и пальцем не тронул Клари. Он скорее убил бы самого себя. — И тут я замолчала, боясь, что разрыдаюсь. Никто в Дауэр-Хаусе не знал Клари и Мэтью так, как я. Мама и дядя Джон были очень добрыми людьми, но они не играли с экрскими ребятами в детстве. Они не знали, что эти двое были влюблены друг в друга давным-давно, и Мэтью скорей умер бы, чем обидел Клари. К тому же эта ссора причинила боль им обоим.

— Возможно, лорд Хаверинг повлияет на ход этого дела, — сказал дядя Джон. — Он будет следующим мировым судьей. Ричард уехал поговорить с ним.

Я молчала. Правда о том, что случилось, только сейчас стала доходить до меня.

— Клари умерла, — медленно проговорила я. — Она страдала перед смертью?

Я заметила мамин быстрый знак дяде Джону, но он ответил мне честно:

— Только несколько мгновений. Убийца задушил ее. Она быстро лишилась сознания, Джулия.

Я слышала произносимые слова, но не могла говорить из-за поднимающейся волны тошноты. Перед моими глазами стояло хорошенькое лицо Клари и слезы в ее глазах, когда она сказала, что Мэтью разбил ее сердце.

— Я не могу вынести это! — почти зарыдала я. — В нашем Вайдекре!

Тогда дядя Джон взял меня за одну руку, мама за другую, и они отвели меня в спальню. Он налил мне лауданума, и мама, сидя рядом, держала меня за руку, пока я не начала проваливаться в сон.

— Мама! — вдруг вскрикнула я на грани паники. — Мама!

В секунду между сном и бодрствованием мне показалось, что я — Клари, бегущая через лес, и за мной гонится человек, чтобы убить меня. Он должен убить меня, потому что я видела нечто ужасное. Я прочла эту решимость в его глазах и знала, что сейчас мне придется бежать быстрее, чем когда-либо в жизни, иначе он поймает меня и, схватив за горло своими мягкими барскими руками, сдавит его так сильно, что я не смогу больше дышать. В этом сне я была Клари, бегущей так, будто бы за ней гнался сам дьявол. Но также я была и собой. И я боялась не меньше, чем Клари.

Я боялась даже больше, потому что когда этот человек настиг Клари и она, обернувшись, почувствовала его пальцы на своем горле и увидела его лицо... Я узнала, кто это был.

Глава 22

Мэтью Мерри стал мишенью для насмешек всей деревни с тех пор, как он малышом произнес, заикаясь, свои первые слова. В трудные годы его единственным защитником была бабушка, старая миссис Мерри. В то время ее слово было законом для Экра, но теперь она имела мало влияния на молодежь.

Его было легко испугать, потому что в детстве с ним плохо обращались. Я думаю, потому Клари и взяла его под свою защиту. Он будил ее материнские чувства, и ей

нравилось защищать его от других членов той волчьей стаи, предводителем которой она была.

Когда Мэтью обнаружил ее труп, он словно бы растерял ту лукавую смышленность, которую она первая обнаружила в нем и которую всячески поощрял Ральф. Уверенность, которую Мэтью получил от людей, хваливших его стихи, мгновенно схлынула с него, и он повел себя как идиот, каким его и считали. Когда их нашли, он крепко сжимал в объятиях мокрое тело Клари, выкрикивая ее имя. Слезы так обильно текли по его щекам, что лицо было таким же мокрым, как у его погибшей возлюбленной.

Ричард и слуга лорда Хаверинга резко схватили его под руки с обеих сторон, и он не сделал никакого усилия, чтобы вырваться. Когда его уводили прочь от места, где он нашел Клари, он все время оборачивался и звал ее. Но стоило ему очутиться в карете Хаверингов за тяжелыми дверьми, как он замолчал и мог только рыдать. Его усадили на пол, так как с него ручьями текла вода. Он даже не возражал.

Затем они стали его допрашивать. Где он был в то утро? Когда он видел Клари в последний раз? Стоило Мэтью напугать, как он начинал заикаться на каждом слове, и Ричард посчитал это признаком нечистой совести. Мэтью ничего не удавалось вымолвить, он только рыдал и повторял имя Клари.

Мой дедушка, лорд Хаверинг, не был злым человеком, но он привык без долгих раздумий, скоропалительно вершить дела простых людей, заведомо считая их всех лжецами и преступниками. Данный случай не представлялся ему, как и Ричарду, сложным, и все, в чем он нуждался, было признание самого Мэтью. Он не кричал на Мэтью, не предлагал ему помилование в обмен на признание. Ему стоило только взять в руки перо и посмотреть на беднягу холодными глазами, и Мэтью, в памяти которого жила ссора с Клари, хорошо понимая, что Клари одна пошла к реке, потому что переживала их ссору, заикаясь, как идиот, горько прорыдал: «Это моя вина. Это моя вина. Моя в-в-вина».

Это было расценено как признание, и лорд Хаверинг вызвал клерка. Мэтью, слепой и глухой от горя, подписал бумагу, возможно, думая положить тем самым конец тягостным расспросам и отправиться домой горевать. Его, конечно, не отпустили. Клерк привел двух констеблей, его усадили в экипаж, ужасную повозку без окон и без ручек на двери с внутренней стороны. Затем Мэтью отвезли в чичестерскую тюрьму и бросили в одну камеру с убийцами и насильниками, ждущими приговора.

Ричард поскакал домой по освещенной тонким серпом луны дороге, насвистывая ту самую мелодию, которую Мэтью вместе с другими распевал в холмах всего один день назад.

На следующее утро меня разбудил громкий крик внизу. Похоже, это был голос Ральфа, но я не могла поверить, что Ральф позволил себе повысить голос в мамином доме. Я выглянула в окно. Было уже поздно, около десяти утра; по маминому приказу меня не будили, давая мне поспать. В первое мгновение я не могла понять, почему, но тут же мое сердце упало, я вспомнила, что Клари мертва, что неизвестный убийца бродит в лесах Вайдекра, что мое запястье сломано, потому что я упала с лошади, и что каким-то образом я растеряла всю свою храбрость — перед бешеной скачкой верхом, а возможно, и перед жизнью, — никак не могу унять дрожь в руках.

Я потянулась за пеньюаром и тут же застонала от боли. Тогда я стала действовать более осторожно и, достав его, накинула себе на плечи. Затем я открыла дверь и прислушалась. Это был действительно голос Ральфа.

— Девушка из Экра погибла, парень из Экра заключен в тюрьму по обвинению в убийстве, и ему грозит повешенье! Клянусь, доктор Мак-Эндрю, вы проявляете какую-то странную мягкотелость!

Дядя Джон отвечал что-то, но его голос звучал очень тихо, и я не могла разобрать ни слова.

— Почему на следствии нет Джулии? — требовательно спрашивал Ральф. — Если вы не доверяете мне, то почему вы не вызвали Джулию? Она такой же наследник Вайдекра, как

и мастер Ричард. Почему мастер Ричард один занимался этим делом?

Пока дядя Джон отвечал, Ральф молчал, и я по-прежнему не могла разобрать ни слова.

— Даже если бы мисс Джулия лежала в тифозной горячке, она должна находиться там! — проревел Ральф. — Эта новость охватила деревню подобно пожару, и все разозлены, понимая, что произошла ошибка. Подобные вещи могут нарушить согласие между деревней и вами. Экр доверял вам, а сейчас наш парень сидит за решеткой, и ему угрожает виселица.

— Но он сам признался, — теперь голос дяди Джона звучал громче и увереннее.

— Ах так, — воскликнул Ральф с сарказмом. — И кто там был? Лорд Хаверинг, который приезжает сюда только на охотничий сезон и то, если он стеснен в средствах. И мастер Ричард!

— Повторите, пожалуйста, что вы сказали, мистер Мэгсон? — тон дяди Джона стал настолько же ледяным, насколько голос Ральфа был горячим.

— Я говорю, что Экр не доверяет способности лорда Хаверинга отличить лошадь от копны сена, — грубо ответил Ральф. — А на дознании он был либо слеп, либо пьян. Кроме того, я сказал, что не доверяю Ричарду с тех пор, как узнал его лучше. Почему ему надо, чтобы бедного Мэтью Мерри повесили, знает один Бог, но всем в Экре понятно, что Ричард засадил парня в тюрьму и доведет его до виселицы.

В библиотеке воцарилось молчание.

— Полагаю, вы согласитесь принять месячное жалованье в знак отказа от должности, мистер Мэгсон? — холодно спросил дядя Джон.

— Соглашусь, — сказал Ральф, и только я услышала отчаяние, прозвучавшее в его голосе.

— Нет, — сказала я и сбежала по ступенькам в мамину комнату.

Она сидела перед зеркалом с распущенными волосами, позади нее стояла Дженни Ходжет, зажав в руке щетку для волос. Когда я вбежала в комнату, мама оглянулась и кивнула в ответ на мой немой призыв. Она поднялась и, откинув назад волну неубранных волос, прошла мимо меня в библиотеку. Я пошла за ней. Войдя, я едва взглянула на Ральфа Мэгсона. Я опять вся дрожала и молилась про себя, чтобы мама взяла ситуацию в свои руки, поскольку от меня пользы было, что от новорожденного котенка, и слезы опять закипали у меня под ресницами. Дядя Джон сидел за столом, выписывая чек.

— Мистер Мэгсон должен остаться, — сказала мама. Дядя Джон поднял глаза и заметил, что она в пеньюаре и ее волосы не убраны. Его глаза смотрели холодно.

— Он обвинил вашего отчима в пьянстве и некомпетентности, а Ричарда — в предвзятости, — сказал он. — Я полагаю, что он не желает более работать на нас.

Я взглянула на Ральфа, его лицо оставалось бесстрастным.

— Мистер Мэгсон, — обратилась к нему мама. — Вы заберете свои слова назад, не так ли? Вы останетесь? В Экре еще так много надо сделать. И вы обещали людям помочь.

Их глаза встретились, и затем он едва заметно кивнул. Он собирался сказать «да».

Я знала, что он хотел сказать «да».

Но так случилось, что я оставила дверь в библиотеку открытой. В эту минуту в дом вошел Ричард и, охватив взглядом сцену, широко улыбнулся Ральфу, будто был в восторге от встречи с ним.

— У вас проблемы? — спросил он.

— Мистер Мэгсон считает, что Мэтью Мэрри невиновен, — резко ответил дядя Джон. — Ты уверен, что не оказывал на него давления, Ричард? Это подсудное дело, думаю, ты понимаешь это.

Улыбка Ричарда была невинной, как у младенца.

— Конечно, не оказывал, — сказал он. — И лорд Хаверинг со своим клерком были там все время. Все было совершенно законно. Допрос проходил без всякой предвзятости.

Ральф едва слышно фыркнул, услышав манерный тон Ричарда. Мои руки опять задрожали, и я сцепила их за спиной, чтобы унять дрожь.

— Ты совершенно уверен в этом? — требовательно спросил дядя Джон. — Мэтью —

молодой человек, не имеющий никакого образования. Все это явилось неожиданностью для него. Ты уверен, что он знал, что подписывает? Ты можешь присягнуть, будто он понимал то, что говорит?

— Это, я полагаю, вопрос к суду, — улыбнулся Ричард. — Спросите лучше лорда Хаверинга, сэр, это в его компетенции. Я находился там только потому, что привез преступника. И никакой другой роли у меня при этом не было.

Ничего не говоря, я наблюдала за Ральфом. Сузив глаза, он пристально смотрел на Ричарда.

— Вы — достойный сын своей матери, — проговорил он. И они с дядей Джоном обменялись тяжелым, недобрый взглядом. — Я бы хотел остаться, если позволите. Мне нужен один день, чтобы съездить в Чи-честер и посмотреть, что можно сделать для Мэтью Мерри. Вы не будете возражать?

Дядя Джон кивнул.

— Я тоже хотел бы, чтоб вы остались, мистер Мэг-сон, — сказал он более мирным тоном. — Мы отложим решение на сутки, если хотите. Мы оба погорячились, и было бы обидно потерять вас из-за нескольких торопливых слов, сказанных в гневе.

Плечи Ральфа расслабленно опустились, и он послал дяде Джону одну из своих неторопливых искренних улыбок.

— Вы — хороший человек, — как-то даже удивленно выговорил он, — Я буду рад, если мы выясним все раз и навсегда. — И он бросил бешеный взгляд на Ричарда, который ясно дал понять присутствующим, кого он считает виновным в происшедшем.

Я переводила взгляд с одного на другого и сама не понимала, на чьей стороне мое сердце.

— Сегодня никто не будет работать, — продолжил Ральф уже другим тоном. — Плотник делает для нее гроб, а мужчины роют могилу. Похороны состоятся сегодня в два часа дня, — если пожелаете, приходите. Завтра все приступят к работе. Никто не станет веселиться, когда самая лучшая девушка деревни погибла, а самый добрый парень сидит в тюрьме. Все пошло наперекосяк в Экре в этом году.

— Да, — согласился дядя Джон, опустив голову. Это последнее слово эхом отозвалось в моем мозгу, будто я слышала его прежде, в какой-то другой жизни. Увидев затем лицо дяди Джона, я догадалась, что он говорил это Беатрис. Тогда, когда она разрушала Вайдекр. Теперь он боялся, что Лейси разрушат его снова.

Круто повернувшись, Ральф вышел из библиотеки, и мы услышали стук его деревянных ног по полированному полу холла. Я тихо подошла к креслу у камина и без сил опустилась в него. Руками я закрыла лицо, чтобы не видно было моих слез, безостановочно текущих по нему.

Мама подошла к дяде Джону.

— Не смотрите так безнадежно, Джон, — обратилась она к нему с утешением. — Все еще наладится. Мы не могли спасти бедную Клари, но мы непременно поедem в Чичестер вместе с мистером Мэгсоном. И если Мэтью будет отрицать свою вину теперь, когда у него было время подумать, то, возможно, Ричард и лорд Хаверинг поймут, что совершили ошибку.

Дядя Джон поднял голову, и вдруг я увидела, каким старым и усталым он выглядит.

— Хорошо, — согласился он и затем добавил более громко: — Да, Селия, вы правы. Ничто еще не вышло из-под нашего контроля! События развивались очень бурно, но решение пока не принято. Мы можем повидать Мэтью в тюрьме, и, если он не признает своей вины, мы постараемся помочь ему оправдаться.

И мы все обратили глаза к Ричарду. Можно было ожидать, что он вспыхнет оттого, что в его суждениях кто-то сомневается, но этого не случилось. Он улыбался, а глаза сияли голубизной.

— Конечно, — ровно сказал он. — Все, что пожелаете.

Что-то в его голосе заставило меня опять уронить голову и зарыдать.

Мама и дядя Джон никогда больше не разговаривали с Мэтью Мерри. Когда они садились в экипаж, чтобы ехать в Чичестер повидаться с ним, из Хаверинг Холла приехал посланный и передал, что Мэтью Мерри был найден этим утром мертвым у себя в камере. Он повесился на собственном ремне. Когда его вынули из петли, он был уже холодный. Тюремные власти сообщили об этом лорду Хаверингу, а он написал нам.

«Это ужасно, — писал лорд Хаверинг своим аристократичным, наклонным почерком, — но тем не менее это со всей очевидностью доказывает его вину».

Дядя Джон, мама и я долго сидели в молчании. Мной постепенно овладевало тяжелое чувство, я испытывала его впервые: будто в нашем доме все катится в тартарары и я теряю контроль над событиями.

— Доказывает ли это его виновность? — тихо спросил сам себя дядя Джон и сам же ответил: — Нет. — И продолжал чуть громче: — Это плохая новость для Экра.

Я видела, каких усилий стоит ему сохранять спокойный тон. Что же касается меня, я только крепко сцепив пальцы могла удержать руки от безостановочной дрожи.

— Как мы расскажем им это? — спросил дядя Джон.

Мама перевела дыхание.

— Если вы не возражаете, это могу взять на себя я. Я как раз собиралась на похороны Клари и после этого сообщу им о Мэтью. А также разыщу миссис Мерри.

Дядя Джон согласно кивнул.

— Я поеду с вами, — предложил он.

Итак, вместо того чтобы поехать в Чичестер и забрать Мэтью под поручительство, они отправились в Экр сообщить миссис Мерри о смерти ее единственного внука. Об ужасной смерти, о том, что он наложил на себя руки.

Так настал конец майским праздникам. На следующий день все приступили к работе, не побывав ни на пиру, ни на вечеринке с танцами, и, хотя дел было много и с новорожденными ягнятами и с тельными коровами, радость не пришла в Экр.

Мало было радости и в Дауэр-Хаусе. Дядя Джон ходил задумчивый и молчаливый и следующие несколько дней провел в библиотеке, читая и что-то записывая в одиночестве. Мама возвратилась к своим делам в школе, но скорее из чувства долга, чем с энтузиазмом. Когда мы уезжали в Бат, мама наняла в Мидхерсте молодую девушку в качестве временной учительницы и теперь предложила дяде Джону выделить для нее коттедж и поручить ей вести уроки постоянно. Решение выглядело разумным, но у всех нас появилось чувство, что между нами и Экром разверзлась пропасть.

Только Ричард выглядел бесконечно счастливым. Верхом на Принце он разъезжал по округе, выполняя различные поручения мамы и дяди Джона, проверял всходы на полях, стада коров и овец, и улыбка цвела на его лице.

А я? Меня снедала тревога. Я ждала Джеймса. После Клариных похорон я отозвала Джимми Дарта в сторону и попросила его разыскать Джеймса в Лондоне. У меня в руке была припрятана золотая монетка, и я сунула ее в руку Джимми.

— Передай ему, чтобы он не приезжал в Дауэр-Ха-ус, — тихо проговорила я. Ричард усаживал в это время маму в экипаж и стоял к нам спиной. — Скажи, что я хочу повидать его с глазу на глаз. Я буду ждать его в Мидхерсте, в гостинице «Спред Игл». Передай, что я буду там во вторник, в десять утра.

— «Спред Игл», вторник, десять утра, — без запинки повторил Джимми. — Я не подведу вас, мисс Джулия. А то мистер Джеймс ужасно расстроится.

Я быстро взглянула на него, и слезы выступили у меня на глазах.

— Ты так думаешь, Джимми?

— Еще бы, мисс Джулия, — уверенно ответил он. — Каждому видно, как он любит вас!

Я кинула взгляд в сторону нашего экипажа, Ричард уже ждал меня, с улыбкой

наблюдая за нашим разговором.

— Мне пора идти, — быстро проговорила я. — Ты успеешь на утренний дилижанс?

— Я буду в Лондоне к полудню, — уверенно пообещал мальчик. — И разыщу мистера Джеймса, чего бы мне это ни стоило.

Я с трудом выдавила из себя улыбку и пошла к карете.

Затем я ждала, ждала и ждала.

Джеймс считал свою собственную ветренность пороком. Но пороком, вполне заслуживающим прощения. И я надеялась, что он любит меня достаточно, чтобы простить мне одну ужасную ошибку, что он любит меня достаточно, чтобы простить меня. Это было все, чего я хотела.

Я была далеко не ангел! Мысль о том, чтобы, ничего не сказав ему, выйти за него замуж на правах невинной невесты, пришла мне в голову. Но, по правде говоря, только однажды. Все остальные дни я твердо понимала одно: выйти за Джеймса я смогу только тогда, когда между нами все будет честно и правдиво.

Но я не знала, что рассказать ему. И я перебирала свои мысли подобно тому, как женщина перебирает старые, пожелтевшие кружева. Я могу рассказать Джеймсу, что меня взяли силой. Но я должна рассказать ему, что я покорно лежала на спине и улыбалась. При этой мысли я скорчилась от стыда и поняла, что никогда не смогу рассказать ему об этом. Я могла бы ему сказать, что это было изнасилование, но тогда Джеймс захочет узнать, кто же преступник. Я не смогу сказать, что это был Ричард. Эта мысль парализовала мою решимость так же, как в тот день, когда ложь о падении с лошади была произнесена впервые. Но если я скажу ему, что это было изнасилование и что я не знаю того, кто это сделал, то я вынуждена буду громоздить целую гору лжи о том, как и когда это случилось. И почему я не рассказала об этом маме.

Я не видела никакого решения, и все больше и больше проблем вставало, когда я начинала думать о том, что скажу Джеймсу.

В ночь на вторник я совсем не могла спать. Около полуночи я встала, накинула на плечи одеяло и уселась у окна, глядя на луну, меденно скользившую в безоблачном серебристом небе. Тревожные мысли наполняли мою голову, пока я не решила со страхом, что непременно потеряю Джеймса, потому что не знаю, как удержать его. Я не могла найти слов, которые заставили бы его простить меня. Он был единственным юношей, которого я когда-либо любила и который любил меня. И теперь я не знала, как удержать его любовь.

Незаметно для себя я заснула, скорчившись у окна и прислонившись головой к подоконнику. Проснувшись я на рассвете, замерзшая и с затекшими конечностями. Я не стала больше ложиться, вместо этого, надев амазонку и плеснув в лицо холодной водой из кувшина, я уселась опять ждать, прислушиваясь к зарождающемуся пению птиц.

В шесть часов я решила, что уже пора пойти в конюшню седлать Мисти. В это утро мне хотелось избежать расспросов мамы и дяди Джона. Мне надо было выйти не замеченной Ричардом. Я по-настоящему боялась встречи с ним в это утро, когда я стремилась увидеть Джеймса.

Мне было неудобно и больно седлать Мисти одной рукой. А когда она радостно заржала при виде протянутой мной морковки, из своей комнатки явился заспанный и сердитый Джем.

— Вы не можете скакать с одной рукой, — недовольно сказал он.

— Вы же знаете, как послушна наша Мисти. Я смогу управиться с ней, Джем, если только вы поможете мне надеть на нее седло.

— И куда это вы, интересно знать, собрались? — свирепо спросил он.

Я нерешительно посмотрела на него, моя нижняя губа задрожала, и я сказала ему всю правду.

— Я должна встретиться с Джеймсом Фортескью. Возможно, нам придется отменить венчание. Мне необходимо поехать и встретиться с ним сегодня утром, Джем. Пожалуйста, помогите мне.

Его смуглое лицо сразу расплылось в улыбке.

— Ваш молодой человек, мисс Джулия? Тогда давайте я подвезу вас в экипаже.

— Нет, нет, — быстро отказалась я. — Я не хочу, чтобы мама и дядя Джон узнали об этом. Или Ричард. Только приготовьте для меня Мисти и передайте дома, что я отправилась на прогулку пораньше и что я управлюсь. Пожалуйста, Джем.

Он немного помедлил.

— Только осторожнее с Мисти, мисс Джулия. Я и представить не могу, как вы ухитрились упасть с нее последний раз.

— Я просто неудачно прыгнула, — сказала я. — Она не сбрасывала меня. Пожалуйста, оседлайте ее, Джем. Я боюсь опоздать.

Он быстро сделал то, о чем я его просила, надел на лошадь уздечку и посадил меня в седло.

— Полегче, мисс Джулия, — повторил он опять. — К какому времени вы должны быть в Мидхерсте?

— В десять.

Джем удивленно взглянул на меня.

— Мисс Джулия, ступайте в дом, вы еще успеете позавтракать. У вас добрых три часа в запасе.

Я грустно улыбнулась, по-моему, в первый раз с тех пор, как неделю назад улыбалась на празднике в холмах.

— Я не могу есть, — объяснила я. — И мне совсем не спится. Я лучше поскачу через общинную землю, погляжу, как там, и отправлюсь, не торопясь, в Мидхерст.

— Ну, тогда удачи вам, мисс Джулия. Нужно быть дураком, чтобы упустить такую девушку, как вы, и, похоже, мистер Фортестья знает это. Я передам им, что вы отправились на прогулку и вернетесь к полудню.

Я забрала поводья в здоровую руку, и Мисти двинулась со двора, осторожно перебирая ногами. Мы тихо проскакали под окнами спален, норовя проехать по траве, и тут же свернули направо, к общинной земле, которую я хотела посмотреть перед тем, как отправиться в Мидхерст.

И все-таки я приехала на полчаса раньше. Мне хотелось пить, я отдала Мисти груму и вошла в гостиницу.

В Мидхерсте все знали нас и приветствовали меня по имени. Я сказала, что должна встретиться с подругой из Лондона, и заказала кофе в гостиную. Хозяин провел меня туда и велел разжечь камин, хотя в комнате было не холодно.

Эта была небольшая миленькая комната, окна которой глядели в маленький сад, пестревший майскими цветами. Я бы предпочла провести это время в комнате наверху, из которой была видна дорога. Но здесь тоже было неплохо, и я знала, что Джеймс скоро должен приехать. Я ждала.

На камине тикали часы. Мне казалось, что они идут слишком медленно, и я проверила время по своим собственным часам, которые купил мне дядя Джон. Они были крохотной копией его часов и висели на такой же цепочке. Часы над камином действительно отставали, но всего на пару минут. Я подошла и чуть подтолкнула пальцем минутную стрелку. И тут мне пришлось в голову передвинуть часы на полчаса и притвориться перед Джеймсом, что я разгневана за его опоздание. Но я вспомнила, что, возможно, нам будет совсем не до шуток, и тихо вернулась на место, уселась и стала ждать.

Раздался шум подъехавшего дилижанса, в десять часов прибыла почтовая карета из Чичестера. Я сразу поняла, что там не было Джеймса. Из кареты шумно выходили пассажиры, на ходу заказывая питье или завтрак. Я взглянула на часы: еще не было десяти, дилижанс прибыл немного раньше. Джеймс не должен опоздать, он наверняка придет через три-четыре минуты.

Я пожалела, что не взяла с собой книгу или что-нибудь другое, способное отвлечь меня от медленного движения стрелок на циферблате. Мне казалось, что и мысли мои двигаются в

таком же ритме. Тик... Я скажу ему, что я обеспечена. Ток... Я скажу, что это произошло против моего желания. Тик... Я откажусь назвать имя этого человека. Ток... Это рассердит его. Тик... Если Джеймс рассердится, он может не поверить, что я не хотела этого. Ток... Я не совсем не хотела этого, не сначала. Тик... Нет! Я не захотела этого, как только поняла, что это Ричард. Ток... Я должна помнить, что мне нельзя называть имя Ричарда. Тик... Что бы ни случилось, я никогда не должна называть его имя.

За дверью послышались шаги, и я вскочила на ноги, краска бросилась мне в лицо. Это был мистер Джеффри, хозяин гостиницы. А не Джеймс. Совсем не Джеймс.

— Я пришел забрать кофейный поднос, мисс Лейси, — сказал он. — Все еще ожидаете подругу, не так ли?

Я пробормотала в ответ что-то невнятное.

— Немного запаздывает, — приветливо продолжал мистер Джеффри. — Полагаю, вам должно быть досадно проводить такой день здесь, когда у вас в Вайдекре полно работы.

— Да, — сказала я. — Мистер Джеффри, не будете ли вы так добры принести для меня кофейник и две чашки. Моя подруга должна появиться здесь с минуты на минуту, я уверена.

Я ждала кофе. Я ждала Джеймса. Тихо потрескивали дрова в камине, и в тишине, царившей в комнате, отчетливо был слышен каждый звук. В солнечных лучах танцевали пылинки. Ковер, лежавший на полу, выцвел стороной, обращенной к окну, там, где солнечный свет многих жарких лет съел его краски. Кроме того, он заметно протерся на участке от двери до стола, там, где ходили чаще всего. Мне уже казалось, что я провела в этой маленькой комнате всю свою жизнь. И что мне придется остаться здесь навсегда.

Часы над камином пробили четверть. Джеймс опаздывал.

За все время в Бате он никогда не опаздывал ко мне. Когда бы я ни явилась, он уже ждал меня. Однажды Джеймс сказал, что он ждет меня целый час. Я подумала, что, должно быть, дорога оказалась тяжелее, чем обычно. Или, возможно, захромала лошадь. Вдруг я услышала стук двери в конюшне, и мое сердце подпрыгнуло. В коридоре послышались шаги, я встала и шагнула к двери.

Шаги прошли мимо комнаты. Это был не Джеймс. Подали кофе, и я села подле остывающего кофейника и стала смотреть в окно на разгуливающего по траве черного дрозда. Пробежав несколько крохотных шагов, он забавно замирал на мгновение, склонив голову набок, прислушиваясь к чему-то, чего никто, кроме него, не слышал.

Половину одиннадцатого часы пробили очень громко. Кофе был едва теплый, и я побыстрее допила его. Когда приедет Джеймс, я закажу свежий.

Когда Джеймс приедет.

Я знала, что он приедет. Невозможно, чтобы он не приехал, так же как в глубине души я знала, что, если он приедет и я расскажу ему о том, что случилось со мной, он простит меня. Я верила ему, я верила в мою любовь к нему и в его любовь ко мне.

Черный дрозд скакнул вперед, клюнул червяка и упорхнул, триумфально неся его в клюве.

Часы пробили три четверти. Уже было без четверти одиннадцать. Я поспорила сама с собой, что Джеймс будет со мной через пять минут. Но без десяти одиннадцать он еще не пришел. Тогда я поспорила сама с собой на сто гиней, что без пяти одиннадцать он ворвется в гостиную, весь покрытый пылью и рассыпающийся в извинениях. Но он не ворвался.

Часы начали бить одиннадцать, громко, торжественно, важно. Мистер Джеффри просунул голову в дверь.

— Тут один джентльмен... — начал он.

— Джеймс! — воскликнула я и вскочила на ноги.

— Так он говорит, что дорога из Лондона пуста и на протяжении целых двадцати миль он не видел ни одного дилижанса, — продолжал мистер Джеффри. — Может быть, ваша подруга не приедет сегодня, мисс Лейси.

— Я подожду еще полчаса, — ответила я. Кровь так быстро отхлынула от моего лица, что я испугалась, как бы не упасть в обморок. Я села обратно и прислонилась головой к окну.

Стекло было холодным. Как раз рядом с моим лицом на нем виднелись царапины, будто кто-то пытался бриллиантом вырезать свои инициалы. Похоже было на имя Стефан. И рядом стояла прошлогодняя дата.

Было двадцать минут двенадцатого.

В половине двенадцатого опять вошел мистер Джеффри и предложил мне оставить у него записку для моей подруги, пообещав непременно передать ее. Я сказала, что подожду до двенадцати.

Тикали часы, опять вернулся черный дрозд.

Я сказала себе: невозможно, чтобы Джеймс не приехал. Он просто не может не приехать. Я попросила его встретиться со мной в «Спрейд Игл», и он должен быть непременно. Видимо, с ним в дороге произошел несчастный случай, и, вместо того, чтобы бессмысленно сидеть здесь, мне следует выслать людей на поиски и доставить его благополучно в Вайдекр. Но в глубине души я знала, что нет никакого несчастного случая. Он не придет.

Я поняла это со всей определенностью как раз перед тем, как часы пробили половину первого. Но даже тогда, если бы я увидела карету Джеймса, я бы обрадовалась, но не удивилась. Однако в половине первого, когда прошло два с половиной часа после назначенного срока, я сказала себе, что он не придет и я могу отправляться домой.

Я встала со своего места так, будто за это время превратилась в старуху, согбенную и усталую. Джеймс не приехал. Он знал, что я жду его, и не приехал. Что я должна ему сказать, это вопрос будущего, он не приехал сегодня, сейчас, когда я так нуждалась в нем.

Моя рука невыносимо болела, и я не знала, как сумею справиться с Мисти. Устала же я так, будто целый день скакала верхом.

Я надела шляпу и вышла во двор.

Там был Ричард. Он сидел в коляске дяди Джона, и Мисти стояла привязанной к задку кареты. Ричард сидел, удобно развалившись, поставив ноги в сверкающих ботинках на щиток, дым его сигары красивыми кольцами поднимался в воздух. Услышав хлопанье двери, он обернулся ко мне и таинственно улыбнулся.

— Как долго вы пробыли здесь, дорогая, — сказал он приветливо. — Как только я закончил свои дела здесь, поблизости, я сказал себе, что мне следует дождаться вас. Ваша мама тревожилась, что вы отправь лись кататься одна, и будет рада, если я привезу вас домой. Где мы встретились? Давайте договоримся, что мы скажем ей.

Он обнял меня за талию и посадил в коляску, прежде чем я успела сказать хоть слово. Потом он взял поводья, кинул монетку груму, и мы выехали со двора.

В первую минуту я ничего не могла сказать. Видеть здесь Ричарда было равносильно шоку. Но затем я обрела голос.

— Что вы здесь делаете?

— Дела, — ответил он таким тоном, будто бы проводил в Мидхерсте каждый день недели. — Я должен был повидать одного человека. — И он тихо хихикнул. — У меня были для него письма. И я решил, что могу заодно захватить вас и подвезти домой. Вы ведь, должно быть, устали, встав так рано, и к тому же ваша рука еще не здорова.

— Да, я устала, — ответила я. О Боже, как я устала, мне казалось, что я способна разразиться рыданиями. Всю ночь, всю неделю я готовила себя к встрече с Джеймсом, я собиралась просить его любить меня несмотря ни на что и была готова даже к его отказу. Но ничто не могло быть хуже того, что случилось.

Ричард бросил на меня сочувствующий взгляд, будто бы понимая причину моего отчаяния.

— Почему бы вам не снять шляпу и не подставить лицо ветерку? — вдруг предложил он заботливо. — Вы выглядите такой бледненькой, маленькая Джулия.

Я сделала как он меня попросил и положила шляпу на колени. Мисти весело бежала рядом, ритмично постукивая копытами.

— Вам не мешало бы отдохнуть, когда вы вернетесь домой, — продолжал Ричард. — У

вас тени под глазами, дорогая. Вы выглядите вконец уставшей.

Я повернула голову так, чтобы лучи солнца падали и согревали мои закрытые веки.

— Я устала, так как не спала всю прошлую ночь.

— Вам следовало бы разбудить меня, — Ричард произнес это так, будто бы предлагал самую естественную вещь на свете. — Это так ужасно, быть одной в спящем доме, не правда ли? Бедненькая Джулия. Вы чувствовали себя очень одиноко?

Я не ответила ему. Я смотрела на мою больную руку, на перевязку, тщательно наложенную дядей Джоном, на громадный синяк вокруг бинтов и размышляла о том, что же за человек Ричард и каким товарищем он был мне в детстве. Сейчас я слышала его сладкий голос и помнила его полный ненависти шепот в беседке в то утро. И меня охватил страх перед его ненавистью и его гневом. Никто не сможет защитить меня от Ричарда: ни мама, ни дядя Джон, ни даже Ральф. А Джеймса нет рядом. Я любила и боялась Ричарда все мое детство и отрочество. И тот краткий период моей любви к Джеймсу, когда я едва замечала Ричарда, ушел вместе с ним.

— Ты не должен так обращаться со мной, — тихо сказала я.

Это был единственный протест, на который я могла отважиться.

Ричард тихо хихикнул и ничего не ответил.

Сразу по возвращении меня водворили в постель. Мама тревожно воскликнула по поводу моей бледности и пожелала узнать, что заставило меня скакать весь день, еще не поправившись. Мне нечего было сказать в свое оправдание, и я повиновалась без протеста. До самого обеда я пролежала в постели, но затем вышла ненадолго в садик взглянуть на цветы. Вдоль тропинки вился первоцвет, цветочки которого были желтые, как маленькие кусочки масла, аккуратно разложенные кем-то на зеленых листиках, рядом росли темные, будто бархатные анютины глазки. Послышался стук копыт, но я не подбежала к воротам, ожидая увидеть Джеймса. Я знала, что Джеймс не придет. Это был Ральф.

Его лошадь легко перескочила через низкую ограду сада, и я подошла к нему. Сдержанно коснувшись полей шляпы, он заговорил со мной.

— Я пришел сообщить вам, что отдал приказ привезти тело Мэтью Мерри домой из чичестерской тюрьмы, чтобы похоронить здесь. В тюрьме никто не возражал.

— Его похоронят на церковном кладбище? — мой голос звучал так же официально, как и его.

— Нет, поскольку он покончил с собой, — ответил Ральф. — Таких мы хороним в «уголке мисс Беатрис».

— Почему вы так называете это место? — резко спросила я. Заросший травой участок у кладбищенских ворот был знаком мне, но никто никогда не рассказывал, почему именно он был назван в честь моей тети, хотя вся земля вокруг принадлежала ей и ее брату.

— Этот участок земли находится ближе всего к кладбищу, но расположен за церковной оградой, — ответил Ральф. — Когда мисс Беатрис правила здесь, в деревне произошло два самоубийства. Их похоронили на неосвященной земле, но возможно ближе к церкви. И люди назвали это место «Уголок мисс Беатрис» в честь последнего сквайра Лейси, который принес в деревню смерть. Теперь там появится новая могила. Выросло новое поколение Лейси, и в Экре опять умирают из-за них.

Я задыхнулась, и слезы выступили у меня на глазах. Ральф был безжалостным судьей, но в его лице было нечто большее, чем гнев. В нем было отчаяние.

— Мне очень жаль, — слабо сказала я. Я боялась, что слезы опять потекут по моим щекам.

— Возвращайтесь на землю, Джулия, — настойчиво проговорил Ральф. — Без вас все идет плохо, но вы можете помочь этому, даже сейчас, если придете к нам с вашим предвидением и вашей властью. Я могу держать Экр в руках, но мне не заставить их верить сквайрам, если вы и ваша семья будете по-прежнему жить запершись в прекрасном доме, будто бы люди деревни слишком низки для вас.

— Это не так, — немедленно возразила я.

— Что же это в таком случае? Почему вас нет в Экре в последние дни? Почему Ричард делает за вас всю работу? Мы хотим работать с вами. Никто не любит Ричарда, и все обвиняют его в том, что произошло с Мэтью. Тед Тайк даже не разговаривает с ним.

— Это не его вина, что Мэтью умер, — заторопилась я.

— Да, Мэтью умер от своей собственной руки, я знаю, — тут же ответил Ральф, — но никто не верит, что он убил Клари. В Экре произошли две смерти, а убийца не найден, и они все уверены, что вы знаете, кто он. — Черные глаза Ральфа жгли меня насквозь. — Все готовы поклясться, что вы могли бы увидеть его лицо, если бы захотели.

— Я не могу, — я чувствовала, как тревожно колотится мое сердце.

— Все говорят, что вы способны узнать убийцу Клари. Вы ее лучшая подруга и девушка из семьи Лейси. Все клянутся, что если бы вы обратились к своему дару, то увидели бы его, кто бы он ни был. Тогда мы схватим его и повесим. Клари с Мэтью будут отомщены и смогут спокойно спать в своих могилах. И вы вернете себе любовь деревни.

— Я не могу, Ральф, — жалобно сказала я. — У меня был сон, когда я думала, что увижу его, но я не осмелилась взглянуть в его лицо.

Лошадь Ральфа нетерпеливо переступила копытами, чувствуя его беспокойство.

— Ради самого Господа Бога, Джулия, — резко заговорил он. — Я не хочу слышать о том, что вам показалось или на что вы осмелились. Вся наша работа здесь идет насмарку, и только вы можете спасти ее. Возьмите себя в руки, наберитесь той храбрости, которую вы унаследовали от Беатрис, взгляните смерти в лицо и назовите мне его имя, а я сделаю все остальное. Тогда вы будете истинным сквайром. Тогда Экр сможет доверять вам снова.

— Но я не могу, — мой голос вибрировал. — Я уже сказала вам, я не могу сделать этого! Людям кажется, что это возможно, но они ошибаются. Вы не должны меня просить об этом, Ральф.

— Тогда вы просто лгунья и предатель Экра, — грубо сказал он, — и мне стыдно за вас.

Он рывком осадил лошадь назад, так что она даже присела на задние ноги, затем хлестнул ее кнутом, и она рванулась вперед. Но через три шага он круто повернул ее и снова оказался рядом со мной. Ральф возвышался надо мной на своей громадной вороной лошади и в упор смотрел на меня, одиноко стоящую в своем хорошеньком садике.

— В вас течет проклятая кровь Лейси! — закричал он. И помимо гнева, в его голосе слышалось горькое отчаяние оттого, что он опять поверил нам и опять предан и что это из-за его ошибки Клари мертва и бедный Мэтью тоже. — Я ненавижу всех вас, проклятое отродье! — кричал он, как неистовый пророк. Затем его лошадь одним прыжком перемахнула через стену и скрылась за деревьями. Я стояла не шевелясь. Мне казалось, что сердце бьется у меня в горле и на лбу выступил холодный пот. Я знала, что все пропало. Все пропало по моей вине, и единственное, что я могла сказать, повторяя это снова и снова: «О, мне так жаль. Мне очень, очень жаль».

Мэтью хоронили на следующий день, и миссис Мерри, казалось, постарела на десять лет, когда комья земли застучали по его гробу. В изголовье могилы не поставили надгробного камня, но плотник сделал маленькую дощечку, на которой указали имя Мэтью, его возраст и дату смерти. Доктор Пирс ничего не сказал, когда увидел этот новый могильный холмик. Так же поступил и дядя Джон.

Каждый раз по дороге в церковь мы проезжали мимо свежей могилы, и я видела, как мама отворачивается и смотрит в другое окно. Я же всегда сидела с этой стороны экипажа, и мне отвернуться было некуда. Деревянная дощечка оставалась светлой, ей предстояло потемнеть только через несколько лет. Могильный холмик был голым. Возможно, позже здесь посадят цветы, а может, он просто зарастет сорняками и травой, как две соседние безымянные могилы.

Мне казалось, они взывают к отмщению. Это были немые свидетели власти Лейси.

Проходя через церковные ворота, я оглянулась на свежую могилу. На земле виднелись свежие отпечатки, там, где миссис Мерри стояла на коленях на земле. И я отчетливо поняла, что, каких бы мне денег это ни стоило, если я ничем не могу помочь людям, мне лучше уехать отсюда. Ральф был прав: так много зла нельзя делать на своей земле.

Лицо дяди Джона было угрюмым, когда мы проходили по церкви к своей скамье. Место, где всегда сидела Клари и ее братья и сестры, пустовало, никто из Денчей не пришел в тот день в церковь. Я почувствовала, как на глаза мне навертываются слезы, и для поддержки обернулась к Ричарду.

Он шел улыбаясь.

Должно быть, он думал о чем-нибудь своем. Должно быть, он был за мили отсюда. Мы шли по мертво молчащей церкви мимо опустевших скамей, а глаза Ричарда зло светились, будто от какой-то тайной радости.

Я шла, опираясь на его руку, и тихо пожала ее.

— Ричард, о чем ты думаешь?

Он глянул на меня, и восторг тотчас же исчез с его лица.

— Ты совершенно права, дорогая, — благодарно ответил он. — Спасибо за напоминание. — И он тут же принял торжественный и горестный вид, будто надел маску.

Идя по проходу, я подняла голову и встретила взглядом с Ральфом. Его немигающие глаза смотрели мне прямо в лицо, и я почувствовала себя соучастницей обмана, будто бы только что пела и смеялась над чужим горем.

Мы не остановились поболтать после службы, и никто не подошел к дяде Джону или ко мне с дружески протянутой рукой. Все последние месяцы арендаторы, крестьяне или работники часто подходили ко мне со своими маленькими проблемами, но сегодня на церковном дворе нас словно не замечали.

Мы прошли мимо кучки людей, не обменявшись ни словом, и я увидела, как низко опустила голову мама, каким до смерти уставшим выглядел дядя Джон. Только голова Ричарда была высоко поднята, и его глаза смеялись. Улыбка его была чиста, как его безмятежная совесть.

Усаживаясь в экипаж, мама вздрогнула, будто от холода, и подняла воротник бархатного жакета.

— Это было ужасно, — тихо обратилась она к дяде Джону. — Совсем как в старые дни. Джон, если ваш план не осуществится, я хочу уехать отсюда сразу. Я провела половину моей жизни на этой земле, пытаюсь наладить отношения с людьми, но нас поджидали неудача за неудачей. Если Экр останется несчастным по-прежнему, мы должны продать его и уехать.

Лицо дяди Джона выглядело изможденным.

— Селия, после всех наших планов... — отчаянно проронил он. Экипаж тронулся с места. Никто не махал нам вслед. — Я не верю, что это безнадежно. Сегодняшнее горе беспредельно, но это совсем не то, что было при Беатрис. То, что Мэтью Мерри покончил с собой, ужасно, но Лейси тут ни при чем. Просто мы с вами слишком суеверны. Я уверен, что дети настроены более оптимистично.

Мама и дядя Джон обратились к нам с Ричардом, ожидая услышать ответ.

Улыбка Ричарда была солнечной и дышала уверенностью.

— Конечно, — легко сказал он. — В Экре сейчас все недовольны, потому что испорчен праздник и им пришлось обойтись без пира. Но это не причина, чтобы мы винили в происшедшем себя. Если Клари Денч довела своего любовника до того, что он придушил ее, а потом повесился, то это грязная история, но она не должна отразиться на нас. — И он улыбнулся моей маме. — Тетушка-мама, не расстраивайтесь понапрасну. Лучше-ка съездите в Чичестер и сделайте несколько приятных покупок!

Мама улыбнулась в ответ, но я видела, что в ее глазах не было радости.

— А вы что думаете, Джулия? — поинтересовался дядя Джон.

Я минуту помолчала. Слышался только стук копыт по гравию аллеи и чавканье весенней грязи под колесами.

— Я согласна с Ричардом, — тоненьким голоском ответила я. Я не хотела передавать дяде Джону, что Ральф умолял меня использовать мой дар для Экра и я отказала ему. Я не хотела рассказывать ему, что Ральф повысил на меня голос и проклял меня, а заодно и всех Лейси. Ральф обвинил меня в трусости и крикнул, что в горе, наступившем в Экре, есть моя вина. И что я отказала людям в помощи.

— Я согласна с Ричардом, — повторила я снова.

Рука Ричарда незаметно для окружающих скользнула в мою теплую муфту, и я почувствовала легонькое пожатие его теплых пальцев. Я украдкой бросила на него взгляд и поймала его дружескую улыбку. Он незаметно прислонился ко мне, так что я почувствовала его плечо. Экипаж приближался к дому под сенью зеленеющих деревьев вайдекрского парка, воздух был напоен пением птиц, и я знала, что единственным человеком, которому я могла улыбнуться, был Ричард. Поскольку только мы с ним знали всю правду. Отныне мы были партнерами и сообщниками в обмане.

Глава 23

Я рассчитывала, что Ричард останется дома на весь май. Но он получил письмо от своего куратора в Оксфорде, уведомляющее, что преподаватель греческого готов дать ему дополнительные уроки перед началом летнего семестра, и однажды за завтраком Ричард виновато улыбнулся маме и сказал:

— Тетушка-мама, по-видимому, мне придется оставить вас и вернуться в Оксфорд. Учеба — тяжелая обязанность, которую возложил на меня отец.

— Мне очень жаль, — сказал дядя Джон с улыбкой. — Но подумай, как ты закаляешь свой характер, Ричард! Я уверен, что это не может принести ничего, кроме пользы.

— Я бы предпочел иметь слабый характер, но зато провести остаток каникул в Вайдекре, — ответил Ричард. — Впрочем, куратор прав. Мой греческий позорно плох, и мне было неприятно выглядеть в глазах остальных студентов полным дураком. Полагаю, придется сделать так, как меня просят, и вернуться в университет раньше срока.

Я сидела не говоря ни слова, но, когда мама и дядя Джон вышли из-за стола, тут же обратилась к Ричарду:

— О Ричард, я бы не хотела, чтобы ты уезжал.

— Я скоро вернусь, — улыбнулся он. — Это будет короткий семестр, всего пара месяцев, хотя они могут заставить меня задержаться и после него. Я надеюсь, что смогу вернуться к сбору урожая и помочь тебе.

— Дело не в работе, — сказала я. — А в том, как все здесь складывается. — Я не могла заставить себя произнести имя Клари, но думала о ней все время. Я не представляла, как буду работать в Вайдекре без нее. Мне казалось, что я знала ее всю жизнь, как будто она была олицетворением Экра, как будто, потеряв ее, я потеряла связь с людьми в деревне, мое особенное место на этой земле.

Ричард откинулся назад на стуле, вертя в пальцах письмо.

— Боюсь, я не смогу остаться, — сказал он приветливо. — Мой куратор очень настойчив, Джулия. Но если деревня окажется несговорчивой и если твой великий друг Ральф Мэгсон не сможет помочь тебе, я бы посоветовал тебе обратиться к моему папе. Невозможно управлять поместьем, не требуя некоторой дисциплины.

— Нет, нет, — быстро ответила я. — Дело не в этом, Ричард. Просто внезапно все обернулось не в нашу пользу. Я думаю, что в Экре творится что-то неладное.

Ричард скорчил недовольную гримасу.

— Да они просто угрюмая толпа. И твой Ральф Мэгсон такой же негодяй, как и любой из них. Скажу тебе, Джулия: ты не добьешься от них ни работы, ни уважения до тех пор, пока не приведешь сюда приходского надзирателя и не начнешь платить им по приходским расценкам. Это то, что сделал бы я. А если бы они все равно не стали работать, я бы вызвал сюда ирландских рабочих, а всю эту компанию выставил отсюда в два счета.

— Я знаю, ты шутишь, Ричард. Но все равно не говори так. В Экре и так очень грустно последние дни.

— Действительно? — Ричард пожал плечами. — Им придется пережить это. Все поместья переживают свои взлеты и падения. Но если для тебя это так важно, я могу пропустить в пятницу занятия и приехать домой на уик-энд. Или давай я приеду на День Всех Святых!

— Хорошо, — согласилась я. — Приезжай. Я чувствую себя сейчас так одиноко здесь... — Без Клари, подумала я. Но не сказала этого.

— Обещаю тебе, — проникновенно сказал он и, отодвинув стул, пошел к двери. — Да, Джулия... — произнес он с порога, словно внезапно вспомнив о чем-то. — Мистер Фортескью никогда больше не станет беспокоить тебя.

— Мистер Фортескью? — переспросила я. — Джеймс Фортескью?

— Да. Я вернул ему письма, которые он писал тебе, и сообщил, что ваша помолвка, как вы это называли, расторгнута.

— Ты видел его? — непонимающе спросила я.

— Да, — сказал Ричард. — Сначала он не верил моим словам и собирался докучать тебе своими просьбами о визите. Но когда я добавил, что мы с тобой хотим пожениться и что я уполномочен возратить его письма, он принял твои извинения. Он шлет тебе наилучшие пожелания.

В первую минуту я ничего не могла сказать. Я не могла понять, о чем говорит Ричард.

— Джеймс? — повторила я снова.

— Он написал тебе три дня назад, — продолжал Ричард. — А так как я встаю рано, то я имел время прочесть это письмо. Я не хотел, чтобы он расстраивал тебя снова. Это была короткая записка, всего несколько слов. Мистер Фортескью возвратил твои письма и сообщил, что он опять уезжает за границу. Он довольно много путешествует, не правда ли? Полагаю, к этому его обязывают дела отца. Они ведь, если не ошибаюсь, какие-то торговцы, галантерейщики или что-то в этом роде?

— Он написал мне?

— Да, — ответил Ричард. — Но сейчас уже слишком поздно отвечать. Он уехал как раз сегодня. В письме не было сказано, где он собирается остановиться. Думаю, он будет разъезжать из магазина в магазин. Он написал, что будет отсутствовать примерно шесть месяцев.

Мои мысли смешались. Я забыла, что Джеймс был вправе забрать свое слово, как только я рассказала бы ему о моем позоре. Я думала только о нем, о его доброй улыбке и теплых глазах, его преданности детям Экра, его вниманию к моей маме. И о том дне в перчаточном магазине, когда он, безучастно сидя в стороне, учил меня, как обращаться с самой дорогой модисткой города.

— Джеймс, — повторила я. Это звучало так, будто бы я звала к себе призрак, но не призрак Джеймса, а призрак той девочки, которой я была, когда я скакала на лошади, когда я закидывала назад голову и беззаботно смеялась, когда я ступала по земле так, будто бы на сотни миль в округе все принадлежало только мне.

— Это был приятный флирт, я полагаю, — холодно проговорил Ричард. — Но теперь все кончено.

— Джеймс, — повторила я. Внезапно я собралась с мыслями и взглянула в открытое лицо Ричарда. — Ты видел его, — обвиняющим тоном сказала я. — Когда он приезжал встретиться со мной. Ты остановил его на дороге.

— Конечно, — Ричард улыбался, будто открывая мне какой-то забавный секрет. — Конечно, встретил, Джулия. И отдал ему его письма. Ты такая глупышка, что пыталась спрятать их под половицей у себя в комнате. Конечно, ты знала, что это первое место, куда я загляну. Ты всегда прятала там свои сокровища, когда мы были маленькими. Как только я нашел их, я понял, что ты не хотела на самом деле утаить их от меня, ты хотела, чтобы я их нашел. Поэтому я взял их и прочел, а потом вернул мистеру Фортескью, как и положено

делать джентльмену.

— Ты взял письма Джеймса, — я чувствовала, как в моей душе разрастается гнев. — Ты не имел права брать их.

— Не имел права? — повторил Ричард. — Не имел права? — Он громко захлопнул дверь в столовую и, подбежав ко мне, рывком поставил меня на ноги. Он зло смотрел мне в лицо, и румянец гнева полыхал на его щеках. — Ты осмеливаешься говорить мне, что я не имел права? Ты уехала в Бат, будучи помолвленной со мной, и всю кокетничала там с этим несчастным торговцем! Ты забыла, что ты написала в своем смешном маленьком дневнике, — о, да! я прочел и его тоже. Я знал, ты хотела, чтобы я прочел его. Ты писала, что заставишь меня ревновать! Ты написала это, потому что хотела, чтобы я знал, как неподобающе ты себя ведешь. Я прочел это, и мне стало по-настоящему плохо. Я просто был болен, когда думал о том, как вы с Фортескью держитесь за руки, целуетесь и ты обещаешь ему свою долю Вайдекра! А потом ты возвращаешься домой и целуешься со мной на глазах всей деревни в центре вспаханного поля, как какая-то деревенская девка! И это я не имею права, когда я нашел тебя лежащей на солнышке, и ты сама раздвинула ноги и призывно улыбалась мне!

У меня перехватило горло.

— Это было не так, — еле слышно прошептала я.

Ричард так потрянул меня, что моя голова откинулась назад.

— Я имею все права на тебя, — хрипло выкрикнул он. — Ты специально оставила свои письма там, чтобы я нашел их. Ты вела дневник, чтобы я когда-нибудь прочел его. Ты делала это, я знаю, ты делала это специально. В надежде, что я стану ревновать. Ты интриговала против меня, хотела отобрать мою долю поместья. Но ты просто развратная маленькая шлюха, которая не может справиться сама с собой. Ни в поле, ни в беседке. Ты лежала там на спине и улыбалась. Ты обнимала меня. Ты просунула свой язык мне в рот, ты, грязная шлюха! Я даже не знал, что женщины так целуются. И это отвратительно! А потом ты понеслась в Мидхерст, чтобы заявить своему любовнику: «О, Джеймс, прости меня! Мы с тобой поженимся все равно, правда?» — Ричард говорил противным фальцетом, передразнивая меня. — Или что ты там еще собиралась сказать? «О, Джеймс, я не хотела делать этого! Я думала, я — Беатрис!» или «О, Джеймс, я думала о тебе!»

— Это было не так... — пыталась возразить я.

— Конечно, ты бы хотела, чтобы это было не так! — грубо кричал Ричард. — Но ты громоздишь одну ложь на другую, Джулия. Я даже подозреваю, что ты вообще не осознаешь, где правда.

— Я люблю его, — сказала я. Я пыталась вдохнуть побольше воздуха, задыхаясь в душной комнате, где витал запах завтрака и злобы. Я вся дрожала и держалась за край стола, пытаюсь найти опору. — Я люблю его. И я не хотела близости с тобой.

Ричард метнулся ко мне и, схватив меня за руку, потащил к двери и распахнул ее.

— Тогда ступай, расскажи им, — прошипел он. — Расскажи своей мамочке и твоему дяде, что ты помолвлена с Джеймсом, и попроси их вернуть его обратно и снова назначить свадьбу. Если это правда и ты готова поклясться в этом, расскажи им все. Расскажи им, что ты была близка со мной, но не хотела этого. Скажи им, что я взял тебя силой. — Его голос на этих словах стал громче. — Скажи им, что я насильник!

Я бросила испуганный взгляд, пытаюсь узнать, где находится мама и не слышит ли она этих слов.

— Расскажи своей матери, что я насильник! — повторил он, и от гнева его голос звучал все громче и громче. — Расскажи моему папе! А затем пошлите к дедушке Хаверингу и расскажите все ему! И пусть он отдаст меня под суд, чтобы меня повесили. Повесили за то, что ты удовлетворяла свою похоть с одним мужчиной, а выйти замуж захотела за другого! Если то, что ты говорила, — правда, то расскажи им сейчас. Иначе я всегда буду считать, что ты лгунья.

— Нет! — воскликнула я. — Нет, Ричард. Нет! — Я ухватила за его сюртук обеими

руками и попыталась втолкнуть его обратно в комнату. Ричард сопротивлялся только для вида. Я поскорей закрыла за ним дверь и прислонилась к ней. Я так дрожала, что едва могла стоять.

— Пожалуйста, не говори таких вещей, Ричард, принялась я умолять своего кузена. — Ты знаешь, я никогда не выдам тебя и ничего никому не скажу.

— Ты просто не осмелишься, — немедленно ответил он. — Ты сама знаешь, что это ложь, и тебе стыдно повторить это вслух.

— Это неправда, это неправда, — повторяла я. Я чувствовала слезы на глазах, мои щеки были мокры, но я плакала совершенно беззвучно.

— Ты хотела меня, и ты была близка со мной, — холодно проговорил Ричард. — Всякое отрицание этого есть ложь.

Я склонила голову, слезы капали так быстро, что я не успевала вытирать их, и они оставляли пятна на моем утреннем шелковом платье.

— Ты согласна со мной? — и он встряхнул меня.

— Да, — ответила я, совершенно подавленная.

— Теперь ты ни за кого не можешь выйти замуж.

Я кивнула.

— Не забывай этого, — мягко добавил он.

Я опять кивнула.

— Джеймс Фортсскью уехал. Уехал, и ты никогда больше не увидишь его. Ни один джентльмен в мире теперь не женится на тебе. Я похитил твою невинность, и ты моя. Ты принадлежишь мне.

Я не сказала ни одного слова. Тогда Ричард мягко поцеловал мою склоненную голову, вышел из комнаты и легко взлетел по лестнице в свою спальню. Ему надо было упаковать свои вещи и книжки для Оксфорда.

Как только Ричард уехал, я почувствовала себя плохо. Неожиданно наступившая прекрасная погода сделала изгороди возле домов совершенно зелеными и непроницаемыми. Все деревья нашего парка сладко пахли свежей листвой. Трава на падаке неожиданно стала такой ярко-зеленой, что резала глаза. И Си Мист гарцевала по обочине дороги так весело, будто бы молодая поросль щекотала ее ноги. Я, сгорбившись, сидела на ней, не боясь, но и не испытывая никакого удовольствия. Моя рука была тверда, и лошадь слушалась меня. Но я потеряла свою любовь к верховой езде. Я чувствовала себя так, будто было тяжелой работой добраться из одного конца поместья в другой. И я снова села на лошадь, потому что отправлялась в поле. Это советовал дядя Джон, и мама поддерживала его. Они оба считали, что я слишком бледная, и надеялись, что работа на земле вернет мне здоровый цвет лица.

Но вышло иначе.

Мы вновь и вновь пропалывали поля, пытаясь истребить толстые лопухи и хрупкие одуванчики, чтобы дать всходам свободно расти. Вовлечение меня в работу Экра было внезапным, и мне приходилось проводить в разъездах целые дни, проверяя овец с растущими ягнятами, и тучнеющих коров, чьи животы были огромны и круглы.

Клари Денч не была забыта. Экр никогда ничего не забывал. Но по мере того как земля расцветала и наливалась силой, солнце светило ярче, а чистый ветерок, дующий с холмов, день за днем приносил все более теплую погоду, хмурые лица людей прояснились, и никто не корил меня за то, что я отказалась искать подругу в царстве теней, используя свой дар.

Ральф Мэгсон тоже ничего не забыл. Его отношение ко мне изменилось, он воздвиг между нами стену официальности, которая была хуже, много хуже, чем вспышки его гнева. Хотя мы трудились на земле бок о бок, организуя работу и проверяя всходы и скот, он никогда не улыбался мне. И когда я однажды коснулась его руки, чтобы показать ему что-то, он без слов убрал ее. Его гнев был слишком глубок для любых извинений, а у меня не было ни сил, ни храбрости обсуждать то, что случилось, с Ральфом. На земле я выполняла работу, о которой он просил меня. Дома я чувствовала себя затворницей, довольной тем, что сижу в окружении четырех стен. Вся непокорность, вся сумасшедшая храбрость Лейси, казалось,

оставили меня в это время расцвета, плодородия и благоденствия.

Настал самый разгар вайдекрского лета. В небесах носились стайки птиц, леса вокруг Вайдекра звенели их неумолчным щебетом. За все годы жизни здесь я никогда прежде не видела, чтобы трава росла буквально на глазах. Люди, работавшие на постройке усадьбы, оставались там допоздна, поскольку вечера стали светлыми. И казалось, что Холл растет так же естественно и неуклонно, как все остальное на нашей земле.

Мама объявила, что она намерена создать парк, достойный нашего прекрасного нового дома. Завязав потуже ленты шляпки, она отправлялась с тремя садовниками, чтобы присматривать за тем, как они приводят в порядок сад, придают форму кронам деревьев и выкорчевывают подлесок.

Теплая погода устраивала дядю Джона, и он возобновил свои прогулки в Экр верхом на Принце, который ровным и гладким шагом шел под ним. Он не оставлял своих забот о детях Экра, но находил все меньше и меньше пациентов.

— Я пишу монографию о профилактической медицине, — обратился дядя Джон к маме, когда они вместе пили в саду кофе. — И просто действительно поражен влиянием хорошей пищи на здоровье детей. Она избавила их не только от желудочных заболеваний, но также и от множества других болезней, которые я считал происходящими от других причин.

— Да, удивительно, насколько более здоровыми рождаются дети, когда их вынашивают полный срок и рожают хорошо питающиеся матери, — согласилась мама. — Но к тому же согласитесь, Джон, не много найдется деревень, где постоянно, и притом бесплатно, практикует хороший врач.

— И еще меньше, где уроки ведет вдова баронета! — улыбнулся ей дядя Джон, — И к тому же наиболее изысканная из известных мне дам.

Мама залилась смехом.

— Только не говорите «дама», Джон! Это абсолютно устаревшее слово, и оно заставляет меня чувствовать себя на десять лет старше!

— Что ж, я действительно чувствую себя постаревшим и умиротворенным, — довольным тоном продолжал дядя Джон. — Мне кажется, что все в Экре будут необычайно здоровыми и станут жить по сто двадцать лет. И первым, кто проживет сто пятьдесят, буду я сам.

— И каков же ваш рецепт долголетия? — спросила его с улыбкой мама, подвигая ему блюдо с чудесными сырниками миссис Гау.

— Кофе и сырники после полудня, — сейчас же ответил дядя Джон. — И неторопливая прогулка часа в два. И тучный обед в три, а вечером ваша замечательная игра на фортепиано и пение.

— Все будет как вы прописали, доктор, — отозвалась мама с насмешливой покорностью. — Пациент — самое важное лицо в семье.

— И, безусловно, самое привилегированное, — ответил дядя Джон и, перегнувшись через стул, поцеловал ее душистую щеку.

Итак, это был добрый сезон для всех в Экре, кроме меня и Ральфа, который неизменно был печален и молчалив. Та безостановочная дрожь, которая одолевала меня в первые дни после моего падения, прошла, и я научилась справляться с непрошеными слезами. Но я все время чувствовала себя больной. Независимо от того, скакала ли я верхом, гуляла или отдыхала дома, я ощущала тошноту. Хуже всего было по утрам, когда я с трудом садилась в постели и комната кружилась перед моими глазами, а меня одолевали приступы рвоты. Я попросила мою горничную приносить мне вместо шоколада чай и почти ничего не ела за завтраком. После полудня я могла рассчитывать на лучшее самочувствие, но даже тогда я понимала, что со мной творится что-то неладное.

— Все еще не проголодалась, дорогая? — нежно обратилась ко мне мама за завтраком, когда я с гримаской отвернулась от слабoproжаренного ростбифа, лежащего на блюде. Его нежно-розовая, сочащаяся соком серединка вызывала во мне отвращение, будто я была одним из индийских браминов.

— Нет, — ответила я. — Просто последнее время у меня нет аппетита.

Дядя Джон остро глянул на меня.

— А жар? — спросил он. — Не беспокоит ли вас головная боль, Джулия?

— Нет, — ответила я, сдерживая нетерпение. — Просто я не голодна сегодня.

— Пусть Джон осмотрит тебя после завтрака, — предложила мама. — Ты такая бледненькая после того падения с лошади, моя дорогая.

Я раздраженно прикусила нижнюю губу.

— Я прекрасно себя чувствую и терпеть не могу эти осмотры, мама. Так что, пожалуйста, не беспокойся.

Дядя Джон с его безошибочным тактом не сказал ничего. После завтрака, когда я вышла в холл и стояла перед зеркалом, завязывая ленты шляпки, я увидела, как он остановил маму, направлявшуюся ко мне, и тихо сказал:

— Оставьте, Селия. Джулия не может быть серьезно больной и в то же время скакать каждый день. Если это реакция на падение с лошади, то все вскоре пройдет.

В тот самый день погода резко изменилась, стало пасмурно и холодно. За обедом я сказала, что это восточный ветер сделал меня раздражительной, и в последующие дни я продолжала винить во всем погоду. Пока Цветки яблонь становились из розовых белыми и потом снегом осыпались на траву, небо было покрыто серыми тучами. Тяжело и низко нависало оно над землей. Но все равно оно было ярким, таким ярким, что мне приходилось щуриться, глядя вдаль.

Все цвело на земле, цветы кашки усыпали обочину дороги, похожие на взбитые сливки, боярышник украсил изгороди до самой земли. Воздух был напоен тяжелым запахом летних цветов и трав. Поле клевера лежало пурпурным ковром, гудевшим от множества озабоченных пчел. На общинной земле колокольчики цвели густо-прегусто и окутывали ее, словно морским туманом. Нижние склоны холмов пестрели желтым первоцветом, и в воздухе пахло медом.

Зацвели каштаны, затем их лепестки стали осыпаться, но тяжелые тучи лежали не двигаясь. Мужчины из Экра работали в поле сняв рубахи, но солнца не было, и их тела оставались странно белыми, будто меловые люди вышли на меловую землю. Сидя у окна гостиной и слушая мамину игру на фортепьяно, я не могла уловить ни единого дуновения ветра. Небо окутывало вершины холмов, подобно теплому полотенцу, укрывающему кастрюлю с тестом. Под этой мягкой крышей в душном тепле трава выросла и поблекла. Чайные розы в саду у Холла распустились пышным цветом, зловеще напоминая мне серебряную вазу с чайными розами моего сна, их бедный кузен шиповник щедро покрывал берега реки, делая те бледными рядом с сочной зеленью лоскутного одеяла вайдекрских полей.

Я сказала маме и дяде Джону, что чувствую себя хорошо, но я солгала. Я все время ощущала тошноту и усталость. Однажды утром, резко выпрямившись, я покачнулась от головокружения и испугалась, что упаду в обморок. Есть мне не хотелось, но оказалось, что меня чрезвычайно привлекают консервированные компоты и сушеные сливы. Мое лицо осунулось и стало бледнее, глаза, когда я разглядывала себя в зеркало, казались огромными. Меня все время одолевала головная боль, и вскоре я стала отказываться от прогулок верхом.

— Поедем кататься, — предложила мама однажды утром. — Сегодня и вполнину не так жарко, как несколько дней назад. Давай ты покажешь мне луга. Мистер Мэгсон сказал мне, что их скоро пора косить.

Я кивнула и лениво отправилась за шляпой и перчатками, по дороге заметив взгляд, которым обменялись мама и дядя Джон, и его одобрителный кивок.

Мама была права, погода улучшилась. Воздух уже не казался слишком густым, дышалось легко, и линия холмов на горизонте снова стала четкой и ясной. Я тронула вожжи, и мы выехали на дорогу в Экр, лошади шли легкой рысью. Тени деревьев скользили по нашим лицам, свежий ветер дул в лицо, и я чувствовала, как краска проступает на моих щеках. Луга, которые мама хотела посмотреть, были расположены за Экром, и мы проехали

через всю деревню. Я приветственно помахала нескольким женщинам, работавшим около своих коттеджей, и ответила на поклон Неда Смита, разгружавшего во дворе кузницы уголь.

Луг действительно был готов к сенокосу и расстилался перед нами морем бледно-зеленой высотой по колено травы, пестревшей яркими мазками алых маков, яркой синевой васильков, пастельно-лиловым цветом сердечника. Все росло, стремясь ввысь, поворачивая вслед за солнцем свои яркие головки. На границе поля привольно росли кусты первоцвета и высокий шиповник. Ветер доносил до нас аромат цветов и пряный запах орешника.

— Еще три-четыре дня такой погоды, и травы созреют для сенокоса, — приветливо обратился ко мне мельник Грин, когда мы проезжали мимо нижних лугов, а он стоял у ворот, покуривая трубку. Я с любопытством принюхалась к запаху голубого дымка. Табак. Еще недавно он курил мелко истолченные листья боярышника, мельница тогда стояла без дела, и в деревне не нашлось бы ни одного зернышка. Сейчас же, когда люди получали довольно приличное жалованье, он вполне мог позволить себе купить полпачки табачка.

— Да, похоже, — согласилась я.

— Но чего я жду всего больше, так это пшеницы, — продолжил Грин с надеждой. — Каждый день хожу на общинную землю и смотрю на нее. Урожай будет хорошим, колосья стоят высокие и крепкие, как крапива на навозной куче!

— Отлично, — я вышла из коляски и встала на нижнюю планку ворот, чтобы лучше видеть поле.

— Спасибо вам, мисс Джулия, — сказал старик с лукавой усмешкой.

— Чепуха, — отозвалась я без гнева. — Вы знаете, что это чепуха, мельник Грин. Урожай хорош, потому что были отличные семена, мы густо посеяли их, и погода стояла чудесная. А все остальное — это бабушкины сказки.

— Угу, — он принял упрек совершенно безмятежно. — Пусть так, мисс Джулия. В деревне все считают, что в пас есть дар Лейси заставлять пшеницу расти. Урожай в этом году хорош, и вы не разочаровали нас.

Я пожала плечами и повернулась к волнующемуся зеленому полю.

— Как хотите, — легко сказала я. — Миссис Грин здорова? Как поживают ваши сыновья?

— Хорошо, — удовлетворенно сказал он. — У нас все в порядке. Все в Экре благополучно. Я едва могу припомнить такую весну и лето.

Я кивнула на прощание и направилась к коляске, где меня поджидала мама, скрываясь от солнца под серым шелковым зонтиком.

— Все уже созрело? — спросила она. — На мой взгляд, трава вполне зеленая.

— Еще три или четыре дня, — ответила я. — Давай заедем на общинную землю, посмотрим пшеницу и потом отправимся домой.

— Конечно, — охотно согласилась она и помахала затянутой в перчатку рукой мельнику Грину.

Это поле было для меня словно чудо. Я родилась и выросла в Вайдекре, но никогда прежде не видела пшеницы, растущей на нашей земле. А сейчас она расстилалась передо мной, земля и деревня преобразились за один сезон работы благодаря могучему сочетанию денег дяди Джона, власти Ральфа, моего имени и волшебной магии вайдекрской земли, которая, я верила, могла бы вырастить здесь орхидеи и пальмы, если бы кому-нибудь пришло в голову посадить их. Высота колосьев достигла фута, местами даже восемнадцати дюймов. Зерна плотно сидели в колосьях, как горошины в стручке. Поле было огромным, теперь я едва могла припомнить, каким оно было прежде, все заросшее вереском, вербейником и невысокими ивами. Упорная работа крестьян сделала чудо: теперь здесь расстилалась зеленая идеально ровная низина. Рядом с полем шумел фруктовый сад, который мы посадили одним холодным пасмурным днем, а теперь деревья стояли высокими, и зеленая завязь будущих плодов предсказывала нам неплохой урожай.

— О, как это прекрасно! — невольно воскликнула я. Как будто во сне я протянула

поводья маме и, выскользнув из коляски, пошла в поле. — Как это прекрасно, — повторила я себе.

В моей голове опять послышался тот чудесный поющий звук, который иногда достигал меня в Вайдекре или когда я скучала по нему. Ощущение родной земли под ногами было словно обещание счастья. За дни, прошедшие после смерти Клари и после моего собственного несчастья, я потеряла радость общения с землей. Мои уши не слышали пения, я не чувствовала никаких запахов вокруг себя, и у меня исчезло ощущение причастности к этой жизни. Сейчас же оно, подобно водопаду, обрушилось на меня. Не боясь испачкать платье, я опустилась на колени и стала нюхать свежие ростки, словно это был букет цветов. От них доносился легчайший аромат, похожий на запах травы, но намного слаще. Тогда я сорвала колосок и принялась рассматривать зернышки, которым предстояло стать большими и желтыми и накормить весь Экр.

Я сунула зернышко в рот и прикусила его, как полевая мышь. Оно было твердым и совсем не сладким. Но когда я попробовала на вкус стебель, то внутри него оказался чудесный вкусный сок, и я вернулась в коляску, все еще держа его в зубах.

— О, Джулия, — слабо улыбнулась мама. — Вынь, пожалуйста, траву изо рта, а то ты выглядишь настоящей дикаркой.

— Извини, мама, я совсем забылась и была как во сне. Это поле просто изумительное! Мама грустно улыбнулась.

— Беатрис была точно такой же, когда была девушкой, — сказала она. — И любила землю так же, как ты. В округе все болтали о ее способности заставить землю плодоносить.

Я уселась на свое место.

— Обо мне они говорят то же самое, — с видимым удовольствием сказала я. — Я знаю, что это чепуха, мама, но все-таки очень приятно думать, что земля плодоносит для Лейси.

— Наверное, — тихо вздохнула она. — Я знаю, что тебе нравится эта мысль. Сама я никогда не испытывала такой страсти к земле, видимо потому, что родилась и воспитывалась в городе. Но твой папа тоже очень любил землю.

Я обернулась и кинула прощальный взгляд на поле. Затем мы отправились домой.

— Я думаю, что убирать урожай будем в августе, — сказала я.

— Как хорошо. К этому времени как раз вернется Ричард. — Тут мама помолчала. — Дорогая, что за кошка пробежала между тобой и Джеймсом? Я все жду и жду, когда ты посвятишь меня в свои дела. Вот уже почти три недели, как ты не получаешь от него писем, хотя он находится в Англии. Я не хотела принуждать тебя, тем более что ты чувствовала себя не очень хорошо, но тебе следует поделиться со мной.

Волшебная магия земли тут же оставила меня, и я замкнулась в себе. Мама сразу увидела перемену. Мой мозг лихорадочно искал ложь, которую я могла бы предложить ей в объяснение того, почему мы с Джеймсом никогда не сможем пожениться.

— Я не могу рассказать тебе это, мама, — тихо проговорила я, слезы знакомо подступили к глазам, и рыдание сжало мне горло. — Это очень личное.

Она кивнула, не сводя глаз с моего лица.

— Его мама написала мне. Она сообщила, что Джеймс внезапно решил опять уехать за границу и сказал ей, что будто ваша помолвка не состоится, потому что вы оба решили, что не подходите друг другу.

— Да, — кивнула я.

— Но тебя это не радует, — нерешительно предположила она.

— Нет, мама.

Она замолчала, а я занялась пони. Мы медленно взбирались на пологий холм, солнечные пятна лежали на дороге впереди нас, и тени скользили и вновь набегали на мамин зонтик.

Мама перевела дыхание, и я увидела, как сжались и побелели ее пальцы.

— Джулия, — твердо проговорила она. — Я — твоя мама, и мой долг знать такие вещи. Ты должна рассказать, почему вы с Джеймсом решили отменить помолвку.

Я потянула поводья, и пони замер на месте. Я знала, что сейчас мне надо предать Джеймса, так же как мой страх заставил меня предать сначала Клари и Мэтью, а потом изменить своему долгу перед целым Экром.

— Я узнала, что он ветреный человек, — тихо сказала я. — Он был близок с женщиной.

— Понимаю, — сказала мама и глубоко вздохнула. Вытянув руку, она ласково коснулась меня. — Думаю, ты права. Но мир, в котором мы живем, довольно жесток, Джулия. Полагаю, что у большинства молодых людей была подруга, прежде чем они женились. Но если после свадьбы они сохраняют верность жене, то о них никто не станет думать плохо.

Я знала, что мне нужно выдать нашу беседу с Джеймсом и запятнать его образ. Слезы стояли в моих глазах.

— Это была не подруга, мама, — мой голос был тонок, как та веревка, на которой повесился Иуда. — Он общается с падшими женщинами и посещает их дома. Я не уверена, что он сможет перестать вести себя так.

— Джеймс Фортескью? — переспросила мама с недоверием. И за это недоверие я полюбила бы ее еще больше, если бы это было возможно. Но я должна была убедить ее.

— Одна девушка из Экра, которую мы встретили в Бате, — неловко начала я. — Ты никогда прежде не слышала о ней. Ее звали Джули, в честь меня, я полагаю. Она стала э... падшей женщиной. — Я перевела дыхание. — Так вот, она узнала его, мама. И он не отрицал этого.

Мама вздохнула. Она была леди с головы до ног. Свое детство она провела в аристократическом квартале Бата, а затем всю жизнь жила в уединении Вайдекра. Она никогда не бывала в местах, подобных Рыбному Молю, и никогда не видела женщин, подобных Джули. И она никогда не смогла бы понять, как поняла это я, что некоторые идут по стезе потворства желаниям, а других ведет чувство долга. Для моей мамы долг и желание шли всегда рука об руку. Для остальных же нас, урожденных Лейси, жизнь была безнадежно противоречивой.

— Понимаю, — совсем не к месту сказала она. — Я очень сожалею, моя любимая девочка. Только помни, что ты молода, и тебе встретится еще много молодых людей в жизни, и одного из них ты полюбишь. Я не стану принуждать рассказывать мне остальное, моя девочка.

— Да, пожалуйста, — попросила я.

Она легонько погладила мою руку, и мы двинулись вперед.

Как только мы прибыли домой, мама послала меня прилечь отдохнуть, а сама отправилась искать дядю Джона. Он работал в библиотеке, и мама вошла к нему, оставив дверь открытой. С тяжестью в сердце я прокралась вниз и прислушалась. Я стала лгуньей и теперь опускалась еще ниже.

Слова дяди Джона звучали веско.

— Не могу согласиться с тобой, Селия. Причина слишком деликатна. Все молодые люди стремятся обрести опыт, и большинство людей считает, что от этого они лишь становятся лучшими мужьями.

— Но это не «опыт», — ответ мамы звучал чуть громче, чем обычно. Она была расстроена. — Я не знаю, что именно вы имеете в виду, Джон, да и не хотела бы знать это. Джулия говорит, что мистер Фортескью общался с проститутками и что она боится, не станет ли он делать это после свадьбы. Это мне, кажется достаточной причиной для того, чтобы прервать эту дружбу.

— Проститутки? — голос дяди Джона стал неожиданно резким. — Вы уверены?

— Я только передаю вам, что рассказала мне Джулия, — ответила мама с достоинством. — Я не заставляла ее говорить. Одна девушка из экрских детей, та, которая отказалась вернуться, стала проституткой. Она-то и узнала мистера Фортескью.

— Это куда более серьезно, — сказал дядя Джон. — Я думал о том, что у него были связи с замужними дамами. Мне было бы очень неприятно, если бы нареченный Джулии

посещал публичные дома и тому подобное.

— Я, признаться, не вижу значительной разницы, — нетерпеливо перебила его мама. Я слышала, как взволнованно застучали ее каблучки и поняла, что она принялась ходить по комнате. — По-моему, это одинаково бесчестно.

Голос дяди Джона звучал тепло, и я догадывалась, что он улыбается ей.

— С точки зрения морали, вы правы, Селия, — сказал он. — Но я говорю как доктор. У публичных женщин уйма всяких болезней. И большая часть их неизлечима. Если Джеймс Фортеस्कью имел дело с проститутками, то мы должны благодарить Бога за то, что Джулия узнала об этом вовремя.

— О, — растерянно произнесла мама.

— Вы не могли знать этого, — мягко успокоил ее дядя Джон. — И я доволен, что ни вы, ни Джулия никогда не узнаете, как такие женщины или зараженные ими мужчины могут страдать. Такие болезни чрезвычайно легко подхватываются и передаются. Если Джеймс Фортеस्कью имеет привычку посещать публичные дома, то в таком случае помолвка определенно должна быть расторгнута.

Мама помолчала минуту.

— Я, пожалуй, увезу ее на некоторое время. Она поедет со мной в Оксфорд, когда я решу навестить Ричарда.

Дядя Джон что-то ответил ей, но я уже слышала достаточно и бесшумно, в одних чулках прокралась к себе в комнату. Там я позвонила и попросила принести горячую воду, чтобы я могла принять ванну. Я чувствовала себя невероятно грязной и не могла бы сесть за стол с моей дорогой мамочкой и дядей Джоном, не попытавшись хотя бы немного отмыться.

— Не превращаетесь ли вы, двое, постепенно в двух отъявленных бродяжек? — с обидой в голосе спросил дядя Джон за обедом. — Я начинаю думать, что здорово наказал себя, вернувшись сюда из Индии. Теперь Джулия то и дело разъезжает по всей стране, а я должен управлять ее чудовищным поместьем.

Его веселость была несколько наигранной, но я оценила ее. Мне хотелось улыбнуться, но я изо всех сил боролась с приступом тошноты, нахлынувшей на меня при виде огромной порции вайдекрской форели, запеченной в белом винном соусе. Мякоть рыбы была розовой, словно лепестки розы, соус блестел и переливался золотом, а я старалась не смотреть на все это и знала, что не смогу взять в рот ни кусочка.

— Мы не задержимся в Оксфорде, — ответила мама, не дождавшись от меня ни слова. — И я думаю, вам будет приятно иметь дом в полном своем распоряжении. Вы непременно станете обедать в библиотеке, обложившись книгами, и никто не станет пенять вам за сигарный дым в комнатах и поздний сон.

— О да, — с деланным восторгом подхватил дядя Джон. — Здесь будет пир запрещенных радостей. А когда вы вернетесь домой, вам придется еще хорошенько постирать занавеси и отдать в чистку ковры, чтобы избавиться от табачного запаха.

Я едва слышала их разговор и почти не видела ненавистную тарелку с едой перед собой. Стол поднимался и опускался перед моими глазами, словно покачиваясь на волнах.

— Мама, извини меня, пожалуйста, — прошептала я. — Мне нехорошо. — Я встала и заставила себя спокойно выйти из комнаты, но, едва дойдя до гостиной, бросилась ничком на пол и уткнулась лицом в сиденье стула.

Я солгала маме и намеревалась продолжать лгать и дальше. Я солгала, сказав, что со мной ничего плохого не произошло. Со мной произошло нечто ужасное, и нужно было быть полнейшей дурой, чтобы не догадаться об этом несколькими неделями раньше.

Я была беременна.

Мой кузен Ричард наградил меня ребенком, и я погибла окончательно.

Теперь не требовалось никаких угроз и никаких обещаний, чтобы привязать меня к нему. Я погибла безвозвратно, если он не женится на мне, и я знала, что должна сообщить ему об этом и сказать, что мы должны пожениться как можно быстрее.

Мне потребовались недели, чтобы понять причину моей тошноты и головокружения, и даже тогда я продолжала цепляться за дурацкую надежду, что все это пройдет, как только настанут мои ежемесячные недомогания. Когда же они не настали, и потом опять не настали, я начала понимать, в чем дело. Когда все в Вайдекре плодоносило и размножалось, и я тоже была беременна.

Дважды я принималась писать Ричарду и оба раза бросала написанное в огонь. Я знала, что с того дня, как он уехал в Оксфорд, объяснив, что теперь ни один джентльмен не захочет на мне жениться, он считает нашу помолвку возобновившейся. Но я распростилась с мыслью о замужестве, любви, детях.

Я смогла взглянуть в лицо этой правде. Я даже нашла в себе силы примириться с ней. Но теперь мне пришлось столкнуться с чем-то неизмеримо более худшим. Я не хотела быть женой Ричарда. Мне была отвратительна мысль о тайной свадьбе, которая опозорит мою мать и меня. Или о свадьбе, на которую мама будет вынуждена дать свое молчаливое согласие, так как я была обещана. Но я не видела другого пути. Я провела целые недели, притворяясь сама перед собой, что того утра в солнечной беседке просто не было. Но оно было, и единственное, что мне оставалось сделать, это взглянуть правде в лицо и сказать: «Лучше мне было умереть, чем жить опозоренной». Вместо этого я должна готовиться к свадьбе, и готовиться к ней как можно быстрее, иначе я принуждена буду объявить всем о моем позоре. Я боялась, что скоро будет замечен мой растущий живот, который становилось уже трудно скрывать под узкими летними платьями, и скоро мама все поймет. Тогда она будет иметь право выгнать меня из дома и забыть обо мне.

Она будет разгневана тайной свадьбой, но о таких вещах говорят недолго и забывают через несколько лет. Ребенок родится раньше положенного срока, но Вай-декр — терпимое место, где живучи прежние обычаи. Редкая невеста идет здесь к венцу, не неся впереди себя огромный живот. Мою репутацию можно считать погибшей в глазах знати, но среди простых людей Вай-декра я ничем не буду отличаться от других.

Неожиданная мысль заставила меня вздрогнуть и выпрямиться. Я никогда в жизни не увижу Джеймса Фортескую. И скоро кто-нибудь не преминет рассказать ему, что хорошенькая Джулия Лейси, которая была украшением сезона в Бате и его избранницей, с неприличной поспешностью обвенчалась со своим кузеном. Он будет обрадован, что не связал свою жизнь со мной. И, может быть, прошепчет на ухо сплетнику, что сам чуть было на мне не женился! И они покачают головами в удивлении, что столь милая девушка оказалась такой безнравственной! Я спрятала лицо в ладони и посидела некоторое время, собираясь с мыслями.

Мне ничего не поделать с этим.

Я совершила ошибку, ужасную, непоправимую ошибку, и теперь мне надо смириться с этим и принять тяжесть всех последствий.

Могло быть еще хуже, попыталась я утешить себя. По крайней мере, я люблю Ричарда. Я хотела выйти за него замуж еще тогда, когда мы были маленькими детьми. Я могу попытаться закрыть глаза на ужас моего позора, но, в конце концов, в моей жизни было всего лишь две страсти: Ричард и Вайдекр.

Мама будет горевать. Мама будет расстроена, но...

Я оставила попытки притворяться, что все будет хорошо. Тайное замужество и родившийся раньше срока ребенок были для меня не чем иным, как катастрофой. Но все могло оказаться неизмеримо хуже. Я не находила в себе силы рассказать об этом маме или дяде Джону. Но если Ричард возьмет эту ношу на себя и сам все расскажет им, тогда я смогу пройти через это. Ричард был единственным человеком, которому я могла рассказать всю правду. Единственным, к кому я могла обратиться за помощью. Единственный оставшийся для меня путь вел к Ричарду.

Глава 24

Я едва видела город. Большие серые здания колледжей казались мне похожими на тюрьмы. Мама была очарована стилем и архитектурой старинного университетского городка, я же думала о том, что окна зданий слишком малы, а фасады угрюмы.

Позже я поняла, что красота колледжей спрятана глубоко внутри, потому что здания построены в виде квадрата, обрамляющего собой очаровательные садики. Если портье знал ваше имя, вас могли пропустить внутрь, где вы имели возможность посидеть в тиши и уединении, глядя на величественный кедр или прислушиваясь к шепоту фонтана. Но с внешней стороны здания выглядели отталкивающе, и даже наличие скрытых садиков не могло компенсировать для меня их безобразия. Эти колледжи казались мне задумчивыми и серьезными мужчинами, рядом с которыми я была наивной девчонкой с погубленной репутацией, ожидающей рождения незаконного ребенка. Присутствие женщин, даже тетюшек и кузин, не приветствовалось в Оксфорде. А уж что касается беременных любовниц, то их присутствие начисто исключалось. Это был город мужчин, они его создали для себя, и библиотеки, книги, театры и сады существовали только для них.

Ричард ожидал нас, и в его комнате был уже накрыт стол для чая, но он быстро заметил страх в моих глазах. Я забыла его исключительную способность к обману, и его невинное удивление, когда он вспомнил, что оставил свои книги в доме преподавателя, казалось убедительным, как у невинного херувима. Мама согласилась посидеть с газетой и подождать нас, пока мы с Ричардом сходим за книгами, и, как только мы вышли из дома, мой кузен повернулся ко мне.

— Что случилось? — отрывисто спросил он.

Мне бросилась в глаза суровость его тона, и мое сердце упало. Если Ричард больше не хочет жениться на мне, тогда я и вправду погибла.

— Я должна была повидать тебя... — неловко начала я. — Ричард, это насчет нашей помолвки... — встретившись с его потемневшими глазами, я умолкла.

— Что насчет нашей помолвки? — спросил он, и я проглотила остаток фразы от страха, что раздражает его.

— Ричард, — сделала я новую слабую попытку заговорить. — Ричард, ты должен помочь мне, Ричард, пожалуйста!

— Что ты хочешь от меня? — ровно спросил он.

Мы шли по дороге вдоль глядящих на нас колледжей, но я положила обе ладони на его рукав и принудила его остановиться.

— Ричард, пожалуйста, не говори со мной в таком тоне. Я погибла, если ты не спасешь меня. Ричард! Я беременна!

Он был в восторге. Я не могла ошибиться в сиянии его глаз, так же как я не могла ошибиться в моем собственном ужасе. Я положила ладонь на его руку и рассказала ему, что погибла, и на его лице была написана такая безудержная радость, будто я только что вручила ему Вайдекр и подарила в придачу половину Суссекса.

Он немедленно опустил глаза, чтобы скрыть их выражение.

— Джулия, — печально обратился он ко мне. — Ты действительно в сложном положении.

— Я знаю это! — отозвалась я. Но каким-то маленьким уголком разума я осознала, что он сказал: «Ты в сложном положении». Он не сказал «мы».

— Это убьет твою маму, — продолжал он. — Она принуждена будет отослать тебя из дома. Ты не сможешь более оставаться в Вайдекре. Думаю, это разобьет ее сердце.

Я кивнула. Тревога так сильно сжимала мое горло, что я не могла выдать ни слова.

— Тебя не станут принимать в обществе, — Ричард, казалось, смаковал каждую фразу. — Никто из твоих друзей не захочет видеть тебя. Это ужасная перспектива. Я даже не знаю, где ты будешь жить. — Тут он немного помолчал. — Полагаю, отец поселит тебя в маленьком городке где-нибудь за границей. Или же они попытаются выдать тебя замуж за фермера или кого-нибудь еще, кто согласится принять на себя твой позор.

Я попыталась заговорить, но смогла издать только звук наподобие жалобного

хныкания.

— Ричард, — умоляюще прошептала я.

— Что? — отозвался он таким тоном, будто был недоволен, что я прервала его во время серьезных размышлений о моем будущем.

— Но мы были помолвлены, — тихо проговорила я. Проходившие мимо люди с любопытством глядели на нас: красивого юношу и хорошенькую девушку, заглядывающую ему в лицо наподобие нищенки. Ричард заметил их взгляды и ловко, взяв мою руку, продел ее под свой локоть.

— Да, были, — согласился он. — Но мне казалось, что теперь ты помолвлена с кем-то другим. Последнее, что я слышал от тебя, были слова о том, что ты не собираешься ни за кого выходить замуж и хочешь, чтобы мы оставались всю жизнь братом и сестрой. Должен признаться, Джулия, что у меня создалось впечатление, что ты без радости относишься к мысли о нашей помолвке.

— Да, так и было, — честно призналась я. — Я и сейчас отношусь к этому без радости. — Это было как ночной кошмар, это было хуже, чем кошмар. Я едва могла идти по улице, мои колени подгибались на каждом шагу. Я видела торжество Ричарда и чувствовала себя его жертвой. — Но теперь все изменилось, Ричард.

— Да, — сказал он и даже не смог скрыть торжества в голосе. — Все действительно изменилось.

— Не дразни меня, Ричард, пожалуйста, — попросила я. — Для меня это вовсе не шутка. И если ты отказываешься жениться на мне и не хочешь признать собственного ребенка, то лучше скажи сразу. Скажи это мне прямо сейчас.

Решимость, прозвучавшая в моем голосе, озадачила его, и он искоса глянул на меня, как бы измеряя силу моей воли по сравнению с его собственной.

— И что ты тогда сделаешь? — с любопытством поинтересовался он.

— Сделаю то, что должна была сделать уже давно, — невесть откуда появившаяся храбрость диктовала мне эти слова. — Я расскажу все маме и дяде Джону. Хоть я и опозорена, но я все-таки не потеряла право на наследство. Если я не могу больше принадлежать к знати, если я не могу быть леди, то я отдам свою долю наследства Экру. Я сделаю им этот подарок. А сама сниму один из лучших коттеджей в Экре и стану жить там одна и растить мое дитя. Я знаю, что никто не будет приходить ко мне с визитами, но у меня много друзей среди бедноты Экра, и они не оставят меня. Даже если общество и моя семья закроют передо мной двери, то все-таки у меня останется Экр.

Ричард медленно кивнул, и я видела, как его глаза задумчиво скользят по крышам и верхушкам деревьев, словно он напряженно что-то обдумывал. Пока он не знал, можно мне верить или нет, но, опустив глаза и увидев мое сосредоточенное и решительное лицо, он понял, что я решилась. И тогда его глаза потеплели, и он обратил ко мне одну из своих самых чарующих улыбок.

— О, моя любимая Джулия, — сладким голосом заговорил он. — Ну что ты за глупышка. Я люблю тебя всю мою жизнь, я просто обожаю тебя! Конечно же, ты не будешь опозорена, я женюсь на тебе. Я никогда не мечтал ни о чем другом, кроме как быть твоим мужем. И у тебя родится сын, это будет мой сын, и он станет единственным наследником всего Вай-декра!

Я задохнулась, и внезапно вся моя храбрость оставила меня. Я готова была разрыдаться от облегчения.

Улыбка Ричарда была светла, как майское утро.

— Мы должны все обдумать, — по-деловому заговорил он. — Когда он должен родиться? В конце января?

Я молчала. Я совсем еще не думала о рождении ребенка. Все, о чем я могла размышлять, это о том огорчении, которое я доставлю моей маме, шоке дяди Джона и моем позоре. Но уверенные слова Ричарда о будущем ребенке, как о сквайре Вайдекра, заставили меня воспрянуть духом впервые с того самого дня. Ребенок будет рожден в Вайдекре — так

же, как когда-то родились в Вайдекре мы с Ричардом. Ребенок вырастет здесь, под безоблачным небом моего дома. И она — а я была уверена, что родится девочка, — будет моей сладкой дочуркой, и, может быть, именно она вручит землю людям, которые на ней работают.

— Да, — ответила я после паузы. — Сейчас я на третьем месяце беременности.

— А когда будет заметно? — осведомился Ричард.

— О, как бы я хотела, чтобы Клари была жива! — воскликнула я невольно, с внезапной тоской по здравому смыслу и житейской мудрости своей подруги. — Я попытаюсь вспомнить, как это было у Кларининой мамы и других женщин, — по-моему, это бывает заметно в три месяца. Но, Ричард, я хочу, чтобы мы поженились не откладывая. Я не хочу выходить замуж, когда это будет уже заметно.

Нотка паники, прозвучавшая в моем голосе, вызвала на лице Ричарда жестокую ухмылку.

— Хорошо, — мягко сказал он, — я так и думал. Я никогда прежде не видел тебя такой испуганной, Джулия.

Я не могла говорить, я только смотрела на него и чувствовала, как прыгают мои губы.

— Все нормально, — сказал он шелковым голосом, в котором звучало счастье от того, что он видел меня такой жалкой. — Я сделаю необходимые приготовления, а теперь перестань трусить, Джулия, мы должны вернуться к чаю.

Его приготовления оказались более простыми, чем я ожидала.

Ричард попросил у своего куратора несколько дней, чтобы проводить нас обратно в Суссекс. Как только мы оказались дома, мама и дядя Джон ответили согласием на просьбу Ричарда отпустить нас на прогулку к морю. Он предупредил, чтобы они не ожидали нас рано, и мы выехали из дома на рассвете, пока все еще спали, и направились в Портсмут. Ричард насвистывал и напевал обрывки песен, я же сидела молчаливая и печальная, будто отправлялась на собственные похороны. Движение экипажа утомляло меня, и после того, как мы остановились позавтракать и поменять лошадей, я уселась поудобнее, положила голову на плечо Ричарда и задремала.

Мне казалось, что я слышу вокруг себя странный шум и топот множества ног, будто бы нас окружала толпа людей. Когда я вздрогнула и открыла глаза, оказалось, что рядом никого нет. Я ехала на свою свадьбу и не ощущала ничего, кроме страха. А когда я искоса взглядывала на Ричарда, меня охватывал необъяснимый ужас. Мы въехали в город, и стук копыт стал немного тише. Тротуары были запружены народом, Ричарду постоянно приходилось сдерживать лошадей.

Нам нужно было съездить на набережную и разыскать там одного капитана, который был достаточно жадным и безответственным человеком, чтобы вручить нам лицензию о венчании, которое он якобы совершил во время нашего путешествия на его корабле.

Ричард проверял маршрут по расстеленной на его коленях карте, которую начертил для него его приятель Ригли из Чичестера. Он же назвал и имя этого капитана. Мой секрет был раскрыт. Молодой человек, живущий всего в нескольких милях от Вайдекра, знал, что мы должны пожениться, и, безусловно, Ричард ему рассказал почему. Никто не собирался делать из этого тайну, и для меня не было никакой возможности избежать позора.

Ричард остановил экипаж у отеля. Передав поводья груму, он велел тому быть здесь через два часа, затем он подал мне руку, и мы быстро направились на набережную.

Гавань представляла собой лес невозможно высоких мачт, с моряками, карабкавшимися по ним, вокруг стоял гомон, словно на птичьем дворе. Я судорожно цеплялась за руку Ричарда.

— Как мы разыщем нужный корабль? — спросила я и с удивлением поняла, что надеюсь, что мы не найдем корабль и сможем сразу же возвратиться домой. Даже разбитое сердце мамы, даже мой позор были лучше этого бессмысленного кружения по городу, которого я не знала, с человеком, чей истинный характер я только начала узнавать.

— Это здесь, — отозвался Ричард. Экспедиция, каждый шаг которой отнимал мои последние силы, была замечательным приключением для Ричарда, его глаза сияли, и он оживленно оглядывался по сторонам. — Это здесь, — повторил он торжествующе, — теперь остается только найти капитана.

Ричард подтолкнул меня к узким сходням, и я пошла, опутив глаза и стараясь не смотреть на полдюжины грубых лиц, появившихся на корабле, с любопытством разглядывающих мои платье и шляпку и гадавших, что нам надо на их корабле.

Когда мы достигли палубы, они исчезли, и Ричард казался слепым и глухим, не замечая неловкости создавшейся ситуации.

— Эй, там, — уверенно обратился он к одному из моряков. — Где капитан?

Тот оторвался от чистки ногтей длинным зловещим ножом и оглядел нас, будто бы раздумывая, заслуживаем ли мы его ответа. Ричард сунул руку в карман, и звяканье монет послужило паролем. Меня задело, как уверенно чувствует себя Ричард в компании этих проходимцев.

— Он опять напился, — мрачно ответил моряк, презрительно разглядывая нас. Под его взглядом я впыхнула. Он знал, что мы прибыли сюда для тайного венчания. Ему было понятно, что существует только одна причина для девушки из знати прийти на этот грязный корабль и разыскивать пьяного капитана. Он смотрел на меня так, будто я была падшей женщиной, готовой пойти с любым мужчиной. Я чуть скользнула за плечо Ричарда и подняла повыше воротник, чтобы спрятать лицо.

У меня было чувство, которое я не могла бы передать словами, что в этом презрительном взгляде было своего рода предзнаменование будущего, ожидающего меня. Я должна была стать собственностью одного мужчины, но теперь любой мог смотреть на меня так, как он пожелает. Я не была более свободной женщиной, только Ричард был моей защитой, и мне теперь полагалось держаться позади его плеча.

— Мы пришли повидаться с ним, — сказал Ричард. Казалось, он даже не замечал презрительного взгляда моряка. Тот равнодушно пожал плечами и, ткнув пальцем куда-то вбок, лаконично сказал: «Идите вниз». Его акцент показался неприятным моему уху, привыкшему к протяжному, мягкому говору Суссекса.

Ричард начал было спускаться, но я поймала его за руку.

— Ричард, — остановила я его. — Если он пьян, возможно, он не сможет... Возможно, мы не должны... Ричард, подожди!

Ричард уверенно спустился по лестнице и жестом велел мне сделать то же самое.

Я заколебалась. Команда на палубе прекратила работу и открыто разглядывала меня, даже моряки на реях смотрели на меня. Осторожно подобрав юбки, чтобы не запачкаться, я ухватила рукой за перила и стала спускаться.

Отвратительный запах, царивший внизу, ударил мне в ноздри. Он был крепко замешан на рвоте тысяч больных пассажиров, на запахе старого пота и страха, запахе пороха и грязных одежд, прогорклой пищи и гноя. Я задохнулась и поскорее закрыла рот носовым платком. Ричард странно смотрел на меня, но выражения его лица было не прочесть из-за сумрака, царившего в коридоре.

— Ну что еще? — нетерпеливо обратился он ко мне.

— Мы не должны этого делать, Ричард, — заторопилась я. — Это ужасно! Должен быть какой-то другой способ. Мы не можем пожениться в этом грязном месте. Это... Это пахнет, Ричард.

Он издал какое-то восклицание и, повернув меня к себе, с силой ухватил меня за локти так, что я вскрикнула не столько от боли, сколько от страха.

— Слушай, — дико прошипел он. — Ты хотела, чтобы мы были любовниками. Ты лежала на спине и улыбалась. Ты обнимала меня за шею и не сказала ничего, кроме «да». Ты приехала домой на лошади с Джемом и протянула руки, чтобы я тебя снял. Если ты этого не хотела, ты должна была бороться. Ты могла бы остановить меня, если бы захотела. Но ты не хотела останавливать меня. И когда Джем нашел тебя, ты сказала, что упала с Мисти. Если

бы я тебя изнасиловал, ты бы так и сказала. Но это было не так. Ты сама хотела этого, потому что ты шлюха. И это очень благородно с моей стороны — чертовски благородно — жениться на тебе.

Я, не отрываясь, смотрела на него. Его жестокая хватка была ничто по сравнению с той болью, которую я ощущала под ребрами. Каждый раз, когда он говорил «ты», это слово вонзалось в меня, словно нож, в самое сердце.

То, что он говорил, было всего лишь частью правды, но я была совершенно не способна отвечать на несправедливые обвинения. Я винила себя с того самого момента, когда я поняла, что произошло на полу беседки. Женщина всегда виновата в таких вещах. Если бы я была настоящей леди, если бы я была по-настоящему чиста, Ричард не сделал бы этого. Я потеряла мою невинность, и этого достаточно, чтобы погубить меня в глазах всех, в том числе моих собственных.

— Я готов жениться на тебе, — бешено продолжал Ричард. — Но это одолжение, которое я делаю тебе. Я делаю это только для того, чтобы ты могла взглянуть в лицо своей маме и моему отцу. А если бы я рассказал им, как ты соблазняла меня и настаивала, чтобы мы стали любовниками, то думаю, позор убил бы твою маму.

Фонарь, горевший на стене, мигал, и пламя его колебалось на сквозняке, гулявшем по коридору. В этом неверном свете я внезапно увидела лицо Ричарда. Он улыбался так же, как улыбался когда-то, когда дразнил меня во время наших детских игр. Я вспомнила, как однажды он позвал меня на чердак сарая, стоявшего посреди заброшенного поля, сказав, что видит там гнездо совы. Он настоял, чтобы я взобралась к нему по шаткой лестнице. Мне не было видно, на что он смотрит, хотя он показывал на темную дыру в стене около балки. И когда я напряженно смотрела туда, пытаясь что-то рассмотреть, он внезапно толкнул меня. Я потеряла равновесие и, сорвавшись с лестницы, уцепилась за балку. Ричард же мгновенно соскользнул вниз и сбросил лестницу на пол. И когда я повисла в двадцати футах над полом, он стоял внизу и улыбался. «Думаю, ты выдержишь».

— Думаю, ты выдержишь, — сказал он сейчас.

Я смотрела на него и медленно прозревала. Дыхание храбрости оведало меня, свежее и сладкое, как дуновение вайдекрского ветерка. Несмотря на удушливое зловоние, я расправила плечи и гордо вздернула подбородок. Я не была больше глупой потаскушкой, охваченной похотью. Я была Лейси из Вайдекра. Я была дочерью своего отца и наследницей Беатрис, ведьмы Вайдекра, которая создавала и разрушала землю одним желанием. После Беатрис никто в Суссексе не считал женщин слабыми. Имея пример Беатрис перед глазами — даже Беатрис-разрушительницы, — я обретала силу внутри своего слабого тела и любящего ранимого разума.

Я смело встретила смеющийся взгляд Ричарда.

— Ты прав, — ровно сказала я. — Я выдержу. Давай пойдем в эту вонючую маленькую комнату, вызовем пьяницу капитана и поженимся. А потом я отправлюсь домой и обо всем расскажу моей любимой матери и дорогому дяде Джону. Я лицом к лицу встречусь с их горем и разочарованием. Но я сумею пройти через это. И это правда, что я больше не боюсь. Вернее, я боюсь, но я умею справляться с собой. И мой страх не может возобладать надо мной.

Улыбку Ричарда словно смело с лица, и он смотрел на меня с чем-то вроде уважения.

— Да, — тихо признал он. — Я знаю, что ты не боишься, Джулия. И даже когда ты боишься, ты словно обретаешь где-то храбрость. Я не знаю, как ты это делаешь.

— Я — Лейси, — сурово сказала я, и само это слово словно бы принесло воздух Вайдекра в это затхлое место. — А теперь пойдем, Ричард, и давай с этим покончим.

Как будто послушавшись моей команды, он постучал в дверь, и мы вошли. Итак, хотя Ричард частично лгал, говоря, что я опозорена зачатием ребенка, именно мне пришлось заставить себя решиться на свадьбу, и у меня была странная мысль, что свадьба погубит меня больше, чем погубило само насилие.

Это было ужасно.

О, конечно, это было ужасно.

Все мое детство и юность я мечтала о свадьбе перед алтарем готической экрской церкви. Я мечтала о том, как солнце будет светить через витражи, как заиграют его лучи на моем белом платье, как улыбнется мама, сидя на нашей семейной скамье позади меня.

Когда я была девочкой, я мечтала, что Ричард поведет меня к алтарю и, надевая на мою руку обручальное кольцо, запечатлеет поцелуй на моих губах. В своих причудливых мечтах я представляла себя в волнах белого муслина или узорчатого атласа. Я даже знала, какие цветы я буду держать в руках: дикие цветы Вайдекра. И здесь мои детские мечты шли вразрез с журнальными картинками. Я думала, что пойду к алтарю с громадным букетом алых маков в руках, а голову мою будет украшать венок из белых маргариток и синих васильков.

Думаю, я выглядела бы очень глупо, и моя бабушка леди Хаверинг не допустила бы этого. Вряд ли мне удалось бы представлять собой образчик элегантности с пучком сорняков в руках. Но это едва ли имело бы значение, будь я счастливой невестой в своей родной церкви, окруженной друзьями и родными.

Но ничто не могло быть хуже этой грязной каюты и пьяного капитана, неразборчиво бормочущего что-то из своего грязного молитвенника. Когда он обратился ко мне и спросил, согласна ли я на брак, мне в лицо пахнуло отвратительным перегаром. Из-под его койки виднелась тарелка с несвежими обглоданными костями жаркого.

Но все было сделано законно, и, когда капитан сказал: «Я объявляю вас мужем и женой», мы были женаты точно так же, как если бы эти слова были произнесены в самом грандиозном соборе Чичестера.

— Вы можете поцеловать невесту, — объявил капитан, обращаясь к Ричарду. Тот наклонил свою темноволосую голову, а я подставила ему лицо для поцелуя. Его губы были холодны как лед, и мои, я думаю, не были теплее.

— Я думала, мы должны будем пожениться в море, — тоненьким голосом сказала я.

— А я подделал судовой журнал, — сказал капитан, и его улыбка обнаружила отсутствие переднего зуба. — Если кто-нибудь спросит вас, где вы были сегодня утром, отвечайте, что мы ездили на остров Уайт. Свадьба — дело вас двоих. — И он послал грязную улыбку Ричарду. — Думаю, вы будете рады поскорее очутиться с маленькой леди дома.

Пока Ричард расплачивался с ним, я повернулась и поспешила выбраться наверх, мало заботясь о царящей вокруг грязи и даже не подобрав подола юбки. Очутившись на палубе, я подняла воротник, ежась от холода и от той мерзости, в которой очутилась. Мы быстро вернулись обратно в гостиницу, в молчании выпили по чашке кофе и пошли к экипажу.

Ричард в прекрасном настроении насвистывал веселую мелодию, и мы отправились на север, домой. Дорога проходила вдоль берега, был час прилива, и море лежало громадным серебряным блюдом, на котором покачивались на якоре лодки, а одна шхуна выходила в открытое море, гордо неся распущенные паруса.

— Домой, — с удовлетворением сказал Ричард. — Теперь это мой настоящий дом. Вся земля принадлежит мне, и я единственный ее хозяин.

Лошади резво бежали вперед, я ничего не отвечала. Мое сердце лежало в груди как огромная глыба льда, и тошнотой, которую я ощущала, я была обязана не ребенку, а знанию того, что я потеряла контроль над Вайдеком и отдала его хозяину, которому не доверяла. Я и себя отдала хозяину, к которому не испытывала ни капли доверия.

Я уже обрела рабскую привычку осторожничать со своими словами и теперь, подождав минутку и прочистив горло, ровно сказала:

— Мной были даны некоторые обещания в Вайдек-ре и подписаны некоторые контракты за нас обоих. Эти обещания придется выполнить, если мы дорожим своим словом.

Ричард смотрел на меня, и в глазах его не было даже тени лжи. Невозможно было смотреть на него и не верить ему.

— Конечно, Джулия, — сказал он самым сладким голосом. — Конечно, моя дорогая кухня, моя дорогая жена, — наконец могу я сказать. Просто я подумал, что, раз Вайдекр

теперь мой, тебе не придется нести за него ответственность в такой мере, в какой ты это делала. Вайдекр теперь моя забота, а не твоя. И кроме того, — продолжал он, и его улыбка стала теплой, — в ближайшие семь месяцев ты будешь занята дома той работой, которую никто, кроме тебя, сделать не сможет.

Это было правдой, но меня бил озноб, когда он говорил о Вайдекре в таком тоне.

— Я хочу работать на земле. Ты будешь сквайром, но я буду работать так же, как сейчас. Я не могу бросить это только потому, что мы поженились.

Ричард ничего не ответил, он старался разъехаться с телегой, доверху груженной новыми парусами. Мы покинули пределы города, и я, подняв голову, вдыхала чистый воздух и чувствовала, как унижение и страх оставляют меня.

Ричард поднял глаза от дороги и, взглянув на меня, увидел, что щеки мои порозовели.

— О, — сказал он, притворяясь, что только что вспомнил. — Я написал Джеймсу Фортескью.

— Что ты сделал? — переспросила я.

— Я написал Джеймсу Фортескью, — лучезарно улыбнулся Ричард. — Конечно, Джулия, я написал ему, что мы должны сегодня пожениться. У меня было предчувствие — я даже не знаю, почему, — что ты забудешь сообщить ему об этом сама. Во всяком случае, джентльмен должен информировать другого джентльмена о подобных событиях.

Я сжалась, будто Ричард ударил меня в лицо.

— Я не стала писать ему потому, что ты ему уже сообщил о том, что наша помолвка расторгнута.

— Очень хорошо, — приветливо отозвался Ричард. — Теперь тебе и не придется это делать.

Я сидела в молчании. Я не могла даже представить, что почувствует Джеймс, когда он раскроет письмо Ричарда и узнает, что я вышла замуж. Я не представляла, как он расскажет об этом Марианне или своим родителям, которые были так добры ко мне. Эта мысль была просто невыносима.

— Я отослал его последние письма назад, — безмятежно продолжал Ричард, — вложив в конверт со своим собственным письмом. Так что тебе совершенно не о чем теперь беспокоиться.

— Его письма? — воскликнула я. — Ты же говорил, что вернул их месяц назад, когда встретил Джеймса на дороге.

— Некоторые из них — да, — признался легко Ричард. — Но некоторые я сохранил, чтобы с удовольствием перечитать их. Там были такие вещи, которые я хотел изучить более тщательно. Но теперь я вернул их все. Он писал тебе очень много, не правда ли?

Мои руки вдруг пронзила острая боль, и я поняла, что сижу судорожно вцепившись в сиденье, так что побелели костяшки пальцев.

— Он и вправду любил тебя, — слова Ричарда звучали как поздравление. — Я в жизни никогда не читал ничего более страстного. Когда он писал, как наблюдал за тобой в каком-то там перчаточном магазине, это звучало как своего рода признание в любви, и как он молился на тебя за то, что ты нашла экрских детей. Он действительно любил тебя, да, Джулия? А теперь ты никогда его больше не увидишь.

Я сильно прикусила изнутри щеки, чтобы сдержаться и не зарыдать. Подступившая боль вернула мне голос и придала силу его звучанию.

— Да, — сказала я хрипло. — Да, он очень любил меня. И я любила его. И тот факт, что ты выкрал его письма и прочел их, теперь уже не так важен. Но сегодня я в последний раз произношу имя Джеймса, и ты тоже больше никогда не станешь о нем говорить, если не хочешь обидеть меня или рассердить.

Какое-то время мы ехали молча. Долгие, долгие мили.

— Мы будем дома к ужину, — сказал Ричард. — Возможно, еще до темноты.

— Да, — я сидела словно в каком-то оцепенении.

— Не думаю, что будет правильно, если мы сразу все им расскажем. Завтра мне

придется вернуться в Оксфорд. Давай отложим до того времени, когда я приеду домой.

— Хорошо.

— До этого времени, наверное, ничего еще не будет заметно, — весело продолжал Ричард. — А если они начнут что-то подозревать, то ты всегда можешь дать мне знать и я сразу же приеду.

— Хорошо.

— Ты не кажешься очень счастливой, — нетерпеливо сказал Ричард. — Но все идет точно так, как мы планировали в детстве. А ты смотришь на меня угрюмым понедельником.

— Я знаю, — больше я не сказала ничего. Я не чувствовала необходимости извиняться перед Ричардом за свою угрюмость. Или притворяться, что я счастлива. Я была поймана и брошена в тюрьму, у меня отняли мою землю, уверенность в себе и мое счастье. Тот факт, что я вошла в эту тюрьму бездумно, заперев за собой дверь и выбросив за окошко ключ, не позволял мне винить никого, кроме себя, за ту мерзость, в которую превратилась моя жизнь.

Я отвернулась от Ричарда и перевела взгляд на раскинувшиеся вдаль поля, хорошенькие деревни, чистые речушки, зеленеющую пшеницу. Я не рыдала. И даже не проронила ни слезинки. Я просто смотрела вокруг себя и размышляла, откуда же мне взять храбрость, чтобы продолжать, и продолжать, и продолжать жить, пока я не окажусь в безопасной гавани.

Но я знала, что мне никогда туда не попасть.

Глава 25

В тот день, покачиваясь в экипаже рядом с Ричардом, я не обманулась в своих грустных мыслях. Я была права, ожидая, что буду чувствовать себя как старая больная лошадь, тянущая тяжелый воз по грязной дороге. Я почти физически ощущала тяжесть вины и склонялась под ней все больше и больше с каждым теплым летним днем.

Джулия, ты положительно становишься сутулой, — с удивлением сказала мама, стоя у окна гостиной и наблюдая, как я срезаю розы в саду. — Выпрямись, моя дорогая, и не смотри так печально. Что-нибудь случилось?

— Нет, мама, — ответила я, послушно выправив плечи и подняв подбородок, но я знала, что скоро опять забудусь и ссутулюсь. Я чувствовала тяжесть незаконно зачатого ребенка в животе и груз вины на плечах. И от этого я не могла не склоняться, как наклоняется человек, идущий против ветра.

Этот ветер дул навстречу мне последнюю неделю июня и первые недели июля, пока я ожидала Ричарда домой и думала о том, что произойдет, когда мы все расскажем нашим родителям.

Дядя Джон и мама сговорились почаще оставлять меня одну. Они видели, что здоровье мое стало лучше, тошнота прошла и я могла есть нормально. Их только беспокоили горькие линии вокруг моего рта и морщина, залегшая на лбу, словно печать Каина.

Я не могла смотреть на мою дорогую мамочку, не думая о том впечатлении, которое новость произведет на нее. Оказалось, что я мечтаю о том, чтобы она рассердилась на меня, по-настоящему сильно рассердилась. Больше всего я боялась, что она будет смотреть на меня немymi от ужаса глазами и винить во всем себя. Каждый день я пыталась избавиться от этой мысли. Если бы я продолжала думать о том, что мамино сердце разобьется из-за меня, я бы не могла продолжать жить.

А я должна была жить.

Пшеница хорошо уродилась в Экре, и мы готовили людей и телеги для урожая. Все фермы, которые каждый год убирают урожай, считают эти приготовления самым важным, а мы в Вайдекре были новичками. Это была борьба, борьба с погодой: пшеница должна быть сжата и сложена в амбары, как только она созреет. Это не сено, которое может стоять в поле, мокнуть и снова высыхать. Как только пшеница сжата, она должна быть убрана с поля.

Это была борьба с погодой.

Это была напряженная подготовка: люди и инвентарь, жнецы и фуры — все надо было собрать заранее. Это была деловая борьба: предстояло решить, какую часть урожая, в соломе и зерне, продать, а какую часть оставить для себя. Предстояло решить, какую цену запросить: либо чтобы продать как можно скорее, либо сохранить зерно до тех пор, пока цены не начнут подниматься. Предстояло выбрать, получить ли прибыли за счет голодающих людей, отказываясь продавать зерно по доступным ценам, поднимая и поднимая цены, пока люди голодают.

Решение было легким для Вайдекра. Никогда больше в Экре не будут голодать, если урожай добрый и амбары полны зерна. Но Ральф, дядя Джон и я согласились, что часть урожая будет продана на лондонском рынке по наивысшей цене, которую он предложит. Даже Ральф был уверен, что бедные не станут протестовать против такого решения, увидев, что мы сначала удовлетворили потребности местного рынка.

Только однажды за это теплое солнечное время, пока я ожидала приезда Ричарда домой, я столкнулась с серьезной проблемой. Ральф Мэгсон попытался поговорить со мной. Это и должен был быть Ральф. Он не забыл меня, поскольку был мне настоящим другом и всегда будет им. Он видел, как с каждым днем бледнеет и бледнеет мое лицо и темные круги ложатся под глазами.

Я вернулась в карете из Чичестера, куда ездила заказать серпы. Наш Нед не имел времени наковать их, так как был загружен другой работой. По пути я попросила Джема заехать в Экр, чтобы я могла оставить записку для Ральфа о том, что серпы будут доставлены на следующей неделе.

Когда мы подъехали к коттеджу Ральфа, он сидел на ступеньке, греясь на солнышке и покуривая трубку. Увидев меня, он улыбнулся и не стал вставать, дожидаясь, пока я подойду к нему и сяду рядом.

— Погрейтесь на солнышке, — пригласил он меня. — Единственное, о чем я сожалею после своего возвращения в Вайдекр, так это о том, что у нас мало солнца. Некоторое время я был на островах в южных морях. Там так жарко, что днем невозможно работать. И я, бывало, вытягивался на солнцепеке и спал весь день.

Я тихо сидела рядом и видела его улыбку, закрытые глаза и обращенное к солнцу лицо. Солнце не грело меня, хотя коже стало жарко. Будто бы кровь, питавшая мою маленькую дочурку, была отравой для моей собственной плоти. Каждый раз, стоило мне улыбнуться, или взглянуть на растущий листик или играющего ребенка, или рассмеяться какой-то шутке, как тревога словно обручем сжимала мне голову и я чуть не падала в обморок от мысли, что скоро, очень скоро я вынуждена буду рассказать маме о том, что я беременна и тайно обвенчалась с кузеном.

— Что беспокоит вас? — тихо спросил Ральф. — Последние дни вы белая, как снятое молоко. Это не похоже на вас, Джулия.

— Все в порядке, — ответила я, не разжимая губ.

— Вы не беременны случайно? — как бы невзначай кинул Ральф. Он продолжал сидеть полуотвернувшись и смежив веки, так что не видел моих вспыхнувших щек, и я могла говорить спокойно.

— Нет, — сказала я.

— Если даже и так, — он говорил будто о чем-то малозначащем. — Если бы даже было и так, нет никакой необходимости выходить замуж в спешке или признаваться матушке или дяде Джону. Есть много способов избавиться от ребенка, только если сделать это вовремя.

— Действительно? — спросила я.

— Угу. Если бы моя подружка оказалась в такой беде, я бы отвез ее в табор к цыганам, к какой-нибудь разбирающейся в таких вещах женщине. Я бы мог съездить туда прямо сегодня, если вы хотите, Джулия.

— Нет, — ответила я. — В этом нет необходимости.

Ральф открыл глаза и остро взглянул на меня.

— Рад слышать. Я был уверен, что вас гнетет именно это. — Он снова закрыл глаза, как

слепой предсказатель судьбы, и прислонился головой к стене дома. — Девушка, принужденная к помолвке, еще не связана словом, — сказал он, не обращаясь ни к кому в особенности. — И девушка, потерявшая невинность, не обязана выходить замуж за этого человека. Не слушайте знатных людей. Они скажут вам, что для молодой леди лучше быть мертвой, чем обесчещенной. И что каждая молодая невеста, которая идет в белом к алтарю, невинна. Но это неправда, вы же знаете.

Я ничего не ответила. Ральф все еще не смотрел на меня.

— Поэтому, если вы и согрешили со своим кузеном тогда в холмах, вы не обязаны выходить за него. Вы можете отказать ему и выйти замуж за другого, и никто не будет ничего знать. В Экре никто не станет думать о вас из-за этого хуже. — Он немного помолчал. — И ваш муж, кто бы он ни был, никогда не услышит от нас ни слова, — заключил он.

Я встала на ноги. Ральф поднял на меня глаза и заслонил их рукой от солнца. Мое лицо оставалось в тени.

— Благодарю вас, — официально сказала я. — Я поняла все, о чем вы говорили, но я не нуждаюсь в вашей помощи, какова бы она ни была.

Ральф сделал рукой легкий небрежный жест.

— Я весь в вашем распоряжении, — с улыбкой сказал он. — Простите, что не встаю.

Я не могла сдерживать улыбки, повернулась на каблуках, пошла через садик к поджидавшей меня карете и поехала домой, где мама играла на фортепиано, не зная, что всего через несколько дней ее постигнет страшный удар.

Пшеница созрела раньше, чем Ричард вернулся домой.

И я была рада этому. Даже в глубине моего отчаяния я радовалась, что мы успеем сжать наш первый урожай и бережно убрать его с поля, прежде чем я вызову бурю на наши головы и мы с дядей Джоном не сможем больше обсуждать никакие деловые вопросы.

Погода стояла знойная, и, когда я в следующий раз увидела Ральфа, он сказал, что надо убрать пшеницу в течение ближайших нескольких дней, пока не разразился шторм.

— Какое забавное небо, — заметил он, щурясь в покрытое сплошными белыми облаками небо. Солнце ослепительно светило сквозь них, но не могло разорвать их сплошной покров.

— Чувствуется, что надвигается буря, — ответила я. — Так же было и во время сенокоса, но тогда буря прошла стороной.

— Если бы я был в море, я велел бы сейчас убирать паруса и на всех парях стремиться укрыться в гавани. — Ральф, не отрываясь, смотрел вдаль, туда, где на горизонте облака казались желтыми.

— Сколько времени может простоять пшеница, пока мы не уберем ее? — поинтересовалась я.

— Нисколько, — кратко ответил он. — Мы должны начать завтра же, если сегодня ночью не грянет буря. Мы не знаем, сколько времени будут работать жнецы: старики много лет не брали в руки серпа, а многие молодые даже не видели, как это делается. Мы не можем тратить время, ожидая у моря погоды. Начать нужно завтра.

— Я скажу дяде Джону, — сказала я и повернула лошадь.

— Ага, — согласился Ральф. — А вы сами придете на общинную землю, Джулия? Все очень хотели бы видеть вас там.

— Я не пропущу такой день даже за целое состояние, — улыбнулась я. — Это ведь и мой первый урожай тоже.

Я улыбалась, но мое лицо словно застыло. Это было золотое время года, но я чувствовала, что на мне лежит тень. Пшеница созрела, но я была ледяной. Я скакала домой, как один из оловянных солдатиков Ричарда на оловянной лошадке. Мое сердце было тоже словно оловянным.

Мы пообедали рано, и я сразу же пошла спать, мама и дядя Джон сердечно пожелали мне на завтра хорошей работы и пообещали навестить меня в поле и привезти мне обед.

Заснула я почти мгновенно, и сразу же начался сон.

Что вызвало его, я не знаю, возможно, упоминание Ральфа о цыганах. Во сне мне явилась молодая цыганка, сидевшая на передке фургона, который тянула громадная вороная лошадь хорошей породы, едва ли подходившая для такой черной работы. Была ночь, и погода стояла ужасная, мы находились на какой-то пустоши, возможно, на нашей общинной земле. В моем сне эта девушка держала на руках крошечного ребенка, поводья свободно свисали почти до земли, а шедший впереди мужчина вел лошадь под уздцы. Сваленные в фургоне резные палочки, предназначенные для продажи, и плетеные ивовые корзинки, полные деревянных крючков для одежды, громко стучали друг о друга, пока фургон, покачиваясь из стороны в сторону, проплывал мимо меня. Я отступила на шаг, давая дорогу, дождь бил мне в лицо, и я едва видела в темноте лицо цыганки. На плечи ей была накинута старая накидка, возможно, это было одеяло, и сзади она казалась бесформенной. Сзади фургона раскачивался маленький фонарь. Он удалялся от меня. Внутри меня, причиняя жгучую боль, нарастало отчаяние оттого, что я вижу, как фургон уезжает, и я крикнула что-то им вслед, но тут же поняла, что они не слышат меня. Я кричала снова и снова, но ветер был слишком силен, а дождь стучал слишком громко. Я не слышала даже саму себя.

Я вскрикнула во сне, и этот звук разбудил меня. Было уже утро, раннее утро моего первого урожая, а дождь и буря остались в моем сне. Я проснулась от внезапной судороги в животе, которая бывает от страха. Я полежала немного, прислушиваясь, но в тишине не было слышно ничего, кроме биения моего собственного сердца.

Потолок комнаты был уже освещен солнцем, и когда я приподнялась на локте, то увидела небо, покрытое облаками. Тесно прижавшись друг к другу, они словно нависли над гребнем холмов, как бы пряча нас от всего остального мира. И хотя я знала, что за ними скрывается яркое солнце, мне с трудом верилось, что когда-нибудь я снова увижу его свет.

Я поднялась с тяжелым вздохом, будто бы была усталой и немощной старухой, и медленно подошла к окну. Деревянные половицы казались неприятно шершавыми под моими ногами, а вода в кувшине слишком холодной. Небо за окном было странно белесым, и этот свет резал мне глаза. Я надела старую амазонку, собрала волосы небрежным пучком на затылке и натянула шляпу. Из зеркала на меня глядели хмурые и усталые глаза. Затем я спустилась на кухню к миссис Гау, где она уже варила в кастрюле яйца.

Приняв от нее чашку кофе, я выпила ее, стоя у задней двери и выглядывая в сад. Горячий кофе обжег мой язык, но не согрел меня. Он был густым от сахара, но не был сладким. Я подавила тяжелый вздох. Бывают дни, когда все идет не так, как надо, и этот день был одним из них. Миссис Гау подала мне завтрак в корзинке: несколько булочек с маслом и медом, несколько тонких ломтиков мяса и персик из присланных Хаверингами фруктов.

Я вышла в конюшню. Джем проспал, и Си Мист еще не была готова для меня. Я взвалила седло на плечо и вывела лошадь под уздцы во двор. Я сама оседлала ее — никого не было рядом, чтобы помочь мне, и никто не улыбался мне по-дружески, желая удачной работы.

Когда я прискакала на поле, все уже собрались там, и Ральф был среди них, следя, как мельник Грин выгружает серпы из своей телеги.

— Доброе утро, мисс Джулия, — вежливо обратился он ко мне.

— Добрый день, — ответила я и поздоровалась с людьми, стоявшими вокруг и улыбавшимися мне.

— Мисс Джулия, — раздался тоненький голосок, и я глянула вниз. Это была одна из дочерей тележника, худенькое голубоглазое создание восьми лет от роду.

— Нет, Эмили, ты не получишь бисквитов, пока не сделаешь утреннюю работу, — сказала я с шутливой серьезностью.

Она хихикнула, на мгновение показав дырку в зубах, и тут же прикрыла грязной ладошкой рот.

— Не-а, можно я попрошу кусочек ленты от вашего платья, мисс Джулия?

Я проследила за ее взглядом. Моя амазонка знавала лучшие времена, и тогда она была

отделана атласной лентой с маленькими бантами на манжетах и по подолу. Несмотря на старания моей мамы и мое случайное усердие, некоторые из бантов были оторваны. А бант на моей правой манжете висел на одной нитке.

— Конечно, — воскликнула я, вообразив, что ребенок видел мало красивых вещей в своем детстве. Я потянула за бант, нитка оборвалась, и я отдала его девочке. Ее белое личико осветилось радостью, и она присела передо мной — небрежная копия глубокого реверанса ее мамы, — а потом метнулась к группе своих друзей, стоявших возле забора.

— Наблюдайте за этим полем, — велел мне Ральф. — А я буду занят с торговцем сеном из Чиче-стера. Справитесь сами, как вы думаете?

— Думаю, да, — и я оглянулась вокруг. Мужчины сосредоточенно точили серпы, а женщины нетерпеливо закатывали рукава. — Непохоже, что они будут лениться.

— Они едва могли дождаться этого дня, — с удовлетворением сказал Ральф. — Ваша задача заключается в том, чтобы просто присматривать за ними на случай каких-нибудь проблем. Если появятся сложности, обращайтесь ко мне. Я буду на лугу за Экром.

Я кивнула и поехала в середину поля.

Люди знали, что им делать, много лучше, чем я, и моя роль свелась к чисто официальной. Они сами построились в линию, и ближайший ко мне жнец, взглянув на меня, сказал:

— Пожелайте нам доброго урожая, мисс Джулия, и вложите немного вайдекрской магии в нашу пшеницу.

Я послала ему сокрушенную усмешку. Я могла не любить мою роль весеннего божества, королевы мая или местной богини плодородия, но мне было не избежать ее.

— Доброго урожая! — воскликнула я достаточно громко, чтобы каждый в поле услышал это. И, как будто эти слова были сигналом, жнецы подняли серпы, вступили в пшеницу, доходившую им до пояса, и вонзили острые лезвия в зрелую плоть, которая с протяжным звуком «свиш, свиш, свиш» упала перед ними, как строй игрушечных солдатиков на неровном столе. Море бледных желтых колосьев оставалось позади ровной линии жнецов, пока они не достигли дальнего конца поля и, выпрямившись, не оттерли лезвия серпов от зеленой крови Вайдекра.

Они немножко помедлили, прежде чем повернуть назад, для того чтобы перекинуться незамысловатыми шутками насчет тяжести серпа и забытого ими усердия. Они работали слаженно и, я уверена, быстрее, чем в те дни, когда горы желтого зерна означали прибыли для Лейси, но то же нищенское существование для Экра. Теперь же они знали, что получают долю этого богатства, и срезали колосья под корень у самой земли. Женщины и мужчины, не занятые жатвой, шли позади, собирая колосья и связывая их в снопы. Это была новая работа для многих из них. Жители Экра не прикасались к зерну с тех пор, как пятнадцать лет назад сожгли амбары, и только немногие из них имели опыт работы поденщиками на соседних фермах. Многие из снопов были чересчур большими, или кривыми, или завязаны слишком свободно. Я подумала, что никто не обидится, если я попрошу перевязать их. И действительно, Салли Майлз лишь виновато усмехнулась мне, когда я указала на ее снопы, покосившиеся, как старая крыша.

Завтрак превратился почти в пирушку, когда жнецы привольно разлеглись на свежем жнивье, а женщины достали еду влажными от колосков руками. Маленькие дети столпились вокруг меня, и я была благодарна миссис Гау за маленький пакетик засахаренного миндаля, который обнаружила на дне корзинки.

Закончив есть, мужчины задремали или лежали, глядя в небо, а женщины собрались маленькими группками, кто восхищаясь младенцем, взятым в поле, а кто плетя косы и делая маленькие корзиночки из колосьев.

Старая миссис Майлз была в центре одной из групп, показывая молодым женщинам, как делать соломенных кукол.

— Я бы хотела, чтобы вы научили внучку вязать снопы, — предложила я и была вознаграждена взрывом женского смеха и смущенной усмешкой самой Салли.

Когда с этим полем было покончено, мы все двинулись к лугу у Трех Ворот, который Беатрис в свое время превратила в пшеничное поле и который опять заколосился золотом.

Так проходил сбор урожая в Вайдекре.

Каждый день я рано поднималась с постели. Каждый день я поздно возвращалась домой. Каждый день мы жали поле за полем, пока я не начала даже во сне видеть золотисто-зеленые поля. Когда я закрывала глаза, именно эти цвета вставали под моими закрытыми веками. Казалось, я забыла цвет темноты. Каждый день я вскакивала с постели в серых предрассветных сумерках, сама одевалась и отправлялась в поле, а там уже меня ждали люди, готовые начать работать.

Итак, мы собрали добрый урожай, обильный и сжатый быстрее, чем я могла себе представить. Мы оказались на последнем поле у подножия холмов, на самом последнем поле Вайдекра. Я могла гордиться этим урожаем, который восхитил бы саму Беатрис.

Глава 26

Последнее поле мы сжали в спешке. Нависшие тучи предвещали одну из тех бурь, которые иногда случаются в середине августа в разгар засухи, но несут с собой не дождь, а лишь полыхающие в небе зарницы и страшные раскаты грома.

Даже если бы пшеница на этом поле пропала, мы все равно собрали урожай, которому могло бы позавидовать все графство. Наши поля набирались силы в течение долгих пятнадцати лет, а лучших работников было не найти во всей Англии.

— У вас есть все основания гордиться собой, — обратился дядя Джон к нам с Ральфом утром последнего дня работы. — Никто не собрал урожая быстрее, чем мы, даже при квалифицированных жнецах. О Вайдекре снова станут говорить как о месте, где правит бал нечистая сила.

Ральф кивнул, не в силах скрыть удовлетворение.

— Это доказывает, что наши замыслы нашли свое воплощение, — продолжал дядя Джон. — Вот самое главное, что произошло этим летом. Особенно в свете свежих новостей, поступивших из Франции.

— Плохие новости? — поинтересовался Ральф, вопросительно поднимая бровь.

— Короля собираются предать суду, — коротко ответил дядя Джон. — Я полагаю, что его признают виновным и казнят. Это будет черный день для всех, кто любит свободу, и он станет концом великого французского эксперимента.

— Нет, это не будет конец, — уверенно сказал Ральф, любовно поглаживая острие серпа. — От неудачных правителей нужно избавляться, по доброй воле они никогда не уйдут со сцены истории. Впрочем, сейчас уже целые армии готовы выступить против Франции. Это как здесь у нас: вы можете ввести небольшие новшества и никто не станет вам мешать, но стоит вам решиться на более серьезные изменения, как остальные лендлорды объединятся и принудят вас отступить.

— И вам хочется взять в руки вот это? — и дядя Джон указал на серп. — Нет, мистер Мэгсон. Вы не правы, вы заходите слишком далеко. То, что не может быть сделано по взаимной договоренности, не должно быть сделано вообще. Нельзя силой навязывать людям свои решения.

Ральф медленно улыбнулся своей печальной улыбкой:

— Вы хотите жать прежде, чем посеяли. Я думаю, что французы пока только вспахали почву. Да и здесь, в Вайдекре, мы еще не добились ничего решающего, и боюсь, что не добьемся ни при вашей, ни при моей жизни. Возможно, даже мисс Джулия не увидит больших перемен. Но сейчас люди поняли главное: они могут работать сами, и им не нужны хозяева. И когда-нибудь, быть может, через много лет, у нас в стране поймут, что нет ничего более важного, чем равенство и процветание бедняков.

— Нет, нет, не хочу и слушать, — возмутился дядя Джон. — Я радикал, а не революционер.

— Конечно, вы только тот, кем можете быть. Лорды не в состоянии быть искренними революционерами. Но вы и без того самый честный из тех богатых людей, кого я только знаю. Честный, конечно, настолько, насколько это устраивает вас... — И тут он с улыбкой оборвал себя. — А я — самый худший на свете бейлиф.

— Зато вам удалось вырастить прекрасный урожай, — вставила я.

— А, — отмахнулся Ральф и снова повернулся к дяде Джону.

— Вы приедете посмотреть на уборку последнего снопа? И посетите с леди Лейси праздничный ужин на мельнице?

— Мы приедем посмотреть на конец уборки, но на ужине нас не будет, — и дядя Джон низко склонился к гриве Принца, стараясь избежать взгляда Ральфа. — Леди Лейси вряд ли захочет побывать там. Видите ли, мистер Мэгсон... Вайдекрский мятеж начался сразу после пира на мельнице, и у нас обоих сохранились об этом тяжелые воспоминания... — Он смущенно замолчал и взглянул на Ральфа.

— Конечно, — тут же согласился тот. — Пусть веселится молодое поколение. Ему принадлежит будущее. А вас представит мисс Джулия, вряд ли там будет много людей, которые помнят прежнее.

— Мастер Ричард тоже там будет, — добавил дядя Джон и, увидев, как я вздрогнула при его имени, улыбнулся мне. — У меня не было времени сообщить вам об этом, Джулия, но утром я получил от Ричарда письмо, и он написал, что собирается вернуться с дневным дилижансом. Так что он приедет как раз вовремя, чтобы поспеть к праздничному ужину!

Я постаралась выдавить улыбку, но сердце мое упало. Раз Ричард возвращается домой, я не смогу больше откладывать мое признание маме и дяде Джону. Сегодня последний день, когда я могу спокойно работать на земле и чувствовать себя уважаемым человеком. Сегодня последний раз я вернусь домой и увижу, как озаряется радостью мамино лицо при виде меня.

Мысль о встрече с Ричардом тоже не успокаивала меня. Я боялась, что настал мой последний день свободы, последний день, когда я могу работать с людьми, которых привыкла уважать и любить. Мой муж и хозяин все ближе подъезжает к дому, который он называет своим. Пекло этого дня действовало на меня угнетающе, и я почувствовала сильную дрожь.

— Пора за работу, — вскричал Ральф и громко свистнул. — Побудьте, пожалуйста, здесь, мисс Джулия, а я съезжу на мельницу проверить, все ли готово к вечеру.

Дядя Джон притронулся к шляпе и, пожелав счастливого урожая, уехал. Я осталась одна на этом последнем поле у самых холмов.

Мне следовало гордиться, я должна была быть счастлива, но я знала, что, как только Ричард возвратится домой, ловушка, в которую я сама себя поймала, захлопнется и для меня не будет пути к спасению.

Мы работали весь день, и к обеду осталась несжатой одна узкая полоска. Собранные снопы больше не кривились, даже Салли Майлз научилась вязать их ровными и аккуратными.

Я села обедать среди крестьян и, окруженная детьми, принялась распределять между ними сладости. Сама же я не могла есть, страх сжимал мне горло мертвой хваткой, я даже не знала толком, чего боюсь. Отодвинув в сторону мясной пирог и поделившись со всеми сладкими булочками, я только жадно выпила бутылку лимонада.

Все поели и прилегли отдохнуть, но мне не терпелось позвать людей поскорее закончить работу. Меня подгоняло странное беспокойство, которое не оставляло меня в этот день. К моему удивлению, трое или четверо мужчин без моего напоминания встали и пошли к несжатой полосе.

— Им не терпится снова продолжать работу, — обратилась я к Салли, сидевшей рядом со мной.

— Не, — лениво отозвалась она. — Просто они хотят поиграть в игру, старинную игру жнецов, закончивших работу. Наверху последнего снопа ставят соломенную куклу и кидают в нее серпами, стараясь сбить. Того, кто собьет ее, ожидает удача.

Я кивнула, мои глаза сами собой закрывались от слепящего солнца.

— Кукла должна быть похожа на королеву урожая. Может, это будете вы, мисс Джулия. Моя бабушка умеет делать таких кукол. И она уже научила этому многих других.

Я взглянула в сторону миссис Майлз. Мелькнувшая в ее руках серая лента подсказала мне, что героиней праздника буду я. Медленно поднялась я на ноги, и один из парней подсадил меня в седло. Внезапно я услышала приближающийся стук копыт и, оглянувшись, увидела скачущего к нам Ричарда, его склоненную от солнца голову и счастливую улыбку.

— Джулия! — воскликнул он в восторге и, пришпорив лошадь, в мгновение ока очутился рядом со мной и поцеловал меня в губы.

Я позволила ему коснуться моих губ, но ничто во мне не отозвалось на его ласку.

— Я очень встревожена, — отрывисто сказала я.

— Не сейчас, — и он погладил мое плечо. — Тетушка Селия и мой папа едут сюда следом за мной. Они хотели посмотреть на урожай. Да и мистер Мэгсон скоро вернется из деревни.

Я кивнула и попыталась радостно улыбнуться навстречу маме. Она выглядывала из коляски, чтобы поскорее увидеть меня, и в ее руках весело плясал зонтик.

— Все сделано? — ликующе крикнул дядя Джон, когда они приблизились настолько, чтобы его можно было слышать. — Все готово, сквайр Джулия?

— Да, все. Сейчас жнецы затеяли игру на поле, — отозвалась я, пытаюсь выразить голосом такую же радость.

Никогда мне не удавалось ничего скрыть от моей мамы. Она тревожно глянула на меня, и от нее не укрылась ни моя бледность, ни темные круги под глазами.

— Ты себя нехорошо чувствуешь? — тихо спросила она, когда я подскакала к ним на Си Мист.

— Просто устала, — ответила я. — Эта жара ужасно утомляет меня. Даже глаза болят от зноя.

— Я буду рада, когда ты вернешься в гостиную, — нежно сказала мама. — Теперь, когда Ричард будет дома, он сможет помогать мистеру Мэгсону. Я не хочу видеть, как ты увядаешь от работы у меня на глазах. В прошлом году ты была украшением сезона, и я хочу видеть такой же триумф на следующую зиму.

Я улыбнулась, хотя хорошо представляла себе, что никакого триумфа следующей зимой не будет, а будет один только несмыслимый позор. И вместо того, чтобы сопровождать меня в Лондон, мама будет ожидать рождения внука, зачатого вне брака и рожденного слишком рано.

— Что там делают эти люди? — с любопытством спросил дядя Джон.

Я оглянулась и увидела, что мужчины, столпившись у последнего снопа, кидают свои серпы, тщательно целясь в соломенную куклу, на которой развевалась моя серая лента. Вместо того, чтобы почувствовать себя польщенной, я вдруг вздрогнула от непонятного беспокойства, и страх ледяным пальцем коснулся моей шеи. Тревога, которая преследовала меня все эти месяцы, теперь, казалось, достигла апогея.

— Мама, по-моему, тебе здесь слишком жарко, — резко заговорила я. Мне хотелось увезти маму отсюда, забрать ее от этих жнецов, играющих в свои странные игры. Я ясно чувствовала, что моей безопасности приходит конец. — Пойдем прогуляемся в ту буковую рощу, — предложила я маме. — Там прохладно. Не надо оставаться здесь. Мы сюда еще придем.

— Хорошо, пойдем, — согласилась она и посмотрела на дядю Джона.

Но тот не заметил ее взгляда, внимательно наблюдая за метанием серпов.

— Очень умело, — обратился он к Ричарду.

В пароксизме внезапного нетерпения я хотела забрать их отсюда, увести всех с моего поля прежде, чем кончится игра, прежде чем кто-нибудь собьет куклу и принесет ее нам. Я хотела увести мою невинную маму прочь отсюда. Меня тошнило от уверенности, что сейчас случится что-то страшное.

Я лихорадочно размышляла, как бы убедить дядю Джона поскорей уехать отсюда, но он внимательно следил за мелькающими серпами и не собирался никуда уезжать. Я бросила умоляющий взгляд на Ричарда, но он беззаботно сидел на верхней перекладине ворот и, хотя и чувствовал мой взгляд, не дал себе труда взглянуть на меня. Я услышала, как приближается Ральф, кляня лошадей за лень, но он был слишком далеко, чтобы помочь мне.

Я ощущала, как моя тревога перерастает в панику, будто я лежала в хрустальном гробу и сверху меня закрывала стеклянная крышка. Даже если бы я кричала о помощи, никто не услышал бы меня и никто не понял бы, что мне нужно. Хрупкая оболочка лжи, которая защищала меня от мамы и дяди Джона, готова была разлететься на куски, и никакие силы не могли этому препятствовать. Я знала, что правда обрушится на нас на этом самом поле. Я чувствовала, как вся моя жизнь будет сейчас подрублена под корень.

Раздался радостный крик Джимми Дарта, и его серп вместе с пронзенной им куклой упал к его ногам. Подобрал его и даже не взглянув на куклу, он радостно побежал ко мне, протягивая свою добычу. Никто в поле не видел, какая она, и я схватила ее с единственным желанием — спрятать. Джимми поднял высоко ко мне свой трофей, сияя от гордости. Мгновение я смотрела на нее, ничего не понимая, и тут же покраснела от стыда так отчаянно, что даже небо показалось мне алым.

Голова соломенного чучела была сделана из толстого стебля, и обвязанный вокруг нее мой серый бант должен был обозначать меня. Маленькие ручки и ножки куклы были сделаны из соломинок, а гротескный живот — из нескольких колосьев пшеницы. Он был поистине огромен, чтобы никто не усомнился в плодородии Вайдекра. Она была, несомненно, беременна. Как была беременна и я.

Взглянув на мое лицо, дядя Джон испуганно выкрикнул мое имя и властным жестом забрал у меня куклу. Едва сознавая, что делаю, я протянула ему ее, протянула мимо моей мамы, которая сидела как каменная статуя с остановившимися глазами.

— Джулия... — она произнесла это так, будто никогда прежде не произносила моего имени и теперь пытается выучить это незнакомое слово. — Джулия.

Дядя Джон выронил куклу и наступил ногой на ее бесстыдное чрево.

— Ступайте домой, — бросил он Ричарду и мне. — Сразу же.

Он ловко развернул коляску и умчал маму прочь, прежде чем я успела взглянуть на нее, на ее такое мертвенно-бледное лицо. Она была бледнее, чем ее серый шелковый зонтик, она сидела, бессильно изогнувшись в раскачивающейся коляске, сама как поломанная кукла. Дядя Джон мчался домой так, будто вез смертельно раненного человека, чтобы тот мог умереть в своей кровати.

Ледяными пальцами я сжала поводья, и Си Мист последовала за ними. Ричард мгновенно прыгнул со своей перекладины и забрался на лошадь. Он тут же догнал меня, и мы плечо к плечу поскакали домой.

На пути нам встретился Ральф.

— Что случилось? — тревожно спросил он меня. — Джулия! Что произошло в поле?

— Они знают, — проговорила я помертвевшими губами.

Ральф понял по моему лицу, что произошло что-то ужасное, и подал свою лошадь вперед.

— Мне поехать с вами? — предложил он.

— Нет, — сказала я и промчалась мимо. Сказать по правде, я даже не видела его.

Оставшиеся в поле люди безмолвно смотрели нам вслед, и забытые серпы бессильно покачивались в их руках. Опять треснула земля между Лейси и Экром, и трещина пробежала через их жизни. Оглянувшись через плечо, я увидела Джимми Дарта, он стоял как статуя, и серп был так же поднят в руке, как был, когда он протягивал мне куклу.

Я не винила его, голодного мальчика из Бата, которого я спасла и привезла домой. Я не винила старую миссис Майлз, которую я спасла от жалкой смерти в приюте. Джимми Дарт играл в старинную игру и победил. Он даже не знал, что несет мне. И я верила, что миссис Майлз не хотела причинить мне зло, ее пальцы сами бессознательно сплели эту куклу и тем

разоблачили меня. Она любила меня и не стала бы причинять страдания моей маме. В этом была замешана старая магия и колдовство, и это был не первый раз, когда они непреодолимым потоком хлынули на землю Вайдекра.

Си Мист испуганно шарахнулась от дрозда, и я привычным движением успокоила ее. Но мои руки едва удерживали поводья, и я все время боялась, что выроню их.

Я знала, что дома мне придется распрощаться с моим детством и любовью моей матери. Но я испытывала страх, какой-то суеверный ужас перед тем неизвестным, что, я чувствовала, грозит моему дому. Я вся дрожала от этого страха, и мне казалось, он неотступно преследует меня, как пара огромных черных собак. Когда я, прискакав и бросив поводья Джемму, шла по садовой тропинке к дверям, мне на секунду показалось, что я вижу этих собак воочию, лежащих в нашем саду, как отдыхающие львы.

Дядя Джон ждал нас в гостиной, облокотившись на мраморную доску камина. Мама сидела на своем обычном месте. По привычке она держала в руках вышивку и серебряные ножницы, чтобы вырезать образец глади. В первую минуту мне показалось, что все в нашем доме как всегда.

Но тут я с ужасом увидела, что мамины ножницы не следуют образцу, а режут драгоценную материю. Она бесцельно вырезала маленькие аккуратные дырочки в дорогом батисте, сама не видя, что делает. Дядя Джон тоже ничего не замечал.

Мы с Ричардом вошли в комнату. Гробовая тишина, в которой только и слышно было шелканье ножниц, обрушилась на нас прямо с порога. Ричард замер на месте, а я сделала маленький шаг вперед, чтобы ухватиться за спинку стула. Ноги не держали меня, и мне хотелось кинуться к маме и упасть перед ней на колени, но меня останавливало это бессмысленное тихое «звяк, звяк, звяк».

Мама сидела опустив голову и, не отрывая глаз от изысканного ирландского батиста, со своей обычной аккуратностью вырезала в нем маленькие одинаковые точки, не понимая, что губит всю работу.

Я перевела взгляд на дядю Джона. В комнате раздавалось только лишь звяканье ножниц, да за окном слышалось надрывное воркование лесного голубя.

— Ты ожидаешь ребенка, Джулия? — спросил дядя Джон, и его голос звучал монотонно, как шелканье маминых ножниц. Лишь лицо его подергивалось да шевелился рот.

— Я не знаю, — слабо проговорила я.

— Ты ощущаешь тошноту? Твои месячные недомогания прекратились? Твоя грудь стала твердой? — он сыпал вопросами, будто я была кухаркой, которую следует рассчитать за недостойное поведение. Я кивала, как заводная кукла.

— Мама, — тихо проговорила я, взывая о помощи.

Она не подняла головы, продолжая вырезать дырочки, подравнивая их края.

— Прошу прощения, — произнес дядя Джон с сумасшедшей вежливостью и направился ко мне. Я в страхе отступила и продолжала отступать, пока не наткнулась на стену. И когда он положил руку на нижнюю часть моего живота и прижал ее, я задохнулась от ужаса.

— Мама! — вскрикнула я.

Но она не смотрела на меня и не видела, что он делает со мной. Дядя Джон медленно вернулся на место и, вынув из кармана шелковый белоснежный платок, методично вытер им руки, будто прикосновение к моему платью могло запачкать их.

— Полагаю, ты отец ребенка, Ричард? — голос дяди Джона оставался таким же монотонным.

— Да, сэр, — ответил Ричард, и что-то в его голосе заставило меня повернуть голову и взглянуть на него. Он не был бледным от ужаса, как все остальные. Его глаза сияли, и он выглядел очень довольным. Я не могла понять, что с ним происходит. Либо он неожиданно сошел с ума, либо черпал силы в этом беспредельном ужасе. Мама, не отрываясь, трудилась над своей вышивкой, я стояла там, где оставил меня дядя Джон, сам он согнулся над каминной доской, и только Ричард стоял, непринужденно выпрямившись в дверном проеме

и с улыбкой глядя на всех нас.

— О, мой Бог, — с трудом проговорил дядя Джон. Послышался странный звук подавленной рвоты, будто его тошнило.

— И мы с Джулией женаты! — гордо добавил Ричард. — Наше дитя, наследник Вайдекра, родится в законном браке. Мы тайно обвенчались уже месяц назад, и вам не удастся разрушить этот брак. Мы будем совместно править Вайдекром, как того и хотела моя мама!

Голова Джона дернулась, и его глаза так засверкали, что казались почти белыми.

— Не только твоя мама, — прошипел он сквозь зубы. — Бог мой! Вы — пара дураков! Вы даже не понимаете, что наделали. Она была не только твоей матерью. Она дала жизнь вам обоим. Ты соблазнил свою собственную сестру, да еще и женился на ней, Ричард!

Никто не произнес после этого ни слова. Мы стояли, замерев, словно в немой картине. Затем у меня вырвалось короткое рыдание, и я без сил опустилась на ближайший стул.

Улыбка Ричарда угасла.

— Вы лжете, — неуверенно выговорил он.

— Нет, не лгу. Беатрис зачала Джулию и уговорила Селию выдать ребенка за своего, когда они были во Франции. Гарри Лейси никогда не узнал, что этот ребенок не его, так как Джулия родилась во Франции во время его отсутствия. Он уехал оттуда раньше. В следующий раз, когда Беатрис забеременела, она вышла замуж за меня. И после твоего, Ричард, рождения я раскрыл правду и понял, что вы оба выродки одной и той же шлюхи.

Мамины ножницы продолжали ровно шелкать, и она сидела не поднимая глаз.

— Кто же мой отец? — спросил окончательно сбитый с толку Ричард.

Я не могла оторвать глаз от лица мамы. Она не была моей матерью. Она не была моей матерью.

— Кто мой отец? — повторил свой вопрос Ричард.

Дядя Джон почти упал на стул, он казался сейчас десятью годами старше, чем был утром.

— Гарри Лейси, — устало проговорил он. — Беатрис жила со своим собственным братом, Гарри, и прижила от него вас обоих. Вы родились от инцеста вашей матери и сами вступили в такую же кровосмесительную связь.

Мама подняла голову.

— Ребенок Гарри? — резко спросила она. — Джулия — ребенок Гарри? Любовником Беатрис был мой Гарри?

— А разве вы не знали этого? — голос дяди Джона звучал грубо, как у уличного торговца, и это когда он говорил с женщиной, которую любил всю жизнь. — Разве вы не догадывались об этом? Ваше сердце поняло все уже давно, но вы боялись признаться себе в этом кошмаре, а я молчал, чтобы не пугать вас еще больше.

Мама без сил уронила голову.

— Да, — проговорила она тихо. — Я догадывалась, что между ними стоит какое-то зло. Но старалась не задумываться, что это означает. — Из ее рук выпал лоскут, над которым она трудилась, но она не прекратила своей работы. Рассеянно она взяла в руку подол своего платья и принялась так же методично, как раньше, вырезать прямо в нем маленькие дырочки. Щелк, шелк, шелк — двигались ножницы, и никто даже не подумал остановить ее.

— Итак, я — сын Гарри Лейси, — медленно заговорил Ричард. — Я сын сквайра.

Никто не отвечал. Глаза дяди Джона смотрели в пустой камин, словно он видел там языки пламени и горящие поленья. Но там было пусто. Мамина голова низко склонилась над ее платьем. Оно было сшито из кремового шелка с мелкими желтенькими цветочками, и сейчас она вырезала эти цветочки с пугающей аккуратностью. Лоскутки падали к ее ногам, будто бы она сидела весной под цветущим вишневым деревом.

— Значит, я — наследник, — вдруг сказал Ричард окрепшим голосом. — Я — сын Лейси. И Вайдекр принадлежит мне.

— Вайдекр! — вскричал дядя Джон и вскочил со стула, словно подброшенный

пружиной. В два шага он пересек комнату и, схватив Ричарда за лацканы сюртука, затряс его. — Ты наградил свою собственную сестру ребенком, и все, о чем ты можешь говорить, это о Вайдекре?

И он вдруг отпустил Ричарда, словно ему было противно даже прикасаться к нему.

— Вы оба истинные Лейси, — с горечью продолжал он. Его глаза смотрели на нас с отвращением. — Оба. — Его губы прыгали, словно он только что надкусил что-то испорченное и дурно пахнущее. — Вы плоть и кровь Беатрис. Все, о чем вы способны думать, — это отвратительное поместье, а все, к чему вы стремитесь, — это удовлетворить свою похоть. Вы оба истинные наследники ведьмы Вайдекра.

Мы не говорили ничего. Я не осмеливалась поднять взгляд от полированной поверхности стола, в которой виднелось мое отражение. Я была похожа на привидение своей бледностью и огромными, остановившимися глазами. Дядя Джон опять облокотился на камин.

— Это должно быть аннулировано, — ровно заговорил он. Неистовство ушло из его голоса, и теперь он звучал надтреснуто и устало. — И это будет последнее, что я сделаю для вас обоих. Я поеду в Лондон и подам в суд, чтобы ваш брак отменили на том основании, что вы являетесь братом и сестрой, а имение постараюсь продать. Вайдекр будет продан, а вы двое разлучены!

Я не протестовала. Как это ни странно, я была даже довольна.

Кошмар присутствия Лейси на земле Вайдекра заканчивался, и он должен закончиться, чего бы это ни стоило мне или Ричарду. Тем утром в беседке произошло нечто худшее, чем просто насилие. Это было гадкое, грязное извращение. Я хотела, чтобы линия Лейси была прекращена раз и навсегда. Я хотела, чтобы не было на Богом данной земле никаких Лейси после меня и Ричарда. Больше всего я хотела, чтобы эта прекрасная земля была наконец освобождена от Лейси. Я жаждала наказания. Я мечтала быть изгнанной отсюда. Я хотела, чтобы боль от потери Вайдекра, боль от потери моего имени и дома разорвала мне сердце. Я мечтала быть пойманной и выпотрошенной, как форель в реке.

— Да, — отозвалась я.

Моя мама тоже заговорила.

— Да, — сказала она.

Глаза Ричарда перебежали с одного лица на другое. Тень колебания мелькнула по его лицу, затем он тоже сказал:

— Да.

— Тогда я начну сразу же, — голос дяди Джона звучал решительно. — Селия, вы поедете со мной как опекун Джулии.

Мама кивнула.

— Джулия, вы немедленно отправляетесь в Хаве-ринг Холл, где останетесь с вашей бабушкой. Вы двое не должны видеть друг друга до самого нашего возвращения. Это понятно?

Мы молча кивнули.

— Вы, Ричард, останетесь здесь, пока мы не вернемся. Мы не будем отсутствовать долго.

Ричард кивнул.

Дядя Джон направился к двери, и мама молча последовала за ним.

— Мама! — жалобно позвала я. Она остановилась и взглянула на меня. Я никогда прежде не видела у нее такого выражения лица. Она смотрела на меня так, будто видела перед собой зеленоглазую потаскуху, а не ребенка, которого вырастила.

Я заколебалась. Не было такой просьбы, с которой я могла бы к ней обратиться. Я видела, как ее глаза скользнули с моего лица на живот, где рос мой ребенок.

— Тебе надо переодеться, мама, — тихо сказала я.

Она взглянула на платье, все усеянное маленькими дырочками.

— Да, — только и ответила она и вышла из комнаты.

Она не притронулась ко мне. Она даже не попрощалась. Она ушла прежде, чем я успела сказать «до свидания», или попросить у нее прощения, или умолять вернуть мне хоть капельку любви. И я даже не сказала ей, как сильно я ее люблю.

Ричард привез эту новость вечером. Он прискакал в Хаверинг Холл, и, едва увидев его, я поняла, что произошло что-то ужасное, ведь дядя Джон приказал ему оставаться дома.

Но теперь дядя Джон был мертв, и Ричард мог поступать как ему вздумается. Мама была мертва тоже.

Ричард получил письмо от мирового судьи, в котором было сказано, что неподалеку от небольшого городка карета была остановлена неизвестным грабителем. Он застрелил их всех.

Джема, дядю Джона, мою маму.

Через некоторое время проезжающие обнаружили открытую карету на обочине дороге и лошадей, мирно пощипывающих травку поблизости. Джем лежал, мертвый, снаружи, дядя Джон был внутри кареты, казалось, он пытался защитить маму своим телом. Мама была застрелена тоже.

Деньги из походной сумки дяди Джона исчезли. Также исчезли мамины серьги из розового жемчуга и ее великолепное ожерелье в пандан к ним, которое дядя Джон привез из Индии. Она никогда не расставалась с этими драгоценностями, но теперь они пропали.

Мировой судья, мистер Пирсон, выражал свои соболезнования и сообщал, что он дал объявления о награде за поимку преступника, и если мы захотим что-нибудь добавить к ней, то должны связаться с ним. Также он сообщал, что принял меры к отправке тел домой.

— Что нам следует делать, сэр? — почтительно спросил Ричард у лорда Хаверинга, испуганно расширив глаза. — Что мы с Джулией должны делать?

— Конечно, вам следует остаться здесь, — вмешалась бабушка.

— Вы останетесь здесь, пока все это не кончится. Я позабочусь о Джулии, она моя внучка. И для тебя этот дом всегда будет кровом, Ричард.

Я ничего не говорила. Я даже ни о чем не думала. Как мне нужна была мама! Как мне нужна была ее помощь! Я не знала, как мне жить без нее. Я даже не могла думать о том, где я буду жить, что будет со мной и моим не рожденным еще дитя.

— Леди Хаверинг, — твердо заговорил Ричард. — Я должен признаться кое в чем вам и его милости, что, несомненно, приведет вас в удивление.

Я не понимала, о чем собирается говорить Ричард. Все, что я слышала, это тоненький жалобный плач в уголке моего разума: «Мама».

Поэтому я оставалась недвижимой, когда Ричард подошел ко мне и взял меня за свободную руку, в другой я держала письмо, сообщавшее об убийстве моей мамы. Он продел мою руку под свою и повернулся к бабушке и дедушке.

— Мы с Джулией поженились, — объявил он. — Мы соединили наши судьбы.

— Боже милосердный! — и лорд Хаверинг, обратившись за поддержкой к своей супруге, снова повернулся к нам. Ричард вел себя уверенно, словно он отрепетировал эту сцену, я же только следовала за ним, лишенная слов и мыслей кукла. Но мысленно я обращалась к маме, я звала ее на помощь. «Мама!»

— Боже милосердный! — снова повторил лорд Хаверинг.

— Твой отец знал об этом, Ричард? — строго обратилась к нему леди Хаверинг.

— Да, — был ответ. — Леди Хаверинг, я считаю бессмысленным скрывать что-либо от вас и вашего супруга. Мой папа дал свое разрешение на брак, как дала его мама Джулии. Поскольку Джулия ожидает ребенка. Я — отец этого дитя.

— Милосердный Боже! — только и смог повторить лорд Хаверинг и тяжело рухнул на стул.

Лицо леди Хаверинг стало бледным как пергамент, но ее первая мысль была о дочери, а не о глупых условностях.

— О бедная моя Селия! — воскликнула она. — Для нее это было последней каплей,

переполнившей чашу страданий. Такая весть могла разбить ей сердце.

Я опустила голову. Мне казалось, что я убила маму собственными руками. Она оставила дом, не услышав от меня ни слова, и пошла прямо к смерти. Убийца, застрелив ее, лишь продолжил начатое мной дело. Я была раздавлена стыдом и не могла произнести ни слова.

— Я полагаю, что это меняет дело, — сказал Ричард с тщательно продуманной вежливостью.

— О, да, — произнес с чувством лорд Хаверинг. — Что и говорить.

Леди Хаверинг сделала небрежный жест, и его милость замолчал.

— Узнаю ваше легкомыслие, — сурово заметила она ему. — Что бы Джулия ни сделала, она моя внучка и я буду опекать ее ради памяти ее матери. На этой же неделе мы объявим о вашей свадьбе в газетах. Никто не будет ожидать пышной церемонии, зная о смерти ваших родителей, и мы сможем потом сказать, что свадьба состоялась некоторое время назад. — Она немного помолчала. Я не могла поднять на нее глаза. — Когда вы ожидаете появления на свет ребенка?

— В конце января, — ответил Ричард.

— Мы скажем, что вы поженились еще весной, — голос леди Хаверинг звучал весомо, как у генерала, обдумывающего решающую битву. — В такой ситуации нет причин, которые мешали бы вам вернуться домой сразу же.

— Нет! — воскликнула я. — Я не хочу ехать домой!

Глаза Ричарда, не отрываясь, смотрели на меня, и в глубине их ясно читалась злоба.

— Почему? — спросила бабушка.

Я заколебалась. Ричард не сводил с меня глаз, но я верила в любовь моей бабушки.

— Не знаю, — слабо ответила я. — Просто не хочу. Пожалуйста, бабушка, позвольте мне остаться здесь с вами. Я не хочу ехать домой.

Леди Хаверинг молчала, но я была уверена, что ее привязанность ко мне перевесит все мои прегрешения, какие бы я ни совершила. Она позволит мне остаться здесь, пока я не окрепну и не стану достаточно сильной, чтобы вернуться домой по своей воле и решить, что нам с Ричардом следует теперь делать. Я чувствовала, что нашла наконец твердую почву под ногами. Я знала, что она прочла мольбу в моих глазах и что у меня есть теперь союзник, и союзник достаточно сильный.

— Конечно, ты можешь остаться здесь, если хочешь, — медленно проговорила она. Но вдруг отвернулась от меня и посмотрела на Ричарда. — Но теперь ты замужняя женщина, Джулия. И должна делать то, что захочет твой муж.

Я, раскрыв рот, смотрела на нее, едва понимая, что она говорит.

— Ричард? — невозможно было поверить, что тяжесть всех решений теперь принадлежит товарищу моих детских игр. Теперь он должен будет решать, где мне жить.

— Ты — замужняя женщина, Джулия. — Ее слова прозвучали как стук захлопнувшейся двери. — И все должно быть так, как захочет твой муж.

Я беспомощно оглянулась вокруг.

Лорд Хаверинг важно кивнул мне. Лицо бабушки было грустным, но глаза смотрели уверенно. И затем я взглянула на Ричарда. Он весь светился тайным торжеством.

— Думаю, нам следует отправиться домой, Джулия, — мягко заговорил он. — Это был ужасный шок для нас обоих. Дома ты скорее сможешь успокоиться и прийти в себя. Завтра состоятся похороны, и это будет невыносимо тяжелый день. Я полагаю, что тебе лучше отдохнуть в своем собственном доме.

Я обратила взор к бабушке за помощью, но она отвела глаза. Дедушка пристально созерцал ковер у своих ног. Я снова посмотрела на Ричарда. Передо мной оставался только один путь. Я должна была признаться, что мы с Ричардом брат и сестра и что наша свадьба должна быть аннулирована. Но если я скажу это, бабушка узнает, что я допустила близость со своим собственным братом и что мой ребенок, моя маленькая дочурка, это плод инцеста. И, что хуже всего, выяснится, что я — не ее внучка, что я дочь Беатрис, ведьмы Вайдекра, и

ее брата Гарри, глупца, и что я им чужая.

Я не могла сделать это. Я не могла лишиться в один и тот же день и матери и бабушки. Я не могла перенести, чтобы она смотрела на меня как на постороннюю, к тому же запятнанную грехом.

— Хорошо, — послушно согласилась я и кое-как поднялась на ноги. Лорд Хаверинг велел подать экипаж, и я отправилась домой одна, а Ричард прискакал следом.

Страйд открыл мне дверь, и я увидела, что он рыдает.

— О, Страйд! — грустно сказала я.

Для других слов время было неподходящим. Вошел Ричард и велел Страйду вызвать Дженни Ходжет, уложить меня в постель и подать стакан портвейна. Вино Ричард вызвался принести сам и сказал, что он посидит со мной, пока я не засну.

Я бросилась ничком в подушки и закрыла глаза, чтобы не видеть его, сидящего у окна и закрывающего от меня вечернее небо и деревья за окном. Мое горе было таким сильным, что мне казалось, рыдания задушат меня прямо сейчас.

— Ш-ш-ш, тише, Джулия, — успокаивал меня Ричард. — Тише.

Он подошел к кровати и ласково убрал мне волосы со лба, будто я была маленьким ребенком. Я попыталась сказать себе, что это рука моей мамы, что ничего ужасного не случилось и что я скоро проснусь и все останется по-старому.

Ричард провел ту ночь в моей комнате. И я никогда так и не поняла, кем он был для меня тогда: братом, мужем или тюремщиком.

Глава 27

Утром у нас было много дел. Ричард поехал в Экр сообщить Ральфу о том, что случилось, и просить его оповестить об этом всех.

Пока его не было, я пошла в комнату моей мамы. Стояло жаркое летнее утро, и кто-то поднял раму в ее окне, но занавески оставались задернутыми. Каждую комнату на этой неделе следовало держать в тени. Но со внезапной вспышкой гнева против этих глупых условностей я отдернула шторы, и солнечный свет залил комнату, заставив заиграть краски ковра на полу.

Я внимательно и не торопясь оглядывала все вокруг, стремясь навсегда запечатлеть в памяти обстановку маминой комнаты. Словно было возможно удержать любимых людей, прикасаясь к их вещам. У меня было странное ощущение маминого присутствия здесь. В комнате стоял запах лилий, духов, которыми мама всегда пользовалась. В ее щетке запуталось несколько белокурых волосков, в кувшине стояла вода для умывания, ее ночная сорочка, аккуратно сложенная, лежала в ногах кровати.

Все в комнате выглядело так, будто мама вышла на минутку и сейчас вернется. На пуфе у ее туалетного столика еще оставалась небольшая вмятина, — видно, она присела здесь на минутку перед тем, как выйти с дядей Джоном.

Комната была очень мила. Когда я была маленькой, единственной привлекательной чертой в ней был красивый вид из окна на вайдекрский парк и запах цветов из сада. Но после возвращения дяди Джона комната приобрела очень уютный вид, она была вся застелена коврами и заставлена белой с золотом мебелью, любимым сочетанием цветов мамы. Хрустальная ваза с розами у камина, трельяж, зеркало которого было оправлено в серебро, серебряный туалетный набор, отражающийся в нем. Я с суеверным страхом посмотрела в зеркало, мне не верилось, что я никогда не увижу в нем ее отражения. Но его не было. Мама была мертва.

Я подошла к окну и, закрыв глаза, прижалась лбом к стеклу. Легкое дуновение ветерка навевало на меня прохладу и приносило свежие лесные запахи. Все вокруг было живым, теплым и растущим. Я не могла поверить, что только моя мама лежала неподвижная и холодная.

Поверить в это было невозможно. Я зажмурила покрепче глаза и, повернувшись

обратно в комнату, открыла их. Я была уверена, что она здесь, сидит на пуфе перед зеркалом или перебирает цветы в вазе. Всеми силами души я стремилась увидеть ее. Невозможно было представить, что она, мой надежный и преданный друг, вдруг оставила меня одну, уйдя так неожиданно и бесповоротно.

— Мама! — прошептала я в тишине комнаты.

Ответа не было.

Она вправду оставила меня и ушла.

Я вышла из комнаты, не закрыв окно и не задернув шторы, и спустилась в гостиную. Там меня поразил угрюмый сумрак, и я там тоже раскрыла окно и отдернула шторы.

Горничная еще не заходила сюда для уборки, и в комнате все оставалось как вчера. Как вчера, когда моя ложь убила мое детство и разбила мамино сердце. Стул, за который я держалась, так и стоял в стороне. Кресло, в которое бессильно упал дядя Джон, осталось у камина. Вокруг маминого стула, как золотые лепестки на венчалном платье, полукругом лежали цветочки, которые она вырезала из своего платья, спрятав лицо от стыда за свою дочь.

Я опустилась на колени и принялась тщательно собирать их, подобно Офелии в бродячем театре. Когда я набрала полную горсть, я высыпала ее в карман передника и принялась собирать остальное. Собрав все до последнего цветочка, я поднялась к себе и бережно, словно хрупкие яички драгоценной и редкой птицы, завернула их в шелковую китайскую бумагу и уложила в верхний ящик стола. Даже от них доносился слабый запах лилий.

Я осторожно задвинула ящик и разрыдалась так, что мне казалось, у меня разорвется сердце.

Их похоронили в субботу, на четвертый день после окончания уборки урожая. Бабушка устроила все таким образом, что объявление о нашей свадьбе должно было появиться в понедельник. Ричард посчитал, и я с ним согласилась, что Ральфу следует рассказать эту новость прежде, чем он узнает ее из газет.

Я почти не могла говорить, и мне казалось, что я никогда больше не буду счастлива. Возможно, я была не права, и мне следовало бы обратиться к моей бабушке, или к нашему викарию, или даже к Ричарду, но я чувствовала, что ни один из них не может помочь мне. А мамы больше не было со мной.

Впервые за многие, многие месяцы я не думала о Вайдекре, меня не интересовало, что там происходит и о чем там говорят.

Ральф вошел, осторожно и тихо ступая, будто боялся разбудить спящего. Но, хотя моя мама лежала в доме, разбудить ее не могло ничто. Гроб с ее телом стоял наверху, в той самой миленькой комнате, где так пахло лилиями. Крышка была забита, и я даже не могла поцеловать ее, мне сказали, что она слишком сильно изуродована и смотреть на нее нельзя.

Я старалась не думать об этом.

— Примите мои соболезнования, Джулия, — сказал Ральф и взял меня за руку. Его глаза смотрели на меня с сочувствием.

— Благодарю вас, — неловко ответила я.

— Она не почувствовала боли, я уверен, — продолжал он тихо. — Я видел людей, застреленных в упор. Она умерла сразу.

— Вы уверены? — я серьезно посмотрела на него. — Или вы просто говорите это, чтобы утешить меня?

Ральф покачал головой.

— Нет, это действительно так. Я бы не стал обманывать вас в таком деле. Ни она, ни Джон не испытали боли.

Тут Ричард прервал нас.

— Не соблаговолите ли пройти в библиотеку, мистер Мэгсон? — пригласил он Ральфа. — Нам с вами предстоит обсудить некоторые дела.

Ральф кивнул и отошел, чтобы пропустить меня вперед.

— Нет необходимости беспокоить Джулию, — невозмутимо продолжал Ричард. — Она может подождать нас в гостиной.

Ральф внезапно вскинул голову, точно испуганный конь.

— Мисс Лейси должна присутствовать при любом разговоре. Она является вашим партнером.

— Больше не является, — улыбаясь, ответил Ричард, и их глаза встретились. — Я не веду свои дела в холле, так не угодно ли вам пройти в библиотеку?

— После вас, Джулия, — твердо стоял на своем Ральф. Даже в оцепенении горя я поняла, что он не случайно обращается ко мне по имени, словно взывая к моей храбрости.

Я посмотрела на Ричарда. Он бросил на меня хмурый взгляд, словно предупреждая не становиться между ним и Ральфом. Но Ральф был моим другом, а Экр был моей деревней. И как бы измучена я ни была, они имеют право ожидать от меня помощи.

— Я пойду с вами, — сказала я и, пройдя в библиотеку, села на свое место. Ричард занял место во главе стола, там, где обычно сидел дядя Джон, Ральф сел напротив меня. За окном громко распевал дрозд.

— У нас есть некоторые новости, которые, возможно, удивят вас, — витиевато начал Ричард. — Мисс Лейси и я поженились. Мы женаты уже несколько месяцев, и мисс Лейси, — тут он оборвал себя и улыбнулся, — я хотел сказать, миссис Мак-Эндрю ожидает ребенка.

Ральф пристально взглянул на меня.

— Вы беременны?

Я кивнула.

— И вы вышли за него замуж?

Инверсия, которой он подверг фразу Ричарда, подчеркнула, что я вышла замуж потому, что была беременна, и даже Ричард не имел бы наглости отрицать это.

— Да, — ответила я одними губами.

— И, как муж Джулии, я являюсь сквайром и единственным владельцем Вайдекра, — торжественно заявил Ричард. — Я позвал вас, мистер Мэгсон, для того, чтобы вы объявили эту новость в деревне. В газетах она появится уже в понедельник. Полагаю, так как мы в трауре, в Экре не будут торжественно отмечать это событие.

Ральф мрачно усмехнулся.

— Ни в коем случае. Без сомнения, в Экре не будут торжественно отмечать то, что вы женились на мисс Лейси и стали сквайром.

Ричард спокойно кивнул.

— Теперь я должен унаследовать состояние Мак-Эндрю, — продолжал он. — Так же как и полный контроль над состоянием моей жены. Но я не планирую немедленных перемен, мистер Мэгсон. Можете так и передать всем в Экре. Пока я вполне удовлетворен тем, как идут дела.

— Но вы еще не видели завещаний, — сказал Ральф. — Там вполне могут быть назначены опекуны для вас обоих.

— Действительно, мы еще не познакомились с завещаниями, — согласился Ричард. — Но, вне всякого сомнения, опекуном назначены либо мама Джулии, либо мой отец. Никто не предполагал, что они могут умереть одновременно.

Ральф не казался потрясенным, он выглядел просто угрюмым.

— Я сообщу об этом в деревне. Что-нибудь еще?

— Зерно, — после небольшой паузы небрежно бросил Ричард. — Полагаю, что вы уже сделали необходимые приготовления к его продаже?

Ральф стрельнул в меня предупреждающим взглядом.

— Да, — ответил он. — Мы оставили некоторую часть для продажи в Мидхерсте на рынке. Другая часть будет продана на месте. А остальное мы намеревались продать в Лондоне позже.

— Я придерживаюсь другого мнения, — голос Ричарда был как шелк, и его глаза

сияли. — Полагаю, нам следует продать весь урожай на лондонском рынке, что принесет нам значительную прибыль. Вайдекр должен стать рентабельным хозяйством, надеюсь, вы это понимаете, мистер Мэгсон.

Ральф измерил его тяжелым взглядом.

— Думаю, что понимаю, — ответил он. — Но я не хотел бы обсуждать этот вопрос сегодня. Боюсь, что нам ничего не удастся изменить, все необходимые распоряжения о продаже зерна уже сделаны.

Их взгляды скрестились, как два клинка на поединке. Ричард был хозяином Вайдекра, и Ральф был его работником. Но Ральф всегда был сильнее, и именно Ричарду пришлось опустить глаза.

— Посмотрим, — сказал он. — Пока сделайте как я приказал и сообщите новость Экру, мистер Мэгсон.

— Непременно, — ответил Ральф. Он выждал минуту, не последует ли новых распоряжений, и, отодвинув стул, вышел из-за стола. Ричард откинулся на спинку стула и смерил его недобрый взглядом, а я же встала и пошла проводить Ральфа.

Но он ушел, не сказав мне ни слова.

Я ждала, что он выругает меня, скажет, как он разочарован во мне, обольет меня презрением, как предательницу Вайдекра. Но я не дождалась от него ничего, кроме тяжелого взгляда, полного жалости. Затем он открыл дверь и исчез.

Оставив меня одну. Одну наедине с Ричардом.

И я медленно, медленно двинулась обратно в библиотеку, наматывая на палец кончик шали. Ричард, откинувшись на стуле, раскачивался на нем, упираясь ботинками в край стола.

— Мистер Мэгсон ушел? — поинтересовался он.

— Да, — ответила я и подошла к окну. Солнце садилось, окрасив небо в розовые, кремовые и золотые тона. Я прислонилась головой к стеклу и замерла в молчании.

— Завтра же я отправляюсь в Холл и проверю, как там идут работы, — сказал Ричард. — В понедельник я узнаю, когда мы сможем переехать туда, если я удвою количество рабочих. Мы должны переехать как можно скорее.

— Ричард... — и я повернулась к нему, чтобы узнать, действительно ли он так спокоен и уверен в себе, как это кажется. — Ричард, я должна поговорить с тобой. Не можешь же ты всерьез считать, что мы можем вместе жить в Холле.

Его лицо оставалось безмятежным как у ребенка.

— Почему нет? — спросил он.

Я протянула к нему руки и затем поднесла их к щекам.

— Ричард! — воскликнула я. — Но то, что нам рассказал о наших родителях Джон, все меняет.

— Почему? — непонимающе спросил Ричард.

Я бессильно прислонилась к окну. Мне показалось, что мир вокруг меня сошел внезапно с ума и я должна взять себя в руки, чтобы не быть поглощенной этим безумием.

— Мы же с тобой брат и сестра! — повторять это не было необходимости. Ричард сам прекрасно все знал. — Наша свадьба недействительна. Наше дитя... — Тут я замолкла. Я не могла произнести слово «инцест», думая при этом о моей бедной маленькой крошке, которую поджидает этот безумный мир. — Мы должны будем аннулировать нашу свадьбу точно так, как это намеревались сделать мама и дядя Джон. И нам придется жить отдельно. Я как-нибудь перенесу позор внебрачного зачатия. А ты, по-видимому, будешь жить в Лондоне или где-нибудь еще.

Ричард был безмятежен, как летний небосвод. Он смотрел на меня с сочувствием, таким далеким от моего страдания и боли. Он был так же далек от меня, как бывают далеки звезды.

— О нет, — ласково ответил он. — Ничего подобного не будет.

Я непонимающе уставилась на него и подождала объяснений.

— О нашей свадьбе уже публично объявлено, — объяснил он. — Мы назвали друг

друга мужем и женой, я признал своего ребенка. Мы не можем изменить все это.

Мои руки опять потянулись к нему в беспомощном, умоляющем жесте.

— Ричард...

— И мы будем жить здесь. — продолжал он. — А когда будет построен Холл, то переедем туда. Я приму имя Лейси, на которое, как мы знаем теперь, я имею полное право. Мы будем сквайр Ричард Лейси с супругой. — И он улыбнулся мне. — Звучит очень мило.

— Ричард, мы не можем! — я почти кричала. Сумасшествие мира, в котором моя мама была убита, а я зачала ребенка от собственного брата, ускользало от меня, и слова Ричарда звучали почти разумно. — Мы не можем!

Стул Ричарда перестал раскачиваться и твердо встал на четыре ножки. Сам Ричард с любопытством смотрел на меня.

— Мы объявили о нашей свадьбе, ты ожидаешь моего ребенка, — ровно заговорил он. — И мы оба знаем, кто хотел позволить этому свершиться и кто настаивал на свадьбе. Я согласился на это ради тебя. И теперь я не собираюсь все ломать из-за твоего минутного каприза.

Я прижала ладони к вискам. Взгляд Ричарда на происшедшее и мой взгляд различались очень сильно. Мне даже не верилось, что Ричард присутствовал в комнате, когда дядя Джон назвал нас вырожденками, повторившими чудовищное преступление своих родителей.

— Я не могу допустить такой мысли! — вскричала я в приступе отвращения.

Ричард встал и, подойдя ко мне, отнял мои ладони от лица.

— Успокойся, пожалуйста, — твердо сказал он. — Ты так нервничаешь из-за своего положения. Успокойся и доверься мне. Я знаю, что делаю.

Я не отняла у него руки и молча изучала его лицо.

— У тебя никого нет, кроме меня, Джулия, — продолжал он. — Никого. Не забывай этого, пожалуйста. Ты должна доверять мне. Самой тебе не справиться.

Я шагнула к нему. Мне действительно было очень, очень одиноко. Прижавшись лбом к его плечу, я ощутила теплоту и мягкость его бархатного сюртука после ледяного холода стекла.

— О, Ричард, — обреченно вздохнула я. Его рука гладила мою спину, словно я была раненым насмерть животным.

Все было так, будто в бушующем море спаслись только мы с Ричардом. Единственное, что нам оставалось, это крепко держаться друг за друга и надеяться выплыть.

Я продолжала бороться с волнами.

Я сумела продержаться во время похорон, когда мы оставили наших родных в фамильном склепе Лейси. Урны с их прахом стояли рядом, и я, в сумбуре моего отчаявшегося что-то понять разума, была даже рада тому, что они умерли вместе. Бабушка устроила после похорон прием, и я принимала соболезнования, стоя между нею и Ричардом. Все происходящее я воспринимала как сквозь толщу воды.

Только один-единственный голос донесся до меня ясно и отчетливо: это был голос Розы Денч. Она подошла, держа в руках какой-то пакет, не к парадной двери, а к кухонной, и Страйд ввел ее в гостиную, где я сидела, бездумно глядя в окно. Мне казалось, что если я буду долго смотреть на дорогу к дому, то на ней могут появиться моя мама с дядей Джоном, счастливые после долгой прогулки.

— Я не знала, что делать с моим подарком, — коротко сказала Розы. — Они были сделаны для вас, мисс Джулия. Перчатки Вайдекра для вас. Какой бы выбор вы ни сделали.

Я отвернулась и оглядела комнату, едва понимая, о чем она говорит. И внезапно я вспомнила. Розы обещала вышить для меня перчатки, перчатки к дню моей свадьбы, моему венчанию с Джеймсом.

И она неловко протянула мне сверток. Я попыталась улыбнуться, но не смогла. Тогда я наклонилась и развернула бумагу.

Там лежали самые великолепные перчатки, которые я когда-либо видела. Каждый дюйм их был вышит. Фон перчаток был бледно-голубым, цвета неба над Вай-декром, когда

наступает рассвет и солнце еще не успело придать ему розовый оттенок. С тыльной стороны каждой перчатки был вышит желто-золотой колос пшеницы и целая пригоршня цветов: мои любимые алые маки и темно-синие васильки. Под колоском Розы вышила изящный серп, как напоминание о том орудии, без которого не бывает урожая. Перчатки оказались длиннее, чем я обычно носила, — даже живя в сельской глуши, Роза не потеряла чувство моды, — и были отделаны бледно-золотой тесьмой.

— Роза, спасибо большое, — потрясенно выговорила я. — У тебя великий талант. Если бы ты нарисовала это красками на шелке, то все признали бы тебя великим художником.

Она просияла и благодарно наклонила головку.

— Надеюсь, что вы будете счастливы, — неуверенным голосом сказала она. — И надеюсь, что была права, принеся их сюда.

— Я тебе очень признательна, — ответила я. — Я не смогу носить твои перчатки, пока я в трауре, но буду очень беречь их и на следующий год обязательно стану надевать с самыми лучшими платьями.

Она опять присела и повернулась, чтобы уйти. Мною овладело странное чувство какой-то недоговоренности. Но Роза, конечно, не смела высказать мне свое мнение о том выборе, который я сделала, а я была слишком мертва внутри, чтобы раскрыть свое сердце кому-то бы ни было.

— Мы переписываемся с ним, — произнесла она вдруг, останавливаясь в дверях. — Он просил нас писать ему о всех наших делах, о том, как мы, дети из Бата, поживаем.

Я молча кивнула, понимая, что она имеет в виду Джеймса.

— Я могу передать ему от вас весточку? — спросила Роза. — Если вы хотели бы ему о чем-нибудь сообщить и вам неприлично делать это самой, то я могу написать ему.

Я только покачала головой. Перед моими глазами встала комната в гостинице, остывший кофе на столе, я вновь услышала стук проезжающих мимо колес, возвестивший о том, что Джеймс не приехал. Не приехал. Не приехал.

— Нет, — пусто ответила я. — Мы с мистером Фортескью больше не друзья. А я к тому же замужняя женщина.

Глаза Розы с сочувствием смотрели на меня.

— До свиданья, мисс Джулия. Мы еще увидим вас в деревне, не правда ли?

— Непременно, — ответила я, но в моем голосе не было уверенности. — Я обязательно приеду, когда буду чувствовать себя лучше. — Я знала, что едва ли я буду чувствовать себя лучше.

Так и оказалось.

Я не могла рыдать. Я даже не могла горевать.

Мне все время казалось, что я куда-то плыву. И я прикладывала невероятные усилия, чтобы выплыть, чтобы день за днем держаться на поверхности, не думая о том, что эти дни слагаются в недели, недели и недели.

На третьей неделе после похорон бабушка предложила устроить небольшой прием с чаем, чтобы представить меня графству как замужнюю женщину. В ответ я покачала головой и сказала, что не хотела бы этого.

— Я ведь и не требую, чтоб ты веселилась на этом приеме, — заметила бабушка колко. — Я делаю это для спасения твоей репутации и во имя памяти твоей матери, моей дочери. И я ожидаю, что ты будешь стоять, гордо подняв голову, и вести себя с достоинством.

Я сделала как она просила и проплыла еще и через этот день. Пока я стояла рядом с бабушкой, ни один каверзный вопрос не прозвучал вслух. Может быть, местные дамы и сплетничали лукаво, прикрывая затынутыми в перчатки пальцами рты, но никто не осмелился сделать мне больно, пока я находилась под защитой моей бабушки.

Когда я чувствовала себя спокойно, мне казалось, что я плыву. Чаще же всего, особенно по ночам, когда я оставалась одна, я понимала, что на самом деле я тону, с каждым днем погружаясь все глубже, и что мне некого позвать на помощь. Я не понимала, что со

мною происходит: то ли я плыву к безопасной гавани, окруженная любовью Ричарда и заботами бабушки, то ли ухожу на дно под тяжестью греха и горя, поймав сама себя в ловушку.

Первым понял это, конечно, Ральф.

— Вижу, что он поймал вас, — сказал он мне однажды. Я ехала в Хаверинг Холл и по дороге встретила Ральфа. Он возвращался из Мидхерста после продажи целого воза пшеницы и теперь скакал рядом с порожними телегами домой.

Я опустила стекло окошка кареты, когда он поравнялся со мной.

— Не понимаю, что вы имеете в виду, — ровно произнесла я. Было бессмысленно позволять Ральфу говорить о Ричарде как о враге. Мы оба должны были научиться видеть в нем нашего хозяина. Теперь сквайром был Ричард.

— Он взял вас, а потом принудил выйти за него замуж, — откровенно пояснил Ральф. — А теперь он владеет Вайдекром и может делать что хочет, и нет даже ваших родителей, чтобы защитить вас или Вай-декр. Все, что стоит между ним и Экром, это вы и я. А вы сидите в этой чертовой карете и говорите мне, будто не понимаете, что я имею в виду.

Я почувствовала, как мой мир содрогнулся, но ничего не сказала.

— Я намерен продать пшеницу в Мидхерсте как можно скорее, — продолжал Ральф, указывая большим пальцем на пустые телеги рядом с ним. — Я не вывезу ни грамма зерна из графства, пока бедняки не купят его сколько им нужно по сходной цене. Пока я еще остаюсь тут.

— А как насчет пшеницы для Экра? — тихо спросила я.

— Я спрятал ее, — усмехнулся Ральф. — Весь год они смогут покупать ее на свои гроши. Но юному Ричарду ни за что не найти ее.

— Вы не на мельнице ее спрятали?

— Я не скажу вам, где, — лицо Ральфа опять потемнело. — Вы теперь его жена. И обязаны рассказывать ему все. Но я сохраню зерно в безопасности, не волнуйтесь. Этой зимой в Экре не будет голода, даже если сам дьявол будет здесь сквайром.

— Я очень сожалею, Ральф, — сказала я.

— Вам придется сожалеть еще больше, — мрачно пообещал он. — Когда вы ожидаете ребенка?

— В конце января.

— Самое тяжелое время года, — задумчиво промолвил Ральф. Мы помолчали. — Самое тяжелое. Лучше вам было пойти тогда со мной к цыганке, Джулия.

Я промолчала. Отвечать было нечего.

— Нет ли у нас каких-либо оснований признать брак незаконным? — голос Ральфа звучал как у заговорщика. — Вы уверены в том, что все было сделано законно, Джулия? Были и свидетели и все, что полагается? Имейте в виду, вы оба еще несовершеннолетние.

Я подумала о маме и дяде Джоне, уехавших в Лондон аннулировать этот брак, и о той страшной причине, о которой они нам рассказали, и о тайне, которую унесли с собой в могилу. Но Беатрис и Гарри были, оказывается, моими родителями, и теперь их тайна стала моей. У меня не было сил бороться с Ричардом, объявляя перед судом о том, почему мой брак недействителен. Кроме того, мне нужна была эта свадьба так же, как ему.

— Нет, — ровно произнесла я. — Нет таких причин, по которым мы могли бы объявить свадьбу незаконной.

Лицо Ральфа потемнело и осунулось.

— Во всяком случае, помните, я — ваш друг, — сказал он после паузы. — Вы знаете, куда идти, если я вам понадобится, да и все в Экре встанут рядом с вами. Если вам нужна будет помощь, то обращайтесь ко мне.

В моих глазах стоял красный туман, и я даже не видела Ральфа.

— Благодарю вас, — тихо сказала я. — Но я всегда знала, что настанет время, когда ни вы, ни я не сможем помочь друг другу.

Ральф наклонил голову, будто прислушиваясь к чему-то отдаленному.

— Нас обоих ждут плохие времена? — спросил он медленно.

— Не знаю, — пожала плечами я. — Если бы я могла предвидеть будущее, как думают там, в Экре, то я не была бы сейчас здесь. Все было бы совершенно по-другому для всех нас.

Ральф сумрачно кивнул и, повернув лошадь, ускакал. Я видела, как он уезжал в гневе прежде, гордо выпрямившись, разбрызгивая грязь копытами своей лошади. В этот раз было не так, он ехал медленно, ссутулившись в седле. Его воротник был поднят, будто шел проливной дождь.

Я проводила его глазами и поехала к бабушке. Больше я никогда не ездила верхом. Моя беременность стала заметна, и условности и чувство приличия не позволяли мне приближаться к Си Мист до самого рождения ребенка. Я очень надеялась на то, что нас ждет сухая осень и мягкая зима. Ибо, если будет не так, дороги станут непроходимыми, и раз мне не дозволено садиться на лошадь, то я останусь отрезанной от остального мира в Дауэр-Хаусе на целых три месяца, без гостей, без друзей... Совсем одна. С одним только Ричардом.

Я носила старое мамино черное платье, спешно переделанное для меня. Но бабушка вызвала из Чичестера свою портниху и велела снять с меня мерки и сшить новые траурные платья, с учетом будущих изменений в моей фигуре.

Я спокойно стояла, пока портниха снимала с меня мерки и закалывала фалды платья одну за другой. У нее между губами было зажато множество булавок, но многолетняя привычка позволяла ей говорить, не обращая на это никакого внимания. Она с увлечением докладывала бабушке все городские новости, я внимательно слушала, замороженная этим умением, но внезапно мне сделалось плохо.

— Достаточно! — прервала поток ее слов бабушка. — Джулия, можешь присесть отдохнуть.

Портниха записала мерки, сложила вещи и отбыла, пообещав, что платья будут готовы через неделю.

— Ты устала? — спросила бабушка, и от доброты, прозвучавшей в ее голосе, мои глаза наполнились слезами.

— Очень, — пожаловалась я. — Бабушка, я так сильно скучаю по маме. Мне так одиноко без нее.

— Да, вы были очень близки, — с сочувствием произнесла она. — Редко можно видеть такую дружбу между взрослой дочерью и матерью. Она очень гордилась тобой, Джулия. И она бы не хотела, чтоб ты долго грустила.

Прижав руку ко рту, я старалась удержать рыдания. Теплые слова бабушки совсем не утешили меня, ибо я знала, что мама ошиблась во мне и что она умерла, уже поняв свою ошибку. Она совсем не любила меня, когда сидела, вырезая дырочки в своем платье. В тот момент она не чувствовала никакой гордости за меня. Она поняла тогда, кто я есть на самом деле — чувственная, безнравственная, какой была моя настоящая мать, Беатрис. Мама ненавидела Беатрис, а в момент своей смерти она ненавидела и меня, я знала это.

— Ричард добр с тобой? — спросила бабушка. — Слишком вы оба молоды, чтобы жить самостоятельно в полном одиночестве.

— Добр, — и больше я ничего не добавила.

— Он не резок с тобой? — продолжала она. — Когда вы были маленькими, твоя мама переживала, что он жестоко обращается с тобой.

— Он не жесток со мной.

— И я полагаю, он... — Бабушка помолчала, опустив глаза на свое такое же черное, как у меня, платье. — Он не слишком... настойчив? Я имею в виду твои супружеские обязанности. В твоём положении лучше спать в одиночестве в своей спальне.

— Я так и делаю, бабушка.

Она успокоенно кивнула.

— Прости меня, ты теперь замужняя дама, и это дело только твоего мужа и тебя. Я не должна была спрашивать тебя об этом.

Уже который раз мы подходили к той черте, где даже моя властная бабушка была бессильна. Как только дверь Дауэр-Хауса захлопывалась за мной, я становилась собственностью Ричарда. Он всецело владел мной, как владел землей, которую я прежде звала своей, моей лошадью, шкатулкой для безделушек, моими платьями и даже моим телом. Все это принадлежало Ричарду, потому что когда-то я сказала «да» в покачивающейся каюте грязного маленького корабля.

Экр, Си Мист и я могли сколько угодно страдать от его господства, но поделаться ничем было нельзя.

По крайней мере, я ничего не могла поделаться с этим.

Между Ральфом и Ричардом каждый день происходили стычки.

Мне рассказывали об этом, когда я приезжала в Экр. Я слышала об этом от бабушки, ей рассказал лорд Хаверинг, присутствовавший однажды при разговоре, когда Ричард потребовал от Ральфа нанять геймкенера, а тот наотрез отказался и заявил, что ни с каким геймкеном работать не будет. Я слышала об этом от моей горничной, которая рассказала мне, как мистер Мэгсон и Ричард кричали друг на друга посередине Экра, споря о том, можно ли оставить здесь жить старую миссис Мерри или ее следует отправить в приют.

— Это была ужасная сцена, — со страхом сообщила мне Дженни.

В вопросе с геймкеном победа досталась Ральфу по причине отсутствия такового. В Экре нельзя было отыскать человека, который бы согласился на такую работу. Они уже поняли, как всегда быстро понимают это бедняки, что вайдекрскому эксперименту пришел конец и они еще пожалеют о том дне, когда согласились работать на Лейси.

Прежде они были деревней с худой репутацией, так как всему графству было известно, что они убили сквайра. Теперь же они заслужили славу самых лучших жнецов в графстве. Если имение пойдет на продажу, то от покупателей не будет отбою. Каждому хочется купить лошадь хорошо вымуштрованную и послушную.

Они опять поверили Лейси.

Они опять доверились нашим обещаниям. Было случайным совпадением, что мы изменили своему слову, как только пшеница оказалась в закромах. Но бедняки не доверяют случайным совпадениям. Те, кто еще любил меня, считали, что Ричард поймал меня в ловушку. Другие же, те, кто был постарше и озлобленнее, говорили, что Лейси все так и задумывали. Людей позвали работать, они лишились своих небольших наделов, доступа в парк и на общинную землю, и все вокруг было обнесено заборами. Самые старые и мудрые чувствовали запах заговора, и, когда они притрагивались к шляпам, приветствуя меня, в их глазах я читала даже не упрек, а поздравление с быстрой победой.

Они не могли сразу снести все заборы. Они уже научились терпеть и потеряли свой гнев. Они не могли решиться на открытый мятеж, и им оставалось только бормотать ругательства и вполголоса проклинать имя Лейси. Они проконсультировались у чичестерских законников, и оказалось, как и предсказывал Ральф, что законы пишутся богатыми и для богатых. Все, что мы обещали, — это разделить прибыли с Экром. Ричард же считал, что эта доля вполне обеспечивается жалованьем, выплачиваемым работникам. Все остальные обещания, касавшиеся покупки семян, инвентаря, были добровольно даны Лейси и теперь могли не выполняться. И Экр не нужно было убеждать, что они и не будут выполнены.

Экр опять был бессилён. Все, что его жители могли сделать против нас, это смотреть исподлобья и начать браконьерничать. Поэтому никто в деревне не согласился на предложение Ричарда пойти в геймкены, а те, кто пришел со стороны и мог принять такое предложение, получили недвусмысленное предупреждение.

Им оставалось промышлять кроликами, зайцами, фазанами и олениной. Хлебом же они, стараниями Ральфа, были обеспечены.

— Где они покупают пшеницу? — однажды за завтраком резко спросил меня Ричард. Кофейник стоял передо мной, и я смогла, сделав вид, что наливаю себе кофе, обдумать ответ.

Я была уже на пятом месяце беременности и стала настолько же тяжелее и медлительнее в мыслях, как и в движениях. — Подле мельницы Грина я как-то увидел громадный фургон с зерном. И когда я поинтересовался у него, чье оно, он мне ничего не ответил, — с раздражением продолжал Ричард. — Я уверен, что это было зерно для деревни. Я не удивлюсь, если Экр прячет где-нибудь зерно, чтобы пережить зиму.

Я смотрела в окно мимо головы Ричарда. Деревья во фруктовом саду стояли низко склонив ветви под тяжестью плодов. Яблони, которые я сажала весной, тоже плодоносили, Ральф каждый день посылал сюда бригаду крестьян, и они отвозили полные телеги фруктов в Чичестер на рынок. Земля была богата. Лейси были богаты. Беден оставался один Экр.

— Где они могли бы прятать зерно, Джулия? — прямо спросил меня Ричард. — Ты знаешь поместье как никто другой. Куда бы ты спрятала пару телег зерна, если бы хотела укрыть его от посторонних глаз?

— Понятия не имею, — безразлично ответила я. Я и вправду чувствовала безразличие, потягивая кофе и глядя в окно. Буки в роще уже изменили свой цвет, все чаще проглядывал среди зелени ярко-коричневый лист. Кедр во дворе стал пурпурным, и небо над ним ярко голубело. Я размышляла над тем, все ли жены испытывают при мужьях желание оказаться где-нибудь в другом месте, или же только те, которые не любят своих мужей.

— Ты слушаешь меня, Джулия? — раздался резкий голос Ричарда. Я отвела глаза от окна и взглянула на него.

— Конечно, но я не знаю, куда бы я могла спрятать пару телег зерна, если бы хотела укрыть его от посторонних. И я не думаю, что кто-то сделал это.

— Тебе никто не рассказывал о подобных случаях? Но если бы ты узнала, ты, несомненно, рассказала бы об этом мне, да, Джулия? — сладким голосом продолжал Ричард. — Ты же не станешь на сторону своего драгоценного Экра против меня? Надеюсь, что нет. Но я не чувствую полной уверенности в этом.

— Разумеется, не стану, Ричард, — ответила я и встретила его взгляд не опустив глаз. Мы уже довольно долго жили в одном доме вдвоем, и я научилась лгать ему. Не всегда достаточно убедительно, но он готов был закрыть глаза на некоторую неясность толкований. Что вообще-то было довольно странно для Ричарда, и я не могла понять причин такой снисходительности.

— Ты вполне уверена, что Мэгсон ничего не говорил тебе на этот счет? — спросил Ричард, бросаясь как сокол на мою ложь.

Я покачала головой и бессознательно положила руку на живот. Лицо Ричарда мгновенно изменилось.

— Это неважно! Совершенно неважно! — быстро заговорил он. — Не думай об этом, Джулия, я сам разрешу эту проблему. Пусть тебя это не тревожит. Тем более что акушер из Чичестера, мистер Сейнтли, совершенно определенно сказал, что тебе следует избегать волнений. Не думай об этом больше.

— Не суетись, Ричард, — остановила я его. Ричард поднялся со своего места и подошел ко мне. На его лице было какое-то странное выражение злого голода, которое оставалось непонятным для меня.

— Ты думаешь о ребенке? — спросила я лукаво.

— Конечно, о тебе, дорогая, — ответил он, не сводя глаз с моего живота. — И о ребенке, естественно, тоже. Мой сын, — с какой-то тоской проговорил он. — Мой сын, потомок Лейси, наследник Вайдекра.

— А как там с пшеницей? — спросила я, прерывая его медитации по поводу будущего сквайра. — Даже если они украли и спрятали пару телег с пшеницей, Ричард, это не больше того, что им обещали дядя Джон и я. Пшеницу будет довольно трудно найти, и это произведет очень нехорошее впечатление в Вайдекре. Лучше всего оставить все как есть. Зато Экр будет спасен зимой от голода. Цены ведь все время растут, ты же знаешь.

Ричард отсутствующе кивнул. Он положил руку на мой живот и мягко погладил его.

— Да, да, конечно, — вполголоса пробормотал он. — Не думай об этом, Джулия. Ты

должна все время оставаться спокойной и довольной, стараясь вырастить здорового и крепкого малыша для Вайдекра.

— Я не могу оставаться спокойной и довольной, когда ты конфликтуешь с Экром. Сейчас в деревне все хорошо, но вспомни, что рассказывал Ральф о хлебных бунтах. Бедняки верят, Ричард, что они имеют право на недорогую пшеницу из урожая, выращенного их руками. И я бы не хотела, чтобы в Экре появились основания для возмущения.

— Да, — ответил Ричард. — И я уверен, что Ральф все еще мятежник в своем сердце.

— Может быть, но он никогда не пойдет против нас, если только не будет уверен, что мы открыто выступили против Экра. Если он и взял немного зерна для бедняков, то это только в подтверждение контракта, подписанного дядей Джоном и мной.

— Ладно, не думай об этом, Джулия, — сказал Ричард, но лицо его потемнело от злости. — Не тревожь себя, пока ты отдыхаешь и растишь ребенка.

— Но я тревожусь, — продолжала наступать я, полагая, что я очень хитро использую страсть Ричарда к будущему младенцу. — Есть только один способ перестать беспокоить меня — это поладить с Экром, Ричард. Каждый раз, когда происходят стычки между тобой и деревней, я узнаю об этом, и это, конечно, огорчает меня. Если тебе действительно дорого мое спокойствие, то перестань, пожалуйста, конфликтовать с Ральфом Мэгсоном и помни, что именно он заставил Экр работать. Я уверена, что дядя Джон никогда не пошел бы против него.

Ричард пристально смотрел на меня, его глаза сверкали, но я думала, что нашла путь управлять им и смогу спасти Экр.

— Ты очень восхищаешься мистером Мэгсоном, да, Джулия? — внезапно спросил он.

— Да, это так. Если бы ты знал его получше, Ричард, если бы ты видел его в эту весну и лето, ты стал бы восхищаться им тоже. Дядя Джон говорил, что без него и мышь не проползет в Экре. И люди в Экре любят его и доверяют ему много больше, чем они доверяют любому из нас. Я бы хотела, чтобы ты научился у чего работать, если ты не можешь заставить себя полюбить его.

— Я достаточно сильно люблю его, — и Ричард обнажил в улыбке свои чудесные ровные зубы. — И я постепенно начинаю понимать его все лучше и лучше. Я прямо спрошу его насчет пшеницы, Джулия. И буду действовать в зависимости от его ответа. — Тут его улыбка растаяла, и он погладил мой живот осторожной рукой. — А ты, пожалуйста, не расстраивай себя и ступай отдыхать. Пообещай мне, что ты отдохнешь, пока я буду отсутствовать после обеда.

Мне не слишком нравилась такая забота обо мне, как о машине для вынашивания следующего Лейси, и мне не нравилось, что Ричард так сконцентрировал свое внимание на будущем сыне. Мне чудилось что-то опасное и когда-то уже знакомое в этой странной тоске по потомству.

Я очень надеялась, что родится девочка и что она будет свободна от такой страсти к земле. Я бы хотела, чтобы она любила землю так, как люблю ее я, ощущая Вайдекр как самый сладкий уголок мира, а не с темной страстью собственника, какую я видела в Ричарде.

Я думала, что победила Ричарда и завоевала спокойствие и хлеб для Экра по крайней мере на эту зиму, поэтому я улыбнулась Ричарду и пошла отдыхать. Я действительно отдыхала, пока он не вернулся. Поэтому когда приехали солдаты и забрали Ральфа, я спала.

Глава 28

Я услышала об этом от моей горничной Дженни Ходжет, дочери сторожа. По дороге из деревни она разговорилась с Бобби Майлзом, а Бобби сидел в таверне у Буша, когда по деревенской улице проскакали два солдата, следом за которыми ехала повозка.

Она остановилась у коттеджа Ральфа. Происходило это ранним перламутрово-серым вечером, когда на небе появляются первые звезды, а птицы начинают возвращаться в гнезда на ночь. Офицер вышел из повозки и, не постучав, вошел к Ральфу.

К тому времени все, кто был в таверне, уже высыпали на улицу. Женщины стали в дверях, а ребяташки столпились на улице, открыв рты.

Из коттеджа не доносилось ни звука, не слышно было даже громких голосов. Через несколько минут появился Ральф, надевая теплую куртку, его сопровождал джентльмен, старавшийся держаться к нему поближе. Ральф посмотрел по сторонам, будто собираясь что-то сказать, но сопровождающий тронул его за плечо. Как подумалось Бобби Майлзу, несколько нетерпеливо. Ральф дернул плечом, стряхивая руку, улыбнулся Экру и неловко взобрался в повозку.

— Он улыбнулся? — спросила я Дженни Ходжет, будто это было самое главное.

— Бобби сказал, что да. Он улыбнулся, как улыбался обычно, когда считал, будто что-то у нас идет плохо, и говорил при этом «черт побери». Прошу прощения, мисс Джулия, — добавила она.

Я понимающе кивнула.

— Но за что же они его забрали? — опять спросила я.

Она смотрела на меня так грустно, будто бы солдаты забрали ее любимого парня.

— Разве вы не знаете, мисс Джулия?

Я непонимающе уставилась на нее, хотя у меня было какое-то странное чувство, будто бы я действительно знаю. Я покачала головой.

— Он участвовал в хлебном бунте, — объяснила Дженни. — Когда был молодым. Он был главарем восставших в Кенте и в Портсмуте. Но там никто не пострадал. — Тут она заторопилась. — Они просто требовали справедливой цены на хлеб. Вы же, наверное, слышали, что людям было нужно только это.

Я кивнула. Я слышала об этом.

— А потом он пошел в контрабандисты, — продолжала она. — И его забрали в матросы. — Тут она опять немного помялась. — После этого у нас в графстве было несколько мятежей, и его называли Каллер.

— Я знала об этом. Он сам мне рассказывал.

Дженни опустила голову, бросив на меня косой взгляд.

— У нас в Экре никто не предал бы его, даже если б нас сожгли заживо, — горячо заговорила она вновь. — Мисс Джулия, кто мог сообщить в магистрат Чичестера, чтобы его забрали? Вы не знаете?

Мои руки были холодны как лед.

Я знала.

— Что с ним теперь будет? — спросила я едва слышно.

— Они уверены, что смогут доказать его вину.

Я кивнула. Не так уж много было черноволосых калек, скакавших на вороной лошади.

— Но они не могут доказать, что он пошел против Лейси. — Я говорила так, будто бы сердцем была с ним, хотя это на мою семью он организовал нападение, это мою родную мать он убил.

— Нет, не могут, — Дженни поднесла передник к глазам. — Но даже одного свидетеля его участия в других мятежах будет достаточно, чтобы они его повесили. — У нее вырвалось короткое рыдание. — Они прикончат его, мисс Джулия.

— Мой Бог! — Дженни шумно сморкалась в передник, а я почти упала на стул, одновременно почувствовав легкое движение ребенка в животе. Будущего сквайра.

Если это в действительности будет сквайр, то я не хочу, чтобы он получил в наследство ненависть, подозрительность и даже страх. Немного же я могу дать ребенку, оставив ему Вайдекр, если при этом руки его отца будут обагрены кровью лучшего человека Экра.

С внезапной решительностью я взглянула на Дженни.

— Я не допущу этого! — сказала я. — Я не допущу, чтобы Ральф Мэгсон был повешен за то, что он совершил много лет назад. Я не допущу, чтобы его повесили за то, что сделал бы на его месте каждый, если бы его семья голодала. Он избавил Экр от прошлого поколения Лейси, и нет ни одного человека, который бы считал, что Беатрис была права и не заслужила

тот бунт. Я не допущу, чтобы Ральфа Мэгсона повесили.

Дженни с сомнением смотрела на меня. Она была обо мне двоякого мнения. Прежде я всем командовала в Вайдекре, и она помнила времена, когда я была единственным владельцем этой земли. Но когда она смотрела на меня сейчас, она видела перед собой молодую женщину, ожидающую первенца. Она видела жену человека, которого боялись все люди. Я не была больше значимым лицом даже в ее глазах.

— Как вы сможете предотвратить это? — спросила она.

— Пока я не знаю. Но я что-нибудь придумаю. Я пойду прогуляюсь к Холлу, и по дороге что-нибудь придет мне в голову.

Она открыла передо мной дверь, и я вышла на свежий воздух погулять и подумать. Но хотя я долго и медленно шла к Холлу, постояла там, глядя, как трудятся рабочие, и потом еще дольше и медленнее возвращалась обратно, ни одна мысль не пришла мне в голову.

Ложась в тот вечер спать, я знала, что Ральф смотрит на эту желтую, полную луну сквозь решетки окна. Я представляла его лицо, обращенное к ней, и словно видела его грустную улыбку. Я металась по подушке до самой зари и не заснула в ту ночь ни на минуту.

Пока я ломала голову, гуляя утром взад и вперед по тропинкам нашего сада, и мои шаги становились все быстрее и быстрее, словно от этого зависела быстрота моих решений, чичестерский магистрат передал дело в Уинчестер, потому что они боялись народных волнений, если дело будет слушаться так близко от Экра. Уинчестерский магистрат, не более храбрый, чем их чичестерские коллеги, передал дело в Лондон, который и объявил розыск свидетелей того, что происходило двадцать лет назад.

Я знала, что Ральфу нужен адвокат, и также знала, что лондонские адвокаты стоят кучу денег. Все свое детство я провела в бедности, я носила тесные башмаки, я сама латала свои платья, у меня не было перчаток. Я была хорошо знакома с бедностью, но только теперь я страдала от нее, глядя в окно на мои деревья, растущие на моей земле, и понимая, что у меня нет денег, чтобы помочь Ральфу.

Я могла бы попросить Ричарда, но я знала, что он спросит, зачем мне такая сумма, и к тому же непременно откажет. И я пошла к бабушке.

— Две сотни фунтов! — повторила она в изумлении. — Джулия, ради всего святого, зачем тебе столько денег?

Я начала что-то мямлить в ответ, но, как только бабушка поняла, что это какие-то мужские дела, она нахмурилась.

— Но ты больше не управляешь Вайдекром, и дела твоего бывшего управляющего не должны касаться тебя. Ты спросила Ричарда, есть ли у него деньги на защиту вашего человека?

— Нет, — тихо ответила я.

— И правильно сделала, осмелюсь думать, — в ее голосе было целое море сочувствия. — Но если ты не можешь обратиться к своему мужу по такому поводу, не думаю, что ты в состоянии будешь отдать долг. Если бы у меня были такие деньги, я бы тебе дала их, но мое состояние принадлежит мужу, а он не выдает мне подобных сумм на расходы.

Она помолчала, и я поняла, как нелегко ей было решиться на такую откровенность.

— Я получаю на булавки только двадцать пять фунтов в квартал, — очень тихо добавила бабушка. — И у меня нет никаких сбережений.

Я кивнула, почти ничего не видя от слез.

— А как может достать деньги замужняя женщина, если ее муж отказывает ей? — спросила я. В голове моей бродили обрывки разговоров о займах, о сданных в заклад драгоценностях и тому подобном.

Бабушка взглянула на меня так, будто бы я все еще была маленьким ребенком и она учила меня обращаться с ножом для рыбы.

— Если ее муж отказывает ей, то она просто не имеет денег, — коротко ответила она. — Разумеется, жена полностью зависит от доброй воли своего мужа.

Я смотрела на бабушку, все еще не понимая. Мне было всего лишь семнадцать лет, и я еще не представляла, что не имею никаких прав в мире. У меня нет ничего — ни собственных денег, ни земли. Все вокруг меня: вода, которую я пью, земля, по которой хожу, пища, которую ем, — принадлежит Ричарду. И нуждаюсь ли я в трех полупенсовиках или же в двухстах фунтах, я равным образом должна обратиться к нему. И он может отказать мне.

И он действительно отказал.

Я спрятала гордость в карман и сказала Ричарду, что считаю: Ральф Мэгсон несправедливо обвинен в опасных преступлениях и ему необходим адвокат. Ричард весело глянул на меня, будто я сказала что-то в высшей степени забавное.

— О нет, Джулия, — его голос был совершенно бархатным. — Ни в коем случае.

Дни стали холоднее, и, когда я просыпалась, было еще почти темно, и рано темнело вечером. Я ничего не могла сделать, чтобы вызволить Ральфа Мэгсона из тюрьмы в далеком Лондоне. Дженни Ходжет рассказала мне, что они сложили все свои сбережения и попросили доктора Пирса послать деньги в Лондон. Доктор Пирс, разрываясь между ужасом перед опасным бунтовщиком и состраданием к разрушению Экра, добавил несколько фунтов от себя и переслал деньги своему брату в Лондон, прося его навестить Ральфа в тюрьме и передать их ему.

Я знала, что пришло то время, которое я предвидела, — время, когда я не смогу помочь Ральфу и он не сможет помочь мне.

Я была одинока.

Осень — прекрасное время года в деревне. В Вайдекре же она была прекрасна вдвойне, и казалось невозможным поверить, что такие изумительные по цвету листья скоро опадут. Все изгороди были усеяны ягодами: ярко-алыми ягодками шиповника и круглыми плотными плодами черной смородины. Кусты боярышника были до самой земли покрыты темно-красными сердечками ягод и белыми, словно восковыми, соцветиями.

С каштанов начали опадать листья, медленно, большими веерами кружась в воздухе, когда я гуляла по лесу напротив Дауэр-Хауса. Они мягко ложились на землю и вызвали у меня ощущение комфорта и уюта, которого я не испытывала, гуляя по общинной земле.

Иногда во время моих прогулок я прислонялась к дереву и смотрела вверх, на небо, сквозь медные и желтые листья. Я пригоршнями кидала в рот ягоды смородины или, расколов, ела орехи. Я закладывала руки за спину и, касаясь жесткой коры, пыталась услышать сердце Вайдекра. Но я совсем ничего не слышала.

Я старалась подсчитать хорошие стороны в моей жизни, но, видно, что-то случилось с моей арифметикой, потому что ничего не подсчитывалось. Я знала, что я любила Ричарда, и эта любовь уходила корнями в мое самое раннее детство, а теперь расцвела пышным цветком у меня в животе, но я не ощущала радости при мысли, что мы стали тем, чем так долго хотели быть: супружеской парой в Вайдекре.

Наверное, это случилось потому, что Вайдекр больше не был прежним. Экр уже изменился и изменится еще больше, когда Ричард возьмет в свои руки все. Я буду сидеть дома с маленьким ребенком, и больше никто не скажет мне: «Доброго урожая!»

Но я знала, что и для Ричарда не найдется улыбок. То особое настроение в Вайдекре, когда хозяин и работник могли работать вместе, ушло безвозвратно. Никогда больше бригада самых лучших жнецов не отметит свой триумф в таверне у Буша. На следующий год они будут наемными рабочими. Никогда больше они не будут, стоя по колено в спелой пшенице, смеяться от радости при виде этого богатства.

Экр стал другим. И я тоже.

Я все еще носила траур по маме. Даже сейчас прошло только два месяца после ее смерти. Я видела ее в снах, которые делали меня счастливой, пока я спала, но заставляли горько рыдать при пробуждении. Однажды мне приснилось, что я сижу перед зеркалом, надевая шляпу, а она входит в комнату из сада, в котором рвала цветы. «О, мама! — сказала я ей во сне. — А я думала, что ты умерла». И она легко рассмеялась: «О нет, моя дорогая! Я

не доставлю тебе такой неприятности!» И я проснулась после этого сна такой радостной и счастливой, что долго не могла поверить, что это всего лишь сон.

В другой раз мне приснилось, что мама входит в гостиную и спрашивает, куда подевалась ее одежда. Я, заикаясь, ответила, что отдала платья, так как считала ее мертвой. И она опять рассмеялась легким счастливым смехом и, обернувшись к окну, позвала дядю Джона, чтобы он посмеялся вместе с ней. Я переводила взгляд с одного смеющегося лица на другое и верила, что произошла чудовищная ошибка и они оба живы.

Я не могла принять ее смерть. Бабушка просила меня поверить наконец в это несчастье и примириться с ним. Я улыбнулась и ничего не ответила.

Я не могла ни принять это, ни избежать горькой правды. Просто я не верила, что никогда не увижу маму опять. И хотя я рыдала по ней во время своих долгих прогулок и мне до боли не хватало прикосновения ее нежной руки к моему лбу, ее улыбки и любящего голоса, во мне одновременно жили две мысли: мысль о том, что я никогда ее больше не увижу, и неверие в то, что она оставила меня навсегда.

Я была очень одинока.

Мама была мне спутником и самым лучшим другом, и я прежде никогда не замечала, как подолгу держит нас взаперти осень. Когда окончательно похолодало и мои прогулки стали короче, оказалось, что я почти все время провожу в гостиной. Иногда я усаживалась подле камина и пыталась найти радость в том, что сижу в тепле, иногда, наоборот, я садилась у холодного окна и, прижимаясь к нему лбом, следила, как струятся по стеклу дождевые капли, и ждала сумерек, потом ждала ночи, чтобы пойти спать, а ночью ждала рассвета.

Я заметно отяжелела, все больше и больше уставала и злилась на свое неповоротливое тело, которое заставляло меня проводить долгие часы в одиночестве, пока Ричард то ездил в Экр, то отправлялся к холмам, то на общинную землю, а иногда заглядывал на огонек к знакомым арендаторам.

Среди наших зажиточных соседей он был довольно популярен. Бедняки были, конечно, заодно с Экром, они покупали у нас пшеницу, корма, сено, и им был нужен щедрый сосед. Но те, кто был побогаче, сами стремились устанавливать высокие цены и вести хозяйство жесткой рукой.

У них за столом всегда находилось место для красивого молодого сквайра, и Ричард возвращался домой после таких отлучек в добром настроении, хмельной от портвейна и полный очарования.

Его авторитет заметно вырос с тех пор, как он стал хозяином Вайдекра. Никто не осмелился бы спорить с ним, и жалобы на него могла слышать только я.

К тому же он стал намного увереннее в себе. Я же, которую прежде называли «сквайр Джулия», превратилась в полную, усталую женщину, которая вечно сидела в одиночестве в гостиной и тосковала по своей умершей маме, по своему другу, заключенному в лондонскую тюрьму, и боялась рождения собственного ребенка, как следующего сквайра Лейси.

Но один друг у меня еще оставался.

Я часто вспоминала о нем. Я думала о нем почти каждый день с тех пор, как умерла моя мама. И думала я о нем без стыда. В моих мыслях не было того, чего должна стыдиться замужняя женщина. Я всего лишь вспоминала о молодом человеке, который был рядом со мной, когда мама была здорова и счастлива и когда была счастлива я в тот короткий сезон в Бате.

Я думала о Джеймсе.

Он был молод, он был богат, и я знала, что он все сделает, если я попрошу его.

Я встала со стула и зажгла свечу. Затем прошла в библиотеку и достала из ящика почтовую бумагу, конверт и воск для печати. Захватив перо и чернила, я вернулась в гостиную и принялась писать. Я ожидала, что с трудом буду находить нужные слова, но письмо писалось легко и просто, так же легко и просто, как мы с ним танцевали, болтали и смеялись.

Дорогой Джеймс,

Вы будете удивлены, получив это письмо, но я знаю, Вы поймете, почему я обратилась к Вам. Я нуждаюсь в Вашей дружбе, нет, не для себя, но для одного моего друга, который находится в отчаянном положении.

Вы, должно быть, помните Ральфа Мэгсона, нашего управляющего? Он был схвачен и заключен в тюрьму по обвинению в каком-то мятеже, случившемся много лет назад, прежде чем я смогла помочь ему.

Вы премного обяжете меня, если свяжетесь с ним и обеспечите его необходимой защитой закона и средствами на это.

Деньги, которых это, вероятно, потребует, я Вам непременно верну, как только смогу. Но помочь ему необходимо сейчас, дело не терпит отлагательств.

Я прошу прощения, что вынуждена прибегнуть к Вашей помощи, но больше мне обратиться не к кому.

Ваш друг

Джулия Мак-Эндрю

(урожденная Лейси).

В той спешке и страхе за Ральфа лучшего я не могла придумать. Я запечатала письмо и вызвала Дженни в гостиную.

— Это насчет мистера Мэгсона, — объяснила я ей. Я знала, что Ричарда нет дома, но все равно говорила шепотом. Она тоже испуганно покосилась в сторону двери. — Отнесите это письмо в деревню, отдайте Джимми Дарту и скажите, что его нужно вручить мистеру Джеймсу Фортескью. Джимми сумеет доставить письмо в их дом в Бристоле. Я надеюсь, что мистер Фортескью найдет способ помочь Ральфу Мэгсону.

— А, это ваш молодой человек, — догадалась Дженни.

— Да, — подтвердила я и глубоко вздохнула. — Мой муж не должен знать о том, что я пишу ему. — Я покраснела до корней волос при мысли о том, что я говорю. — Берегите письмо, Дженни. Это ради спасения Ральфа.

Она понимающе кивнула.

— Я все поняла и сейчас же отнесу письмо в деревню. Миссис Гау не хватится меня, если вы не будете вызывать меня примерно час.

— Хорошо, — согласилась я и подошла к своему письменному столу. — Дайте Джимми эту гиней, ему хватит на путешествие. И скажите, чтобы он торопился. Дело очень срочное.

В ее грустных глазах мелькнула тень улыбки.

— Мы освободим его, мисс Джулия! — сказала она радостно. — Я уверена в этом!

С этими словами Дженни вышла, и через несколько минут я видела, как она торопливо идет вдоль аллеи, придерживая на груди шаль, под которой, я не сомневалась, было спрятано письмо.

И я приготовилась ждать ответа.

Я подумала, что Джеймс, возможно, захочет написать мне после того, как увидится с Ральфом, и положила себе на ожидание неделю. Но я с нетерпением ждала возвращения Джимми. Я считала, что он непременно придет в Дауэр-Хаус, чтобы передать, что видел Джеймса. Я терпеливо ждала три дня. Для верности я прождала еще четвертый. На пятый день я заказала экипаж и отправилась в Экр.

Коттедж Ральфа Мэгсона, где теперь жил один Джимми, был заперт, и дверь закрыта на засов. Значит, Джимми еще не вернулся. Накинув капюшон, чтобы не замерзнуть, я перешла на другую сторону и подошла к маленькому домику Розы.

Дверь была открыта нараспашку, и я увидела Ната, стоявшего у погасшего камина. Розы старательно завязывала узел на шали, в которой, как я поняла, были все ее вещи и, возможно, немного пищи.

— Что тут произошло? — тревожно спросила я.

Они обернулись, слышав мои шаги, но ни один из них не улыбнулся и не произнес ни слова приветствия. Роза смотрела сквозь меня, будто меня здесь и не было.

Нат заставил себя ответить на мой вопрос.

— Это из-за Джимми, — его голос был хриплым от сажи, осевшей в нем, а также от горя. — Уинчестерский магистрат забрал его за бродяжничество и поместил в приют. Теперь Роза собирается вывозить его оттуда.

Я непонимающе переводила взгляд с одного ожесточенного лица на другое.

— В Уинчестере? Когда?

— Мы не знаем, — ответил Нат. — Он сказал, что у него есть поручение в Бристоль, но не сказал от кого.

— Это моя вина, — грустно произнесла я. — Это я послала его с поручением. Но я дала ему гинею на проезд. Они не могут арестовать человека с гинеей в кармане.

— Он мог отказаться отвечать на вопросы констебля, — предположил Нат. — Или не снять шляпу, когда ему велели. Они могут арестовать человека ни за что, вы же знаете, мисс Джулия.

— Что вы собираетесь делать, Роза?

Наконец она разжала губы:

— Доктор Пирс дал мне письмо в магистрат и три гинеи, которых, наверное, хватит, чтобы вывезти его, какое бы обвинение ему ни предъявили.

— И тогда вы привезете его обратно? — тут я оглядела комнату и поняла, что непохоже, чтобы здесь собирались жить.

— Мне велели убраться отсюда, — ответила Роза сквозь зубы. — Как и Джимми. Сегодня я получила письмо от вашего мужа, сквайра. Мне велено оставить Экр в двадцать четыре часа, как и Джимми.

— Ричард выставляет вас вон? — неверяще переспросила я.

Она смотрела на меня почти с ненавистью, я никогда прежде не видела у нее такого взгляда.

— Да. Мне кажется, будто только вчера вы привезли нас сюда. Тогда я была так рада этому, а теперь думаю, что лучше было бы не приезжать нам в Экр, очень трудно терять разом все.

— Я поговорю с ним... — быстро сказала я.

Она пожала плечами, давая мне понять, что считает мое предложение бессмысленным.

— Мы все знаем, что вы ничего не можете поделать, мисс Джулия, — проговорила она. — Вы вышли замуж за плохого человека, чтобы дать имя своему ребенку. Все это понимают. И теперь я не жду от вас ничего хорошего.

— Роза! — воскликнула я, почти плача и будто прося о прощении.

Она устало улыбнулась и повторила:

— Ничего хорошего.

Она затянула потуже узел, передала его Нату, и они вместе пошли к дверям.

— Куда же вы пойдете?

Уже открыв дверь, Роза повернулась ко мне, чтобы ответить. В дверь ворвались струи дождя пополам со снегом и холодный ветер.

— Обратно в Бат, — сказала она. — Туда мы можем добраться бесплатно, и я там опять начну вышивать перчатки. Я знаю, что в Бате я могу продать их, и нам известен город.

Я ничего не ответила. Да и что я могла бы сказать на это.

Она поставила узел на голову и вышла в дождь.

Я подозвала карету и отправилась домой.

Погода ухудшилась. На следующей неделе туман покрыл все вокруг, и даже Ричард не мог выезжать. Каждый день его новый грум, Джордж, отправлялся утром за почтой, но ответа от Джеймса все еще не было.

Я передумала обо всем.

Больше всего я боялась, что Джимми был схвачен по пути в Бристоль, но я надеялась на Джимми. Ради Ральфа он мог бы пройти через Эйвон, и он верил в Джеймса как во всесильное божество. Он мог бы отправиться куда угодно, чтобы передать ему послание. К тому же он был очень неглуп.

Но я боялась, что мое письмо опоздало. Может быть, Ральфа уже повесили, и Джеймс не решается сообщить мне об этом. Потом мне начинало казаться, что Ральф каким-то образом спасся и Джеймс решил разыскать его, прежде чем подать мне весточку. Возможно, что Джеймс и Ральф встретились и Ральф запретил ему сообщать мне об этом, чтобы никто не узнал, где он. Я даже думала, а не решил ли Джеймс просто проигнорировать мою просьбу. Но эту мысль я сразу отбросила. Он не мог так поступить. Он любил Ральфа и восхищался им. И он всегда был великодушен ко мне.

Мне казалось, что я учла все варианты. Все, кроме одного. Глупая, как ребенок, я не подумала об одном. Теперь я рано поднималась по утрам и, накинув пеньюар, который становился мне все более и более тесен, спускалась выпить свой утренний шоколад в гостиную, чтобы застать возвращение Джорджа с лондонской почтой.

Он никогда не приезжал раньше семи или восьми часов, я же не залеживалась подолгу в кровати и, сидя в гостиной, представляла Ральфа на грязной соломенной подстилке в тюрьме, но уверенным в помощи Джеймса Фортеस्कью и в моей дружбе.

Однажды утром меня увидел Ричард и поинтересовался, что я тут делаю. Я ответила, что сижу, глядя на мокрый сад, и не делаю ничего. При этом я слабо улыбнулась, стараясь, чтобы он принял это как каприз беременной. Ричард кивнул и прошел на конюшню.

Когда он проходил через кухню, я услышала веселый смех миссис Гау и обидчиво подумала, что она всегда любила его больше.

На следующий день он опять встал рано и опять увидел меня в гостиной.

И опять я сказала ему, что мне не спалось и вздумалось посидеть, глядя, как Дженни разжигает камин. Он светло улыбнулся, но в этой улыбке таился легкий намек на злобу.

На третий день он был уже в гостиной, когда Джордж постучал в парадную дверь, и Страйд прошел через холл и открыл ему.

Затем Страйд принес на подносе письма.

Там было и письмо для меня.

— Кто бы мог писать тебе, Джулия? — спросил Ричард, останавливая Страйда.

— Думаю, Сара Коллис из Бата, — покраснев до корней волос, ответила я. Но ложь уже легко слетала с моего языка.

Глаза Ричарда смотрели на меня тепло и участливо.

— Тогда открой его, пожалуйста, — и голос его тоже был как шелк.

Меня насторожила та особенная теплота его голоса, которая иногда появлялась у него и не сулила мне при этом ничего хорошего. Но письмо уже было в моей руке, и я знала, что там должны быть новости о Ральфе.

— Я открою его позже, — сказала я и направилась к двери.

Но когда я проходила мимо Ричарда, он внезапно схватил меня за запястье и удержал на месте. Я инстинктивно прижала письмо к себе и затаила дыхание. В лице Ричарда не было и следа злости или страха. Оно было безмятежным и светлым, как майское утро.

— Открой его здесь, — попросил он. — И прочти его. Я знаю, что девушки любят секреты, и не прошу тебя читать его вслух. Я сам тоже не стану читать его, я собираюсь уезжать сегодня. Но, пожалуйста, сядь и прочти его сейчас.

Я внимательно изучала его лицо, поскольку была удивлена выражением нежности, светившимся на нем. Он усадил меня на стул, а сам облокотился на стену, внимательно глядя на меня. Я просунула в конверт палец и сломала печать.

Я не успела как следует изучить ее.

Внутри не было никакого письма. Там лежало восемь кусочков рваной бумаги и разорванный конверт. Я, забыв, что Ричард следит за мной, принялась складывать на столе разорванные куски.

Это было мое письмо, я смогла прочитать надпись на конверте «Джеймсу Фортестью, эсквайру».

Я без сил откинулась на спинку стула, мое сердце билось так сильно, что мне даже стало страшно за ребенка в моем животе.

Это опасный мир для маленьких детей. Он опасен даже для взрослых. У меня вырвался невольный стон.

Моей первой мыслью была та, что Джеймс Фортестью узнал мой почерк на конверте, в гневе разорвал письмо и послал обрывки мне.

Но затем я заколебалась. Он не мог так поступить. Джеймс не был злым, он всегда был великодушным.

Я знала только одного человека, способного на это.

Я подняла глаза на Ричарда и увидела на его лице выражение глубокой обиды.

— Вы писали другому мужчине, — произнес он медленно.

Я ничего не ответила. Внезапно у меня заболели большие пальцы обеих рук, их будто бы жгло огнем, а в голове послышался отдаленный шум. Я предчувствовала опасность, как можно чувствовать запах дыма в случайном порыве ветра.

— Вы писали другому мужчине. И надеялись утаить это письмо от меня. — Его голос был тихим, но странно пугающим. — Мне пришлось арестовать Джимми Дарта. Я следил за ним уже давно, я знал, что вы готовы предать меня в любую минуту. Я был готов к вашей неверности.

Я хватала воздух ртом, подобно выброшенной на берег рыбе.

— Ричард, — умоляюще произнесла я.

Его глаза сверкали, как сапфиры. Он был моим мужем и моим хозяином. Он был сквайром. И знал это.

— Я не потерплю этого, Джулия, — просто сказал он.

Он изобретал правила для Вайдекра, для Экра, для меня. Ричард был здесь сквайром и имел власть от Бога.

— Я этого не потерплю, — повторил он, как бы впечатывая в мой мозг свои слова. — Вы хотели, чтобы я женился на вас. И теперь, когда мы женаты, вы должны вести себя как порядочная жена. Вы никогда не будете писать другому мужчине и обсуждать с ним наши дела.

Он немного подождал, не буду ли я жаловаться. Но я молчала. Обрывки письма лежали передо мной на столе и молча говорили мне, что я побеждена. Я смотрела на них и думала о том маленьком письме, которым я надеялась спасти Ральфа. Я знала, что ничто уже не спасет меня, но я надеялась спасти Ральфа, а вместе с ним и Вайдекр от гибели.

— Вы должны знать свое место, Джулия, — тихо добавил Ричард.

И я покорно наклонила голову. Я уже знала его.

С этого момента я больше не вставала по утрам. Чичестерский акушер советовал мне воздержаться от долгих прогулок, и погода стала ужасной, так что я перестала искать покоя среди прекрасных медных буков и доброго бормотания Фенни. Я подолгу оставалась дома.

Я перестала вставать за почтой. Несколько дней мне не хотелось вставать совсем. Я лежала в маминой кровати, поскольку Ричард настоял, чтобы я переехала в лучшую комнату в доме, и, глядя в потолок, следила, как по утрам он бывает серым, к полудню становится знакомо-желтым, а в сумерки опять сереет и сереет на глазах.

Никто не беспокоил меня. Никто не докладывал мне новости из Экра. Я ничего не слышала о Ральфе. Я ничего не слышала о земле. Я лежала как кит, выброшенный на берег, и не могла пошевелиться.

Самое большое усилие, которое я могла сделать над собой, это встать с постели и спуститься к обеду, чтобы Ричард, возвратившись домой, не стал подниматься ко мне в комнату. И даже там я не могла найти в себе силы позвонить, чтобы принесли свечи, и сидела в свете горящего камина, следя за отблесками пламени. Погрузившись в полудрему, я лениво размышляла, о том, что станет со мной, когда время ожидания кончится и чувство,

что я тону, оставит меня.

— Сидишь в темноте? — громко спросил Ричард. Дверь отворилась так тихо, что звук его голоса заставил меня подпрыгнуть, а мое сердце онемело от страха.

— Должно быть, я задремала у камина, — виновато проговорила я. — Как уже темно.

— Мне сказали, что приближается буря — заметил Ричард.

Он подошел к огню и, приподняв фалды сюртука, стал греться. Я сидела в низком мамином кресле, и он возвышался надо мной как гора. Постоянная езда верхом и работа сделали его шире, к тому же он был потрясающе красив, с глазами голубыми и чистыми, как у ребенка, и темными, вьющимися волосами, похожими на блестящую овечью шерсть.

— По дороге я встретил доктора Пирса, — сказал Ричард, одновременно звоня, чтобы принесли свечи. — С ним был молодой пастор, его друг. Я пригласил их обоих отобедать у нас.

— Сегодня? — удивилась я. Миссис Гау имела обыкновение составлять меню на неделю, но вряд ли она упустит случай блеснуть перед Ричардом своим искусством.

— Да. Они обещали быть в четыре, после обеда мы можем сыграть партию в вист.

Я взглянула на часы над камином. Было уже десять минут четвертого.

— Я пойду скажу об этом миссис Гау, — сказала я и тяжело поднялась с кресла. — К тому же мне надо переодеться.

— Непременно. Мне надоело видеть тебя все время в одном и том же платье. И что хуже всего, ты стала ужасно толстой.

Я замерла. Может быть, из-за моего положения, может быть, из-за того, что меня неожиданно разбудили, но грубость его тона внезапно вызвала слезы у меня на глазах. Рядом не было ни мамы, ни Ральфа, а если еще Ричард будет мучить меня, то жизнь станет просто невыносимой.

— О, Ричард, — с упреком проговорила я. — Я не толстая, я беременна твоим ребенком. Похоже, что ребенок будет большим.

Ричард продолжал неподвижно стоять у стены. Причудливая игра пламени сделала отбрасываемую им тень ужасающе огромной.

— Пусть, но по мне ты отвратительно толстая, — жестоко продолжал он. — Ступай прикажи миссис Гау подавать обед на четверых, а сама переоденься в подходящее вечернее платье. И надень хотя бы какие-нибудь драгоценности к нему. Мы обедаем дома, в конце концов, и доктор Пирс не станет возражать.

— У меня, прежде всего, нет никаких драгоценностей, — тихо проговорила я. Я подумала о мамином розовом жемчуге, который украл грабитель. Она всегда говорила, что оставит его мне по завещанию. Теперь она мертва, а ожерелье, наверное, валяется в какой-нибудь грязной лавчонке, заложенное за стакан вина, и я больше никогда не увижу ни его, ни моей мамы.

— По крайней мере, надень то нарядное платье из блестящего шелка, — продолжал командовать Ричард. — Я поднимусь к тебе, когда вымоюсь и переоденусь сам.

Я послушно кивнула и выскользнула из комнаты. Я передала приказание миссис Гау и увидела последовавший за тем взрыв активности. По тому, как она застучала сковородками, я поняла, что обед будет под стать королевскому столу и что кухня стала небезопасной для меня территорией.

Я поднялась к себе и вызвала Дженни. Последнее время я не могла принимать горячие ванны, поскольку не помещалась в саму ванну. И сейчас я, нагнувшись, стала над тазом, пока Дженни осторожно лила воду на мои плечи и грудь.

— Вы наверняка ошиблись в датах, мисс Джулия, — сказала она. — Такой большой ребенок. Я думаю, роды будут скоро.

— Нет. — Едва ли я могла перепутать даты, поскольку из моей памяти никогда не изгладится то страшное утро в беседке. — До родов еще два месяца. Это будет в конце января.

Дженни подала мне платье и помогла справиться с пуговицами сзади. Платье было

слишком парадным для маленького обеда дома, когда приглашены только викарий с другом, но мне следовало его надеть, раз этого хотел Ричард. Да и вряд ли представится другой случай покрасоваться в нем. Дороги стали непроходимыми, и мы с Ричардом никогда не выезжали в гости. Никто не навещал нас, ночи были темные и неласковые, и всем в графстве было известно, что я беременна, притом на довольно большом сроке, хоть свадьба была объявлена совсем недавно. Разумеется, нас принимали во всех домах, об этом бабушка позаботилась, но мы не были самой популярной в округе парой.

Конечно, все переменится к лучшему весной, когда мы сможем выезжать и принимать гостей у себя, когда родится малыш, а наш новый дом будет достроен, и мы сможем туда переехать. Я многое поняла в Бате и теперь знала, что люди, у которых богатое поместье, красивый дом и полный штат прислуги, которые позволяют себе ездить в Лондон на зимний сезон, никогда не будут нежеланными гостями. На минутку я задумалась о том, чем будет этот сезон для меня без мамы и без добрых друзей, а с одним только Ричардом рядом.

Без Джеймса.

Я вздрогнула. Опять сердце начало щемить от боли, которую я ощущала почти постоянно. Я была в трауре по маме, в трауре по моему погибшему так быстро и внезапно детству и из-за потери единственного человека, которого я любила. Я была счастлива носить черное, оно было как раз для меня.

— Очаровательно, — сказала Дженни. — Совершенно очаровательно, мисс Джулия.

Я обернулась и посмотрела на себя в зеркало. Глубокий блеск шелка сделал мое лицо более белокожим и загадочным. Множество богатых складок, заложенных от высокой талии, скрадывали мой живот. Единственным признаком беременности была располневшая грудь, красиво очерченная большим декольте платья.

Я подошла поближе к зеркалу и с любопытством посмотрела на свое лицо. В моей грусти по маме, в своем одиночестве, в ненависти к своему телу, которое так предало меня, я забыла о том, что была красивой девушкой. В ту осень я стала прекрасной женщиной.

Моя грудь обещала райскую радость обладания. Даже легкий намек на живот не портил меня, а выглядел очень желанно. Черный гладкий шелк подчеркивал хрупкость спины, светлый тон кожи и серый блеск глаз. В удивлении я улыбнулась своему отражению. Высокие скулы, чуть приподнятые уголки рта были мне знакомы, но глаза блестели абсолютно по-новому, и это превратило меня из миленькой девушки в красивую и обольстительную женщину.

— Причесать вас? — предложила Дженни.

— Да, пожалуйста, — я уселась в мамино кресло перед туалетным столиком и стала следить, как она укладывает мои волосы крупными волнами.

Я увидела, как открылась дверь и вошел Ричард. Не замечая, что я смотрю на него, он не сводил глаз с Дженни, тщательно укладывающей один локон за другим. Застывшее на его лице выражение заставило меня вздрогнуть, хотя в комнате было жарко натоплено. Даже волосы у меня на шее встали дыбом от ужаса, и какая-то странная тень промелькнула перед глазами.

Он шевельнулся, и Дженни вздрогнула и вскрикнула.

— О! Прошу вашего прощения, сэр, я не видела, как вы вошли.

В ее голосе звучала никогда не слышанная мной нота, затем я узнала ее, эту слишком быструю речь, эти слишком высокие интонации. Она боялась его. Весь дом, вся деревня, все боялись Ричарда. И я — его жена, его подданная — боялась его тоже.

— Вы можете идти, Дженни, — улыбнулся он. — Если ваша госпожа больше не нуждается в ваших услугах.

Я кивнула, не поворачивая головы, и Дженни торопливо присела в поклоне, как-то странно держа руку у горла, точно защищаясь. Когда она вышла из комнаты, Ричард подошел и стал позади меня, там, где только что была Дженни. Наши глаза встретились, и я удивилась, что он может хотеть от меня.

— Мне нравится это платье, — заговорил он. Его пальцы гладили мою шею, затем

скользнули выше и коснулись мочки уха. Я вся дрожала от этой ласки и в зеркале видела, как расширились от страха мои зрачки.

— Я принес что-то для тебя, — тихо сказал он. — Что-то, что тебе должно понравиться.

Он улыбался.

Я осторожно изучала его улыбку в зеркале, которое когда-то отражало только мою маму. Это была не та улыбка, которой он обычно прикрывал гнев, и я понимала, что бояться мне нечего. Эта улыбка была нежной и доброй. Но за ней таилась какая-то тень радости, которой я не доверяла.

Я медленно кивнула.

Ричард полез в карман и принялся там что-то искать. На нем был нарядный черного бархата сюртук и белоснежная сорочка, клапаны карманов были отделаны узкой атласной тесьмой. Я так внимательно смотрела на него, что даже увидела отражение пламени свечи на этой ленте.

— Надеюсь, тебе понравится это. — Его голос даже задрожал от еле сдерживаемого смеха. — Действительно, что это я! Я ведь знаю, что тебе это нравится.

При виде его пляшущих от радости глаз я вздрогнула и вдруг почувствовала холодное прикосновение к шее.

Холодное прикосновение круглых, отлично отшлифованных жемчужин.

Розовых жемчужин.

Мамино розового жемчуга.

Мамино розового жемчуга ожерелья, которое украд грабитель, оставивший ее умирать на большой дороге.

Я поднесла к шее руку, словно для того, чтобы убедиться, что это не сон. Я не могла поверить, что это реальность. Никогда не предполагала, что увижу их снова.

— Как это колье идет тебе, — с удовольствием сказал Ричард. — Как ты в нем хороша, дорогая.

Наши глаза встретились.

— Мамин жемчуг, — просто произнесла я.

— Мамин жемчуг, — подтвердил он, и радость еще ярче засверкала на его лице. — Или, по крайней мере, очень похожий.

Послышался шум подъехавшего экипажа.

— Рано! — Ричард подошел к окну и выглянул наружу. — Пойдем, Джулия. — И он нетерпеливым жестом протянул мне руку, поскольку я сидела, замерев у зеркала.

В первую минуту мне показалось, что я не смогу пошевелиться. Я сидела неподвижно, не сводя глаз с мамино ожерелья и таких же жемчужных серег, которые Ричард положил передо мной.

— О да! — сказал он, проследив за моим взглядом. — Надень и серьги тоже. Ты не можешь даже вообразить, какого труда мне стоило достать их.

Именно небрежное упоминание о трудах вывело меня из столбняка. Теперь я поняла, в какого рода бездну я проваливаюсь, я догадалась о преступном сумасшествии Ричарда.

Он предложил мне руку, и одновременно в дверь постучали. Я была женщиной, целиком зависящей от воли человека, который был моим братом, его ребенка я носила уже семь месяцев. И не имела ни одного друга в целом мире, который помог бы мне бороться с ним.

Я знала, что он убил Клари, погубил Мэтью Мерри, предал Ральфа Мэгсона, убил грума, убил дядю Джона и мою любимую мамочку.

Я смотрела на него, будто никогда не видела его прежде. Но теперь в моей душе не было страха. Я перешла эту грань.

Механически я продела дужки серег в уши, и они шелкнули.

Затем я приняла руку Ричарда, и мы спустились вниз встретить доктора Пирса и его друга мистера Фау-лера. За столом я, как всегда, сидела на своем месте, а Ричард — во главе

стола. Страйд сервировал такой стол, которым могла бы гордиться и королева.

Потом мы играли в карты, и мы с доктором Пирсом выиграли. Затем был подан чай, и они уехали домой. Ричард и я остались вдвоем в гостиной.

— Очень приятно, когда в доме гости, — зевая, сказал Ричард. — Мы слишком много времени проводим вдвоем, это и делает тебя такой мрачной, Джулия. Сегодня ты была просто очаровательна.

Моя рука лежала на горле, касаясь ожерелья. Ричард бросил на него взгляд.

— Просто удивительно, как подходит розовый жемчуг к цвету твоей кожи, — продолжал он. — Ты похожа на бокал, наполненный взбитыми сливками.

Он предложил мне руку, чтобы помочь подняться, и прежде, чем я успела подумать о том, что делаю, я приняла ее и мигом оказалась на ногах рядом с Ричардом.

Он взял меня одной рукой за подбородок и приподнял мое лицо вверх. Без всякой причины он сжал подбородок рукой, и я почувствовала силу его крепких пальцев, пальцев убийцы. Кровь застучала у меня в голове, но я не опустила глаз и не заговорила.

— Думаю, я приду сегодня ночью к тебе в спальню, — и он легонько вздохнул. — Думаю, я хочу этого.

В комнате воцарилось молчание, моя голова шла кругом, я осмысливала то, что он сказал.

— Ты не должен! — воскликнула я тупо. — Ричард! Ты же мой брат!

Рука Ричарда соскользнула с моего подбородка и стала гладить мое обнаженное плечо, затем спустилась к груди.

— О, я не верю этому, — лениво процедил он. — Это они говорили просто чтобы поугубить нас.

— Что ты, — я попыталась отступить назад, но другая рука Ричарда крепко держала меня за талию и прижимала к себе. — Нет, они знали, что говорили. Это правда, я уверена в этом, Ричард.

Я все еще не боялась, я была слишком потрясена, чтобы бояться. Мой брат, убийца моей матери, стоял рядом и обагренными ее кровью пальцами ласкал мою грудь.

— Я не верю, — повторил он. — И не считаю, что мы должны принимать на веру их слова. К тому же они никогда не повторят их снова. — Он послал мне одну из своих самых очаровательных улыбок и, приподняв мое лицо, поцеловал меня.

В той порочной бездне, в которую провалилась моя воля, не осталось никаких доводов, которые могли бы убедить его. Его рот прижался к моему, и я сжала зубы, чтобы подавить приступ рвоты, и отодвинулась.

— Шлюха, — тихо произнес он. — Ступай в постель и приготовься. Я приду сегодня ночью.

Моя воля была сломлена, и разум померк.

Я поднялась к себе в спальню, ибо куда же еще я могла идти. Дженни Ходжет, раздевая меня, тревожно заглядывала мне в лицо, которое было бледным, как у мертвой. Я скользнула между простынями и дунула на свечу. В полумраке я тихо лежала, прислушиваясь к протяжному крику совы за окном.

Ричард пришел очень поздно. В своем странно-спокойном состоянии я даже задремала, пока ждала его. Я больше не боялась. Я потеряла свой страх. Я не была невинной, и я не боялась, что мне будет больно. Я не могла крикнуть и пристыдить его, я не могла ничего. Когда он грубо откинул с меня одеяло, я лежала неподвижно, как мертвая.

Кровать скрипнула под его тяжестью, когда Ричард лег рядом. В свете принесенной им свечи его лицо казалось розовым и юным. В его дыхании слышался запах бренди, волосы пахли сигарным дымом.

Он был в растерянности, не зная, как начать. Я открыла глаза и равнодушно, без всякого выражения посмотрела на него. Он бесцельно играл безделушками на моем туалетном столике, передвигал стакан воды, трогал пальцем деревянную сову Ральфа.

— Ты помнишь Шехеразadu? — неожиданно спросил он.

Мое лицо оставалось спокойным, но ум лихорадочно заработал.

— Ты действительно любила ее, правда? — его голос стал чуть громче. В нем зазвучал какой-то резонанс его властных команд, которые он давал мне в детстве. — Ты была смертельно огорчена, когда ее убили, да, Джулия?

Мое молчание раздражило его.

— Была, я тебя спрашиваю?

— Да, — мне не хотелось разговаривать, но я не понимала, почему он спрашивает. — Да.

— Ты плакала по ней, — напомнил он мне. — И ты долго не могла поверить, что это Денч убил ее.

Я вздохнула. С тех прошло много лет, и неизмеримо горшие потери произошли в моей жизни.

— Да.

Ричард оперся на локоть, чтобы лучше видеть мое лицо.

— Лошадь пришлось прикончить, ее ударили молотком прямо между глаз, — продолжал Ричард. — И Денч был уволен и потом принужден был скитаться всю жизнь. Помнишь? Если бы дедушка Хаверинг поймал его, он бы велел его повесить.

— Я помню, — коротко сказала я.

Ричард выглядел взволнованным, его глаза сверкали.

— Это сделал я! — экзальтированно выкрикнул он. — Я один! И никто ни о чем не догадался! Никто из вас даже близко не подошел к разгадке. Это я перерезал ей сухожилия и свалил всю вину на Денча. Чтобы ты прекратила скакать на моей лошади! И я лишил тебя этого и подставил Денча, который был с тобой заодно. Я сделал это все сам! И заставил тебя плакать неделями, правда?

Я лежала совершенно спокойно, стараясь понять то, что говорил Ричард. Но еще труднее было понять его внезапную экзальтацию. Внезапно он придвинулся ближе ко мне, и для меня все стало ясно. Он взялся за подол моей ночной рубашки и рывком поднял ее. Я сделала над собой усилие и не стала опускать ее. Если дело дойдет до борьбы, то Ричард победит. И я знала, по какому-то странному, извращенному наитию, к которому я совсем не стремилась, что его возбуждает борьба со мной.

— А тот ястреб... — Его дыхание стало чаще, он поднял свою собственную сорочку и прижался ко мне. — Драгоценный ястреб Ральфа Мэгсона. Когда он вздумал улететь от меня, я дернул его назад. Первый раз это вышло случайно, но он разозлил меня тем, что не хотел сидеть на моем кулаке. Во второй раз мне захотелось сделать ему больно, и я понял, что, если сильно дернуть назад, я сломаю ему ноги. Ты помнишь, как они треснули, Джулия?

Я вспотела. Ричард неуклюже полез ко мне и просунул руку между моими ногами. Он карабкался на меня, но ему мешали простыни. Он хихикнул, как самодовольный школьник, когда его твердая плоть вонзилась в мою.

— Но ты не осмелился тронуть овец, — неожиданно для самой себя сказала я. Я говорила почти лениво. Мой разум и мое тело онемели от страха и отвращения перед тем, что рассказал мне Ричард, и от того, в чем я призналась себе сама. Я давно уже знала все это, но мне не хватало мужества сказать или сделать что-нибудь. Я была невольным сообщником Ричарда.

Но овцы все-таки пошли против него.

— Ты думаешь, они поняли, что с тобой что-то не то? — спросила я.

Ричард заколебался.

— Они пошли против тебя. Я никогда не видела, чтобы овцы делали такое. Они окружили тебя в сарае и прижали к стене. Ты помнишь это, Ричард? Ты помнишь, как ты тогда испугался?

— Я не... — быстро проговорил Ричард. — Я никогда не боялся.

— О нет, — уверенно продолжала я. — Ты боялся Шехеразады с того самого момента, как только увидел ее. И овец ты тоже боялся.

Ричард зло смотрел на меня, но его возбуждение улеглось, я почувствовала это, и меня наполнило чувство триумфа.

— Ты до смерти боялся Шехеразады, — продолжала говорить я. — Вот почему ты изуродовал ее. А не только потому, что ревновал меня к ней. Но ты хотел сделать что-нибудь, чтобы самому не скакать на ней. А овец ты испугался еще больше.

— Это не так... — заговорил он. Его глаза внезапно потемнели от моих насмешек. Сейчас он смотрел на меня так, как, бывало, смотрел во время наших детских ссор. Я знала, что мне удалось разозлить его и теперь он не тронет меня. Но я не была готова к взрыву его злобы.

Он наклонился и резким движением глубоко вонзил в меня указательный палец. У меня вырвался хриплый стон боли и шока, мне казалось, что он разрывает мне внутренности. Но я тут же прикусила губы и не издала больше не звука. Закрыв глаза, я лежала как каменное изваяние. Ричард убрал руку и стал ощупывать себя, и опять его дыхание стало тяжелым.

Я открыла глаза и улыбнулась ему.

— Это нехорошо, Ричард, — сказала я ледяным тоном, каким, бывало, мама разговаривала с ним, когда за какую-нибудь провинность отправляла его пораньше в постель. — Это нехорошо. Ты больше не станешь прикасаться ко мне — ни сейчас, ни потом. И вообще, тебе лучше идти в свою постель.

И я отодвинула его жадные руки от себя и перевернулась на другой бок, безразличная к тому, уходит он или остается.

Я не открыла глаз даже тогда, когда он выходил из комнаты.

Глава 29

Это был единственный случай, одна-единственная ночь, когда он пришел ко мне, за все месяцы моей беременности. И единственный раз, когда он заговорил о прошлом. Тогда только я поняла то, что Экр знал уже давно, то, что понимало каждое животное, к которому он прикасался, то, что понял Ральф при первой же встрече: Ричард болен. На это указывало все, но в глазах снисходительной тетушки и слабой девочки это сходило за эксцентричность, талант либо очарование.

Я винила только себя. Я вспоминала те случаи, когда поведение Ричарда было слишком агрессивным или неадекватным, а я скрывала это от мамы. Я вспоминала его жестокость ко мне и стыдилась, что я прятала ее от всех, даже от Клари и деревенских детей. Тед Тайк, расскажи я ему хоть немного о его выходках, был бы рад случаю устроить выволочку Ричарду и дать ему хорошего тумака, чтобы напомнить о том, как нужно вести себя со мной, но я никогда не жаловалась. И никогда ничего никому не рассказывала.

И теперь я винила только себя. Сидя у окна и глядя на иней на лужайке, тающий под солнечным светом, я винила себя за детскую наивность, позволявшую мне думать, что мир добрее, чем он есть, взрослые умнее, а Ричард нормальный.

Я перелистывала в памяти картинки моего детства, как старые пожелтевшие гравюры. Теперь я видела все совершенно в другом свете. Я смотрела на Ричарда как на импульсивное, невыдержанное, жестокое существо. Я видела слепоту моей мамы: слепоту на его жестокость со мной, слепоту на его сумасшествие. Она была слепа, потому что знала мое происхождение и догадывалась о происхождении Ричарда. Она страшилась заглянуть в его глаза и увидеть там правду. Мне следовало рассказать ей обо всем, предупредить ее. И потому, что я ее не предупредила, она погибла так ужасно и оставила меня одну жить в непрекращающемся кошмаре, от которого я никогда не сумею освободиться.

Я старалась не думать о том розовом жемчуге, который Ричард подарил мне и который теперь лежал в маленькой шкатулке на моем туалетном столике. В некоторые дни, когда солнце светило ярко и в его лучах сверкал и переливался иней под моим окном, я считала, что Ричард нашел этот жемчуг в каком-нибудь магазине в Чичестере и купил его для меня, в память о моей маме. Но в другие дни, поближе к концу ноября, когда ночи стали

невыносимо длинными, я часами смотрела на пылающие в камине поленья и видела мысленным оком Ричарда, подкупающего в какой-нибудь грязной пивной бандита, чтобы он убил маму и дядю Джона. Ричарда, с его рассеянной улыбкой и смеющимися глазами. Ричарда ненормального, как бывает ненормальной бешеная собака. Ричарда, моего брата, моего мужа, отца моего ребенка.

Я винила себя за то, что не жаловалась на него, не предупредила маму, не рассказала всего дяде Джону. Но за одну вещь я перестала винить себя: за то страшное утро в беседке. Я не была виновата тогда. Ричард изнасиловал меня так же, как мог бы это сделать, приставив к моему виску пистолет. Я дремала тогда в беседке и мечтала о Джеймсе, а не о Ричарде. Однажды я мечтала о любви там же, но это были воспоминания Беатрис, а в тот раз я совсем не думала о Ричарде как о моем любовнике и он не должен был ни ухаживать за мной, ни брать меня силой.

Эти мысли сделали меня его врагом. Именно тогда, перед Рождеством, я поняла, что была поймана им в западню, о чем и предупреждал меня Ральф, поймана, а потом изолирована от всех, кого когда-либо любила в жизни. И ребенок, которого я вынашивала, был плодом насилия и инцеста.

Думаю, что Ричард догадался о том, какие мысли бродят у меня в голове, потому что стал часто оставлять меня одну. По-моему, он стал бояться меня, и действительно, когда я нечаянно взглядывала на себя в зеркало, видела руку, все время теребившую жемчужное ожерелье на шее, и ловила взгляд застывших от ужаса глаз, я понимала его страх.

Страйд и миссис Гау приготовили нам спокойное мирное Рождество, Ричард велел принести из леса ветви остролиста и большое праздничное полено, которое мы бы сежгли в камине в сочельник. Они все суетились вокруг меня, будто бы я была каменной статуей или богиней, бесчувственной, но опасной, с которой надлежит обращаться с известными церемониями. Вся прислуга заметила мою странность, но приписала это беременности, дурной погоде, моему трауру по маме или чему-то еще, но только не тому факту, что в моем мертвом сердце я сожалела о том, что жива.

Только Экр мог бы понять истинные причины моей тоски, им было известно сумасшествие Лейси, они видели его признаки вновь и, думаю, боялись за меня.

— Что вас мучает, мисс Джулия? — спросила меня однажды миссис Тайк. Она пришла навестить миссис Гау и теперь попросила разрешения войти ко мне в гостиную. Я спасла ее коттедж от падающего шпилья. Я была товарищем ее сына, и она не забыла меня. Они все не забыли обо мне. Она внимательно смотрела на меня, я же была не в состоянии выдавить из себя даже улыбки.

Я слышала ее вопрос. Я слышала его когда-то прежде и старалась вспомнить когда. Затем вспомнила. Она использовала те же самые слова, с которыми Ральф обратился к Ричарду в тот день, когда тот сломал лапки его ястребу.

— Что мучит тебя? — спросил он тогда.

Мудрый Ральф видел сумасшествие Лейси в Ричарде. И он не видел его во мне.

— У вас слишком крупный ребенок? — продолжала она.

— Нет, я хорошо себя чувствую.

— Мы боимся за вас, — откровенно сказала она. — Все в Экре не видели вас так долго. Вы перестали ходить в церковь. А когда мы спрашиваем вашего мужа, он только лишь смеется, как он всегда это делает.

Я перевела взгляд с горящих поленьев на нее.

— Смеется?

— Все пошло кривь и вкось, — и ее голос дрогнул, как у обиженного ребенка. — Все опять пошло кривь и вкось.

Я молча кивнула. Мало что я могла сказать в ответ.

— В других местах что-то получается, — продолжала она. — Там и деревни живут зажиточно, и мельницы у них есть. Почему у нас в Экре ничего не выходит?

— Потому что в других местах сквайры в состоянии оставить землю в покое, —

равнодушно промолвила я. — В Экре же всегда были сквайры, которые не могли этого. Ричард мечтает о самом доходном поместье в стране. Он хочет, чтобы у его сына было самое богатое поместье во всей Англии.

— А вы? — проницательно спросила она меня. — Вы тоже хотели от Экра чего-то особенного. Ральф Мэг-сон и вы немало наобещали Экру.

— Что ж, я тоже была сквайром Лейси. Но я планировала совсем не такое будущее, какое планирует Ричард. Миссис Тайк, я думаю, что в Экре все будет идти неправильно до тех пор, пока здесь живут Лейси, пока в Холле будет сквайр, а на земле хозяин. Теперь я понимаю, что Ральф был прав, да что в этом толку, если Ральф заперт в тюрьме, а Вайдекром управляет Ричард.

— И вы будете матерью следующего сквайра, — подытожила она. — И продолжите линию Лейси на земле.

— Нет, — уверенно произнесла я. — Не буду.

Миссис Тайк кивком указала на мой живот.

— Слишком поздно, чтобы избавиться от этого, — жестко сказала она.

— Конечно, поздно, — горько согласилась я. — Ребенок родится, я не могу помешать этому. Но он никогда не унаследует Вайдекра.

Она грустно, сокрушенно улыбнулась. В Экре было известно, как жестоко ведется игра, когда ставкой в ней является земля.

— Вам не избежать этого, — сказала она. — Мы все оказались в одной ловушке.

В маленькой комнатке повисло молчание, такое глубокое, что слышно было потрескивание дров в камине.

— Мне пора идти, — и миссис Тайк медленно направилась к двери. — Мой сын Тед и многие другие хотели знать, как вы поживаете. Мне жаль, что я не могу принести им хорошие новости.

— Я жива, — лаконично отозвалась я. — Вы можете передать им, что я не больна.

— Я скажу им, что вы больны в своем сердце. И что вы по-прежнему заодно с деревней. Хоть Экр голоден и замерзает теперь, но мысленно вы с нами.

Наши глаза встретились, и утешением нам могло служить только то, что мы не обманываем друг друга. Затем она ушла.

За весь этот нерадостный зимний месяц она была моим единственным гостем, миссис Тайк, вдова из Экра. Никто из знати не навестил меня, пока я сидела целыми днями в одиночестве и глубоком трауре. Дедушка заболел, находясь в Лондоне, и бабушка вынуждена была оставаться с ним и тревожилась, что не успеет прибыть к родам. Но я написала ей, что беспокоиться не из-за чего, ничего не случится.

И ничего не случилось.

Все было даже слишком спокойно.

Ребенок рос в моем животе так же, как растут все дети. Я спала ночами все хуже и хуже и чувствовала, как шевелятся его маленькие ручки или толкается крохотная пятка в мягкую стенку живота. Поближе к концу декабря я могла, бывало, нащупать его ручку, упирающуюся в податливую стенку своей тюрьмы. Это подводило меня к мысли о Ральфе, который тоже находился в тюрьме, но там не было так темно, тепло и безопасно. Даже мысль о Ральфе не могла вывести меня из сонного оцепенения.

Ричард много отсутствовал. Я знала, о чем болтали на кухне и в конюшне. Иногда он не возвращался домой целую ночь и приходил только к завтраку, с блестящими глазами и какой-то помятый. Он, преувеличенно громко начинал рассказывать о петушиных боях или о быке, которого кто-то привез в Экр. На него натравили собак, и он убил двух мастифов. Когда Ричард рассказывал, как быку удалось выпустить кишки одной из собак, я невольно побледнела и стол поплыл у меня перед глазами. Я видела, что Страйд сделал движение, будто хотел остановить Ричарда, но Страйд служил дворецким уже много лет и, разумеется, не стал останавливать хозяина. Никто не мог бы остановить Ричарда.

Все боялись его, как в доме, так и в деревне. Жители Экра боялись его, потому что в

руках Ричарда была сосредоточена вся полнота власти, и он мог использовать ее как угодно. Он мог отменить их аренду, прекратить выплачивать жалование, выслать в приют. И кроме того, они знали, что с Ричардом что-то не ладно.

Но я не боялась. Я излечилась от своего страха перед Ричардом. Теперь я не боялась ничего. Ни несчастья, ни смерти, и, если бы в эти дни Ричард вошел ко мне и сжал руками мое горло, я бы даже не моргнула. Моя мама была мертва, была мертва Клари, Ральф и Экр были преданы. И я поклялась, что мой ребенок не станет следующим сквайром. Если бы Ричард убил меня в одну из тех ночей, когда он крадущимися шагами проходил мимо моей комнаты, он оказал бы мне великую услугу. Я не страшилась его больше. И я не страшилась ничего. Все, чего я могла бояться, уже произошло. И если бы Ричард открыл дверь в одну из тех ночей, когда он, пьяно хихикая, карабкался к себе по лестнице, и полез бы ко мне, думаю, я разрешила бы ему все в надежде, что он сожмет своими длинными пальцами убийцы мое горло и прикончит меня. Но он не делал этого. Он больше не заходил ко мне.

Ричард не любил меня. Он не осознавал свое сумасшествие, я думаю, что он даже не понимал достаточно отчетливо того, что он сделал. Только пьяным смехом он отзывался на то, что сделал или что мог бы сделать. В тот раз, когда он прикоснулся ко мне и увидел мои расширенные и ставшие темными от ужаса глаза, он решил, что я помешалась. Его сумасшествие как в зеркале отразилось во мне, и это оказалось слишком сильно даже для Ричарда.

Но я больше не боялась его, потому что он боялся меня. Я была окружена двойной стеной защиты: моего не рожденного еще ребенка и полного безразличия к тому, что может произойти со мной. Ричард не мог больше испугать меня.

Но ничто не могло задеть его. Ничто в том маленьком мирке, в котором были заключены Лейси, не могло задеть и встревожить его. С отъездом лорда Хаверинга слово Ричарда стало законом на много-много миль в округе. И если бы он опять совершил убийство, то никакая погоня и никакое наказание не могли бы угрожать ему. Ричард был здесь хозяином, и ничто не могло противиться ему.

Он боялся только одного. И имел глупость показать это передо мной.

Мы завтракали, и он был в одном из своих пасмурных настроений. Я сидела в дальнем конце стола, читая письмо от бабушки и попивая чай. Ричард с удовольствием поедал холодное мясо, хлеб, горячий картофель, яйца, запивая все это пивом. Одновременно он читал свежую газету, безразличный к тому, что на ней оставались пятна жира от его пальцев.

— Бог мой! — неожиданно воскликнул он с полным ртом. Самый тон его голоса заставил меня напрячься так, как напрягается охотничий пойнтер, взятый на охоту в августе и почуявший след фазана. Думаю, что я даже принялась так же, как принимается собака. В комнате возник запах страха, в этом я не могла ошибиться. Он был ясен для меня так же, как бывает ясен запах жарящегося бекона для голодного нищего. Ричард бросил на меня короткий мимолетный взгляд, но мое лицо оставалось бесстрастным. Я сидела ко всему глухая и безразличная. Тогда он повернулся к Страйду, лицо которого тоже оставалось деревянным.

— Прошу простить меня, — сказал Ричард и, скомкав газету, вышел из комнаты.

— Достаньте мне такую же газету, — не поднимая головы, велела я Страйду.

— Да, мисс Джулия, — равнодушным тоном произнес Страйд.

Должно быть, он послал за газетой в Мидхерст сразу после завтрака, потому что, когда он принес кофе на серебряном подносе, рядом с кофе лежала газета.

У меня не было необходимости просматривать все колонки. Новость, потрясая Ричарда, была напечатана прямо на первой странице. Заметка была озаглавлена: «Пресловутый мятежник бежал из тюрьмы» и называла Ральфа Мэгсона среди троих человек, которые сбежали, переодевшись в цыганское платье и спрятавшись среди цыганских музыкантов, приглашенных играть для тюремных надзирателей. В ней высказывалось предположение, что сбежавшие выскользнули из тюрьмы вместе с цыганами и с ними же покинули Лондон. В статье было много ахов и охов по поводу недосмотра

местных властей, но между строк читалась уверенность, что эти трое исчезли бесследно и их вряд ли удастся когда-нибудь разыскать. Далее следовало подробное описание внешности Ральфа и его сообщников и предлагалась награда в двести фунтов за любую информацию об их местонахождении.

Эта награда заставила меня задуматься о том, находится ли Ральф в достаточной безопасности. Затем я решила, что вряд ли его можно захватить врасплох, если не считать, конечно, тот последний случай в Экре, когда его так бессовестно предали. Вряд ли его близкие, родственники его матери, способны на предательство, и кроме того, лукаво подумала я, природный ум подскажет Ральфу, когда станет небезопасно подвергать их дальнейшему соблазну. Тогда он сможет сесть на любой из кораблей контрабандистов и ускользнуть от правосудия.

Я скатала каждую страницу газеты в мячик и по очереди швырнула их в камин. Когда они сгорели дотла, я взяла кочергу и размешала пепел. Я не хотела, чтобы Ричард знал, что мне известно о Ральфе.

Он не вернулся домой к обеду, и за нашим огромным, махагонового дерева столом я оказалась в полном одиночестве. Я сидела, прислонив к супнице книгу из чичестерской библиотеки, и читала о страданиях несчастной Кларинды и ее неизменной верности герою. На минуту я задумалась, смогу ли я стать женщиной, которая дорожит любовью, любовью мужчины, или навсегда останусь человеком, ставящим гордость и личную свободу выше всего.

Я забрала с собой в гостиную роман и уютно устроилась в кресле, чтобы дочитать его. Но я часто откладывала книгу и сидела, уставившись в огонь. Я не надеялась когда-нибудь снова испытать счастье. Но Ральф теперь на свободе, и тяжесть упала с моей души. Он так же, как и я, может смотреть в небо на ясные звезды, предвещающие мороз. Он, может быть, видит сейчас ореол вокруг луны и так же, как я, знает, что это к завтрашнему снегопаду. Он может смотреть на север, юг, запад или восток — куда пожелает.

Я надеялась, что Ральф понимает: хоть я и сижу в кресле Ричарда, в его доме, на его земле, но я наконец-то свободна. И наконец я стала настоящей Лейси, уверенной в том, что обладание землей много важнее химеры любви.

Но, видимо я стала каким-то новым видом Лейси, потому что я отказывала им в праве владеть землей, урожаем, выросшим на ней, и людьми. Если бы это все стало опять принадлежать мне, я бы отдала это сразу, без малейших колебаний и разговоров о прибыли. Я бы отдала землю Экру, то есть людям, работающим и живущим на ней. Я бы очень хотела увидеть Ральфа еще раз, чтобы сказать ему, что теперь я поняла то, чему он безуспешно пытался научить меня. Что не бывает добрых хозяев или справедливых сквайров. Само существование сквайров и хозяев так глубоко несправедливо, что никакими силами этого нельзя исправить.

Мне пришлось пожить в прислугах, прислугах у Ричарда, чтобы понять всю унижительность рабства. Я должна была пожить нищей, нищей на содержании у Ричарда, прежде чем я поняла, что зависимость может быть смертельна. И у меня осталось только одно желание — увидеть Ральфа и рассказать ему, что я хочу навсегда покинуть этот жадный мир знати.

В дверь постучали, и появился Страйд с чайным подносом в руках, за ним шел Ричард. Он прискакал верхом и даже не успел переодеться. Попросив Страйда принести еще свечей, он бросился в кресло напротив, так, будто бы ничего не случилось. Но я чувствовала, что нервы его натянуты, как струна, и поймала его испуганный взгляд, который он кинул на темное окно.

— Я был в Чичестере, — начал он без всякого предисловия, когда Страйд поставил канделябр в пять свечей на стол и удалился. — В сегодняшней газете были новости, которые меня очень встревожили.

Я подняла на него глаза, и в них было столько же тепла и нежности, сколько бывает в зимнем небе.

— Это была статья... — Ричарду было трудно говорить. — Статья о том, что несколько человек сбежали из лондонской тюрьмы, где содержался под стражей Ральф Мэгсон. Ты помнишь?.. — Тут он замолчал. Он хотел, видимо, спросить, помню ли я Ральфа Мэгсона, но даже Ричард был недостаточно нагл для этого. — Я ездил в Чичестер разузнать об этом деле поподробней. — Он принял у меня чашку, и несколько капель чая пролилось на ковер. Его руки дрожали. — Оказалось, что все, сказанное в статье, верно. — Я наклонила голову и взяла чашку себе.

— В магистрате предупреждают, чтобы мы были особенно начеку с цыганами, — продолжал Ричард. — С цыганами и другим кочевым народом. Трое заключенных сбежали под видом цыганских музыкантов. Возможно, что они попытаются достичь побережья, путешествуя с цыганским табором.

Ричард замолчал и посмотрел на меня. Но по выражению моего лица ничего не смог понять.

— Как ты думаешь, он придет сюда? — спросил он. — Джулия, тебе не кажется, что у него могут возникнуть мысли о каком-то мщении? Может быть, он надеется, что Экр спрячет его?

В голосе Ричарда ясно слышались прежние просящие нотки. Он нуждался во мне. Я всегда бывала рядом, когда он нуждался во мне. Да и самую полную радость в жизни я ощущала, когда он нуждался во мне, когда он просил у меня помощи, а он просил ее сейчас.

— Полагаю, что он обвиняет меня в своем аресте, — сказал Ричард с обдуманной прямоотой. — Я разговаривал с чиновниками в магистрате, и они сказали, что мало чем могут помочь нам, нам, Лейси, представляешь, Джулия! Если только мы не скажем, где он может скрываться.

Ричард поставил чашку на стол и протянул ко мне руку.

— Джулия!

Он произнес это так, будто мы были маленькими детьми и у него были такие же маленькие заботы. Он, словно ребенок, звал своего лучшего друга, свою сестру на помощь.

Я обеими руками держала свою чашку.

— Да?

— Ты думаешь, он придет сюда? — Ричард опустил руки и смиренно сложил их на коленях, как маленький.

— Нет, — честно ответила я. Я не собиралась дразнить и мучить его, это было не в моих правилах. И говорила я об этом с сожалением. Я была уверена, что никогда больше не увижу Ральфа Мэгсона, и сожалела об этом.

— Он не придет с цыганами, которые всегда зимуют на общинной земле? — жадно переспросил Ричард. — Они, кажется, приходят по лондонской дороге, да? Это не они вызволили его из тюрьмы? А они ведь тоже музыканты, вспомни, Джулия. Мы когда-то приглашали их на Рождество, помнишь?

Я молча кивнула. Конечно, я помнила. Я знала, что я помню все в тоннеле боли, ведущем в мое детство. Я любила Ричарда и любила Вайдекр с такой неизменной и глубокой нежностью, которую ничто, казалось, не могло разрушить.

— Помню, — ответила я. — Но думаю, что мистер Мэгсон ради безопасности сядет в Лондоне на корабль. У него, наверное, много друзей моряков.

— Ты не думаешь, что он придет сюда? — настойчиво требовал ответа Ричард. Его глаза требовали успокоить его, как может требовать покоя ребенок, разбуженный среди ночи страшным сном.

— Нет, — уверенно повторила я. Я не стремилась успокоить Ричарда и прогнать его страхи. Холодная пустота в моем сердце заставляла меня думать, что никогда в жизни я больше никому не приду на помощь, и менее всего Ричарду. Но мне не хотелось дразнить его.

— А если он все-таки явится сюда, то, как ты думаешь, Экр спрячет его? — настаивал Ричард. — Помнишь, они ведь прятали Денча, Джулия!

— Понятия не имею, — ответила я. — Я давно не была в Экре. Ты должен знать лучше, чем я, настроение людей. Станут ли они прятать твоего врага или будут лояльны к Лейси?

Во внезапном нетерпении Ричард вскочил со стула и забегал по комнате. «Да, — холодно отметил уголок моего разума, — ты действительно напуган, не правда ли, Ричард? Ты, который сделал так много, чтобы люди боялись тебя. И теперь ты сам не помнишь себя от страха».

— Я хочу, чтобы ты отправилась в Экр, — вдруг решил Ричард. — Я хочу, чтобы ты поехала туда завтра. Я велю приготовить тебе экипаж, а если в нем будет не проехать, то ты поедешь в коляске. Или же отправишься верхом! Для тебя это будет совершенно безопасно, если лошадь будет идти медленным шагом, или даже пусть грум поведет ее под уздцы. Я хочу, чтобы ты поехала туда и сказала им, что Ральф сбежал из тюрьмы и что он представляет собой опасность для людей. Скажи им, что за его голову обещана большая награда, непременно скажи это, Джулия! И скажи, что если он появится в Экре, то я лично от себя добавлю еще сотню фунтов тому, кто предупредит нас об этом. Это подействует на них, да, Джулия?

— Это зависит от того, в каком состоянии сейчас люди, — ровно ответила я. — Достаточно ли они бедны для того, чтобы предать старого друга за сто фунтов.

Ричард подошел к окну, но не стал отдергивать шторы. Ральф был известен как меткий стрелок.

— По-моему, ты являешься их старым другом, и если ты попросишь их об этом, то они все сделают, чтобы угодить тебе. Разве не так?

— Не могу сказать. — Я потянулась к шнурку и попросила возникшего в дверях Страйда убрать со стола. — Я вправду не знаю, Ричард. К тому же мне осталось всего две недели до родов. Я уверена, что мистер Сейнтли был бы против того, чтобы я уезжала от дома так далеко. Как ты, может быть, помнишь, он уже несколько недель назад запретил мне выходить из дома.

Ричард резко повернулся на каблуках, но не стал отвечать, увидев Страйда. Тот с тревожным любопытством взглянул на нас обоих, и я заметила, что он боится оставлять меня наедине с Ричардом.

— Вам нечего тут делать, — грубо сказал ему Ричард.

Страйд посмотрел на меня, и я кивнула.

— Все в порядке, Страйд, можете идти.

Он едва заметно поклонился и вышел.

— Ты — моя жена, — заговорил Ричард, овладев собой. — А опасность угрожает мне лично, и поэтому ты поедешь в деревню, раз я этого хочу, Джулия.

— Раз ты хочешь этого.

Мне нечего было терять. Если роды начнутся в Экре, то я могу отправиться к викарию или в любой из коттеджей и родить свое дитя там. Если же мне придется поехать туда верхом, и это повредит ребенку, то что ж, я достаточно ожесточила свое сердце для этого. Я поклялась, что в Экре не будет следующего сквайра, и я готова на все. Я любила маленького ребенка, ворочающегося у меня в животе, но я не хотела растить нового хозяина на земле. Я молилась, чтобы он умер.

Сказать правду, я молилась, чтобы я умерла тоже.

Поэтому для меня не имело никакого значения, поеду ли я в Экр верхом или в карете, родится ли мой ребенок в одном из коттеджей или прямо в канаве на дороге. Ничто больше не имело значения. Ральф свободен, и у меня не осталось больше дел на земле, кроме того, чтобы родить ребенка и забрать его куда-нибудь подальше от Ричарда и от Вайдекра.

Мой призыв к Экру предать Ральфа едва ли стоил больше, чем ветер, унесший мои слова прочь. Только Ричард мог надеяться, что кто-нибудь в Экре пойдет против Ральфа. Он был их черным сквайром, сосредоточением и выражением их ненависти к Лейси. Они могли время от времени быть лояльными по отношению к нам, они могли продавать или даже отдавать даром свой труд. Они могли даже любить или ненавидеть нас. Но Ральф был

единственным человеком, которому они доверяли. Если бы он решил остаться в Англии, то здесь он был бы в полной безопасности. И никаких денег не хватило бы, чтобы подкупить их.

Карета остановилась на лужайке у старого каштана, где по вечерам собирались старики. Это было лучшее место для переговоров. Я вышла из кареты и стала ждать, пока откроются двери домов и люди подойдут ко мне. Я смотрела на старые, давно знакомые лица и видела их такими, какими они были в моем детстве: замкнутыми, враждебными, холодными.

Они не голодали. Пшеницы, спрятанной Ральфом, должно было, как он и надеялся, хватить на зиму. Они не были плохо одеты. У них наверняка были сбережения, которые могли бы поддержать их. Но от них ушла радость, и я подумала, что во многом эта зима будет для них даже хуже предыдущей, потому что теперь они научились надеяться.

Бедные глупцы. Бедные доверчивые глупцы. И наихудший из глупцов — я, которая имела шанс дать им счастье, но потеряла его из-за своей трусости, потому что я не нашла в себе силы встать и сказать: «На меня жестоко напали, и это не по моей вине».

Жители Экра собрались вокруг меня, и я видела, что лица их угрюмы. Ребенок взбрыкнул у меня в животе, и я невольно положила на него руку. Каждый раз, когда я ощущала его движения, меня охватывала нежность к этому маленькому созданию. Но когда я видела вокруг себя эти несчастные глаза, я мысленно отказывалась от него.

Этот ребенок не должен вырасти.

Я помнила, что когда-то сказал Ральф о французских монархах. Я помнила, что он предупреждал: сначала надо посеять, а потом жать. Вайдекр нужно очистить от Лейси. Разгневанные французские революционеры собирались казнить своего короля. Я намеревалась искоренить на своей земле линию Лейси.

Я оглянулась вокруг и заговорила:

— Мой муж велел мне приехать и говорить с вами. — Я хотела, чтобы у них не осталось никаких сомнений в том, по чьей воле я здесь. — Ему стало известно, что мистер Ральф Мэгсон, который прежде был здесь управляющим, сбежал из тюрьмы.

Я оглядела их лица, но ни в ком не встретила удивления. Значит, они уже все знали. Конечно, они знали.

— За информацию о нем и тех двоих, что сбежали вместе с ним, обещана награда в двести фунтов. Со своей стороны мой муж обещает вам особо вознаградить Экр, если мистер Мэгсон будет пойман здесь. Он заплатит сто фунтов каждому человеку, который будет способствовать поимке преступника. А остальным будет бесплатно выдаваться мука и молоко до самого лета. При этих словах в толпе возник легкий шорох, не потому, что они увидели для себя возможность разбогатеть, а потому, что щедрость награды соответствовала мере страха Ричарда. Я видела, что люди вокруг меня скрывают улыбки, и я сама едва могла стереть с лица выражение торжествующего презрения.

— Мой муж просил меня напомнить вам, что мистер Мэгсон известный мятежник и чрезвычайно опасный человек, — после паузы продолжала я. — Предполагается, что он может скрываться среди цыган, и вас просят сообщить о появлении табора в округе.

Они кивнули. Я выждала некоторое время и вернулась в карету. Я чувствовала себя страшно усталой и обессиленной. Я мечтала поскорее отправиться домой и улечься в кровать. Горничная разожжет камин, и я смогу до вечера следить за языками пламени и сгущающимися за окном сумерками. Я мечтала оказаться как можно дальше от этой холодной земли и преданных своими хозяевами людей.

— Мисс Джулия! — послышался чей-то голос. Я оглянулась. Джордж уже убрал ступеньки, но тоже помедлил и приоткрыл дверь, чтобы я могла видеть того, кто позвал меня.

Это была старая миссис Мерри.

Я отшатнулась, будто боялась, что она ударит меня. Всю свою жизнь мне было знакомо это лицо, круглое и морщинистое, как печеное яблоко. Но после ужасной смерти ее

единственного внука оно изменилось, глубокие борозды пролегли вокруг глаз и рта, сделав его трагическим.

Она стояла впереди толпы и смотрела на меня, сидевшую на высоком, обитом розовым шелком сиденье нашей фамильной кареты. Эта богатая обивка появилась взамен старой, в пятнах крови после убийства мамы и Джона. Я показалась себе принцессой из сказки, слушающей старую кодунью.

— Да, миссис Мерри.

На ее старческом лице появились слезы, такие легкие у стариков. Но я знала, что плачет она не по своему внуку и не из-за себя. Она плакала по мне. Она жалела меня.

— Береги себя, сердечко, — тихо произнесла она голосом, полным сочувствия. Несколько людей, слышавших ее слова, одобрительно кивнули, они смотрели на меня, будто бы не они, а я была жертвой. — Мы все надеемся на лучшее. Нас предал сквайр и власть знатных людей. Но хотя ты и сама из богатой семьи, ты находишься в опасности. Ты — женщина, и тебе приходится слушаться своего хозяина, так же как нам приходится слушаться нашего.

Я подумала о том, как Ричард обращается со мной, как он жесток, несмотря на мою былую преданность и любовь. И как жесток оказался ко мне мир условностей, велевший мне выйти замуж за отца моего ребенка.

— Я ненавижу его, миссис Мерри, — сказала ей я. — И хочу его смерти.

Она кивнула, и на ее лице не выразилось удивления.

— Да, — сказала она. — Я понимаю. Но не трать свое мужество на ненависть к нему. Береги себя, дорогая девочка. Собери для себя свое мужество и думай о ребенке.

— Я не хочу, чтобы в Вайдекре был еще один сквайр, — возразила я. Мой голос зазвучал громче, и несколько человек остановились и стали прислушиваться. — Я не хочу быть матерью сквайра. Я не хочу дать моему ребенку власть над землей и над людьми. Я не сделаю этого.

— Мир был бы лучше, если бы богатые отказались править нами, — согласилась миссис Мерри. — Экр готов работать вместе со своими хозяевами, но его предадут снова и снова.

Я опустила голову. В этот раз их обманули мои высокие надежды, мои яркие планы и несдержанные обещания. Все, что окружало их, моя любовь к земле и моя любовь к Ричарду, все шло им во вред.

— Я должна идти, — несчастным голосом сказала я.

Миссис Мерри отступила назад, и Джордж, храня непроницаемое выражение лица, закрыл дверь. Я опустила стекло и выглянула наружу.

— Что я могу сделать? — спросила я ее. — Как я могу остановить это?

Она подняла голову, и наши глаза встретились. И я с удивлением увидела, как счастье расцвело на ее лице.

— Как? — повторила она. — Вам ничего не надо делать, мисс Джулия. — Джордж сидел на месте, нарядный в своей красивой ливрее, и изо всех сил напрягал слух, как мне показалось. — Все сделает Ральф. Ральф возвращается домой.

— Что?.. — начала я, но тут лошади резко рванули с места, и какой-то человек бросился к миссис Мерри, чтобы успеть оттащить ее подальше от высоких колес экипажа. Он увидел мое изумленное лицо, озаренное надеждой, и усмехнулся. Прежней усмешкой Экра, такой свободной и равной.

Это была усмешка заговорщиков, чьи надежды наконец начинают сбываться. Карета подсакивала на неровной дороге, и я облокотилась на шелковые подушки Ричарда. Я чувствовала, что тоже улыбаюсь, и мне стало легче.

— Что тебе сказали в Экре? — требовательно спросил Ричард. Он встретил меня у ворот, сразу же подав руку.

— Ничего, — ответила я. Я позволила ему проводить меня к дому, но помедлила, когда

он открыл дверь гостиной. — Я хотела бы отдохнуть у себя, Ричард. Я очень устала.

Он направился к лестнице, но тревога не покидала его.

— Ты передала им то, что я просил?

— Да, — ответила я.

— И что они сказали?

— Ничего.

— Ты ни с кем не говорила наедине? Никто не упоминал о приходе цыган на общинную землю? Кто-нибудь расспрашивал о Ральфе? Например, Нед Смит? Он всегда был особенно близок с ним.

Я вопросительно приподняла брови. Разумеется, я вела себя нагло и знала это. Но во мне родилась храбрость, у меня появилась причина для этого, потому что я узнала, что часы отсчитывают начало нового времени для Экра. Что скоро этот час пробьет и вся прежняя жизнь разлетится на куски. Два события наступали одновременно: ребенок у меня в животе начинал шевелиться, чтобы проложить себе путь в жизнь, и Ральф тайными тропами пробирался из Лондона сюда, чтобы дать нам свободу.

— Я ни с кем не говорила наедине, — отвечала я, начав загибать пальцы на каждый вопрос Ричарда. — Никто не говорил, что цыгане прибыли на общинную землю. Но так как они обычно появляются перед Рождеством, то, я думаю, они должны прибыть со дня на день. Никто не спрашивал о мистере Мэгсоне. Нед Смит был там вместе с остальными, но он ничем не интересовался.

Ричард грубо схватил меня за руку.

— Что за черт вселился в тебя? — требовательно спросил он. Он пристально изучал мое посветлевшее лицо и явно ничего не мог понять. — Кто-то рассказал что-то, придавшее тебе сил. Кто-то научил тебя смотреть на меня этими наглыми глазами. Кто-то попытался заставить тебя забыть, что я могу сделать с тобой.

Он замолчал и измерил меня глазами, по-прежнему изо всех сил сжимая мою руку. Я почувствовала, как захрустели мои кости, и едва смогла подавить стон боли.

— Никто. Я потеряла свой страх, потому что вижу, как боишься ты. Я вижу, как ты трясешься при одной мысли о возвращении Ральфа. При одной мысли о том, что он идет сюда за тобой.

Я замолчала. Ричард побелел, и его хватка внезапно ослабла. Моя рука болела нещадно, но сердце пело от радости.

— И я думаю, что ты прав. Если Ральф действительно направляется домой, то он не забудет свести с тобой некоторые счета. Я хорошо его знаю. — Мой голос звучал почти сладко. — И хочу сказать, что если бы я была на твоём месте и вправду предала бы Ральфа, то я предпочла бы лежать в фамильном склепе, чем находиться здесь. Это единственное место, где ты мог бы быть в безопасности, Ричард.

Ричард уронил голову и уставил глаза в пол. Я секунду посмотрела на него и стала подниматься по лестнице. Я чувствовала, как он с ненавистью провожает меня взглядом, и шла, высоко подняв голову. Но, едва оказавшись у себя в комнате, я поспешила закрыть за собой дверь и бессильно прижалась к ней.

Я могла бесстрашно смотреть в лицо Ричарда, когда он был охвачен паническим приступом страха, но без храбрости, сообщенной мне старой хрупкой женщиной, мое положение было незавидно. Ребенок тяжелым камнем лежал у меня в животе, и это делало меня чрезвычайно уязвимой.

Я могла храбро говорить о том, что хочу прекратить линию Лейси на земле, но мое сердце слабело от любви к моему ребенку. Зная, кем был его отец, зная, что он к тому же являлся мне родным братом, я ожидала рождения какого-то страшного чудовища, монстра. Но затем я чувствовала шевеление маленькой ручки и готова была рыдать от нежности к нему. От нежности, на которую я не давала себе права.

Этот ребенок должен быть отослан прочь, а Ричарда надо остановить. Я должна обрести храбрость и начать борьбу с ним, противостоять его гневу, его власти и как-то

освободиться от того сумасшествия, которое опутывало нас всех.

Я могла храбро говорить о своей кончине от родов, но на самом деле я ужасно боялась.

Я могла рассуждать о смерти ребенка, но я изнывала от нежности к нему и мечтала обнять его маленькое тельце.

Я могла храбро говорить о ненависти к Ричарду, но я любила его всю свою жизнь, и иногда мне приходило в голову, что я сама выдумала того монстра, которого боялась.

Я свалилась в постель, как больное дитя, и спала до тех пор, пока январское сумрачное небо не стало темнеть за окном. Проснувшись в холодной, темной комнате и не могла понять, ни где я нахожусь, ни кто я сама.

Глава 30

В тот день Ричард не приехал к обеду. Страйд передал, что он уехал в Чичестер и вернется поздно. Я Догадалась, что за причина вызвала его в Чичестер. Ричард вошел в гостиную, когда Страйд подавал чай, и мои догадки подтвердились. Он сказал, что вызвал отряд солдат и разместил их у Буша в Экре.

— Я сказал им, что Экру нельзя доверять и что Ральф вполне способен поднять мятеж против нас, — объяснил он. Отказавшись от чая, он попросил подать себе кружку эля.

Он не ел с самого завтрака, его глаза тревожно бегали. Храбрый мальчик превратился в довольно трусливого мужчину. Я смотрела на него поверх чашки, и мое сердце разрывалось между собственным торжеством и досадой, что я никогда больше не увижу того мальчика.

— Мне пришлось изрядно потрудиться, чтобы они восприняли мои требования всерьез, — продолжал он. — Если бы это был первый мятеж в наших местах, то, думаю, они не пошли бы на это. Жаль, что сейчас нет здесь дедушки, его бы они сразу послушались.

Все, что они могли мне сказать, это то, что вряд ли Мэгсон решил остаться в стране, они получили сообщение из Лондона, что он и другие беглецы отплыли в Америку. Они просто не слушали меня, когда я уверял их, что он собирается сюда.

Я кивнула и ничего не ответила.

— Прибыли цыгане, — тревожно добавил Ричард. — Я велел солдатам приглядывать за ними. С этим народом никогда нельзя быть ни в чем уверенным.

Ричард подошел к кухонной двери и попросил себе еще кружку эля. Ему хотелось пить. Все ясно: видно, в Чичестере после визита в казармы он выпил немало голландского джина.

— Почему ты утаила от меня часть правды о своем визите в Экр? — вдруг спросил он.

От неожиданности я даже вздрогнула, и часть чая пролилась на платье.

— Я ничего не утаивала, — слишком быстро ответила я.

— Не лги, — улыбаясь, произнес он. Ричарда всегда радовало, когда он мог в чем-то одержать верх. Он вернулся в комнату и уселся на свой любимый стул. Страйд, живой укор и неодобрение, принес вторую кружку эля и поставил ее перед Ричардом. Сейчас испытанное им в казармах унижение и страх перед Ральфом отступили на задний план перед удовольствием помучить слуг и жену. — Ты с глазу на глаз разговаривала с какой-то старухой. С кем же?

Я услышала менторский тон моего мучителя и почувствовала страх. Но тут же я вспомнила о Ральфе, пробирающемся к нам тайно, и о моем ребенке, так же тайно ищущем дорогу в наш мир.

И, наконец, я подумала о себе. Возможность выжить для меня зависит от того, смогу ли я найти опору в это трудное время одиночества. Я лишилась Клари и мамы. Я потеряла Ральфа. У меня отняли землю и мое наследственное право на Вайдкр. Значит, я должна отыскать эту опору в самой себе. Если я буду трепетать каждый раз, когда Ричарду придет в голову помучить меня, то я и вправду сломаюсь. Сломаюсь навсегда.

— Я действительно разговаривала с одной из пожилых женщин в Экре, — ровно произнесла я. — Но это ни в коей мере не касается тебя. Это не был деловой разговор.

Ричард продолжал вопросительно смотреть на меня.

— Но вы упоминали мое имя, не так ли? И мне передали, что вы обе злоумышляли против меня. — Голос Ричарда звучал неуверенно, он не доверял никому: ни своей жене, ни своей собственной деревне, ни даже своим шпионам.

Я замерла от страха. Оказывается, у Ричарда есть в деревне друзья? И там есть человек, готовый предать Ральфа? Моя собственная вера в Экр никогда не позволяла мне думать, что там возможно предательство. Но кто-то же, подслушав наш с миссис Мерри разговор, передал его Ричарду.

Джордж.

Новый грум Ричарда, Джордж.

Это наверняка был он. Он недавно появился в нашем графстве, нанятый Ричардом за его лукавую физиономию на место Джема. И так как он не знал никого в Экре, его информация Ричарду была бесполезной.

Я с презрением взглянула на Ричарда. И он понял это так, что, раз я не боюсь его, значит, Джордж солгал.

— Ты собираешь кухонные сплетни и слушаешь всякую ерунду. — Мои слова звучали оскорбленно, и Ричард покраснел до ушей. — Я не говорила ни с кем. Но ты можешь не затруднять себя и не делать выговора своему платному шпиону. Он больше никогда не будет править лошадьми, если я сижу в коляске. Неважно, куда я отправляюсь: в Экр или на обед к епископу. Я не собираюсь оплачивать услуги грязного шпиона. И прошу тебя дать ему расчет, иначе я никогда не сяду в нашу карету. — Подняв голову как королева, я выплыла из комнаты. И только оказавшись в спальне и заперев за собой дверь, я смогла вздохнуть спокойно. Я блефовала. И никто не знал этого лучше, чем я.

Но если я могу победить Ричарда, потому что он боится слухов о возвращении Ральфа, если я могу смотреть на него глазами, полными презрения, когда он ловит меня на лжи, то в таком случае будущее возможно и для меня.

Экр опять улыбался. На лицах людей опять была дерзкая усмешка независимости. И я подумала, что даже я, одна в большом доме, в громадной кровати сквайра, могу перестать бояться.

Я разделась, не сняв, впрочем, мамино ожерелье и серьги, и легла. Простыни были ледяные, и мне казалось, что мамин жемчуг будто бы согревает меня. Последние месяцы беременности, когда мой живот стал такой огромный, я могла спать только на спине. И сейчас я широко раскинулась на кровати и прислушалась к мягкому брыканию ребенка. Иногда я воспринимала его как непрошеного наследника Вайдекра, а иногда обожала его, как плод моего тела, как мое беспомощное создание. Иногда же, как, например, сейчас, когда я так устала, я просто лежала, спокойно глядя в потолок и считая оставшиеся часы.

Сегодня малыш вел себя спокойнее, чем обычно, и я заснула довольно быстро, забыв погасить свечу. И когда Ричард оказался обнаженным в моей кровати, я даже не смогла сразу протестовать от испуга.

Он зажал одной рукой мой рот на случай, если я начну кричать, а другой грубо задрал мою ночную рубашку. По-моему, я укусила его руку, она была соленой и плохо пахла, но я не соображала, что делаю.

Я ничего не могла понять.

Мне было стыдно, что я так растерялась.

Я беспомощно барахталась, но мои движения сильно затруднялись скомканными простынями и тяжестью ребенка. У меня вырвался еле слышный сдавленный стон, и Ричард с улыбкой взглянул в мои расширенные от ужаса глаза. И когда я увидела эту улыбку, то поняла, что именно сегодня ночью Ричард прикончит меня.

Им руководила не похоть. Не любовь и не желание, эти вполне простительные грехи. Ричарда гнали вперед жестокость и власть. Он не мог вытерпеть моей высоко вскинутой головы и презрения в глазах, поэтому, дождавшись, пока я засну, он пришел сюда.

Он задрал подол моей рубашки до самой шеи, и я замерла, когда его рука коснулась ожерелья. Я чувствовала, что он мечтает задушить меня, прямо сейчас, под ним.

Когда я увидела его улыбку, я поняла, что пропала.

Но я была готова к этому. Я дала обещание миссис Тайк, перед всем Эгром я пообещала то же самое миссис Мерри. И я не дам править новому сквайру. Я прикончу линию Лейси. Если Ричард убьет меня сегодня, то настанет конец всему, и самому ему тоже, ибо его повесят за убийство. Я сжала зубы и про себя попрощалась со всем, что любила в жизни: с Джеймсом, Вайдекром, мамой. И приготовилась к смерти.

Ричард был невыносимо тяжелым. Он уже наполовину был на мне, наполовину рядом. Вес нерожденного дитя пригвоздил меня к кровати. Рука Ричарда нечаянно коснулась моего выпуклого живота, и ребенок шевельнулся, будто почувствовав мой страх.

— О, Джулия, — вдруг удивился Ричард. — Я совсем забыл об этом. Это единственное, что спасло тебя сейчас от смерти.

Я перевела дух.

— Я собирался задушить тебя, — мечтательно протянул он. — Мне до смерти надоело видеть твое длинное лицо у себя в доме. Если тебя не станет, я смогу привести сюда другую женщину. Есть другие девушки, на которых я мог бы жениться. Раньше я хотел тебя, поскольку ты владела Вайдекром, теперь он у меня есть, и ты мне больше не нужна.

Свеча мерцала, бросая длинные тени на потолок. Не было ничего более страшного, чем этот человек, лежащий в моей кровати и говоривший мне страшные вещи таким интимным шепотом.

— Когда-то я любил тебя. — Казалось, ему хочется выговориться. — Когда мы были маленькими детьми, прежде чем мы узнали, кто мы такие и что мы должны унаследовать. Думаю, я любил тебя тогда. — Тут он замолчал. Он словно даже тосковал о тех временах. — Тетушку-мату я тоже любил, — его голос внезапно зазвучал октавой выше и превратился в почти детский. И со внезапной дрожью я поняла, что его здесь нет, он стал тем маленьким мальчиком и вернулся в солнечное детство с обожающей его тетей и кузиной, готовой перевернуть мир ради него.

— Я очень сильно любил тетушку-мату. Но ты все испортила. Ты всегда старалась быть первой в Вайдекре, — и его голос стал сердитым, как у избалованного ребенка. — И всегда становилась между мной и тетушкой-матой. Ты всегда вмешивалась в то, что тебя совсем не касалось. И хотя я могу простить тебя, Джулия, если ты очень, очень попросишь меня, но я не могу не сердиться на тебя... Джулия, ты слушаешь меня? — спросил он с внезапным раздражением.

Я послушно кивнула, как ребенок в школе. Его рука крепче зажала мой рот. Я боялась, что меня вырвет от невыносимого запаха конского пота, сигарного дыма, голландского джина. И тем не менее я ощущала запах Ричарда, моего кузена, которого я любила так много лет. Очень много лет.

— Я убил ее, — произнес Ричард наконец то, что, казалось, произнести было невозможно. — Ну, эту твою подружку Клари. Сначала я пытался подружиться с ней. Я даже делал вид, что ухаживаю за ней. Но она просто смеялась мне в лицо. — Его голос дрогнул. — Она сказала, что ты стоишь десятерых таких, как я. — Тут он помолчал. — Думаю, что я рассчитался с ней за это.

Я смотрела на него, не произнося ни слова. Его глаза подернулись странной поволокой.

— Она видела нас. Когда я изнасиловал тебя тогда в беседке. Я поднял глаза и увидел ее. Похоже, что она бежала к нам, хотела помочь тебе. Но, встретив мой взгляд, она повернулась и помчалась назад, к Экру. Наверное, собиралась позвать на помощь. Я поймал ее у самой Фенни, — продолжал он задумчиво. — Я схватил ее за горло, но она оказалась ужасно сильной, почти как ты. Однако страх сломил ее сопротивление. Она захрипела, и у нее вывалился язык и выкатились глаза из орбит. Довольно гадкое зрелище. Мне стало так противно, что я бросил ее в Фенни. Потом я отправился домой, я был уверен, что никто не заподозрит меня. Меня никто никогда ни в чем не подозревал.

Он спокойно сделал паузу.

— Твою мату тоже убил я, — на его лице появилось обиженное выражение. Я видела,

как опустились уголки его рта. — Она все время увивалась вокруг Джона. С ее стороны было отвратительно делать такие вещи. И она сговаривалась с Джоном против меня. Раньше я считал ее прекрасной, самой совершенной леди на свете. Она для меня была все равно что ангел. Но оказалось, что она такая же шлюха, как все вы. Как и ты. Стоило только отцу вернуться домой, она стала бегать за ним, как сучка во время течки. Она совершенно забыла обо мне. И когда он задумал лишить меня наследства, то она согласилась с ним. И они оба решили расстроить нашу свадьбу. — Он немного помолчал, и, когда заговорил снова, его слова звучали рассудительно и взвешенно. — С их стороны это было чертовски плохо. Ты ничего не понимаешь в делах, Джулия, потому что ты всего лишь женщина, но тетушка-мама не должна была так поступать. Я даже удивлен, что такая мысль пришла ей в голову. — Ричард говорил медленно, с каким-то горестным почтением. — Не считая этого, она была исключительная женщина.

Я лежала как камень. Только мое сердце билось как оглашенное, и я знала, что в любую минуту этот звук может напомнить Ричарду о том, что в его власти сейчас находится другая забывшая себя женщина.

— Боюсь, что ей было больно, — заговорил он снова. — Дজেма я застрелил сразу, как ты понимаешь. Затем из другого пистолета я выстрелил через окошко в Джона. Он как раз хотел открыть дверь и броситься на меня. Довольно храбро с его стороны, ничего не скажешь. Он, видимо, пытался защитить тетушку-мату. Выстрел бросил его обратно в карету, прямо к ней на колени. Она закричала. Думаю, что кровь напугала ее. Но она не сделала ничего. — Он на мгновение задумался. — Хотя, с другой стороны, что она могла сделать. Я перезарядил пистолеты, но это не заняло много времени. Потом я подождал.

Его рука по-прежнему зажимала мне рот, но, если бы даже не это, я все равно не смогла бы пошевелиться. Я лежала, окаменев от ужаса и мрачного очарования этой истории.

— Я подождал. Затем слез с лошади и открыл дверцу кареты. Лошади спокойно стояли на обочине дороги и щипали траву, хотя прозвучало два выстрела. Довольно забавно. Свою лошадь я пустил к ним. Ну, они всегда паслись вместе. Я и разрешил им погостить еще раз, хотя все это было смешно: пасущиеся лошади, мертвый Джем на козлах, мертвый Джон в карете, и твоя мама, замершая там же в молчании.

Мне захотелось узнать, что она делает. Только это, ничего больше. Правда, — добавил он убедительно. — Я осторожно открыл дверцу кареты. Джон лежал внутри, и там все было залито кровью, весь пол и даже ее платье. Меня это ужасно рассердило, что она запачкала свое красивое платье его кровью. Знаешь, Джулия, я ужасно разозлился, что она сидит так, держа его голову на коленях, когда я в таком затруднении из-за всех этих трудностей с тобой, ребенком, свадьбой и самое главное — Вайдекром. — Ричард опять замолчал, на его лице блуждала улыбка.

— Она узнала меня сразу. — В его голосе слышалось удовлетворение. — Едва я открыл дверцу кареты, она воскликнула: «О, Ричард! Что ты наделал». А я ей ответил... — улыбка Ричарда превратилась в восторженную, будто он подходил в своем рассказе к самому смешному эпизоду. — Я сказал: «Я убил вас всех, тетушка-мама!» И затем я выстрелил. Я застрелил ее прямо в лицо.

И Ричард громко рассмеялся счастливым смехом избалованного дитя, но внезапно, оборвав его, уставился на меня подозрительным взглядом.

— Ты не смеешься, Джулия! Тебе что, не кажется это забавным? — Он убрал руку с моего рта, и наконец я смогла заговорить. Но мои губы едва шевелились.

— Нет, Ричард. Мне не кажется это смешным.

— Но это действительно смешно, — нетерпеливо возразил он.

И тут внезапно я поняла, что я должна делать. Эта мысль пронзила меня, подобно лезвию ножа.

И я направилась к своей смерти.

— Я не верю тебе, — вкрадчиво заговорила я. — Не думаю, что ты способен на это. Мне кажется, что ты никогда бы не осмелился на такой поступок.

— Нет! Это сделал я сам! — голос Ричарда звучал как у обиженного ребенка.

— Не верю. Это, наверное, был не ты. Ты любишь все делать втайне. Я ведь знаю тебя, Ричард. Я согласна, что это ты задушил Клари. В темном лесу ты мог отважиться на это. Ты мог сломать лапки ястребу. Ты вполне мог в тишине темной конюшни перерезать сухожилия своей лошади. Но ты никогда бы не осмелился остановить карету и застрелить троих человек при свете дня. Ты ведь трус, Ричард. И это всем известно.

Я сознательно доводила его до сумасшествия. Я видела, как его глаза темнеют от гнева и становятся яркими, как сапфиры.

— Это сделал я! — выкрикнул он.

— Докажи это, — искушающе сказала я. — Сожми мне шею и задуши меня. Ты трус, Ричард, и никогда не решишься сделать это.

Он обхватил мою шею, но его пальцы дрожали и хватка была слабой.

— Ты не избранное дитя. И никогда им не был. Все любили меня и маму. А ты был для всех только на втором месте.

— Нет! — опять выкрикнул он.

— Да, — ласково продолжала я. — Как ты думаешь, что лорд Хаверинг думал о тебе, когда ты боялся подойти к лошади? И что думали о тебе в Экре, когда ты не смел даже взглянуть на деревенских ребятишек? И что думал о тебе Ральф? Или дядя Джон? Они презирали тебя. Клари и я, мы тоже презирали тебя! Ты убил Клари, но ты не посмеешь убить меня.

Это подействовало. Его руки сжались в конвульсивной хватке злобы, и я, закрыв глаза, успела помолиться Богу, чтобы это было быстро и не очень больно и чтобы все поняли, что это сделал Ричард, и повесили его за это.

И чтобы земля навсегда освободилась от нас, Лейси.

— Трус, — прохрипела я. — Докажи мне, что ты не трус.

Тут мое тело пронзила боль, ужасная боль именно в том месте, где я носила ребенка. Мое тело содрогнулось, и все было кончено. И я потеряла шанс умереть.

Проклятое отродье Ричарда начало свой путь к жизни. Моя маленькая девочка готова была появиться на свет.

Ричард, тяжело лежа на моем животе, почувствовал эту судорогу и ослабил хватку.

Я продолжала молчать, давая ему возможность довершить начатое. Я думала, что у меня хватит воли на это. Я знала, что ее должно хватить. Но он освободил мою шею и испуганным шепотом спросил:

— Что это? Джулия, это ребенок?

И я, как дура, кивнула и сказала: «Да».

Ричард моментально скатился с моей постели, и я криво усмехнулась про себя его испуганному виду. словно любящий муж, наблюдающий за родами любимой супруги. Но затем мои мысли исчезли, осталась только всеподавляющая боль моего тела. Я не видела и не думала ни о чем, кроме того, что мой ребенок начал свое движение в мир. Затем меня охватило странное чувство облегчения, и простыни подо мной стали влажными и окрасились чем-то похожим на кровь, но гораздо более жидким. По цвету это напоминало вино.

— Фу, — с отвращением произнес Ричард, и его лицо исказилось.

— Одевайся, — свистящим шепотом велела я, едва преодолевая боль. — И пошли за акушеркой.

— Я пришло к тебе Дженни, — на ходу проговорил Ричард, направляясь к двери. Спеша обеспечить мне помощь и спеша поскорее отсюда убраться.

— Не надо, — проговорила я с расчетливой, обдуманной хитростью.

Я знала, что мне надо делать. Думаю, что я знала это еще с того самого дня в Экре, когда пообещала им, что не дам нового сквайра для нашей несчастной земли.

Во Франции убили короля и тем прекратили королевскую династию.

Я намеревалась сделать то же самое.

Я не смогла предотвратить рождение ребенка.

Затем волнами стала накатываться боль. Вошедшая Дженни нашла меня скорчившейся на полу, словно нищий на пороге пивной. Она подняла меня, чтобы переложить на постель, но, увидев грязные простыни, усадила меня у окна и стала перестилать белье. Я сидела, глядя на серебристый в лунном свете лес, где будто бы в такт моей боли раздавалось глухое уханье совы.

В комнате позади меня меж тем усиливалась суматоха, до меня доносилось звяканье медного кувшина, в который наливали горячую воду, шорох перестилаемых простыней, но мне не хотелось оглядываться. В дверях возник Страйд, он принес корзину, полную дров, чтобы можно было топить камин всю ночь. Я по-прежнему чувствовала себя одинокой, на каком-то острове боли, которая становилась такой сильной, что мне казалось, будто неизвестный хищник пожирает мои внутренности.

Я встала и начала ходить по комнате, надеясь позабыть об этой боли, я ходила от камина до ниши окна мимо туалетного столика и потом поворачивала обратно. Когда я проходила мимо Дженни, мне приходилось брать себя в руки, чтобы не ухватиться за нее и не попросить не оставлять меня. Все-таки я оставалась еще беспомощной девушкой, слишком молодой и хрупкой, чтобы дать ребенку жизнь, а ужас, царивший в моем мозгу, и приступы боли разрывали меня на части.

— Я боюсь, — безнадежно вздохнула я.

Дженни с сочувствием посмотрела на меня и отвернулась к камину. Он запылал ярче, и на стенах замелькали желтые отсветы пламени. Боль подступила ко мне снова, и я опять принялась ходить по комнате. Никогда в жизни я не чувствовала себя такой одинокой.

— Милорд послал в Чичестер, — попыталась подбодрить меня Дженни. — Он сейчас в библиотеке. Может быть, позвать его сюда, чтобы вам было легче?

— Я скорее соглашусь оказаться в одной комнате с дьяволом, — зло глянула на нее я, и боль скрутила меня на долгие секунды. Я не могла больше вымолвить ни слова.

— Может быть, позвать миссис Мерри из Экра? — предложила Дженни. — Она такая умная и еще у моей матери принимала роды.

— Нет, — сквозь зубы простонала я и вытерла пот с лица. Миссис Мерри слишком хорошо знала свое дело, чтобы оставить меня наедине с ребенком, в чем я нуждалась. — Нет, — повторила я. — Но ступайте и приготовьте для малыша все, что нужно.

Дженни бросила на меня испуганный взгляд, но кивнула и вылетела из комнаты.

Как только она ушла, боль нахлынула с новой силой, и я едва успела вцепиться в спинку кровати, чтобы не упасть. Но следующая волна боли швырнула меня на пол, лицом в ковер, и я из последних сил перекатилась на спину и увидела, как мой живот стал почему-то торчком, и тут начались потуги.

Я схватилась за ножку кровати и стала тужиться как могла сильнее. И я почувствовала, как, словно таинственная пещера, открывается отверстие у меня между ногами, и меня захлестнуло чувство такое сильное, как похоть. Я сидела на полу и тужилась изо всех сил.

И тут его головка выскользнула из меня.

Одна в комнате, в полутьме, в то время как прислуга в суматохе где-то бегала, но никто из них не догадался прийти ко мне, я потянула за эту головку, и вдруг со страшным толчком — мне он показался ударом грома — мой ребенок выскочил на свет, и упал прямо на ковер. Я тут же подхватила его на руки.

Взяв уголок моей ночной рубашки, я вытерла ему глазки, щеки и ротик. Ребенок сморщился, открыл ротик и издал слабый, еле слышный крик протеста, затем слегка закашлялся и задышал.

Он был живой.

Она была жива.

Я раздвинула крошечные ножки, и увидела розовую, чуть припухшую промежность и поняла, что мое желание сбылось и у меня родилась девочка. Тогда я наклонилась, погладила маленькую стопу, пальчики на которой казались горошинками, и обхватила двумя пальцами щиколотку.

— Сара, — тихо произнесла я, и она открыла глазки и посмотрела прямо мне в лицо.

Это был мой ребенок. Я всем сердцем чувствовала, что она принадлежит мне, так же как я чувствовала своей собственностью вайдекрскую землю. И она не родилась ни больной, ни сумасшедшей, ни злой. Она была всего лишь крошечным младенцем, которому не нужно ничего, кроме возможности вырасти и быть счастливым. И она имела своего рода право на это, так же как любое родившееся на свет Божий дитя.

Я попыталась встать на ноги, и когда я чуть приподнялась, то почувствовала, как что-то мягкое выпало из меня и упало на пол. Я замерла испуганная, но, увидев тонкий пурпурный пульсирующий шнур, тянущийся к ребенку, все поняла. Глупая женщина я была, что забыла о существовании детского места и о том, что необходимо с ним сделать.

Я наклонила голову вниз, вспомнив при этом, как поступают овцы, и перекусила этот шнур. Затем взяла чистый носовой платок и перевязала этот шнур около самого животика ребенка. Потом я встала, вынула из шкафа свою шаль и завернула младенца, отчего он сразу стал похож на свернутого цыпленка. Сверху я накинула на нее еще одну шаль, поскольку нам нужно было выйти в темную морозную ночь, и я хорошо слышала, как завывал там ветер.

Положив девчурку на сгиб руки, я вынула из шкафа свою зимнюю накидку из теплой шерсти и надела ее, прикрыв и малышку. Я оставалась в той же запачканной кровью ночной рубашке, и она хлопала по моим лодыжкам, но я не обращала на это внимания. Я была босая, но это не имело никакого значения.

Ребенок, согретый моим теплом, притих и, кажется, заснул. Я прижала его покрепче и тихонько открыла дверь.

Страйд и Дженни были на кухне, до меня донеслось громыханье кастрюль, в которых грелась вода. Шаги миссис Гау раздавались этажом выше, там она разыскала и срочно приводила в порядок старую семейную колыбельку. Я подняла голову, прислушиваясь, но не услышала Ричарда.

Потом я пожала плечами, как будто это не имело никакого значения и мне никто не смог бы помешать, и, прижимая к себе драгоценный сверток, стала бесшумно, как привидение, спускаться по лестнице.

Внизу я услышала звук, доносившийся из библиотеки. Это было звяканье графина о стакан, и я поняла, что Ричард сидит там, пьет и ожидает новостей. Ждет акушера из Чичестера. Ждет, когда тот спустится по лестнице с новым наследником Вайдекра на руках и скажет: «Сквайр, примите ваше дитя». И будет перевернута последняя страница этого счастливого романа.

Но этого не случится никогда.

Я знала, какую цену мне придется заплатить. Я поняла это, когда была готова умереть в своей собственной постели от руки убийцы. Я была готова к этому и сейчас, когда прижимала к себе драгоценную ношу. Я должна расплатиться за то, что я Лейси. И ценой за это будет моя девочка.

Ричард никогда не увидит свое дитя.

Вайдекр никогда не получит наследника. Тихо, как тень, я спустилась по лестнице, и мой путь отмечали капли крови, падавшие так же бесшумно на покрытый толстым ковром пол. Я кралась, как раненый зверь.

Эти следы могли повести за мной Ричарда, чужавшего кровь подобно собаке. Я слышала, как яростно снаружи завывал ветер, как шумели верхушки деревьев. Скоро на землю обрушится ливень и смоеет все следы. Да и Фенни должна стоять высоко. Когда же начинается половодье, в Фенни можно спрятать все, что угодно. Ричарду известно это лучше, чем кому-либо из людей. Он не забыл, как несколько месяцев назад утопил в этой реке тело молодой женщины.

Задвижка на передней двери шелкнула, но шум снаружи заглушал все звуки. Холодный воздух дунул в холл, но дверь в библиотеку была плотно закрыта, и Ричард не услышал, что его дом стоит открытым. Он не знал, что его дом открыт и ветру, и людям. И что ребенок,

которого он так жадно ждал, исчез и никогда больше не вернется сюда.

Я сделала шаг вперед, и ветер с дождем кинулись на меня, как на заклятого врага.

Целый каскад воды, тяжелой, как град, обрушился на меня, и по моему лицу покатались капли, похожие на слезы. Я встряхнула головой, как собака, выходящая из воды, и крепче прижала ребенка к себе.

Ноги сводило от холода, когда я спешила по дорожкам сада к воротам. Я сделала глупость, отправившись босиком, но я не подумала об этом. Я не подумала ни о чем. Я знала одно: я должна дойти до Фенни и сделать то, что задумала, и никакая крапива, холод или град не смогут остановить меня.

От боли я кусала губы, скользя по камням и падая в лужи. Мои накидка и ночная рубашка стали насквозь мокрыми, единственное, что оставалось сухим, — это сверток с малышкой. Я слышала ее тихое, уютное посапывание, и у меня мелькнула мысль обратиться к ней и сказать: «Это — Вайдекр, он принадлежит тебе. А ты, моя маленькая, — Лейси». Но слова не шли у меня с языка. Этот ребенок, моя дочь, уйдет из этого мира так же, как она в него пришла, — не владея ничем.

Как только я достигла гущи деревьев, дождь перестал бить меня в лицо, и я смогла перевести дыхание. Ноги перестали болеть, поскольку онемели от холода. Взглянув на них, я увидела, что они кажутся черными в лунном свете, сначала я решила, что это грязь, но потом поняла, что они все покрыты кровью от многочисленных порезов и ран. Роды и потеря крови вызвали у меня какую-то эйфорию, и, вместо того чтобы плестись к Фенни медленно-медленно, я готова была кружиться и танцевать здесь под деревьями. В голове наконец зазвучала старая колдовская мелодия Вайдекра, и я поняла, что делаю то, что должна была сделать, и что меня ведет мелодия самой земли.

Я споткнулась о корень огромного дуба и, подняв голову, увидела перед собой Фенни. Я мало выходила последнее время и не знала, насколько обильными были дожди и как высоко стоит вода в русле. Река неслась с пугающей стремительностью, она кипела подобно смертельному водовороту и по уровню уже сравнялась с берегами. В любой момент она была готова выйти из берегов и разлиться по равнине Вайдекра, заливая все на своем пути. Дерево, рядом с которым я стояла, казалось, дрожало от страха при виде разбушевавшегося потока, и я невольно успокаивающе положила руку на его ствол.

Река ревела подобно разъяренному животному, и мне показалось, что это совсем не тот ручеек, около которого я играла в детстве. Я едва осмеливалась подойти ближе, боясь, что вода в ту же минуту поднимется и захлестнет меня. Никто, и менее всего беспомощное дитя, не смог бы бороться с этим разъяренным потоком и остаться при этом в живых.

Я посмотрела выше по течению, туда, где всегда лежало поваленное бревно, служившее нам уже много лет мостиком, и, не увидев ничего, подумала, что его, наверное, снесло водой. Переведя взгляд назад, я увидела, что река, подмыв наиболее низкое место на берегу, затопила его и уже катилась по равнине, ударяясь волнами о стволы деревьев. Сквозь рев волн и треск ломаемых ветвей я услышала собственное подавленное рыдание, вызванное страхом.

Но я знала, зачем я пришла сюда.

И ничто, ничто не сможет остановить меня.

Я знала, что я должна сделать: сделать себя и Вайдекр свободными, прервать линию Лейси и погубить Ричарда.

Я вышла из-под спасительной защиты дуба и сделала шаг к реке. Тут же я почувствовала, как дрогнула земля под ногами, и на моих глазах огромная глыба отвалилась от берега и упала в воду. Я пошатнулась и схватилась за ствол дерева.

Сунув руку под плащ, я проверила, как там ребенок. Сара тихонько вздохнула, когда я приподняла ее чуть выше, и, открыв глаза, посмотрела прямо на меня. Я поднесла ее к лицу, на минуту вдохнула ее теплый запах и стала медленно и бережно, словно кладя в колыбельку, опускать ее к воде.

Грохот реки был таким сильным, что я ничего не слышала, но, на минутку подняв

голову, чтобы убрать с глаз Волосы, я увидела женщину, которая тихо, как призрак, вышла из-за деревьев на противоположном берегу.

Я замерла. Сара была уже не более чем в нескольких дюймах от поверхности воды, ее глазки смотрели мне прямо в лицо, а рот был широко распахнут, словно в крике, но я не слышала ничего, кроме грохота, грохота, ужасающего грохота взбесившейся реки.

Женщина спустилась к самой кромке воды на том берегу и направилась ко мне. Я смотрела на нее, ничего не понимая, мне показалось, что она движется прямо по поверхности воды. Но когда я выпрямилась, то увидела, что она идет по стволу поваленного дерева, над которым уже гуляли волны.

Дойдя до середины, она посмотрела на меня и повернула обратно. И, сама не зная почему, я взяла Сару покрепче под мышку и пошла за ней. Подойдя к бревну, я прижала к себе ребенка, осторожно ступила на раскачивающееся скользкое дерево и по лодыжку в воде стала перебираться на другой берег, цепляясь за ветви деревьев, нависающие над Фенни.

Женщина ждала меня там и, увидев, что я уже достигла берега, уверенно заскользила между деревьями, удаляясь прочь. Она шла так быстро, будто бы знала лес лучше меня самой. Или будто она и вправду была привидением и ей не были страшны ни бушующая река, ни мрачный лес.

Я словно во сне пошла за ней. Буря шумела над нашими головами, но здесь, под кронами деревьев, было тихо. В отдалении замер шум реки, сосны и канадские ели заслонили его от меня. Я спешила вперед, спотыкаясь на каждом шагу, но женщина ни разу не споткнулась и не упала. Она легко ступала по земле, словно не касаясь ее.

Теперь мы шли в направлении общинной земли, и я на минутку обрадовалась, подумав, что незнакомка приведет меня к Ральфу и что он вернулся в Вайдекр не для мести, а для того, чтобы спасти меня.

Из леса мы вышли у низких ворот, и она легко открыла их и выскользнула наружу. В это мгновение лунный свет упал на нее, и я увидела ее лицо.

Оно было прекрасно. Передо мной стояла молодая женщина с рыжевато-каштановыми волосами и яркими зелеными, чуть раскосыми глазами. Кого-то она напоминала мне, но я не могла вспомнить кого. Я не отводила от нее взгляда, пытаюсь восстановить в памяти сходство.

Тут она улыбнулась мне знакомой, чуть виноватой улыбкой, и у меня вырвался легкий вздох удивления. Она была похожа на меня саму, и эта улыбка была знаменитой улыбкой Лейси. Это была Беатрис.

Я протянула руку, чтобы остановить ее, но она увернулась и поспешила вперед, будто бы ясно видела перед собой тропинку. Я следовала за ней, такая же ведьма, как и она, или такое же, как она, привидение. Я даже не удивилась тому, что, когда мы стали взбираться на крутой склон холма, тень не скользила за ней по серебристому песку.

Мне приходилось внимательно смотреть под ноги, потому что идти по мокрой земле было чрезвычайно трудно, и я боялась уронить Сару. Кроме того, я почувствовала, что у меня начинается более сильное кровотечение. Теплый поток струился у меня по ногам, предупреждая о том, что силы мои на исходе. А я еще не сделала того, что должна была сделать этой ночью. Не сделала того, зачем пришла к реке.

Достигнув вершины холма, я подняла глаза и увидела, что впереди меня никого нет. Легкая фигура в белом исчезла, не сияла мне больше в темноте улыбка. Беатрис ушла так же неожиданно, как и пришла. Я следовала за причудливым огоньком Святого Эльфа и теперь оказалась за две мили от реки, а Сара еще жива и все еще в Вайдекре.

У меня вырвался вздох отчаяния, и я повернула назад, чтобы вернуться к Фенни и утопить Сару, а потом утопиться самой, как вдруг случайное движение приковало мой взгляд. Невдалеке кругом стояли цыганские фургоны, с уже уложенными вещами, готовые отправиться в путь. Я была всего в нескольких ярдах от них с ребенком на руках и ниткой розового жемчуга на шее.

Скользя и спотыкаясь, поспешила я к ним как во сне и через несколько мгновений

достигла переднего фургона. Мужчина стоял около лошади, затягивая подпругу. На месте кучера сидела женщина.

Она была совсем молодой, приблизительно моего возраста, с косынкой на волосах и накидкой на плечах от дождя. В фургоне позади нее была свалена всякая домашняя утварь, прикрытая ковриком. Женщина кормила грудью ребенка.

Я взобралась на подножку фургона, и она без всякого удивления взглянула на меня. Откинув плащ, я подала ей Сару, которая от моего неловкого движения проснулась и разразилась обиженным плачем.

Женщина потянулась ко мне и забрала ребенка так, будто бы ожидала меня. Оглянувшись вокруг, я увидела ряд фургонов, люди в которых тоже смотрели на меня и тоже без всякого удивления, будто заранее знали, что я приду. Будто они собрали и уложили свои пожитки и ожидали под дождем моего прихода.

Я поднесла руки к горлу и медленно отстегнула мамино ожерелье. Женщина молча взяла его и спрятала в складках одежды. И, будто бы я таким образом купила право на жизнь для своего ребенка, она вынула вторую грудь и поднесла к ней Сару. И ножки наследницы Вайдекра и маленькой цыганочки стали двигаться в унисон сосанию.

Я сделала шаг назад. Все было как во сне. Я не произнесла за это время ни одного слова. Но никто и не нуждался в словах.

Мужчина затянул наконец подпругу и бросил взгляд на женщину. В ответ на ее кивок он тронул поводья и зашагал вперед, лошадь наклонила от тяжести голову и двинулась по глубокому песку медленным-медленным шагом. На боковой стороне фургона, когда он проехал мимо меня, я увидела какой-то странный рисунок, в темноте я не могла разобрать цветов, и мне показалось, что на нем нарисованы тучи, скользившие по бесконечному небу.

Другие фургоны двинулись еще раньше, и теперь они друг за другом растворялись в темноте. Почти все они были нагружены корзинами с деревянными цветами, крючками и домашней утварью, громким стуком сопровождавшими их движение. Вереница из шести фургонов удалялась, и я только теперь поняла, что я сделала.

Женщина помахала на прощанье рукой, и я шагнула вперед. В темноте виднелся только фонарь на задке фургона, и он, раскачиваясь, постепенно удалялся, увозя моего ребенка с совершенно незнакомыми людьми.

Я сделала несколько неверных торопливых шагов вслед за фургоном, но моя голова закружилась, и звезды на небе внезапно принялись мигать и покатались вниз, падая на землю между моей дочерью и мной. Я знала, что это не сон, я сделала это на самом деле. Я отдала свое дитя и больше не увижу его никогда в жизни.

«Ее имя Сара!» — крикнула я вслед фургону слабым голосом и снова попыталась побежать, но мои колени подогнулись, и я упала на песок. Но, пытаясь набрать побольше воздуха и громко плача, я снова и снова кричала ему вслед: «Ее зовут Сара!» Я кричала изо всех сил, но цыганские фургоны быстро удалялись прочь. «Сара Лейси из Вайдекра!»

Не знаю, как долго я оставалась там. Я провожала глазами удаляющийся фургон, пока они не стали слезиться и я не перестала видеть окружающий мир. Я стояла на коленях на мокром песке, затем упала и снова разрыдалась.

Когда я приподняла голову, то увидела, что стало светлее. Ночь минула. Я была свободна.

Ричард никогда больше не схватит меня мертвой хваткой за горло. Я победила свой страх перед ним. Он сумасшедший, хитрый — очаровательный сумасшедший. И он, несомненно, убил бы меня прошлой ночью, если бы не наступило время родов.

Я выполнила свой долг перед Вайдекром, я отослала моего ребенка прочь. Сейчас я должна вернуться домой и выполнить еще одну задачу. Мне необходимо встретиться с дедушкой и рассказать ему, что Ричард застрелил Джема, и дядю Джона, и маму. Я покажу ему свидетельство о нашей свадьбе в качестве мотива для убийства и как доказательство предъявлю мамины серьги. Его увезут в Чичестер и повесят. После этого я велю снести

стены нового Холла, и поселюсь в одном из коттеджей в деревне, и буду жить там до конца моих дней в одиночестве, трауре и скорбных воспоминаниях.

Я была сквайром, последним сквайром на этой земле. И мой последний долг — избавить ее от Ричарда.

Я тяжело поднялась на ноги. В первую минуту я испугалась, что не смогу сделать ни одного шагу, так кружилась голова, но я знала, что мне необходимо добраться до дому. Меня никто не станет искать так далеко, и я могу умереть прежде, чем меня найдут, от потери крови и от холода.

Тогда я стиснула зубы и повернулась лицом к дому. Я с трудом переставляла ноги, покрытые засохшей кровью и грязью, и считала шаги. Сначала я сделала сотню шагов, потом еще одну. Это был единственный способ добраться до Дауэр-Хауса, который я могла придумать, и поэтому я продолжала считать шаги, как маленький ребенок. Я опять очутилась в темном лесу Вайдекра, потом подошла к берегу реки, потом стала переходить через мост, и тут моя тяжелая и намокшая накидка чуть не утянула меня вниз, и я испугалась, что утону, не сделав всего, что задумала. И, снова считая, считая, считая, шагала я домой, где кто-нибудь — обязательно кто-нибудь там будет — поможет мне лечь в постель. Мне так тяжело давалась эта дорога, по которой я когда-то так легко бегала с моим любимым кузеном.

Когда я приду домой и немного отдохну, я расскажу Ричарду, что погубила его дитя и теперь погублю его самого.

Когда я вышла из леса, наступал рассвет, небо становилось голубым, хотя тучи на горизонте казались вдруг совсем черными. Ветер завывал в верхушках деревьев. Но за этим шумом я слышала гул многих голосов в лесу.

«Наверное, они вышли искать меня, — подумала я. — Хорошо бы Ричарда не было дома, когда я вернусь, тогда я смогу незаметно пробраться к себе и немного отдохнуть. Мне так нужно хоть немного набраться сил, прежде чем я увижу его и скажу ему все. Я знала, что пока недостаточно сильна для этого.

Парадная дверь была открыта, и дом казался пустым. Было так, как я и хотела: все ушли в лес искать меня, и я спокойно взберусь по лестнице и прилягу хоть на одну минуту. На одну минуту перед тем, как увижу Ричарда.

Но я все-таки была Лейси, а не глупым дитя, и подумала, что мне следует оставить на двери записку, чтобы люди, которые под дождем ищут меня, поняли, что я здесь, и не искали меня целый день, пока я отдыхаю в кровати. И я пошла в библиотеку за бумагой и ручкой.

Ричард сидел там в своем любимом кресле. Его лицо было похоже на череп, зубы оскалены в жуткой усмешке страха, глаза сверкали. Он смотрел на меня как на нежданного спасителя, как на единственного человека в мире, способного избавить его от неминуемой смерти.

Позади кресла стоял Ральф, одной рукой он держал Ричарда за волосы, а в другой сжимал длинный острый кинжал, приставив его к горлу моего мужа.

Они оба смотрели на открывающуюся дверь. Они слышали, как я вошла и медленно, из последних сил, прошла через холл. Одним взглядом я охватила страшную сцену и поспешно закрыла за собой дверь, чтобы никто больше не увидел ее.

Лицо Ричарда светилось немой мольбой.

— Джулия! — позвал он тихо, и я услышала былые нотки в его голосе. — Джулия!

Я смотрела на него. На брата, которого я любила всю жизнь и знала, что никогда не излечусь от этой любви. Брата, родного брата, мою кровь и плоть.

Я подняла голову и встретила темный, немигающий взгляд Ральфа.

Он ожидал моего решения.

— Убей его, — произнесла я.

И взмах кинжала Ральфа был быстр, как топор мясника.

Дауэр Хаус,

*Вайдекр,
Суссекс.*

Дорогой мистер Фортескью!

Я знаю, Вы простите меня за то, что я пишу Вам после всего, что произошло между нами, и несмотря на свою большую вину, простить которую нельзя. Но я осмеливаюсь писать Вам, потому что любила Вас тогда, в Бате, и с тех пор никогда не переставала любить.

Меня взяли силой и принудили стать женой и матерью. Сейчас я вдова и лежу в тяжелой послеродовой горячке, от которой, как говорят врачи, мне не выздороветь.

Это звучит, наверное, так храбро. Но, Джеймс, я совсем не храбрая. Меня переполняет гнев и сожаление, что потеряно так много, а получено так мало. Я обрела только одно. У меня родилась дочь, но в бреду и горячке я отдала ее цыганам, думая спасти ее от владения моим несчастным наследством. И я обращаюсь к Вам с просьбой: найдите ее, пожалуйста, и верните домой. Я взяла на себя смелость назначить Вас ее опекуном до тех пор, пока она не станет совершеннолетней.

Вы найдете ее в одном из цыганских таборов, путешествующих по югу страны и всегда зимующих в Вайдекре. Я завещаю вырастить ее так, чтобы она помнила свою ответственность на земле и выполнила мой долг перед людьми, живущими здесь. К сожалению, жизнь не даст мне времени изменить майорат в пользу Экра, но я надеюсь, что это сделает моя дочь. Что она, моя детка, отдаст эту землю навсегда в руки людей, работающих на ней. Пожалуйста, непременно скажите ей, что это было моим последним и самым большим желанием.

Сожалею, что вынуждена взвалить на Вас такую ответственность, но я поручаю Вам два наиболее дорогих моему сердцу создания: мою дочь и мою землю.

Я надеюсь, что Вы еще будете счастливы в жизни и обретете любимую женщину, на которой сможете жениться. Надеюсь, она будет любить Вас так же, как любила я.

До свидания, мой любимый.

Джулия Лейси.

P.S. Ее зовут Сара. Сара Лейси.